

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD UNIVERSITY

LIBRARY
OF THE

PEABODY MUSEUM OF AMERICAN
ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY

IN EXCHANGE WITH

Gos. Russkoe geograficheskoe
obshchestvo.

Received

April 21, 1933.

71

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XII.

СКАЗКИ И ПРЕДАНІЯ САМАРСКАГО КРАЯ

~~~~~  
СОВРАНЫ И ЗАПИСАНЫ

Д. Н. Садовниковымъ.

~~~~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1884.

26559

A.D. 2. Soc. 100.54.2.14.1
Exchange gift
from the
Ros. Russkoe Geograficheskoe
obshchestvo
Rec. April 26, 1933

Печатано по распоряженію Императорскаго Географическаго
Общества.

34-103
25

ХІІ-й томъ Записокъ Имп. Р. Г. Общества по Отдѣленію Этнографіи
изданъ подъ редакціей д. чл. Л. Н. Майкова.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помѣщенный въ XII-мъ томѣ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества сборникъ сказокъ и преданій Самарскаго края составленъ Дм. Н. Садовниковымъ, уже извѣстнымъ въ нашей этнографической литературѣ изданнымъ имъ въ 1876 году большимъ собраніемъ русскихъ народныхъ загадокъ. Къ глубокому нашему сожалѣнію, даровитому собирателю не суждено было дожить до выхода въ свѣтъ его замѣчательнаго труда: 19-го декабря 1883 года Дмитрій Николаевичъ скончался отъ тяжелой болѣзни въ Петербургѣ.

По причинѣ кончины собирателя трудъ его является въ свѣтъ не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предполагалъ его издать; а именно—тексту сказокъ не предпослано введенія, въ которомъ Дмитрій Николаевичъ намѣревался изложить свѣдѣнія о сказочникахъ, сообщившихъ ему сказки, а въ концѣ сборника не приложено указателя эпическихъ мотивовъ, который имѣлъ въ виду составить покойный, и въ который онъ намѣревался внести указаніе параллелей между текстами настоящаго сборника и другихъ собраній русскихъ народныхъ сказокъ.

Хотя сборникъ озаглавленъ «Сказки и преданія Самарскаго края», однако огромное большинство помѣщенныхъ въ немъ разказовъ по содержанію своему не имѣетъ мѣстнаго характера; такимъ образомъ заглавіе указываетъ только на ту область въ предѣлахъ которой записаны эти сказки и преданія. Кроме

того должно замѣтить, что подъ названіемъ Самарскаго края собиратель разумѣлъ здѣсь не одну Самарскую губернію, но и лежащую противъ нея на правомъ берегу Волги Симбирскую.

Всѣхъ разказовъ помѣщено въ сборникѣ 183, но таеъ какъ многіе изъ нихъ относятся къ одному предмету, то они были сгруппированы по содержанію и подведены подъ общія заглавія: вслѣдствіе того число заглавій не превышаетъ 124. Лицомъ, отъ котораго Дм. Н. Садовниковъ записалъ наибольшее число разказовъ—72 ¹⁾, притомъ самаго разнообразнаго содержанія, былъ Абрамъ Новопольцевъ, крестьянинъ с. Помряськина, Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи; объ этомъ замѣчательномъ сказочникѣ покойный собиратель имѣлъ намѣреніе сообщить обстоятельныя свѣдѣнія во введеніи къ своему сборнику; утрата этихъ сообщеній тѣмъ прискорбнѣе, что въ нашей этнографической литературѣ до сихъ поръ вовсе нѣтъ свѣдѣній о сказочникахъ, между тѣмъ какъ имѣются нѣкоторые замѣтки о сказителяхъ былинъ, пѣвцахъ духовныхъ стиховъ и причитальщицахъ. Затѣмъ 11 разказовъ записано было Дм. Н. Садовниковымъ отъ симбирскаго мѣщанина Петра Степановича Полуехтова ²⁾; 6—отъ А. В. Чегодаева въ Симбирскѣ ³⁾; 5—отъ Василя Авдѣева въ с. Новиковкѣ, Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи ⁴⁾; 4—отъ симбирской мѣщанки Елены Степановны Смирновой ⁵⁾; 3—отъ Г. Н. Потанина въ Симбирскѣ ⁶⁾; 3—отъ дворника Алексѣя тамъ же ⁷⁾; 2—отъ воротника Алексѣя съ Озерки, Ставропольскаго уѣзда Са-

¹⁾ № 1, 4—6, 8, 11, 12, 15—21, 23, 25—27, 29, 30, 33, 35, 37, 38, 40—44, 46, 48—57, 59—67, 68 г, 72 г, 79, 81, 84—87, 89, 91, 95, 97, 99 г, 100, 101, 103, 105, 107, 108 а, б, в, ж, 114 б

²⁾ № 3, 47, 80, 82, 108 е, 110 г, 111 з, 116 а, б, 117, 119.

³⁾ № 71 а, б, в, 76 б, 110 д, 112 в.

⁴⁾ № 28, 88, 98, 99 в, 102.

⁵⁾ № 2, 9, 32, 99 а.

⁶⁾ № 68 д, 72 а, 112 а. Симбирскій житель Г. Н. Потанинъ—однофамилецъ нашему извѣстному путешественнику, авторъ романа «Старое старится, молодое растетъ» (Современникъ 1861 года) и нѣсколькихъ другихъ беллетристическихъ произведеній.

⁷⁾ № 10, 14, 24.

марской губерніи ⁸⁾); 2—отъ Исаѣ Дементьева Иванова въ упомянутомъ выше с. Новиковѣ ⁹⁾); 1—отъ Максима Кузьмина тамъ же ¹⁰⁾). Кромѣ того, 14 разказовъ сообщены были Дмитрію Николаевичу симбирскимъ мѣщаниномъ Михаиломъ Ивановичемъ Извоицкимъ, записавшимъ ихъ частью отъ своей матери, частью отъ другихъ лицъ ¹¹⁾), и 1—П. П. Розановымъ въ Симбирскѣ ¹²⁾). Наконецъ, въ сборникъ внесено 59 разказовъ безъ указанія на лица, отъ которыхъ они слышаны; но при 42 изъ этихъ разказовъ все-таки отмѣчено мѣсто ихъ записанія ¹³⁾). Не подлежитъ впрочемъ сомнѣнію, что и 17 разказовъ, вовсе лишенныхъ помѣты, записаны въ предѣлахъ Самарскаго края.

При записываніи сказокъ и преданій народныхъ покойный собиратель имѣлъ въ виду преимущественно литературныя цѣли. Грамматическія отличія мѣстнаго говора не соблюдались имъ въ полной точности; за то для областного словаря сообщенные имъ тексты представляютъ богатый и любопытный матеріалъ. Но болѣе всего—мы не сомнѣваемся—оцѣнить трудъ Дм. Н. Садовникова изслѣдователя народнаго творчества, и пожалѣютъ вмѣстѣ съ нами о преждевременной кончинѣ этого полезнаго и даровитаго дѣятеля по русской этнографіи.

Л. Майковъ.

---

⁸⁾ № 13, 31.

⁹⁾ № 99 д, 113.

¹⁰⁾ № 99 б.

¹¹⁾ № 68 з, 69 г, 70, 72 д, е, 92, 108 з, 109, 111 ж, 112 в, д, м, н, 124.

¹²⁾ № 96.

¹³⁾ Изъ числа этихъ разказовъ записаны въ Симбирскѣ №№ 34, 39, 45, 58, 68 а, б, е, ж, 69 а, б, в, 72 в, 74 в, 75, 77, 78, 83, 90, 93, 94, 104, 108 г, д, 110 е, ж, 111 в, г, е, ж, з, 112 і, 118, 120—123; въ с. Новиковѣ №№ 7, 36, 110 б, 111 а, б; въ с. Старомъ Урайкинѣ (Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи) № 115. Всего безъ помѣты №№ 22, 68 в, 72 б, 74 а, б, 76 а, 106, 110 а, в, 112 б, г—н, 114 а.

СКАЗКИ И ПРЕДАНІЯ
САМАРСКАГО КРАЯ.

ОБРАНЫ И ЗАПИСАНЫ

Д. Н. Садовниковымъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы
1. Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница	1— 18
2. Иванъ Туртыгинъ	18— 22
3. Борза Ярыжка	22— 27
4. Иванъ царевичъ и Марья Краса, черная коса	28— 41
5. Купецкій сынъ и царева дочь	41— 50
6. Ума много, а денегъ нѣтъ	50— 52
7. Торбочка-самобранка	52— 55
8. Про Илью Муромца	56— 57
9. Пустой барабанъ	57— 61
10. Казакъ и принцъ	61— 66
11. Волкъ Мѣдный Лобъ	67— 72
12. Трехъ-сынъ	73— 77
13. Козья Шкура	77— 80
14. Окаменѣлое царство	80— 82
15. Ома богатый	82— 84
16. Иванъ Агичъ и Василиса Васильевна	4— 88
17. Спящая дѣвица	88— 93
18. Оклеветанная жена	93—100
19. Царская собака	100—103
20. Дѣвушка Снѣгурочка	103—104
21. Чудесная дудка	105—108
22. Уточка Золотой хохолокъ	108—110
23. Оборотень	110—112
24. Тига-мельникъ	112—116

	Страницы.
25. Мороза	116—119
26. Шурыша	119—126
27. Ванюшка дурачекъ	126—132
28. Братецъ Пѣганушка	133—134
29. Волкъ и стариковы дочери	134—136
30. Конь, сумка и дубиночка	136—139
31. Кузька воръ	139—143
32. Путъ Максимка	143—147
33. Мизинчикъ	147—149
34. Медвѣжій сынъ	150
35. Чортъ Гришка	150—152
36. Вавило и Арина	152—154
37. Еловы шишки	154—156
38. Кобель и жена	156—158
39. Баринъ-кузнецъ	158—159
40. Спинка и брюшко	159—160
41. Баринъ и мужикъ	160—161
42. Мужикъ и попъ	162—163
43. Попъ и дьяконъ	163—164
44. Про Вятчанъ	164—166
45. Мордвинъ и заяцъ	166—167
46. О Нѣмцѣ	167—168
47. Дошлый баринъ	168
48. Баринъ, пѣтухъ и жорновы	169—170
49. Пѣтухъ и бобокъ	170—171
50. Курочка Татарушка	171—172
51. Быкъ, баранъ, гусь, пѣтухъ и волкъ	173—174
52. Лиса и Кутафей Иванычъ	174—176
53. Лиса и соловей	176—178
54. Лиса и журавль	178—179
55. Коза Тарата	179—183
56. Байка про тетерева	183
57. Блоха и муха	184
58. Левъ, щука и человѣкъ	184—185
59. Зло зломъ платится	185—187
60. Конекъ горбушокъ	187—197

	Страницы.
61. Про Кота Безсмертнаго и Марью Еридьевну	197—202
62. Про царскихъ мастеровъ	202—206
63. Про царя и про кузнеца	206—211
64. Учитель и ученикъ	212—218
65. Ванюшка и Аннушка	218—222
66. Подмѣненная невѣста	222—225
67. Про нужду	225—226
68. Про лѣшнихъ и водяныхъ: а	226—227
б.	227
в.	227
г.	227
д.	227—228
е.	228
ж.	228
з.	229—230
69. Про бани: а	230
б.	230
в.	230—231
г.	231—232
70. Про кабачную кикимору	233—236
71. Про змѣевъ	236—237
72. О мертвецахъ: а	237
б.	237—238
в.	238
г.	238—241
д.	241—243
е.	243—244
73. О вѣдьмѣ	244
74. Про пчеляковъ: а	245
б.	245
в.	245—246
75. Про Ивановъ цѣлѣ	246
76. Про деревни: а.	246—247
б.	247
77. Про самоубійцу	247
78. О фармазонскихъ деньгахъ	248

	Страницы.
79. Мужикъ и чортъ	248—249
80. Солдатъ и чортъ	249
81. Кузнецъ и чортъ	249—250
82. Чортъ и возель	251
83. Какъ чортъ ангеломъ сталъ	251
84. Ангель	251—253
85. Богатый и бѣдный братъ	253—256
86. Марко Богатый	256—262
87. Работникъ	262—266
88. Кузнецъ и Миколай угодникъ	266—268
89. Миколай угодникъ и охотники	268—269
90. Перегорѣлая заря	269—270
91. Илья Пророкъ и Миколай угодникъ	270—272
92. Микола Милостивый	272—282
93. Илья пророкъ и стрѣлецъ	282
94. Про Егорія Храбраго	283
95. Какъ купцовъ сынъ у Господа въ гостяхъ былъ	283—287
96. О праведномъ судѣ	287—288
97. Пустынникъ и дьяволъ	288—289
98. Вавило-скоморохъ	289—291
99. Разбойникъ: а.	292—295
б.	295—297
в.	297—299
г.	299—300
д.	300—301
100. Разбойничья голова	301—302
101. Купецъ и Жидовинъ	302—304
102. Злая сноха	304—307
103. Старикъ и царская дочь.	308—309
104. Правда на морѣ не тонетъ	309—312
105. Дорогой подождождъ	312—313
106. Дѣвка и разбойники	314—317
107. Разбойница	317—319
108. Про постоянные дворы: а.	319—320
б.	320—321
в.	321

	Страницы.
г.	321—322
д.	322
е.	322
ж.	322—323
з.	323—325
109. О Худоярѣ	325—328
110. Про Стеньку Разина: а	328—346
б.	346
в.	346—347
г.	347
д.	347
е.	347
ж.	348
111. Про разбойниковъ: а. Ахметъ.	348—350
б. Быковъ	350—351
в. Суворовъ	352
г. Алексѣй Ехмачинскій	352
е. Шарюкъ.	353—355
ж.	355
з.	355—356
ж*	356—358
з*	358—359
112. Про влады: а	359—360
б.	361
в.	361
г.	361
д.	361—362
е.	362
ж.	362
з.	362
и	363
і.	363
к.	363
л.	363
м.	364
н.	364—365

	Страницы.
113. Мельникъ-знахарь	366—371
114. О Петръ Первомъ: <i>а</i>	371—372
<i>б</i>	372—377
115. Про Путача	377
116. О фармазонахъ: <i>а</i>	377—378
<i>б</i>	378
117. Какъ церковь ушла	378—379
118. Бой казачки съ богатыремъ	379—380
119. Ковылъ-Трава	380
120. Про охотника	381
121. Про Никитушеу Ломова	381—383
122. Пряничная Гора	383
123. Волга и Кама	383
124. Марина-Русалка	384—386

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ

САМАРСКАГО КРАЯ.

1.

Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница.

Въ нѣвкоторомъ было царствѣ, въ нѣвкоторомъ было государствѣ, жилъ былъ князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ. Выходилъ князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ на свой высокій крылецъ и кричалъ своимъ громкіимъ голосомъ: «Сходитесь, князья и бояре и сильные могучіе богатыри, ко мнѣ на высокъ на красенъ крылецъ, и буду я у васъ просить просьбу, и сослужите мнѣ службу, а не службу—дружбу. Кто жъ бы съѣздилъ на рѣку на Смородину, убилъ бы змѣя объ двѣнадцати головахъ, объ двѣнадцати хоботахъ?» Всѣ друзья-бояре соходились и его приказу боялись, и другъ за дружбу прятались: баринъ за барина, дворянинъ за дворянина, мужикъ за мужика. Выбирался изъ нихъ одинъ Алеша Поповъ сынокъ: жеребичей родни, и говорить князю Володиміру: «Я вамъ сослужу службу, а не службу—дружбу; съѣзжу на рѣку на Смородину, убью змѣя о двѣнадцати головахъ, о двѣнадцати хоботахъ». И выходитъ впередъ, подходитъ къ князю вцѣлотъ и говорить: «Князь Володиміръ, пожалуйста мнѣ водки: у меня съ похмѣлья головушка болитъ!» Приказалъ князь дать ему водки зелена вина полъ-ведра. Онъ же, Алешенька Поповъ сынокъ, ее одной рукой принималъ и однимъ духомъ выпивалъ. Говорить Алеша Поповъ сынокъ: «Эхъ князь Володиміръ Красное Солнышко, Суслаевичъ, хороша бражка да мала чашка. Итакъ я, добрый молодецъ, только опохмѣлился!» И сталъ просить Алеша Поповъ сынокъ у князя на недѣлю сроку пріизыскать себѣ еще двоихъ товарищей. Князь отвѣчалъ ему: «Алеша поповъ сынокъ, вотъ тебѣ сроку на два мѣсяца, только съѣзди».

Сказки и пред. Сам. края.

Алешенька ходилъ по деревнямъ, по кабакамъ и по трактирамъ и нашелъ себѣ товарища, добраго молодца Добрынюшку, сына Микитыча. Говорить ему: «Здравствуй братъ, добрый молодецъ Добрынюшка, сынъ Микитычъ! Пойдемъ со мной сослужить службу князю Володимиру Красному Солнышку Суслаевичу, съѣздить на рѣку на Смородину, убить змѣя объ двѣнадцати головахъ объ двѣнадцати хоботахъ». Отвѣчаетъ добрый молодецъ Добрынюшка на отвѣтъ его слово: «Я, братъ, молодецъ Алешенька, готовъ бы тебѣ службу служить, да только головушка съ похмѣлья болитъ, не можется». Отвѣчаетъ Алешенька: «Пойдемъ, я тебя опохмѣлю». Повелъ же Алешенька къ князю Володимиру. Подходятъ къ его крыльцу; говоритъ Алешенька князю: «Князь Володимиръ Красное Солнышко Суслаевичъ, пожалуйста водви, зелена вина ведро». Князь Володимиръ приказалъ вынести зелена вина ведро. Добрый молодецъ Добрынюшка одной рукой принималъ, единымъ духомъ выпивалъ. «Благодарю, братъ, Алеша, Поповъ сыночекъ, что меня опохмѣлил; готовъ служить службу до ж и з н и в ѣ к у». Сказалъ ему Алешенька: «Поди, братъ, погуляй, а я себѣ третьяго товарища приищу». Ходилъ нѣсколько Алеша Поповъ сыночекъ по кабакамъ, по трактирамъ и по селеньямъ и не могъ себѣ третьяго товарища найти. При край же того селенья кабачишка стоитъ на боку, и бокомъ въ него не влѣзешь, и тутъ самое гадное мѣсто, гдѣ пьяные ходятъ до вѣтру, и тутъ валяется человѣкъ, весь въ драннѣ заморанный. Онъ посмотрѣлъ въ лице — лице его знакомое. Сталъ онъ его будить и сталъ его трыкать, и въ ж...у его сталъ пинкомъ пинать. И вдругъ онъ проснулся, глаза открылъ и смотритъ на него. «Что ты, братъ, меня будишь и трыкаешь, и въ ж...у пинкомъ пинаешь? Узналъ ли ты меня?» «Какъ тебя мнѣ не узнать? Здравствуй, Ивашка Бѣлая рубашка, горькій пьяница! Я третій день тебя ищу. Какъ мнѣ тебя нужно!» Отвѣчаетъ ему Ивашка Бѣлая рубашка, Горькій Пьяница: «Что тебѣ меня, братъ, нужно, Алеша Поповъ сыночекъ?» Отвѣчаетъ ему Алеша Поповъ сыночекъ со слезами: «Я, братецъ, до твоей просьбы. Просить князь насъ и васъ сослужить ему службу, а не службу—дружбу: съѣздить на рѣку на Смородину, убить змѣя объ двѣнадцати головахъ, объ двѣнадцати хоботахъ. Сказалъ Алешѣ, Попову сынку, Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница: «Готовъ служить; только не могу: голо-

вушка болить. Вечоръ я у друга на балу былъ». Отвѣчаетъ Алеша Поповъ сынокъ ему: «Эхъ, братъ, Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, пойдемъ, я тебя опохмѣлю!» Встаетъ съ радостью Ивашка; всталъ, встряхнулся, на всѣ на четыре стороны оглянулся. «Куды же, братецъ, ты меня поведешь опохмѣлиться?» Говоритъ Алеша Поповъ сынокъ: «Иди за мной!» Подводитъ еъ князю на крылецъ, кричитъ Алеша Поповъ сынокъ: «Князь Володиміръ Красное Солнышко Суслаевичъ! Подай чару зелена вина въ полтора ведра! Нашелъ я третьяго себѣ товарища, у него съ похмѣлья головушка болить, и не можетъ онъ словъ говорить и службу служить». Князь Володиміръ выходитъ и вина выноситъ полтора ведра. Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, е д н о й рукой принималъ, е д н ы мъ духомъ выпивалъ и говоритъ Алешѣ Попову сынку: «Ну, братъ Алексѣй, теперь я опохмѣлился; этто, намъ провляжаться нечего, а надо куды вздумали ѣхать». Говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница: «О братцы товарищи! Поѣдемте въ мои заповѣдныя луга! Въ моихъ заповѣдныхъ лугахъ ходитъ табунъ коней!»

Приходятъ они въ заповѣдныя его луга, стали коней выбирать. Алеша Поповъ сынокъ перваго коня себѣ нашелъ. Добрынюшка молодецъ, сынъ Микитычъ, втораго коня себѣ нашелъ. Въ третій разъ Ивашка пошелъ самъ себѣ коня искать. Ходилъ, нѣсколько обошелъ коней, не могъ себѣ найти такого коня, чтобъ во вѣки могъ ему служить. Котораго возьметъ за гриву—голову оторветъ, котораго за хвостъ—хвостъ выдернетъ; наложить на спину—спина переломится. Обратился Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, на восходъ краснаго солнышка, закричалъ своимъ громкимъ голосомъ, богатырскимъ: «Гой еси, гдѣ ты мой добрый конь Сивка-Бурка?» Услыхалъ же Сивка-Бурка голосъ хозяйскій; шибко бѣжитъ, ажъ земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ валить, изъ рту пламя пышетъ. Онъ въ одно ушко влѣзъ, напился, наѣлся; въ другое влѣзъ—чище того нарядился. И т а к ъ сталъ добрый молодецъ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. И т а к ъ добры молодцы сѣли на добрыхъ коней, поѣхали во чисто поле, во дикую степь. Горы доли перепрыгиваютъ, темныя лѣса между ногъ пускаютъ. Было имъ ѣхать на то мѣсто, на рѣку на Смородину три года, они доѣхали въ три мѣсяца. Приѣзжаютъ на рѣку на Смородину;

на рѣкѣ на Смородинѣ нѣтъ ничѣмъ ничего, одинъ мостъ. И говорить Ивашка Бѣлая Рубашка своимъ братцамъ товарищамъ: «О, братцы товарищи! Давайте себѣ выстроимъ хижинку». И стали лѣсъ таскать. Какъ захватятъ—изъ корню выдернуть, не очистивши сучки, въ стѣны складываютъ, избу дѣлаютъ.

Настлали потолокъ, и пристигаетъ ихъ тутъ темная ночь, имъ будетъ тутъ должно ночевать. И говоритъ Ивашка: «Ну, братцы товарищи, давайте к о н и т ь с я, кому достанется въ избеночкѣ спать, одному на путѣ на дорогѣ, на мосту ночевать. Стали кониться, и досталась первая ночь ночевать Алешѣ Попову сынку ночку ночевать и на караулѣ стоять. Онъ, какъ за вечерало, беретъ свою сбрую ратную и копье булатное и отправляется на мостъ, на дорогу. Немного постоялъ—дрема его одолѣла, крѣпко спать захотѣлъ и думаетъ себѣ: «Дай пойду малость отдохну, потомъ проснусь». Легъ не нарочно и проспалъ всею ночь. А Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ темная ноченька не спится, подушечка въ головушкахъ вертится. Всталъ, встряхнулся, на всѣ на четыре стѣроны оглянулся и пошелъ въ путь дорогу и всталъ на мѣсто Алѣшино, гдѣ Алеша Поповъ сынокъ стоялъ, и сотворилъ Иисусовую молитву; выломилъ калинову мостовину. Всталъ добрый молодецъ подперся и вдругъ, словно открылась небесная колесница, и летитъ Змѣй о двѣнадцати головахъ и двѣнадцати хоботахъ, ногами топаетъ, глазами хлопаетъ, зубами скрѣхчетъ и говоритъ Ивашкѣ со страхомъ: «О, братъ Ивашка, прежде русскаго духа слыхомъ не слыхано, видѣмъ не видано, а теперь русскій духъ въ очахъ появляется!» «Дунь, Ивашка, своимъ духомъ, повали лѣсу на версту, чтобы было намъ съ тобой гдѣ разойтись!» Отвѣчаетъ ему Ивашка: «Дунь», говоритъ,—«ты, проклятый Змѣй, проклятыми своими челюстями, повали лѣсу на версту, потому тебѣ нужно дунуть: я къ тебѣ пріѣхалъ гость и спорщикъ». Дунулъ Змѣй своими проклятыми челюстями, повалилъ духомъ лѣсу на версту. Начинаютъ биться и рубиться. Бились, рубились четыре часа ночи. Ивашка сбилъ съ него четыре главы. Змѣй обращаетъ и улетаетъ назадъ. Ивашка обращается мушкетеромъ и полетаетъ во погоню змѣя, въ собственный его домъ. Въ его собственномъ домѣ Змѣева матушка по горенкѣ погуливала, Ивашку поругивала: «О курвинъ сынъ, прокурвинъ сынъ Ивашка,

побивается мовò дитятеу ни за што! Когда поѣдетъ онъ во путь во дороженьку, сама я ему буду другъ да не вдругъ: напущу нѣсколько жару, и захочетъ онъ испить. Я сдѣлаю колодець, струбъ золотой, чару серебряну, воду сахарную. Влѣзетъ напиться, а я его затоплю».

Отбравши Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, ея поганья слова, отправляется въ свою хижину, на свое мѣсто, и ложится на свою постель; а его братцы товарищи не чувтъ спить и у д . . ы пузыри. Разсвѣтало, день-бѣла заря. До завтрака проспали. Спрашиваетъ же Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, Алешу Попова сына: «А что, братъ Алексѣй, видѣлъ ли чего?» Отвѣчаетъ тотъ: «Не видалъ, братъ, никого». «Ну знать, братъ, счастье твое, что не видалъ ты никого». (Ну, а гдѣ онъ увидитъ на постели-то?)

Приходить вторая ночь. Встаетъ добрый молодець Добрынюшка, сынъ Никитичъ, на означенное мѣсто, на путь на дорогу, на караулъ. Беретъ свою сбрую ратную и копье булатное и встаетъ на путь дорогу, на калиновый мостъ. Немножечко постоялъ и крѣпко больно задремалъ. Легъ ненадолго и сейчасъ спить. Всей ночь проспалъ и никого не видалъ. А Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ, во второй разъ темная ноченька не спится, и подушечка въ головушкахъ вертится. Всталъ, встряхнулся, на всѣ на четыре стороны оглянулся и пошелъ на показанное мѣсто посмотрѣть. Сбруи ратной не имѣетъ и копия булатнаго не знаетъ. Всталъ на пути на дорогѣ, сотворилъ Иисусовую молитву, выломилъ калиновую мостовину и всталъ подперся добрый молодець, стоитъ. Вдругъ является лютый Змѣй со страхомъ и говоритъ Ивашкѣ: «Эхъ, Ивашка, Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница! Дунь, на двѣ версты лѣсу повали своимъ духомъ, чтобъ было намъ гдѣ разойтись». «Ты дунь, непріятель, своими погаными челюстями, повали лѣсу на двѣ версты!» Дунулъ Змѣй, сдѣлалъ поля на двѣ версты. И стали биться, рубиться. Бились, рубились еще четыре часа, какъ вдругъ Ивашка размахнулся, смахнулъ съ него вразъ четыре головы. Обращаетъ лютый змѣй отъ него назадъ. Оборотился Ивашка комарикомъ, полетѣлъ за нимъ въ погоню. Прилетаетъ и садится на окошечко въ его собственномъ домѣ. Змѣева мамынька по горенкѣ погуливала, Ивашку по-

ругивала: «Охъ курвинъ сынъ, раскурвинъ сынъ Ивашка побиваетъ мово дитятку ни за што! Я сама ему буду другъ да не другъ: какъ поѣдетъ со рѣки Смородины во путь во дороженьку, напушу на ихъ коней великую тягу, не смогутъ ногъ тащить. Сдѣлаю имъ садъ зеленый, траву шелкову; въ саду сдѣлаю кровать тесову, подушки пуховы, одѣяла шелковы. Они захочутъ добрыхъ коней покормить и сами отдохнуть: я тутъ ихъ и задушю».

Отбравши Ивашка ея поганяя слова, отправляется въ свою хижину, къ своимъ братцамъ товарищамъ. Говоритъ Ивашка: «Что, добрый молодецъ Добрынюшка, кого видѣлъ?» Отвѣчаетъ добрый молодецъ Добрынюшка: «Не видалъ братъ никого». «Ну, братъ счастье ваше, знать мое будетъ безсчастье». Завечеряло время немножечко. Водочки выпили, чайку покушали. Не ложивши ночью спать, пошелъ Ивашка въ путь во дорожку, на калиновый мостъ. Всталъ на калиновомъ мосту, сотворилъ Иисусовую молитву, выломилъ калиновую мостовину и подперся ей. Дрема въ нему близко нейдетъ, и сонъ его не беретъ. Тѣмъ же часомъ и временемъ является лютый Змѣй съ великимъ шумомъ и великой бурей и такъ на Ивашку обращается злобно: «О», говоритъ,—«прежде у насъ русскаго духа слыхомъ не слыхано, видѣмъ не видано, а нынче русскій духъ въ устахъ явится и въ глазахъ мечется! Дунь, Ивашка, своимъ духомъ на три версты, распространи мѣсто, чтобы было намъ съ тобой гдѣ разойтись. Живаго», говоритъ,—«сглотну!» Отвѣчаетъ ему Ивашка: «Дунь ты своими нечистыми челюстями, на три версты повали лѣсу! Подавишься!» Змѣй какъ дунулъ, сдѣлалъ три версты поля. Стали биться, рубиться: бились рубились четыре часа, и сбилъ съ него Ивашка четыре главы; думалъ послѣднія, а онъ всѣ на немъ, и Ивашка изъ силъ вышелъ и сталъ ему кориться и говоритъ: «Змѣй, охъ, братъ лютый Змѣй! Дай мнѣ съ родными распротяться! Приостановись малость!» И Змѣй крѣпко изусталъ, далъ ему съ родными распротяться. Онъ не ради съ родными распрощенья, а для ради братьевъ разбуденья. Скинулъ съ лѣвой ноги сапогъ, насыпалъ полонъ песку и кинулъ въ свою хижину; конекъ съ нея сбилъ: хочется братьевъ разбудить. Спибъ конекъ: они ничего не чуютъ. Змѣй лютый видитъ—дѣло обманъ, опять на него бросается биться. Одна нога у Ивашки обувши, друга бѣса.

Бились, рубились еще четыре часа. Ивашка обезсилѣлъ и сталъ прощенья просить. «О, братъ, лютый Змѣй, дай мнѣ прощенья и родительскаго попросить благословенья!» Онъ не ради благословенья, а ради братьевъ разбужденія. Скидаетъ Ивашка съ правой ноги послѣдній свой сапогъ, насыпаетъ полонъ песку. Какъ махнулъ въ свою хижину и потолокъ долой спибу, а братья не чувтъ, спать крѣпкой рукой. Вдругъ лютый Змѣй обращается на Ивашку опять. И бились, рубились полторы сутки; Ивашка обезсилѣлъ, сдѣлался и нагій и босый и сталъ просить у лютаго змѣя покаянья и для дѣтей благословенья за обоимъ, не ради дѣтей благословенья, а ради братьевъ разбужденія. Скинулъ съ своей буйной головы свою богатырскую шляпу, насыпалъ полную песку, и насыпавши въ шляпу песку, бросилъ въ свою хижину, въ простѣнки. Простѣнки крѣпко застучали и врозь покатились. Его братья встрепенулись и видятъ на полянѣ пламя, и видятъ, что ихъ братъ товарищъ Ивашка Бѣлая Рубашка въ несчастіи. Взяли свою сбрую ратную и копыя булатныя и пошли на на подмогу брату своему Ивашкѣ. Пошли добрые молодцы лютаго змѣя трепать, только сталъ головой мотать. Не успѣтъ глазами мигать, какъ его стали головы летать. Главы его порубили и въ воду побросали и жисть его рѣшили. Подходятъ добры молодцы къ своей разваленной хижинкѣ; подошли къ ней. Ивашка и говоритъ своимъ братьямъ товарищамъ: «Лягте, братцы, усните, а за мной есть дѣлишко». Они съ устатку легли, какъ мертвые повалились. Ивашка оборотился комарикомъ и полетѣлъ къ Змѣевой матушкѣ. Прилетаетъ, а сударыня матушка по горенкѣ погуливаетъ, Ивашку поругиваетъ: «Охъ курвинъ сынъ, раскурвинъ сынъ Ивашка, убилъ мово дятатеу ни за што! Я ему солью крестъ и по-вызолочу: когда онъ поѣдетъ съ рѣки со Смородины во путь во дороженьку, обращуся я съ сѣннью копну кошкой, разорву его на пути на дорогѣ».

Онъ, отобравши ея поганныя слова, отправляется куда ему нужно. Прилетаетъ къ своимъ братьямъ товарищамъ; они спятъ. Онъ прилетаетъ и братьевъ своихъ разбуждаетъ: «Нѣ коли намъ спать, а поѣдемте во путь во дороженьку домой». Они вставали, добрыхъ коней сѣдлали; осѣдлавши добрыхъ коней, поѣхали домой. И сдѣлался превеликій ужасный жаръ, и

Алеша Поповъ сынокъ захотѣлъ пить: на конѣ не можетъ сидѣть и говоритъ: «Охъ, братцы товарищи! Пить хочу, словъ говорить не могу!» Вдругъ колодець является, Алексѣй съ коня бросается и говоритъ своимъ братьямъ товарищамъ: «Охъ братцы, товарищи постойте, напьемся!» Говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка Горькій Пьяница: «Что ты, Алеша Поповъ сынокъ, дурьей родни жеребеночекъ, съ коня бросаешься, глотить торопишься? Самъ я прежде слѣзу со добра коня и протвѣдаю какова вода». Слѣзаетъ Ивашка съ добра коня, оголилъ свою саблю вострую и учалъ колодець рубить. Струбець раскололъ и воду завалилъ, и течетъ изъ него кровь и кость. И говоритъ Ивашка: «Вотъ, Алешинька Поповъ сынокъ, вотъ тутъ какая вода!» Сѣли на добрыхъ коней и поѣхали. Ъхали долго ли, много ли, и напала превеликая тягость на коней. Кони не могутъ ногъ тащить, и Алешенька Поповъ сынокъ не можетъ на конѣ сидѣть: крѣпко спать хочетъ. Является садъ зеленый и трава шелковъ (облажняетъ). И говоритъ Алеша Поповъ сынокъ: «Охъ, братцы товарищи! утѣха то какая — трава то шелковъ! Коней то хорошо покормить и намъ хорошо на кровати отдохнуть». Отвѣчаетъ ему Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница: «Постой, братъ Алексѣй, я слѣзу съ добра коня, посмотри какова кровать, и можно ли на ней спать». Слѣзаетъ Ивашка со добра коня, оголилъ свою саблю вострую, восходитъ въ зеленый садъ, подходитъ къ тесовой кровати. Сталъ рубить — только кровь да кости. Изрубилъ и въ вучу покчалъ, и поѣхали путемъ дорогой.

Много ли мало ли ѣхали, долго ли коротко ли, и приходятъ три дороги, и говоритъ Ивашка Бѣлая Рубашка своимъ братцамъ товарищамъ: «Вотъ, братцы, намъ приходитъ разставанье. Давайте кониться, кому по которой дорогѣ ѣхать будетъ». Стали кониться — Алешѣ досталось вправо; доброму молодцу Добрынюшкѣ, сыну Микитичу — влѣво; несчастному Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ — прямо. Онъ съ братьями распрощался, горькими слезами заливался. Распростились, поѣхали кто куда знаетъ. Вдругъ Ивашка обернулся назадъ: и бѣжить за нимъ кошка, съ сѣнною копну какъ сильный вихорь, и кричитъ громкимъ голосомъ: Охъ, Ивашка, то перича догоню, не упущу — разорву!» Видитъ Ивашка — дѣло плохо; слѣзаетъ со добра коня, расфѣдываетъ и бросаетъ

черкаское сѣдло. Чуть dospѣлъ сѣсть на добра коня, и разломала она черкаское сѣдло, изгрызла, все сѣла. Онъ опять ускоралъ шибкимъ бѣгомъ. Она же сѣдло изорвала и опять его догнала. Онъ слѣзъ со добра коня, ударился бѣжать. Она начинаетъ его доброго коня рвать. Изорвала, мясо сожрала, кости въ кучу поклала и опять за нимъ въ погоню погнала. Онъ бѣжитъ, что ни оглянется, бѣгу ногами прибавляется. И вдругъ на его пути является кузница. Въ кузницѣ дверь желѣзна запирается. Въ этой кузницѣ двѣнадцать кузнецовъ, добрыхъ молодцевъ. Они куѣтъ, принаковываютъ; рѣчь говорятъ, приговариваютъ. Онъ подбѣгаетъ къ кузницѣ со слезами, просится къ нимъ: «Господа кузнецы, отъверзьте двери отъ кузницы, пустите меня, отведите отъ злой смерти! Поѣдаетъ меня кошка съ сѣнную копну!» Кузнецы двери отворили, онъ туды мы рнулъ. Она только за одежду не успѣла схватить. Заперли его въ кузницѣ, и бѣгаетъ кошка веругъ нея, съ превеликимъ шумомъ и говоритъ: «О, господа кузнецы, отдайте мово нѣдруга!» Они говорятъ на отвѣтъ ей: «Прогрызи нашу желѣзную дверь и явись къ намъ въ кузницу—отдадимъ тогда тебѣ нѣдруга!» Начала она грызть—однимъ часомъ прогрызла въ ростъ свой дыру. Поколѣ она время продолжала, дверь прогрызала они же всѣ двѣнадцать молодцовъ положили двѣнадцать роу клещи въ горны. Является она въ кузницу; взяли они ее въ руки, горячими клещами ее сжали и на наковальню клали, въ двѣнадцать молотковъ ее били; за Ивашку застояли и сдѣлали для Ивашки изъ ней добраго коня, и сажали Ивашку на добраго коня и посылали ѣхать кругъ своей кузницы: «Если этотъ конь объѣдетъ всѣ четыре стороны, то можетъ тебѣ во вѣки служить». Онъ же на коня не сажается, больше его опасается: сдѣланъ конь изъ несчастнаго человѣка, и изъ злобнаго, и изъ страшнаго, изъ немилостиваго. Вдругъ обдумалъ Ивашка своей буйной головой: «А скоро живъ въ руки не дамся!» Сѣлъ на добра коня и поѣхалъ. Объѣхалъ двѣ стороны—конь развалился. Является къ кузнецамъ въ кузницу: «Такъ и такъ, конь развалился!» Господа кузнецы, добры молодцы, нагрѣваютъ двѣнадцать роу клещи, берутъ злодѣйку во огненны клещи, выбиваютъ изъ нея добраго коня для Ивашки, чтобы онъ могъ Ивашѣ Бѣлой Рубашкѣ, Горькому Пьяницѣ, во вѣки служить. Чище того сдѣлали добраго коня,

ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Сѣлъ Ивашка на добраго коня, объѣхалъ кругъ четырехгранной кузницы, а к и птица. Выходятъ двѣнадцать кузнецовъ, добрыхъ молодцовъ, проздравляютъ Ивашку съ конемъ: «Что, Ивашка Бѣлая Рубашка, ты же былъ, Горькій Пьяница! Въ послѣднемъ кабаѣ зря валяешься, а нынче на дикой степѣ помыкаешься? Что, стоитъ ли конь того стараго коня?» «Благодарю, господа кузнецы, этотъ конь стоитъ того коня и можетъ мнѣ во вѣкъ служить. Затѣмъ, господа кузнецы, прощайте!» Отвѣчаютъ кузнецы: «Можешь, Ивашка отправиться, а на конѣ то да пропадешь?» Подхватилъ слово Ивашка неладное, обращается назадъ къ кузнецамъ: «Что, господа кузнецы, научите глупаго на разумъ». «А то то», говорятъ,—«Ивашка Бѣлая Рубашка, ты же былъ горькій пьяница, не хвались въ пиръ идучи, а хвались изъ пиру. Поѣдешь путемъ дорогой, каждому кланяйся, догонишь: «миръ дорогой, добрый человѣкъ»; кто при дорогѣ работаетъ: «Богъ на помощь» сказывай и старику, и доброму молодцу и баушкѣ, и молодичѣ; придется сказать красной дѣвицѣ, и ей скажи». «Слушаю, господа кузнецы, приказанье ваше!» Ударилъ добраго коня по крутымъ бедрамъ—только его кузнецы и видѣли. Улетѣлъ какъ младъ ясень соколъ. Подъ нимъ его добрый конь горы доли перепрыгивать, темные лѣса между ногъ пускать, большія дороги хвостомъ застилаетъ. И проѣхалъ, и многое множество и нѣсколько людей перегонялъ, и сказывалъ: «миръ дорогой», встрѣчающимъ кланялся. При большой дорогѣ красная дѣвица жнетъ пошеницу. Космы ея по плечамъ лежатъ, сопли ея на губахъ лежатъ. Нужно Ивашкѣ Бѣлой Рубашкѣ сказать ей: «Богъ на помощь!» Его сердце къ ней не обращается. «Что же я, славу щій, сильный, могучій богатырь, мало со мной спорщиковъ, и неужли же», говорить,—«я такой соплухи не стою? Не скажу ей: «Богъ на помощь!» И поѣхалъ мимо ея. Не больше отъѣхалъ разстояніе трехъ сажень, красная дѣвица закричала громкимъ голосомъ: «Охъ, Ивашка Бѣлая Рубашка, ты же Горькій Пьяница, кузнецовъ наказъ не исполняешь!» (Она угадала что тѣ наказывали Ивашкѣ).

Услыхалъ Ивашка красной дѣвицы голосъ, что она говоритъ справедливо, обращается Ивашка на своемъ на добромъ конѣ къ красной дѣвицѣ, слѣзаетъ съ своо добраго коня и сказы-

вать: «Богъ тебѣ на помочь, красная дѣвица! Прости меня Христа ради! Не исполнилъ я кузнецовъ наказъ!» Главу ея повязалъ, сопли платкомъ утиралъ, во сахарныя уста ея цѣловалъ. «Прости Христа ради, красная дѣвица!» Отвѣчаетъ красная дѣвица ему: «Просящаго Богъ прощаетъ, и я тебя прощаю, а не на надо бы такъ тебѣ дѣлать. Ну поѣзжай съ Богомъ, куды ты вздумалъ. Попадется тебѣ царь Дорѣда на одной ногѣ, одна нога короче. Онъ стоитъ и повертывается, кто бы ни проѣхалъ на конѣ, того дожидается; онъ же на одной ногѣ въ перегонъ съ конемъ собирается. Ты съ нимъ не ѣзди. Онъ положить въ бѣгъ въ теченіи разстоянія не дальше двадцати пяти верстъ, кто кого перегонитъ. Если ты его перегонишь—ты съ него голову долой; если онъ тебя—ты будешь его. Ну, можете съ Богомъ ѣхать!» «Затѣмъ прощайте, красная дѣвица, благодаримъ васъ за ваше неоставленіе!» И поѣхалъ въ путь дорогу. Ѣдетъ путемъ дорогой и стоитъ царь Дорѣда, — виситъ одна нога короче; кругомъ повертываются, съ Ивашкой здороватся: «Здравствуй, Ивашка Бѣлая Рубашка и Горькій Пьяница! Отъ дѣла лыташь, или дѣло пыташь? Куды путь держишь?» «Отъ дѣла не лытаю, а больше себѣ дѣло пытаю. Путь держу куды Богъ приведетъ. «Я тебя не пропущу! Давай поиграемъ въ перегонъ!» Ивашка былъ сердитъ, крѣпко горячъ; посмотрѣлъ и думаетъ себѣ: «Можетъ ли онъ меня на этакомъ конѣ перегнать? Онъ старикъ, чуть можетъ на одной ногѣ стоять...» Согласился Ивашка съ нимъ въ перегонъ поиграть. Они съ нимъ побѣжали. Не больше Ивашка проскакалъ двѣнадцати съ половиной верстъ. Царь Дорѣда съ нимъ вмѣстѣ побѣжалъ, двадцать пять верстъ убѣжалъ и на двѣнадцати верстахъ ему встрѣчу повидѣлся; забралъ Ивашку въ свое жительство, и приводитъ его царь Дорѣда въ свой домъ, а его домъ былъ огороженъ желѣзнымъ тыномъ, и на каждой тычинкѣ кругъ дому человѣчьи головы, а на одной нѣтъ. И сказалъ царь Дорѣда «На этой тычинкѣ быть твоей главѣ! Ну, а съ тебя зря ее не сыму, а задамъ тебѣ разныя задачи». У царя же Дорѣды была вторая жена, изъ Ягихъ Бабъ; было у царя Дорѣды двѣнадцать дочерей: одиннадцать отъ этой матери, а двѣнадцатая большая самая, была отъ первой жены. И было у нихъ, у двѣнадцати дочерей, у каждой своя келыя. Вотъ же царь Дорѣда и говоритъ Ивашкѣ: «Вотъ я тебя, Ивашка, запру въ эту

темницу. У меня есть двѣнадцать дочерей и двѣнадцать у нихъ комнатъ; одиннадцать отъ этой жены, а одна отъ первой. Я тебѣ завтра выстрою ихъ подѣ рядѣ всѣхъ. Если ты можешь узнать, которая у меня дочь отъ первой жены, тогда главу съ тебя не съмаю, домою тебя надѣляю; а не узнашь—голову съ тебя долой». А гдѣ же Ивашкѣ узнать? Онъ отъ роду ихъ не видалъ. Заперъ Ивашку въ темницу, заперъ его замками, завалилъ его камнями. Какъ глухая полночь приходитъ, подходитъ къ двери его же большая дочь, отъ прежней его жены, и стучитъ тихимъ стукомъ: «Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, что ты горько плачешь?» «Ой еси, красная дѣвица, какъ мнѣ не плавать? Последнюю я ночь ночую на вольномъ свѣтѣ». Отвѣчаетъ ему красная дѣвица: «Что на что и тебя за что?» «Вотъ что приказалъ вашъ то тятенька: есть у него двѣнадцать дочерей, одиннадцать отъ молодой жены, а одна отъ старой жены, и хотѣлъ онъ мнѣ ихъ на утро вывести, а я ихъ совсѣмъ не знаю». Отвѣчаетъ она ему: «Ложись съ Богомъ, спи, я придамъ тебѣ разуму. Онъ насъ нарядитъ въ одну одѣжу; мы всѣ равны: подѣ одинъ голосъ и подѣ одинъ волосъ, подѣ одну черную бровь. Онъ меня поставитъ съ праваго боку, крайню. Прямо за меня и берись, а если онъ у тебя вырветъ меня и скажетъ: Дѣвки перебѣги! и они перебѣгутъ; на послѣдъ того онъ опять разставитъ и поставитъ меня съ лѣваго боку, отъ края другою, то смотри держи крѣпко. Если опять отниметъ, не узнаю гдѣ поставитъ».

Онъ же легъ молодецъ, спать не спитъ, свѣту дожидается и къ смерти собирается. По утру встаетъ ранехонько, умывается горькими слезами бѣлехонько, печалью утирается, на смерть собирается. Является къ нему недругъ царь Дорода, разставилъ дочерей по порядку, подводитъ его къ нимъ и говоритъ: «Ты же, Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Пьяница, по чистому полю зря шатаешься, вотъ тебѣ задача. Не желаю съ тебя голову снять, желаю тебѣ задачу дать. Хочу тебя обрачить. Вотъ тебѣ двѣнадцать дочерей; узнай, которая дочь послѣ той жены. Если узнашь—будетъ твоя обручѣнная жена, а не узнашь—голову съ тебя долой». Ивашка тотъ часъ былъ больно не вѣсело, буйную свою голову повѣсилъ ниже могучихъ своихъ плечъ: ко злодѣю въ руки попалъ. Подумалъ, подумалъ Ивашка: «Двухъ смертей не бывать, а одной

не миновать! Что моей головѣ будетъ? Дай ея наказъ исправлю». И брался Ивашка за красную дѣвицу съ праваго боку, за крайну. Царь Дорѣда видитъ дѣло неладно; изъ рукъ ее отымаешь, въ кучу ее толкаетъ. Сказалъ царь Дорѣда: «Дѣвки! Смѣшаться» Одна за одну, другъ за другъ, склѣбились и кучей сдѣлались. Прозѣвалъ Ивашка. Онъ у него суженую изъ рукъ отнял, опять всѣхъ подъ рядъ разставилъ. «Ну, теперь же, Ивашка, узнай!» Ивашка кругомъ обошелъ, подумалъ съ своей съ буйной головой. «Ахъ, да ну», сказалъ Ивашка, — «попытка не шутка, а спрошу то не бѣда вѣдь? Да ка еще разъ попытаю!» Смѣлымъ своимъ шагомъ съ лѣваго фланку и цопнулъ вторую дѣвицу и прижалъ крѣпко ее къ себѣ. Царь Дорѣда видитъ—дѣло плохо: живъ въ руки Ивашка не дается. Сталъ Дорѣда ее рвать и сталъ крѣпко отымать. Онъ—за дѣвицу, дѣвица—за молодца. И говоритъ дѣвица: «Будетъ, тятенька, пыгралъ разъ, а начини-ка снова!» Царь Дорѣда и говоритъ: «На утро задачу задаю. Дѣвки, по избамъ!» Дѣвки разошлись по избамъ, и повелъ царь Дорѣда Ивашку въ тоѣ же темницу, гдѣ онъ ночь провелъ, и сказалъ ему: «Узнай—которая ея комната» (а онъ всѣ подъ рядъ) и заперъ его замками.

Приходитъ царь Дорѣда ко своей женѣ и говоритъ: «Узналъ». Сердитыемъ, грубыемъ взглядомъ она глядѣла и говоритъ ему: «Гдѣ бы ему узнать? Ея б..... я мудрость!» И спрашиваетъ его Ягая Баба, его жена, ея матица: «Что ты еще ему задалъ?» Отвѣчаетъ ей царь Дорѣда: «Узнать ея комнату». «Ну, да ладно», сказала жена.

Сидитъ Ивашка въ темной темницѣ, не пимши, не їмши. Поплакалъ, поплакалъ и съ горя пѣсенки запѣлъ. Приходитъ къ Ивашкѣ глухая «полуночь и такая на Ивашку грусть напала, опять горько заплакалъ. «Полуночныя звѣзды», говоритъ,—«проходятъ, новыя звѣзды къ свѣту начинаютъся, а же, добрый молодецъ, смерти дожидаяся!» Скоро является къ нему нареченная невѣста, постучала въ двери: «Ивашка! Отверзь мнѣ двери!» «Не могу отверзть двери: заперты». Она же пиннула ногой, и двери отперлись, и замки къ чорту убралась. Взошла, Богу помолилась, Ивашкѣ поклонилась: «Здравствуй, милый мой нареченный женихъ! Что горько плачешь?» «Какъ мнѣ горькому не плавать? Я свѣту дожидаясь и смерти близится». «Ложись, спи до свѣтла, не придетъ

къ тебѣ бѣда. Скажи, что тебѣ тятенька приказалъ!» Отвѣчаетъ Ивашка красной дѣвицѣ: «А вотъ что онъ мнѣ сказалъ: затопите вы свои всѣ хаты вмѣстѣ, узнать которая твоя». Вотъ дѣвица и говоритъ: «Ложись съ Богомъ, спи, научу какъ дѣло сдѣлать. Какъ мы печки затопимъ, изъ всѣхъ трубъ повалитъ дымъ столбомъ, а изъ моей трубы пойдетъ возжей. Тутъ и иди!» «Хорошо». Ночь прошла, приходитъ свѣтъ. Идетъ царь Дорѣда, запоры не попорчены: Красная дѣвица сама отперла и опять его заперла. (Не могъ онъ этаго дѣла знать, что она у него была). Къ нему въ темную темницу приходитъ, на вольный свѣтъ его выводитъ. И сказалъ ему царь Дорѣда: «Узнай которая твоей невѣсты келья!» Кельи всѣ, какъ одна, подъ рядъ стоятъ. Онъ смотритъ: изъ всѣхъ дымъ валитъ столбомъ, а изъ одной—возжей. Подумалъ же Ивашка: «Первый разъ», говоритъ,—«не обманула, а попытка не шутка. Да ка пойду тутъ, гдѣ велѣла». Взошелъ Ивашка, Богу помолился, красной дѣвицѣ поклонился и говоритъ Ивашка: «Что, тятенька, тутъ ли зашелъ?» «Тутъ», говоритъ,—«нареченный зять». Отправляется царь Дорѣда къ своей женѣ, рассказываетъ, что узналъ. Отвѣчаетъ ему жена: «Это не онъ узналъ, а она узнала, она ему сказала». Велѣла ему Ягая Баба разлучить его съ ней, запереть его опять въ темную темницу. Въ ѣ х е м ѣ во дворѣ былъ протѣкъ рѣчки на десяти саженьяхъ. Вадумала его жена: «Дай ему задачу, чтобы онъ на той сторонѣ выстроилъ церковь кругъ одной ночи, чтобы было ихъ гдѣ обвинчать».

Приходитъ царь Дорѣда къ нимъ въ комнату. «Ну, пойдѣмъ», говоритъ,—«нареченный зять, въ темницу. Задамъ я тебѣ большую задачу. Найми рабочихъ и плотниковъ, чтобы кругъ ночи на э т и м ѣ острову была церковь устроена, было бы намъ гдѣ тебя обвинчать». Ивашка Бѣлая Рубашка говоритъ ему: «Сдѣлаю», говоритъ,—«тятенька!» Научила его нареченная невѣста и сказала: «Ложись съ Богомъ, спи! Церковь будетъ готова!» Онъ спать не спитъ, въ окошечко смотритъ. Крикъ, превеликій зыкъ, стукотня—пріѣхали мастера, плотники и живописцы, церковь сдѣлали кругъ ночи и иконы написали. Она на заряночкѣ приходитъ, его о б р у ч е в н а я жена, темную темницу расперла и говоритъ Ивашкѣ: «Переѣзжай, Ивашка, на лодѣ, прибивай пѣлочки; я тятенькѣ отвѣчу, кто тебя выпустилъ». Приходитъ же царь Дорѣда къ Ивашкѣ,

хватъ въ темной темницѣ Ивашки нѣтъ. Ивашка въ цѣркви. Приходитъ въ церковь, осмотрѣлъ: отлично хорошо. Ну, царь Дорода по головѣ его погладилъ и не спросилъ, кто его отперъ. Приходитъ царь Дорода къ своей женѣ и рассказываетъ, что удивленіе какую у насъ на острову намъ зять церковь сооронилъ. Эта же ея мачиха: головой помотала, б . . . . ю ее поругала: «Охъ охъ-охо-охо! Это ея б . . . . и мудрости! Ну, еще скажи, чтобы онъ завтра сдѣлалъ мостъ черезъ рѣку. Въ темницу не запирай, оставь его съ ней». Приходитъ царь Дорода къ нареченному зятю, называетъ царь Дорода: «Нареченный мой зять! Устрой кругъ ночи мостъ, чтобы гдѣ было тебѣ проѣхать къ цѣркви, тебя обвинчать». Сказалъ ему Ивашка: «Будетъ, тятенька, готовъ; корми коней!» (А куда ѣхать? Будетъ только пѣшкомъ пройти). Приходитъ Ивашка къ своей нареченной невѣстѣ, спрашиваетъ его она: «Что сказалъ тебѣ тятенька?» Отвѣчаетъ Ивашка ей: «Съ страхомъ тятенька сказалъ черезъ эту рѣчку сдѣлать мостъ, кругъ ночи, гдѣ бы намъ съ тобой въ церковь завтра пройти вѣнчаться». Сказала ему нареченная невѣста: «Ложись съ Богомъ, спи, все будетъ дѣло исправно». «Ну, да хорошо же». Легъ Ивашка, спать и у д . . н пузыри. Слушаетъ ночнымъ бытомъ Ивашка, кто кричитъ: Тирру! кто кричитъ: Но! Везутъ лѣсъ на свая, на огнивы и на мостовиникъ. Лѣсу навезли, стали работать. Зорька занялась—мостъ готовый. Разсвѣтало, вышелъ Ивашка съ топорикомъ, постукиваетъ, перилки приколачиваетъ. Приходитъ царь Дорода, только ахнулъ: «А хъ, да и будетъ! Я мудренъ; онъ мудренѣй меня!» У царя Дороды не пиво варить, не вино курить. Не спрося никого, самъ ихъ обвинчалъ и жить ихъ заставлялъ. Посылаетъ на утро къ нимъ въ домъ ея мачиха свою родную дочь: «Дочь моя мила, дочь моя разумна, поди сходи къ зятю, скажи, чтобы исправили мнѣ обѣдъ: проздравить ихъ съ законнымъ бракомъ; я приду». Приходитъ къ нимъ ея неродная сестра, проздравляетъ: «Здравствуй», говорить,—«сестрица! Ты», говорить,—«нажила себѣ мужа, а мы не наживемъ во вѣки вѣковъ. Приказала», говорить,—«вамъ мамынька пострапать». «Хорошо», говорить,—«скажи ей: будетъ готово». Посылаетъ ея вѣнчанная дочь Ивашку: «Иди, Ивашка, на скотный дворъ, поймай нѣтъ лучшаго барана и тащи ко мнѣ». Пошелъ же Ивашка, поймалъ барана, принесъ домой. Они прямо его въ печь неснятаго

и положили. Приходитъ къ нимъ мачиха. Пришла съ сердцемъ; «Дай мнѣ, б . . . ѣ, ѣсть!» А она Ивашку оборотила иглою и сунула въ стѣну, чтобы мачиха не видала; за столъ ее сажала, барана на столъ вынимала. Она стала жрать, стала живкомъ глотать, всего съѣла, въ полсыти не наѣлась. С к о ч и л а изъ-за стола и давай изъ стѣны мохъ теревить, его искать (съѣсть хотѣла). Только бы его захватить, дочь то и говоритъ: «Мамынька! Ты мохъ то вытеребишь, у меня келья то студена будетъ». Сказала ей мать: «Ну, добро же, б . . . ѣ!»

Призываетъ на утро мать вторую родную дочь: «Поди же, иди, да скажи затевой дочери какъ можно исправли бы мнѣ обѣдъ». Приходитъ къ нимъ дочь и не родная ея сестра. «Вотъ», сказываетъ,—«исправьте, сестрица, мамынькѣ обѣдъ». «Скажи, сестрица, что будетъ готовъ». Пошла молодая и сказала мужу Ивашкѣ: «П р и н е с ѣ поди быка, пымай его за рога и веди его сюда». Ивашка пымалъ нѣтъ лучшаго быка и обраталъ его за рога; кусками его изрубилъ и въ печку положилъ. Положили и закрыли его крышкой. Я в л я е т с я къ нимъ гостя, не родная ея мать, и стала ее б . . . ю звать: «Дай обѣдать!» Обѣдать она ей собрала, а мужа своего Ивашку прибрала: оборотила уголькомъ и положила въ горнушку. Стала мачиха быка жрать, мослы въ окошко видать; всего сожрала и сыта не была. Сыта не была, скочила изъ-за стола и стала изъ горнушки жаръ хватать, только искры посыпались. Жаръ хватается и въ кадыкъ его кидаетъ. И вотъ-вотъ только бы Ивашку сохватить и живкомъ его сглотить, дочь и говоритъ: «Охъ, мамынька, оставь-ка мнѣ одинъ уголекъ, чѣмъ будетъ мнѣ завтра прйдуть огонекъ?» Она крѣпко на нее осерчала и изъ комнаты убѣжала. Дочь уголекъ изъ горнушки вынимала, духомъ его обдувала; изъ этого уголька Ивашку сработала и говоритъ: «Охъ, милый мой другъ Ивашка, намъ съ тобой здѣсь не житье. Айда-ка, лучше отправимся бѣжать куда глаза глядятъ». Вотъ хорошо. Ивашка согласился на ея слова, и ударились бѣжать. Вдругъ ихъ хватились, что въ домѣ ихъ нѣтъ. Посылаетъ неродная мать большую свою дочь ихъ догнать. Съѣла дочь въ желѣзную ступу и начала желѣзнымъ пестомъ погонять: «Охъ да!» и сказала: «Г ѳ л о н ѣ г ѳ л о н ѣ г о л ы н г а ч ѣ!» Молодица учуяла, что земля дрожить, и говоритъ своему мужу Ивашкѣ:

«Гонять за нами въ погоню. Припаду я къ сырой землѣ — узнаю кто гонить». Припала къ сырой землѣ и говоритъ Ивашкѣ: «Гонить да только сестра». Махнула же она молодица лѣвой рукой: сдѣлала огромный лѣсъ, и не пролѣзеть ея желѣзный пестъ. Оборотилась дочь назадъ и говоритъ матери, что некуда ѣхать: темный лѣсъ. Посылаетъ Ягая баба свою мужа, царя Дорѣду. Охъ же царь Дорѣда затопился какъ мѣлонья, живой рукой хочетъ догнать, ее отнять. У молодницы сердце закипѣло, и говоритъ она Ивашкѣ: «Охъ Ивашка, гонять въ погоню! Больно земля колухается, самъ батюшка скачетъ. Ну да», говоритъ, — «страшенъ сонъ да милостивъ Богъ!» Попросила Бога, махнула правой рукой; его оборотила цѣрковой, а сама — дьячкомъ. Царь Дорѣда вошелъ въ церковь и говоритъ: «Здравствуй, «дьячекъ!» «Здравствуй, царь Дорѣда!» «Что я тебя хочу спросить». «Спроси», говоритъ дьячекъ, — «отвѣчу». «Не видалъ ли молодца съ молодницей? Не проходили ли тутъ?» Дьячекъ говоритъ: «Третій годъ служу — не видалъ никого». Обращается царь Дорѣда назадъ, прибѣгаетъ къ женѣ. Спрашиваетъ его жена: «Что ты, гдѣ былъ? Далеко ли бѣжалъ? Кого видалъ?» «Я», говоритъ царь Дорѣда, — «далеко бѣжалъ, никого не видалъ, только видѣлъ церковь и дьячка». Сказала ему жена: «Охъ безумная старая твоя голова! Дьячекъ-отъ — она, а цѣрковата зять. Не умѣлъ ты ихъ взять! Дайте ва мою желѣзную ступу!» И стала пестомъ погонять, по три версты одинъ прыжокъ давать, и хочется больно ихъ догнать. Шибкимъ громомъ, съ вихоремъ полетѣла и хвостомъ завертѣла. И учула ее дочь — земля поволобалась, и говоритъ молодица Ивашкѣ: «Ну, Ивашка, подумать надо: гонить сама матушка!» Сѣла, подумала. Топнула своими рѣзвыми ногами, — разлилось большое молочное озеро. Махнула правой рукой — сдѣлала берега кисельные; оборотила Ивашку сележекѣмъ, а сама стала уточкой, — и плаваютъ по молочному озеру, киселекъ похлѣбываютъ, молочко прихлѣбываютъ. Подсказала ихъ злодѣйка и сказала: «О, я вижу, б...ь, твое мудрости! Теперь я съ тобой не разстанусь! Киселя наѣмся, молока напьюсь!» Кисель жреть, молоко пьеть; озеро убываетъ. Они всхлопнуть крылышками, полетятъ и садутъ на озеро, поцѣлуются и врозь поплывутъ, Ягую бабу подразниваютъ. И говоритъ ей Ягая баба: «О, б...ь, не дразни! Озеро высушу и кисель съѣмъ, и васъ ра-

Сказки и пред. Сам. край.

зорву!» Молока напилась и киселя наѣлась—тутъ ее и рѣзорвало. Я тамъ былъ да медъ пиво пилъ; по усу тепло, въ ротъ не попало. Дали мнѣ синь кафтанъ, а мнѣ слышалось: скинь кафтанъ! Скинулъ да на кустыѣ и повѣсилъ и топерь тамъ виситъ. А Ивашка сталъ жить да поживать, да добра наживать, а худо то проживать. Со спины то стали горбатѣть, а спереди то стали богатѣть.

(Записано со словъ Абрама Новопольцева, крестьянина с. Помряськина, Самарск. губ. Ставроп. уѣзда).

2.

Иванъ Туртыгинъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ одномъ было королевствѣ, жилъ былъ царь, и у царя была дочь одна разъединая. Были у ней няньки и мамки. Разъ она выпросилась въ садъ погулять съ няньками и мамками; поднялся вѣхоръ и унесъ Скипетру-царевну. Няньки и мамки заедались, забросались: «Какъ мы царю скажемъ?» Сказали царю; тотъ въ упадохъ пришелъ. «Какъ мнѣ быть? Какъ ее вернуть?» Кликнулъ кличъ—не отыщеть ли кто. Приѣхали королѣ изъ иной земли—никого не можетъ. Собралъ царь простолюдиѣ—не можетъ ли кто отыскать? Тотъ говоритъ: «Не могу». Другой: «Не могу. Мы не зна(е)мъ, гдѣ отыскать». Позади людей стоитъ мастеровой человѣкъ, Иванъ Туртыгинъ, и говоритъ: «Если мнѣ царь половину царства отдастъ, а ее въ жены—я отыщу!» Народъ услыхалъ, взяли его, привели къ царю: «Вотъ, ваше царское величество, онъ общается, только бы вы исполнили». Тотъ говоритъ: «Царское слово свое не измѣню». Иванъ Туртыгинъ и говоритъ: «Все, что мнѣ нужно, чтобы все было готово: былъ бы мнѣ большой корабль, матросы да въ услуженіе мнѣ стараго служащаго». У царя все готово. Подплылъ Иванъ Туртыгинъ. Подъѣзжаетъ къ царству, гдѣ этотъ самый Змѣй Горынычъ живетъ; оставилъ корабль, а самъ пошелъ пѣший. Подходить къ царству—пастухи скотину пасутъ.

«Что, пастухи, чье это царство?» «Змѣя Горыныча». «А что онъ у васъ женатъ, али холостъ?» «Нѣтъ, онъ недавно женился: у бѣлаго царя дочь унесъ». «А что, мнѣ придти можно?» «Можно: у насъ ни часовыхъ, ни вѣстовыхъ».

Всходитъ Иванъ Туртыгинъ въ палаты, беретъ Скипетру-царевну за руку и уводитъ съ собой. Увелъ на корабль, велѣлъ корабельщикамъ, чтобы на палабу какъ можно пороху насыпать и фитиля зажигать. Поплыли они. Вдругъ Змѣй Горынычъ узналъ и—въ погоню. Они зажгли порохъ, онъ крылья спалилъ и отлетѣлъ. «Ну, хорошо же! Теперь ты», говоритъ,—«Иванъ Туртыгинъ, поплывешь: заѣзжай къ моей сестрицѣ, Лютой Змѣицѣ, снеси ей отъ меня поклонъ». «Хорошо». Доплываетъ до этого мѣста, гдѣ сестра его, оставляетъ корабль, а самъ идетъ къ Дѣвицѣ Лютой Змѣицѣ. «Здравствуй», говоритъ,—«Дѣвица Лютая Змѣица! Тебѣ Змѣй Горынычъ кланяться велѣлъ». Она говоритъ: «Благодарю. Садись! Гость будешь. Давай со мной въ шашки играть». «Извольте». Сѣли они. Играли, играли—и видитъ Иванъ Туртыгинъ, что она его обыгрываетъ: бросилъ шашки и говоритъ: «Это что за шашки? У меня вотъ на кораблѣ—ну такъ шашки! Я за ними схожу». Она не отпускаетъ его: «Ты, говоритъ, обманешь!» «Вотъ вамъ, если такъ, а я стараго генерала оставляю, когда не вѣрите; а самъ сейчасъ приду».

Всходитъ на корабль и велитъ на двѣ четверти пороху на палабу насыпать. Дѣвица Лютая Змѣица видитъ, что его нѣтъ, собрала своихъ подданныхъ и—въ погоню за нимъ. Собралась ихъ туча и полетѣла. Она вслѣдъ кричитъ: «Топите корабль!» Иванъ Туртыгинъ увидалъ и велѣлъ зажечь порохъ. Тѣ налетѣли, какъ дикіе камни—сталъ корабль качаться. Какъ порохъ взорвало, такъ ихъ и разметало въ море. Оставшіе полетѣли къ Дѣвицѣ Лютой Змѣицѣ назадъ. Она во второй разъ еще больше силы собрала, чтобы этотъ корабль утопить. Иванъ Туртыгинъ еще больше велѣлъ пороху насыпать. Раскидалъ ихъ опять половинную часть, коли не больше. Они улетѣли и говорятъ Дѣвицѣ Лютой Змѣицѣ: «Достать его нельзя!» Она вышла и говоритъ: «Ну, обманулъ ты Змѣя Горыныча, обманулъ меня Дѣвицу Лютую Змѣицу; поѣдешь мимо—заѣзжай къ дѣдушѣ Кривому Богатырю, скажи поклонъ». «Хорошо заѣду». Доѣзжаетъ до мѣста, оставилъ корабль, а самъ ушелъ

къ Кривому Богатырю. Кривой Богатырь сидитъ обѣдаетъ: жареный быкъ передъ нимъ да чанъ воды. «Здравствуй, дѣдушка Кривой Богатырь!» «Ахъ, Иванъ Туртыгинъ! Куда тебя это, какъ Богъ занесъ?» «Къ тебѣ побывать пріѣхалъ. Дѣвица тебѣ Лютая Змѣица кланяется. Была, говоритъ, у нашего батюшки обжорлива корова: по стогу сѣна съѣдала, по чану воды выпивала». «Ты еще, Иванъ Туртыгинъ, молодѣхонекъ надо мной старикомъ смѣяться». «Прости, дѣдушка Кривой Богатырь, я пошутилъ». «Ну, ничего: садись со мной обѣдать». Сѣлъ, поѣлъ, дѣлать нечего и видитъ—плохо дѣло: выдти негдѣ ему отъ него. «А, чай», говоритъ,—«дѣдушка, тебѣ какъ хочется, чтобы о б ѣ и м и глазами глядѣть?» «Когда бы не хотѣлось—все бы лучше обѣими-то видѣлъ». «Я тебя вылѣчу: обѣими будешь глядѣть. Нѣтъ ли у васъ олова?» «Когда же нѣтъ?» Растопилъ Иванъ Туртыгинъ олово. «Нужно тебя теперь къ столбу привязать!» Привязалъ къ столбу, середь двора. «Поворотись-ка!» Кривой Богатырь какъ поворотился, куды все пошло! «Ну, нѣтъ, тебя надо старыми моржовыми ремнями привязать. Нѣтъ ли?» Тотъ сыскалъ. Привязалъ Иванъ его; велѣлъ поворотиться. Старикъ поворотился—ремни держатъ. Иванъ взялъ олово, растопилъ и вылилъ ему въ послѣдній глазъ. «А, Иванъ Туртыгинъ, обманулъ ты меня, да нѣтъ не обманешь! Двери держи! Калитки держи и заборы держи!» Нѣтъ Ивану Туртыгину ходу: ходилъ, ходилъ, выдти некуда. У старика овцы были. Вотъ онъ взялъ къ нимъ зашелъ, да себя барану подъ брюхо и подвязалъ. Кривой Богатырь ходитъ, ищетъ Ивана Туртыгина, нигдѣ не найдетъ. Кривой и вскричалъ: «Барашекъ, поди сюда!» Барашекъ одинъ подойдетъ, онъ его погладитъ, а Иванъ то своего барана въ бокъ уколеть, тотъ богатыря то рогами хлысть: «Шалишь, барашекъ!» А баранъ то вдругорядъ. Осердился Кривой Богатырь, взялъ его за рога и выкинулъ черезъ заборъ, на улицу. Иванъ Туртыгинъ ушибся; отвязался, полежалъ малость, всталъ и говоритъ: «Ну, дѣдушка Кривой Богатырь, прощай!» «А, обманулъ Змѣя Горыныча, обманулъ Дѣвицу Лютую Змѣицу, обманулъ и меня, Криваго Богатыря! Пойдешь лѣсомъ, тамъ есть сабля, возьми ее: годится тебѣ!»

Подходитъ Иванъ Туртыгинъ къ лѣсу, видитъ виситъ сабля, на деревѣ качается, и думается ему: «Если мнѣ ее взять, кабы чего

не было». Взялъ мизинчикомъ тронулъ, а дѣдушка Кривой Богатырь кричитъ: «Держи!» Мизинчикъ и присталъ. Взялъ Иванъ Туртыгинъ ножикъ и отрѣзалъ себѣ палецъ. Шелъ путемъ дорогой; близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли—и усталъ. Нашелъ на него Заплетай Заплетайчъ, сорокъ рукъ, сорокъ ногъ и облапилъ его; и не можетъ онъ отъ него отодратъся. На себѣ его долго носилъ, даже усталъ; шелъ и запнулся за мертвую богатырскую голову. Взялъ да и толкнулъ ее ногой. Та и говоритъ: «Не толкай меня, Иванъ Туртыгинъ! Лучше схорони въ песокъ. Я отъ его рукъ въ землю пошелъ» (отъ Заплетая Заплетайча стало быть). Пришелъ Иванъ, вырылъ яму и положилъ голову въ песокъ. Голова и говоритъ: «Я тебѣ скажу, какъ отъ него избавиться: пойдешь ты вотъ этимъ доломъ и нападешь на ягоды; однѣ ягоды сладкія и манныя, а другія ягоды—пьяныя; сладкихъ самъ поѣшь, а пьяныхъ ему бросай, черезъ плечо; когда онъ напьется, ты сядь на припорѣ солнца».

Иванъ Туртыгинъ все это сдѣлалъ. Заплетай Заплетайчъ опьянѣлъ, уснулъ: и руки, и ноги расплелись. Иванъ убѣжалъ, а его тутъ оставилъ. Бѣгъ онъ мало ли много ли, подходитъ къ другому лѣсу, и дерутся левъ съ окаяннымъ. Увидали его—окаянный и говоритъ: «Ахъ, Иванъ Туртыгинъ! Помоги мнѣ лютаго звѣря убить!» А лютый звѣрь говоритъ: «Эхъ, Иванъ Туртыгинъ! Ужли ты меня на окаяннаго смѣняешь? Помоги мнѣ! Вотъ тебѣ коверъ самолетъ и шапка невидимка, если мнѣ поможешь».

Онъ взялъ саблю и снесъ съ окаяннаго голову. Левъ и говоритъ: «Ну, садись на меня! Я тебя до царства донесу!» Довезъ онъ его до царства, снялъ съ себя и говоритъ: «Ну, Иванъ Туртыгинъ, допьяна не напивайся, а мной звѣремъ не похваляйся!» Простылись. Левъ ушелъ.

Въ царствѣ—звонъ страшный; народу по улицѣ страсть ходить. Онъ и спрашиваетъ: «Что у васъ за звонъ?» «Да у нашего царя свадьба скоро будетъ. Генералы ѣздили, царевну привезли; такъ за одного она выходитъ» (царевна то ему при разставаньи, кольцо имянное дала). «Чай посмотрѣть можно?» «Можно. Царевна у насъ все изъ своихъ рукъ всякому подносить». Приходитъ, докладываютъ, что иностранецъ съ поздравленіемъ пришелъ. Она выходитъ и выноситъ ему стаканъ вина.

Онъ принимаетъ; она и увидала на немъ свое кольцо. Беретъ его за руку, ведетъ къ отцу въ палату. «Вотъ, батюшка, мой избавитель!» Женихъ осердился. «Ну», говорятъ, — «разкажи, какъ вы ее достали?» Онъ и не можетъ.

Генерала повѣсили, а Ивана Туртыгина въ царскую одѣжу одѣли. Веселымъ пиреомъ да за свадьбу. Пили, гуляли долго. Иванъ напился, да и говоритъ: «Гдѣ бы мнѣ къ вашей свадьбѣ поспѣть, кабы меня лютый звѣрь левъ не подвезъ». Лютый звѣрь услыхалъ и идетъ, зубами скрипитъ. «Подайте мнѣ виноватаго!» Того высылаютъ, другого. «Нѣтъ, не тотъ. Виноватаго давайте!» Иванъ Туртыгинъ услыхалъ и говоритъ: «Ну, батюшка, видно мнѣ идти надо къ лютому звѣрю». Выходитъ и говоритъ: «Виноватъ! Прости!» «Нѣтъ, не прощу, я тебя похичу!» «Пожалуйста прости! Тогда меня похитъ, когда я тебя угощу. Погулай и ты на моей свадьбѣ».

Принесли корыто и налили въ него разныхъ винъ. Левъ напился и повалился. Его и сковали: и ротъ и ноги, всего. Какъ онъ проснулся и говоритъ: «Эхъ, Иванъ Туртыгинъ, вспомни Бога, отца и мать! Раскуй меня, лютаго звѣря!» «Нѣтъ, не раскую; а вотъ выпей еще, тогда раскуемъ». Еще налили. Левъ напился дѣбьяна, его и расковали. Проснулся левъ, у бѣгъ, да и говоритъ: «Кто вино это пьетъ—недобрый человѣкъ. Тутъ не только на кого скажешь, и на себя нанесешь!» А Иванъ Туртыгинъ женился на Скипетръ-царевнѣ и сталъ жить да поживать.

(Записано со словъ симбирской мѣщанки Елены Степановны Смирновой).

3.

Борма Ярыжка.

Царь Иванъ Васильевичъ кликалъ кличь: «Кто мнѣ достанетъ изъ Вавилонскаго царства корону, скипетръ, руку державу и кинжку при нихъ?» По трое сутокъ кликалъ онъ кличь, но никто не являлся. Приходитъ Борма-ярыжка. «Я», говоритъ, — «могу

достать, а для этого мнѣ надо снарядить корабль, да тридцать человекъ дайте мнѣ матросовъ; корабль чтобы весь былъ окованъ жестию, всѣ снасти и мачты, да тридцать бочекъ въ него пороху, да на три года провизіи, и если я черезъ три года не ворочусь, значить—меня живъ не будетъ. А теперь мнѣ съ молодцами дайте попить да погулять». Ну вотъ онъ шесть недѣль съ ними пьянствовалъ, пропился весь. Пошли на корабль. Вѣтеръ былъ попутный, подняли паруса и живо затопились. Приѣзжаютъ къ Вавилонскому царству. Онъ сошелъ на берегъ, взялъ двоихъ съ собой матросовъ. А Вавилонское царство все было съѣдено змѣями. На берегу они нашли часовенку. Они ее разбили и нашелъ онъ въ ней корону, скипетръ и рукъ державу и книжку при нихъ. Матросы говорятъ: «Ну, теперь добыли—пойдемте на корабль!» А онъ: «Нѣтъ», говорить,—«надо въ городъ сходить, а то насъ будутъ спрашивать, а мы ничего не знаемъ». Змѣи все пожирали, ничего кругомъ не осталось, а спали между обѣдной и заутреней въ Свѣтло-Христово Воскресенье. Въ это время Борма и вышелъ на берегъ. Царь Вавилонскій издалъ указъ, чтобы на всемъ змѣи были вырѣзаны и написаны: и на чашкахъ, и на лежахъ, и на монетахъ.—Богъ его и наказалъ: всѣ эти змѣи ожили и поѣли все живое. Около города, вмѣсто стѣны, змѣя обвивалась. Ну вотъ Борма Ярыжка, чтобы перелѣзть стѣну и змѣя не задѣть, слѣпилъ лѣстницу и перелѣзъ. Когда онъ шелъ городомъ, змѣи, какъ мертвые, подъ ногами лежали. Иная взметнется, какъ наступать, и опять спитъ. Онъ никого живаго не нашелъ и пошелъ прямо во дворецъ. Приходить—всѣ комнаты пустыя, а въ последней царской комнатѣ сидитъ (сдѣланная) Царь-Дѣвка—на половину змѣя, на половину дѣвка. Она надъ всѣмъ змѣинымъ царствомъ царствовала. Когда Борма Ярыжка вошелъ, она увидала и говоритъ: «А, Борма Ярыжка! Ты шелъ изъ Русскаго царства доставать корону, скипетръ, рукъ державу и книжку, и они у тебя?» «У меня». «Досталъ?» «Досталъ». «Разорву, съѣмъ!» «Ну, чего ты меня разорвешь? Много ли во мнѣ мяса? Вотъ я тебѣ двоихъ въ залогъ оставлю, да и остальныхъ приведу: все одно вмѣстѣ пропадать. Черезъ часъ вернусь». Она отпустила его да и говоритъ: «Ну ступай, да не обмани!» Не успѣлъ онъ ступить изъ ея комнаты, Царь-Дѣвка на матроса одной ногой ступила, другой

розорвала при немъ же. А Бормѣ Ярыжка, какъ прибылъ на корабль такъ и закричалъ: «Рубите канаты! Поднимайте паруса!» Проходитъ часъ; Царь-Дѣвка видитъ—его нѣтъ. Посмотрѣла—анъ чуть парусъ видно. «А, хитѣрь, мудѣрь Бормѣ Ярыжка, да не уйдешь!» И закричала: «Эй, вы змѣи мои, змѣи лютые! Поднимайтесь, летите, трехглавые, шестиглавые, вотъ на этотъ корабль, утопите его!» А Бормѣ сейчасъ велѣлъ три бочки пороху вынуть, разбить ихъ и разсыпать порохъ по палубѣ. Змѣи налетѣли, общипили корабль и всё снасти облѣпили. Царь-Дѣвка прыгаетъ на крыльцѣ, радуется: «А! Попался!»

Онъ огонь въ порохъ и кинулъ. Порохъ взорвало и у змѣевъ всё крылья опалило; которыхъ добили, которыхъ пожгли. «А!» сказала Царь-Дѣвка—«хитѣрь-мудеръ Бормѣ-Ярыжка!» Потомъ велѣлъ онъ матросамъ всё бочки выкатить и разбить на палубѣ, а самъ въ лодку сѣлъ одинъ и уѣхалъ. «Когда змѣи налетятъ, вы порохъ и зажгите!»

Прилетѣлъ Змѣй Горынычъ, что около города стѣной лежалъ и съ нимъ много змѣевъ. Двадцать семь бочекъ съ порохомъ взорвало, змѣй многихъ пожгло, а Змѣй Горынычъ уцѣлѣлъ и началъ корабль топить. Корабль и потонулъ. Царь-Дѣвка на крыльцѣ заплясала. «Ну, Бормѣ Ярыжка! Потонулъ таки!» Ну, чортъ, пляши! Я то здѣсь, да вотъ товарищей жалъ». Поплакалъ Бормѣ да и сталъ думать: «Что дѣлать мнѣ? Водой ли плыть, сухимъ ли путемъ идти? Водой поплыву, хоть и скорѣй можетъ (быть), да ѣсть нечего будетъ. Нѣтъ, лучше сухопутьемъ. Тутъ хоть корешокъ найдешь, съ голоду не умрешь». Вышелъ изъ лодки и пошелъ. Шелъ много ли мало ли, приходитъ къ великолѣпному дому. Окруженъ домъ каменной стѣной и ворота заперты. Началъ стучаться—отзыву нѣтъ, никто не откликается. А любопытство его разбираетъ: кто тутъ живетъ? Разбойники, кто ли? Сѣлъ на лавочку и сталъ ждать. Къ вечеру идетъ великанъ одноглазый, съ лѣсомъ ровень. «А! Бормѣ Ярыжка! Здравствуй!» «Здравствуй!» «Ты у сестры моей былъ?» «Былъ.» «Корону, скипетръ, руку державу и книжку досталъ?» «Досталъ.» «Змѣевъ выжегъ?» «Выжегъ.» «Сестру мою обманулъ?» «Обманулъ.» «Ну, я тебя разорвусь—сѣмъ!» «Ну, чего ѣсть то: развѣ отъ меня сытъ будешь? А вотъ давай по братски сдѣлаемъ: у тебя вотъ одинъ глазъ то, а я тебѣ

два сдѣлаю. Ты теперь одно царство видишь, а тогда—два. Пойдемъ! Гдѣ у тебя казна и каменья драгоцѣнныя?» Нашелъ—посмотрѣлъ. «Для глаза», говоритъ,—«надо. Станокъ ладить давай, тебя положить!» Сдѣлалъ станокъ, да связалъ великана снастями «Ну ка рванись, а то вѣдь глазъ то испортить можно». Тотъ какъ рванулся, такъ все и перелетѣло. И второй разъ то же. Скрутилъ Борма великана воловьими жилами и спрашиваетъ: «Ну, а теперь не разорвешь?» «Нѣтъ», говоритъ.

Онъ пошелъ, взявъ олова, растопилъ, да и говоритъ великану: «Растопырь глазъ то, а то ошибешься—не такой сдѣлаешь». Тотъ раскрылъ глазъ, а Борма и вылилъ туда горячаго олова. Великанъ порвалъ воловьѣ жилы, все изорвалъ и поломалъ. «А», говоритъ,—«ты меня обманулъ! Ну, да постой, найду!» Затворилъ ворота и камень къ нимъ привалилъ. Некуда Бормѣ дѣться. А у одноглазаго, въ родѣ товарища, возелъ громадный жилъ. Вотъ Борма то и подвязался къ козлу подъ брюхо, а то не уйдешь пожалуй—и давай его подъ бока щекотать. А возелъ то привыкъ съ одноглазымъ играть, разбѣжится, разбѣжится, да и ткнетъ. А тотъ говоритъ: «Уйди, Васька, теперь не до тебя!» Надоѣлъ онъ одноглазому. Тотъ разсердился, схватилъ возла за рога, хотѣлъ объ стѣну расшибить, да съ Бормой вмѣстѣ черезъ стѣну и перекинулъ.

Борма не съ пустыми руками ушелъ. Какъ только очутился на той сторонѣ, отвязался отъ козла и крикнулъ: «А я здѣсь!» «А, Борма Ярыжка!» закричалъ одноглазый,—«хитеръ ты и мудеръ! Ну! на отъ меня на память золотой топорикъ! Все равно! Борма Ярыжка думаетъ: «Не даромъ онъ кидаетъ». Подошелъ да мизинцемъ чуть дотронулся до топорика. Какъ дотронулся, топорикъ и закричалъ: «Хозяинъ! Здѣсь! Держу!» Борма Ярыжка схватилъ ножикъ и отрѣзалъ себѣ палецъ. Пока тотъ отваливалъ камень, Борма убѣждалъ. «Эхъ!» крикнулъ топорикъ,—«не поспѣлъ! Вотъ тебѣ одинъ палецъ!» Великанъ винулся, весь его сгрызъ; а Борма гдѣ за дерево спрячется, гдѣ камнемъ лункетъ—ушелъ.

Долго ли шелъ, нѣтъ ли, не далеко до Русской земли осталось: только черезъ рѣчку перейти. Опять увидалъ великолѣпный дворецъ. «Дай погляжу». Дождался до вечера—приходить дѣвка. «А Борма-Ярыжка! здравствуй! Ты въ Вавилонскомъ царствѣ былъ?»

«Быль». «У моей сестры былъ?» «Быль». «Змѣевъ выжегъ?» «Выжегъ». «А у брата былъ?» «Быль». «Глазъ ему-выжегъ?» «Выжегъ». «Ну, я тебя разорву—съѣмъ! Да еще я на тебя люблюсь и помучаю!»

Эта дѣвка его каждый день смертью страдала и двадцать лѣтъ съ нимъ прожила и прижила сына. Стало сыну двадцать лѣтъ. Вотъ разъ она уходитъ въ Вавилонское царство, къ сестрѣ, а Борму на цѣпи оставила и говоритъ сыну: «Я пойду, цѣпный день не буду. Смотри, съ цѣпи отца не отпускай, а то онъ хитеръ и мудеръ. Самого разорву, колипустишь: а къ вечеру я сама вернусь». Она ушла. Бормъ и подзываетъ сына: «Сними цѣпь то, дай я похожу». Тотъ снялъ. Походили. «Чего мы», говоритъ Бормъ,—«такъ то зря ходимъ? Пойдемъ на рѣку, утокъ пострѣляемъ!» «Нѣтъ, батюшка, ты меня обманеши.» «Нѣтъ, зачѣмъ? Ты вѣдь сынъ мнѣ! Вѣдь тошно мнѣ: я двадцать лѣтъ на цѣпи сидѣлъ!» Пошли утокъ стрѣлять на рѣку, а за эту рѣку нечисть не перелетала. Убилъ Бормъ утку и послалъ сына за уткой; самъ плотъ сдѣлалъ на рѣкѣ и поплылъ; «Батюшка!» закричалъ сынъ — «что ты дѣла(е)шь»? А дѣвка ужъ на берегъ прибѣгла, кричить: «А, Бормъ Ярыжка! хитеръ и мудеръ! На вотъ тебѣ твою то половину, не надо мнѣ!» Разорвала сына да и кинула ему половину. Одна капля нечистой крови попала на плотъ, онъ и сталъ тонуть. Бормъ взялъ да ножомъ ее и вырѣзалъ. Плотъ опять поплылъ и перѣхалъ въ Русь святую. Дѣвка побѣсилась, побѣсилась, а сдѣлать нечего: на ту сторону не перекинешься. Бормъ посмѣялся надъ ней и дальше пошелъ. Приходить въ такое мѣсто, словно вычищенный садъ. Мѣстами выбито, словно ямами, мѣстами па кустахъ кровь. «Что бы это было? Дай узнаю». Взялъ Бормъ Ярыжка и взлѣзъ на дерево и спрятался въ вѣтвяхъ. Немного посидѣвши, видитъ: бѣжитъ левъ и въ ту же минуту прилетаетъ змѣй, и начали они между собой биться; только до того бились, что оба ослабѣли и упали, а одинъ другого не отпускаютъ. Вотъ Бормъ Ярыжка и думаетъ: «Кому помочь? Отъ змѣевъ я много терпѣлъ, заступлюсь за льва». Взялъ да и выстрѣлилъ въ змѣя. Змѣй раненый ослабѣлъ, и левъ его задушилъ. Задушилъ змѣя и смотритъ, глазами ищетъ кто это ему помогъ. А Бормъ боится слѣзть съ дерева: кабы его левъ то не съѣлъ. Левъ увидалъ Борму и говоритъ: «Слѣзь! Я

тебя не съѣмъ. Тебѣ еще три года идти, а я тебя въ три часа домчу, только ты мной не хвались, а то я тебя съѣмъ!» Борма слѣзъ и сѣлъ на льва. Тотъ его мигомъ довезъ до города и убѣждалъ. Борма пошелъ прямо во дворецъ и сказалъ о себѣ; а тамъ ужъ и забыли о немъ, потому что тридцать лѣтъ какъ его не было. Стали искать въ архивахъ и нашли, что дѣйствительно тридцать лѣтъ назадъ былъ отправленъ корабль за поискомъ короны, скипетра, рукъ державы и книжки при нихъ. «Ну что, чѣмъ мнѣ тебя наградить?» спрашиваетъ Борму Иванъ Васильевичъ. «Да что? Дозволь мнѣ три года безданнымъ, безпошлинно пить во всѣхъ кабакахъ!» И вотъ сталъ Борма пить попивать, пьяницъ за нимъ нетолчена труба. Напившись разъ, онъ хвалиться сталъ: «Мнѣ бы еще три года идти, да меня левъ подвезъ въ три часа, за то что я змѣя убилъ». Какъ эти слова выговорилъ и спохватился, да ужъ поздно. Сейчасъ же побѣжалъ на царскій дворъ и велѣлъ врыть въ землю три пивныхъ котла и укрѣпить ихъ какъ можно крѣпче. Только что успѣли ихъ укрѣпить и налить въ одинъ меду, въ другой вина, а въ третій самага крѣпкаго спирту, какъ поднялась буря, и вслѣдъ за ней бѣжить левъ и сейчасъ же къ Бормѣ! «А, ты мной похвалился! Такъ я тебя съѣмъ!» «Это не я». «А кто же?» «Хмѣль». «А гдѣ онъ?» Онъ ему указалъ на котелъ съ медомъ. Левъ весь котелъ выпилъ и выворотилъ изъ земли. «Кто мной хвалился?» «Хмѣль». «А гдѣ онъ?» Онъ ему указалъ на котелъ съ виномъ. Левъ его весь выпилъ и выворотилъ. «Кто же мной хвалился?» «Хмѣль». «А гдѣ онъ?» Онъ ему показалъ на котелъ со спиртомъ. Левъ выпилъ котелъ, выворотилъ и пьяный тутъ же растянулся.

Борма велѣлъ вбить около льва столбы и оковать цѣпами. Когда левъ встряхнулся—хватъ и встать нельзя. Борма подошелъ и говоритъ: «Вотъ видишь что хмѣль то дѣлаетъ? Не я тобой хвалился, а хмѣль. Я тебѣ бы теперь могъ голову срубить, да не сдѣлалъ этого». «Ну, пусть, Борма Ярыжка!» Тотъ велѣлъ его расковать; левъ и убѣжалъ. Послѣ этого Борма недѣли три пьянствовалъ и опился въ кабаки.

(Записано отъ симбирскаго мѣщанина Петра Степановича Полуехтова).

4.

Иванъ царевичъ и Марья краса, черная коса.

Въ нѣвѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣвѣкоторомъ было государствѣ, не въ нашемъ было королевствѣ. Это будетъ не сказка, а будетъ присказка; а будетъ сказка завтра послѣ обѣда, поѣвши мягкаго хлѣба, а еще поѣдимъ пирога, да потянемъ бычка за рога. Жилъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, у него былъ большой сынъ Василій царевичъ, а второй былъ сынъ Митрій царевичъ; малый сынъ былъ Иванъ царевичъ. Вотъ Василій возрасталъ на возрастѣ и вздумалъ его царь женить и очень долго невѣсту не находили. То найдутъ невѣсту—отцу съ матерью хороша, ему не нравится; то онъ найдетъ себѣ невѣсту—отцу съ матерью не кажется. Вотъ идетъ же Василій царевичъ путемъ дорогой, по широкой улицѣ, повстрѣчается ему старуха, толстое ея брюхо, и говоритъ Василью царевичу: «А вотъ я тебѣ, Василій царевичъ, невѣсту нашла!» А онъ ей и говоритъ: «Гдѣ же ты, баушка, нашла?» «А вотъ у этого генерала дочь, вамъ нужно ее замужъ взять». И сказала старуха, что она б . . . б. Приходитъ Василій царевичъ къ своему тятенькѣ и говоритъ: «Тятенька, я невѣсту нашелъ, вотъ у такого то генерала дочь». Тятенька говоритъ ему, что можно ее замужъ взять. У царя неколи было пиво варить и неколи было вина курить. Пива много наварили и вина накурили, и повезли ихъ вѣнчать. Привозятъ отъ вѣнца, кладутъ на ложу. Вотъ на ложу онъ съ ней не ложился, а въ чистое поле отъ нея отшатился и теперь тамъ на конѣ ѣздитъ. Хватились отецъ съ матерью, что Василья царевича въ домѣ нѣтъ, и негдѣ его искать.

Иванъ царевичъ и спрашиваетъ своего тятеньку: «А что, тятенька, это у насъ за женка?» Отвѣчаетъ ему царь: «Это вамъ невѣстка». «А гдѣ же у ней мужъ?» «Уѣхалъ во чистое поле давно, и теперь его нѣтъ». И говоритъ Иванъ царевичъ: «Тятенька, благословите, я поѣду братца искать, Василья царевича». «Богъ тебя благословитъ», сказалъ царь,—«знать ты мнѣ не кормилецъ!» А в о т ъ

осѣдла и лѣ Иванъ царевичъ себѣ добраго коня и поѣхалъ во чистое поле, во дикую степь своего брата искать, Василья царевича. Во чистымъ полѣ, во дикой степѣ раскинутъ былъ бѣлый шатеръ; во шатрѣ почивалъ Василій царевичъ. Подѣхалъ Иванъ царевичъ ко бѣлу шатру, восходилъ Иванъ царевичъ во бѣлой шатеръ и хотѣлъ его соннаго убить (не знаетъ чей такой) и думаетъ себѣ: «Что я его убью соннаго, какъ мертваго? Не честь не хвала мнѣ доброму молодцу, а дай ка лучше ото сна разбужу, ото сна его разбужу и все подробно его распрошу и чей такой и откуда и куды путь держить».

Вдругъ проснулся Василій царевичъ и сталъ спрашивать: «Чей ты такой, добрый молодецъ?» «Изъ такого то царства и такого то отца матери». «А чего тебѣ нужно?» «А мнѣ нужно гдѣ бы найти брата своего, Василья царевича». Сказалъ ему Василій царевичъ: «Кто ты таковъ?» «Я Иванъ царевичъ!» «Иванъ царевичъ у насъ», сказалъ Василій царевичъ, — «трехъ лѣтъ въ зыбочѣ катаеся». Отвѣчалъ Иванъ царевичъ: «Онъ сейчасъ не въ зыбочѣ катается, а по дикой степѣ на конѣ помыкается и хочетъ розыскать своего брата Василья царевича». И сказалъ Василій царевичъ: «Я самъ онъ!» Сѣли они тутъ на добрыхъ коней и поѣхали куды знаютъ. Заѣхали въ зеленые луга—ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Уѣхали далече. Они сами на коняхъ приутомились, и кони ихъ притупѣли, и шелковые плети они приразбили. И сказалъ старшій братъ Василій царевичъ: «А давай-ка, братъ, отдохнемъ и коней покормимъ!» Сказалъ ему Иванъ царевичъ: «А что знаешь, братецъ, то и дѣлаешь!» Слѣзли съ добрыхъ коней и пустили ихъ по зеленымъ лугамъ. Сказалъ Василій царевичъ: «О, ты братъ Иванъ царевичъ, лягъ отдохни, а я пойду по зеленымъ лугамъ, не найду ли поганнаго зайчишки; убью, къ тебѣ принесу, мы его зажаримъ». А сказалъ Иванъ царевичъ: «А ступай, братецъ, съ Богомъ!» И пошелъ Василій царевичъ куды знаетъ и подходитъ къ превеличашему къ синему морю, и тутъ является хижинка. Восходитъ Василій царевичъ въ хижинку. Посмотрѣлъ: въ хижинкѣ сидитъ красная дѣвица, сидитъ, горько плачетъ и передъ ней гробъ стоитъ. И сказалъ Василій царевичъ: «Что ты, красная дѣвица, плачешь?» «А какъ мнѣ, Василій царевичъ, не плакать? Последній я часъ на вольномъ

свѣтъ. Сейчасъ вылѣзаетъ изъ моря змѣй и меня поѣдаетъ». Сказалъ ей Василій царевичъ: «Не плачь, красная дѣвица: я бы былъ живъ, будешь и ты жива!» Легъ Василій царевичъ къ ней на колѣни и сказалъ: «Поищи, красная дѣвица, меня!» Стала та искать, онъ и крѣпкимъ сномъ уснулъ. И вотъ во снѣгѣ морѣ разбушевались сильныя волны, и поднялся лютый змѣй, и башка его, трехведерный котелъ, вылѣзаетъ изъ моря, идетъ съѣсть красную дѣвицу. Она крѣпко его будила: «О, Василій царевичъ, проснись! Съѣсть насъ съ тобой лютый змѣй!» Спитъ Василій царевичъ, ничего не чувствуетъ. Роняетъ красная дѣвица изъ своего изъ праваго глазу горючую слезу и пала горючая слеза Василію царевичу на бѣлое его лицо, и какъ пламенемъ обожгло. И проснулся Василій царевичъ и смотритъ, что лѣзетъ лютый змѣй; вынулъ свою саблю вострую, махнулъ его по шеѣ и отвалилъ дурную его башку. Туловище захватилъ, въ море бросилъ, а дурную башку подъ камень положилъ. И сказалъ Василій царевичъ красной дѣвицѣ: «Вотъ я живъ и вы живы!» «Благодарю, Василій царевичъ, буду я вѣчно твоя жена!» И отправился Василій царевичъ къ своему брату, къ Ивану царевичу. Приходитъ, ничего не приносить. «Не нашелъ, братъ, ничего».

А эта дѣвица красная была привезена изъ и н н а го царства. Тутъ чередовали людей казнию ночь. У и н н а го царя былъ дворной дуракъ и посылаетъ его царь посмотрѣть, что дѣлается въ келейкѣ. Дуракъ запретъ трюногоньку лошадеку, худеньку тележонку, положилъ на нее бочку и поѣхалъ въ море за водой. Взошелъ въ келейку—красна дѣвица живая сидитъ. Онъ же дуракъ сохватилъ ее въ беремя, посадилъ на бочку и повезъ домой. И сказалъ дуракъ царю: «Я», говорить,—«убилъ вашего змѣя!» Царь больно обрадовался и свою дочь за него замужъ выдавалъ (котору онъ привезъ). Тутъ такое то было гулянье! Двери были растворены, и кабаки были всѣ открыты. Вотъ этого было вина изъ смоляной бочки и пить нельзя! И былъ таеъ пиръ навеселѣ и такой балъ, что и чертъ не спозналъ. Вотъ дуракъ сталъ съ ней жить да быть, да добро наживать, а худо то проживать. А Василій царевичъ да Иванъ царевичъ сѣли на добрыхъ на коней и поѣхали въ и н н о е царство, гдѣ этотъ пиръ идетъ. Приѣзжаютъ къ царю. Царь ихъ встрѣчаетъ и крѣпко ихъ почитаетъ и сказалъ

же Василій царевичъ: «А что, царь, у тебя за балъ?» Отвѣчаетъ ему царь: «Я дочку замужъ отдалъ!» Сказалъ Василій царевичъ: «А именно за кого?» «За дворного дурака». «А по какой причинѣ?» «Онъ отъ смерти ее отвелъ». Разказалъ ему царь поведеніе, что у нихъ каждую ночь тутъ былъ человѣкъ на сѣденіе. Повезли на сѣденіе дочь, а дурацкая харя поѣхалъ на море по воду и срубилъ съ змѣя голову, а дочь живую привезъ. Взяли ее да замужъ за дурака и отдали. Василій царевичъ и говоритъ: «А что, инный царь, надо бы этого змѣя мертваго посмотреть. Позовите своего зятя; онъ долженъ намъ его указать, гдѣ онъ лежитъ». Позвали дурака. «А поди же, дуракъ, съ нами иди же», сказалъ Василій царевичъ, — «укажи, гдѣ змѣй лежитъ». Больно ему стало грустно, что дуракъ съ его нареченной невѣстой лежитъ. Подводитъ дуракъ къ морю и говоритъ: «Вотъ тутъ лежитъ». Василій царевичъ и говоритъ: «А подайте ка неводъ, да еще мастеровъ сюда! А кто можетъ неводомъ ловить и вдоль по морю бродить?» Появились мастера, кидали шелковые неводъ—а тутъ нѣтъ ничего. А онъ, дурацкая статъ, не видалъ никого. Василій царевичъ и говоритъ: «Рыболовы господа! Киньте неводы вотъ сюда!» Кинули неводы и вытащили престрашную чуду, туловище. И сказалъ Василій царевичъ: «А скажи ка, дуракъ, гдѣ его глава?» Тотъ не знаетъ отвѣтить чего. «Вотъ, дуракъ, гдѣ голова: подъ камнемъ». Подходитъ дуракъ къ камню и не можетъ его съ мѣста тронуть. Сказалъ Василій царевичъ: «Напрасно сужбу, дуракъ, взял: не ты змѣя убивалъ!» Поднялъ Василій царевичъ камень и вытащилъ главу, и сказалъ инному царю: «Я похитилъ вашего змѣя!» Инный царь оголилъ свою саблю востру и срубилъ съ дурака буйную его башку за то, что онъ криво сказалъ, а свою дочь за Василья царевича обвинчалъ. Вотъ тутъ пили и гуляли, такъ веселились и нѣсколько времени проклажались. И сказалъ Иванъ царевичъ своему брату Василью царевичу: «Проздравляю съ законнымъ бракомъ! Ты нашелъ себѣ невѣсту, а дѣ же мнѣ будетъ искать? Видно надо по вольному свѣту попытать, себѣ сужену поискать». Сѣли они за столъ чайку покушать, а вечеръ пришелъ, легли по разнымъ комнатамъ отдохнуть. Спрашиваетъ Василій царевичъ у своей молодой жены: «А что есть ли на семъ свѣтѣ краше тебя и храбрѣ меня?» Сказала ему красная

дѣвица: «Ну, какая моя красота? Вотъ за тридевять земель, во десятиемъ царствѣ есть Марья-Краса, Черная коса, отличная хороша; только взять ее мудрено. Есть тамъ еще Карка богатырь, и образецъ его, какъ сѣной стогъ. Не могу знать, кто будетъ изъ васъ сильнѣе». Василий царевичъ и сказалъ брату своему Ивану царевичу: «А вотъ, братецъ, гдѣ невѣсту тебѣ назначили». Иванъ царевичъ съ ними распрощался, въ дальнѣйшій путь-дороженьку собирался. Взялъ онъ въ руки острый ножъ и говорить: «Когда этотъ вострый ножъ кровью обольется, тогда меня живаго не будетъ». И поѣхалъ въ чистое поле, въ дикую степь, себѣ сужену искать. Ъхалъ долго ли мало ли и стоитъ избушка, на куричьей голяшѣ повертыватся. «Избушка! Избушка, встань ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ!» Избушка встала къ нему передомъ, а къ лѣсу задомъ. Лежить въ ней Ягая Баба, изъ угла въ уголъ ноги уперла, титки черезъ грядки висятъ, маленьки ребятенки пососываютъ, страшный большой желѣзный носъ въ потолокъ уперла. «А! Иванъ царевичъ, отъ дѣла лытаешь, или дѣло себѣ пытаешь?» Отвѣчаетъ ей Иванъ царевичъ: «Отъ дѣла я не лытаю, а себѣ вдвое дѣла пытаю: ѣду за тридевять земель, въ тридесятое царство найти Марью Красу, Черную Косу. «Охъ», говоритъ Ягая баба,—«мудрено ее взять и мудрено ее достать! Она очень далеке. Поѣзжай еще столько, да полстолько, да четверть столько». Сѣлъ Иванъ царевичъ на добра коня и поѣхалъ. Ъхалъ-ѣхалъ путемъ-дорогою и наѣхалъ до огромнаго лѣсу и захотѣлъ больно поѣсть. Стоитъ превеличайшій дубъ; на дубу шумятъ пчелы. И онъ съ добра коня слѣзалъ, на зеленый дубъ влѣзалъ, медку поѣсть хотѣлъ. Отвѣчаетъ пчелиная матка: «Не трогай, Иванъ царевичъ, мой медъ: нѣ въ которое время сама я тебѣ пригожусь!» Вотъ Иванъ царевичъ такъ на ея слова спонадѣлся, на сыру землю съ дуба спускался; сѣлъ на добра коня и поѣхалъ куды ему путь лежитъ. Не можетъ на конѣ сидѣть: крѣпко ѣсть хочетъ. Ъжить ползучая мышь, гадина. Спрыгнувъ Иванъ царевичъ съ добра коня, сохватилъ и хочетъ ее ѣсть. Говоритъ мышь Ивану царевичу: «Не ѣшь меня: я тебѣ нѣ въ которое время пригожусь!» Бросилъ ее Иванъ царевичъ и дальше поѣхалъ. При большой дорогѣ—небольшая бакалдинка воды и ползать раѣтъ. Вотъ Иванъ царевичъ больно ему радъ, хочетъ его поймать и на

огонечкѣ испечи. Говорить ему ракъ: «О ты, Иванъ царевичъ, хоть ты мнѣ и радъ, а не тревожь ты меня: я тебѣ пригожусь». Иванъ царевичъ крѣпко осерчалъ и рава въ воду кидаль. «А будь де тебѣ не ладно! Все живъ буду, не умру!» И опять поѣхаль путемъ-дорогой. Ъхаль много ли мало ли, долго ли и коротко ли, доѣхаль до Кярки богатыря. Приѣжаетъ, его дома не заставаеъ, только одна его мать. Она его увидала и крѣпко узнала. «Охъ, Иванъ царевичъ, давно тебя ждетъ Кярка богатырь!» Иванъ царевичъ и говорить: «А скажи ка, баушка, гдѣ онъ?» «Третій годъ за невѣстой ѣздитъ». «Въ каку сторону?» «За Царемъ Дѣвицей. Третій годъ ѣздитъ и сужену себѣ не достанетъ; тебя крѣпко желаетъ и на тебя больно серчаетъ: А! только бы онъ подъявился—живаго съѣмъ!»—А поди ка выдѣ во чисто поле во дикую степь, а возьми ка подзорную трубу, а не ѣдетъ ли Кярка богатырь. Если съ радостью ѣдетъ, впередъ его ясенъ соколъ летитъ, а если печальный ѣдетъ, надъ нимъ черный воронъ вьется». Поглядѣль Иванъ царевичъ въ подзорную трубу, увидалъ Карку богатыря, и надъ его главой черный воронъ вьется. Вотъ и сказалъ Иванъ царевичъ баушкѣ: «Несчастный ѣдетъ. «Ну», говорить баушка,—«куда же мнѣ тебя дѣтъ? Онъ ѣдетъ сердитый». Отпираетъ кладушочку и запираетъ замкомъ. «А вотъ», говорить—«тутъ лягъ, полежи. Я перва его водочкой угощу и про тебя разкажу». Явился Кярка Богатырь, говорить мамынькѣ: «А пожалуй ка, мамынька, испить!» Наливала ему баушка чарочку бражки; онъ чарочку выпиваль и пьянъ не бываль. «А дѣ ка, мамынька еще!» А другую выпиваль, и а в е с е л ь позываль. Спрашивать его мамынька: «А дѣ сужена, сынокъ, твоя?» «Измутилъ, мамынька, себя!» «А если бы Иванъ царевичъ приѣхаль?» «А вотъ вотъ было бы мнѣ хорошо: досталь бы я себѣ Царя-Дѣвицу, не одинъ, а съ нимъ, и научилъ бы его, какъ достать ему Марью Красу, Черную Косу». Баушка и говорить: «А чай бы его сейчасъ т у не тронулъ?» «Охъ, ты мамынька моя! Кабы онъ сейчасъ былъ у меня, за руки бы его принималь и въ сахарныя уста бы цѣловаль». Сударыня его матушка и говорить: «А онъ здѣсь, сыночекъ, спитъ въ к л а д о у ш е ч е ѣ». Вотъ Кярка обрадовался, самъ въ кладовую собирался; за руки его принимаетъ, за дубовой столъ сажаетъ, чаемъ-водкой угощаетъ. И сказалъ

Карка богатырь: «Охъ, ты братъ Иванъ царевичъ, а я только про тебя слышалъ, какъ ты родился и въ зыбочѣхъ катаешься!» Иванъ царевичъ и говоритъ: «Я не въ зыбочѣхъ катаюсь, а на доброемъ конѣ по дикой степѣ помыкаюсь. Я не привыкъ въ царствѣ царствовать, я привыкъ по дикой степѣ летать и больше себѣ горя увидать». «А что ты, Иванъ царевичъ, на добромъ конѣ по дикой степѣ помыкаешься, чего ты себѣ розыскивашь?» «А вотъ что», говоритъ Иванъ царевичъ—«за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ есть Марья Краса, Черная Коса; мнѣ хочется ее достать и за себя замужъ взять». Карка богатырь и говоритъ: «Мудрено ее взять, а надо одинъ разъ умирать, тѣло и кости по дикой степѣ раскидать». «Охъ, братъ любезный, Карка богатырь, убытку не принять, такъ въ торговнемъ дѣлѣ и барыша не видать; а если намъ, богатырямъ, по вольному свѣту не полытатъ, да хорошей суженой не поискать—это намъ не честь, не хвала; чтобы мы по вольному свѣту не лытали, чтобы нужды себѣ не видали». «Ну», говоритъ Карка, —«эту сказку, Иванъ царевичъ, бросимъ, а еще нову начнемъ».

Тутъ начиналась сказка, начиналась побаска отъ сивки и отъ бурки, и отъ курицы виноходки, отъ зимняка поросенка на ступчатого. Вотъ поросенокъ наступаетъ, сказывальщика съ г.... сбиваетъ; вотъ сказывальщикъ, онъ былъ Недорода сълзъ с.... на дорогу, гдѣ свинья шла. Карка богатырь и говоритъ: «Ну да, братъ, пошутя да и будетъ. А спроси ка гуся не забуть ли ноги? Я третій годъ ѣзжу за своей нареченной невѣстой. Айда ка помоги, да послушай, что я разкажу: у моей то невѣстѣ сорокъ кузнецовъ, какъ ударятъ сорокъ разъ—и родятся тотчасъ сорокъ военныхъ солдатъ, вооружены и на бой готовы. Да еще, братъ, у моей то невѣстѣ сорокъ дѣушекъ; онѣ сидятъ въ комнатѣ; у каждой дѣушки сорокъ булабочекъ, а охъ то, какъ, булабочкой то тенеть, и солдатъ то на бой готовъ. Я буду солдатъ то бить, а ты будешь кузнецовъ то рубить; я буду невѣсту любить, а ты дѣушекъ бить». Иванъ царевичъ и говоритъ: «Умру, братъ, съ тобой!» Съли да и поѣхали. Приѣхали въ Новодѣвиченское царство къ Царю-Дѣвицѣ. «Ты, братъ Иванъ царевичъ, близко не ходи, а по комнатамъ ходи, дѣушекъ руби, да кузнецовъ то губи и близко ко мнѣ не подходи!» Вотъ да они и поѣхали,

а вотъ скоро они и прѣхали. Начали силушку рубить, красныхъ дѣушекъ душитъ и Царь-Дѣвицу въ плѣнъ брать. Не пиво н а м ъ было варить, не вина намъ тутъ было курить, а дорого Ц а р и ц у-Дѣву взять. Кузнецовъ то погубили, красныхъ дѣушекъ порубили, Царь то Дѣвицу въ плѣнъ взяли. Кѣрка богатырь ее взялъ и туго къ сердцу прижалъ и отправились они съ ней домой. Хватился Кѣрка богатырь что съ нимъ Ивана Царевича нѣтъ. «Охъ», говорить, — «мамынька, я его знать убилъ!» А Иванъ царевичъ и говорить: «О да, братъ, я здѣсь!» Они тутъ пили, гуляли, веселились. «Ну ка», Иванъ царевичъ, дава ка выпьемъ по третьей! Я пью, гуляю, веселюсь и тятки съ мамкой не боюсь!» «Охъ да, Кѣрка богатырь, головушка болить, больно мочи нѣтъ». И чаю не воскушать и водки не принимать. «Положи ты меня на воздухъ, на самый легкій!» Думаетъ себѣ Иванъ царевичъ: «Что мнѣ Кѣрка богатырь радъ или не радъ? Дай я себѣ нарочно захвораю». И сдѣлался боленъ, не можетъ ногъ таскать. Кѣрка богатырь ходитъ за нимъ, какъ за малымъ дѣтищемъ; вынесъ его во зеленый садъ, положилъ на тесовую кровать, гдѣ бы можно его было вѣтромъ обдывать. Лежить Иванъ царевичъ въ саду на кровати; прилетаетъ къ нему его большого брата первая жена, сидитъ въ саду, подняла ногу, д... то и кажетъ: «Охъ да, не попробавши товаръ да бросилъ меня!» Иванъ царевичъ прицѣпился изъ ру ж ѣ я, хлопъ разъ и попалъ ей въ правый глазъ. Она и улетѣла. «Ну, Кѣрка богатырь», говорить Иванъ царевичъ,—«благодарю тебя: при сп о ко н л ѣ ты меня хвораго». Немножечко в р е м я п р о д о л ж а л о, Иванъ царевичъ и говорить: «Охъ, братъ, давай ка, выпьемъ зеленѣ вина,» Кѣрка богатырь больно обрадовѣлся, самъ за виномъ сбѣгалъ водкой, чаемъ угощаетъ и словами утѣшаетъ. «Охъ ты братъ ты мой любезный, какъ съ устатку чуешь въ себѣ здоровье?» «А вотъ же, слава Богу, стараго по старому, а вновь ничего. Долго я здѣсь съ тобой, Кѣрка богатырь, прогулялъ, путь свою дороженьку потерялъ. Что я задумалъ нужно дѣлать и куды нужно надо ѣхать». Кѣрка богатырь и говорить: «Куды знаешь, туды и ѣдешь». «А куды, братъ, я вздумалъ, туды и поѣду!» «Если я тебя, братъ Иванъ царевичъ, не научу какъ ее взять, какъ держать—живъ не будешь». Вотъ Иванъ царевичъ слезами заливался, полотенцемъ утирался и говорить: «А да и будетъ и прощай!» Сѣлъ на добра

коня и поѣхалъ. Ударилъ своего добраго коня, билъ его по крутымъ бедрамъ, пробивалъ его кожу до мяса, билъ мясо до кости, кости проломалъ до мозга—его добрый конь горы доли перепрыгивалъ, темны лѣса между ногъ пускалъ. Ёхать ему было три года, онъ доѣхалъ въ три часа. Приѣзжаетъ въ то мѣсто, гдѣ ему нужно, идетъ по широкой улицѣ и спрашиваетъ православныхъ людей: «А гдѣ живетъ Марья Краса, Черная Коса!» Попадается ему навстрѣчу баушка просвирня, которая имѣетъ проживанье съ Марьей Красой, Черной Косой, и готовитъ для нея кушанья. «Охъ, баушка просвирня, а будь ка ты смѣрна! Гдѣ бы мнѣ повидать Марью Красу, Черну Косу?» «А на что тебѣ, Ванюшка, ее?» «А хочется мнѣ ее увидать, въ сахарныя уста поцѣловать и за себя замужъ взять». «Поди ка, Ванюшка, да купи разныхъ цвѣтовъ, разныхъ духовъ, а я пойду да ее въ гости позову. А ты, добрый молодецъ, лягъ на диванъ, спать то не спи, а послушай что будетъ». Вотъ Иванъ царевичъ легъ; баушка просвирня пошла къ Марьѣ Красѣ, къ Черной Косѣ, и говоритъ: «О, да здравствуй же Марьяца Краса, Черная твоя Коса! А пожалуй ка ко мнѣ въ гости!» Марья Краса обрадовалась и въ гости къ ней собиралась. Восходитъ къ ней въ комнату: воскрашена ея комната заграничными цвѣтами и разными духами. Говоритъ Марья Краса: «Гдѣ ты, баушка, взяла заграничные цвѣты и разные духи?» «Что по морю то плыветъ все то не понимаешь, а что люди то говорятъ, все не переслушаешь. Дава ка Марьяца, мы съ тобой сядемъ, да чего-нибудь придумаемъ». «А что у тебя въ чуланѣ? Кто у тебя, баушка, лежитъ на диванѣ?» «А вотъ погляди». Марья Краса подошла къ дивану и спрашиваетъ: «А это что за мужикъ? А какъ бы я его поцѣловала!» Баушка не унимала и поцѣловать заставляла. Она его поцѣловала. Ну же Иванъ то царевичъ былъ не глупъ, онъ пымалъ ее вдругъ. Онъ ее пымалъ, во сахарныя уста цѣловалъ, туго къ сердцу прижималъ. Они тутъ лежали, ну и немножко изъ прочаго чего-нибудь сдѣлали. Взялъ да будетъ, не скажу. Иванъ царевичъ и говоритъ: «Благодарю, баушка, что ты меня свела и Марьюшку ко мнѣ привела». А Марья Краса, Черная Коса, и говоритъ: «Я буду во вѣкъ твоя, мужняя жена и неразлучная. Садись ка, Ванюшка, на добраго коня и бери меня съ собой. Я, Ванюшка, не расста-

нуса съ тобой!» Сѣли да и поѣхали на Ванюшкиномъ на доброемъ конѣ.

Какъ у Марьюшки Красы было двѣнадцать братьевъ; пріѣзжали въ ней въ гости, дома Марьюшки Красы нѣту. Спросили у баушки: «А дѣ же наша родная сестра, Марья Краса?» Баушка и говоритъ: «Былъ злодѣй Иванъ царевичъ, онъ и квасъ-отъ пилъ, а у Марьюшки квасницу не покрылъ, и уѣхали они въ путь дорогу». Вотъ же родные братья привели пѣгоньку кобыленку о двѣнадцати пѣжинахъ, сѣли каждый братъ на пѣжину, сѣли да и поѣхали. «Догонимъ его, злодѣя, растерзаемъ, а ее отнимемъ!» Сколько мало ли время продолжалось, они его догнали и сестру отняли; его изрубили на мелкие части, раскидали по дикой степѣ. Кровь во сырѣ землю, мясо воронѣя клюютъ.

У любимаго его брата Василья царевича, у его молодой жены выкатѣлся изъ очей вольный свѣтъ: увидала въ кровѣ вострый ножъ и сказала мужу: «Посмотри ка на вострый ножъ: твоего роднаго братца въ живѣхъ нѣтъ». Василій царевичъ и говоритъ женѣ: «Охъ да я вѣдь ничего не знаю! Охъ да знать погибъ!»

Во дворѣ же былъ царскіемъ превеличающій великій каракульскій дубъ; въ этомъ дубу сохранялася живая и мертвая вода. Она сохранялася, никому не открывалася. Вотъ же Василья царевича законная жена подходитъ къ каракульскому дубу, слезно плачетъ и проситъ: «О батюшка, старый каракульскій дубъ, отпусти мнѣ, ради Бога, мертвой и живой воды!» Дубъ не отерывается, и изъ дуба вода не отпускается. Она ходила, ходила и сама себя крѣпко истомила: не можетъ ногъ таскать и на плечахъ буйну голову держать. У ней были двѣ сестры родныхъ, благочестивыя дѣвушки, и спрашиваютъ ее: «Что ты, сестрица, худа, что ты, сестрица, тужишь, что ты, сестрица, плачешь?» Отвѣчаетъ она имъ: «Какъ мнѣ не плакать? Пищи я не принимаю, темныя ночи не сплю, хожу я на тятенькино широко подворье, къ каракульскому дубу; всѣ ночи простаивала, у каракульскаго дуба упрашивала: «Охъ ты, батюшка, каракульскій дубъ, отпусти ради Бога мнѣ мертвой и живой воды!» «А на что тебѣ, сестрица, живой и мертвой воды?» «Охъ, сестрицы, не знате вы мого горя, что померъ мой братецъ родимый, Василью царевичу братъ и мнѣ такой же!» «Пойдемъ ка, сестрица, и мы съ тобой, да помолимся

Богу, да попросимъ каракульскаго дуба, не отпустить ли онъ намъ». Собрались всѣ три сестрицы родныхъ полуночные поклоны дубу клали, изъ глазъ своихъ слезы роняли и дубу говорили: «Охъ ты, батюшка, каракульскій старый дубъ, отпусти ты ради Бога живой и мертвой воды!» Вдругъ каракульскій дубъ откывается, и вода изъ него выпускается. Налила жена Василя царевича два пузырька и говоритъ: «О ты мой милый мужъ да Василій царевичъ! Осѣдай ка свою добраго коня, да поѣдемъ ка куды я велю, да найдемъ ка мы свою братца Ивана царевича во дикой степѣ!» Сѣли да и поѣхали и на то мѣсто пріѣхали, гдѣ Ивана царевича мясо разбросано. Вотъ они мясо собирали, по суставчикамъ расклали, мертвой-то водицей помазали, а живой-то водицей спрыскали. Иванъ царевичъ всталъ, встряхнулся, на всѣ четыре стороны оглянулся и говоритъ: «О, да какъ я долго спалъ!» Отвѣчаетъ ему невѣстка: «Кабы не мы, такъ и во вѣки бы ты спалъ». «Спасибо тѣ, сестрица, пожалѣла ты меня, ну прощай и на предки не оставляй!» Сѣлъ да и уѣхалъ. Мы это бросимъ и друго начнемъ. А вотъ онъ отколь пріѣхалъ, туды опять и уѣхалъ. Ударилъ Ванюша свою добраго коня своей шелковой плетью; конь его добрый осерчалъ и шибко его помчалъ. Пріѣзжаетъ Иванъ царевичъ въ ту сторону, гдѣ жила Марья Краса, Черная Коса. Нашелъ баушку просвирию, она ему и говоритъ: «Поѣзжай ка, Иванъ царевичъ, куды я пошлю: черезъ тридевять земель, во десятое царство. Научу я тебя какъ Марьюшку взять, какъ ее достать. Долженъ ты долго самъ пострадать. Поѣзжай къ ея баушкѣ, а у той ли у баушки двѣнадцать дочерей. Онѣ-то дѣушки да дѣушки, а будутъ сейчасъ кобылушки да кобылушки. Пріѣдешь къ баушкѣ во дворъ, скажи ей: «А родима баушка! Нѣтъ ли продажной лошадушки?» Скажетъ тебѣ баушка: Есть у меня двѣнадцать кобылушекъ, онѣ не продажныя, а завѣтныя. А вотъ я тебѣ прикажу три дня ихъ пасти, за работушку что ни лучшую взять лошадушку, а если не спасешь и домой не пригонишь, то мяса твоего наѣмся и крови твоей напьюся!» Василій царевичъ и думаетъ себѣ: «А да-ка попытаю! Двѣ смерти мнѣ не будетъ, а одной то я не миную и знаю за кого пропадаю». Взялъ у баушки подрадилса, да на утро хлопъ хлопъ и погналъ лошадушекъ пасти, прыгналъ ихъ въ зеленые луга. Испекла ему баушка со спящимъ зельемъ

лепешечку. Онъ взялъ закусилъ да крѣпко и уснулъ. Лошадушки по лугамъ разбѣжались, по кустамъ размырялись. Онъ крѣпко спалъ, вилоть до вечера пролежалъ.

Провѣдала то на дубу пчелиная матка и говорить своимъ дитяткамъ: «Полетайте, дитяти мои, во зеленые луга! Ванюшка крѣпко спитъ не проснется. Его разбуджайте, коней его собирайте!» И нѣкоторая одна была сильная пчела, прилетаетъ къ Ванюшкѣ и жалитъ его за бѣлое лицо. Ванюшка проснулся, горькими слезами заливался: ни одной лошадушки передъ нимъ нѣтъ и не знаетъ же онъ гдѣ ихъ взять и некого ему домой гнать. Вотъ пчела и говоритъ: «О, бери-ка, Ванюшка, кнутъ, да вотъ постой-ка тутъ! Пригонимъ мы тебѣ». Какъ собрались всѣ пчелки летать по зеленымъ лугамъ; онѣ стали летать, стали б р ю н ч а т ь, стали кобылушекъ собирать, да Ванюшкѣ на руки отдавать. «А вотъ да ну, Ванюшка, гони ка!» Ванюшка взялъ да ихъ кнутикомъ къ баушкѣ и погналъ. «На ка вотъ тебѣ, баушка, исполнилъ твое приказаніе». «Ну ладно, Ваня, жди что будетъ на утро». На утро баушка встаетъ, приказъ Ванюшкѣ отдаетъ: «На ка вотъ, Ванюшка, гони да сохранно пригони! На ка вотъ тебѣ лепешечку за работу». Онъ лепешечку взялъ, въ пазушку покмалъ, выгналъ кобылушекъ во зеленые луга, и такъ то ходять кобылушки смирно, травку пощипываютъ, ключевую водицу прихлебываютъ, а походятъ да полежать. Ванюшка поѣсть захотѣлъ, взялъ да вынулъ изъ за пазухи кусокъ; крѣпко закусилъ и шибко спать за п у с т и л ь. Думаетъ немного—дѣ вечера проспалъ. Вотъ кобылушки и стали по кустамъ мырять, по кустамъ да по кустамъ, по мышиннымъ норамъ. А вотъ тутъ то была мышинная матка, дорогу перебѣгала, больно была гладка. Распорядилась старая мышь Ванюшку разбудить и кобылушекъ собрать. Подбѣжала старая мышь: «Охъ ты Ванюшка, Ваня! Ночь то на дворѣ, а мы плачемъ объ тебѣ! Надо тебѣ встать и кобылушекъ домой гнать». Всталъ Ванюшка, встряхнулся, горючими слезами залился и сказалъ: «Охъ мать ты моя мать, старая мышь! Надо бы тебѣ добродѣтель мою знать и кобылушекъ пригнать!» «Старая мышь всѣхъ молодыхъ мышей за ними послала; всѣхъ кобылушекъ собрала и погналъ ихъ Ванюшка домой. «Нака тебѣ, баушка, я два дни пропасть». «Охъ, Ванюшка, еще завтра день погоний ка. Завтра дальше, а хлѣба

то бери больше». Всталъ Ванюшка по утру собрался и погналъ. Захотѣлъ поѣсть, откусилъ лепешечку и заснулъ; проспалъ до вечера. Лошадушки по кустамъ размырались, а ракъ увидалъ, всѣхъ ихъ къ Ванюшкѣ согналъ и его разбудилъ. Погналъ Ванюшка кобылушекъ домой: «Будетъ, баушка; я тебѣ не слуга, а за работу денежки, а не денежки такъ дѣушки!» «Выбирай, Ванюшка, любую кобылушку!» (А это не кобылушки, а красны дѣушки). Вотъ легъ Ванюшка спать и приходитъ изъ двѣнадцати большая сестра и даетъ ему знать: «Что ты, Ванюшка, думаешь?» «Самъ не знаю что думаю». «А возьми ты меня за себя замужъ: я тебя добру научу». Ванюшка ей слово сказалъ и руку ей далъ: «Будешь ты моя жена неразлушная!» «Смотри же, Ванюшка, будь ты не плохъ, да не дурень: на 12—11 дурь, а самая малая умница. Насъ всѣхъ къ колодѣ разставятъ и насыплютъ всѣмъ овса; мы будемъ всѣ жирныя и гладкія, а наша малая сестра бѣжать то больно быстра, она будетъ въ колодѣ лежать. Ты возьми да и скажи баушкѣ: «А вотъ, молъ, ладно мнѣ тощія то!» Вотъ ты изъ колоды ее подыми, да мочальцемъ обратай, да за пояску привяжи; скажи баушкѣ: будетъ и прощай». Ванюшка такъ и сдѣлалъ. Сѣлъ на коня и уѣхалъ къ баушкѣ просвириѣ; пріѣхалъ и спрашиваетъ: «А что, баушка просвириѣ, какъ повидать Марью Красу, Черную Косу? Не поминать ли она обо мнѣ?» Та и говоритъ: «Мы такъ думали, что тебя и живаго нѣтъ, а если про тебя изъ насъ двонхъ кто помянетъ, съ того голову долой. А ну да лягъ, Ванюшка, полежи, а я къ ней схожу». Приходитъ баушка просвириѣ къ Марѣ Красѣ: «А здравствуй, Марьюшка!» «Здравствуй, баушка!» «Давѣка, Марьюшка, поиграмъ въ карточки!» Взяли да и поиграли. Баушкѣ-то досталась кралечка, а Марьюшкѣ-то королѣкъ. И говоритъ баушка: «Э, да какой королѣкъ-то хорошій, Марьюшка!» «Быдо Иванъ царевичъ, баушка!» «Охъ Марьюшка, такъ то такъ, да не ладно. Да ка мнѣ тупой топоръ, срублю твою голову!» «Вѣдь у насъ съ тобой уговоръ былъ: кто первый про Ивана царевича помянетъ, съ того голову долой». «Ну да, баушка, будетъ да и ладно. Здѣсь нѣтъ нѣкого, а кабы онъ былъ здѣсь, не разсталась бы я съ нѣмъ». «А Ванюшка-то, Марьюшка, на диванѣ лежитъ!» Марьюшка побѣжала, Ванюшку увидала, во сахарныя уста цѣловала. «Ну, Ванюшка, ты помрешь и я съ тобой!»

«Я бы былъ, Марьюшка, живъ, будешь и ты жива!» Сѣли на кобылушекъ да и поѣхали.

Пріѣзжаютъ ея родные братья, спрашиваютъ у баушки: «А дѣ наша сестра?» Баушка и говоритъ: «Иванъ царевичъ увезъ». «Мы его терзали, да видно мало!» Сѣли двѣнадцать братьевъ на двѣнадцать пѣжинокъ, сѣли да полетѣли какъ младъ ясень соколъ. Стали Ванюшку догонять; Ванюшка сталъ кобылушку подъ голяшку хлыстать. Вотъ кобылушка взвилась, какъ бѣлый лебедь. Пѣгая кобыла—выше, а подъ Васильемъ кобылушка еще выше. Пріѣхали къ батюшкѣ, а батюшка былъ старѣхонекъ. Иванъ царевичъ и говоритъ: «Здравствуй, батюшка!» Тотъ обрадовался, Ванюшкѣ на бѣлую грудь бросался, съ Ванюшкой цѣловался. «Охъ да ладно, Ванюшка, что пріѣхалъ на свою сторонушку!» Тутъ и сказкѣ конецъ, сказалъ ее молодецъ и намъ молодцамъ по ставанчику пивца, за окончанье сказки по рюмочкѣ винца.

(Записано отъ Абрама Новопольцева, въ селѣ Новиковѣ, Самарск. губ. Ставропольск. уѣзда).

5.

Купецкій сынъ и царева дочь.

Жилъ былъ купецъ. Были они двое, мужъ съ женой и между ихъ былъ одинъ сынъ. Померъ купецъ и остался сынъ у него молодой. Имѣнья много—дѣвать некуда. Купецкій сынъ выросъ порядочно и говоритъ матери: «Мамынька, не осталось ли послѣ тятеньки деньжонокъ?» «Осталось, сыночекъ». «Да ка сотенку, я пойду на базаръ, не куплю ли чего?» Мать дала ему сотню. «На», говоритъ,—«если можешь!» Онъ и пошелъ на базаръ. До базару не дошелъ—тащить мужикъ коту, на посуду бить. «Куды ты кота, да денька, тащишь?» «На посуду смѣнять». «Продай лучше мнѣ, что возьмешь?» Тотъ нарочно и говоритъ (видитъ что онъ глухой): «Дай сто рублей?» «На!» Положилъ кота въ пазуху и пошелъ домой. Приноситъ матери. «Мамынька, посмотри ка я чего купилъ».

«Сколько ты его далъ?» «Сто рублей». «Да нашто тебѣ, сынокъ, его?» «Да пушай, мамынька, живетъ». На другой базаръ еще сто рублей просить. Мать еще дала. Пошелъ на базаръ ведетъ мужикъ кобеля давить. Спрашиваетъ его купецкій сынъ: «Куды ты, мужикъ, кобеля ведешь?» «Удавить», говоритъ. Чѣмъ давить, продай лучше мнѣ?» «Купи, давай сто рублей!» Далъ онъ ему сто рублей, взялъ кобеля и за веревочку домой повелъ. «Мамынька, посмотри ка я что купилъ». «Что далъ?» «Сто рублей». «Нашто тебѣ, сыночекъ?» «Да пушай для двора хорошъ онъ». Въ третій разъ еще сто рублей просить. Мать опять дала. Идетъ на базаръ видитъ, что жидъ на плечахъ мертваго человѣка тащитъ. «Куды ты, жидъ, человѣка несешь?» «Въ яму бросить». «Продай мнѣ!» «Купи». «Что возьмешь?» «Сто рублей». «На!» Взялъ и понесъ его домой. Приноситъ домой, говоритъ матери: «Мамынька, я человѣка мертваго купилъ». «Да на что тебѣ, сынокъ?» «Вотъ я пойду на базаръ, гробъ ему куплю, да его скоро похороню». Гробъ купилъ, его скоронилъ и поминки сдѣлалъ. Три дня прошло, онъ и говоритъ матери: «Мамынька, надо трехдѣнны поминки сдѣлать». Сдѣлали поминки, обѣденку отслужили и его помянули. Прошло время шесть недѣль. «Мамынька, надо поминки сдѣлать: шесть недѣль прошло!» «Надо, сынокъ». Сдѣлали поминки, обѣденку отслужили и помянули. «Мамынька, да ка еще сотенку!» Мать дала. Онъ опять на базаръ пошелъ. Бѣгать по гумну мужикъ съ рычагомъ, бьетъ змѣю превеличѣющую. Онъ и бѣжитъ къ нему на гумно. «Что ты, мужикъ, бѣгаешь? Чего ты тутъ съ палкой дѣлаешь?» «Удѣй, глупый сынъ! Змѣю бью». Онъ его за палку пымалъ: «Стой! Стой! Не бей! Продай мнѣ ее!» «Купи, глупый!» «А много ли возьмешь?» «Сто рублей». Деньги купецкій сынъ выкинулъ, змѣю взялъ, въ пазуху посадилъ и домой принесть, пополу пустилъ—она и ползаетъ. «Мамынька, посмотри ка чего я купилъ!» Мать взглянула, ужаснулась: «Ахъ, глупый, каку страсть купилъ! Куды ты ее дѣнешь?» «А пушай, мамынька, живетъ!» Вотъ змѣя у нихъ въ дому зимовала; пришла красная весна. Змѣя зоветъ купецкаго сына съ собой, подойдетъ къ нему, за ножку его потеребитъ и сама къ порогу ползетъ. Купецкій сынъ думаетъ: что змѣя дѣлаетъ? А его змѣя съ собой зоветъ. Вотъ онъ и говоритъ матери: «Я змѣю, мамынька, пушу и самъ съ ней пойду!» Змѣя то

поползла, его съ собой взяла. Ползетъ, да за ножку его потеревливаетъ. И доползла змѣя до превеликаго провалу. Въ ямѣ этой видимо невидимо гадины. Змѣя и говорить ему человѣческимъ глазомъ: «Вотъ ты, купецкій сынъ, встань тутъ, постой!» Онъ остановился, а она въ нѣру мырнула и скоро изъ норы обратилась, тащить въ зѣбахъ золотой перстень. И говорить ему змѣя: «А на вотъ тебѣ, купецкій сынъ, отъ меня дорогой гостинецъ, за то что ты отвелъ меня отъ смерти». Онъ взялъ да на пальчикъ надѣлъ. «А вотъ что, купецкій сынъ, какъ пойдешь дорогой, да захочешь попить погулять, скинь съ правой руки златъ перстень да скажи: «вѣицъ ты мой вѣицъ, златъ перстень! Въ этомъ перстиѣ тридцать три молодца, подъ одинъ голосъ, подъ одинъ волосъ, подъ одну черную бровь. Выдѣте всѣ сюда!» Онъ такъ и сдѣлалъ. Тридцать три молодца выходили, тридцать три стола выносили, наставили поила медвяны и ѣства сахарны. Вотъ купецкій сынъ наѣлся, напился какъ ему нужно; тридцать три молодца и говорятъ ему: «Что прикажешь, хозяинъ, работать?» «Перстень, скройся!» На пальчикъ надѣлъ, домой пошелъ. Приходить къ матери родной, кажетъ ей перстень дорогой. «Мамынька, мнѣ вотъ змѣя подарила, покорми ка, мамынька, меня!» «Я и печку то, сынокъ, съ годъ не топила: тебя долго не было». «Ну дава ка сидимъ, да посидимъ». Скинулъ золотой перстень и сказалъ: «вѣицъ ты мой вѣицъ, золотъ перстень! Выдѣте всѣ сюда!» Тридцать три молодца выходили и подчивали его съ мамынькой. «Перстень, скройся!» И пропало все. «А что, мамынька, не осталось ли еще съ сотенку?» «Есть еще, сынокъ». «Да ка я пойду въ городъ на ярманку торговать». Взялъ и пошелъ далеко. Шелъ по дорожкѣ и пришла еще дорожка. Повстрѣчался ему человѣкъ и говорить: «Куды идешь добрый молодецъ, купецкій сынъ?» «А вотъ, въ городъ торговать». «Возьми ка меня, айда вмѣстѣ: и я туды. А много ли у тебя, купецкій сынъ, денегъ?» «Сто рублей!» «Ну и у меня сто рублей. Давай сложимся, да давай крестами помѣняемся, побратаемся!» Вотъ помѣнялись крестами и побратались. Купецкій сынъ сталъ большой братъ, а тотъ меньшей, и пошли въ инной городъ, на ярманку. Приходить въ городъ, ночку ночевали, товару не купили, а зачѣмъ пришли все этого нѣтъ: товары плохіе, дорогіе.

Вотъ въ ефтомъ городѣ царь кличъ проклиналъ, что выдавалъ онъ за троихъ жениховъ дочь свою въ замужество; обвинчаютъ, на ложу положить—молодая жива, а молодой—отъ—мертвый. И проклиналъ царь кличъ кто согласенъ ее замужъ взять, все хочетъ тому царство свое отдать. Купецкому сыну малый братъ и говоритъ: «Пойдемъ, братъ, съ тобой! Не дастъ ли намъ Богъ? Айда ка я тебя женю: ты по больше меня!» Было народу нѣскольکو, никто не соглашался: смерти боялся. Добры молодцы пошли и говоритъ малый братъ большому: «Иди ка, братецъ, впередъ, да мотри меня не забывай, почаще поминай! Былъ бы я живъ будешь ты женатъ». Выходитъ купецкій сынъ впередъ. У царя было не пиво варить не вино курить: впрягли тройку въ колѣсочку, во Вожью церкву повезли, обвинчали и къ царю помчали. Положили ихъ на ложу дружка съ подруженьемъ и сваха съ подсвашьемъ, а малый то его братъ шигъ да шигъ къ нему тихонько. Дружко то съ подруженьемъ, сваха то съ подсвашьемъ куды слѣдуетъ ушли; осталось ихъ тутъ три лица. Вотъ купецкій то сынъ, онъ царской дочери обрадовался и на ложу ложился. Подошелъ къ нему его малый братъ: «А что, братецъ, знать ты меня забылъ?» «Да, братецъ, вѣдь воля то не моя!» «Лежишь ты съ женой, а уди ка, Богъ съ тобой! Я лучше съ ней полежу!» А молодая то жена, какъ все равно стоитъ на путѣ волкъ, такъ она спитъ, крѣпко разиня ротъ. Малый братъ съ ней, лежитъ, а обручѣвныи мужъ глядитъ что тутъ будетъ. Малый братъ легъ да ее обнялъ. Она спитъ, ничего не чувствуетъ, растворились ея сахарныя уста, выгѣзаетъ изъ гортани лютый змѣй, высовываетъ голову на вершокъ. Увидалъ же малый братъ и немножко повернулся, отъ лица ея отвернулся. Высунулъ лютый змѣй на четверть башку и смотритъ какъ ея мужъ лежитъ; а мужъ то не съ ней лежитъ онъ на печкѣ сидитъ, а тутъ братъ лежитъ, думу думать, «Поможи Боже какъ избавить мнѣ свою брата съ законною женой». А змѣй кадыкъ выпускаетъ еще дальше. Меньшой братъ отворачивается отъ жены еще больше. Змѣй то вѣдь незнаетъ кто съ ней лежитъ. Протянулъ онъ долгую шею, а купецкаго сына малый то братъ да на отмахъ змѣя цопъ да цопъ, да объ полъ грохъ да грохъ. Крѣпко убилъ и въ подлаву положилъ и сказалъ большому брату: «Ну ка братецъ, иди сюды, да и спи съ

Богомъ! Я то живъ и ты будешь живъ, и сдѣлай съ своей молодой женой какъ должно быть и что слѣдуетъ. Затѣмъ прощай! Не забудь малаго брата на поднятіи съ поделѣта! Тотчасъ ту минуту является дружка съ поддружьемъ, подходятъ къ дверямъ гдѣ молодые проклажаются и говорятъ дружка: «А Господи Іисусе Христе, Сынъ Божій, помилуй насъ!» Въ комнатѣ молитву принимали, въ два голоса аминь отдавали и дружку проздравляли.

Дружка больно обрадовался, съ молодыми цѣловался и пошелъ къ господину царю домохозяину и говоритъ: «Многая лѣтъ! Многая лѣтъ! А тому дѣлу прошло тридцать лѣтъ. Три лица законныхъ мужьевъ кончались, черезъ четвертое лице жена в о з н о в л я л а с ѣ; я пришелъ аминь сотворилъ, въ два голоса мнѣ аминь отдали». Царю было нужно идти молодыхъ подымать и проздравить. Тутъ была стрѣльба, тутъ мы пили и гуляли. Молодыхъ подыали, съ законнымъ бракомъ проздравили. То то была попойка! Ведутъ съ л о ж и молодыхъ къ царю на крыльцо и на царское лице. Царь обрадовался, за Спасителя образъ хватался и благословилъ новобрачныхъ своихъ дѣтей. Тутъ они гуляли, три дня другъ друга не знали. Говорить купецкій сынъ: «Охъ, Ваше царское Величество, мой батюшка тестъ, я вашъ зять, а гдѣ же мнѣ малаго брата взять?» Царь и говоритъ: «А дѣ знаешь тутъ и возьми! Я его николи не видалъ и не знаю чей такой». Я в л я е т с я къ нимъ малый братъ, проздравляетъ: «Здравствуй, большакъ! А какъ ты здоровъ?» «Вашими молитвами; какъ вы такъ и мы». Пили тутъ, гуляли, три ночи ночевали. Малый братъ и говоритъ: «А не пора ли намъ, братъ, домой, къ матери родной?» Отвѣчаетъ царскій зять: «Охъ, братъ малый, а пойдемъ ка мы съ тобой и молодѣ возьмемъ». Отвѣчаетъ тестъ: «Вотъ, зятюшка, на к а р е т у бы тебѣ надо сѣсть. У насъ три каретушки готовы и кони запряжены». «А вотъ, братецъ, говоритъ малый братъ, пойдемъ да пѣшкомъ! Бери ка молодѣ свою жену за рученьку!» Тестъ съ тещей испугались, за дочъ хватались. «Охъ ты батюшка тестъ, сказалъ купецкій сынъ, нельзя ли тебѣ на стулъ сѣсть, а насъ благословить и на родину проводить? Пожалуйста въ гости въ такомъ часу. Прощайте!...» Испекли имъ три яйца и пошли они въ путь дорогу. Вотъ шли да шли; царева-то дочъ, человекъ то нѣжный, пѣшкомъ больно изустала, и говоритъ малый братъ: «А вотъ мы,

сестрица, дойдемъ до водицы, хлѣба то закусимъ, а водицы испьемъ». Шли путемъ дорогой, до озера дошли. Молодица и говоритъ: «Охъ, милый мужъ, охъ, братъ родимый! Не могу идти и ногъ тащить! Надо отдохнуть». Они у озера отдохнули, испили водицы; малый братъ и говоритъ: «Подъ этой березой лягте отдохнуть!» Они постель постлали и отдыхать легли. Подходить къ нимъ малый братъ. Молодица крѣпко спитъ и разинула ротъ. Малый братъ большаку и говоритъ: «Встань, братъ, да уйди, на меня погляди!» Взялъ малый братъ вострый ножъ, разрѣзалъ у молодежи бѣлу грудь и досталъ до ретива сердца; распахнулъ ея бѣлу грудь на обѣ стороны. Поползли изъ нея змѣи и ужь. Малый братъ изъ ея чрева гадину рукой выгребалъ, ея чрево морской водой вымывалъ, шелковою ниткой зашивалъ, святымъ духомъ покрывалъ; она встала да и говоритъ: «Какъ я нынче во снѣ холодную воду пила!» Малый братъ и говоритъ: «Погляди ка тутъ что?» Онъ нагребъ изъ ея чрева превеличайшую кобну гаду. «А гдѣ, говоритъ, мой большой братъ?» Является большой братъ. «Вотъ теперь, братецъ, чистая твоя жена: она тебѣ Богомъ создана!» Встали и пошли. Шли они горами и прошли они быстрыми рѣками, дошли до темнаго лѣсу. Въ темный лѣсъ—п ов ѣ р т ы ш е е з не-
большая тропочка. Пошли по ней. Тутъ стоялъ разбойничій домъ. Вотъ пришли ко двору, отворили ворота—и нѣтъ никого; одна старая старуха. Малый братъ и говоритъ: «О старая дура, вотъ тебѣ будетъ худо! Скажи намъ гдѣ у васъ казна? Гдѣ у васъ кони и повозки?» Старуха испугалась, схватила ключи, отперла подвалы и показала конюшни. «Вотъ вамъ подвалы съ деньгами, вотъ вамъ конюшни съ конями, вотъ вамъ колѣски съ колесами!» Малый братъ и говоритъ: «Ну ка, братецъ, казны бери!» «Ты бери, братецъ: у меня дома много». Вотъ они казны насыпали, впрягли тройку, поѣхали домой. Ъхали путемъ-дорогой и сѣлками и просѣлками. Во перво село пріѣхали, больно прытко проѣхали и съ лѣваго боку пристежная лошадка шибко бѣжала, землю ногами на обѣ стороны кидала, всю деревню пескомъ заметала. Какъ проѣхали третьимъ то селомъ, корневая бѣжитъ, только земля дрожитъ, по улицѣ проѣхать нельзя. Пріѣхалъ купецкій сынъ на то мѣсто гдѣ у нихъ было свиданье, дѣ они шли съ братомъ, когда крестами мѣнялись и это мѣсто они

съ нимъ распрощались. Вотъ большой братъ и говорить: «А пожалуйста, братецъ, ко мнѣ въ гости! Ко мнѣ тесть скоро прійдетъ». Отвѣчаетъ малый братъ: «А вотъ, братецъ, ко мнѣ въ гости жаловайте!» «А гдѣ мнѣ къ тебѣ придти? Кто ты такой?» «А помнишь ли ты, братецъ? Я—того человѣка душа, котораго ты на базарѣ покупалъ и сырой землѣ предалъ! Прощай!» Только они тутъ другъ друга и видѣли. Вотъ купецкій сынъ поѣхалъ домой, къ матери родной. Матушка ихъ встрѣчала, во сахарныя уста цѣловала. Поѣхалъ ихъ батюшка тесть къ нимъ въ гости погулять, ихаго имѣнья посмотреть. Пріѣхалъ въ первое село, гдѣ зять проѣхалъ. Рабочихъ людей многое множество землю копаютъ, на всѣ стороны выдаютъ. Говорить царь: «Что это такое? Великая буря прошла?» Міряне и говорятъ: «Это не буря прошла, а проѣхалъ купецкій сынъ на тройкѣ вороныхъ коней». Поѣхалъ царь дальше, доѣзжаетъ до другаго села и многое множество рабочихъ людей землю копаютъ, избы отрываютъ. Говорить царь: «Что это за великая буря прошла?» «Нѣтъ это не буря прошла, а проѣхалъ купецкій сынъ на тройкѣ вороныхъ коней». Поѣхалъ царь въ третье село; доѣхалъ и нельзя по улицѣ ѣхать: какъ въ холодное время—великіе нyrки, ямами все. Спрашиваетъ царь: «Что это такое?» «Это купецкій сынъ проѣхалъ на тройкѣ вороныхъ коней».

Пріѣзжаетъ царь къ купецкому сыну. Зять съ дочерью встрѣчаютъ, за бѣлыя руки принимаютъ, за дубовый столъ сажаютъ и водкой угощаютъ. Попили да погуляли трое сутокъ. Царь и говоритъ: «Вотъ зятюшка, будетъ да и прощай! Напредки меня не оставляй!» И уѣхалъ. Купецкій сынъ остался съ молодой женой, стали жить да быть и добро наживать, худо проживать и стали торговлей заниматься. Купецкаго сына жена припила мужа пьянаго и говоритъ: «Охъ ты, мужъ, милый мужъ, а да ка съ правой то руки золотой перстенецъ, хоть на одинъ часокъ!» Пьяный мужъ и говоритъ: «Ты не знаешь что съ нимъ сдѣлать!» Она крѣпко нарядилась, на кровать спать съ нимъ легла, крѣпко цѣловала и къ сердечушку туго прижимала, словами облазила. «Охъ, милый мужъ, скажи-ка мнѣ про свой перстенецъ!» Онъ разумомъ то не собрался и ляпъ-ляпъ, какъ корова на лубокъ. «Этотъ перстенецъ, жена, дорогъ». Сидаетъ купецкій сынъ съ правой руки золотъ перстень и говоритъ: «О ты вѣицъ, ты

мой вѣнецъ, златъ перстень! Угости ка насъ съ молодой женой! Выдѣте тридцать три молодца сюда!» Вышли тридцать три молодца, въ одинъ голосъ, въ одинъ волосъ, въ одну черную бровь, вынесли тридцать три стола. «Извольте кушать, что вамъ угодно!» Напились, наѣлись. Купецкій сынъ и говоритъ: «Перстень, скройся!» И легъ съ женой спать. И эта молодая жена украсть споровила у него перстень. Сняла съ правой его руки, вышла на высокъ крылецъ и сказала: «Вѣнецъ мой, вѣнецъ, золотъ перстень и т. д.». Вышли тридцать три молодца, въ одинъ волосъ, въ одинъ голосъ, въ одну черную бровь, вынесли тридцать три стола и т. д. «Что молодница, прикажешь работать?» «Отвезите меня къ родителю батюшкѣ!» Они взяли, подхватили и сейчасъ тамъ.

Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается. Купецкій сынъ проснулся—хозяйюшки нѣтъ и перстенька то не было. Не весело ему: повѣсилъ буйну голову ниже могучихъ своихъ плечъ, съ тоски съ горя не знаетъ гдѣ лечь. Говорить ему мать: «Что, сынокъ, не весель, буйну голову повѣсилъ?» «Молодой жены нѣтъ при мнѣ». Дни два проходитъ и нѣтъ жены. Говорить купецкій сынъ: «Охъ да знать улетѣла на свою сторону! Видно дѣлать нечего, пропала!» Купленный котъ сидитъ да и глядитъ ему въ ротъ. «А что ты, милый хозяйинъ, больно не весель?» «Хозяйка пропала». «Надо похлопотать; вскричать надо кобеля», говоритъ котъ гласомъ человѣческимъ. Поманилъ хозяйинъ кобеля. Кобель подбѣжалъ и хвостомъ вертитъ. Котъ и говоритъ кобелю: «А что, вотъ кобель, нашъ хозяйинъ въ печали, говоритъ съ нами не можетъ, пойдемъ ка его женку искать, а не женку искать—перстенежъ доставать. Онъ насъ отъ смерти отвелъ». Кобель и говоритъ: «Айда-ка побѣжимъ!» Побѣжали, къ купецкаго сына тестю прибѣжали и увидали тамъ молодницу. Котъ и говоритъ кобелю: «Ты, кобель, живи на дворѣ, а я пойду проберусь въ избу, недобьюсь ли перстня». Котъ являе т с я въ избу и смотритъ жена: «А гляди», говоритъ,—«котъ то! На запяткахъ видно съ нами прѣѣхалъ». Вотъ котъ-умная голова около нея м р н! м р н! м р н! ходитъ кругъ ея, ласкается, лапки на шейку покладываетъ, хвостикомъ передъ лицомъ помахиваетъ. Приходитъ темная ночь, ложится молодница спать и съ рученьки перстень скидаетъ, въ ротъ беретъ, зубами прижимаетъ. Котъ глядитъ. «Ну да дай срокъ, злодѣйка, а тебѣ

на с . . . въ шанку-то!» Легла злодѣйка спать, котъ на постель сѣлъ. Только она глаза зашпурила, котокъ приправилъ свой хвостокъ да по губамъ то и провелъ. И говоритъ молодица: «Тыфу, проклятый!» Перстенежъ изо рту-то трѣнькѣ! Котъ его поддѣлъ и на носъ надѣлъ; никого не ждалъ и изъ комнаты убѣжалъ. Говоритъ молодица: «Дѣвка служанка, подыми перстень!» Служанка огонекъ за свѣчала, искала—нѣтъ. Котъ выбѣжалъ изъ хаты и кричитъ: «Кобель!» «Здѣсь!» «Я перстень досталъ!» И полетѣли куды надо имъ, прямыми путями-дорогами. Бѣгли бѣгли много ли, мало ли, долго ли коротко ли, и такъ добѣгли, что и идти некуды: превеличающая передъ ними рѣка. Добѣгли до рѣки, и говоритъ котъ кобелю: «Ну давай, поплывемъ черезъ рѣку, я перстенежъ понесу». А кобель и говоритъ: «Ты упустишь! Да-ка я понесу». Вотъ они сохватались драться. На бережку дрались и перстень въ воду упустили. Сидитъ кобель, больно плачетъ. «Что ты, проклятый котъ, сдѣлалъ? Что ты мнѣ его не отдалъ? Я бы его на ушко надѣлъ». Котъ и говоритъ: «Да вѣдь не ты его доставалъ, а я. Ночуемъ, кобель, ночку!» Ночку на рѣкѣ ночевали. Приѣзжаютъ молодые рыболовы, въ рѣчку неводы бросили, рыбыцы много пымали, много рыбыцы пымали и всю ее распластали. А вотъ господинъ котъ сидитъ на бережкѣ-то да ноготочкомъ кишечки поретъ, а въ кишечкахъ-то смотритъ и перстенежъ нашелъ: его рыбаца сглотила. Поддѣлъ его котокъ въ ротокъ и полетѣлъ какъ ясный соколокъ, а кобель не бѣжитъ—на берегу лежитъ. Подбѣжалъ котъ къ кобелю: «О да, братъ же кобель, перстенежъ то я нашелъ!»

Приходятъ домой, принесли купецкому сыну перстенежъ. Купецкій сынъ не знаетъ чѣмъ ихъ напоить, накормить, не знаетъ гдѣ ихъ спать положить; беретъ отъ нихъ золотъ перстенекъ и говоритъ: «Да спасибо вамъ, господа товарищи! Нынѣшній день я при радости!» Надѣлъ купецкій сынъ перстень на правую рученьку и говоритъ: «Вѣицъ мой вѣицъ золотъ перстень и т. д.». «Что прикажете?» «Прошу я васъ, чтобы завтра жена здѣсь была!» Зоренька не занялась—они ее доставили, и сталъ купецкій сынъ съ ней жить да быть. Вотъ и сказочекъ конецъ, ее сказалъ молодецъ. Намъ молодцамъ по рюмочкѣ винца, по стаканчику пивца, а на

Сказки и пред. Сам. края.

закуску хлѣба ломоть. Взялъ да и будетъ. Охъ да погожу; это бросимъ, ново начнемъ. Я тамъ былъ и пр.

(Со словъ Абрама Новополецева, село Новиковка, Ставроп. у. Самарск. губ.).

6.

Ума много, а денегъ нѣтъ.

Ходилъ парень по базару да и говоритъ: «У меня ума много, только денегъ нѣтъ». А на встрѣчу ему купецъ старичекъ. «Ты что братецъ, ходишь?» «Да вотъ что: въ головѣ у меня ума нѣ-сколь-ко, только денегъ нѣтъ, а то я своимъ умомъ могъ бы не знай что сработать!» Купецъ и говоритъ: «У меня имѣнья много, имѣньемъ повелѣвать некому: старъ. Что же, братецъ, коли у тебя ума много—не пойдешь ли ко мнѣ въ зятя?» «Можно», говоритъ. Повѣнчалъ купецъ парня на своей дочери. Зять и просить у тестя тридцать рублей денегъ—торговать. Тестъ выдалъ ему деньги, пошелъ онъ на базаръ и купилъ всѣ дрова и гонить ихъ къ оврагу сваливать. Прикащики прочіе смѣются: «Ну, нажилъ себѣ старикъ зятя! Ума много: дрова въ оврагъ валить!» Купецъ тестъ и говоритъ имъ: «А что вамъ за дѣло? Деньги онъ не ваши тратить, а мои». Зять подходитъ къ тестю, опять тридцать рублей просить. Тестъ опять выдаетъ. Купилъ зять на эти деньги еще дровъ и опять въ оврагъ свалилъ. Въ третій разъ опять зять тридцать рублей просить. Тестъ и въ этотъ разъ далъ. «Топерь, батюшка, дайте мнѣ десять рублей на небольшую потребность!» Онъ и десять выдалъ.

На эти десять рублей нанялъ зять работниковъ двадцать-пять человѣкъ и повелъ ихъ къ оврагу, гдѣ дрова. «Ну, братцы, соберите мнѣ эти дрова въ кучу и потомъ зажгите!» Они дрова сожгли и золу въ кучу смели, оправили. Прочіе купцы нагрузили барки хлѣбомъ въ инныя земли, а купеческій сынъ подогналъ барку къ оврагу золы нагружать. Прикащики опять смѣются надъ нимъ: «Тамъ,

золы-то видно нѣтъ въ чужеземныхъ-то земляхъ!» Поѣхали они съ хлѣбомъ въ нерусское королевство, а этотъ съ золой. Приѣзжаютъ. Купцы навязали казать королю узлы хлѣба, а онъ—узелъ золы. Которы хлѣбъ-то привезли, смѣняли его на товары. Нерусскій король говоритъ: «Вотъ что, нѣтъ ли у васъ такого человѣка? У насъ изъ моря выходитъ змѣй треглавый; не побѣдитъ ли кто его?» Купцовъ зять взялся его побѣдить; спросилъ двадцать-пять человѣкъ работниковъ и семь лошадей. «Гдѣ же», спрашиваетъ, «змѣй въ городъ всходитъ, по какой дорогѣ?» Онъ (царь) ему показаль дорогу. Купцовъ зять и говоритъ: «Ну, братцы работники-выгружайте на дорогу мою золу, а вы водой поливайте, на лошадяхъ ее возите!» Только они третью долю золы выгрузили, выходитъ змѣй изъ моря. Прошелъ онъ по золѣ сто сажень и задохнулся, и зачалъ дрыгаться, ботаться и изъ себя зачалъ рыгать и вырыгалъ изъ себя драгоцѣнный камень. Купцовъ зять отсѣкъ ему одною голову и живаго въ море пустилъ. Работникамъ на прогулъ денегъ далъ и говоритъ имъ: «Братцы товарищи, завтра опять та же работа будетъ».

На другое утро то же сдѣлали, что вчера. Только что выгрузили золы и полили дорогу, змѣй во второй разъ вышелъ, зачалъ ботаться, дрыгаться и вырыгалъ изъ себя другой драгоцѣнный камень. Зять взялъ камни въ карманъ, ссѣкъ ему вторую голову и отпустилъ въ море живаго. «Завтра, братцы»,—говоритъ работникамъ, «выгрузите всю золу изъ судна». На утро они все это сдѣлали. Змѣй въ третій разъ не далеко отъ берега прошелъ, зачалъ ботаться, дрыгаться и третій камень вырыгалъ. Зять купцовъ ссѣкъ ему остальную голову, камень себѣ взялъ. Доложилъ нерусскому королю, что змѣя побѣдилъ. За эту службу король выдалъ ему пудовку золота. Онъ и говоритъ: «Ваше королевство! Мнѣ твое золото не нужно! Дайте мнѣ столько же работниковъ судно калеными кирпичами нагрузить!» Прикащики насмѣхаются, что онъ денегъ не беретъ. «Дуракъ», говорятъ,—«чистый!» Товарищи его нагрузили красныхъ товаровъ, а онъ—каленыхъ кирпичей, и отправились они въ свое жительство. Доѣхали до половины пути. У купцова зятя стало съ кирпичами судно тонуть. Онъ и проситъ товарищей: «Облегчите судно! Возьмите по сотенѣ!» Они взяли. Его судно пошло легко. Ъхали еще нѣсколько времени. Прикащики для смѣху

кирпичи въ воду покидали. Приѣхали въ свой градъ и пошли губернатору товары казать; а купеческій зять взялъ расколомъ драгоцѣнный камень на три части, врѣзалъ въ каменные кирпичи, завязалъ въ платокъ и понесъ тоже губернатору казать. Пришелъ подъ сумерки, развернулъ платокъ, и осіяло у него въ палатахъ ровно двѣнадцать свѣчъ. И онъ этому дѣлу ужасился. Говоритъ купеческій зять губернатору: «Я вотъ такихъ кирпичей привезъ цѣлое судно, а оно у меня чуть не потонуло. Просилъ я своихъ товарищей меня облегчить, а они надсмѣялись и покидали всѣ мои кирпичи въ воду». Губернаторъ и говоритъ ему: «Всѣ ли такіе?» «Всѣ, ваше превосходительство!» «Ну-ка принеси еще!» Онъ пошелъ и во второй разъ принесть. «Принеси ка въ третій разъ!» Онъ и въ третій принесть. Губернаторъ повѣрилъ. «Ну что же мнѣ, ваше превосходительство, съ товарищами дѣлать? Вѣдь они мнѣ изъянъ сдѣлали. Вещи эти дорогія». «Точно», говоритъ губернаторъ,—ихъ на свѣтѣ мало. Вотъ что: отбери у нихъ все имѣнье и возьми себѣ!» И отобрали по его приказу все имѣнье купцову зятю.

(Абрамъ Новопольцевъ).

7.

Торбочка-самобранка.

Служилъ солдатъ въ Санктъ-Петербургѣ лѣтъ двѣнадцать, и опредѣлили его въ ундеръ-офицеры. Стали выпускать солдата на побывку. А у царя была дочь и бѣгала неизвѣстно куды. Сколь царь ни старался узнать куды она бѣгаетъ—не могъ. Знахарей призывалъ, все толку нѣтъ. Отпустили ундера домой; пришелъ онъ пробылъ сколько надо—пора ворочаться. Пошелъ назадъ и привелось болото обходить. «Дай», думаетъ,—перейду!» Идетъ болотомъ и-видитъ: трое лѣшихъ дерутся. Онъ и говоритъ имъ: «Богъ помочь вамъ драться! Изъ зачего дѣло то?» «Ахъ, служивый, рассуди насъ, мы тебя давно ждали! Нашли мы три вещи: скороходъ-сапоги, шапку невидимку и торбочку-самобранку. Не знаемъ

какъ раздѣлить». Солдатъ и говоритъ: «Ладно, вотъ я изъ казеннаго ружья выстрѣлю, кто пулю въ болотѣ найдетъ скорѣе, тотъ двѣ вещи получить». Взялъ, выстрѣлилъ. Дѣшїе кинулись за пулей, а онъ надѣлъ сапоги, шапку невидимку и сказалъ: «Торбочка! Со мной!» И ушелъ отъ нихъ въ Петербургъ, пока они пулю искали.

Солдатъ идетъ и думаетъ: «Теперь я царску дочь укараю». Пошелъ къ ротному; тотъ прогналъ: «Что ты», говоритъ, — на вѣрну смерть пойдешь!» Онъ — къ батальонному, и тотъ прогналъ. Онъ — къ полковнику — тотъ царю доложилъ. Царь призвалъ солдата. «Можешь?» «Могу ваше величество!» «Ну, на тебѣ три дни сроку! Кути!» Пошелъ солдатъ на базаръ, погулялъ, вернулся къ царю трезвый. «Что, погулялъ?» «Погулялъ-съ, ваше величество!» «Что же не пьянъ?» «А служба-то, ваше величество?» «Ну, ладно». Отвелъ ему комнату рядомъ съ дочерней. Черезъ хрустальную дверь все видно, значитъ, на кровать къ ней. Подали солдату самоваръ и водки, и прислугу дали. Только царска дочь идетъ мимо его комнаты вечеромъ и говоритъ: «Дайте служивому двѣнадцать бутылокъ столовой водки!» Принесли. Солдатъ не столь пьетъ, сколько въ торбочку льетъ. Легъ, свалился, притворился пьянымъ, на карачкахъ ползаетъ. Уложили его на кровать. Онъ однимъ глазомъ сквозь дверь смотреть. Вотъ царска дочь подошла къ нему, полѣпала, а онъ сопить какъ пьяный. Пошла она въ свою комнату, позвонила. Явился челоѣкъ. «Принеси мнѣ двѣнадцать паръ башмаковъ!» Явились двѣнадцать паръ башмаковъ: одни — на ноги, а остальные въ салфетку. Взяла ихъ подъ мышку, открыла подъ кроватью западню и въ нее ушла. Солдатъ надѣлъ сапоги-скороходы, шапку-невидимку и — за ней. Она башмаки сноситъ, броситъ, други надѣнетъ, бѣжитъ. Солдатъ — за ней, не отстаетъ: «Торбочка, собирай башмаки!» И приходятъ въ Мѣдный садъ. Солдатъ думаетъ: «Надо хоть яблочко сорвать». Подошелъ къ прекрасному дереву, цопъ ябдоко. Вдругъ зазвенѣли струны, въ бубны ударили, началась тревога. Дочь царская думаетъ: «Если дальше пойду — узнать, куды я хожу. И съ чего такая тревога?» Взяла и воротилась. Всю дюжину износила.

Солдатъ прежде ея бросился въ постель и опять спитъ. На другой день опять солдата угостить вздумала царская дочь: послала ему двадцать-пять бутылокъ заграничной наливки. Онъ вы-

лилъ девять бутылокъ въ торбу и притворился, что пьянъ. Ночью опять въ хрустальную дверь смотреть. Вотъ царская дочь подошла къ нему, видитъ, что онъ спитъ, зазвенѣла въ пружину. Вышелъ человекъ и принесъ по ея приказу двадцать-пять паръ башмаковъ. Она взяла одну пару, надѣла, остальные—въ узелъ, и ушла. Солдаты за ней. Приходятъ оба въ Серебряный садъ. Захотѣлось солдату хоть яблоко сорвать. Цопъ два въ карманъ! Струны зазвенѣли; царская дочь испугалась: «Пожалуй поймають меня, узнають куда бѣгаю. Дай ворочусь!» А пробѣжала она двадцать-четыре тысячи верстъ. Вернулась назадъ, послѣднюю пару надѣла и дома, а солдаты прежде нея залегъ. На третье утро принесли ей сорок-пять паръ, и прибѣжали они съ солдатомъ въ Золотой садъ. Онъ опять яблоко цопъ въ карманъ. Струны зазвенѣли, царская дочь испугалась, побѣжала домой, а солдаты прежде нея вернулись, опять завалился спать. На другой день царская дочь ему еще вина прислала; а онъ притворился, что спитъ крѣпко. Выпросилъ солдаты у царя четвертую ночь. Какъ ночь пришла—онъ опять за ней. А царская дочь велѣла себѣ принести семьдесятъ-пять паръ башмаковъ. Пробѣжали они Мѣдный садъ, пробѣжали Серебряный садъ, пробѣжали Золотой садъ, приходятъ къ огненному морю и на немъ стоитъ огненная колесница. Она сѣла въ нее, и онъ за ней прыгъ: «Трогай, бѣлоногой! На дворѣ не поздно!» Дочь царская дивится, кто это такой. Переѣхали на ту сторону, выходитъ человекъ и сводитъ царскую дочь за руки. «Пойдемте ко мнѣ, душенька, въ домъ!» А домъ стоитъ съ золотой крышей, невдалекѣ. Вотъ и солдаты за ними. Первая комната,—зала, богато изукрашена. Показалъ этотъ самый человекъ первую комнату. Та дивуется. Повелъ въ слѣдующую, въ одѣжную. Солдаты и говорятъ, какъ они вышли: «Торбочка, забирай!» Та и забрала. Прошли одѣжную, вошли въ посудную. «Вотъ тутъ у меня, душечка, золотая посуда». Солдаты опять, какъ они въ разливную вошли, говорятъ: «Торбочка, забирай!» Та только стѣны оставила, все по порядку забрала, и послѣднюю спальную и тоѣ. «Что это» говоритъ царская дочь,—«когда я садилась на колѣску, кто-то сказалъ: Т р о г а й, б ѣ л о н о г о й ! Н а д в о р ѣ н е п о з д н о ? » «Это тебѣ, душенька, поместилось. Пора намъ вѣнчаться! Завтра приходи обвѣнчаемся». Царская дочь ему и говоритъ: «Можетъ я завтра не опоздаю. Какой-то

солдаты пьяница приставленъ меня караулить». Вышла къ колёсѣхъ, солдаты — съ нею, и отправились: «Трогай, бѣлоногой! На дворѣ не рано!» А тотъ человѣкъ, значить, пошелъ въ домъ, видитъ: нѣтъ ничего, однѣ стѣны; обернулся шестиглавымъ змѣемъ и кинулся въ погоню, да огнемъ его опалило. Вышелъ онъ на балхонъ, ударился объ землю и расшибся. А царская дочь износила всѣ башмаки, надѣла послѣднюю пару, торопится домой. Солдаты прежде нея завалились, спать. Утромъ его не будятъ; часовъ въ двѣнадцать присылаютъ за нимъ генерала, идти къ царю. Приходитъ солдатъ къ царю; тотъ спрашиваетъ: «Что укараулил?» «Укараулил. Позвольте мнѣ очистить во дворцѣ пять комнатъ!» Очистили. «Велите сенаторовъ собрать!» Собрали. И сталъ онъ разказывать: «Въ первый разъ дошелъ я до Мѣднаго сада». «А что бы яблочко принести?» спросилъ царь. «Извольте, ваше величество!» Взялъ и подаетъ мѣдное яблоко. «Во вторую ночь былъ я въ Серебряномъ саду». А что бы яблочко принести?». «Извольте, ваше величество». И подалъ серебряное яблоко. «Въ третью ночь былъ въ Золотомъ саду». «А чтобы оттуда яблочко не взять?». «Извольте». Подалъ золотое яблоко. «На четвертую ночь проѣхалъ я на огненной колёсѣхъ, черезъ огненное море. Эй, торбочка, вынимай!». И полѣзли изъ торбочки ковры, посуда, одѣжа, все, что за моремъ у того змѣя было. «Ну, солдаты», сказалъ царь, — правда твоя: укараулилъ. Что-же бы ты теперь съ моею дочерью сдѣлалъ?». «Да что? Велите, ваше величество повѣсить, такъ повѣшу, разстрѣлать — разстрѣляю, а велите жениться — женюсь». «Ну такъ женись, солдаты!» сказалъ царь. Онъ и женился.

Я тамъ былъ; у меня по усамъ-то капъ капъ, а ему вонъ одинъ . . . . .

(С. Новикова, Самарск. губ. Ставроп. у.)

8.

Про Илью Муромца.

Илья Муромецъ тридцать лѣтъ безногій сидѣлъ. Отецъ его помочь сдѣлалъ, чищобу чистить, пива наварилъ. Онъ чищобу возлѣ Оки чистилъ, а къ Ильѣ двое нищихъ пришли и говорятъ: «Милостыньку христа ради, Илюшенька!» Илья отвѣчатъ: «Эхъ, нища братія! Я тридцать лѣтъ недвижимый сижу, безъ ногъ!» «Попытайся, не встанешь ли?» Онъ зачалъ пытаться, и всталъ Илюша на ноги, (Богъ часъ ему далъ), подалъ нищимъ милостыню, нацѣдилъ ведро пивца. Нѣщи и говорятъ: «Илюша, ну-ка впередъ самъ выпей!» Тотъ взялъ за уши ведро и выпилъ все его. Пошелъ, другое нацѣдилъ. Поднесъ нищимъ стака- номъ. Нѣщи выпили и спрашиваютъ: «Ну, что, Илюшенька, ка- кую въ себѣ чаешь силу?» «Да я чаю теперь въ себѣ вотъ какую силу: если бы была въ небѣ скоба, а въ землѣ другая, а бы ихъ вмѣстѣ», баять,—«свелъ; а если бы столбъ былъ отъ земли до неба, то я бы своей силой весь бѣлый свѣтъ поворотилъ». Ну нѣщи и говорятъ: «Сходи, третье нацѣди!» Онъ нацѣдилъ. «Выпей-ка!» Онъ за уши ведро взялъ и сталъ пить черезъ край. Только поло- вину выпилъ. Нѣщи и говорятъ: «Ну, теперь, Илюшенька, какую силу въ себѣ чаешь?» «Прошла топерь: половины прежней нѣтъ». «Ну», баятъ,—«будетъ съ тебя».

Взялъ Илюшенька сорокоушу-бочку, навязалъ на веревку, по- ложилъ на плечо и пошелъ къ отцу на чищобу. Идетъ дорогой, а отцовы работники говорятъ: «Твой Илюша идетъ!» Подходитъ Илюшенька къ отцу и говоритъ: «Богъ помочь вамъ съ работни- ками работать!» «Добро жаловать, сынокъ!» «Ну, батюшка, на те пообѣдайте, выпейте вотъ пивца!» Съѣли обѣдать, и сталъ онъ по- слѣ самъ чищобу чистить. Какъ возьметъ дубъ какой бы ни былъ за вершину, такъ и выдеретъ изъ корню, безъ топора. И заки- далъ лѣсомъ всю Оку. Подошелъ къ отцу: «Вставайте, вода пото- плятъ: запрудилъ всю рѣку!» Тотъ поглядѣлъ и видитъ Илю- шину работу. «Ну», говоритъ,—«Илюшенька, ты видно мнѣ не кор-

милецъ: ступай куда знашь! Д а р у ю тебѣ лошадь». Лошадь эту Илюша двѣнадцать мѣсяцевъ кормилъ; осѣдлалъ ее, поѣхалъ Муромскими лѣсами. Въ этихъ лѣсахъ былъ Соловей-разбойникъ, свистомъ глушилъ. Не было ни ходу, ни ѣзду. Сталъ Соловей свистать, а Илья пымалъ его и поѣхалъ въ нерусско королевство. Приѣзжаетъ туда. Тотъ и спрашивать: «Гдѣ ты, Илья, ѣхалъ, какими дорогами?» «Муромскимъ лѣсомъ». «Тутъ Соловей-разбойникъ былъ, не давалъ ѣзду, глушилъ свистомъ?» «Я», бантъ, «его пымалъ». «Ну-ка, покажи какой онъ?» Онъ показалъ. «Заставъ—его свиснуть!» Онъ заставилъ. Тотъ какъ свиснулъ, все королевство попадало. Разсвистался, хотѣлъ Илью Муромца оглушать, и не уймешь его. Илья посадилъ Соловья на ладонь, другой приударилъ и убилъ его.

(Абрамъ Новопольцевъ).

9.

Пустой барабанъ.

Жилъ былъ солдатъ, и былъ онъ горькій пьяница. Одинъ разъ денегъ у него не было, онъ и пропилъ казенныя деньги, да и думаетъ: «Что же я буду дѣлать? Безъ казенныхъ вещей мнѣ дѣлать нечего». Пока онъ это думалъ, вдругъ всталъ передъ нимъ Трошеа на одной ногѣ и говоритъ: «Чѣмъ топиться да давиться, лучше бѣжимъ куда-нибудь!» И пошли они. Шли лѣскомъ; вдругъ имъ кричитъ женскій голосъ: «Оглянись! Зачѣмъ ты меня покинулъ? Возьми меня и будешь счастливъ!» Солдатъ оглянулся—никого невидать, а голосъ все кричитъ: «Подойди къ дереву, сломи съ него вѣточку!» Онъ послушался, подошелъ къ дереву, сломилъ вѣточку и пошелъ. Шелъ, шелъ, долго ли коротко ли,—скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается—отъ вѣтки ему никакой нѣтъ пользы. Взялъ онъ ее, бросилъ да и ушелъ. Вѣточка опять кричитъ: «Зачѣмъ ты меня бросилъ, одною оставилъ?» Солдатъ оглянулся и видитъ: стоитъ дѣвица неопи-

савной красоты и говорить ему: «Женись на мнѣ: ты счастливъ будешь!» Вернулся солдатъ. Какъ такую красавицу не взять, а самъ думаетъ: «Ну какъ она меня обманетъ?» «Вернемся домой!» проситъ красная дѣвица. Вернулись, пришли въ городъ. Солдатъ проситъ у царя позволенія жениться. Дали ему позволеніе, женился солдатъ; и зачали царю говорить, что у солдата жена красавица, что ему не подобаетъ такую жену имѣть. Царь ее позвалъ, осмотрѣлъ и увидалъ, что она на самомъ дѣлѣ красавица. И сталъ царь придумывать, куда бы послать солдата, а жену его себѣ взять. И придумали придворные, что б ѣ заставить солдата въ одну ночь соборъ выстроить. «Конечное дѣло, онъ этого сдѣлать не сможетъ, тогда вы можете его казнить, а жену взять себѣ». Призвалъ царь солдата, сказалъ ему. Приходитъ солдатъ домой невеселый. Жена его спрашиваетъ: «Что съ тобой? Отчего ты такъ окученъ?» Онъ и говоритъ женѣ причину. «И.... батюшка лягъ, не починайся, ни о чемъ не кручинься: утромъ встанешь рано, все будетъ Богомъ право!»

Пришелъ вечеръ. Она вышла на крыльцо, крикнула, гаркнула своимъ громкимъ голосомъ своихъ придворныхъ и велѣла, чтобы въ утро былъ соборъ. Утромъ будитъ мужа рано, а соборъ ужъ готовъ. Посылаетъ она его въ соборъ. Онъ пошелъ туда и сталъ кое-гдѣ гвоздики приколачивать. Царь проснулся, выходитъ изъ дворца и видитъ: соборъ готовъ. «Что будешь дѣлать? Солдата казнить нельзя». Сталъ опять думу думать что бы ему еще приказать и придумалъ, чтобы веругъ дворца была рѣчка, на той рѣчкѣ корабли. Приходитъ солдатникъ къ женѣ и говоритъ. «И.... батюшка, лягъ, не починайся, ни о чемъ не кручинься: встанешь рано, все будетъ Богомъ право!» Утромъ будитъ мужа рано. Все ужъ готово. Царь проснулся, вышелъ изъ дворца, видитъ—рѣка, а по рѣкѣ корабли плаваютъ. Послѣ того придворные надумали послать солдата туда не знай куда, принести того, не знай чего. Солдатъ пошелъ и разсмѣялся: «Какой вздоръ придумали придворные: жена и не такія диковинныя дѣла дѣлала. Это ей и плевать не будетъ стоять». Приходитъ домой; жена его спрашиваетъ, зачѣмъ его еще звали. Онъ смѣется и говоритъ зачѣмъ. Жена привадумалась. «То, что было, все еще службишка, а теперь будетъ ужъ служба». Стала она его собирать въ дальній путь и

говорить: «Незнаю, увижу ли тебя. Если пойдешь, то кто бы ни попался, всѣхъ спрашивай: не знаетъ ли кто гдѣ эти вещи взять и куда идти».

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Идетъ солдатъ и день, и два, приходитъ въ заповѣдныя луга и видитъ, что двое лежатъ, а возлѣ нихъ два коня. Подошелъ онъ къ нимъ съ почтеніемъ, и тутъ лежатъ два жандарма (sic). «Не знаете ли, гдѣ идти туда не знай куда, принести того, не знай чего?» Жандармы ему отвѣчали: «Еслибы ты былъ намъ не родня, то мы бы сейчасъ разорвали на клочки, но такъ какъ ты женатъ на нашей племянницѣ, мы тебя не тронемъ, а сказать ничего не скажемъ. Иди ты дальше, тамъ придешь въ лѣсъ; въ лѣсу келья, и въ этой кельѣ живетъ старуха. Эта старуха тебѣ теща; ты и спроси ее». Поклонился солдатъ и пошелъ путемъ дорогой. Приходить въ лѣсъ, входитъ въ избушку; тутъ лежитъ страшная старуха и кричитъ: «У, у прежде русскаго духу и слыхомъ не слышать, а теперь русскимъ духомъ пахнетъ!» Солдатъ испугался и на силу могъ проговорить: «Сударыня баушка, вѣдь ты мнѣ мать!» Услыхала это старуха, обрадовалась, вскочила. «Батюшка зятюшка, откуда ты? Куда идешь?» «Сударыня матушка, не знаешь ли?» «Не знаю, зятюшка, мой другъ; однако спрошу». Вышла изъ кельи, сѣла на конѣкъ и начала кричать громкимъ голосомъ: «Сбирайтесь, слетайтесь, сполчайтесь!» Всѣ гады, птицы и звѣри всѣ слетались, сползались. Сошлись всѣ гадины, и спрашиваетъ ихъ старуха, не знаютъ ли они, куда идти, какія вещи дѣлать. Всѣ сказали, что не знаютъ, только одна старая лягушка, хромая чуть-чуть ползетъ. Старуха на нее и закричала: «Ползи скорѣй, старая!» Приползла лягушка и говоритъ: «Дайте мнѣ отдохнуть, такъ я скажу». Старуха и говоритъ лягушкѣ: «Ты возьми моего зятя и доведи туда, не знай куда». А лягушка чуть-чуть ползетъ. Солдатъ взялъ ее на руки и понесъ, только бы дорогу указала. И привела она его къ большому болоту, оборотила солдата соломинкой, взяла ее въ ротъ и нырнула въ болото. И видитъ солдатъ въ болотѣ замокъ, ужъ такой замокъ, что и разказать нельзя. Лягушка его туда проводила и сказала, чтобы онъ спрятался и слушалъ кто что будетъ говорить. Ходилъ, ходилъ солдатъ по замку; комнаты отличныя, а никого нѣтъ. Спрятался онъ за печку, въ тѣмнѣ

мѣсто. Приходитъ ночь, прѣзжаютъ въ замокъ тѣ самыя жандармы, которыхъ онъ видѣлъ въ заповѣдныхъ лугахъ. «Фу, Боже мой, какъ мы устали! Афонюшка, дай намъ ужинать: мы уже и ѣсть захотѣли». Откуда ни взялся столъ и все готово. Солдатъ дивится, откуда это, а ѣсть хочется ему, да выйти боится. Жандармы поѣли и легли спать, а потомъ ушли, сказали: «Афонюшка, убери все!» Солдатъ сидѣлъ, сидѣлъ, и ѣсть ему хочется. «Дай, думаетъ, попрошу, не дастъ ли и мнѣ Афонюшка поѣсть?» И закричалъ: «Афонюшка, дай мнѣ поѣсть!» Все явилось; наѣлся солдатъ, повеселѣлъ и сталъ его спрашивать: «Кто ты такой, Афонюшка?» «А ты кто?» спрашиваетъ Афонюшка солдата. Тотъ сказалъ, а Афонюшка ему въ отвѣтъ: «Я—слуга-невидимка». И подружился, чтобы уйти имъ вмѣстѣ изъ болота. Афонюшка оборотился гусемъ, а солдатъ—сухой травой. Гусь взялъ ее въ ротъ и вышелъ изъ болота, и пришли они къ морю. На берегу корабельщики ждутъ корабля, и не то что однѣ сутки, а нѣсколько, и провизія у нихъ нѣтъ никакой. Подходитъ солдатъ, спрашиваетъ, что они дѣлаютъ; тѣ и говорятъ, что они ждутъ корабля. «Дай-ка, Афонюшка, стулъ! Я больно усталъ». Стулъ подали, солдатъ сѣлъ. Позвалъ солдатъ Афонюшку и накормилъ всѣхъ. Корабельщики дивятся, какъ это; никого нѣтъ, а онъ все кричитъ Афонюшку, и ему все подается. И просятъ его корабельщики, чтобы онъ продалъ имъ Афонюшку. Солдатъ говоритъ, что продажнаго у него нѣтъ. Они хотѣли ему дать сколько хочетъ денегъ, солдатъ не бралъ. Афонюшка на ухо ему и шепчетъ: «Продай меня и возьми за это пустой барабанъ, а иначе не продавай». Кто говоритъ отдадимъ, кто—нѣтъ; однако согласились отдать за Афонюшку пустой барабанъ. Афонюшка опять солдату на ухо шепчетъ: «Возьми барабанъ, я опять у тебя буду». Солдатъ взялъ пустой барабанъ, и пошелъ путемъ дорогой. Шелъ много ли, мало ли и вздумалъ про себя: «Охъ, что то мой Афонюшка? Я уже и поѣсть хочу!» Афонюшка и отвѣчаетъ ему: «Я здѣсь, товарищ!» И накормилъ его. Солдату захотѣлось узнать, къ чему служить пустой барабанъ, и говоритъ: «Афонюшка, я бы поглядѣлъ что это». Афонюшка и говоритъ: «Ударь по немъ разъ!» Солдатъ ударилъ въ барабанъ, и изъ него полѣзло вѣйслова, что и глазами не окинешь. Полное поле стало войскова. Солдатъ испугался и давай кричать: «Афо-

нюшка, спрячь ты ихъ!» Афонюшка велѣлъ опять ударить, и все пропало. Опять пошли въ путь дорогу; приходятъ въ свое царство. Прежде солдатъ прошелъ домой, жену увидеть, да не тутъ то было: жены ужъ нѣтъ, она у царя въ палатахъ. Пошелъ солдатъ во дворецъ, велѣлъ о себѣ доложить царю: пришелъ молъ тотъ, что ходилъ туда, не знай куда; принесъ того, не знай чего. А самъ и говоритъ: «Афонюшка, да ка мнѣ стульчикъ: я больно усталъ; посижу, пока царю докладываютъ». Царю доложили. Царь испугался и велѣлъ солдату завтра придти. Солдатъ говоритъ, что онъ отвѣта сейчасъ хочетъ. Его гонять, солдатъ не идетъ. Вышелъ солдатъ въ дверь, ударилъ въ барабанъ, и полѣзло войско, смѣты нѣтъ.... Царь увидалъ это, велѣлъ къ нему жену вывести, чтобъ онъ ее взялъ и съ собой увелъ. Получилъ солдатъ жену, ударилъ въ барабанъ—все опять пропало. Тогда царь простилъ солдата, подарилъ ему отличный домъ, просилъ, чтобы когда будетъ наступать къ городу непріятель, то чтобы его войско царю защитой было. Солдатъ отвѣчалъ, что его войско, всегда когда нужно—готово будетъ.

(Записано отъ симбирской мѣщанки Елены Степановны Смирновой).

10.

Казакъ и принцъ.

Ѣхали казаки; у одного конь притупѣлъ. Онъ и говоритъ: «Ступайте, братцы, а я свою добраго коня выкормлю и нагоню васъ». Выкормилъ свою добраго коня, сѣлъ и поѣхалъ. Оглянулся назадъ, видитъ—стогъ загорѣлся. На стогу сидитъ дѣвица, такая красавица, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, и кричитъ ему: «Вольный казакъ, сыми меня со стогу!» «Какже мнѣ васъ, красная дѣвица, снять, когда вы кругомъ въ пламени?» «У васъ», говоритъ,—«сабля долгая, протяните ее, я къ вамъ слѣзу». Онъ обратился назадъ, протянулъ саблю; она слѣзла по ней и стала змѣей. Обвилась эта змѣя округъ его шеи. «Вези же меня», гово-

рить, — «въ Оловяное царство! Если же не отвезешь туда, такъ я у тебя буду вѣкъ на шеѣ». Онъ думалъ, думалъ: «Гдѣ же мнѣ Оловяное царство найти?» Взялъ, сѣлъ и поѣхалъ. Заѣзжаетъ въ деревню, входитъ въ кабакъ и проситъ у цѣловальника косушку водки. Цѣловальникъ подалъ ему косушку и смотритъ солдату на шею. «Что это у тебя, казакъ, на шеѣ за змѣя?» «А вотъ, говорить, — велитъ везти мнѣ себя въ Оловяное царство. Не знате ли гдѣ оно?» «Нѣту, я самъ не знаю, а вотъ поѣзжайте въ это селенье, зайдите къ моему брату въ кабакъ, можетъ онъ знаетъ». Казакъ выѣхалъ изъ кабака; мало ли, много ли ѣхалъ, доѣзжаетъ до другого села. Вошелъ въ кабакъ, проситъ косушку водки. Цѣловальникъ подалъ ему косушку и смотритъ ему на шею: «Что это у тебя, казакъ, на шеѣ за змѣя?» «А вотъ», говорить, — «велитъ везти себя въ Оловяное царство. Не знате ли гдѣ оно?» «Не знаю. Поѣзжай къ третьему брату, въ городъ. Тамъ на Большой улицѣ, на правой рукѣ трактиръ есть. Возьмите и спросите пару чаю, а я письмо напишу. Если спросятъ, на что вамъ пару чаю, то вы скажите, что это не ваше дѣло, и потребуйте самого хозяина». Казакъ выѣхалъ изъ села, пріѣхалъ въ городъ и спросилъ у половыхъ въ трактирѣ пару чаю. Тѣ и говорятъ: «На что тебѣ пару чаю, когда ты одинъ?» «Не ваше», говорить, — «дѣло!» Подали ему пару чаю, а онъ хозяина спросилъ. Приходитъ хозяинъ; казакъ ему письмо даетъ въ руки. Онъ читаетъ и говорить: «Ну, солдатику, какъ бы я принялъ брата, такъ и васъ приму. Подайте же вы, половые, полштофъ мнѣ водки!» И стали они водку пить, и увидалъ хозяинъ змѣю. «Что это у тебя, солдатикъ, на шеѣ за змѣя?» «Да вотъ велитъ везти въ Оловяное царство, а гдѣ оно? Не знате ли?» «Я», говорить хозяинъ, — «хоть въ немъ не былъ, а мимо проѣзжалъ. Выѣдете изъ города, на правую руку дорогой и поѣзжайте». Онъ, написавъ чаю, сѣлъ на коня и поѣхалъ вонъ изъ городу. Смотритъ: на право — дорога. ѣхалъ онъ близко ли, долго ли, доѣзжаетъ до Оловянаго царства; слѣзъ съ добраго коня, втыкаетъ штыкъ въ землю и привязываетъ коня за штыкъ, а на штыкъ шапку вѣшать. Вошелъ въ Оловяное царство, глядь — на шеѣ змѣи нѣту. Возшелъ въ домъ, въ немъ никого нѣтъ, кричалъ громкимъ голосомъ, никто голосу не отдавалъ. Ходилъ, ходилъ и въ одномъ швапу нашелъ всякихъ закусковъ

и напитоковъ. Напился, наѣлся и закатился на трои суточни спать. Проснулся и говорить: «Опохмѣлюсь, отыщу своего добраго коня! Кажись я трои сутки спалъ». Опохмѣлился и опять закатился на трои сутки спать. Проснулся, говорить: «Кажись шестеро сутокъ спалъ, а конь не ѣвши. Дай посмотрю!» Вышелъ, ходилъ, ходилъ—не могъ найти. «Дай пойду съ горя загуляю еще!» Опять опохмѣлился и на трои сутки спать завалился. Стало девятеро сутокъ. «Сколько здѣсь ни пей, ни ѣшь, а надо домой!» Вышелъ—стоитъ хижина. «Нѣтъ ли», думаетъ,—«въ ней мово добраго коня?» Взошелъ и видитъ: конь его ѣсть бѣлоярову пшеницу; шашка и штыкъ на стѣнѣ, и водичка у коня налитая. «Дай», говорить,—«еще пойду съ радости загуляю!» И загулялъ, закатился еще на трое сутокъ спать. «Сколько здѣсь ни пей, ни ѣшь, а домой надо!» Пилъ двѣнадцать сутокъ, а въ домѣ не знай что. Вышелъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ. Оглянулся назадъ, и стоятъ три дѣвицы, возлѣ Ловянаго царства, красоты необыкновенной. Кричатъ ему: «Военный казакъ! Пилъ, ѣлъ ты тутъ двѣнадцать сутокъ, а никого не поблагодарилъ!» «Кого же мнѣ благодарить, когда васъ въ домѣ никого нѣтъ? Ну, благодарю васъ, красныя дѣвицы!» Онѣ ему и говорятъ: «Военный казакъ, воротись къ намъ!» Онъ вернулся и благодарить: «Спасибо, красныя дѣвицы!» Большая сестра даетъ ему кisetикъ и говорить: «А на что же тебѣ этотъ кisetикъ?» «А я, говорить, курю трубку и имѣю табачокъ, да и трешникъ могу въ него положить». «Нѣтъ», говорить,—«это не для того; а когда ты гдѣ чего закупишь, или что на тебя будетъ (напада), возьми его, тряхни, и вылетитъ изъ него золото». Серѣдня дала шашку: «На что тебѣ, военный казакъ, шашка?» Да шашкой я отбиться могу, красная дѣвица». «Это», говорить,—«вѣрно». Меньшая дала рубашку. «На что тебѣ она, военный казакъ?» «А вотъ какъ загрызнется, я домой приѣду, надѣну чистую и къ обѣднѣ пойду». «Это не для этого, а когда ежели битва будетъ—надѣнь эту рубашку и подвизи шашку: никакая тебя сила не возьметъ». Онъ сѣлъ и поѣхалъ. Доѣзжаетъ къ одному дому и видитъ: кругомъ колья, а на каждомъ колу человѣчья голова. На воротахъ подписано: «Что хошь пей, ѣшь, только денежки заплати». На одномъ колу одной головы не хватало. Въѣхалъ онъ въ домъ, слѣзъ съ коня и говорить, чтобы убрали его коня и задали овса.

«Я за все заплачу». Пилъ и ѣлъ онъ здѣсь три года, на четвертый годъ сталъ расчитываться съ хозяиномъ. «Дайте мнѣ три фуры быковъ!» Слуги доложили. Хозяинъ велѣлъ подать, на смѣхъ, думаетъ себѣ: «Не заплатитъ, такъ прямо на колъ». Подали ему фуры съ быками; онъ всталъ на наклѣску, тряхнулъ висеть за уголокъ и насыпалъ полны фуры, такъ что золото покатилося съ фуръ на землю. «Дайте мнѣ гребло!» Ему дали; онъ сгребъ по наклѣски вровень. «Что», говорить,—«въ фурахъ, то хозяину, а что на полу—то половымъ за услугу». Половые обрадовались. «Сколько мы у хозяина служимъ, а столько еще не заслуживали» И благодарятъ солдата. «Выведите мнѣ добраго коня!» Ему коня вывели и на рукахъ его въ сѣдло посадили. Сѣлъ казакъ и поѣхалъ себѣ, и опослѣ его хозяинъ и говорить: «Ахъ, хозяйка, сколько у него денегъ! Отдадимъ за него дочь!» И послали половаго спросить его—что онъ женатый или холостой. Тотъ спросилъ «Я», отвѣчаетъ,—«холостой». «Хозяинъ васъ обратится просить». Казакъ вернулся назадъ. Хозяинъ и говорить: «Что, возьмешь мою дочь замужъ?» «Можно» говорить. А дочь-то жила съ принцемъ изъ Девяти девятаго царства, и пишетъ принцъ: «Готовы силы больше; если же не пригодишь, то я всю твою силу пройду и самого изрублю». Онъ испугался, не зная что дѣлать, и тужить, обнимая голову. Зять вошелъ. «Что тужите, папашенька? Нечего, говорить тужить!» Вдругъ принецъ гонитъ страшную силу. Казакъ надѣлъ рубаху, надѣлъ шапку и выѣхалъ къ нимъ на вольность; всеѣ ихъ силу порубилъ и принца изъ сѣдла вышибъ. Тотъ прощенья запросилъ. Онъ его простилъ. «Первая», говорить,—«вина прощается, а вторая—никогда!».

Принцъ пишетъ къ его женѣ: «Милёночекъ, спросите чѣмъ онъ хитѣръ у васъ». Мужъ ей, когда она спросила его, и говорить: «У бабы волосъ дологъ, а умъ коротокъ». Во вторително принцъ пишетъ: «Готовься! Силы еще больше пригоню!» Гонитъ силу страшную. Царь испугался, не зная что дѣлать и, тужить, обнимая голову. Зять вошелъ: «Что тужите, папашенька? Нечего тужить!» Надѣлъ свою рубаху и шапку, выѣхалъ на вольность, всеѣ силу порубилъ и принца изъ сѣдла вышибъ. Тотъ сталъ прощенья просить, онъ простилъ. Пишетъ принцъ къ его женѣ опять: «Спроси, милёнокъ, чѣмъ твой мужъ хитѣръ». Та спро-

сила; мужъ и говоритъ: «Кабы не эта шашка да рубашка, меня плохая бы курица сшибла». Она изготовила такую же шашку и рубашку, повѣсила на стѣнку, а эти отправила принцу. Пишетъ принцъ: «Выѣзжай воевать одинъ на одинъ!» Казакъ надѣлъ рубашку и шашку поддѣлъ, выѣхалъ; только конь и спотыкался. «Что», говоритъ, — «ты, ненасытная кляча, спотыкаешься?» Принцъ вышибъ казака изъ сѣдла и сталъ казакъ прощенья просить. «Прости ты меня! Кажись я два раза прощаль... Изрубите лучше меня на мелкие части, положите въ кулекъ и привяжите лошади за хвостъ, пусть по широкому полю размычетъ». Изрубилъ принцъ казака и складъ въ кулекъ, и привязалъ къ конскому хвосту. Конь ходилъ, ходилъ по полю и зашелъ туда, гдѣ бѣлоярову пшеницу ѣлъ. Подошелъ къ дворцу, заржалъ. Услыхали три дѣвицы и говорятъ: «Это нашъ братецъ!» Вышли, а онъ изрубленъ. Перемыли его кости, сложили и спрыснули живой водой и мертвой. Онъ и всталъ. «Эхъ, какъ я долго спалъ!» «Вѣкъ бы тебѣ, братецъ, спать, кабы не мы. Какъ же бабѣ поддался?» Большая сестра и говоритъ: «Есть у меня одна штука: если сядешь, будешь вѣкъ сидѣть; уснешь—вѣкъ спать будешь». И дала она ему крестикъ, что нигдѣ не ложиться и не садиться. «Прямо иди въ село; спросишься у богатого мужика—онъ не пуститъ ночевать; спросишься у хохла—тотъ пуститъ, и вели ты ему себя будить за крестикъ». Пришелъ казакъ въ село, хохолъ ночевать его пустилъ. Послѣ ужина легъ казакъ въ ясли спать и говоритъ хохлу: «Когда на базаръ поѣдешь, буди меня за крестикъ!» Поѣхалъ хохолъ на базаръ съ женой, и забыли про него. Приѣхали съ базару. «Хозяйка, разбуди солдатика-то!» Та будила, не разбудила, думала, что померъ. Хохолъ бѣжить, испугался: «Не задушила ли», думаетъ,—«она его». Трясъ, трясъ, задѣлъ за крестикъ, и сталъ казакъ конемъ—грива серебряная, хвостъ золотой! «Ахъ, хозяйка, сплечемъ обратъ, поведемъ на базаръ!» Привели на базаръ, тамъ и опѣнить не могутъ. Сказали принцу. Принцъ выѣхалъ и далъ имъ этотъ дворъ(?), гдѣ казакъ жилъ, и обвѣнчался. «Вотъ», говоритъ,—«вамъ злато, серебро и самовары!» (А хохлы не понимали что это: «Эва сколь рукомоинниковъ-то!» говорятъ). Коня принецъ себѣ взялъ, постановилъ въ конюшнѣ и дѣвушку къ нему приставилъ.

Вздумалъ принецъ къ братьямъ съѣздить, коня показать. Жена и смотреть за нѣмъ. Идетъ старуха. «Куды», говоритъ,—«вашъ супругъ поѣхалъ?» «Да къ братьямъ коня показать». «Это», говоритъ,—«не конь, а вашъ прежній мужъ». Она велѣла коня воротить. Принецъ назадъ вернулся. «Что?» спрашиваетъ. «Да мнѣ, милёнокъ, сонъ не хорошій приснился. Если этого коня не зарѣжешь и его шкурой мнѣ диванъ не обобьешь—я жива не буду». Дѣвушка вошла къ коню и плачетъ. «Что ты, красная дѣвица, плачешь? Если меня будутъ рѣзать, ты подойди ко мнѣ со слезами, и какъ первая кровь брызнетъ, тебѣ на платье, ты его скинь и зарой въ саду». Вывели коня рѣзать. Она такъ и сдѣлала, какъ конь говорилъ. Отъ платья въ саду яблонька уродилась: яблочко золотое, листочекъ серебряный, листочекъ золотой. Приставили дѣвицу яблоньку стеречь. Принецъ нарвалъ яблокъ и повезъ братьямъ показать. Жена смотреть ему вслѣдъ, и идетъ старуха. «Куда это твой супругъ поѣхалъ?» «Да вотъ братьямъ яблочки отъ яблони повезъ казать». «Это», говоритъ,—«не яблоня, а твой прежній мужъ». Она его и воротила назадъ да и говоритъ: «Сонъ мнѣ дурной снился. Сруби ты эту яблоню; не срубишь если и стулъ съ креслами не сдѣлашь, мнѣ живой не быть». Дѣвица опять плачетъ, заливаясь. Яблоня ей и говоритъ: «Когда меня будутъ рубить, и первая щепка отлетитъ, возьмите и бросьте ее въ озеро». Пришли яблоню рубить; дѣвица такъ и сдѣлала, какъ ей говорила яблоня: бросила щепку въ озеро, и обратилась она въ селеня: перушко серебряное и перушко золотое.

Принецъ увидалъ въ саду селеня и сталъ его ловить; скинулъ пашку и рубашку, и залѣзъ въ воду, а жена домой ушла. Селень завелъ его далеко въ воду, по грудь; нырнулъ между ногъ ударился объ землю, сталъ опять казакомъ и надѣлъ его пашку и рубашку. «Коли хочешь», говоритъ,—«такъ такъ тони, а то сюда вылазай: я тебя изрублю!» Принецъ потонулъ въ озерѣ. Казакъ взомель въ домъ, изрубилъ принцесу и обвѣнчался на этой на горничной. Съѣздивъ къ дѣвицамъ, поблагодарилъ, что онѣ его отъ смерти отвели, и сталъ жить да поживать.

(Отъ дворника Алексѣя, въ Симбирскѣ).

11.

Волкъ-Мѣдный Лобъ.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ; въ нѣкоторомъ было государствѣ, не въ нашемъ королевствѣ, царь охотой занимался, и заплутался онъ въ лѣсу. Дѣтей у него не было, только двое съ царицей жили. Царица была брюхата. Плуталъ онъ мѣсяцъ, и два и три, и безъ него жена родить собралась и родила сына. Царь проплуталъ, охоту никакъ не понималъ; ѣдетъ путемъ—дорогой и встрѣтилъ Волка Мѣдный Лобъ; вынулъ ружье и цѣлится въ него; хлопнулъ—и мимо, да хотъ и попалъ да не убилъ. Волкъ, Мѣдный Лобъ разинулъ ротъ и бѣжитъ къ нему. «А теперь то я тебя съѣмъ!» Царь говоритъ: «Не ѣшь, Волкъ Мѣдный Лобъ!» «Нѣтъ, не разстанусь, съѣмъ! Отдай чего дома не знаешь—не буду ѣсть». Царь согласился. Ну, хорошо. Приѣзжаетъ царь домой, а жена сына ему родила. Подноситъ царица сына къ царю. «На», говоритъ,—«поняньчай, тятенька!» Говоритъ царь со слезами: «Онъ не нашъ!» «Чей же?» «Я отдамъ его Волку Мѣдному Лбу». Волкъ приходитъ и спрашиваетъ: «Ваше величество, подайте мнѣ чего дома вы знаете!» «Погоди, Волкъ Мѣдный Лобъ, дай мнѣ сына растить до двѣнадцати лѣтъ: я хотъ полюбуюсь на него». Ну, Волкъ-Мѣдный Лобъ согласился подождать. Прошло двѣнадцать лѣтъ; царь выстроилъ себѣ огромный подвалъ и спрятался въ немъ, и завалили его тамъ. Черезъ двѣнадцать лѣтъ приходитъ Волкъ-Мѣдный Лобъ; а въ домѣ нѣтъ никого, одна старушка. «Баушка, гдѣ царь съ царицей?» «Я не знаю». «Сказывай, а то съѣмъ!» «Возьми вонъ кочергу, брось ее, она тебѣ скажетъ, гдѣ они!» Волкъ Мѣдный Лобъ кинулъ кочергу; кочерга и встала на эти мѣста гдѣ они. Волкъ Мѣдный Лобъ давай рыть да копать, и дорылся. «А, вы адѣся!» Взялъ мальчика и понесъ. Унесъ въ темный лѣсъ; тамъ у него дѣвушка была двѣнадцати лѣтъ и домикъ выстроенъ. Сталъ онъ имъ корму таскать, заготовилъ на день, на два. Черезъ два дни пища подошла, Волкъ Мѣдный Лобъ пошелъ опять промышлять и говоритъ имъ: «Не ходите, сидите: я вамъ корму принесу!»

Летить превеличающій воронъ: «Каркъ, каркъ, Иванъ царевичъ! Каркъ, каркъ, красная дѣвица! Садитесь на меня, я васъ доведу!». «И... и...», говорятъ,—«гдѣ тебѣ довести?» «Садитесь!» Они сѣли и полетѣли. Волкъ Мѣдный Лобъ прибѣжалъ и пищи имъ принесъ. Ихъ въ домѣ нѣту. Чуетъ Волкъ Мѣдный Лобъ, что воронъ ихъ унесъ; ударился объ землю и пустилъ въ небо огненно пламенье и догналъ этимъ пламеньемъ ворона, и подпалилъ ему крылья. Воронъ на землю упалъ, а онъ ихъ всѣхъ троихъ забралъ. Привелъ въ свою келью и говоритъ: «Сидите теперь трое, ѣшьте, а я за пищей пойду». И ушелъ. Они трое на заваленкѣ сидятъ, плачутъ. Летитъ соколъ и говоритъ: «Что вы плачете?» «Вотъ насъ Волкъ Мѣдный Лобъ домой не пускаетъ». «Садитесь на меня, я васъ домой увезу!» Отвѣчаетъ Иванъ царевичъ: «Гдѣ тебѣ? Насъ воронъ и то не унесъ». «Садись!» Сѣли и полетѣли шибко. Волкъ Мѣдный Лобъ пришелъ, видитъ: никого нѣтъ; ударился объ землю, распустилъ пламя по небу и опалилъ соколу крылья. Упалъ соколъ, стало четверо. Сидятъ. Волкъ Мѣдный Лобъ всѣхъ кормить, а ничего надъ ними не дѣлать. На утро опять за пищей пошелъ. Бѣжить бѣжъ. Они на заваленкѣ сидятъ, плачутъ. «Что, Иванъ царевичъ, плачешь?» «Какъ не плакать? Насъ Волкъ Мѣдный Лобъ не пускать». «Садитесь, я васъ увезу!» «Гдѣ ужъ вамъ? Насъ воронъ не унесъ, и соколъ не унесъ, а тебѣ, быку гдѣ убѣжать!» «Садитесь, знай!» Сѣли всѣ четверо и поѣхали. Пришелъ Волкъ Мѣдный Лобъ—опять нѣтъ дома никого. Взялся, встряхнулся и побѣжалъ. Такъ бѣжить, лишь земля дрожитъ. Бѣжъ учуялъ, что земля дрожитъ—остановился, «Ахъ», говоритъ,—«Иванъ царевичъ, догонять!» Отдохнулъ да еще приманулъ; усталъ, опять сталъ. «Ахъ, Иванъ царевичъ, усталъ я! Догонять! Слѣзай съ меня, бери ножикъ, обрѣжь у меня шкуру на шеѣ и на ногахъ, бери за хвостъ и тащи долой!» Иванъ царевичъ слѣзъ, обрѣзалъ шкуру, дернулъ за хвостъ и шкуру содралъ. Это дѣло было близъ моря. Бѣжъ и говоритъ: «Бросайте эту шкуру на море, плывите на ту сторону!» Вотъ они бросили шкуру на море и отплыли. Не успѣли они десяти сажень отплыть, Волкъ Мѣдный Лобъ ужъ у берега. Кидался, метался, просилъ ихъ воротиться, а они взяли и уплыли.

Стало дѣвицѣ Волка жалъ; начала она смущать Ивана царевича.

вача: «Пойдемъ, воротимся!» Онъ не согласился. Переплыли на ту сторону, приплыли въ берегу, а Волкъ Мѣдный Лобъ тоскуетъ объ нихъ, жалѣетъ. Шли они вдоль бережку и стоятъ избежка. Взошли въ нее, Богу помолились, старушѣ поклонились. «Ба, ба, Иванъ царевичъ, здорово!» «Здорово, баушка!» «Какъ вы сюда попали?» Онъ разказалъ. «А, знаю», говоритъ,—«Волкъ Мѣдный Лобъ мнѣ братъ». Иванъ царевичъ обрѣлъ. Пожили они тутъ немножко; старушка и говоритъ: «Вамъ здѣсь не житье. Еще подальше кельека стоитъ, тамъ живите. Я вамъ отъ скуки дамъ К у т ы ш к у да Мурлышку» (кота да кошку). Вотъ Иванъ царевичъ сталъ съ семьей: воронъ съ нимъ, соколъ, Кутышка да Мурлышка. Ушли въ другую келью и ночевали тамъ ночь. Поутру встали; Иванъ царевичъ на охоту собиратся; соколъ и воронъ, и Кутышка, и Мурлышка всѣ съ нимъ. Набилъ дича т и н ы нѣсколько; принесъ, стали ужинъ варить. Наѣлись и спать легли. Ночь переспали. Иванъ царевичъ опять на охоту пошелъ, а красная дѣвица, его родная сестрица, раскинула бычью шкуру и маршъ на ту сторону. Переплыла на ту сторону, и нашла Волка Мѣдный Лобъ и перевезла его на шкурѣ къ себѣ. Хотятъ они Ивана царевича извести. Вотъ, только онъ къ ней переплылъ, идетъ Иванъ царевичъ съ охоты. Волкъ Мѣдный Лобъ заметался, закидался, Ивана царевича испугался, ударился объ землю и оборотился булавкой, и воткнула она его въ стѣну. Пришелъ Иванъ царевичъ и говоритъ: «Сестрица, собери-ка намъ пообѣдать». Кутышка, Мурлышка и обѣдать не садятся—бѣгаютъ по избѣ, по стѣнамъ машутъ, ногами полъ царапаютъ, бросаются на стѣну. Иванъ царевичъ и говоритъ: «Что это, сестрица, у насъ?» «Не знаю», говоритъ. Легли, опять ночь проспали; поутру на охоту пошли. Приходятъ съ охоты—имъ и пообѣдать нечего. Научилъ ее Волкъ Мѣдный Лобъ: «Захворай», говоритъ,—«и пошли его въ такое-то мѣсто: тамъ есть волчица, чтобы онъ ее нашелъ; вели ее подонть и молока принести, да лепешекъ напечѣй. Лепешекъ намѣсить, наѣшья и будешь здорова; а онъ пойдетъ волчицу донть—она его разорветъ».

Приходить Иванъ царевичъ съ охоты, она лежитъ крѣпко больна и поѣсть нечего. Онъ и такъ и сякъ спрашивать: «Что ты, сестрица?» «Я», говоритъ,—«больна. Сходи къ волчицѣ, надонь мнѣ молока, да принеси мнѣ!» Иванъ царевичъ взялъ орудію

свою и пошелъ, и нашелъ волчицу подъ корягой; лежитъ, дѣтей кормить. Онъ прицѣлился, брякъ ее изъ ружья, и попалъ въ ухо. Волчица говорить ему: «Что ты, Иванъ царевичъ, на што меня оглушилъ, унесъ у меня вѣку? Я тебѣ и безъ этого дамъ молока. Давай посуду—надою!» Иванъ царевичъ подставилъ кувшинчикъ, она и надоила, и заткнула. «Ступай, неси! Да нѣ вотъ тебѣ въ гостинцы нѣтъ лучшаго моего волченка!» И сказала волчица волченку: «Служи, какъ мнѣ служилъ!» Пошелъ Иванъ царевичъ, куды ему нужно, приходитъ домой. Волкъ Мѣдный Лобъ въ окошко смотреть, видитъ, что Иванъ царевичъ молоко несетъ. А дѣвица лежитъ, хвораетъ. Видитъ Волкъ Мѣдный Лобъ, что дѣло плохо, ударился объ землю, оборотился иголкой. Она опять въ стѣну его воткнула. Кутышка да Мурлышка бѣгаютъ шумомъ по избѣ, нюхаютъ. Дѣвица вылила молоко на полъ, лепешки не затѣяла; опять лежитъ, стонетъ. Иванъ царевичъ ласкается къ ней, ходитъ за ней, не знаетъ чѣмъ лѣчить. Она не хвораетъ, а только злоумышляетъ. «Братецъ», говорить,—«это лѣкарство мнѣ негодно». Научилъ ее Волкъ Мѣдный Лобъ сказать: «Пошли его въ лѣсъ, чтобы нашелъ медвѣжику и подоялъ бы ее». Красная дѣвица и говорить: «Иванъ царевичъ, поди добейся мнѣ медвѣжьяго молока!» Тотъ пошелъ въ лѣсъ съ своей охотой. Приходитъ въ темный лѣсъ и нашелъ тамъ берлогъ, гдѣ медвѣжиха лежитъ; прицѣлился, брякъ въ ухо. Та и говорить ему: «Зачѣмъ ты мнѣ, Иванъ царевичъ, вѣку убавилъ: я тебѣ и такъ дамъ!» Нацѣдила ему молока и дала что ни есть лучшаго медвѣженка.

Принесъ Иванъ царевичъ медвѣжьяго молока, а дѣвица все больная лежитъ, стонетъ. Волкъ Мѣдный Лобъ научилъ ее послать Ивана царевича къ львицѣ, добыть у нея молока. Иванъ царевичъ взялъ свою охоту, поѣхалъ. Увидалъ львицу въ лѣсу, брякъ въ нее изъ ружья и угодилъ въ ухо. Львица и говорить: «За что ты мнѣ, Иванъ царевичъ, вѣку убавилъ? Я тебѣ молока и такъ дамъ!» Нацѣдила ему въ кувшинъ молока и дала что ни есть лучшаго львенка. Привезъ Иванъ царевичъ дѣвицѣ львиного молока. Волкъ Мѣдный Лобъ видитъ, что его ничѣмъ не возьмешь и научаетъ дѣвицу: «Пошли его за семь верстъ, тамъ есть чортова мельница, пускай онъ съ нея достанетъ пыли. Скажи ему, если изъ той пыли

намѣсить лепешекъ, ты здорова будешь. Въ этой чортовой мельницѣ семь дверей желѣзныхъ, онъ пойдетъ туда, самъ выйдетъ, а охоту тамъ оставить». Не столь его, сколько охоты, знашь, боится.

Иванъ царевичъ отправился туды, пришелъ на чортову мельницу; всѣ двери на ней растворѣны. Иванъ царевичъ пыли намѣлъ и охоту за собой завелъ. Пошелъ съ пылью назадъ, двери за нимъ и затворились, охота за дверями осталась. Одинъ соколъ съ ворономъ на верху, на мельницѣ сидятъ. Пошелъ Иванъ царевичъ къ сестрѣ, приходитъ; встрѣчаетъ его Волкъ Мѣдный Лобъ и говоритъ: «А, голубчикъ, топерь ты ко мнѣ попался! Топи первая баню: будешь помягче, а то не угрызешь!» Иванъ царевичъ истопилъ баню, самъ горько плачетъ. Волкъ Мѣдный Лобъ пришелъ къ нему: «Топи скорѣе! Ёсть хочу!» Онъ топить и плачетъ; а его охота помыкается по мельницѣ, работаютъ шумомъ, двери ломаютъ. Мишка ломать, только трескъ идетъ. Черный воронъ прилетаетъ къ Ивану царевичу и говоритъ: «Потерпи немножко: три двери прогрызли». Обратился назадъ, къ охотѣ. «Поскорѣе», говорить,— «старайтесь! Послѣднія наши минуты!» Полетѣлъ соколъ къ Ивану царевичу, а онъ ужъ и баню истопилъ. «Повремени малость: остальну дверь ломаютъ!» Вотъ Волкъ Мѣдный Лобъ всходитъ въ баню, велитъ ему рубаху скидать: парить хочетъ. Соколъ усмотрѣлъ и понесся къ охотѣ. Охота на встрѣчу летитъ: всѣ двери прогрызли, Кутышка съ Мурлышкой всѣхъ впереди, а толстопятый Мишка бѣжитъ—земля дрожитъ. Волкъ Мѣдный Лобъ и говоритъ Ивану царевичу: «Лѣзь на полбкъ!» А Иванъ царевичъ ему говорить: «Погляди черезъ порогъ! Что тамъ есть?» Онъ обернулся: Кутышка да Мурлышка — прямо за глаза; толстопятый Мишка началъ ворочать, только шерсть летитъ! Изорвали Волка на мелкие части. Входитъ Иванъ царевичъ къ своей сестрѣ: «Долго ли», говорить,— «будешь мучить меня?» Она пала на колѣни, проситъ прощенья. Онъ прощенья ея не принималъ, взялъ, вывезъ ее въ темный лѣсъ, подвѣсилъ ее за лѣспну вверхъ ногами, нажѣгъ котель жару и поставилъ ей подъ голову. Жечь то ее не жжетъ, а жаромъ-то беретъ. Самъ пошелъ куды надо. Много ли, мало ли шелъ, дошелъ до избенки. Въ ней старуха живетъ. «Какже бы», говоритъ Иванъ царевичъ,— «мнѣ здѣсь отдохнуть и гдѣ бы мнѣ охоту свою въ холодокъ запереть?» «Вонъ—въ конюшню». Заперъ

Иванъ царевичъ охоту въ конюшню, а самъ въ келью вошелъ. «Сбори-ка, баушка, мнѣ чего-нибудь поѣсть!» Она его покормила, что у ней случилось. У него такъ сердце закипѣло: жалко сестру стало, и говоритъ: «Ну, баушка, я ворочусь; дѣльце есть». «Ты туды пойдешь да и не придешь?» «Если меня живаго не будетъ, такъ тебѣ въ дверь кровь нальется. Выпускай тогда мою охоту». Пошелъ къ сестрѣ — виситъ она верхъ ногами на соснѣ и проситъ прощенья: «Не буду», говоритъ, — «ни впредь, ни послѣ!» Вотъ онъ ее отвязалъ и съ дерева снялъ. «Ну, сестрица, вины я на тебѣ не ищу, только впредь ничего не дѣлай! Пойдемъ со мной». Шла она шла, да послѣ Волка зубъ и нашла, въ пазуху спрятала. Шли, шли путемъ дорогой, на Ивана царевича дремъ напала; легъ онъ отдохнуть и говоритъ: «Поищи-ка въ головѣ!» Вотъ она стала въ головушкѣ искать, а въ ухо ему стала волчій зубъ совать. Какъ въ ухо засунула, такъ онъ и умеръ. Къ баушкѣ кровь, какъ вода, льется; его охота изъ конюшни рвется, что йхова хозяйина въ домъ нѣтъ и нѣ живъ. Выпустила ихъ баушка изъ конюшни, и полетѣли они въ путь дорогу. Иванъ царевичъ лежитъ на дорогѣ мертвый. Кутышка да Мурлышка давай волѣ него шарить, искать, и нашли у него въ ухѣ волчій зубъ. Кутышка-Мурлышка медвѣдю и говоритъ: «Тащи превеличающій камень и ложись за него, а ты, левъ, за медвѣдья ложись, а ты, волкъ, за льва; воронъ, садись на древо; соколъ — на другое!» Всѣ сѣли по мѣстамъ, какъ ясны соколы по гнѣздамъ. Кутышка-Мурлышка зачалъ певырать и вытащилъ зубъ изъ уха. Иванъ царевичъ проснулся на всѣ четыре стороны оглянулся. «Ахъ, да какъ я крѣпко спалъ!» Кутышка-Мурлышка кричитъ своихъ товарищевъ: «Вставай, ребята! Хозяинъ живъ!» Всѣ встали, зубъ подъ камень положили и заваляли. А сестра-то въ лѣсу спряталась. Иванъ царевичъ и говоритъ своей охотѣ: «А подите, постарайтесь, найдите мнѣ своего недруга!» Пошли они ее по лѣсу искать, нашли подъ корягой, подхватили и къ Ивану царевичу потащили. Привели. Иванъ царевичъ въ мелкие части ее изрубилъ и сказалъ: «Вотъ вамъ охота, мясо!» Пошли кто куды знать. Разстались, распрощались и по темному лѣсу разбрылись.

(Абрамъ Новопольцевъ).

12.

Трехъ-сынъ.

Поѣхалъ мужъ съ женой въ лѣсъ по грибы, съ робенкомъ; нашли много грибовъ, стали собирать да въ кучу класть, хозяйка мужу и говоритъ: «Сложи его подъ сосенку, а то лошадь свернетъ да его убьетъ». Они грибовъ наломали много и потеряли лошадь съ робенкомъ. Пришли домой—лошадь дома, а робенка нѣтъ. Сдѣлали они тревогу, что робенка потеряли. На утро ходилъ народъ искать; то мѣсто, гдѣ они грибы брали, нашли, а робенка нѣтъ, пропалъ. А въ этомъ дремучемъ лѣсу трудились трое труженниковъ старцы и слышали они робячій голосъ (в а ч ѣ т ь). Они шли, шли, дошли и взяли его. Видятъ—мальчикъ. Принесли его въ свою землянку и думаютъ, какъ назвать. Одинъ говоритъ: «Помиѣ». Другой говоритъ: «Помиѣ». И третій—то же. Рѣшили они такъ: «Будь онъ Трехъ-сынъ». Кормили его, обували и одѣвали; стало ему восемнадцать лѣтъ, и думаютъ старцы: «Что намъ его въ лѣсу держать? Надо его проводить куды слѣдуетъ: онъ уже въ совершенномъ разумѣ сталъ». И говорятъ ему труженники: «Ступай вотъ по этой тропочкѣ, выйдешь куды слѣдуетъ, пойдешь путемъ дорожкой; стоитъ тамъ привязанный конь; сядь на него и поѣзжай!» Трехъ-сынъ со стариками распрощался, собрался въ дорогу. Шелъ, шелъ, доходить до коня. Любо дорого посмотреть! Сѣлъ на добра коня и поѣхалъ. Ъхалъ долго ли, много ли—лежитъ на дорогѣ платочекъ отличный-хорошъ; слѣзъ съ коня, взялъ его, конь ему и говоритъ: «Ай! Трехъ-сынъ, не бери платенце: худо тебѣ будетъ!» Онъ его не послушался, положилъ находку въ карманъ и дальше поѣхалъ.

Лежитъ на дорогѣ павлинье перо; онъ и на него прельстился. «Ахъ, перушко хорошо! Пописать можно чего!» Слѣзъ и поднялъ. Конь ему и говоритъ: «Охъ, Трехъ-сынъ, не бери его: худо будетъ!» Тотъ не слушалъ, поѣхалъ дальше и видитъ: листъ бумаги лежитъ. «Ахъ, штучка-то надобна», говоритъ,—«быть м ѡ ж е, писмецо написать!» Конь ему и говоритъ: «Охъ, Трехъ-сынъ, не бери: худо будетъ!» Онъ и на этотъ разъ не послушался. Приѣзжаютъ въ городъ, прямо на царскій дворъ, и докладываютъ царю, что

желаетъ такой-то человѣкъ гдѣ бы послужить. Царь его взялъ къ себѣ, въ ученье отдалъ и спросилъ: «Какъ тебя звать?» «Я», говоритъ,—«Трѣхъ-сынъ». Отдали его на конюшню ко конюхамъ. Коня онъ своего въ поле пустилъ; занялся крѣпко коннымъ ученьемъ и сталъ за конями ходить, гладить и кормить. Царь какъ ни посмотреть, кони все чистые и гладкіе, а у прежнихъ — все нечистые и негладкіе. Вотъ они (прежни-то) на него крѣпко сердчатъ и думаютъ чего-нибудь на него нахвастать царю. Приходятъ они разъ къ нему и говорятъ: «Ваше царское величество, чѣмъ у насъ Трѣхъ-сынъ хвалится: я, говоритъ, знаю, отчего день красный, отчего сѣмрасный». Царь этому дѣлу повѣрилъ, призываетъ Трѣхъ-Сына. «Что, ты знаешь, отчего день красный и день сѣмрасный?» «Нѣту, не знаю и не говорилъ никому». «Съѣзди, дознай, а то я тебя повѣшу!» Вышелъ Трѣхъ-сынъ изъ городу вонъ въ зеленые луга и горько заплакалъ. Является передъ нимъ конь, на которомъ онъ пріѣхалъ. «Что, Трѣхъ-сынъ, больно плачешь?» «Какъ не плакать, добрый конь? Вышла великая бѣда». «Говорилъ я тебѣ: не бери полотенце—худо будетъ; ну, да садись, поѣдемъ!» Онъ сѣлъ, да и поѣхалъ. Ъхали много ли, мало ли, долго ли, коротко ли, ѣдутъ дремучимъ лѣсомъ и бьются дубъ объ дубъ, и проѣхать имъ нельзя. «Куды, Трѣхъ-сынъ, ѣдешь? Скажешь—пропустимъ». «Ѣду узнать, отчего день бываетъ красный, отчего сѣмрасный». «Эге-ге, далеко же», говорятъ,—«ты поѣхалъ... Помани объ насъ: мы стукаемся другъ объ дружку сорокъ лѣтъ, а когда будетъ намъ вѣкъ? Поѣзжай дальше: тамъ ксажутъ!» Трѣхъ-сынъ дальше поѣхалъ. Ъхали, ѣхали много ли, мало ли, доѣхали до дѣвки. Дѣвка свиней пасетъ. Свиньи оцетинились, не пускаютъ, хотятъ ихъ разорвать. «Куда, Трѣхъ-сынъ, ѣдешь?» «Да узнать, отчего день бываетъ красный, отчего сѣмрасный». «Ну, поѣзжай», говоритъ дѣвка,—«помани обо мнѣ: я пасу сорокъ лѣтъ; еще долго ли буду пасты? Поѣзжай, гдѣ солнышко садится; тамъ дѣушки прыдутъ, прыжки на небо кладутъ. У Солнышка есть сестра; Солнышко сядетъ, все ей расскажетъ». Пріѣхалъ онъ туда; приходитъ къ Солнышковой сестрѣ, сталъ ее спрашивать; она стала ему сказывать: «Не знаю», говоритъ,—«а вотъ Солнышко придетъ, сядетъ—я спрошу». «Да еще спрося: Ъхалъ я путемъ лѣсомъ—бьются дубъ объ дубъ сорокъ лѣтъ; когда имъ бу-

дѣтъ смѣна? Да еще дѣвка свиней пасетъ тоже сорокъ лѣтъ, и отставки ей нѣтъ». «Хорошо, спрошу. Куда же мнѣ тебя дѣтъ, спрятать, а то оно тебя найдетъ, сожжетъ». И взяла его въ сундукъ заперла. Солнышко сѣло и слушаетъ: «Русскимъ духомъ пахнетъ! Кто нибудь есть у тебя?» «И-и, Красное Солнышко, ты по вольному свѣту ходишь, русскаго духу наивмался. У меня никого нѣтъ. Расскажи-ка: въ дремучемъ лѣсу два дуба сорокъ лѣтъ бьются, кто ихъ смѣнитъ?» «Трехъ-сынъ пройдетъ, смѣнитъ». «Почему онъ двоихъ смѣнитъ?» «А вотъ почему: что онъ пройдетъ перва до дѣвки; станетъ она его спрашивать, поминалъ ли обо мнѣ; если онъ сорокъ сажень пройдетъ дальше за нее, да скажетъ, кто смѣнитъ, то свиньи его не догонятъ. И дубы—все равно». «А отчего день красный, отчего сѣмрасный?» «А вотъ отчего: морская есть за тридцать земель богородица (sic); выходитъ она за русскаго царя замужъ. Когда она въ морѣ сидитъ—красный день бывать, когда наружу выходитъ—тотъ день сѣмрасный».

Пришло время Солнцу опять на свое мѣсто всходить; пошло онъ, куда слѣдуетъ; а Трехъ-сынъ, разузнавши дѣло, сѣлъ на добраго коня и поѣхалъ. Доѣхалъ до дѣвки, она и спрашиваетъ: «Что, Трехъ-сынъ, поминалъ ли обо мнѣ? Говори, а то не пропущу!» «Разкажу», говоритъ,—«пропусти только меня за сорокъ сажень!» Свиньи отъ дороги отошли; онъ отѣхалъ на сорокъ сажень и говоритъ: «Трехъ-сынъ тебя смѣнитъ!» Ударилъ коня и полетѣлъ. Свиньи гнались, гнались и не догнали. Приѣхалъ къ дубамъ, тѣ опять спрашиваютъ; онъ имъ и говоритъ: «Скажу, только пустите меня за сорокъ сажень». Сорокъ сажень проѣхалъ и говоритъ: «Трехъ сынъ смѣнитъ!» Ударилъ своего коня и полетѣлъ. Дубы вырвались съ корнемъ вонъ найда за нимъ кувиркомъ. Гнались, гнались, а не догнали. Приѣзжаетъ Трехъ-сынъ къ царю во дворецъ, сталъ ему разказывать, отчего день красный, отчего сѣмрасный, коня опять пустилъ въ зеленые луга, а самъ на конюшню поступилъ. Дни два проходитъ, конюхи опять думаютъ какъ бы на него нахвастать; приходятъ къ царю и говорятъ: «Трехъ-сынъ хочетъ достать морскую богородицу!» Призываетъ царь Трехъ-сына. «Ты хвалишься, что можешь достать морскую богородицу?» «Знать ничего не знаю». «Если не сослужишь мнѣ эту службу, сейчасъ повѣшу!» Трехъ-сынъ опять пошелъ

въ зеленые луга; ходить и плачетъ. Конь является къ нему. «Что больно плачешь?» «Да вотъ, конёчекъ, посылаетъ меня царь достать морскую богородицу». «Говорилъ я тебѣ: не бери павлинье перо—худо будетъ. Ну поди сходи къ царю и закажи сорокъ паръ башмаковъ!» Трехъ-сынъ пошелъ къ царю, приказалъ нашить сорокъ паръ башмаковъ. У царя около одной ночи все послѣло. Башмаки Трехъ-сынъ собралъ и въ сумочку поклялъ. Сѣлъ и поѣхалъ. Ъхалъ горами, долами, темными лѣсами; уѣхалъ за тридевять земель въ десятое царство, подѣхалъ къ синему морю и завелъ базаръ: сталъ башмаками торговать. Конь ему и говоритъ: «Мотри, не плошай! Скоро она къ тебѣ выйдетъ, будетъ башмаки покупать, а я буду въ оврагѣ лежать. Какъ она будетъ башмаки торговать, ты тутъ ее лови и меня кричи!» Вотъ онъ расклялъ товаръ и торгуетъ, одинъ разъединный. Выходитъ морская богородица; стала башмаки торговать, онъ ее цопъ да цопъ! «Конёчекъ, сюда! Топерь она моя!» Конёчекъ подбѣжалъ, въ мѣшокъ ее засовалъ. Товаръ побросали и поѣхали. Приѣзжаютъ къ царю. Такъ радъ былъ ей царь, бѣда! Хочетъ онъ съ ней обвѣнчаться, а морская богородица и говоритъ: «Я съ тобой вѣнчаться не могу: у меня нѣтъ подвѣнчнаго перстня: у меня перстень въ морѣ. Тамъ есть камень, подъ камнемъ сундукъ, въ сундукѣ—перстень. Достань, тогда повѣнчаюсь». Царь думать: кого посылать? Опять Трехъ-сына. «Поѣзжай, доставай и перстень!» Онъ горько заплакалъ: «Я не могу достать». «Сейчасъ повѣшу, если не поѣдешь!» Пошелъ Трехъ-сынъ въ зеленые луга и ходитъ, горько плачетъ. Является конёкъ. «О чемъ плачешь?» «Какъ мнѣ не плакать? Царь велѣлъ мнѣ изъ моря перстень достать». «Говорилъ я тебѣ: не бери листъ бумаги—худо будетъ, ну да садись на меня, поѣдемъ!» Поѣхали на море; конёкъ и говоритъ: «На бережѣ рыбаекъ сидитъ; поди садъ за него, чтобъ онъ тебя не видалъ. Онъ первую рыбку выудитъ, на берегъ выкинетъ—весь годъ ей сытъ; ты ее возьми, да и не отдавай ему. Достань мнѣ, скажи, перстень морской богородицы, тогда рыбку отдамъ!» Онъ такъ и сдѣлалъ. Поймалъ рыбаекъ рыбку, онъ взялъ ее да и не отдаетъ: «Достань изъ моря перстень, тогда отдамъ!» Рыбаекъ бултыхъ въ море, поднялъ камень и досталъ перстень. Трехъ-сынъ сѣлъ на коня и поѣхалъ назадъ. Привезъ перстень; царь встрѣтилъ его, а морская бого-

родица и говорить: «Трехъ-сынъ, не отдавай царю перстень! Я завтра вамъ обонимъ вею въ котлахъ искупаться; тебѣ—въ смолѣ, а ему—въ молокѣ, въ бѣломъ кипяткѣ!...» Повелъ Трехъ-сынъ конька въ зеленые луга. Конь и говорить: «Ну, Трехъ-сынъ, завтра на тебя бѣда! Не забудь меня. Будешь купаться въ смолѣ, а царь—въ молокѣ, только вскричи: Э, гдѣ мой добрый конь? Распрощуся съ тобой: прыгну въ котелъ правою ноздрей—вылетитъ вся смола; изъ лѣвой ноздри пушу дыму—не увидитъ никто».

На утро подвѣсили котлы и наклали подъ нихъ дровъ, вскипятили смолы и молока. «Ну, женихи, купайтесь въ котлахъ! Кто искупается, тотъ мой мужъ!» Трехъ-сынъ и говорить: «Ваше царское величество, искупайтесь прежде, а мнѣ не нѣды». Морская богородица и говорить: «А кто меня доставалъ, тотъ и вѣнчаться со мной будетъ». Трехъ-сынъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Эхъ, добрый конь, погибаю!» Конь подбѣжалъ, громкимъ голосомъ заржалъ, фыркнулъ правою ноздрей—вся смола вылетѣла; изъ лѣвой ноздри дымъ пошелъ. Выкупался въ смолѣ добрый молодецъ, сталъ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Царь въ молоко махнулъ и теперь тамъ. Тутъ Трехъ-сынъ не пиво варить, не вино курить, сейчасъ да и за свадьбу. Обвѣнчали и въ палаты помчали; стали жить да быть.

(Абрамъ Новопольцевъ).

13.

Козья Шкура.

У одного царя былъ косякъ лошадей. Кобыла одна, какъ жеребиться, такъ изъ табуна вонъ выходила и приходила всегда безъ жеребенка. Подошло ей время третьимъ жеребиться; вотъ сынъ и просится у отца караулить кобылу. «Пусти, батюшка!» «Гдѣ тебѣ укураулить кобылу?» «А можетъ статься, и укураулю». Осѣдлалъ коня и поѣхалъ въ косякъ кобылу караулить. Кобыла

начала поглядывать: бѣжать захотѣла. Конь ему и говоритъ: «Мотри, добрый молодецъ, побѣжить, такъ меня пускай; она ѣсть остановится, и ты меня ѣсть пусти!» Кобыла поднялась, много ли, мало ли скакала, доскакала до камышу и брякнулась въ камышъ и стала жеребиться. Конь и говоритъ: «Добрый молодецъ, пооди, какъ только изъ прохода появится жеребенокъ, держи его за уши!» Только что жеребенокъ высунулся изъ прохода, онъ его за уши и схватилъ. Пошелъ онъ его мыкать по лѣсамъ, по рѣкамъ, по болотамъ и назадъ опять принесъ. И встали всѣ три жеребца врядъ: одинъ хорошъ, другой лучше, а третій еще лучше. И говорятъ они ему: «Добрый молодецъ, возьми изъ насъ только по волосу, а насъ пусти: мы тебѣ еще пригодимся!» Царскій сынъ взялъ у нихъ по волосу, завязалъ въ разные узлы, а ихъ пустилъ. Подходить его конь (а кобыла ужъ въ косакѣ) и не везетъ. «Станешь меня орѣховыми ядрами кормить—такъ повезу, а то нѣтъ». «Буду кормить, вези только!» Приѣзжаетъ въ домъ, говоритъ отцу. Нечего дѣлать, надо ядрами орѣховыми кормить; а у него была жена (мачиха ему), ей и досадно кажется жеребца орѣхами кормить. Она возьми да и захворай. Сколько лѣка рѣвъ нѣ приво-зили—никто вылѣчить не могъ. И говоритъ она своему мужу: «Заколите вотъ этого жеребца, выньте изъ него сердце и вылѣчите меня!» Ей, вишь, сгубить хочется. А сынъ ходитъ въ училищѣ; учиться поидетъ—къ коню зайдетъ; изъ училища—опять къ нему. Жеребецъ ему и говоритъ: «Ну, добрый молодецъ, меня колоть хотятъ; какъ станутъ меня обрѣтывать, я заржу—стекла вылетятъ изъ училища, гдѣ ты учишься; а если валишь станутъ, такъ бѣги проворнѣй: съ училища верхъ слетитъ, а я безъ тебя еще не дамся». Обратили жеребца, повалили; царскій сынъ прибѣжалъ и говоритъ: «Батюшка, дай мнѣ на немъ въ остальнѣй разъ хоть дворомъ проѣхать!» Сѣлъ прокатиться отъ стѣны до стѣны, взвился и перемахнулъ черезъ стѣну. Уѣхалъ изъ царства, долго ли мало ли ѣхалъ, только попалъ въ другую землю. Коня царскій сынъ пустилъ, самъ козью шкуру на себя надѣлъ и пошелъ. Попалъ въ царскій садъ, а его старикъ караулитъ. Онъ къ нему къ дѣти и пошелъ. И присылаетъ тѣмъ же царь за яблоками въ садъ. «Нарвите мнѣ къ обѣду яблоковъ!» А царскій сынъ и говоритъ старика: «Посто-ка, тятенька, а самъ дамъ!» Одно далъ красно,

друго — половина гнилая, а третье все гнилое. Царь съ гостями и сталъ думать, къ чему такія яблоки принесены. Въ сенатъ царь ходилъ, и то не разсудилъ. Подходить самая малая дочь и говорить: «Вотъ что, батюшка: красно то яблоко это мои красны года, а гниловатое — это средней дочери года (время проходить), а совсѣмъ гнилое — вовсе время проходить у старшей дочери». Царь и отдалъ старшую дочь за начальника, среднюю тоже за чиновника, а младшую за Козью Шкуру. Женились, да пиры и пошли. Царь столуетъ съ тѣми зятями, а Козью Шкуру не пускаетъ къ себѣ, особенну горницу отвелъ. Младшая дочь плакать начала. И случилось такъ, что на царя воинство пошло. Поѣхалъ царь съ двумя зятями на войну, а младшая-то подошла и проситъ: «Дайте, батюшка, моему то каку-нибудь лошаденку выѣхать поглядѣть». «На, возьми», говоритъ, — «водовозку!» Сѣлъ царевнъ сынъ лицомъ къ хвосту, да ладонью погонять. Заѣхалъ въ лѣсокъ, за кустокъ, козью шкуру скинулъ, лошадь отпустилъ и вынулъ одинъ волосъ (перваго жеребца). Явился передъ нимъ конь ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Выѣхалъ онъ на немъ къ войску и не столько руками побилъ, сколько конемъ подавилъ. Царь и говоритъ: «Добрый молодецъ, милости просимъ ко мнѣ чай пить!» «Угожу, такъ пріѣду, а не угожу, такъ не пріѣду». Поѣхалъ назадъ, коня пустилъ, козью шкуру надѣлъ, волосъ въ узелъ завязалъ и на водовозкѣ домой вернулся. «Какъ разосплюсь, если увидишь что, не сказывай!» Ну, значить у него козья шкура и заворотилась: царскую одежду и видно. Жена обрадовалась. На второй день царь опять зятьевъ беретъ, а этого опять нѣтъ. Младшая дочь у отца проситъ: «Батюшка, дай моему-то лошадь какую-нибудь!» «Да вонъ водовозка-то, бери!» Поѣхалъ опять царскій сынъ на водовозкѣ; заѣхалъ въ кустокъ и вынулъ изъ узла волосокъ средняго жеребца. Явился конь ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать и покаптитъ. Съ столько руками не побилъ, сколько конемъ подавилъ. Царь опять зоветъ: «Добрый молодецъ, милости прошу ко мнѣ чай пить!» «Если угожу, такъ пріѣду, а не угожу — не пріѣду».

Пріѣхалъ, спать легъ и говоритъ женѣ: «Смотри, если я разосплюсь, ты что увидишь — не сказывай!» У него козья шкура и

того больше заворотилась. Жена пуще повеселѣла. Прошла ночь; царь уѣхалъ съ зятями на войну. Она идетъ къ матери и говоритъ: «Матушка, попроси моему-то лошадей!» Дали ему опять водовозку. Заѣхалъ онъ за кустокъ, снялъ козью шкуру и взялъ волосы отъ третьяго жеребца. Всталъ передъ нимъ картина— не жеребецъ, и самъ онъ сталъ молодчина, кровь съ молокомъ. Столько руками не побилъ, сколько конемъ подавилъ. Царь опять его зоветъ: «Добрый молодецъ, просимъ милости обѣдать ко мнѣ!» «Ладно», говоритъ, — «обѣдать приѣду». А женѣ сказалъ передъ отъѣздомъ: «Ты смотри, встрѣчай меня, какъ приѣду! Я не въ такомъ образѣ - то вернусь». Царь приѣхалъ, сготовили обѣдъ, ждутъ добраго молодца. Ѣдетъ молодецъ. Царь выходитъ и встрѣчаетъ, за руки въ горницу ведетъ. Какъ вошелъ, такъ жена на шею ему и кинулась. Царь отецъ и говоритъ ей: «Дура», говоритъ, — «что ты на чужихъ-то кидаешься? Ты бы въ ту пору такого мужа выбирала!» «Батюшка», говоритъ младшая дочь, — «это мой мужъ и есть!» Царь отдалъ тогда ему свое царство, а тѣ зятя ступай по своимъ мѣстамъ.

(Записано отъ воротника Алексѣя съ Озѣрки, Самарск. губ. Ставропольск. уѣзда).

14.

Окаменѣлое царство.

Былъ у купца сынъ и задумалъ онъ въ службу идти. Пишетъ оттуда: «Вышелъ я офицеромъ, пришлите три чысячи рублей денегъ». Купецъ послалъ. Вторительно сынъ пишетъ: «Я вышелъ генераломъ, пришлите двѣнадцать лошадей дышленныхъ и хорошій экипажъ, чтобы одной шерсти и росту, и кучеръ въ кучера, и фалѣторъ въ фалѣтора». Отецъ послалъ и самъ поѣхалъ къ сыну. Приѣзжаетъ, спрашиваетъ. «Такого», говорятъ, — «генерала нѣтъ, а есть солдатики, такъ онъ», говорятъ, — «г.....мъ». А онъ и въ правду г.....мъ. Отецъ взялъ да и отдалъ двѣнадцать лошадей настоящему генералу: «А ему», говоритъ, — «наши

шите волчій билетъ». Тремъ солдатамъ его написали и пустили куда хотять.

Ходили они, ходили; застигла ночь, и ночевали они подъ межей. Утромъ встали, пошли — видять дворецъ, и кругомъ каменная стража стоитъ. Вошли, а внутри все окаменѣлые люди! Кто стоитъ, кто сидитъ, кто смѣется, кто пальцемъ указываетъ. Въ шезану они нашли закусокъ, наѣлись, напились, а солдатъ г.....ъ нашелъ такую книгу, по которой можно ихъ отчитать. Ночь читаетъ. Въ полночь вышли три дѣвицы черныя, въ шерсти. «Ну, молодецъ, пострадалъ ты одну ночь, пострадай еще двѣ!» По утру онъ товарищей разбудилъ, легъ спать, а они въ карты занимаются. Ночь приходитъ — они ложатся, а онъ — за книгу. Въ полночь три дѣвицы вышли на половину бѣлыя. «Пострадай, молодецъ, послѣднюю ночь!» Онъ всталъ, разбудилъ товарищей; тѣ въ карты ззчали играть, а онъ спать легъ. На третью ночь сталъ читать; видить — въ полуночь три дѣвицы вышли, всѣ бѣлыя. «Благодарю, молодецъ, мы васъ не оставимъ!»

Попутру государыня этого царства (одна изъ трехъ-то), говоритъ: «Я на тебѣ повѣнчаюсь». Повѣнчались; а двѣ другихъ за его товарищей вышли. Сталъ солдатъ у жены къ отцу проситься и поѣхалъ въ коляскѣ, въ государственной одежѣ. Зѣхалъ дорогой въ кабакъ, пропилялъ все, обулся въ лаптишки и пріѣхалъ къ отцу. «Не надо ли вамъ», говоритъ, — «ваше степенство, пастуха?» «Да, козъ надо попасти». «Ладно», говоритъ. Наняли его козъ пасти. Пасетъ. Вечеромъ гонить онъ ихъ мимо балкона и играетъ въ дудку, а козы пляшутъ. Купецъ глядитъ съ балкону и говоритъ: «Вотъ такъ пастухъ!» А царица была хитрая: узнала, что мужъ пропился, заѣхала въ кабакъ, выкупила его одежду и пріѣхала къ его отцу. Встрѣтилъ ее купецъ и радъ царицѣ. Вечеромъ пастухъ гонить козъ, и козы подъ дудку пляшутъ. Царица по приглашенію этого купца вышла на балконъ взглянуть, расхохотнѣлась и сказала: «Это мой мужъ! Былъ», спрашиваетъ, — «у васъ сынъ?» «Былъ; я его въ солдаты отдалъ. Пишетъ онъ первый разъ ко мнѣ: я, говоритъ, вышелъ въ офицеры, пришлите мнѣ три тысячи рублей денегъ. Я послалъ. Во второй разъ пишетъ: вышелъ я, говоритъ, въ генералы, пришлите мнѣ двѣнадцать лошадей дышленныхъ и хорошія екипажъ,

Сказки и пред. Сам. края.

6

чтобы одной шерсти и росту, и кучеръ въ кучера и фалётора въ фалётора! Я послалъ и самъ слѣдомъ поѣхалъ. Приѣзжаю; мнѣ говорятъ, что такого генерала нѣтъ, а есть солдатикъ, въ г.....хъ служить. Я и велѣлъ ему написать волчій билетъ. Гдѣ онъ теперь, Богъ его знаетъ. Царица и говоритъ купцу: «Пришлите этого пастушка ко мнѣ!» Тотъ пришелъ. Она его обрядила въ особой комнатѣ и сѣла рядомъ; стукнула въ стѣну: «Войдите теперь! Можно!» Купецъ вошелъ и видитъ двоихъ. «Узнали пастуха-то?» «Нѣтъ». «Это», говоритъ, — «вашъ сынъ, а я—дочь». Купецъ удивился. Она ему все и разказала. Купецъ сдѣлалъ балъ и былъ радъ, что сынъ его царемъ вышелъ.

(Отъ дворника Алексѣя, въ Симбирскѣ).

15.

Оома Богатый.

Жилъ былъ Оома Богатый: ни скинуть ни надѣть у него не было, а постлать не заводилъ. Приходить къ нему Лиса. «Что ты, Оома Богатый, чай тебѣ жениться хочется?» «Когда не хотѣтся, да у меня», говорятъ, — «только вотъ да кобель; кто за меня пойдетъ?» «Я у купца», говоритъ Лиса, — «дочь усватаю!» Вотъ Лиса невѣсту сватать полетѣла и хвостомъ завертѣла. А по описи онъ былъ Оома Богатый, славу щій. Купецъ позавидовалъ богатству, захотѣлъ жениха поглядѣть; а онъ обросъ какъ шутъ. Лиса и говоритъ Оомѣ Богатому: «Ахъ, Оома, надо тебя обмыть и волосы на тебѣ подстричь, ѣхать невѣсту глядѣть». «А въ чемъ я поѣду глядѣть-то?» (Онъ весь тутъ раздѣвши). Лиса говоритъ: «Надѣйся на меня! Я тебя одѣну! Побѣгу базаромъ, а ты въ лавкахъ одежду цопъ да цопъ». Вотъ Лисица, красная дѣвица, базаромъ полетѣла, только хвостикомъ завертѣла; а Оома Богатый въ одной лавкѣ сертучокъ съ о п а л ь, въ другой картузикъ слизалъ; въ третью лавку забѣжалъ, сапожки со скрипомъ досталъ. «Ну», говоритъ, — «спасибо, Лиса, теперь можно и

сватьбу заводить». Поѣхали глядѣть невѣсту. Былъ онъ бѣднякъ, а лицомъ былъ хорошовйтъ: губы по осмѣтку, а носъ какъ башмакъ. Посмотрѣли невѣсту; женихъ невѣстѣ показался, а жениху невѣста показалась. У купца не пиво варить и не вино курить, сейчасъ да и за сватьбу. Сегодня ихъ обвѣнчали, а завтра къ Оомѣ помчали. А у Оомы ни кола, ни двора. Собиралъ купецъ своихъ родныхъ къ Оомѣ Богатому погулять, домъ его, имѣнье посмотрѣть. Лиса нахвалила, что у него пять табунъ: есть табунъ конный, есть табунъ рогатый, есть стадо овецъ, да стадо гусино, да есть стадо пирѣно, да есть стадо курѣно. Вотъ поѣхали. А въ селеньи, гдѣ Оома жилъ, жили Змѣй Горынычъ съ Змѣей Горыновной. Эти стада были ихъ, а Лиса нахвастала, что—они Оомы Богатаго. Горные идутъ горновать, а Лиса къ Змѣю Горынычу побѣжала и къ Змѣѣ Горыновнѣ, велѣла имъ изъ дому убираться. «Ѣдетъ къ вамъ въ домъ Царь Громъ и Царица Моланя! Царь убьетъ, а Царица сожжетъ!». Змѣй съ Змѣей отвѣчаютъ: «А куды же намъ дѣваться?» «Лѣзьте въ гнилую колоду!» Змѣй Горынычъ и Змѣя Горыновна убрались, а Лисынька въ чисто поле полетѣла. Подбѣгаетъ къ коннымъ пастухамъ: «Пастушкѣ-дружкѣ, чье конное стадо пасете?» «Змѣя Горыныча и Змѣи Горыновны». «Охъ вы, пастушкѣ-дружкѣ, не говорите такъ! Говорите: Оомы, молъ, Богатаго: Ѣдетъ царь Громъ и царица Моланя, Царь убьетъ, а Царица спалитъ!» Побѣжала къ коровьимъ пастухамъ: «Пастушкѣ-дружкѣ, чье коровье стадо пасете?» «Змѣя Горыныча и Змѣи Горыновны». «Охъ вы, пастушкѣ-дружкѣ, не говорите такъ: Говорите, что Оомы Богатаго! Ѣдетъ Царь Громъ и Царица Моланя, Царь убьетъ, а Царица спалитъ!»

Вотъ Ѣдетъ купецъ и доѣхалъ до коннато стада: «Чье стадо?» «Оомы Богатаго». Доѣзжаетъ до коровьяго стада, спрашиваетъ: «Чье?» «Оомы Богатаго». Приѣхалъ купецъ съ гостями въ огромный домъ, гдѣ Змѣй Горынычъ съ Змѣей Горыновной жилъ, и сталъ пить, гулять. Напились всѣ хмѣльные, пошли по двору. Лиса подвела ихъ къ колодѣ и говоритъ: «Нельзя ли эту колоду разстрѣлять?» Вотъ они колоду разстрѣляли и Змѣя Горыныча съ Змѣей Горыновной убили. Всѣ имѣнье Оомѣ Богатому досталось. Поѣхали горные домой, а Оома сталъ жить да поживать,

всѣ стада сталъ себѣ загонять и огромный сдѣлался богатѣй. Прошла сватьба; приходитъ Лиса. «Дома ли Оома Богатый?» «Дома». «Я тебя, Оома, женила, я тебя домоу надѣлила. Дай мнѣ овечку!» Далъ онъ ей овечку. На утро Лиса опять идетъ. «Дома Оома Богатый?» «Дома». «Я тебя, Оома, женила, я тебя домоу надѣлила. Дай мнѣ гуська!» Онъ ей гуська далъ. Лиса зачала каждыи день ходить, доняла его всѣмъ. Оома и говоритъ: «Чай будетъ, Лиса, ходить? Я не буду тебя ничѣмъ дарить. Ну ка, Сѣрка, держи ее!» Сѣрка и полетѣлъ за Лисой. Не успѣла только поимать—Лиса шире въ нору и сидитъ. Сѣрка—у норы и глядитъ въ нее. Лиса и спрашиваетъ: «Глазыньки, вы что дѣлали?» «Глядѣли, какъ бы нору намъ увидать, Лисыньку бы собаке не пымать». «А вы, ноженъки, что дѣлали?» «А мы бѣжали, чтобы Лису собаки не догнали». «А ты, хвостикъ, что дѣлалъ?» «А я пополу тащился (грубо таковъ говорить), чтобы собаки Лису догнали и пымали». «Ахъ, ты песъ лисий хвостъ! Вотъ взять, да тебя собакамъ отдать!» Взяла да и высунула въ нору то, и говоритъ: «А на-те вамъ, собаки, в а м ъ лисий хвостъ». Сѣрка за хвостъ цопъ и разорвалъ Лису. Оома Богатый сталъ себѣ жить да поживать, худо проживать, а добро наживать.

(Абрамъ Новопольцевъ).

16.

Иванъ Агичъ и Василиса Васильевна.

Жилъ былъ старикъ со старухой; у нихъ было три дочери. Случился наборъ большой, всѣхъ мужиковъ сплошь, безъ обѣду: и стараго и молодого; и пришлось старику въ солдаты идти. Пришелъ старикъ вечеркомъ домой, сидитъ да и горюетъ. «А вотъ, дѣвки, кабы вы были робята, вы за меня бы хоть въ солдаты пошли». Большая дочь и говоритъ: «Благослови меня, батюшка!» Онъ благословилъ: «Поѣзжай, какъ можешь!» Она сѣла

в е р х о м ъ да и поѣхала. Отецъ оборотился волкомъ, забѣжалъ ей впередъ да и бѣжить. Она увидала, что волкъ бѣжить, айда драла назадъ. Не то, что воевать — волка и то испугалась. Приѣхала домой, отецъ и спрашиваетъ ее: «Что на службу не поѣхала?» И-я, тятенька, меня было волкъ съѣлъ!» Другая дочь говоритъ: «Давай, батюшка, я поѣду!» «Поѣзжай», говоритъ, — «коли можешь!» Она съѣла и поѣхала. Онъ обернулся волкомъ, забѣжалъ ей впередъ, да и бѣжить. Она увидала, что волкъ бѣжить, айда драла назадъ. Приѣхала домой, отецъ и спрашиваетъ ее: «Что на службу не поѣхала?» «И-и, тятенька, меня было волкъ съѣлъ!» Малая дочь и говоритъ: «Я поѣду, батюшка, а то гдѣ имъ!» «Ладно, поѣзжай!» Съѣла и поѣхала. Отецъ ей встрѣчь опять волкомъ забѣжалъ. Она волка увидѣла, прицѣлилась изъ ружья, хлопъ въ правый глазъ прямо! Поѣхала на службу; опредѣлилась въ полкъ и такъ служила, какъ надо. Любила она больно заморскихъ голубей; у ней товарищъ, тоже солдатъ былъ, Иванъ Агичъ, Ягой Бабѣ сынъ, а ее звали Василиса Васильевна. Въ полку она себя Васильемъ Васильевичемъ звала. Жила она на квартирѣ у Ягой Бабы; не могъ ее никто узнать, что она дѣвка, только Ягая Баба узнала. Мало ли, много ли служила, пришла ей отставка, отправилась домой. Довелось плыть ей черезъ Волгу; распростились они съ товарищемъ, Иваномъ Агичемъ. Перевезъ онъ ее черезъ Волгу и такъ крѣпко жаль ему; а черезъ Волгу мѣсто было узкое. Онъ смотритъ на нее и низко ей кланяется и отвѣчаетъ она ему: «Эхъ, Иванъ Агичъ, не умѣлъ красну дѣвицу ловить!» Скинула платье-то по этимъ поръ, да титыки-то ему и кажетъ. «Вотъ онъ», говоритъ, — «гдѣ!»

Ягая Баба сыну и говоритъ: «Я говорила тебѣ, что дѣвка». А она домой пошла, къ батюшкѣ своему. Всѣ ей были рады: и отецъ, и всѣ. Сбирается она съ отцемъ на базаръ; отецъ и спрашиваетъ: «Чего тебѣ, доченька, купить?» «А пойдѣмъ, нѣтъ ли заморскихъ голубчиковъ?» А Иванъ-то Агичъ надѣлъ другую одежду, да троечку и поималъ; носитъ да продаетъ. Она увидала и говоритъ: «Тятенька, купи мнѣ голубчиковъ!» Купили и домой привезли. Стали гулять; день гуляли и два. Она двоихъ голубковъ накормила, а третьему-то не досталось. А онъ сидитъ, голыш-то, да воркуетъ: «Вурку, вурку, Василиса Васильевна,

унесу къ Ивану Ягичу! А двое сытыхъ поютъ: «Урку, урку, Василиса Васильевна, не унесемъ къ Ивану Ягичу!» На другой день одного только накормила, двоихъ голодныхъ оставила. Двое воркують: «Вурку, вурку, Василиса Васильевна, унесемъ къ Ивану Ягичу!» А третій-то воркуеть: «Вурку, вурку, Василиса Васильевна, не унесу къ Ивану Ягичу!» На третій день и остальнаго не накормила. Они встали ночью, взвились да и утащили ее туда. Хватъ, проснулась—лежитъ у Ивана Ягича на перинѣ, и крѣпко заплакала, что въ нерусскую землю попала. Не пиво варить, не вино курить—за свадьбу. Стали жить да быть и другъ другу крѣпко любить. А Ягая Баба ее не любитъ и хочетъ ее извести: посылаетъ ее коровъ доить, а у нихъ коровы-то медвѣди. «Поди же, б...ь, подой коровъ!» Она пришла къ мужу, горько плачетъ. «Что ты, Василиса Васильевна, больно плачешь?» Она и говоритъ ему: «Вѣдь у васъ коровы-то медвѣди, съѣдятъ они меня! Матушка доить меня посылать». «Возьми ты, жена, вѣдры и поставь, а сама на лѣсину влѣзь, да и кричи: Буренушки, чернаушки, придите, подойтеся! Онѣ придутъ и сами подойдутя». Она пошла въ лѣсъ, поставила вѣдры и влѣзла на лѣсину, кричитъ: «Буренушки, чернаушки, подойтеся!» Тѣ прибѣжали и полны вѣдры надонли; и опять въ лѣсъ ушли. Она слѣзла съ дерева, взяла вѣдры, домой пошла. Приноситъ домой. «На, мамынька, убери!» Ягая Баба и говоритъ: «Ахъ, песъ! Это онъ научилъ». На утро гусямъ мѣсить заставляеть, а гуси-то были змѣи. Она горько плачетъ. Научаетъ ее мужъ: «Замѣси въ корытѣ и кричи: Тиженьки, тѣжиньки! А сама влѣзь на повѣть. Они сами придутъ, нажрутся». Она такъ и сдѣлала. Заставляетъ Ягая Баба курамъ замѣсить, а куры—ужи. Идетъ она къ мужу, плачетъ. Тотъ ее научилъ. «Кричи», говоритъ,—«ти ти, ти ти! А сама на повѣть залѣзь. Онѣ придутъ, нажрутся». Она такъ и сдѣлала, пришла къ Ягой Бабѣ, никто ее не слѣлъ.

Отъ Ягой Бабы версты на три ее сестра жила, тоже Ягая Баба. И пишетъ она къ сестрѣ письмо, чтобы та слѣла молодку, какъ она за бѣрдомъ придетъ. Призываетъ она сноху: «Ступай къ моей сестрѣ за бѣрдомъ!» Она крѣпко заплакала и говоритъ мужу: «Прощай, я живая оттоль не приду!» Онъ говоритъ: «Не бойся ничего: я научу. Во первыхъ у двора тамъ колодезь бу-

детъ тебя водой плескать—ты возьми крюкъ, да съ молитвой наложь. Къ воротамъ подойдешь, не отворишь—возьми скоромнаго масла, подмажь ворота, они пропустятъ. Взойдешь ты въ избу, будетъ тебя вѣникъ хлестать—ты его подъ порогъ съ молитвой положи; есть у ней заморскіе коты, будутъ тебя сарапать—ты ветчинки возьми, дай имъ по кусочку; есть у ней три дочери; будутъ тебя колоть деревянными иглами, а ты возьми дай имъ по желѣзной».

Вотъ она пошла; подходитъ ко двору. Колодецъ плещетъ, не даетъ проходу. Она взяла крюкъ и съ молитвой положила. Подошла къ воротамъ—они не пускаютъ; она ихъ маслицемъ подмазала. Взошла въ избу, сталъ ее вѣникъ хлестать—она его подъ порогъ съ молитвой положила; стали ее заморскіе коты сарапать—она имъ по кусочку ветчинки дала; дочери стали деревянными иглами ее колоть—она имъ желѣзныхъ дала: онѣ и пустили. Какъ только Ягая Баба завидѣла ее, такъ въ подполь полѣзла зубы точить, а ей велѣла ткать. Дочери замѣсто ея и посадили за станъ заморскаго кота; бердочко ей отдали и домой проводили. Ягая Баба точетъ да поговаривать: «Точёшь ли, точёшь ли, племянница?» А заморской котъ ей отвѣчаетъ: «Току, току, тетушка!» А она думать, что племянница точетъ, а инъ-то заморской котъ. Вылѣзла и спрашивать: «Гдѣ племянница?» «Ушла домой!» Начала Ягая Баба дочерей бить, зачѣмъ пустили. Тѣ говорятъ: «Мы вѣкъ у тебя живемъ, деревянными иглами шьемъ, а она намъ по желѣзной дала. Накинулась Ягая Баба на котовъ. Тѣ и говорятъ: «Мы вѣкъ у тебя живемъ, и куска мяса не видали, а она намъ ветчинки дала!» Накинулась на вѣникъ, а онъ ей и говоритъ: «Вѣкъ у тебя зря валяюсь, а она меня съ молитвой подъ порогъ положила» Подбѣжала къ воротамъ, а тѣ и говорятъ: «Вѣкъ мы тебѣ служимъ, скрипимъ, ты на насъ и водой не плеснула, а она пришла, маслицемъ подмазала». Набросилась Ягая Баба на колодецъ, а онъ ей говоритъ: «Какъ тебѣ служу, ничего отъ тебя не вижу, а она пришла, крюкъ съ молитвой наложила». Ягая Баба и отступилась. Сноха принесла свекрови бѣрдо, ничѣмъ невреждена. Крѣпко Ягая Баба на сына серчала, что онъ жену научаешь. «Не будемъ, матушка», говоритъ сынъ,—«жить съ тобой!» Бросили

ее ночью и убѣжали. Убѣжали не знай куды и топерь не знай гдѣ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

17.

Спящая дѣвица.

Жили были два брата. У одного было два сына, а у другаго сынъ да дочь. Первый побѣдиѣ былъ и занимался хлѣбопашествомъ, а второй—побогаче, торговалъ. Нынче купилъ рублей на десятокъ, а на тотъ годъ побольше. Расторговался шибко. Самъ собирается на ярманку въ Нижній, а дочку дома оставилъ. Братъ брату и наказывать: «Ну, братецъ, похаживай къ намъ, посматривай». Вотъ сталъ онъ похаживать, сталъ посматривать и сталъ дѣвушку одолѣвать. Она ему не поддалась и прямо изъ дому по шеѣ выгнала. Дядя сейчасъ къ брату письмо написалъ, что его дочь живетъ здѣсь непостоянно, занялась худыми дѣлами, разные банкеты(?). Отецъ письмо прочиталъ и говорить сыну: «Сынокъ, деньги выходятъ всѣ; поѣзжай домой къ сестрѣ, деньги у ней возьми, а ее зарѣжь; лѣкую, печенку и сердце ко мнѣ представь!» Сынъ думать: за что зарѣзать? Поѣхалъ. Приѣзжаетъ домой: сестра рада, встрѣчаетъ его, горько плачетъ. «Оставили», говорить,—«здѣсь меня на большое постраменение». Братъ спрашиваетъ: «Кто же тебя здѣсь сстрамилъ?» «Жить нельзя: одинъ дядя донялъ». Онъ и говорить: «Сестра, батюшка, приказалъ тебя зарѣзать». «За что?» «Дядя письмо прислалъ, что ты живешь здѣсь непостоянно». Она горько заплакала, во слезахъ слово промолвила: «Эхъ, братъ», говорить,—«родимый, распросите всѣхъ добрыхъ людей, какъ я жила». Братъ и говорить: «Ну, сестрица моя, подай мнѣ деньги!» Она ему отдала. «Ну, сестрица, испеки сорокъ печей калачей, да поѣдемъ: я тебя въ темный лѣсъ отвезу. Живи вѣкъ тамъ; батюшка, приказалъ зарѣзать тебя; я не буду». Напекла она калачей, и отвезъ ее братъ въ темный

лѣсъ, въ превеличашій оврагъ. Устроила она тамъ себѣ хижинку и топерь тамъ живетъ. А братъ къ отцу уѣхалъ. Была у нихъ маленька собаченка; онъ собаченку зарѣзалъ, вынулъ сердце и печенку и повезъ къ отцу. Привезъ; тотъ и спрашиваетъ: «Что, зарѣзалъ?» «Зарѣзалъ». «Давай сердце и печенку!» Онъ ему подалъ. Тотъ бултыхъ ихъ въ Волгу. Сталъ купецъ торговать, а дѣвушка въ оврагѣ горюетъ; и пища у нея вся вышла. Пошла по зеленому лѣсу гулять и нашла среди лѣсу огромный домъ, весь тѣсомъ загороженъ. Взошла къ воротамъ, отворила ихъ, походила, походила по двору: нѣтъ никого. Взошла въ особую комнаточку, сѣла и затворилась. Вотъ пріѣхали разбойники съ разбою, ходять и видятъ, что кто-то былъ. Искали, искали—не найдутъ. Стали они говорить: «Если добрый молодецъ, выходи—братцемъ будешь; если старая старушка—будешь матушкой; если красная дѣвица—будешь намъ сестрица!» Она услышала и выходитъ къ нимъ. Они сидятъ за столомъ, чай кушаютъ и водочку пьютъ. Они ей весьма обрадовались; было ихъ двѣнадцать разбойниковъ, тринадцатый атаманъ. Они другъ дружку всѣ пригнали къ божбѣ, чтобы всѣмъ ея слушаться: «Если она помретъ, то мы должны другъ друга убить». Стали жить вмѣстѣ и допустили ее до всего. Она про нихъ страпала, и разрядили они ее въ разную одежду, какъ все равно барыню, и любо на нее посмотришь. Пошелъ изъ того села, изъ котораго она, охотникъ и заплутался; попалъ въ этотъ домъ. Пристигла его темна ночь. Разбойники были на разбоѣ. Онъ ночевать остался; дѣвица его напоила, накормила и отъ темной ночи призрѣла. На утро встали, позавтракали, и домой его проводила. Приходитъ онъ домой; спрашиваютъ домашніе: «Гдѣ ты былъ?» Онъ разказалъ: «Живетъ», говорить,—«въ такомъ-то лѣсу дѣвица; тамъ я и былъ». Дядя услышалъ, сталъ охотника спрашивать, гдѣ бы ее найти. Онъ ему разказалъ. Дядя брадѣ и волоса обрилъ и пошелъ туды. Нашелъ онъ старуху колдунью, попросилъ нельзя ли племянницу какъ уморить. Она дала ему мертвую рубашку. «Н а п о н е с а й къ ней да ей и отдай! Она тебя не узнаетъ. Вотъ, молъ, это тебѣ матушка на смерть рубашку прислала». Онъ взялъ и пошелъ. Приходитъ въ зеленый лѣсъ, нашелъ этотъ домъ, ночевать просится. Въ это время разбойниковъ дома не случилось. Она

спрашивать: «Чей ты? Откуда?» «Я», говоритъ,—«изъ того села, отколѣ ты сама была. На вотъ тебѣ, матушка рубашку на смерть прислала». Она рубашку принимала, его въ лицо не узнала; напояла, накормила, со двора проводила. Какъ ушелъ, она и вздумала рубашку помѣрять. Надѣла, легла да и умерла. Разбойники вернулись домой. До этого прїѣзжали, и она къ нимъ выбѣгала и ворота отворяла, а теперь встрѣтить некому: она мѣртва. Въѣхали разбойники на дворъ, да и ахнули. «Ахъ, братцы, у насъ дома нездорово! Мотри, нашей сестрицы вѣжѣ нѣтъ!» Взошли въ свою горницу: она лежитъ мѣртва. Они сошлись, поплакали. А она не умерла, только обмерла.

Стали они думать, куды ее дѣвать, гдѣ ее закопать. Стали гробъ дѣлать. Слили ей гробъ серебряный, крышечку золотомъ убили; поставили превеличайшихъ четыре столба и сдѣлали тамъ кровать; положили дѣвицу въ гробъ и поставили его на кровать, будто скоронили. Сошлись въ горницу. «Давайте, братцы», говорятъ,—«руки умывать, да свою сестрицу поминать, и будемъ сами помирать!» Зарядили всѣ ружья и убили всѣ сами себя. Вся ихъ жизнь кончилась.

Царскій сынъ поѣхалъ на охоту и подѣхалъ къ этому дивному дому. Домъ не очень дивный, а устроена больно дивно бесѣдка. Тѣмъ дивна, что высока и раскрашена хорошо. Смотритъ и дивится онъ: что такое это? Наверхъ—лѣсенка. Онъ влѣзъ и видитъ: золотая гробница; въ гробницѣ—красная дѣвица. Онъ крышечку открылъ, она лежитъ какъ живая, и румяница играть въ лицѣ. Такая лежитъ красавица, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Онъ вынулъ ее изъ гроба, привязалъ на сѣдло и поѣхалъ съ ней домой. Прїѣхалъ починимъ бытомъ, тихонько. Устроена у него была особая спальня, онъ ее на кровать, во спальню и положилъ; спитъ съ ней съ мертвой каждыи ночь и день на нее любитъся. Такъ сталъ о ней тосковать, плакать, изъ лица сталъ пропадать, что отецъ съ матерью стали примѣчать за нимъ, что онъ не веселъ. «Что ты, сыночекъ, не веселъ больно?» Онъ не сказывать. Стали за нимъ примѣчать куды днемъ ходитъ. Все—въ спальню. Спрашиваютъ отецъ съ матерью: «Что это ты все въ спальню ходишь? Кто тамъ у тебя?» «Нѣту никого». И спальню запереть сталъ. Отецъ съ матерью го-

ворять: «Отопри намъ!» Отперъ онъ имъ. Посмотрѣли: лежитъ мертвая дѣвица. Они индо обезпаметѣли. «Гдѣ ты ее взялъ?» «Въ та к е е м ѣ м ѣстѣ», говоритъ, — «въ лѣсу нашелъ». И стали они его глупаго журить: «Что ты дѣлаешь? Что ты мертваго человѣка жалѣешь? Надо его предать къ землѣ». Сдѣлали ей гробъ и стали ее обмывать и другую одежду надѣвать. Какъ стару одежду скинули а, такъ она стала жива. Они ее нарядили, снова ее окрестили и съ нимъ обѣщали. Стали они жить да быть, худо прожывать, а добро наживать. Долго ли мало ли прожили, ей захотѣлось на родину побывать: стала она его къ роднымъ звать. Ему ѣхать нельзя; она стала проситься. Онъ отпустилъ, посадилъ ее на прохѳдъ и далъ ей провожатаго. Ёхали, ёхали провожатый сталъ ее притѣснять къ худому дѣлу, чтобы сдѣлать съ ней с ѣ н н и м н я к ѣ й (?), а то давай сдѣламъ ш ѳ л ѣ да г и н ѣ (?). Она не соглашалась. Пристали они на пристань; она и говоритъ: «Я больно до вѣтру хочу!» Ушла да ушла. Ушла въ лѣсъ—хватъ ее иѣтъ. Провожатый ну искать; говоритъ хозяину прохѳда: «Стой! Царица пропала!» Хозяинъ спрашиваетъ: «Куды же она дѣлась?» «Вотъ тутъ-то», говоритъ, — «ушла до вѣтру». Народу на прохѳдѣ было нѣсколько; пошли по лѣсу искать. А она нашла превеличающее дуплѣ и залѣзла въ него. Много разъ они мимо проходили, а не нашли. Тѣмъ и дѣло кончилось. Кому она на руки была отдана, тотъ обратно отправился. Приѣзжаетъ къ царю и сказываетъ, что пропала царица. Сталъ царь его выспрашивать: «Какъ это ты не видалъ?» «Сказала, что до вѣтру пойдетъ и топеръ тамъ».

Какъ народъ въ лѣсу убрался, идетъ второй прохѳдъ. Она подала царскій з н а м е н ѣ; прохѳдъ остановился, отстегнули легку лодку и прямо на берегъ. Посадили ее въ легкую лодку и—на прохѳдъ. Она и говоритъ: «Хозяинъ, доставъ меня до такого-то мѣста» (гдѣ она рождѣна). Тотъ ее доставилъ. Она прибыла туды, нарядилась въ мужскую одежду, остригла волоса по мужскому; а отецъ ея шибко торгуетъ. У ея отца идетъ балъ, что и чортъ не спозналъ. Всѣ пьютъ, гуляютъ, и онъ къ нимъ пришелъ. Они сидятъ, какъ мы съ тобой, водочку попиваютъ, дрема ихъ одолеваетъ. Восходитъ молодецъ: «Миръ вамъ, гостямъ, на бесѣдѣ!» «Просимъ милости, добрый молодецъ!» «Что вы сидите, водку пьете,

а ничего не говорите? Должно быть вы спать хотите? Поднесите водочек ставанъ, а шуточки пошучу!» Они спрашиваютъ: «А ты чей такой?» «А вотъ я изъ Помръськина сказывающійкъ». «Ахъ, братъ, разкажи ка намъ, да хорошеньку». «Ну, братцы, я вамъ скажу сказку. Слушать да не смѣяться, а кто знаетъ—не переговаривать! Кто будетъ переговаривать, тому буду по плюхъ давать!» Они подписку дали, что не будутъ, онъ и сталъ имъ сказку разказывать:

«Жили два брата; у одного было два сына, у другаго сынъ да дочь. Одинъ братъ шибко хорошо торговалъ, собрался разъ на ярманку, а дочь дома оставилъ и наказываетъ брату: «Ну, братецъ, показывай къ намъ да посматривай». Дядя сталъ показывать и зачалъ дѣвицу одолѣвать.....» «Врешь», говоритъ,— «дуракъ!» закричалъ дядя (а онъ тутъ былъ). Молодецъ подошелъ къ нему да въ ухо! Дядя промолчалъ, только затылокъ почесалъ. Сталъ молодецъ опять сказку сказывать: «А братъ, что на ярманкѣ былъ, этого дѣла не зналъ, прислалъ своего сына, чтобы у дѣвушки деньги отобрать, а ее зарѣзать и сердце съ печенью представить къ отцу. Братъ сестру пожалѣлъ, зарѣзалъ собаку и послалъ въ Нижній, а сестру въ лѣсъ отвезъ. Отецъ и говоритъ на это: «Не правда, молодецъ!» Молодецъ за сучилъ кулакъ да и говоритъ: «Ну, батюшка, и тебѣ бы надо дать плюху, подлѣ уху, да законъ не велить! Я—дочь твоя!» Съ отцемъ она тутъ спозналась и дочкой ему называлась.

Стали разговаривать что было и какъ; дядю изъ горницы выгнали въ шею. Молодецъ и говоритъ: «Спасибо тебѣ, братецъ, не заставилъ ты меня умирать, а заставилъ по вольному свѣту погулять. Я по вольному свѣту гуляла, добра себѣ много принимала. Поѣдьте, тятенька, со мной!» «А куды? Ты м ó же серчаешь на меня?» «Я, тятенька, вѣдь вышла замужъ за царскаго сына!» И разказала ему все. Они сѣли на прохóдъ, да всей семьей и туды. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Прошло три года. Приплыли они на свое мѣсто, къ царю во дворецъ. Мужъ ее сейчасъ узналъ. «Гдѣ была, голубушка?» «Я, милый другъ, горя много приняла и злодѣя видала и волоса свои подстригала, ночевала въ темномъ лѣсу, въ дуплѣ». Сталъ ее мужъ выпрашивать, отчего въ дуплѣ ночевала. «А меня твой посланникъ доналъ.

Я на худы дѣла не согласилась, въ темный лѣсъ ушла, въ дуплѣ почевала, потомъ къ отцу поѣхала своихъ повидать. Вотъ — мой батюшка, а это родной братъ!» И стали всѣ жить вмѣстѣ да богатѣть. Я тамъ былъ, да медъ пиво пилъ, по усамъ-то текло, да въ ротъ не попало.

(Абрамъ Новопольцевъ).

18.

Оклеветанная жена.

Жили два именитые купца; у одного было два сына, у другаго одинъ. Торговали они хорошо, робята стали на возрастъ; переженили они ихъ, и вышло между ихъ неудовольствіе, стали они дѣлиться. Раздѣлились. Стали всякъ себѣ торговать (отцы-то). У того, у котораго былъ одинъ сынъ, сталъ парень на возрастъ, и стали искать за него невѣсту. Найдутъ дѣвушку—матери хороша, отцу не хороша; отецъ найдетъ невѣсту—жениху не кажется. Запретъ молодецъ себѣ лошадку и поѣхалъ версты на три, на четыре отъ своего жительства, въ воскресный день къ обѣднѣ; не обѣдню постоять, а невѣсту себѣ посмотреть. Подѣхалъ къ церкви, и идетъ красная дѣвица, несетъ ведро водицы. Онъ взглянулъ на нее и прельстился. «Дай испить мнѣ водицы, красная дѣвица!» Дѣвица остановилась и дала водицы испить. Онъ водицы испилъ, поблагодарилъ дѣвицу и вынимаетъ ей деньги. Дѣвица не беретъ. Онъ взялъ да вслѣдъ ей и бросилъ. Дѣвица ведра отнесла и думаетъ себѣ: «А что я, глупая, деньги не взяла?» Воротилась и взяла ихъ. Дома сказываетъ: «Вотъ деньги наша!» Послѣ обѣдни купеческій сынъ пошелъ сватать и усваталъ. Поѣхалъ до двора, пріѣзжаетъ домой. Отецъ съ матерью его спрашиваютъ: «Гдѣ былъ, сыночекъ?» «У батюшки хрестнаго чайку испилъ». На другой разъ опять пошелъ. Пріѣхалъ къ своей невѣстѣ и говоритъ: «Въ это время будь готова!» Дали ей казны, сготовили свѣтбу. Пріѣхалъ онъ домой. «Ниче бы надо», говоритъ, — «за невѣстой собраться!» Отецъ

сейчасъ вдругъ схватилъ и умеръ. Невѣста родныхъ созвала; нынче ждать, завтра ждать: жениха нѣтъ. Сдѣлалъ сынъ по отцѣ поминокъ. Прошло шесть недѣль, онъ поѣхалъ къ невѣстѣ. Невѣста больна лежитъ. «Ты», говорить,—«надо мной надсиѣлся». Женихъ отвѣчаетъ тестю съ тещей: «Нареченный мой батюшка тестъ и матушка теща, несчастіе у меня случилось: батюшка померъ. За утро опять насъ ждите, приѣдемъ и невѣсту увеземъ». Приѣзжаетъ купеческій сынъ домой: мать померла. Поплакалъ, поплакала, опять не до свадьбы дѣло: сталъ мать коронить. Черезъ шесть недѣль опять къ невѣстѣ поѣхалъ, взялъ ее и увезъ. Обвѣнчались и гулять начали, и некогда ему было сродниковъ собирать. Стали поживать и стали больше того торговать. Молодая жена и говоритъ ему: «Пойдемъ, я поглажу на твое заведение». Онъ много прикащиковъ держалъ. Они всѣ товары распродали, безъ дѣла гуляютъ, лавки заперли: торговать нечѣмъ. Приходить къ нему батюшка крестный. «А что, сыночекъ, на што у тебя прикащикамъ гулять? Надо товару добывать!» Отвѣчаетъ купеческій сынъ: «Я, батюшка, человекъ м л а д ъ, а съ казной чтò дѣлать не знаю». «Возьми прикащика съ собой, а то брата двоюроднаго попроси». Призвалъ онъ брата: «Пойдемъ», говорить,—«въ Нижній за товаромъ!» «Пожалуй, пойдёмъ». Позвалъ его въ гости, чайкомъ угостилъ г р а ф ѣ н ч и к ѣ водки выпили. Говорить ему двоюродный братъ: «А дава-ка, братъ, еще г р а ф ѣ н ч и к ѣ!» Купеческій сынъ пошелъ за водочкой; двоюродный братъ сидитъ съ молодницей, чаекъ попиваетъ. Онъ съ ней поигралъ, за титечки ее трепалъ; ей эта игра не показалась, она его въ бремя сохватила и въ дверь вытолкала. Ему стало совѣстно, онъ и ушелъ. Купеческій сынъ говорить: «Братецъ, погоди!» А тому совѣстно стало: «Хмѣленъ», говорить,—«я; на утро приду!» Вотъ она съ этого разу сдѣлалась больна и не можетъ ногъ таскать и головы поднять. Онъ и такъ и сякъ ее, а она все больна. Просить ворожейку. Была тутъ старуха-большое брюхо, а двоюродный братъ сказалъ старухѣ: «Поди узнай, что у нея на тѣлѣ есть!» А у ней были двѣ примѣты: на правомъ плечѣ была родина, да на лѣвой бедрѣ по пяти пальцевъ (оттискъ). «Снимешь старуха съ нея подвѣнечный перстень, буду тебя до ж и з н и в ѣ к у поить и кормить». Приходитъ старуха къ молодницѣ. «Знать ты больна?» «Нездорова. Не знаешь ли чѣмъ полѣчить?» «Надо тебѣ баньку

истопить, въ теплую воду положить». Купеческій сынъ говоритъ: «Служанки, истопите баню!» Тѣ истопили. Пошли они въ нее. Стала старуха мыть и править, приговаривать и парить. «Нѣтъ ли на тебѣ чего серебрянаго? Скинь!». Она перстень скинула, положила на лавочку и крѣпко заснула. Старуха взяла перстень, проводила молодицу домой; стало ей полегче и выздоровѣла. Братъ двоюродный и спрашиваетъ у баушки: «Что дозналась что ли какія на тѣлѣ примѣты?» «На правомъ плечѣ родина, да на лѣвой бедрѣ по пяти палъцевъ, а вотъ тебѣ и перстень!» Молодица хватилась перстня и говоритъ мужу: «Подвѣчный-то перстень я въ банѣ оставила!» Пошли въ баню, не нашли. Купеческій сынъ и говоритъ: «Поѣду въ Нижній, лучше того куплю, только бы ты была жива». Проналъ перстень (Перстень-то не проналъ, а онъ на руки на палъ). Собрались они съ двоюроднымъ братомъ ѣхать, товару шкупать, а двоюродный-то ѣдетъ не товару шкупать, а его разорать. Вотъ впрягли и поѣхали. Недалеко отъѣхали, явились въ другой городъ. Вошли они въ трактиръ, селяночку заказали, бутылочку выпивали, да и другъ покупали. А вѣдь хорошо тому водку пить, кто разуму не пропивать; а они разумъ то и потеряли: водки напились да раздрались. Меньшой-то братъ и говоритъ: «А, братецъ, сердце у меня болитъ!». А большой-то говоритъ: «Объ чемъ оно у тебя болитъ? Чай объ деревенщинѣ скупился, о б...и-то, объ женѣ о своей?» Тутъ дѣло было при канпаніи, при хорошихъ людяхъ, при дворянахъ, при купцахъ. Дворяне и купцы говорятъ: «Какъ ты можешь чужую жену б...ю назвать?» «Она мнѣ б...я!» Мужъ и говоритъ: «Послушайте, честные господа, можетъ ли что онъ у нея на тѣлѣ знать? Когда она ему б...я, такъ пускай расскажетъ, какія у ней на тѣлѣ родины! Лишась всего имѣнья и всей своей жизни! Расскажи!» Двоюродный братъ говоритъ: «Извольте, я всю правду, господа, вамъ расскажу, что она мнѣ дѣйствительно б...я: на правомъ плечѣ у ней пять пальцевъ родина, да на лѣвой бедрѣ; перстень подвѣчный ея у меня, и подарила его мнѣ она же, а своему мужу сказала, что потеряла въ банѣ». Тутъ ихъ руки разнали и у молодца все обообрали.

Добрый молодецъ приѣзжаетъ домой, не говоря женѣ словъ. «Поѣдемъ», говоритъ. «А куды поѣдемъ?» «А куды глаза глядятъ. Ничего ты не узнаешь!» Посадила и поѣхала. Ыхала

лѣсомъ день и два, не пимши, не ѣмши; ѣхалъ недѣлю и двѣ, и уѣхалъ Богъ его знаетъ куды, во дремучіе лѣса, ни выдти, ни выѣхать. «Прощай жена!» говоритъ,—«ты мнѣ не жена, а тебѣ не мужъ; ты куды знаешь иди, а я куды знаю пойду».

И ходила жена по дремучимъ лѣсамъ, по крутымъ по горамъ, плакала и рыдала, горя много принимала, платкомъ слезы утирала, въ дремучемъ лѣсу темныя ночи не сыпала. Выходила женка на чистое поле, на дикую степь, на незнаемую; ничего на ней не видно, только старичекъ стадо пасетъ. Подходить она къ дѣдушкѣ, говоритъ со слезами: «Родимый дѣдушка, будь мнѣ родной батюшка, обмѣни мнѣ одежду свою, не стыдись. Скидай одежду мою надѣвай на себя, а мнѣ свою давай и подстриги меня по мужскому». Старикъ снялъ съ нея одѣжу и надѣлъ на нее свою и въ кружало подстригъ. Пошла она въ городъ. Такой бравый изъ нея молодецъ сталъ, что не вздумать, не взгадать и перомъ не написать. Приходитъ мальчикъ въ трактиръ и говоритъ: «А подай-ка селяночку!» «А какую же тебѣ?» «Да хоть на сковородѣ въ водѣ; да водки графинчикъ подай!» Трактирщикъ всего подалъ; молодецъ пьетъ и закусываетъ. «Ну-ка, хозяинъ, пожалуй-ко мнѣ игроковъ!» Подходятъ игроки; стали играть, она начала плясать. Сама пляшетъ, рукой машетъ, приговариваетъ: «Эхъ, горе ты, горе мое, а кручина-то моя въ темномъ лѣсу долго была!» Взяла скрипку, зачала играть. По ея игрѣ никто плясать не можетъ. Хозяинъ прельстился и спрашиваетъ: «Чей, молодецъ такой?» «Я — бродяга». «Наймись ко мнѣ въ трактиръ?» «Пожалуй.» «Сколько въ мѣсяцъ возьмешь?» «Сколько дадите.» И остался онъ тутъ жить. Жилъ недѣлю и двѣ, пріѣзжаетъ изъ полка отставной полковникъ; заѣхалъ въ трактиръ погулять, трактирщика повидать, игроковъ послушать. «Давай, трактирщикъ, хорошихъ игроковъ и плясуновъ!» Хозяинъ подставляетъ первымъ приставаго молодца. «Хорошо играетъ, еще лучше того пляшетъ; плясать хорошъ, изъ лица лучше того пригожъ!» И прельстился отставной полковникъ на него и спрашиваетъ: «Чей? Откуда такой?» «Я — бродяга!» «Поди ко мнѣ въ деньщики: я тебя до дѣла доведу!» «Хорошо», говоритъ. Требуется полковникъ трактирщика: «Поди сюда! Сколько за обѣдъ и за плясуновъ?» «Двадцать-пять рублей». Полковникъ деньги вынималъ, трактирщику отдавалъ: «Чей маль-

чикъ у тебя?» Онъ туды-сюды: не зная какъ сказать. «Давай-ка билетъ!» Хозяинъ говоритъ: «Онъ бродяга». Полковникъ призвалъ мальчика. «Поѣдемъ со мной». «Поѣдѣте». «А сколько время здѣсь проживаешь?» «Столько-то». «Сколько за работу платили?» «Ни копѣйки». «Поди-ка, хозяинъ, сюда! Раздѣляйте мальчика! За какую онъ цѣну жилъ?» «Безъ ряды». «Сколько ты, мальчикъ, хочешь?» «Сколько пожалуетъ хозяинъ». «Бери двадцать-пять рублей». Мальчикъ получилъ денежки и уѣхалъ въ полкъ. Привезъ его полковникъ, назвалъ его юнкеромъ, отдалъ подъ крѣпкое ученіе. Такъ она крѣпко училась, старалась, годъ поучилась—произвели ее въ ундеры; черезъ скорое время—въ фетъфебели и дальше и больше, чинъ за чиномъ, и черезъ семь лѣтъ дослужилась до полковника. Надъ полковниками былъ полковникъ! При смотрѣ царскомъ ни одинъ полкъ такъ честь не отдавалъ, какъ ея полкъ. Она подаетъ къ царю лично прошеніе, чтобы отпустить ее на три мѣсяца въ отпускъ. Было это дѣло осеннимъ временемъ, какъ молодыхъ некрутовъ приняли. Царь прошеніе ея не принялъ, отослалъ назадъ. «Тогда тебя уволю, когда наборъ примешь!» Приняли наборъ, новобраныхъ солдатъ пригнали и стали раздѣлять по полкамъ. Разставили молодыхъ солдатъ въ ширинку. Полковники ходятъ и разбираютъ и по росту, и по лицу—кого куда. Полковникъ увидалъ своего мужа, который въ лѣсъ ее завезъ. Онъ въ охотники нанялся, только по росту и виду въ ея полкъ не попалъ. Сталъ полковникъ просить, чтобы его къ нему въ полкъ перевели. Его перевели. Какъ онъ поступилъ, такъ онъ сейчасъ его къ себѣ въ деньщики взялъ и приказалъ учить его какъ можно строже и на каждую ночь къ нему въ ночные приходить. День—на ученіи, ночь—къ полковнику. Входитъ въ его комнату при всей своей ночной амуниціи; тотъ его принимаетъ, муницію съ него скидаетъ, наливаетъ стаканъ водки и даетъ ему плюху, и спать велитъ. На утро приходитъ на ученіе, товарищи и спрашиваютъ: «Что ты у него дѣлалъ?» «Ничего не дѣлалъ: стаканъ водки выпилъ, закуски далъ да большую плюху», говоритъ,—«болѣно закатилъ». И день, и два такъ онъ дѣлалъ, и съ недѣлю. Полковникъ (она-то, стало быть) подаетъ лично царю просьбу, что желательно съѣздить на побывку. Царь уболаготворяетъ его на побывку, на три мѣсяца. Онъ на-

Сказки и пред. Сам. края.

нимаетъ тройку ямскихъ лошадей и беретъ своего мужа въ деньщики. Поѣхали въ само то мѣсто, отколь оба. Приѣзжаютъ въ городъ, прямо къ губернатору. «Дайте на три мѣсяца намъ фатеру!» На немъ одежда какъ жаръ горитъ: при формѣ, палѣты и прочее. «Гдѣ же вамъ фатеру?» Полковникъ показываетъ на свой домъ, а въ немъ жилъ двоюродный братъ ея. Велѣлъ полковникъ выслать изъ него всѣхъ, чтобы ни души не было. Заѣхали на квартирѣ, наняли отставныхъ солдатъ сторожѣвъ, чтобы никто не могъ близко ко двору подойти. На утро является губернаторъ. «А что, господинъ губернаторъ, сберите старичковъ, которые по старше, чья эта квартира? Кто ей прежде былъ хозяинъ?» Губернаторъ созвалъ всѣхъ старѣлыхъ людей. Прошло дѣла вѣдь двадцать-пять лѣтъ, того прежняго губернатора давно нѣтъ. И сталъ полковникъ стариковъ выспрашивать: «А что, гдѣ этому дому хозяи́ны? Кѣмъ онъ устроенъ?» «Вотъ таковымъ-то», говорить,—«купцомъ». «А дѣ же купецъ?» «Померъ». «Кто же послѣ его остался?» «Сынъ его». «А сынъ его гдѣ?» «Онъ женился да и пропалъ». «По какому случаю?» «Да онъ въ Нижній на ярманку поѣхалъ съ двоюроднымъ братомъ, да заѣхалъ въ трактиръ погулять; немножко погуляли да много наговня́ли: онъ имѣнье-то свое и прогулялъ тутъ». «Хоть онъ и много наговнялъ, все же дайте мнѣ знать, съ кѣмъ онъ гулялъ». Старики отвѣчаютъ: «Призовите его двоюроднаго брата и спросите!» Призвали брата, стали спрашивать: «По какому случаю ты въ его домѣ живешь?» «Проспорилъ онъ мнѣ его». Все дѣло полковникъ разузналъ, на бумагу записалъ и въ путь-дорожку собрался, на царскую службу. Приѣзжаетъ; прослужилъ трое сутокъ, подаетъ царю лично просьбу: «Не хочу служить, а пожалуйста мнѣ отставку». Самъ царь лично приѣхалъ, на лицо къ себѣ призывалъ и сталъ спрашивать его: «Что мнѣ не служишь?» Полковникъ говоритъ ему: «Послужилъ, да и будетъ, а теперича не хочу!» Царь ему и говоритъ: «Я съ тебя голову сыму, а въ отпускъ не отпущу!» «Не могу служить, ваше величество!» «Отчего?» «Я — женщина». Царь этому дѣлу удивился. Полковникъ, не стыдясь его, солдатскую одѣжу скидалъ и свои груди ему показалъ. Царь награди́лъ ее великимъ награжденіемъ и велѣлъ отправить ее отъ этого мѣста куда надо,

на почтовыхъ. Полковникъ попросилъ себѣ на дорогу деньщика. Царь говоритъ: «Любаго бери!»

Она любимыхъ не выбирала, а своего мужа только доставала. Взяла его; наняли почтовыхъ, сѣли да и поѣхали. Приѣхали домой, пришли къ губернатору, чтобы онъ велѣлъ чужихъ людей изъ дому выслать. Тотъ велѣлъ. Стали они въ своемъ дому жить да поживать. Приходить всерокомъ; она велѣла деньщику коней убрать и въ комнату идти. Онъ идетъ и опасается: «Ахъ, какъ будто такъ не ладно! Мотри, опять будетъ плухами кормить». Призвала его къ себѣ, окошки закрыли и дверь заперли. Поставилъ полковникъ самоварчикъ, налилъ полковникъ графинъ водочки. «Ну-ка, садись, деньщикъ, выпьемъ!» Деньщикъ не садится: крѣпко боится. «Топерь не въ полку: бить-то не буду, мы съ тобой дома: отставные». Сѣли, стали чаекъ кушать. «Передъ чаемъ плохой», говоритъ, — «дворянишка и то водочки выпиваетъ». По стаканчику выпили, да по другому, да и по третьему выпили. Полковникъ и говоритъ: «А что, деньщикъ, чей ты, откуда?» Деньщикъ думаетъ себѣ: «Какъ бы ему сказать?» (Онъ хорошо знаетъ, да разказать не смѣетъ, что домой приѣхалъ). «Я—здѣшній». «Чай знаешь чей это домикъ?» Деньщикъ затылокъ почесалъ и въ носу пальцемъ пошевелилъ. «Это домъ мой». «На что ты его промоталъ?» «Я поѣхалъ въ Нижній на ярманку за товаромъ съ двоюроднымъ братомъ; заѣхалъ въ трактиръ...» И разказалъ ему все. «А жена у тебя гдѣ?» «А Богъ ее знаетъ! Я завезъ ее въ лѣсъ дремучій и бросилъ. Я думаю давно и живой нѣтъ». «Зачѣмъ въ лѣсъ завезъ?» «Отъ совѣсти людей», говоритъ. «А самъ куды пошелъ?» «Я шлялся и въ охотники нанялся». «А чать тебѣ ее нѣсколько жалко?» «Когда же не жалко». «Чай бы ты ее узналъ». «Въ лицо не знай узнаю ли, а по примѣтамъ узналъ бы». Скинулъ полковникъ съ себя всю одежду и нагишемъ остался. Оборотился къ нему спиной; «Погляди-ка, я не жена ли твоя?» Онъ посмотрѣлъ, у ней на спинѣ примѣты-то всѣ, а спереди-то не переродилось. «Ну что, жена я твоя иль нѣтъ?» «По родинамъ жена». «Садись: давай топеръ водку пить, да по прежнему другъ дружку любить!» Водочки напился и на постельку забрался; поцѣловались да обнялось. Проспавши темную ночь, дожили до свѣтлаго дня и отправились къ губернатору, чтобы собралъ величающую сходку. Не

поспѣли этого дѣла закончить, отъ царя указъ поступаетъ губернатору, что кто жилъ въ эфтѣмъ домѣ до третьяго колѣна рѣшить ихъ жизни. Полковникъ одѣжу скинулъ и на мужа надѣлъ. И сталъ онъ отставной полковникъ, а она бабой осталась. Я ее видѣлъ вотъ недавно: какъ жать ѣздилъ, такъ пить заходилъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

19.

Царская собака.

Жилъ былъ старикъ со старухой, и у нихъ единый сынъ былъ. Вздумали они его женить, усватали ему невѣсту, сыграли свадьбу. На первомъ случаѣ поѣхали они въ гости, а жена у него была козлунья; жила она съ другомъ, а мужа не любила. Приѣхали они къ тестю, она взяла его тамъ да собакой и оборотила. Вотъ онъ залаялъ и побѣжалъ. Прибѣжалъ къ отцу съ матерью: «Вавъ, бавъ!» около двора. Приѣзжаетъ домой одна жена; отецъ съ матерью и спрашиваетъ: «Гдѣ у тебя мужъ?» «Кабы онъ у васъ путный былъ, а то напился да убѣжалъ не зная куда». Отецъ съ матерью поплакали, а кобель-то все на дворѣ живетъ. Вотъ старикъ возьметъ чебачицу, да его чебачиной, а тотъ все терпитъ. Жилъ онъ недѣлю и двѣ—никто куска хлѣба не кинетъ: взялъ да и убѣжалъ въ поле. Поле за поле, дальше да дальше, и присталъ въ полѣ къ пастуху. Вотъ пастухъ еѣ весьма радъ: самъ на боку лежитъ, а собака стадо пасетъ. И смотря мужики со стороны, спрашиваютъ пастуха: «Гдѣ такую собаку взялъ? Словно ученая». «Въ полѣ пристала». Вошелъ пастухъ въ кабакъ и съ мужиками разговоромъ занялся про нее. Они говорятъ: «Что ты въ кабакѣ пастухъ гуляешь? А кто у тебя стадо пасетъ?» «Пасетъ стадо собака». Они не вѣрятъ. «Давайте спорить объ десяти рубляхъ! Ступайте въ поле, поймайте ягненка. Если она дастъ, то я вамъ десять рублей отвѣчаю, а не дастъ—вы отвѣтите». Пошли; хотѣли поймать ягненка, она ихъ всѣхъ перекусала. Му-

живъ десять рублей получилъ. Самъ пастухъ въ кабацѣ гуляетъ, а собака стадо домой пригоняетъ. Любилъ ее пастухъ, кормилъ ее тѣмъ, что самъ ѣлъ.

Случилось у царя великое диво: какъ царица родить, лягутъ рожаница съ баушкой спать, а ребенка ни живаго, ни мертваго нѣтъ. Двоихъ родила, и оба пропали. Вотъ царь разослалъ по всей землѣ объявленіе, кто можетъ спасти младенца. Нѣтъ таковыхъ людей, никто не выскрывается. Изъ крестьянъ приходятъ къ царю и сказываютъ: «Есть у такого-то пастуха собака; она можетъ у васъ ребенка сохранить». Царь спрашиваетъ: «Гдѣ же его мнѣ найти?» Мужикъ разказалъ. Онъ послалъ за нимъ и за собакой. Нашли ихъ и повезли къ царю. Привозятъ; пастуха привозятъ и собаку приводятъ. Царь ему и говоритъ: «Господинъ пастухъ, продай мнѣ эту собаку и скажи, гдѣ ее взялъ». Тотъ говоритъ: «Въ полѣ ко мнѣ пристала». «Сколько возьмешь за нее?» «Я не могу ее вамъ продать, а могу такъ въ приданое отдать». Царь собаку взялъ, а пастуху на дорогу листъ бумаги написалъ, чтобы въ каждомъ кабацѣ ему гулять безъ денегъ, что въ него влѣзетъ. Пошелъ пастухъ домой и сейчасъ стадо пасетъ.

Царица стала на взносахъ; привели баушку, и родила она мальчика. Царь и сказалъ баушѣ: «Къ рожаницѣ пойдешь и собаку съ собой возьмешь!» Баушка взяла ее съ собой. Богъ имъ ребеночка далъ; обмыли они его, въ зыбочку положили, сами отдохнуть легли, и такъ отдохнули, что крѣпко уснули. А собачка подъ лавочкой лежитъ, она ничего не спитъ, во всѣ глазнышки глядитъ. Пришла темная ночь и глухая полуночь, вдругъ шастъ къ нимъ волкъ; выставилъ окно и лѣзетъ въ него, прямо—за зыбочку. Собачка его за лапечки, да и ну-ну-ну рвать, не даетъ ему бѣжать. Она порядочно ему лапки нарвала, а онъ ее больше того изорвалъ. Изъ собаки кровь ключемъ бѣжитъ, а волкъ среди полу лежитъ. Вотъ собака схватила волка въ беремъ и выкинула его въ окно. Прошла темная ночь. Утромъ встала баушка, глядитъ: ребеночекъ цѣлъ, а собака лежитъ вся въ кровѣ. Приходитъ къ нимъ царь, спрашиваетъ: «Что, живы ли вы?» Баушка отвѣчаетъ: «Живы мы, здоровы, и ребенокъ слава Богу!» Вотъ собачка больно больна, лежитъ въ растяжку: крѣпко съ нимъ устала. Царь поманилъ ее за собой, самъ въ сенбѣтъ пошелъ. «Господа»,

говорить,—«сенаторы, собака мнѣ много заслужила; чѣмъ вы ее будете жаловать?» Тѣ думали, думали и ни одинъ ничего не придумалъ чѣмъ собаку жаловать. Одинъ и говоритъ: «Давайте, нашьемъ на нее золотую нашивку на шею и подпишемъ, что она царская собака». Вотъ собачка ходила и долго проходила, и вздумала уйти на родину. Побѣгла да побѣгла; прибѣжала къ отцу. Царь хватился—собаки нѣту, и разослалъ вездѣ приказанія, что кто царскую собаку найдетъ и къ нему представитъ, если старый—до жизни и пенсею будетъ получать, если молодой—до выроста будетъ поить-кормить; если въ совершенныхъ годахъ—отъ солдатства избавить. Вотъ собака къ отцу прибѣжала, а жена-то какъ завидѣла, такъ и узнала, что мужъ пришелъ. Она съ другомъ жила. Другъ увидалъ собаку и говоритъ: «Ахъ, милашка, это собака царская! Царь милость явилъ меня отъ солдатства избавить, а къ нему ее отведу». Жена и говоритъ: «Полно, глупый, это не собака, а это мужъ мой». Она понимала эту собаку, ударила ее объ землю; онъ и сталъ воробей; зачиликалъ да полетѣлъ. Улетѣлъ на рѣчку, просца поклевалъ и водички испилъ, съ воробушками ночевать въ рыгу полетѣлъ и сидитъ тамъ. Этой рыги хозяинъ посылаетъ двоихъ дѣтей: «Ступайте, ребята, въ рыгъ воробьи клюютъ коноплю; дырочки всѣ закройте: завтра воробушковъ пойдемъ ловить». Робята пошли въ рыгу и дырочки затенули. Приходитъ утро. Хозяинъ пришелъ на гумно воробушковъ ловить. Всѣхъ воробушковъ изъ рыги выпустилъ, одного поймали. Попалъ онъ сердешный въ руки, натерпится муки. Поймалъ его хозяинъ, принесъ домой; наточилъ вострый ножъ и отрѣзалъ ему голову ударилъ его объ сыру землю, и сталъ онъ такой же человѣкъ, какъ прежде былъ. И смотритъ на хозяина: «А, спасибо тебѣ, хозяинъ, что не зарѣзалъ». «Тебѣ спасибо, что ты меня въ домъ поймалъ, порядочно ты мнѣ», говоритъ,—«горячки-ти не было, какъ за робенкомъ-то я лѣзъ. Я топерь тебя вижу. Когда я въ царскій домъ за робенкомъ то приходилъ, ты меня хотъ изгрызъ, да въ окошко выкинулъ. Кабы не кинулъ, я бы тутъ всю ночь пролежалъ; пришелъ бы царь и меня бы убилъ. Робятки вотъ это у меня—царски дѣти оба. На-ка вотъ тебѣ прутиакъ и ступай домой. Хозяйка твоя съ другомъ на постели: жену-то ударь», говоритъ,—

«разъ, а друга то два разъ: ты будь, жена, кобыла, а ты, другъ, будь меренокъ! Впряги въ соху да пахать и поѣзжай!»

Онъ такъ и сдѣлалъ. Сказка вся и сказывать нельзя.

(Абрамъ Новопольцевъ).

20.

Дѣвушка Снѣжурочка.

Жилъ былъ старикъ со старухой. Не было у нихъ дѣтей ни одинаго. Вотъ они пошли зимой на дворъ; выпалъ молодой снѣгъ. Они нажали бѣлаго снѣгу комъ, положили его въ ступу и сдѣлали дѣвущку Снѣжурочку, отличну красавицу. Вотъ она росла не по днямъ, а по часамъ, и выросла такъ великолѣпно; и шабрѣнки были у ней ближнія дѣвущки, маненьки. Приходятъ шабрѣнки къ старику со старухой. «Дѣдушка и баушка, пустите дѣвочку Снѣжурочку съ нами по ягоды!» «Возьмите, да не потеряйте!» Ну и пошли въ лѣсъ по ягоды. Всѣ дѣвущки домой пришли, а вѣдь она была безтолкова: въ лѣсу заплуталась, и теперь тамъ. Напала на нее Яга Баба и унесла домой; заставила ребенка качать. Вотъ она его качаетъ да приговариваетъ:

А баю, баю, баю!

Шелудякъ, пестякъ!

Услыхала его мать, стала дѣвущку ругать. «А не такъ, б...ъ, качашъ и не такъ слова говоришь! А вотъ какъ говори:

А баю, баю, баю!

Вотъ боярскій сынъ!

На ноженькѣ—сапожки,

На рученькѣ—перстенькѣ!

Онъ и уснулъ. Она вышла на завалинку, сидитъ и плачетъ дѣвушка Снѣжурочка во тѣмнымъ лѣсу.

Гонится овечье стадо. Подбѣгаетъ къ завалинкѣ баранъ. «Ба, дѣвушка Снѣжурочка, что ты горько плачешь?» «Какъ мнѣ, баранъ, не плакать: меня Яга Баба домой не пускать!» «Садись

на меня, я тебя домой увезу!» Она съѣла. Вотъ баранъ бѣжить да больно часто сикаетъ, а его Яга Баба догоняетъ. Барана Яга Баба догнала и дѣвушку Снѣжурочку отняла. Привела домой, заставила опять д и т ю качать. Вотъ она его качаетъ да приговариваетъ:

А баю, баю, баю!

Шелудякъ, пестякъ!

Услыхала Яга Баба, стала дѣвушку бранить. «Не такъ, б . . . ь, качашъ и не такъ слова говоришь! А вотъ какъ говори:

А баю, баю, баю!

Вотъ боярскій сынъ!

На ноженькѣ сапожокъ,

На рученькѣ перстень!

Онъ и уснулъ. Дѣвушка Снѣжурочка на завалинкѣ сидитъ и поплакиваетъ. Гонится бычье стадо. Черный быкъ къ ней подбѣгаетъ. «Что, дѣвушка Снѣжурочка, плачешь?» «Какъ мнѣ, Черняюшка, не плакать: я одна разъединная дочь у батюшки и у матушки, и то меня Яга Баба домой не пускать». «Садись-ка на меня!» «Э, гдѣ тебѣ? Меня баранъ и тотъ не доведетъ». «Я увезу, только ж . . у мнѣ соломой затени». Дѣвушка Снѣжурочка на бычка села, ж . . у соломкой затѣнула. Бычекъ бѣжить, только земля дрожитъ. Яга Баба хватилась, дѣвушки Снѣжурочки нѣту, съѣла на желѣзную ступу, да желѣзнымъ пестомъ погонять, гонить, гонить, приговариваетъ: «Гѣлонъ, гѣлонъ, голынчачъ, голынчачъ!» Бычка догнала, хотѣла дѣвушку снять, а Черняюшка дѣвушкѣ наказалъ: «Какъ она будетъ тебя сымать, ты ж . . у мнѣ ототени: я буду ей въ глаза дристать!» Яга Баба быка догнала, хотѣла Снѣжурочку отнять, а вотъ дѣвушка Снѣжурочка быку ж . . у ототѣнула... Окатила Ягу бычекъ съ головы до ногъ и глаза ей залѣпилъ и въ три шен проводилъ. Приѣхала Снѣжурочка къ отцу съ матерью, стала съ ними жить.

(Абрамъ Новопольцевъ).

21.

Чудесная дудка.

Жилъ былъ старикъ со старухой. У нихъ было три дочери. Поѣхалъ отецъ на базаръ и говоритъ: «Дочери мои умны, дочери мои разумны, чего мнѣ вамъ купить?» Большая говоритъ: «Купи мнѣ платочекъ». Средняя говоритъ: «Купи мнѣ рукавички!» А меньшая говоритъ: «Купи мнѣ красенный к у б ч и к ѣ ». Поѣхалъ отецъ на базаръ, купилъ большой дочери платочекъ, средней—рукавички, а третьей дочери—красенный кубчикъ. Приходитъ теплое лѣто, поспѣли въ бору ягоды; собираются всѣ три дочери по ягоды. Берутъ двѣ старшихъ по блюдечку, а малая взяла красенный кубчикъ. Пошли; набрали по посудѣ. У большой-то ѣсть нельзя, у средней-то въ ротъ не возьмешь—подавишься, да прочь уйдешь, а у малой-то любѣхонько, больно краснѣхонько. Разъ сходили, во второй пошли. Вотъ большая-то сестра средней и говоритъ: «Давай-ка, сестрица, малую ту сестру убьемъ, ягоды себѣ возьмемъ!» Убили и с к о р о н и л и; кубчикъ разбили, а красныя ягоды домой понесли. Тятенька спрашиваетъ: «Гдѣ же у васъ малая сестра?» Сказываютъ онѣ, что въ лѣсу далеко ушла. Ны н ч е ждать да пождать, безъ вѣсти пропала и топѣря нѣтъ. Нельзя ей домой придти: въ землѣ зарытая лежитъ; на могилѣ д а г и л ѣ к ѣ растеть, на вершиночкѣ цвѣточекъ цвѣтеть.

Т о ѣ большой дорогой идетъ баринъ-дворянинъ, на цвѣточекъ поглядѣлъ, слѣзъ съ повозки и срѣзалъ цвѣточекъ, сдѣлалъ изъ него дудочку, в з ы г р а л ѣ на ней; полились у него изъ глазъ слезы; не дудочка дудить, дѣвица словами говоритъ:

Ты п ы г р а ѣ, ты сыграй,
Родной даденька!
Не ты меня погубилъ,
Не ты меня потерялъ:
Погубили, потеряли
Двѣ сестры родимыхъ,
Что за тѣ ли, что за тѣ ли

За красныя ягоды
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ кубца зеленого!

Баринъ изумился. «На-ка, кучеръ, поиграй!» Сталъ кучеръ играть; дудочка стала громче кричать:

Ты пырай, ты пырай,
Родной дяденька!
Не ты меня погубилъ,
Не ты меня потерялъ:
Погубили, потеряли
Двѣ сестры родимыхъ,
Что за тѣ ли, что за тѣ ли
За красныя ягоды
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ кубца зеленого!

Сѣли, поѣхали. Приѣхали въ село, подъѣхали ко двору. «Хозяинъ, пусть ночевать!» Хозяинъ ихъ ночевать пустилъ, въѣхали они, убрали коней, вошли въ горницу. Стали ужинъ собирать, поужинали. Протѣзжій и говорить: «А послѣ хлѣба-соли нельзя ли, хозяинъ, въ дудочку поиграть?» «Поиграй», говорить. Вотъ баринъ и заигралъ:

Ты пырай, ты пырай,
Родной дяденька!
Не ты меня погубилъ,
Не ты меня потерялъ:
Погубили, потеряли
Двѣ сестры родимыхъ,
Что за тѣ ли, что за тѣ ли
За красныя ягоды
Изъ того ли, изъ того ли
Изъ кубца зеленого!

И даетъ дудочку хозяину. «На, поиграй!» Хозяинъ взялъ и сталъ играть:

Ты пырай, ты пырай,
Родной тятенька!
Не ты меня погубилъ,

Не ты меня потерялъ:
 Погубили, потеряли
 Двѣ сестры родимыхъ,
 Что за тѣ ли, что за тѣ ли
 За красныя ягоды
 Изъ того ли, изъ того ли
 Изъ кубца зеленого!

Думаетъ онъ себѣ: «Что такое?» «На-ка, старуха, поиграй!»
 Что-то я не разслушалъ». Старуха взяла дудочку, стала играть:

Ты пѣи г р а й, ты пѣи г р а й,
 Родна матушка!
 Не ты меня погубила,
 Не ты меня потеряла:
 Погубили, потеряли
 Двѣ сестры родимыхъ,
 Что за тѣ ли, что за тѣ ли
 За красныя ягоды
 Изъ того ли, изъ того ли
 Изъ кубца зеленого!

Былъ у нихъ одинъ сынъ. «На-ка, сыночекъ, поиграй!» Сталъ
 сыночекъ играть; дудочка и говорить:

Ты пѣи г р а й, ты пѣи г р а й,
 Родной б р а т е н ъ о!
 Не ты меня погубилъ,
 Не ты меня потерялъ:
 Погубили, потеряли,
 Двѣ сестры родимыхъ,
 Что за тѣ ли, что за тѣ ли
 За красныя ягоды
 Изъ того ли, изъ того ли
 Изъ кубца зеленого!

Братъ отдалъ дудочку большой сестрѣ. «На-ка, сестрица, по-
 играй!» Дудочка и запѣла:

Ты пѣи г р а й, ты пѣи г р а й,
 Родна сестрица!

А ты меня погубила,
 А ты меня потеряла
 Что за тѣ ли, что за тѣ ли
 За красныя ягоды
 Изъ того ли, изъ того ли
 Изъ кубца зеленого!

Отецъ и говорить: «Ну-ка, дайте средней-то!» Дудочка опять запѣла:

Ты пыиграй, ты пыиграй,
 Родна сестрица!
 А ты меня погубила,
 А ты меня потеряла
 Что за тѣ ли, что за тѣ ли
 За красныя ягоды
 Изъ того ли, изъ того ли
 Изъ кубца зеленого!

Отецъ взялъ ножичекъ и разрѣзалъ дудочку, а она тамъ сидѣтъ, живая. Онъ на утро всталъ, двухъ дочеревъ на ворота посадилъ, изъ ружья разстрѣлялъ, а съ этой сталъ жить да быть.

(Абрамъ Новопольцевъ).

22.

Уточка Золотой хохолокъ.

Жилъ былъ одинъ человѣкъ, ружейникъ, съ хозяйкой. Жили они богато. Хозяйка у ружейника была распутная: съ купцомъ водилась. Мужъ ея по ночамъ сѣти ставилъ, а днемъ съ ружьемъ ходилъ. Разставилъ онъ на ночь три сѣти; по утру всталъ, смотрѣть пошелъ. Въ одной нѣтъ ничего, въ другой нѣтъ ничего; въ третью посмотрѣлъ: видитъ — уточка Золотой хохолъ и на лбу подпись: «Кто съѣстъ головку, тотъ будетъ купецъ, а кто сердечко

съѣсть, тотъ будетъ царь». Принесъ онъ ее въ домъ и отдалъ хозяйкѣ на сбереженіе; позавтракалъ и пошелъ съ ружьемъ. А у нихъ въ училищѣ было два мальчика, лѣтъ по двѣнадцать, и у нихъ былъ поваръ нанятой.

Полюбовникъ купецъ пришелъ, хозяйка ему обрадовалась и говоритъ: «Ахъ, милый мой, какую птицу хозяйинъ пымалъ!». Купецъ говоритъ: «Покажи какая!». Она показала. Купецъ прочелъ и говоритъ: «Вотъ что: кабы ты ее мнѣ зарѣзала, вѣкъ бы съ тобой не раздружились!». «Какъ же», говоритъ, — «мнѣ вѣдь хозяйинъ строго наказалъ ее блюсти?» «Вывалась, скажи, да улетѣла, повѣсь тебѣ за это не будетъ. Ну, поваръ, зарѣжь ее, ожарь!». Поваръ зарѣзалъ, ожарилъ ее. Покуда уточка жарилась, купецъ домой ушелъ, замѣшвался тамъ, а робята пришли. «Дай, поваръ, намъ поѣсть!». Онъ одному далъ сердечко, другому головку. Робята поѣли, побѣжали на дворъ играть. Купецъ пришелъ. «Поваръ», кричитъ, — «давай жаркое-то!». Подали жаркое. «А гдѣ головка съ сердечкомъ?» «Да робятамъ отдалъ». «Ну, такъ мнѣ это не нужно». «Зарѣжь-ка», говоритъ, — «робятъ, вынь изъ нихъ сердца а то брошу!». (Это онъ хозяйкѣ-то и говоритъ). Та задумалась. «Ну, поваръ, зарѣжь моихъ робятъ, пускай будетъ по его!». А поваръ добрый былъ и говоритъ робятамъ: «Идите съ Богомъ!». Зарѣзалъ кутать, а тѣ ушли въ лѣсъ.

Много ли, мало ли шли, приустила; на островѣ черныхъ ягодъ нашли; наѣлись и нарвали. Смотрять на себя, и стали они какъ скотина въ шерсти. Пошли лѣсомъ дальше, нашли красныхъ ягодъ. Поѣли и этихъ. Съ этихъ ягодъ стали они еще лучше, чѣмъ до этого были. Взяли и красныхъ въ запасъ; дошли до царскаго дворца, начали ягоды продавать. Царевна высылаетъ служанку за ягодами, денегъ съ ней выслала. «Продайте!». «Мы», говоритъ, — «за деньги не продаемъ, а такъ дадимъ. Вышлите самое царевну». Царевна вышла. Они ей красныхъ ягодъ не казали, а черныя ей понравились. Она заплатила деньги, и скорымъ бытомъ пошли они въ другое село, верстъ за тридцать въ сторону. Покуда царевна шла, все ѣла по ягодѣ и сдѣлалась въ шерсть, подобно скотинѣ. Ея и не узнали. Никакіе лѣкаря царевну не могли излѣчить. Государь указы послалъ: «кто мою дочь излѣчитъ, за того замужъ отдамъ». Робята услышали и пишутъ во дворецъ: «Ежели

вы», говорить,—«сдѣлайте Божеску правду, то мы вылѣчимъ. Мы вотъ тамъ-то живемъ». Императоръ посылаетъ къ нимъ. Привезли. Они велѣли истопить царевнѣ баню и въ баню ее взяли. Тамъ они съ ней вымылись и дали ей красныхъ ягодъ; все съ нея и спало. Дочь излѣчили, привели во дворецъ. Царь отдалъ ее за старшаго, а второму возлѣ дворца купеческій домъ выстроилъ. Пожили они и поѣхали домой. Приѣхали въ село не по мужицки, а въ каретѣ, и спрашиваютъ: «Гдѣ это мужикъ ружейникъ жилъ? Онъ птицей за нима л с я... Намъ птицу бы надо». Имъ показываютъ: «Вонъ дѣ!» «Они прежде, слышно, жили хорошо?» «Да», говорятъ имъ,—«и поваръ у нихъ былъ, да два мальчика безъ вѣсти пропали: жена у мужа этого распутничала, съ купцомъ водилась». Подѣхали къ своему дому, кричатъ подъ окошко: «Ружейникъ здѣсь?» «Здѣсь». «Есть нонче что ли?» «Нѣтъ, батюшка, я мало нонче занимаюсь этимъ». Вышелъ отецъ, спрашивать: «Вы откуда?» Они дальше да больше. «Да, родимы, у меня вотъ два мальчика пропали». И сталъ про жену разказывать. Мать-то видно дѣтей признала, отошла въ другую комнату и удавилась. Старикъ смотритъ, а она мертвая. Поглядѣлъ онъ на робятъ, призналъ и говоритъ: «Ахъ, батюшки вы мои, не мои ли вы дѣтки?» «Да, батюшка, твои, а матушка насъ зарѣзать хотѣла; пуцай висить! Взяли и увезли отца съ собой.

23.

Оборотень.

Жилъ былъ старикъ со старухой. Былъ у нихъ одинъ сынъ, и вздумали они его женить; поѣхали въ иное село и невѣсту нашли и женили. Зятя теща больно не любила: приѣхалъ тотъ съ женой къ нимъ на праздни к ѣ, она его волкомъ и оборотила. Оборотила волкомъ и пустила въ чистое поле. Жена утромъ хватилась—мужа нѣту, и не знаетъ гдѣ взять. Поѣхала она домой къ

родной мужниной матушкѣ. Приѣзжаетъ. Отецъ и спрашиваетъ у неvěстки: «Гдѣ сыночекъ нашъ, а твой-то муженекъ? Отвѣчала неvěстка съ горькими слезами: «А онъ пропалъ». И живутъ трое сиротами. Обращенный же волкъ влѣзетъ къ нимъ на сарай и лежить да лежить, громко воетъ, и сусѣды на него глядятъ, хотятъ убить. Онъ повылъ да и въ лѣсъ побѣжалъ; встрѣчаетъ волковъ и побѣжалъ съ ними врьдъ. Вотъ русскіе волки въ чистомъ полѣ ѣдятъ скотинушку и ему оставляютъ; а онъ понюхаетъ да и прочь пойдетъ; потому прочь пойдетъ, что зубъ не беретъ. Вотъ случилась у нашего царя великая война. Волки собрались и говорятъ: «А й да-те-ва, братцы, туда!» Собрались и пошли, къ богатому мужику на зады зашли. У богатого мужика собачка строгая, на цѣпѣ была привязаная; громкимъ голосомъ покрикивала, волкамъ приговаривала: «Охъ вы, рыкащіе звѣри волки, счастливые вы! Я въ младнихъ лѣтахъ знала бы что съ вами дѣлала. Вотъ собачка кутеночкомъ была. Вы ступайте-ка туда, куда вздумали идти, а нельзя ли оттолъ въ гости ко мнѣ зайти? Я въ силушку взойду, васъ по гумну разгоню!» Сходили волки, гдѣ у нашего царя собиралась война. Были тутъ да и побывали, поглядѣли и назадъ пошли, и къ кутеночку зашли. Вотъ увидѣла ихъ собачка да съ сердцемъ вскричала: «Охъ вы, волки да сѣрые волки, счастливые волки, мой хозяинъ крѣпко спитъ!»

Хозяинъ ото сна пробуждался и больно собачкѣ дивовался, что она крѣпко лаетъ, приговариваетъ: «Вотъ кабы вышелъ ко мнѣ хозяинъ», говоритъ собачка волкамъ,—«да и спустилъ бы меня съ цѣпи, знала бы я съ вами что подѣлала!» Хозяинъ вышелъ, отвязалъ собачку, открылъ ворѣтнички и пустилъ ее на гумно. Собака начала ихъ хватать, не поспѣютъ они изъ снѣгу махать. Какъ котораго цопнетъ, и убьетъ. Вотъ одну половину побила, а другую разогнала. Хватила собачка о б р а ч ѣ н а го волка,хватила да легонько и бросила да ушла. Вернулась домой. Пришла красная весна, поѣхали мужички во чистое поле пашенку пахать, а обращенный волкъ пошелъ по полю гулять. По полю гуляетъ, на силу ноги таскаетъ, и говоритъ: «Ахъ, господа, да кабы кто меня убилъ». Идетъ путемъ-дорогой: пашетъ въ чистомъ полѣ дьячекъ, у него голенькій бочокъ. Дьячекъ и говоритъ: «Охъ ты, сѣренькій волчокъ, подь-ка сюда: я тебя въ одно мѣсто пошлю!» Сѣрый волкъ и ду-

масть: «Да онъ не дастъ ли мнѣ тычокъ? Пойду къ нему». Волчекъ идетъ, у н ѣ в н о завываетъ, себѣ смерти дож и д а е т ѣ. Дьячекъ его взялъ, да ударилъ разокъ: «Да будетъ тебѣ, удалый молодецъ, по полю гулять и г л а д о м ѣ помирать; пора тебѣ идти домой къ своей матери родной!» Оборотилъ его дьячекъ мужичкомъ, и к а к ѣ б ы л ѣ молодецъ. В л а с ѣ его до пятъ; на пальцахъ ногти по три четверти; идетъ къ с в о м у батюшкѣ домой, и испугался его батюшка родной. И говоритъ: «А что это, гдѣ ты былъ, сынокъ?» В о т ѣ сынокъ его горько заплакалъ и говоритъ: «Охъ батюшка родной, я волкомъ былъ». «А кто тебя оборотилъ?» «Злодѣйка теща». Старичекъ ударилъ во с п о л ѳ ѣ, а сына въ церкву поволокъ. Всѣ сбѣжались, на его страшно дивовались и спрашиваютъ: «Кто тебя такъ обернулъ?» Отвѣчалъ молодецъ: «Вотъ кто: злодѣйка теща! Волкомъ оборотила, во чистѣ поле пустила, а спасибо дьячку, голенькому бочку: онъ меня воскресилъ, на вольный свѣтъ пустилъ».

Стары старики, пожилые мужики собрались да и пошли къ его тещѣ. Взяли ее, поймали, на столбѣ у нее разстрѣляли и въ яму закопали. А онъ съ хозяйкой сталъ по прежнему жить да быть.

(Абрамъ Новополецевъ).

24.

Тига-мельникъ.

Въ одномъ селѣ жилъ помѣщичій крестьянинъ на мельницѣ, звали его Тѣгой, а ф а м и л ѣ я Мельниковъ. Отъ роду ему было семнадцать лѣтъ. Когда былъ живъ отецъ, и жили они на мельницѣ у барина, хватало имъ пищи, и всѣ нужды исправляли. Померъ отецъ; чтѣ осталось, сынъ все прожилъ. Разъ легъ Тига на печь и думаетъ: «Чѣмъ я буду кормиться? Воровать боюсь, работать лѣнюсь, а ѣсть хочется». Дожилъ до воскреснаго дня и пошелъ въ городъ на базаръ; надѣлъ худенькій кафтанишко и отцовъ малахай. Идетъ красными рядами; напротивъ лавочки всталъ,

страхнулся, припрыгнулъ и говорить: «Эхъ, потягался бы, да не съ кѣмъ!» И пошелъ дальше. Вернулся опять, дошелъ до э т а г о мѣста, всталъ, встряхнулся, припрыгнулъ и говорить: «Эхъ, потягался бы да не съ кѣмъ!» Въ одной лавочкѣ два брата краснымъ товаромъ торговали и говорятъ: «А что, не взять ли его въ работники годовъ на десять?» «Можно. Мы его кликнемъ какъ вернется». Возвратился Тига, всталъ, встряхнулся, припрыгнулъ и говорить: «Эхъ, потягался бы да не съ кѣмъ!» «Поди-ка сюда, молодецъ! Ты чей?» «Я вотъ Митрія мельника сынъ». «Знаемъ очень хорошо». «А меня Тигой зовутъ». «Знаемъ, знаемъ т в о в ъ отца; про ход я назадъ тому лѣтъ десять, твой отецъ тысячу рублей занималъ у насъ». «Да», отвѣчалъ Тига. «Такъ нельзя ли ихъ отдать или заработать?» «Что же, я могу заработать, только такъ не пойду, а пойдемте въ нижній земскій судъ распишемся». Обрадовались лавочники: «Пойдемъ!» Взяли Тигу, приходятъ, кланяются судьямъ, что вотъ такой-то занималъ тысячу рублей десять лѣтъ тому назадъ, желаемъ молъ этого мужика взять, чтобы онъ ихъ заработалъ; одѣнемъ его и обуемъ: «Ну, какъ же, братецъ», говорятъ судьи:—«ты желаешь заработать?» «Господа судьи», говоритъ Тига,—«позвольте мнѣ слово молвить. Я съ удовольствіемъ бы заработалъ, да вѣдь вы видите я въ чемъ. Мой отецъ занималъ десять лѣтъ назадъ, и они брали процентъ по двѣсти рублей въ годъ. За что же я буду имъ работать? Я отъ процентовъ разорился». Судьи разсудили такъ, что лавочники виноваты остались: должны они тысячу рублей Тигѣ выплатить. Заспорили лавочники, что денегъ отцу Тигиному не давали; а судьи говорятъ: «Судъ не глупить!» Приказали деньги принести сейчасъ; за смѣхъ надъ судомъ—по двадцати-пяти розогъ въ ж . . у лавочникамъ. Вскричали полицейскихъ и выдрали. Бѣгутъ оба лавочника изъ суда и горько плачутъ. «Вотъ, братъ, не сообразились мы!» Идетъ встрѣчу б а р ы ш н я. «Что вы плачете?» «Да вотъ нарвались на Тигу, мельникова сына». «Это мужъ мой; погодите, я ворочу все. Пойдемте со мной! Онъ бродяга, прохвостъ». Приходитъ ж е н щ и н а въ нижній земскій судъ, раскланялась судьямъ и плачетъ сама: «Э т о мой мужъ. За что вы купцовъ обидѣли? Онъ пьяница, мотыга». Судьи говорятъ: «Тига, это твоя жена?» «Моя! Сейчасъ только вижу». «Ну, зачѣмъ же ты ее согналъ?» «Я ея не с о г о н я л ъ,

Сказки и пред. Сам. края.

8

господа судьи;—«она связалась съ помѣщикомъ и бросила меня. Она у меня унесла денегъ семьсотъ рублей и на семьсотъ рублей одѣжи; потому я и остался видите въ чемъ». Судьи приказали послать въ ея домъ и запечатать сундуки, узнать, правду ли онъ говоритъ. Полицейскіе запечатали. Судьи пришли и все нашли что Тига говорилъ. «Ну, какъ же ты мужа бросила и столько у него унесла? Вороти все!» Она стала отказываться. «Какой это мой мужъ? Онъ померъ, мой-то мужъ». Судъ и говоритъ: «Нѣтъ, голубушка, судъ не любитъ шутить. Отдай!» За смѣхъ с у д а — пятьдесятъ розогъ въ ж . . у. Отобрали у ней деньги и одежду, и Тигѣ отдали. Онъ двѣсти рублей тутъ за хлопоты израсходовалъ, а полторы тысячи рублей ему осталось. Пришелъ домой и думаетъ: «Ну, вотъ ни съ чего Богъ далъ мнѣ денегъ!» Завелъ небольшую лавочку, сталъ торговать и расторговался, такъ что краснаго товару лавку завелъ и заторговалъ какъ богатый купецъ. Сидитъ и думаетъ: «Вотъ я жилъ въ бѣдности и ни съ чего пью-ѣмъ готово, пошу припасено и не работаю». Мать видитъ, что онъ расторговался: «Время», говоритъ,—«сынокъ, тебѣ жениться». «Что же, мамынька, время». Сталъ невѣсту сватать, на самомъ концѣ села въ кельенкѣ у вдовы дочь. Вдова съ радостью отдаетъ за него; невѣста тоже согласна. Черезъ нѣсколько в р е м я далъ онъ имъ денегъ с о б р а т ь сватъбу. Бѣдная вдова собрала какъ надо, и въ праздникъ пирушку сдѣлали, и обвѣнчался Тига. Жили они в л ю б ѣ съ женой нѣсколько время; только замѣчаетъ Тига, что чай жена съ нимъ пьетъ, а ни обѣдать, ни ужинать не садится.

Въ страдное время собрались пригашники къ его лавкѣ, говорятъ: «Ну что, Тига, ты влюбѣ съ женой живешь? Ничего не замѣчаешь?» «Ничего, только не обѣдасть, не ужинаетъ». «Ты вотъ что сдѣлай: приди домой вечеромъ пораньше, скажи: собирай ужинать! Если не сядетъ—ложись, только не спи, а смотри за нею!»

Пришелъ Тига домой: «Собирай ужинать!» Та собрала. «Садись!» «Нѣтъ, я недавно чай пила, не хочу». Онъ поужиналъ. «Стели постель!» Постлала. Онъ легъ спать и смотритъ. Она легла съ н ѣ м ѣ , полежала, пол а п а л а его руками, что онъ спитъ; тихо слѣзла и — на дворъ. Онъ—за нею. Тамъ ихъ одиннадцать сестеръ. Выкопали покойника, разрѣзали по куску и говорятъ между собой: «Что ея долго нѣтъ?» Она и бѣжитъ. «А ты скорѣ!» Онъ уви-

далъ это дѣло, на немъ волосы встали дыбомъ. Она подошла къ нимъ; ей кусокъ человѣчьяго мяса подали, и давай ѣсть. Онъ прибѣгъ домой, легъ и уснулъ. Она пришла, вымыла въ роту и легла съ нимъ. Утромъ Тига ушелъ въ лавку, молчать. Не приходилъ чай пить вплоть до обѣда. Пришелъ обѣдать. Собрала она ему. «Садись, хозяйка!» «Недавно обѣдала», говоритъ. «Эхъ, хозяйка, неужто мертвое тѣло лучше этой пищи?» Скрыгнула она зубами, побѣжала въ чуланъ, нахватала какой-то воды, подбѣжала и прыснула на него: «Не быть тебѣ молодцемъ, быть тебѣ желтымъ кобелемъ!» Взялся Тига желтымъ кобелемъ. Она взяла ухватъ и выгнала его на улицу. Собаки увидали и давай его рвать. Забился Тига подъ житницы и лежитъ тамъ. Разъ утромъ пошелъ народъ на базаръ, и онъ съ нимъ бѣжитъ. Пробѣгалъ мимо красныхъ рядовъ, одинъ лавочникъ крикнулъ: «Желтый, желтый!» Онъ виляетъ хвостомъ. Его прикормили калачемъ, и приучился онъ къ лавкѣ этого торговца. Жила у него собака долго, и кормилъ онъ ее хорошо. Приходитъ разъ теща кобеля и торгуетъ товару на рубль серебра. Набрала и подаетъ деньги, а онъ (рубль-то) фальшивый серебряный. «Тетенька, гдѣ взяла, туды и отнеси». «Мнѣ такіе-то дали». «Ну, отнеси. Вотъ у меня желтый и то узнаетъ». Торговецъ положилъ настоящій и фальшивый. «Желтый, который лучше?» Кобель лапой настоящій и указалъ. Теща въ кобелѣ зята узнала и говоритъ ему тихо: «Приди вечеромъ ко мнѣ». Кобель ушелъ, когда хозяина въ лавкѣ не было: прибѣжалъ къ своей тещѣ. Теща нахватала воды, брызнула и сказала: «Не быть тебѣ кобелемъ, быть тебѣ добрымъ молодцемъ!» Обратился онъ въ молодца. «Ну вотъ, быть бы тебѣ кобелемъ, кабы не я!» Тотъ поблагодарилъ. Она и говоритъ: «Не зѣвай, а то она тебя еще сгубить. Иди утромъ и гляди, когда она на задній дворъ пойдетъ убираться. Ты скорѣе—въ хату, гдѣ у ней кувшинъ воды стоитъ; нахватай ее въ ротъ и брызни на нее, да и скажи: Не быть тебѣ молодежи, а быть сивой кобылицей!» Онъ такъ и сдѣлалъ: оборотилъ ее сивой кобылицей, обратилъ, сѣдло подвизалъ, сѣлъ и поѣхалъ. Ѣздилъ на ней въ Казань, изъ Казани въ Рязань, изъ Рязани въ Астрахань, изъ Астрахани въ Самару и домой. Въ четыре часа четыре губернии объѣздилъ. И давай ее гонять по своему селу. Вышелъ богатѣющій купецъ и

смотреть на него. Проѣзжаетъ Тига мимо него. «Тига, подѣдь сюда на минутку!» Онъ подвернулъ лошадь. «Чего угодно, купецъ?» «За что такъ мучаешь лошадь, что съ нея потъ и кровь даже льетъ?» «Если вамъ это разказывать, такъ долго будетъ». «Пойдемте, пожалуйста, до горницы, разкажите», сказалъ купецъ. Тига слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ верегѣ и пошелъ въ горницу. Налилъ купецъ стаканъ воды и просилъ Тигу разказать. «Ну, для тебя разкажу». И разказалъ все что было, съ самаго начала. Купецъ и говоритъ: «Ну, когда такъ, такъ гоняй, братъ, веселѣе!» Отъ утра и до обѣда онъ на ней ѣздилъ; подѣхалъ къ кузницѣ и говоритъ кузнецу: «Подкуй мнѣ кобылу!» «Сейчасъ». «А сколько возьмешь?» «Двадцать-пять копѣекъ съ ноги». Отомкнулъ запоры, ввелъ въ станокъ. Кобыла та у р и т с я, а кузнецъ, озорникъ, зашелъ сзади, да запоромъ-то со к ѣ! Пошла кобыла въ станокъ, ее сейчасъ на лямени. Подковали кобылу, привели домой. Нахваталъ Тига воды, брызнулъ на нее. «Не быть тебѣ сивой кобылицей, а быть тебѣ доброй молодой!» И стала передъ нѣмъ дѣвица—и руки, и ноги въ подковахъ. Сказкѣ конецъ, и я молодецъ.

(Записано въ Симбирскѣ, отъ дворника Алексѣя).

25.

М о р о к а.

Нѣкоторый солдатикъ служилъ на службѣ двадцать-пять лѣтъ; за двадцать-пять лѣтъ получилъ отставку. Двадцать-пять лѣтъ служилъ, царя въ глаза не видалъ. Получилъ отставку и пошелъ домой. Выходитъ изъ городу и думаетъ себѣ: «Что я за дуракъ за солдатъ: двадцать-пять лѣтъ служилъ, царя не видалъ! Спросятъ меня домашніе про царя, чего я имъ скажу?» Взялъ, оборотился и пошелъ въ городъ опять. Идетъ на лицо прямо къ царскому дворцу. Остапавливаютъ его сторожа: «Куды, землякъ, идешь?» «А вотъ, царя, землякъ, посмотрѣть: двадцать-пять лѣтъ

служилъ, царя въ глаза не видалъ. Извольте ему доложить». Приближенные царю доложили. Царь велѣлъ позвать солдата на лицо. Солдатъ приходитъ къ царю на лицо, честь ему воздастъ. Царь говоритъ: «Здравствуй, землякъ!» «Здравія желаю, ваше царское величество!» «Чего вамъ нужно?» «Лицо ваше посмотри́ть: двадцать-пять лѣтъ прослужилъ, васъ въ лицо не видалъ». Ста- новить ему царь стулъ и сажаетъ его въ стулъ, и говоритъ: «Посиди, солдатъ, на стулѣ, поколѣ тебя черти не вздули!» Сѣлъ солдатъ и сидитъ. Царь и говоритъ: «А что, солдатъ, за га н у я тебѣ загадку!» Заганулъ царь солдату загадку: «А сколько, солдатикъ, свѣтъ великъ?» «А не очень, ваше царское величество, свѣтъ великъ: въ дв а д ц а т ь - п я т ь ч а с о в ѣ солнышко кругомъ обходить». Царь сказалъ: «Правда, солдатъ, а вотъ я еще загану́: сколько отъ земли до неба высоты?» «Не очень, ваше царское величество, отъ земли до неба высоко: тамъ стучить, здѣсь слышно». «Правда. А еще тебѣ я третью загану́: а сколько морская глубина глубока?» Солдатъ и говоритъ: «Ну, ваше царское величество, та м ѣ не извѣстно: у насъ былъ дѣдъ семидесяти лѣтъ, ушелъ на тотъ свѣтъ и топѣрь его нѣтъ». «Правда, солдатъ», сказалъ царь. Вынимаетъ царь солдату въ награждение двадцать-пять рублей. Солдатъ получилъ ихъ и прямо въ трактиръ. Сутки погулялъ, десять золотыхъ прогулялъ. «Вотъ», говоритъ солдатъ трактирщику,—«на тебѣ мой четвертной билетъ, и пойду тебѣ золота добывать». Пошелъ на базаръ, купилъ на три копѣйки красную морковь, сдѣлалъ десять золотыхъ, приносить и отдаетъ. «Извольте, сударь!» Онъ золото принялъ, четвертной билетъ назадъ отдалъ, а золото въ шкатулочку положилъ. Вотъ господину трактирщику захотѣлось золото поглядѣть; хватъ—морковные кружки! Беретъ онъ солдата за шиворотъ и тащитъ къ царю на лицо. Морковные кружки въ карманъ поклалъ; приходитъ къ царю на лицо, п р о - и з н о с и т ѣ на солдата жалобу, что онъ прогулялъ у него десять золотыхъ, отдалъ десять морковныхъ кружковъ. Говоритъ солдатъ: «Ваше царское величество, велите ему показать, чѣмъ я раздѣлялся». Трактирщикъ вынимаетъ изъ кармана—какъ во- л о т о изъ чекану! «Видите, ваше царское величество, чѣмъ я раздѣлялся». «Молодецъ-солдатъ, сядь-ка, побесѣдуй со мной, а вы, трактирщикъ, можете отправиться». Сказалъ царь солдату: «Ну-

ка, солдатикъ, пошутн надо мной шутку, да лёгоньку!» «Могу, ваше царское величество! Сядьте на диванъ, посмотрите, который часъ». «Первый въ начѣнѣ». Вдругъ дверь у-у-ухъ!! Полна комната воды. Затопило царя на диванѣ по шейку. Царь ударился въ дому бѣжать. И на дворѣ-то ему вplashь. Домъ у него былъ трюетажный и лѣстница на всѣ этажи; онъ забрался туды, и покрыла матушка полая вода всѣ темные лѣса. Сидитъ на конѣчкѣ, захлѣбыватся. Является передъ нимъ лодочка. Бряхъ въ лодку! И поднялся вѣтеръ, и айда—его унесло Богъ знаетъ куда! Стала вода пропадать и пропала, и стало сухо. Остался царь на землѣ и не знаетъ гдѣ. И такъ крѣпко поѣсть захотѣлъ. Идетъ старушка съ булочками. «Пожалуй, баушка, сюды, продай-ка за три копѣйки булочку!» Она подходитъ, ему подноситъ. «Охъ, ваше царское величество, булочки-то больно жестки, а вотъ ночевочки-то на-те подержите, я вамъ мяконькихъ принесу». Ночѣвки царь держитъ; является къ нему солдатъ квартальный, фамилія Борисовъ, и говоритъ: «Чего ты тутъ держишь?» «Вотъ булочки». «Ну-ка, я посмотрю». Поглядѣлъ—человѣчьи головы. Квартальный его цопъ—въ часть. Предали его суду. Завтра—на окружный судъ. Обсудили его на годъ въ острогъ; послѣ того наказать девяносто разъ и навѣчно въ каторгу. «Охъ», сказалъ царь,—«вотъ же да солдатъ! Что онъ сдѣлалъ надо мной!» Въ теченіи время подѣзжаютъ сей часъ къ острогу, посадили его задомъ напередъ и повезли на шафотъ. Одежду съ него скинули, на кобылу его привязали, и подходитъ палачъ, беретъ онъ двухвостный внуть, какъ размахнулся да фôркнулъ, да сказалъ: «Разъ!»—онъ въ превелику закричалъ: «А, батюшки!»

Приближенные стояли у дверей, испугались, побѣжали въ горницу, смотрятъ: солдатъ сидитъ въ стулѣ, царь сидитъ на диванѣ. «Ну, да спасибо тебѣ, солдатъ, пошутилъ ты надо мной хорошо». Говоритъ ему солдатъ: «Посмотрите-ка, ваше царское величество, въ какѣимъ часу мы съ тобой сѣли». Царь думалъ, что время-то годъ прошло, а всего одинъ часъ. Написалъ царь свое-рушное письмо—за насмѣшку ему волчій билетъ, нигдѣ чтобъ его не держать. Взялъ солдатикъ и пошелъ. Приходитъ въ деревню; тутъ народъ стоитъ кучей. Солдатъ и говоритъ: «Миръ вашему стоянью; пустите ночевать». Одинъ старичекъ говоритъ: «Пой-

демъ ко мнѣ. Да не умѣшь ли ты сказки сказывать?» «Можно, дѣдушка, и сказать». «Ну-ка, скажи!» «А что тебѣ одному сказывать? Чай у тебя есть семейка?» «Есть два сынка, двѣ невѣстки». «А вотъ то и хорошо: когда они прійдутъ въ хату, всѣ и послушаютъ». Сошлись всѣ въ хату, сѣли да и поужинали; и легли дѣдушка съ солдатомъ на полѣтки. Дѣдушка и говоритъ: «Ну-ка, солдатикъ, скажи сказку!» «А вотъ невѣстки сидятъ: я сказки-то вѣдь помѣрно сказываю». Старикъ и крикнулъ: «Невѣстки, живо спать!» Невѣстки постельки постлали и спать легли. «Ну, солдатикъ, скажи теперь!» «А чего я тебѣ скажу: посмотри-ка кто мы? Ты то медвѣдь, да и я то медвѣдь». Старикъ пощупалъ: «И самъ то медвѣдь, и солдатъ то медвѣдь». «Нечего намъ съ тобой», говоритъ солдатъ,—«на полатахъ лежать, надо въ лѣсъ бѣжать. А мотри, дѣдушка, въ лѣсъ убѣжимъ, тамъ насъ охотники убьютъ. Если тебя, дѣдушка, убьютъ, такъ я черезъ тебя перекувыркнусь, а если меня убьютъ, ты черезъ меня. Будемъ оба живы». Прибѣжали въ лѣсъ; являются охотники, грохъ въ солдата, и убили его. Старикъ стоитъ въ лѣсу, смотритъ. «Что же я буду дѣлать?» думаетъ старикъ; «вѣдь онъ мнѣ сказалъ перекувыркнуться». Махнулъ черезъ него, да грохъ на полъ, и закричалъ превеликимъ голосомъ: «А, батюшки, убился!» Невѣстки огонекъ вздули, подняли его съ полу. Онъ думаетъ, что въ лѣсу, анъ съ полатей брякнулся и расшибся весь. Старикъ всталъ да и говоритъ: «Выгоньте его, злодѣя: убилъ онъ совсѣмъ меня!» Солдатъ всталъ и ушелъ, куды знаетъ, а старикъ и топерь помираетъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

26.

Ш у р ы н а .

Жилъ старичекъ, не великъ—съ кулачекъ, и ходилъ онъ въ кабачекъ. Рукавички за поясомъ, а другѣ то ищетъ. У этого старичка было три сынка. Старичекъ былъ порядочный: онъ раз-

умомъ былъ недовольный, разсудокъ былъ хорошъ. Былъ неурожай: хлѣбъ убываетъ и денегъ не пребываетъ. Три сыночка по улицѣ играють, своему тятенькѣ при пенту не пригоняють. И говорить отецъ дѣтямъ: «Охъ вы, дѣти умны, хоть бы одинъ изъ васъ пришелъ ко мнѣ на часъ!» Приходитъ большакъ тотчасъ. «Здравствуй, батюшка, пришелъ до васъ. Вы меня благословите, въ путь дорогу проводите, да деньжонками наградите». Старикъ и говоритъ: «А что, сынокъ, пойдемъ деньги проживать, или больше наживать». Сынъ ему говоритъ: «Я, батюшка, не деньги проживать, а больше наживать. Да-ка сотенку на дорожку, на ассигнаціи сто рублей!» Вотъ отецъ вынулъ, въ путь дорогу сына отправилъ. Тотъ взялъ и пошелъ. Идетъ путемъ дорогой, является отецъ духовный. «Здравствуй, свѣтъ! Я вижу у тебя и ума-то нѣтъ. Ты куды же идешь? Деньги что ли добывать, или послѣдніи проживать?» «Я пошелъ, батюшка, не деньги проживать, а работушку работать, чѣрну пашенку пахать». Попъ и говоритъ: «Бросимъ мы пашенку пахать: прошла красна весна, пришла холодная зима; вотъ мслотить да стукъ—тутъ и хлѣбецъ вдругъ. Наймись-ка, сватъ, въ работники. У меня работа легка. Вотъ разкажу тебѣ: у меня то на гумнѣ овинчикъ насадить, той же ночь обмолотить, привезти во дворецъ; смелешь—будешь молодецъ! Плата сто рублей, а не исправишь мое дѣло, сто рублей съ тебя». Онъ разумомъ не собрался, на работу собирался. Трое сутокъ работалъ, сто рублей растерялъ. Пришелъ домой пѣшкомъ съ худымъ мѣшкомъ. Увидалъ его отецъ. «Охъ, да охъ», говоритъ, — «что сынокъ? Цѣлы-ли денежки?» «Денежки я, тятенька, растерялъ, а самъ по міру собиралъ. Вотъ да и бросимъ, погодимъ». Старикъ говоритъ: «А нѣтъ ли новенькаго чего?» Второй сынъ, умная голова, пришелъ со двора. «Ужъ ты, батюшка родной, есть ли денежки съ тобой?» «Есть да немножко: одна сотенка». Сынъ и говоритъ: «Да-ка мнѣ». Отецъ говоритъ: «Вѣдь ты, сынокъ, глупъ: не можешь деньги наживать». «Охъ да, батюшка, попытка не шутка, вотъ да не ваши—своѣ». Взялъ деньги и пошелъ. На встрѣчу—опять отецъ духовный. «А вотъ, свѣтъ, куды держишь слѣдъ?» «Помѣсячно въ работники наняться». Попъ и говоритъ: «Наймись ко мнѣ, свѣтъ... Одинъ овинъ обмолотить, на меленкѣ смолоть и мучку около ночи въ амбаръ свезти. Цѣна вотъ тебѣ сто рублей.

Не исправишь—съ тебя сто рублей...» Средний согласился. Ночь прожилъ и работы не исполнилъ. Попъ съ него взыскалъ сто рублей и съ двора его столкалъ. Приходитъ домой и нагъ и босъ, и голодный, и холодный. Отецъ ему и говоритъ: «Безумная голова, знать, ты далеко была. Ты пошелъ наживать, не хотѣлъ послѣдне проживать...» Средний сынъ ему и говоритъ: «Да и будетъ, тятенька, помолчи». Приходитъ малый братъ и говоритъ тятенькѣ: «Нѣтъ ли послѣдней сотенки?» Отецъ говоритъ: «Есть, сыночекъ, масляный блиночекъ, ясень соколѣкъ! Ты послѣдни проживешь». Малый и говоритъ: «Я буду проживать, а васъ не буду позабывать». Взялъ сотенку и пошелъ. Тѣмъ же путемъ дорогой идетъ, и дѣ его братья ходили и деньги растеряли. Пошелъ дорогой лытать, ихъ деньги собирать. Идетъ на встрѣчу попъ. «Куды идешь, свѣтъ?» «Въ работники наниматься». «Наймись, свѣтъ, ко мнѣ!» «Пожалуй, батюшка». «Вѣдь у меня работа-то легка». «Чего дѣлать-то?» «Кругъ ночи овинъ насадить, обмолотить на рушной мельницѣ, смолотую муку въ амбаръ ссыпать; за работу сто рублей, не исправишь—съ тебя сто рублей». «А если я сработаю, на ночь работы не хватитъ, такъ съ васъ сто рублей?» «Ну, хорошо». Вотъ приходитъ къ попу. «Ну-ка, батюшка, гдѣ мнѣ гумно?» Отводитъ ему попъ величающій подѣнокъ и большой овинъ. «Вотъ тебѣ, работникъ, гумно и овинъ». Работникъ запрѣгъ лошадушку и растворилъ ворота, выпустилъ скотину и подпустилъ къ подѣнку. Она такъ присла, всѣ снопы домой унесла, и осталось два-четыре. Работникъ взялъ ихъ и потащилъ въ овинъ: четыре угла—во всѣ четыре по снопу, насадилъ и сейчасъ обмолотилъ. Приходитъ къ попу. «Ужъ ты, батюшка, да-ка мнѣ лошадку хорошу, а то всю работу брошу». Попъ и говоритъ: «Что хочешь, то и бери, да рожь-то смели». Работникъ пошелъ, запрѣгъ сивенькаго, хроменькаго меренишка въ изломаны санишки, взялъ худенькій положишко, пошелъ рожь насыпать и говоритъ попу: «Батюшка, да-ка большую-то пудовку, съ которой ты на Рождество ходишь». «Тутъ на крыльцѣ, работникъ». Взялъ онъ да и понесъ. Наложилъ въ санки землицы, наверхъ положилъ пологъ, а на него три пудовки ржи насыпалъ и поѣхалъ. Вернулся къ попу. Сивенькій хромой-то меренишко крѣпко хромаетъ, ничего не знаетъ, а работникъ одной рукой и ридаетъ, и ваетъ, голосомъ

покрикиваетъ: «Ну-ка, сивенькій, вези, а ты, батюшка, въ окошечко гляди!» Попъ обрадовался, кинулся къ окну: работникъ-то больно хорошъ, скоро, живо возъ привезъ. «Вези-ка во дворъ, помѣрямъ!» Работникъ былъ не плохъ, ну да ему разумъ-то далъ Богъ: онъ взялъ мѣру съ собой, оборотилъ ее вверхъ дномъ, насыпалъ ровно; сдѣлалъ въ грѣбло и говоритъ: «Батюшка, считайте! Двадцать т у полныхъ, а перва-то не полна». Попъ говоритъ: «Какъ знашь, такъ и дѣлай, свѣтъ». Работникъ уменъ: пошелъ на мельницу, засыпалъ, дырочку рукавомъ затыкалъ и въ санки готовой муки насыпалъ. Полночь пришла, работникъ къ попу съ мукой пріѣхалъ. «Ну, долговаый песь, давай разчетъ! Овинъ ночью насадилъ, обмолотилъ, на мельницѣ смолоть и тебѣ привезъ». Попъ говоритъ: «Охъ, свѣтъ, любишь или нѣтъ? Еще свѣту нѣтъ, сходи-ка, работникъ, въ келейку, вонъ тамъ у меня с т а л о в ѣ р ь ть, онъ на исповѣди тридцать лѣтъ не былъ. Я заплачу, только притаци».

Пришелъ работникъ въ келейку, хватъ—а тамъ чортъ. Онъ цопъ его за косы, да и поперъ изъ б а н и т и, и претъ къ попу въ избу. Попадья-то: «Ай, ай, ай! Нѣтъ, пусти, работникъ, его въ конюшню: теперь нѣколи. Онъ его — въ конюшню. Заперъ, приходитъ къ попу. «Батюшка, дай разчетъ! Не хочу работать. Ты на ночь меня нанималъ овинъ обмолотить и смолоть, я дѣло кончилъ». Попъ говоритъ: «Работникъ, пособи пожалуйста: у меня вотъ овчійски убѣжали». «Куды еще, долговаый песь?» «Вотъ тутъ недалечко, въ кѣлочекъ». «Да-ка конопель: овецъ безъ кнута-то не загонишь». Взялъ конопель, свилъ кнутъ, долгій какъ тяжъ, и пошелъ куды нужно. Смотрить: бѣгутъ волкъ по волку, вдругъ десятокъ. Онъ ихъ грохъ кнутомъ; они испугались, къ попову двору помчались. Попадья испугалась: «Ахъ, батюшки, попъ, что это? Вотъ дѣ смерть-то наша! Волковъ пригналъ! Куды дѣнемся?» Попъ кричитъ въ окно: «Пуцай ихъ, работникъ, на волю: стричъ нѣколи». Работникъ говоритъ: «Врешь, батюшка, хоть одну оставлю». Цопъ, что ни есть лучшаго, крупнаго волка и посадилъ его къ чорту, въ конюшню. Приходитъ къ попу: «Давай разчетъ! Не хочу работать». Попъ говоритъ: «Работникъ, потерпи до зари: мелкихъ денегъ нѣтъ. Сходи за буренкой: она не ночевала, въ лѣсу видно осталась». «Дѣ она?» «Вотъ тутъ въ лѣсу, не доѣна,

ушла». Работникъ пошелъ. Онъ думалъ буренка, а и нѣ медвѣдь. Цопъ его кнудомъ, захватилъ за шею и поперъ къ попу, тащить. Попъ смотритъ: «Попадья, батюшки, медвѣдя тащить!» Втащилъ на дворъ. «Матушка, дой!» «Охъ, работникъ, пусти его, пушай погулять». «Ну нѣтъ, не пушу, а въ конюшню посажу». И медвѣдя заперъ. «Давай разчетъ! Зорька занялась». Попъ и говоритъ: «Вотъ что: сварь-ка кашйцы, позавтракамъ, да разчитамся. Въ кашйцу-то положь-ка пѣршу, да и лукшу, да солѣну». «Ладно, батюшка, сварю». Развелъ на таганѣ огонекъ, заварилъ кашйцу; подбѣжалъ поповъ сынъ Пирка, онъ его цопъ да и бултыхъ въ котелъ. Была у попа дочь Лушка; попъ-отъ велѣлъ класть луку, а работникъ думалъ Лушку. Онъ и ее—туды. Попъ сказалъ: «положи соли», велѣлъ сдѣлать солѣну, а работникъ думалъ Олѣну. Онъ и Олену—туды. Сварилъ и протвѣдалъ. Поспѣла; приходитъ къ попу: «Ну-ка, дава-ка завтракать, да давай разчетъ!» Сѣли завтракать. Попъ говоритъ: «Попадья, скричи ребятишекъ! Пирку кричи, Лушку да Олену кричи!» «Что за чортъ у тебя за Пирка, за Лушка? Они всѣ въ котлѣ. Вѣдь ты мнѣ сказалъ: положи Першу да Лукшу, да Солѣну...» «Эхъ озорникъ! Я тебѣ говорилъ положить перцу, луку да соли». «Да чортъ ли тебя зналъ? А я всѣхъ ихъ собралъ, въ котелъ покчалъ. Давай разчетъ!» Дѣлать нечего, сѣли да позавтракали. Стали попъ съ попадьею думу думать, какъ съ работникомъ разчитаться. А работникъ кричитъ: «Попъ, давай разчетъ!» «Охъ, работникъ, денегъ-то нѣтъ». «Ну, ну, ну! Денегъ нѣтъ... Я тебѣ дамъ!» «Пожалуйста, работникъ, сдѣлай милость, сѣзди къ царю. Я ему пять пудовокъ золота давалъ взаимы. Если привезешь, всѣ твои будутъ». «Обманешъ, попъ!» «Нѣтъ, не обману, работникъ».

Вотъ работникъ запрѣгъ медвѣдя въ корень, чорта—въ пристѣжку, волка въ другую, самъ сѣлъ на козлы и понесся! Безъ допроса, безъ доклада—прямо къ царю. Царскіе слуги его приостановили и говорятъ: «Что за невѣжа?» Онъ прямо къ царю; цопъ его за воротъ! Царь испугался, не знатъ чего говорить. «Отдай пять пудовокъ золота поповыхъ!» Думалъ, думалъ царь и говорить: «А что», говорить,—господи нѣ, не умѣлъ ли? У меня дочь нездорова: приклянулся налѣтный дьяволъ. Не можете ли вы ее отходить и поповыхъ пять мѣръ золота получить? Еще

своихъ вамъ пять мѣръ даю. Кто ты самъ таковъ?» «Я—Шурыпа. Ведите меня къ ней! Гдѣ она у васъ?» Привели къ ней, а онъ на ней верхомъ сидитъ. Какъ Шурыпа въ комнату вошелъ, сгрѣбъ чорта за долгіе волосы, стащилъ, да и ну-ну-ну! Волосы ему всѣ выдралъ, столкалъ съ постели и самъ съ ней лёгъ. Лежитъ. Чортъ передъ нимъ стоитъ и говоритъ: «Шу-ры-па, да пусти меня, я хоть ее поцѣлую!» «Уйди, чортъ, убью!» «Да я хоть погляжу». С к о ч и л ъ Шурыпа, да за нимъ. Онъ—въ дверь и убѣжалъ къ дѣдушкѣ. «Что, какъ дѣла?» спросилъ дѣдушка. «Совсѣмъ, дѣдушка, моя; да какой-то Шурыпа пріѣхалъ и съ постели меня согналъ». «Ну», говоритъ дѣдушка, — «поди, согласишься съ нимъ подраться по три разъ. Кто передъ кѣмъ потерпитъ, того и дѣвка». Побѣжалъ чертенокъ къ Шурыпѣ. «Шуры-па!» «Что, чортъ?» «Вотъ что дѣдушка сказалъ». «Что онъ, старый песъ, тебѣ сказалъ тамъ?» «Давай по три разъ подеремся; кто кого обидитъ?» «Ты, чортъ, спятишься; я вытерплю». «Нѣтъ, Шурыпа, я не спячусь». «Ну, давай, завтра приходи!» «Чортъ убѣжалъ, а Шурыпа велѣлъ, чтобы были чѣмъ свѣтъ три шляпы желѣзныхъ ему на голову, и чтобы кулакъ на руку, десяти фунтовой, желѣзный. Чѣмъ свѣтъ у царя все готово. Три шляпы желѣзныхъ принесли и кулакъ желѣзный. Шурыпа кулакъ взял и на руку надѣлъ, а три шляпы на голову. Лежитъ себѣ. Бѣжитъ чортъ. «Шурыпа, давай драться!» «Давай, да чтобы не пятишься!» «Давай кониться, Шурыпа, кому прежде кого бить». Досталось чорту Шурыпу бить. Шурыпа слѣзъ съ кровати, всталъ и стоитъ какъ пенёкъ. Чортъ развернулся да и стукъ! Шурыпа стоитъ невредимъ. Разъ ударилъ. «Эхъ, Шурыпа, какъ я руку-то отшибъ!» «Ну, ну, бей, чортъ, еще больнѣе!» Тотъ его крѣпко три раза ударилъ. «Ну-ка, чортъ, стой! Топерь я запалю». Поднял кулакъ, да какъ цопнетъ, чортъ индо повернулся и говоритъ: «Шу-ры-па, а ты тихонько; больно ты дерешься!» Шурыпа развернулся, въ другой-то разъ еще больнѣй за п у л и л ъ. Чортъ айда драла. Шурыпа за нимъ. «Стой, стой! Куды? Ты меня три разъ, а я тебя одинъ!»

Чортъ прибѣжалъ къ дѣдушкѣ: «Дѣдушка, онъ мнѣ голову разшибъ! Гдѣ мнѣ съ нимъ драться?» «Поди», сказалъ дѣдушка, — «поиграй съ нимъ до трехъ разъ чехардой-ѣздой». Я в л я е т с я

чортъ къ Шурыпѣ: «Шу-ры-па!» «Ты что, чортъ, еще?» «Да вотъ что дѣдушка сказалъ». «Что еще онъ тамъ, старый песъ?» «Давай до трехъ разъ чехардой-ѣздой поиграю!» «Врешь, чортъ, не выдержишь! За тобой плюха пропала». «Нѣтъ, вытерплю, Шурыпа!» «Ну, давай! Черезъ часикъ зайдѣ!» Чортъ ушелъ, а Шурыпа приказалъ содрать три вола дудкой со всѣми четырьмя ногами и велѣлъ Шурыпа сдѣлать желѣзные перчатки съ острыми когтями. Царь распорядился; исправили дѣло, принесли. Чортъ приходитъ, Шурыпа и говоритъ: «Ну, что же ты пришелъ?» «Давай, поиграю что ли?» «Не выдержишь, чортъ! На тебѣ еще плюха осталась, а коли топерь останется, такъ мотри, что будетъ! Ну-ка, поконимся!» Стали конѣться, опять чорту досталось на Шурыпу прыгать. Шурыпа надѣлъ на себя три шкуры, сталъ къ стѣнкѣ и протянулся. «Ну-ка, чортъ, прыгай, да мотри руками тѣ хлопай!» Вотъ чортъ разъ прыгнулъ и въ ладоши похлопалъ, и когти въ шкуру запустилъ, и шкуру всю содралъ. (Чортъ-то не узналъ: онъ думалъ, что Шурыпина шкура-то, а нѣтъ бычья). Онъ три раза махалъ, всѣ три шкуры снялъ. «Ну-ка, чортъ, ты посто-ка топерь!» Вотъ чортъ стоитъ да назадъ поглядывать. Шурыпа надѣлъ перчатки желѣзные, прыгнулъ, всадылъ въ чорта когти, выдернулъ да похлопалъ—такъ изъ чорта индо кровь полила. «А ты, Шу-ры-па, ти-хонь-ко!» «Стой, стой, не мотайся! Я терпѣлъ». Прыгнулъ, захлопалъ: «Разъ!» Разбѣжался да два, и такъ всадылъ, что чортъ упалъ, изъ и з б ы безъ памяти побѣжалъ. Вотъ Шурыпа—за нимъ. «Постой, постой, чортъ! Плюха то за тобой осталась, и прыжокъ-отъ пропалъ! Ну, придешь—я тебѣ дамъ!» Чортъ къ дѣдушкѣ убѣжалъ, всѣ страсти разказалъ, «Да, дѣдинька, онъ два раза-то прыгнулъ и шкуру-то всю снялъ, и до мяса-то досталъ. Погляди-ка, кровь течетъ. Я не пойду».

Шурыпа легъ, съ царевой дочерью полѣживать. Вотъ чортъ думалъ, думалъ, опять пошелъ. А царская дочь могла по горенкѣ гулять. Чортъ приходитъ. Шурыпа приказалъ сдѣлать такого челоуѣка съ проволоками, чтобъ были желѣзные клещи и молоты, и стоялъ бы какъ живой, разина ротъ, и могъ бы сжать, а молотами бить. Чортъ пришелъ и спрашиваетъ: «Это кто?» «Это дѣдушка мой». «Да что онъ, Шурыпа, ротъ-то разинулъ?» «Да онъ надъ тобой смѣется, чортъ!» «Шурыпа, я ему въ ротъ-то нас..у да и

домой уйду». «Обманешь не уйдешь?» «Нѣтъ, уйду, Шурыпа». «Ну, иди ближе, с...!» Вотъ чортъ къ нему подошелъ, онъ его цопъ да и ну-ну-ну! Клещами-то его сжалъ, молотами-то сокъ, сокъ, сокъ! Онъ айда съ нимъ бѣжать. Онъ его не пускать, да стукъ, стукъ! И до тѣхъ поръ стукалъ, что чортъ чуть идетъ къ Шурыпѣ и старичка этого тащить. «Шу-ры-па! Пусти Христа ради, Богъ съ тобой и съ дѣвкой! До жизни вѣку не прійду!» Отпустилъ его Шурыпа; онъ, какъ молонья, затопился. Такъ побѣжалъ, свой омутъ не узналъ. Въ чисто поле убѣжалъ и топерь тамъ бѣгать.

Шурыпа съ дѣвкой полежалъ и побѣжалъ къ царю. «Живо пять пудовокъ попова золота! Живо!» Царь глядитъ, и дочери-то не радъ. «Сейчасъ, сейчасъ, Шурыпа!» Насыпали ему пять пудовокъ золота, попова долга. Принялъ Шурыпа и говорить: «За работу пять пудовокъ! Живо!» Царь насыпалъ ему десять пудовокъ и проводилъ со двора. Вотъ Шурыпа запрѣгъ медвѣдя въ корень, шута въ пристѣжку, а волка въ другую, сѣлъ на козлы и по-несся. Приѣзжаетъ къ попу. «Батюшка, долгъ принимайте отъ царя!» Попадья-то хны-хны-хны, а попъ-то тыръ-тыръ-тыръ! «Батюшка, не бойся! Оба будемъ богаты». Насыпалъ попу пять и себѣ пять; самъ пошелъ домой и попа оставилъ, да и говорить: «Батюшка, прощай, я домой пойду». «Богъ съ тобой!» И сказка вся, и сказывать нельзя.

(Абрамъ Новопольцевъ).

27.

Ванюшка дурачекъ.

Жили были три брата родныхъ, два-то умныхъ, а третій дуракъ; двое-то женаты, а Ванюшка холостой, Ходятъ умные братья за охотою, ловятъ лисицъ, окуницъ и черныхъ соболицъ, а Ванюшка дурачекъ на печкѣ лежитъ, на клубокъ сопли мотатъ. Вотъ и говорятъ братья: «А, дуракъ ты, дурацка статъ! Что на печѣ все лежишь, да на клубокъ только сопли моташъ? Поди, дуракъ,

на гумно: тамъ сейчасъ лиса прошла. Вырой-ка ямку глубокую, попадетъ она тебѣ». Пошелъ же Ванюшка дуракъ на гумно погулять, лисьихъ слѣдиковъ поискать. Вырылъ глубокую яму и соломой ее покрылъ; пришелъ домой, лежитъ на печѣ, сопли на клубокъ мотать. Полежалъ, полежалъ, на гумно побѣжалъ: въ ямѣ мамынька сидитъ. Онъ и говорить: «А, вотъ лисынька попала!» Да и ну ее колотить. Поглядѣлъ да и говорить: «Да это матуска!» Вотъ онъ ясный соколѣтъ, мать домой поволокъ; брякъ въ конникъ! Залѣзъ на печку, лежитъ. Приходятъ съ охоты братцы родные, приходятъ да не приносятъ. Дуракъ и говорить: «А сто, братцы, нѣтъ видно ницего?» Большой отвѣчаетъ: «Лежи, дурацка стать! А ты чего поймаешь?» «Мнѣ лисыньку Богъ далъ». Вотъ братцы больно обрадовались, на печку лѣзть собирались: «Покажи-ка, братъ, намъ лисыньку!» «Поглядите: она въ конницеѣ лезытъ». Вотъ братья конникъ открыли, а тамъ—матушка. «Эхъ ты, дуракъ, дурацкая твоя стать! Вѣдь это мамынька!» «Да, а портъ ли ей велѣлъ? Я думалъ сто лисынька». «Куды же ты ее дѣнешь?» «А сто вамъ, братцы, за дѣло? Куды знаю, туды и дѣваю».

Вотъ дуракъ былъ не плохъ: посадилъ мать на салазочки да и повезъ. Ёдетъ большой дорогой, мостомъ. Ёдетъ дворянинъ, онъ съ кучеромъ, не одинъ, и кричитъ: «Дуракъ, вправо!» А дуракъ говорить: «И такъ, сударь, прямо!» Взялъ да салазочки подъ санки ширкъ! Баринъ ее и задавилъ. Дуракъ кричитъ: «А, судари, судари, с ве й к у (женку) утопили!» Вотъ баринъ ему и говорить: «А ты, дуракъ, не кричи! Лучше на съ меня деньги получи». Подставилъ ему дуракъ большую шляпу; онъ ему полнѣе ее накаталъ, а с ве й к у-то въ воду столкалъ. Сталъ правъ молодецъ и пошелъ себѣ домой; лежитъ на печи и на клубокъ сопли мотать, часто денежки считать: копѣйка да грошъ, и стоитъ ребромъ. Приходятъ его братцы родимые домой. Вотъ приходятъ, ничего не приносятъ. Дуракъ имъ и говорить: «Сто зе, братцы, видно у васъ пусто? А у меня на пецкѣ-то густо!» Братья и говорятъ: «Ну-ка что тебя?» «А вотъ деньги!» Поглядѣли братцы да ужъ ахнули съ: «А дѣ же ты, дуракъ, дурацка стать, взялъ?» «Эхъ да, братцы, матуску продалъ!» «А скажи, какъ ты ее продавалъ?» Вотъ онъ и говорить: «Да многимъ такъ отдавалъ, а сто зе вамъ за дѣло?» «Да и мы, дуракъ, женъ-то убьемъ!» «А вотъ я какъ матуску продалъ: по-

ѣхалъ за большымъ селомъ, да и кричалъ да кричалъ: А судъ по мертвую! А судъ по мертвую! А бѣгутъ да бѣгутъ, да все денески несутъ». Вотъ два братца родные стукъ да стукъ своихъ женъ. Они такъ-то постучали, имъ головушки проломали, да и въ салазочки покляли, во большѣ селеньице помчали; громко больно во поселеньицѣ кричали: «Сюды, по мертву, да сюды по мертву!» Народу много и а бѣжались, женкамъ мертвымъ дивовались. Вотъ да и ну-ка ихъ тутъ трасти, чуть было имъ только домой донести. И такъ-то ихъ потрясли, чуть домой они пришли. Вотъ и говорятъ братья: «Охъ ты, дуракъ, дурацка статъ! Что ты намъ сказалъ? Больно много навралъ». «Да и цортъ ли вамъ велѣлъ?» Лежить да полезиваетъ, сопли на клубокъ поматываетъ. Лежалъ, лежалъ да и говоритъ: «Давайте-ка, братцы, печь дѣлать». «Охъ, дуракъ ты, дурацка статъ! Ты у насъ женъ-то отнялъ, да и матушку-то продалъ! Чего тебѣ еще печь-то мотать? На чемъ ты, дуракъ, будешь лежать?» «А сто вамъ, братцы, за дѣло? Я не буду на печь лезать, а буду свою долю продавать». Вотъ дуракъ печку разломалъ, на три кучки расклавъ. «Я», говоритъ, — «это—Печькѣ, это—Кузькѣ, это—Ванькѣ дурацкѣ». Насыпалъ дуракъ кирпичей, поѣхалъ на базаръ продавать и сталъ деньги наживать. Онъ не дуракъ, онъ былъ родомъ такъ. Кирпичи въ санки повлазъ, полотенцемъ увязалъ, съ товарами рядомъ вставалъ. Подходятъ господа купцы. «Охъ, да Ванюшка Иванъ, ты не нашъ ли обманъ? Изволь товары открывать, намъ купцамъ продавать». Ванюшка и говоритъ: «Не угодно ли вамъ закрытый покупать?» Одинъ купецъ подходит и другаго подводитъ. «Охъ ты, Ванюшка, развяжи, товаръ-то намъ покажи!» Ванюшка товаръ не кажетъ и говоритъ: «А дава-ка возъ на возъ мѣнять». Купецъ подходитъ, товарища подводитъ. «Охъ, братъ, что въ возу тяжело? Что тутъ, Ванюшка, лежитъ?» «Дорогіе камни. Не угодно ли вамъ на красный товаръ мѣнять? А не будешь ли, господинъ купецъ, послѣ Ванюшкѣ пенять?» «Ну, Ванюшка, ошибку въ фальшу не ставятъ. Давай, смѣнямъ повозку на повозку, лошадку на лошадку». Вотъ какъ! Ванюшка смѣнялъ, сѣлъ да и полетѣлъ. Стали купцы развязывать, не знаютъ куды печь дѣвать, стали горе горевать. Пошли по міру. Вотъ Ванюшка дурачекъ больно обрадовался, краснымъ товаромъ лавочкой расклався. Это бросимъ—новенько начнемъ. Пришли брат-

цы его родные. «Охъ ты братецъ ты нашъ братъ, охъ ты Ванюшка дурачекъ! Гдѣ же ты товаръ взялъ такъ?» «А сто вамъ за дѣло? Кирпичики промоталъ, купчишковъ надувалъ». Братья и говорятъ: «А скажи какъ ты ихъ продалъ». «Я перва ихъ на деньги смѣнялъ, а на деньги товару покупалъ; ѣхалъ по улицѣ, денески называлъ». «А какъ ты кричалъ-то?» «А вотъ я такъ кричалъ: да судѣ по печицѣ! Тудѣ по печицѣ! Идутъ да тасцать, идутъ да тасцать».

Братья и давай кирпичи насыпать, да по улицѣ продавать. Ыздать да кричатъ: «Вотъ сюды по п е ч и н у ш к у!» Выбѣжали люди и больно ихъ прибили. Приѣзжаютъ братья домой; сидятъ да горе горюютъ и говорятъ: «Охъ ты дуракъ, дурацкая статья твоя! Долго ли ты будешь надъ нами озоровать?» «А портъ ли вамъ велѣлъ?» Лежатъ братцы умники да думаютъ. Одинъ другому и говоритъ: «А дава-ка, братецъ, домъ бросать, пойдемъ во зеленый лѣсъ гулять, да на сушимъ-ка, братецъ, с у х а р ь к о в ь аржаныхъ да маненько, по ш е н ь ш ы х ь-то да по больше». За угломъ дуракъ стоитъ и слушаетъ что братья говорятъ. Они неладно говорятъ: въ путь дорогу бѣжать хотятъ. Дуракъ и говоритъ дурацкой-то своей головѣ: «Ну да зѣ я имъ въ сапку-то нас..у!» Запримѣтилъ дуракъ гдѣ у нихъ сухарики стоятъ и думаетъ: «Да-ка я надъ ними посуцѣ: сухариковъ-то убавлю, а въ мѣсокъ-то самъ лягу». Убавилъ сухариковъ, легъ въ мѣшокъ. Приходятъ умные братья и говорятъ другъ другу: «Айда-ка, братъ, бери мѣшокъ съ сухарями ти, а я то возьму другой». Взяли да и побѣжали, а дурака-то въ домѣ бросали. А дуракъ-то не дома лежитъ, онъ, дуракъ въ мѣшкѣ лежитъ и за ними бѣжить. Бѣжить да кричитъ: «Вѣ-и-и-зу! Вѣ-и-и-зу!» Одинъ братъ и говоритъ: «А вѣдъ дурацкая-то статья за нами бѣжить!» Ну-ка они бѣжать еще прытче. А дуракъ-то не бѣжить, а за плечами лежитъ, да кричитъ еще громчѣе: «Д а о х ѣ д а вѣзу! Вѣзу!» Они его испугались, на разныя дороги видались и кричатъ: «Гдѣ ты-ы?» «Дѣ я?» «А дуракъ дѣ?» Одинъ братъ говоритъ: «За нами бѣжить! Дава-ка, братецъ, отдохнемъ». Другой говоритъ: «У меня силушки нѣтъ (дуракъ-то зналъ на немъ). Что-то у меня, братецъ, въ мѣшкѣ-то тяжело! Дава-ка посидимъ, да огонька разведемъ, да кашички заваримъ». Вотъ взяли, огонька расклали, кашичку-то

Сказки и пред. Сам. края.

9

за варили. Большой-то братъ развязалъ и малому указалъ. «Я, братецъ, оржаные, а ты пошенічны-то развяжи!» Пошенічны сухари братъ развязалъ и съ испугу сухари-то не узналъ. Цопъ да цопъ рукой, а онъ тутъ то и тутъ! Дуракъ и говоритъ: «Тихонько, братицъ! Волосы выдересь!» Умный-то братъ говоритъ: «Ахъ ты дуракъ, дурацка стать твоя, замучалъ ты меня!» «Да цортъ ли тебѣ велѣлъ? А будетъ ци, братцы, говоріцъ; давай-касыцу варицъ!» Сварили кашіцки; вдругъ я в л я е т с я къ нимъ Ягая баба и прыгаетъ вокругъ нхъ на одной ногѣ. Дуракъ говоритъ: «А мотри же, Ягая баба, не попади въ цасу, не то остальну ногу выдерну!» Она прыгала, прыгала и въ чашу попала. Онъ—дѣргъ, и остальну ногу выдернулъ; осталась Ягая баба безъ ноги.

Стоитъ славное древо, древо елевое. Дуракъ и говоритъ: «А нѣколи, братцы, нынче намъ спѣцъ, а вотъ-то взяцъ на ели постоѣцъ, по цыстому полю поглядѣцъ!» Они взяли, на ель влѣзли и сейчасъ тамъ сидятъ. Полѣзъ дуракъ на древо и ногу съ собой взялъ. Это бросимъ, хорóшенько другó начнемъ. Тутъ была соро́жка, и говоритъ дураку: «Вотъ дуракъ, сиди-ка, на всѣ стороны гляди-ка увидишь кто придетъ и тебѣ будетъ что». Дуракъ и говоритъ: «Уди, скверная птица, отойди, ногу выдерну!» Сорока полетѣла и хвостомъ завертѣла и тотчасъ чуть мнѣ не выколола глазъ. Приходить къ ели самъ разбойникъ; огонька развелъ, трубочку покурилъ, по ставанчику водочки выпивалъ и разбойничьимъ громкимъ голосомъ закричалъ: «Воръ по вору, вдругъ десятокъ!» Набѣжало и считать нельзя. Начали кашіцу варить; сварили да похлѣбываютъ. Дуракъ на лѣсинѣ сидитъ, поглядываетъ, съ братьями рѣчь разговариваетъ. «Охъ да зе, братцы, какъ я с.... то хочу!» Большой-то говоритъ: «Да с..., дуракъ, мнѣ въ карманъ!» А онъ: «Ну, братицъ, замоцысь». Средній говоритъ: «Да, дурацка стать, с.. ко мнѣ въ шляпу!» «Замоцысь, братицъ! Я имъ буду въ цаску сивать!» И началъ въ чашку имъ сивать. Атаманъ и говоритъ: «Бо-о-о-жя роса! Боо-о-жя роса!» И они сейчасъ хлебуютъ, ничего не знаютъ.

Вотъ дуракъ вы.... я, сидитъ на лѣсинѣ поглядываетъ, на разбойниковъ посматриваетъ, и говоритъ: «Охъ да зе, братцы, какъ я с.... то хочу!» Большой братъ говоритъ: «Дурацка стать, с... мнѣ въ карманъ!» «Охъ, братицъ, вѣдь замарасъ карманъ-отъ».

Середній говоритъ: «Охъ да дурацка стать, на... мнѣ въ варешку». «Охъ да, братицъ, вариску замарасъ, а послѣ куды ты ее дѣвасъ? А вотъ да я имъ въ цасу то и на....!» Вотъ дуракъ да и ну-ну-ну! Сидятъ разбойники да поглядываютъ. Атаманъ говоритъ: «Вотъ, ребята, а у ели мы сидѣли; съ ели елвы шишки летятъ!» Дуракъ доржалъ на древѣ Ягой бабы ногу и говоритъ: «О, да витъ, братцы, я усталъ, я ногу-то бросаю!» Большой говоритъ: «Охъ да, братъ, ты насъ сгубишь! Да ка я подоржу?» Дуракъ говоритъ: «Братицъ, устанись!» Середній говоритъ: «Да хоть да-ка, братишка, я подоржу!» «Куды тибѣ, братицъ, къ лѣсади елесцами Яги бабы ногу дорзатъ. Хомутъ-то тѣсенъ; а вотъ я ее грану прямо въ яму! Вотъ да развернулся дуракъ да и бацъ въ чашу, и раздробилъ иху кашу, глазнышки имъ залѣпилъ, и разбѣжались разбойники кто куды знатъ. Остался главный атаманъ. Вотъ дуракъ братьямъ и говоритъ: «А вотъ, братцы, на древѣ посидите, на меня поглядите: я къ нему слѣзу!» Взялъ да и прыгъ ты! Прыгнулъ и говоритъ: «Хлѣбъ да соль, добрый молодецъ!» Отвѣчаетъ разбойникъ: «Садись ка со мной кашницу хлебать.» Дуракъ говоритъ: «О, да покорми ка позалуста!-Пойстъ, то больно я хоцу, да вотъ и ну-ну-ну умыватъ. А посто-ка», говоритъ,—«братицъ! У тебя на язычкѣ-то волосокъ?» Онъ не исправилъ свое дѣло и не понялъ что дуракъ говоритъ, и тотъ часъ разинулъ ротъ. Беретъ дуракъ ножичекъ и вотъ да вотъ ширкъ да ширкъ ему! Дуракъ волосокъ-отъ снялъ и язычекъ себѣ взялъ; разбойникъ-отъ побѣжалъ и громко зазѣвалъ: «О хъ да не великъ теледѣкъ!». А хотѣлъ крикнуть: «Одинъ человекъ!» Его товарищи голосъ услышали, а словъ не разобрали. Онъ имъ кричитъ: «одинъ человекъ!» а они думаютъ: «не одинъ человекъ!» Ещедалше убѣжали и другъ дружку растеряли. Сидитъ дуракъ подъ елью и говоритъ: «Охъ, братцы, слежайте-ка сюда, будетъ озоровать, пойдемте-ка вмѣстѣ воровать!» Слѣзли, пошли, да и опять домой пришли. Приходятъ домой, дуракъ и говоритъ: «Дава те-ка, братцы, лѣземъ такъ» (въ холодной-то избѣ). А большой-то говоритъ: «Давате-ка, братцы, спать: приходитъ ночь, некуда бѣжать!» Взяли да и легли. Середній-то братъ былъ у мнѣ въ, большому и говоритъ: «Давѣ-ка, братецъ, дурака-то утопимъ!» Онъ хорошенъ въ о братцу не сказалъ, а дуракъ то скоро узналъ, что утопить хотятъ.

Онъ вѣдь не дуракъ, онъ былъ родомъ такъ. Пошелъ дуракъ на гумно, взялъ подхватилъ превеликій ржаной снопъ; взялъ его нарядилъ и мужичкомъ сдѣлалъ, на полатки положилъ и спать братьевъ проводилъ, а самъ изъ села вонъ побѣжалъ. Братъя родные встали, думу подумали и одинъ другому рѣчь выговоривалъ: «Вѣдь дуракъ то на полатяхъ!» Они думали дуракъ, а тамъ лежитъ аржаной снопъ такъ. Шапочка надѣта дуракова на снопѣ, варешечки—на рукахъ и вотъ какъ дуракъ лежитъ! Вотъ они его цопъ цопъ, да съ нимъ бѣжать, да въ пролубочку совать. Онъ подъ ледъ-то пошелъ да и буръ-буръ-буръ. Большой и говорить: «А слава ти Господи, братецъ, хоть дурака-то утопили!» Они такъ думаютъ себѣ что это дуракъ, а тутъ было такъ: въ его-то одѣжѣ снопъ лежалъ, а дуракъ въ чисто поле убѣжалъ. У дурака-то была шляпа моя; вотъ дуракъ-то взялъ большую кучу н. . . . . да моей шляпой покрылъ, да сидитъ, да сидитъ. Ыдетъ дворянинъ съ кучеромъ. Говоритъ дворянинъ: «Удѣ, дуракъ, задавлю! Что ты тутъ сидишь?» «Вотъ пицужечку, сударь, пымалъ!» Коней баринъ остановилъ и говоритъ кучеру: «Подѣ, кучеръ, съ мѣста его столени, пицужечку отыми!» Дуракъ говоритъ: «Вотъ я васъ, баринъ, не знаю! Кучеръ упустилъ?» Баринъ слѣзъ, подбѣжалъ. Дуракъ бросилъ, побѣжалъ къ лошадямъ, сѣлъ на тройку, перекрѣстился и полетѣлъ. Баринъ подбѣжалъ, шляпу снялъ, цопъ да цопъ рукой: онъ думалъ тутъ пицужечка съ мукѣй (!), а тутъ толстое г. . . . , какъ осиново бревно. А дуракъ-то ужъ давно дома. У него всего много: сундукъ съ деньгами, кони съ хомурами. Говоритъ дуракъ: «Топерь я купецъ!» Подходятъ къ нему братея родные, умные разумные, дураку низко кланяются. «А здорово, братецъ, господинъ купецъ! Гдѣ ты взялъ тройку лошадей?» «А въ пролубочкѣ, на пруду. Когда вы меня совали и подъ ледъ толкали, тогда я сказалъ: буръ буръ буръ! а вотъ трѣпка бѣропекъ-то и тутъ!» Большой-то говоритъ: «Айда-ка, братецъ, туда и сунь-ка меня!» Вотъ онъ его взялъ, подхватилъ и въ пролубку потащилъ. Сунулъ его, а онъ: буръ буръ буръ! А второй-то стоитъ, громкимъ голосомъ кричитъ: «Ну ка да пожалуйста, братецъ, меня поскорѣ!» Онъ взялъ, да по Божьей милости и того бултыхъ. Вотъ этой сказочки конецъ, сказывалъ молодецъ. Я тамъ былъ, медъ пиво пилъ; по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

(Абрамъ Новопольцевъ.)

28.

Братецъ Пѣганушка.

Жилъ купецъ; у него жена была неродѣха, и эта жена любила жида, и хотѣлось этому купцу, чтобы жена родила. И сказалъ ему кто-то, что въ такихъ-то земляхъ есть яблокъ на яблонѣ; если достанешь, то жена двойни родить. Сходилъ онъ въ инныя земли, досталъ этотъ яблокъ, пріѣхалъ и отдалъ его женѣ, а самъ пошелъ торговать по базарамъ. Разрѣзала яблокъ жена на двое, половину сама съѣла, а другую любезной кобылѣ. Онѣ вмѣстѣ забрюхатѣли и родили вмѣстѣ, и кобыла и баба. Она принесла себѣ Ванюшку, а кобыла—Пѣганушку. Братья они по яблоку родились. Вотъ Ванюшка сталъ ходить на ученье, а отецъ—въ торговлѣ. Ванюшка пойдетъ на ученье, зайдетъ къ Пѣганушкѣ, братцу. Разъ идетъ съ ученья и забѣгъ къ нему. Стоитъ тотъ половина въ кровѣ. «Вотъ говоритъ, что: жидъ припасъ про тебя банюшку. Поди къ матери и скажи, что у тебя въ рубахѣ русска вошь завелась, а въ банѣ-то ту же рубашку стару надѣнь, а то жидъ наговорилъ на чисту-то.» Приходитъ онъ къ матери. «Мамынька бантъ, не припасена ли банюшка?» «Припасена, Ванюшка!» Вотъ онъ побѣжалъ въ баню, вымылся, надѣлъ стару рубашку и бѣжитъ на встрѣчу, а мать бѣду на встрѣчу несла. Мать—въ избу; онъ—къ Пѣганушкѣ. «Что, говоритъ, Ванюшка, не уморили тебя въ банюшкѣ?» «Нѣтъ, Пѣганушка.» «Ну, теперь тебя въ чаю уморятъ: жидъ яду въ него накладе. Войди въ избу, возьми чашку и споткнись: послѣ не уморятъ». Пришелъ Ванюшка въ избу, просить чаю. Взялъ да и расшибъ чашку. «Ну, прости, мамынька!» Пошелъ на ученье, зашелъ къ Пѣганушкѣ. Матери и вздумалось жеребенка зарѣзать (жидъ захотѣлъ). Зашелъ Ванюшка къ Пѣганушкѣ, а тотъ и говоритъ: «Мать твоя жеребячьяго мяса захотѣла, меня рѣзать хотятъ». «Я скажу ей что у насъ есть особы жеребята». «Зарѣжь другаго жеребенка, а завтра отецъ твой въ распахъ пріѣдетъ мать жида въ особу комнату запретъ. Скорѣ говоритъ, съ ученья приходи. Скажи, чтобы онъ тебѣ приказалъ Пѣганушку осѣдлатъ, да передъ крыльцемъ поѣздить.» Бѣжитъ

Ванюшка, а на встрѣчу—отецъ, и спрашиваетъ: «Цѣлы ли лошади?» «Цѣлы, а пѣгій лучше всѣхъ». Тотъ говоритъ: «Шерсть не хороша». «Прикажите», говоритъ Ванюшка,—«осѣдлатъ, я передъ крыльцемъ пройду». «Хорошо», говоритъ. А она съ верхняго двуетажа увидала мужа и спрятала жида. Ванюшка выѣхалъ изъ конюшни и говоритъ: «Хорошъ?» «Хорошъ». «А у твоей жены, у моей матери жидъ въ комнатѣ запертъ. Раскачай, да брось его изъ окошка!» Такъ и уѣхалъ Ванюшка изъ дому, бросилъ ихъ всѣхъ.

(Записано отъ крестьянина Василья Авдѣева.
С. Новиковка, Самарской губ. Ставроп. уѣзда.)

29.

Волкъ и стариковы дочери.

Поѣхалъ дѣдушка пахать; у дѣдушки было три дочки. «Я пойду», говоритъ дѣдушка,—«во чисто поле пахать и безъ хлѣба работать; а вы хлѣбца испеките, да ко мнѣ принесите». Дочка и говоритъ: «Дѣ намъ, тятенька, тебя найти?» «А пойду на загонъ, въ одну тропку стружки буду стружить». Ёдетъ старикъ и стружечки стружить, а волкъ на свою тропу таскать. Посылаетъ большая дочь да меньшую сестру: «Поди-ка отнеси батюшкѣ кусокъ». Та взяла понесла и говоритъ: «Сестра родна, дѣ мнѣ батюшку найти, куды хлѣбецъ принести?» «Онъ ѣдетъ да ѣдетъ, въ одну тропочку стружки стружить». Взяла она пошла и къ волку въ нору зашла. Волкъ пришелъ и говоритъ: «Эхъ, каку-у мнѣ жену-то Богъ далъ!» Она испугалась и сѣла въ уголокъ. Вечеромъ старикъ говоритъ: «Что вы, дочки, хлѣба не принесли?» Большая и говоритъ: «Меньшая дочь къ вамъ хлѣба понесла и домой-то не пришла». По утру всталъ старикъ, запрѣгъ лошадь, поѣхалъ бороновать, и говоритъ: «О, вы, дочки мои умны, разумны, придите въ поле! Хлѣба мнѣ принесите». «Батюшка родной, возьми-ка насъ съ собой: хлѣбъ-то мы тебѣ испечемъ, а дѣ же мы тебя найдемъ?» «Вотъ я поѣхалъ вчерась, въ одну тропу стружки стружилъ,

а нынче поѣду, буду въ двѣ стружить». Ёдетъ старикъ, въ двѣ тропы стружки стружить, а волкъ на свою тропу таскать. Вторая дочь пошла, не нашла отца, къ волку въ нору попала и тамъ сидитъ. Сидятъ у волка въ норѣ двѣ сестрицы родныхъ. Пришелъ волчокъ, пожилой мужичекъ и говоритъ: «О го! го! го! Вотъ двѣ жены Богъ далъ!» Вечерокъ время пришло, собрался старикъ домой. Не позавтракалъ, не пообедалъ, съ горя пѣсенку поетъ. Столько пѣсенъ не поетъ, сколько слезы проливать. Приѣзжаетъ домой, спрашиваетъ: «Охъ дочь моя мила, дочь моя умна, дочь моя разумна, что ты хлѣба не несла и сама ко мнѣ не пришла?» Дочь отвѣчаетъ: «Охъ ты батюшка родной, я вчера съ послала меньшую-то сестру, а нынче испекла пирожокъ и вторую дочь послала. Пирожокъ она понесла и домой-то не пришла». «Охъ», говоритъ старикъ, — «да знать несчастье мое: глупыхъ посылашь; а вотъ нынче въ три тропы буду стружки стружить». Старикъ въ три тропы стружки стружить, а волкъ на свою тропу таскать. Пошла большая дочь, хлѣба понесла, стружечки нашла и въ вѣлчюю нору вошла. Пришелъ сѣрый волчокъ и говоритъ: «О го! го! го! Вотъ три же-н-ы-и!» Сталъ съ ними жить да поживать, а норочку зарывать. Большая сестра и говоритъ: «Му-у-жъ! Отнеси-ка батюшкѣ гостинчикъ, я испеку пирожокъ!» Вотъ она не испекла пирожокъ, а завязала малую дочь въ мѣшокъ, положила ему за горбѣкъ. «Охъ ты, сѣрый волчокъ, понеси-ка мому батюшкѣ гостинчикъ». Сѣрый волчокъ подхватилъ и понесъ. Идетъ да идетъ, да приговариваетъ: «А вотъ сѣсть, сѣсть на пенёкъ! А вотъ сѣсть сѣсть пирожокъ!» А дѣвица отвѣчаетъ въ мѣшкѣ: «Не садись, не садись на пенёкъ, не ѣшь, не ѣшь пирожокъ! Понеси мому батюшкѣ гостинчикъ!» «Эге-ге, жена, гдѣ ты слышишь?» Принесъ къ тѣстеву двору, тутъ его собаки и приняли и хамъ, хамъ за нимъ! Прибѣжалъ волкъ и говоритъ: «Жена!» «Что, сѣрый волкъ?» «То-то какъ меня шуря въ гости-то звали!» «Что ты у нихъ, хозяинъ, не почевалъ?» «Я тамъ шаровары ты потерялъ». Наутро жена и говоритъ: «Сѣрый волчокъ, отнеси мому батюшкѣ нынче гостинчикъ!» «Давай!» Она пирога-отъ не испекла, а вторую сестру въ мѣшокъ поволокла. «На-ка, отнеси пирожокъ!» Волкъ понесъ; идетъ да приговариваетъ: «А вотъ сѣсть сѣсть на пенёкъ! А вотъ сѣсть сѣсть

пирожокъ!» А дѣвица отвѣчаетъ въ мѣшкѣ: «Не садись, не садись на пенёкъ, не ѣшь, не ѣшь пирожокъ!» «Эге, жена, гдѣ ты слышишь?» Дошелъ волкъ до тѣстeva двора, скокъ черезъ заборъ; собаки и давай его рвать: чуть живой прибѣжалъ. «Тутъ-то, жена, какъ меня шурь ты въ гости звали, и голяшки всѣ изорвали!» «Вотъ, завтра, сѣрый волкъ, батюшкѣ гостинчикъ отъ меня отнеси, да ночуй у нихъ». Она сама сѣла въ мѣшокъ, да и сидитъ себѣ, а волкъ-старичокъ цопнулъ и поволокъ. Принесъ къ тестю. Собаки приняли его рвать, онъ не знаетъ, буди бѣжать. Онъ его догнали, на мелки куски изорвали и нѣ полю растаскали. Сталъ старикъ съ дочками жить, добра наживать.

(Абрамъ Новопольцевъ).

30.

Конь, сумка и дубиночка.

Жилъ былъ старикъ со старухой, у нихъ было три сына: двое-то умныхъ, а третій Ванюшка дуракъ. Посѣяли они десятину гороху. Уродился горохъ отлично хорошъ и стручковъ на немъ было множество. Повадился на горохъ летать привеличающій журавъ. Вотъ старикъ ходитъ на горохъ, все горохъ выщелываетъ, одни пустые стручки. Приходитъ домой и говоритъ дѣтямъ: «Робята, кто-то у насъ горохъ поѣдаетъ». Посылать большого сына покараулить ночку. Тотъ пришелъ, стручковъ поѣлъ, всю ночь проспалъ. Журавъ прилетѣлъ, наклевался и улетѣлъ. На другую ночь другого сына посылать. И этотъ не укараулил. Ванюшка и говоритъ, дурачекъ: «Дѣ имъ, батюшка, укараулить? Я пойду, такъ укараулю!» Пошелъ на горохъ, натеребилъ превеличающее беремя гороху и самъ горохомъ покрылся. Нащелукалъ горсть, изъ-подъ гороху руку вотъ такъ высунулъ и доржить горохъ въ горсти. Онъ былъ не дуракъ. Вотъ журавъ прилетѣлъ, увидалъ у него горохъ въ рукѣ и зачалъ изъ руки клевать. Онъ его за носъ цопъ! И пымалъ. И попѣръ его къ отцу. Претъ его черезъ плечо, ноги по землѣ тащатся. Вотъ журавъ рвался, рвалъ

ся, не вырвется: здорово прётъ. И сталъ онъ ему говорить: «Ванюшка,пусти меня, а наутро, вотъ въ это мѣсто въ гости приди». Ванюшка журавля пустилъ. Наутро говоритъ: «Батюшка, я журавля пымалъ!» «Да, дурацка стать, куды ты его дѣвалъ?» «Опять пустилъ. Я къ нему нынче въ гости пойду». Отправился и пошелъ. Шелъ, шелъ путемъ дорогой; стоитъ на дорогѣ избушка, на куричьей голяшкѣ повѣртываются. Ванюшка и говоритъ: «Избушка, избушка, встань ко мнѣ передомъ, къ лѣсу задомъ!» Избушка стала. Онъ взомель въ нее, Богу помолился, (въ избенкѣ—дѣдушка съ баушкой) имъ поклонился. «Дѣдушка съ баушкой,пустите ночевать!» «Ночуй, другъ!» Ночевалъ, тѣмну ноченьку проспалъ; поутру всталъ, опять пошелъ. На дорогѣ встрѣчаетъ его журавъ и въ гости зоветъ. Напоилъ, накормилъ и домой проводилъ. Далъ журавъ ему на дорогу лошадку и говоритъ: «Ванюшка, не говори дорогой: конь пос...!» «Ладно, не буду». Ъхалъ, ѡхалъ и думаетъ: «А что же это онъ не велѣлъ сказывать, что конь пос...?» Стѣзъ да и говоритъ: «Конь, пос...!» Тотъ и сталъ валить златомъ и сѣребромъ. «Конь перестань!» Конь пересталъ и деньги въ ж... забралъ. Доходитъ до дѣдушки съ баушкой. «Пустите ночевать!» Пустили. Ложится дурачекъ спать и говоритъ: «Не говорите, дѣдушка съ баушкой ночью: конь пос...!» «Нѣту, не станемъ». Старикъ со старухой ночью встали, огонька вздули и говорятъ: «Что же намъ онъ не велѣлъ сказывать, что конь пос...!» Старикъ и сказалъ: «Конь, пос...!» Конь навалилъ имъ съ копну сѣнную денегъ. Они взяли ихъ, убрали и лошадку спрятали; а дураку свою дали клячѣнку. Дуракъ поутру всталъ, сѣлъ и поѣхалъ. Ъдетъ къ своему двору и кричить: «Батюшка и братцы! Метите дворъ, стелите коверъ!» Самъ сидитъ верхомъ на конѣ и говоритъ: «Конь, пос...!» Конь навалилъ кучу г...ъ, рѣшетомъ не покроешь. Отецъ сгрѣбъ дурака за волосы и ну таскать. «Эхъ ты, дурацка стать, коверъ-отъ замаралъ!» Дуракъ и говоритъ: «Ахъ, жѹрынька, обманулъ!» И опять къ нему пошелъ. Приходитъ къ нему. «Ты, говоритъ, жѹрынька, меня обманулъ!» «Чѣмъ?» «Лошадку плохую далъ». «На вотъ тебѣ, дуракъ, еще гостинчикъ, на тебѣ сумку; коли поѣсть захочешь, скажи: «Выдъ изъ сумки!» Онъ шелъ, шелъ дорогой и захотѣлось ему поѣсть. «Выдъ изъ сумки!» Вышли изъ сумки

тридцать три молодца, вынесли тридцать три стола и наставили ѣстwowъ сахарныхъ, наставили пойловъ медвяныхъ. «Извольте кушать! Сколько угодно!» Дуракъ напился, наѣлся и говорить: «Сумка, скройся!» И пошелъ. Приходитъ опять къ дѣдушкѣ съ баушкой. «Дѣдушка съ баушкой, пустите ночевать!» «Иди, не спрося!» Легъ онъ спать и говорить: «Дѣдушка съ баушкой, не говорите: выдь изъ сумки!» А сумку на полѣвочникъ положилъ. Вотъ дуракъ уснулъ крѣпко. Старикъ съ старухой встали и говорятъ: «Выдь изъ сумки!» Вышли тридцать три молодца, вынесли тридцать три стола и наставили ѣстwowъ сахарныхъ, пойловъ медвяныхъ. «Извольте кушать! Сколько угодно!» Они сейчасъ сумку другу сшили и на это мѣсто положили. Пошелъ Иванъ до дворовъ. Приходитъ домой. Семья на гумнѣ молотить, мать избу топить: молотильщикамъ завтракъ варить. Кричитъ дуракъ: «Матушка, заливай огонь!» «Наштó, дурацка стать? Молотильщики придутъ, чего завтракать будутъ?» «Я накормлю». Пришли молотильщики, говорятъ: «Матушка, дай позавтракать!» Мать говоритъ: «Нечего: дуракъ огонь залилъ». «Садитесь, братцы», говоритъ дуракъ, — «накормлю!» Вынулъ сумку изъ пазухи. «Выдь изъ сумки!» Нѣтъ никого. Вотъ его тутъ и ну ну ну дуть опять. Хлопъ дуракъ сумку обѣ столъ, самъ во походъ пошелъ; на журавля осерчалъ. «Ахъ, пойду, говорить, голову отрублю! Другой разъ обманулъ!» Приходитъ къ журавлю: «Ты, говорить, другой разъ обманулъ». «На тебѣ, дуракъ, третій гостинчикъ». Далъ ему дубиночку. «Иди дорогой, да не говори: Д у б и н о ч к а , п о м е л и !» Шелъ дуракъ дорогой и думаетъ: «Что это онъ не велѣлъ сказывать: дубиночка помели?» И сказалъ. Вотъ дубиночка стала молоть мукою и крупой, намолота цѣлую кучу. «Дубиночка, перестань!» Она и перестала, и муку опять поклала. Ванюшка опять пошелъ, къ дѣдушкѣ съ баушкой зашелъ. «Пустите, дѣдушка съ баушкой ночевать!» «Иди, не спросясь». Взошелъ, дубиночку подъ лавочку положилъ. Ложится спать и говорить: «Дѣдушка съ баушкой, не говорите, что д у б и н о ч к а помели». «Нѣтъ, не станемъ». Дуракъ заснулъ. Старикъ съ старухой встали, огонь вздули, взяли дубиночку, вышли въ сѣни и сказали: «Дубиночка, помели!» Вотъ она и начала ихъ щепать. Они не знаютъ куда бѣжать. Старикъ-то рыло въ кровь разбила, а старухѣ затылокъ проломила. Ста-

рикъ съ старухой не дурбѣмъ кричатъ. Ванюшка услышалъ, въ сѣни выбѣгалъ. «Ну-ка, дубиночка, да прибавь!» Она айда еще пуще: изъ ж... у нихъ полетѣла гуща. Старикъ кричитъ: «Ванюшка, уйми! Отдамъ тебѣ коня!» Старуха кричитъ: «Ванюшка, уйми! Отдамъ твою сумку!» Ванюшка крикнулъ: «Дубиночка перестань!» Дубиночка перестала, чуть живыхъ ихъ пустила. Они отдали ему коня и сумку. Ванюшка сѣлъ да и поѣхалъ. Сумочку везетъ, а дубиночку въ рукахъ несетъ. Приѣхалъ ко двору. «А вотъ, братцы, метите дворы, стелите ковры!» Тѣ говорятъ: «Опять, дуракъ, этакъ?» Разостлали ковры. Дуракъ сказалъ: «Ну-ка конь, пос...!» Конь на.... и злата и сѣребра дѣвать некуда! Деньги убрали, а конька въ конюшню прибрали. Говоритъ Ванюшка: «Айда-ка, братцы, позавтракаемъ! Ну-ка, выдь изъ сумки!» Вышло изъ сумки тридцать три молодца, подъ одинъ голосъ, подъ одинъ волосъ и подъ одну черную бровь; вынесли тридцать три стола, разостлали скатерти бѣлыя, наставили ѣствы сахарныя, пошла медвяны: «Просимъ покорно кушать!» Напились, наѣлись; гдѣ сидѣли тутъ и свалились. Дуракъ и говоритъ: «Сумка, скройся!» Она скрылась. «Айда-ка, братцы, въ амбаръ дубиночку понесемъ!» Пришелъ въ амбаръ: «Дубиночка, помели!» Она намола и муки и крупы—дѣвать некуда. Они разжились, разбылись, разбогатѣлись; сумочки пошѣли, кошель поплели, на базаръ побрѣли.

(Абрамъ Новопольцевъ).

31.

Кузька воръ.

Жилъ былъ Кузька воръ. Баринъ и говоритъ: «Кузька, укради у-меня собаку! Дамъ, если украдешь, сто рублей». Кузька говоритъ: «Украду». «Какъ ты украдешь? Вѣдь она злая». «Это», говоритъ,—«мое дѣло, а не ваше». Приходитъ Кузька домой и говоритъ: «Мать, шей мнѣ мѣшокъ такой-то вотъ длины, такой-то ширины». Мать сшила ему. Онъ пошелъ. Приходитъ къ воротамъ;

взялъ да и приколотилъ мѣшокъ подъ подворотню, широко растопырилъ, а самъ отошелъ. Собака молчитъ, не чуетъ. Лукнулъ черезъ ворота камень, она и учуяла, бѣжитъ. Разбѣжалась да прямо въ мѣшокъ и попала. Кузька оторвалъ мѣшокъ и убѣжалъ съ нимъ домой. Баринъ поутру встаетъ, собаки нѣтъ. «Ступайте, говоритъ, слуги, призовите Кузьку!» Тѣ пошли. «Кузька дома?» «Дома». «Собака у тебя?» «У меня». «Иди къ барину!» Приходитъ, собаку приноситъ. Баринъ ему сто рублей отдалъ и говоритъ: «Украдешь у меня еще жеребца?» «Украду». «Да какъ ты украдешь? Вѣдь у меня его четверо людей караулятъ: одинъ верхомъ, другой за поводъ будетъ держать, третій — за хвостъ, четвертый — въ дверяхъ». «Это дѣло мое», говоритъ Кузька воръ; — «украду». Вотъ баринъ уснулъ. Кузька приходитъ въ его хоромы, одѣлся въ баринову одѣжу, взялъ четверть водки, выходитъ вечеромъ на крыльцо и кричитъ: «Ребята! Кузька не былъ?» «Не былъ-съ». «Идите, по р ю м ѹ ш е ч к ѣ выпейте». Они выпили. Наполнилъ ихъ пьяныхъ Кузька, они и повалились. Пришелъ онъ, взялъ жеребца и увелъ; замѣсто его мѣлицу поставилъ; одного-то верхомъ на нее посадилъ, другому-то веревку далъ, за ручку привязалъ, третій такъ валѣтся, а четвертый пьяный у дверей лежитъ. Баринъ поутру приходитъ, кричитъ: «Робята, робята!» Они спятъ себѣ; добудились на силу. «Гдѣ жеребецъ?» Нѣтъ жеребца: проспали. «Зачѣмъ вы насъ, баринъ, виномъ поили?» «Когда?» «А вчера?» «Призвать Кузьку!» Призываютъ. Приѣзжаетъ Кузька на барскомъ жеребцѣ; получилъ отъ барина сто рублей. Послѣ баринъ и говоритъ: «А вотъ что: укради у меня деньги». «Ладно, говоритъ Кузька». «Какъ ты украдешь? Вѣдь онѣ у меня въ головахъ и люди будутъ ихъ стережѣть день и ночь». «Дѣло мое, украду». Пошелъ Кузька на кладбище, вырылъ онъ тамъ мертвеца, притащилъ его и мертвыми руками царапаетъ въ окошко. Проснулся баринъ. «Стой! Это Кузька!» А Кузька открылъ окошко да и сунулъ мертвеца въ комнату. Сейчасъ ему баринъ голову напроцъ и отрубилъ. «Ну, говоритъ, это видно не жеребца воровать. Попался! Пойдемте его хоронить», говоритъ. Пошли мертвеца зарывать. Кузька вбѣжалъ въ горницу и говоритъ: «Барыня, поймала! Пожалуйте барину деньги — раздѣлаться!» Та испугалась, да всѣ деньги и отдала, всю шкатулку. Онъ ее и унесъ. «Теперь

схоронили, больше не будетъ воровать», говоритъ баринъ. Утромъ встають—денегъ нѣтъ. «Ахъ, мотри мы не его срубили!» Посылають къ Кузькѣ. «Дома Кузька?» «Дома». «Иди къ барину». Приходитъ Кузька и деньги приноситъ, получаетъ сто рублей. «Укради», говоритъ ему баринъ,—«мою барыню». «Ладно, украду». «Да какъ же ты ее украдешь? Я всегда съ ней». «Дѣло это не ваше, украду». Сшилъ Кузька чучелу, вылитого себя, въ бѣлую одѣжу одѣлъ и повѣсилъ на кустъ, а самъ за другой кустъ спрятался. Баринъ и ѣдетъ на тройкѣ съ барыней; проѣзжаетъ мимо куста, видитъ, что Кузька на немъ виситъ. «Стой! Вотъ гдѣ Кузька-то! Видно его порѣшили. Пойдемъ, кучеръ, хоть надъ мертвымъ помудруемъ». Стали они чучелу бить да дергать, а Кузька выскочилъ тѣмъ временемъ изъ-за куста, палъ на козла и усекалъ вмѣстѣ съ барыней. Взялъ онъ послѣ эту барыню и промоталъ: чертямъ продалъ. Баринъ посылаетъ къ Кузькѣ людей. Тѣ спрашиваютъ: «Кузька дома?» «Дома». «Барыня у тебя?» «Нѣтъ: я ее чертямъ продалъ». «Ступай, выкупи!» Пошелъ Кузька выкупать. Приходитъ къ озеру. Выбѣгаетъ чертенокъ. «Ты что, Кузька?» «Давайте барыню назадъ!» Чертенокъ—къ водяному. «Дѣдинька», говоритъ, — «барыню назадъ просать». Водяной и говоритъ: «Кто изъ васъ гирю выше вскинеть, тому и барыню». Чертенокъ вышелъ изъ озера и говоритъ Кузькѣ: «Давай вотъ эту гирю кто выше вскинеть, тому и барыню». «Ладно, кидай!» Чертенокъ кинулъ высоко, высоко: гиря упала, въ землю вся ушла, одні ушки остались. «Ну ты теперь кидай, Кузька!» Кузька взялъ за ушки, силы-то нѣтъ выдернуть, вотъ онъ глядитъ на облако и говоритъ: «Вонъ тамъ дядя мой живетъ, кузнецъ, во-о-нъ дверь-то растворѣна... На что нибудь годится ему». Чертенку жаль стало гири, схватилъ ее да маршъ къ дѣдушкѣ. «Дѣдинька, дѣдинька! Онъ хочеть ее къ дядѣ кузнецу за облака закинуть». «А вотъ спасибо, что унесъ», говоритъ. — «Подите теперь въ перегонки: кто кого перегонитъ, тому и барыню». Кузька и запримѣтилъ тѣмъ временемъ зайца подъ кустомъ. Чертенокъ выбѣжалъ изъ озера да и говоритъ: «Давай въ перегонки! Кто кого перегонитъ, тому и барыню». «Ладно. Эхъ ты», говоритъ Кузька,—«куда тебѣ? У меня есть маленькій малютва, въ пеленкахъ еще лежитъ, и то ты его не перегонишь!» «Укажи, пойдемъ». Идетъ; только, не доходя до

куста, кинулъ Кузька камешкомъ. Заяцъ какъ прыснетъ и пошелъ... Чертенюкъ ему кричитъ: «Постой! Постой! Сверстаемся! Сравняемся!» А тотъ еще пуще жарить. Такъ и не догналъ. Воротился въ озеро, говоритъ: «Дѣдинька, у него есть маленькій малютеа, такъ и того не догонишь, а куда его догнать». «Ну теперь кто изъ васъ кого поборетъ?» Выбѣжалъ чертенюкъ и говоритъ: «Давай бороться! Кто поборетъ, тому и барыня». «Эхъ», говоритъ Кузька, — «у меня есть дѣдъ семидесяти семи лѣтъ и зубовъ-то нѣтъ, и тотъ тебя изломаетъ». «Пойдемъ, укажи!» Вотъ Кузька и привелъ его къ медвѣдю. Подошелъ чертенюкъ къ медвѣдю и говоритъ: «Дѣдушка, а дѣдушка! Ну-ка давай бороться». А медвѣдь только знай сопить себѣ. Кузька-то и говоритъ чертенку: «Онъ вѣдь такъ-то не борется, а ты его подъ бока потычь!» Тотъ и давай тыкать. Медвѣдь давай чертенка ломать; до той степени ломалъ, что мочи у чертенка не стало: вылѣзъ изъ-подъ медвѣдя, да въ озеро. «Дѣдинька», говоритъ, — «я насилу вырвался: у него есть дѣдъ семидесяти семи лѣтъ и зубовъ нѣтъ, такъ и тотъ такъ меня изломалъ, что бѣда, а куда съ нимъ!» «Ну», говоритъ водяной, — «теперь кто изъ васъ большѣе свиснетъ, тому и барыня достанется». «Ну свищи ты!» говоритъ Кузька. Чертенюкъ свиснулъ, индо съ дубу листь посыпался. «Ну, Кузька, теперь ты свисни!» А вотъ что, чортъ, ты сядь къ озеру ногами, а глаза-то завяжи, а то выкатятся». Чертенюкъ такъ и сдѣлалъ. Кузька размахнулся, да какъ свиснетъ чертенка по башкѣ, тотъ прямо—въ озеро, и искры изъ глазъ посыпались. Нечего дѣлать, выводитъ ему изъ озера барыню. Вернулся Кузька домой. «Вотъ вамъ, баринъ, и барыня». Баринъ ему опять—сто рублей. Сошелся послѣ того Кузька съ дядей. «Давай вмѣстѣ воровать!» «Давай». А кто у насъ будетъ большой?» «А вотъ кто изъ-подъ вороны яйца вынетъ, такъ, чтобы та не слыхала, тотъ и будетъ большой». Вотъ дядя и полѣзъ на дерево, а Кузька—за нимъ, и вырѣзалъ у него подошвы. Тотъ слѣзъ. «Что, дядя, вынулъ?» «Вынулъ». «А гдѣ у тебя подошвы?» «Ну», говоритъ, Кузька, — «будь ты большой, коли такъ». Пошли они воровать. Нашелъ Кузька красненькій сапожокъ, взялъ въ него нагадилъ, да на дорогѣ и поставилъ. Ъдутъ мясники, купили быка на мясо. Видятъ мясники: сапогъ стоитъ. «А, говорятъ, постой! Сапогъ нашелъ!» Сунулись

къ нему, а тамъ дерьмѣ. Бросили. «Кабы», говорятъ, — «другой такой былъ, ну ничего, а то что, куда его?» Вотъ Кузька забѣжалъ впередъ и опять этотъ сапогъ на дорогѣ поставилъ. Доѣхали мясники до него, видятъ: другой сапогъ. Привернули лошадей, пошли назадъ за первымъ. Кузька тѣмъ временемъ быка отвязалъ, голову отрѣзалъ и во ржавицу затискалъ вмѣстѣ съ веревкой, только конецъ на берегъ выпустилъ. Мясники вернулись, хватъ — быка нѣтъ. А Кузька сидитъ подъ кустомъ и мычитъ. «Бы н ё ю ш к а! Бы н ё ю ш к а!» Искали, искали и нашли веревку; потащили—голова! И стали между себя говорить: «Чего тащить-то? Шея оторвалась, а быкъ-то видно во ржавицѣ утонулъ. Поѣдемъ домой!» Только они уѣхали, Кузькѣ и захотѣлось кожу отъ дяди утаить. Вотъ онъ выломилъ два большихъ прута и давай по шкурѣ задувать. «Батюшки, братцы, не одинъ я, съ дядей! Батюшки, братцы, не одинъ я, съ дядей!» Дядя услыхалъ да и убѣжалъ. Кузька шкуру одинъ и продалъ.

(Со словъ воротника Алексѣя въ с. Озеркахъ, Самарской губ. Ставроп. у.).

32.

Шутъ Максимка.

Въ одномъ селѣ жилъ попъ съ попадѣй; у нихъ было двѣ дочери дѣвушки и сынъ женатый, тоже попъ. Вотъ разъ стараго попа не было дома, и приходитъ мужичекъ, просится ночевать. Его пустили. Влѣзъ онъ на полати, лежитъ да смотреть, что въ комнатѣ дѣлается. Приходитъ старикъ съ поминоекъ, приноситъ денегъ сорокъ алтынъ и положилъ эти деньги подъ образа! Сѣли ужинать, ему жена и говоритъ: «Попъ, къ намъ пришелъ мужичекъ ночевать, а тебѣ забыла сказать». Позвали и мужичка ужинать. Слѣзъ онъ съ полатей и сѣлъ въ передній уголъ, за столъ; досталъ отъ образовъ книгу, сталъ смотрѣть, а держитъ ее вверхъ ногами. Попъ его спрашиваетъ: «Видно ты грамотный?» «Да, знаю», говоритъ, — «кое что». Поужинали, легли спать. Молодой попъ и го-

ворить женѣ: «Повязывай, попадья, голову на ночь, а то у меня волоса долгіе, а у тебя тоже; если мы перепутаемся, я тебя прибую». Уснули; а мужичекъ не спитъ: вышелъ тихонько на дворъ, увидалъ тамъ трехгодовалого бычка, вернулся въ горницу, взялъ ножъ и зарѣзалъ его. Требушину положилъ между старымъ попомъ и попадѣй, а кишки—между дѣвушками, а молодого попа связалъ съ женой волосами. Вотъ старая попадья проснулась и слышитъ что это возлѣ нея скверное лежитъ. Будить попа. «Попъ, а попъ! Ты видно на поминкахъ-то блинами объѣлся!» «Что ты, попадья? Это ты видно, а не я». Пока они перекорялись—проснулись дочери; видятъ, что возлѣ нихъ что-то неладно; одна другой и говоритъ: «Сестра, это ты родила?» «Нѣтъ, говоритъ другая, не я, а ты!» Поднялся шумъ и проснулся молодой попъ; хотѣлъ было онъ встать, анъ нельзя: связанъ волосами съ женой. Началъ онъ ее бить да приговаривать: «Говорилъ тебѣ—повязывайся, а ты не слушала! Такъ вотъ же тебѣ!» Вдули огня, глядъ а мужика то нѣтъ. Вышли на дворъ, а бычка какъ не бывало. Тутъ и увидали, что это его штуки. «Быть это шуту Максимѣ!» говоритъ старый попъ. Пошелъ искать, а его и слѣдъ простылъ. А шутъ Максимка идетъ лѣсами и на плечахъ стягъ говядины. На встрѣчу ему идутъ воры-разбойники; украли себѣ невѣсту. Увидѣли его: «А, шутъ Максимка, здорово! Гдѣ ты говядину взял?» «Да вотъ за лѣскомъ выпала говья жь я туча, мяса видимо невидимо. У меня лошади нѣтъ, я только стягъ взялъ, а у васъ свадьба—такъ надо мяса то. Поѣзжайте, наберете много!» Воры оставили невѣсту одну на лошади, а сами за говядиной поѣхали. Шутъ Максимка подбѣжалъ къ невѣстѣ и спрашиваетъ: «Волей ты ѣдешь, или не волей?» «Какой тутъ волей, когда меня украли», отвѣтила дѣвушка. «Ну такъ сымай съ себя все одѣянье, одѣнься въ мое, а я—въ твое; я сяду здѣсь, а ты домой бѣги!» Такъ и сдѣлали. Шутъ Максимка покрылся фатой и сидитъ. Воротились разбойники съ пустыми руками, бранятъ Максимку на чемъ свѣтъ. Спрашиваютъ невѣсту, куда онъ пошелъ; та только рукой махнула. «Ну еслибъ онъ намъ попался, мы бы его живого не оставили!» А догонять Максимку некогда: боятся, чтобъ и за ними не было погони. Поѣхали, обвѣнчались въ первомъ селѣ, пріѣхали домой; молодыхъ положили на подѣлѣтъ и заперли. Только что заперли, молодая и говоритъ мужу: «Выпусти

меня: я хочу до вѣтру». «Куды же тебя я выпущу, когда мы заперты?» «Да куды хошь! Я хочу, вотъ тебѣ и скажы!» Сколько ни бился съ ней мужъ, принуждѣнъ былъ поднять въ полу доску, а подъ поломъ были овцы. Привязалъ онъ ее на кушакъ, спустилъ внизъ и говоритъ: «Когда кончишь, потряси за кушакъ, я тебя подыму». «Ладно» говоритъ шутъ Максимка. Спустился, взялъ барана и привязалъ его за рога поясомъ, а самъ нашелъ дверь да и убѣжалъ. Вотъ молодой ждетъ жену, когда она за кушакъ потянетъ. Слышитъ, что тинуть—онъ и началъ подымать, а баранъ благимъ матомъ кричитъ. Услыхали, отперли молодаго, спрашиваютъ, что случилось. Онъ и рассказалъ. «Быть это шуту Максимкѣ! Ну не сдобровать ему!» Начали искать и, конечное дѣло, не нашли. А шутъ Максимка прибѣжалъ въ лѣсъ. Идетъ лѣсомъ и видитъ, что мужикъ ѣдетъ въ телѣгѣ. Взялъ тутъ шутъ Максимка сапогъ, сдѣлалъ въ него что надо и поставилъ на дорогу, а самъ въ кусты спрятался и смотритъ что будетъ. Подъѣхалъ мужикъ, видитъ: сапогъ хорошъ, да полонъ накладѣнъ. «Что, думаетъ, его братъ? Кабы два такъ другое дѣло». Проѣхалъ мимо. Шутъ Максимка, не будъ глупъ, схватилъ сапогъ, забѣжалъ впередъ стороною и поставилъ его опять на дорогу. Видитъ мужикъ, что другой сапогъ; оставилъ лошадь съ телѣгой и пошелъ назадъ, за первымъ сапогомъ; а шутъ Максимка сѣлъ на лошадь, да и былъ таковъ. Приѣхалъ на пчельникъ, залѣзъ въ самый большой пустой пенёкъ и сидитъ тамъ. На пчельникъ въ это время пришли два вора и пробуютъ, который пенёкъ тяжеле. Въ которомъ шутъ Максимка сидитъ, тяжеле всѣхъ. Взяли они его и пошли. Идутъ дорогой, а шутъ Максимка нѣтъ нѣтъ да свиснетъ въ пенёкъ то; а они думаютъ, что за ними погоня. Подошли къ рѣчкѣ, поставили пенёкъ и стали купаться. Шутъ Максимка выскочилъ изъ пенёка, да какъ закричитъ: «Васъ-то мнѣ и надо было!» Воры испугались, выскочили изъ рѣчки, да такъ нагіе и убѣжали; оставили на берегу и платье и деньги, которыя съ ними были. Шутъ Максимка все взялъ и валяй дальше. Приѣхалъ на базаръ въ городъ, купилъ возъ овса и поставилъ къ нему лошаденку; а самъ ходитъ кругъ ея да охорашиваетъ. Взялъ мелкаго серебра, натолкалъ ей въ ж... Вадитъ, три купца идутъ. Подходятъ къ нему и говорятъ: «Что это ты такую дрянную лошаденку кормишь ов-

Сказки и пред. Сам. края.

сомъ?» «Кому дрянно, а мнѣ хорошо» говоритъ шутъ Максимка, и зачалъ ее трепать по спинѣ. Изъ нея и посыпались деньги. Онъ только подбираетъ да въ карманъ кладетъ. Дивятся купцы. «Неужто, шутъ Максимка, твоя лошадевка деньгами ходить? Вы чай не слѣпые, сами видите?» «Продай намъ». «Пожалуй». «Ты что за нее хочешь?» «Триста рублей». Сложились купцы по сту рублей, отдали деньги, повели лошадь. Уговорились, чтобы поочереды брать ее къ себѣ. Взялъ первый купецъ, поставилъ къ себѣ въ конюшню, постлалъ ковры и овса насыпалъ вволю. Приходить черезъ ночь и видитъ, что кромѣ дерьма ничего нѣтъ. Приходитъ другой купецъ за лошадей и спрашиваетъ: «Ну что, брать, много денегъ?» «Столь денегъ, что дѣвать некуда». Такъ у нихъ у всѣхъ кромѣ дерьма ничего не случилось. Приходитъ послѣдній купецъ и говоритъ: «У меня вѣдь денегъ 'то нѣтъ!» «Да и у насъ тоже нѣтъ». «Пойдемте шута Максимку бранить, зачѣмъ онъ насъ обманулъ». А шутъ Максимка знаетъ, что къ нему придутъ черезъ три дня; взялъ пузырь, налилъ его кровью и говоритъ женѣ: «Подвяжи его подъ руку и сядь въ чуланъ. Придутъ купцы, будутъ меня спрашивать, ты тоже выдь и брани меня. Я возьму позижъ, кольну тебя въ пузырь—ты упади. Тогда я сниму со стѣны плетъ и буду тебя бить да приговаривать: «Плетка живилка, живи мою жену!» Ты вскочи и уйди въ чуланъ». Такъ и сдѣлали. Купцы пришли, увидали, что плетка такія чудеса дѣлаетъ. «Сколько стоитъ?» «Полтараста рублей». «На». Пришли домой, жены имъ что то не такъ отвѣтили, они ихъ хватаютъ ножомъ; тѣ и умерли. Сколько ихъ стегали купцы своихъ женъ—ничего не подѣлали. Взыли. Шутъ Максимка знаетъ, что ему плохо будетъ, вырылъ себѣ на кладбищѣ *) яму, покрылъ ее досками, а сверху земли насыпалъ. Взялъ онъ съ собой жару и жигало, а женѣ велѣлъ плавать и говорить, что она его схоронила. Приходятъ купцы, спрашиваютъ, гдѣ шутъ Максимка. «Мы за нимъ пришли, зашить его въ кулекъ да въ воду бросить: онъ у насъ женъ перерѣзалъ». Жена плачетъ да и говоритъ имъ, что только сегодня его схоронила. «Ну скажи, гдѣ его могила!

---

*) Варіантъ: на дворѣ.

мы на нее хоть ..... Все легче будетъ». Пошли на могилу; только было одинъ сѣлъ, шутъ Максимка раскалилъ жигало то, да какъ кольнетъ его въ ж...! Тотъ вскочилъ. «Какъ, братцы, что то жутко!» Со всѣми онъ тоже продѣлалъ. «Вреть», говорятъ купцы,—«это въ могилѣ то шутъ Максимка сидитъ, онъ живъ! Отроемъ его, вытащимъ да—въ куль!» Вытащили шута Максимку, некуда ему дѣваться. Зашили его въ куль, пришли къ рѣкѣ; а на ней проруби не было. Пошли за пѣшней, а Максимку оставили. Вотъ шутъ Максимка и слышитъ, что на тройкѣ баринъ ѣдетъ. Онъ и ну кричатъ: «Батюшка, везутъ на восводство, а я ни судить, ни рядить не умѣю!» «Стой! кричить баринъ. Что за крикъ?» Посылаетъ слугу узнать. Тотъ видитъ, что въ кулѣ человѣкъ; скзываетъ барину, что вотъ де этого человѣка на воеводство везутъ, а онъ судить не умѣетъ. «Я умѣю! Зашейте меня!» Зашили барина, а шутъ Максимка человѣка пустилъ на всѣ четыре стороны, самъ сѣлъ въ сани, заѣхалъ за кусты и смотреть что будетъ. Приходятъ купцы, прорубили прорубь и бросили барина. Говорятъ межъ собой: «На силу то избавились отъ этого разбойника! Теперь онъ насъ не надуетъ больше!» Только что отошли шаговъ десять, слышать, что сзади кто то кричитъ: «Берегись! Па—ди!» Обертываются—шутъ Максимка! «Ты откуда?» «Откуда? Чай вы слышали, какъ меня бросили въ прорубь, я кричалъ: бұрыхъ! бұрыхъ! Вотъ выбралъ тройку, будетъ съ меня. Тамъ еще много осталось». «Шутъ Максимка, толкни насъ!» «Пожалуй, такъ и быть я сдѣлаю». Столенулъ ихъ всѣхъ въ воду бурыхъ ловить, пріѣхалъ домой, да и сталъ себя жить да поживать, добро наживать, а худо то проживать.

(Отъ симбирской мѣщанки Елены Степановны Смирновой).

33.

М и з и н ѣ ч и к ѣ.

Жилъ старикъ со старухой. Пошелъ старикъ бѣрону оправлять на дворъ, отрубилъ себѣ палецъ (мизинецъ) и взялъ его въ три-

пицу завернулъ, и положилъ въ печурку. Старуха блины пекла. Старикъ позавтракалъ и поѣхалъ пахать, а старуха печеть блины, а сама тѣжить. «Ахъ», говорить,—«поѣхалъ онъ пахать и хлѣба не взялъ, некому въ поле хлѣба отвезти!» Мизинчикъ человѣкомъ сталъ да и говорить: «Матушка, помажь маслицемъ блиновъ, я тятенькѣ въ поле отнесу». Она обѣртывается, а человѣка не видитъ. «Кто это говоритъ?» «Я—тятенькинъ мизинецъ и сдѣлался человѣкомъ!» Старуха намазала блиновъ, въ кошель положила; онъ и повесъ блины на пашню. До его загона дошелъ, стоитъ на межѣ, а въ травѣ его не видать. Кричитъ: «Тятенька! Ступай поѣшь, а я попашу!» Тотъ обѣртывается и думаетъ: «Что за тятенька? У меня сына не было». Видитъ—на межѣ кошель; подошелъ. «Ахъ, батюшка мой, что ты за человѣкъ?» «Я», говорить,—«твой мизинецъ». «Да какъ ты человѣкомъ сдѣлался?» «Да такъ же», говорить. — «Поѣшь, а я попашу». Мизинчикъ сѣлъ на лавочку, на соху и пашетъ, а тотъ обѣдать. Ёдутъ господа. «Хлѣбъ да соль тебѣ, старичекъ!» «Подите, добро жаловать, во мнѣ обѣдать!» «Что же ты, старичекъ, самъ обѣдашь, а лошадь одна, безъ человѣка пашетъ?» «Нѣтъ, у меня человѣкъ есть». «Да гдѣ же?» Мизинчикъ всталъ на спину лошади и говорить: «Вотъ я какой, господа!» Господа удивились. «Продай намъ его!» «Себѣ нужно, господа». Мизинчикъ подошелъ и говорить: «Продай меня, батюшка, я отъ нихъ уйду, только деньги получи за меня». «Что возьмешь за него, старичекъ?» «Пятьсотъ рублей». Сторговали и купили Мизинчика. Баринъ его въ карманъ посадилъ и повезъ домой. У него въ карманѣ деньги были. Онъ разодралъ карманъ, да деньги на дорогу выкидалъ и самъ ушелъ. Собралъ деньги, къ отцу пришелъ. Баринъ пріѣхалъ домой и говорить: «Какую я штуку привезъ! Маленькаго человѣка купилъ». «Ну-ка покажите-ка!» Пои́зъ въ карманъ, а тамъ ни человѣка, ни денегъ нѣтъ.

Мизинчика отецъ нарядилъ и стали они этими деньгами жить. Вышелъ онъ вечеромъ на улицу; идутъ два разбойника къ попу быка рѣзать. Онъ и говорить: «Куды вы, братцы, идете?» «А тебѣ, что за дѣло?» «Какъ, что за дѣло? Я отъ васъ не отстану». «Да ты кто? Къ попу идемъ». «Возьмите меня въ товарищи». «Ну, айда!» Подошли къ поповымъ воротамъ, тѣ рѣнули сѣ въ ворота—заперты. «Какъ же быть-то?» (большіе говорятъ), а Мизинчикъ го-

ворить: «Только бы дырочку найти. Я пролѣзу». Нашелъ дырочку, пролѣзъ и отперъ ворота. «Идите», говоритъ громкимъ голосомъ. «Ахъ, дуракъ, услышать!» «Нѣтъ, небось!» Пришли. «Какого быка то рѣзать? Бураго или чернаго?» кричитъ. «А ты тихонько, услышать». «Нѣтъ. Ну, давайте бураго рѣзать: онъ получше. Ножики-то взяли?» «Нѣту, говорятъ». «Шли вы быка рѣзать, а ножа не взяли!» «Забыли». «Ну постѣте, я къ попу въ избу схожу за ножомъ». «Ахъ, сукинъ сынъ, да вѣдь услышать!» «Нѣтъ». Пошелъ въ избу, помолился Богу. «Здорово живете! Гдѣ у васъ ножикъ-то, хозяйва?» Попадья услышала. «Попъ! Кто-то у насъ ножикъ спрашивать». «Померещилось тебѣ». «Нѣтъ». «Ну вздуй огня, погляди». Вздудли, освѣтили, а Мизинчикъ сѣлъ подъ вѣнникъ и глядитъ; видитъ ножъ на брусу лежитъ. Вотъ они огонь погасили, онъ ножъ взялъ и ушелъ. Зарѣзали быка. Куды кожу дѣвать? «Постоте, я видѣлъ, гдѣ попъ съ попадѣй спать, я ихъ кожей одѣну». Понесъ кожу, одѣлъ попа съ попадѣй. Куды требушину дѣтъ? «Погоди, я видѣлъ, гдѣ у попа дочери спать, между нихъ положу». Положилъ требушину между дѣвокъ. «Куды, баютъ, гузѣнную кишку дѣтъ?» «Я», говоритъ, — «видѣлъ дьячковъ, ихъ коса съ косою свяжу». Пошелъ и связалъ. «А куды намъ пузырь дѣвать?» «Я знаю, гдѣ старая старуха спать, ей къ роту привяжу». Тѣ харчъ раздѣлили и ушли. Дѣвки проснулись и говорятъ между себя: «Ты видно родила?» «Нѣтъ, я не гуляла. Это ты видно». Разбранились шибко. Проснулся одинъ дьячекъ, повернулся, тащитъ за косу другаго. Зачали браниться: «Ты меня, такъ тащишь?» «Нѣтъ ты!» «Дуй огонь, старая хрѣновка! Что у насъ?» Начала старуха дуть огонь; дуетъ, дуетъ, пузырь надуется, не вздуется. Надула пузырь, онъ и лопнулъ. Вздудла огонь; попадья встала и говоритъ попу: «Вотъ, попъ, говорила я тебѣ, что ножикъ спрашиваютъ; вотъ у насъ быка и зарѣзали».

(Абрамъ Новопольцевъ).

34.

Медвѣжій сынъ.

Медвѣдь мужнюю жену въ берлогу затащилъ и мальчикъ съ ней прижилъ; меду ей таскалъ, всего, въ берлогу-то. Только мальчикъ выросъ и захотѣлось ему изъ берлоги вонъ, къ людямъ: стало ему жить томно. Обросъ мальчикъ до половины шерстью. Медвѣдь его не пускаетъ. Вотъ онъ отъ него вырвался да бѣжать. Медвѣдь догналъ и давай они съ нимъ деревьями драться, корнями ворочать другъ дружку. Медвѣдь зашибъ сына, а медвѣжій сынъ выдернулъ дубъ и убилъ медвѣдя, а съ матерью убѣжалъ. Прибѣжалъ въ свое село, сталъ съ робятами играть. Кого за руку схватить — рука долой; кого за голову — голова долой. Миръ и говоритъ: «Тебѣ съ нами жить нельзя, мы вышлемъ». И надумали послѣ, что у нихъ въ одной мельницѣ чертей много. Коли медвѣжій сынъ выведетъ ихъ, тогда пусть живетъ. Онъ отправился на мельницу; пришла полночь, видитъ — черти всѣ колеса облѣпили. Онъ и давай ихъ ломомъ бить. Всѣхъ избилъ, до самого сатаны дошелъ. Тотъ и говоритъ: «На тебѣ злата, только оставь!» Онъ взялъ злата, насыпалъ и пошелъ домой; деньги матери отдалъ и опять его миръ принялъ.

(Слышано въ Симбирскѣ).

35.

Чортъ Гришка.

Идетъ бѣдный молодецъ. Тридцать лѣтъ прѣжилъ и все не женатъ, и думаетъ себѣ: «Ахъ, да хоть бы меня чортъ женилъ!» Вотъ является передъ нимъ чортъ Гришка. «А что тебѣ, добрый молодецъ, чего нужно?» «Да вотъ жениться хочу». «Айда, я тебя женю». И пошли съ нимъ. Чортъ Гришка и говоритъ: «Ступай домой, вари пиво и чего у тебя нѣтъ, скажи только: Ахъ, гдѣ-то

мой братецъ Гришка?» Пришелъ молодецъ домой; у него не было матери и подумать съ нимъ некому, а жениться хочется. Посидѣлъ да и думаетъ: «Гдѣ-то мой братецъ Гришка?» «Я, братъ, здѣсь!» «Хочу пиво варить, да нѣ изъ чего». Гришка солоду не-сетъ, муки везетъ. Солоду принесъ и муки привезъ, наварили пива, сдѣлали всѣмъ диво. Гришка и говоритъ: «Айда ка, братъ, въ омутъ за невѣстой!» Подводитъ братецъ Гришка къ черному омуту и говоритъ: «Садись на меня да мырнемъ!» Бултыхъ! Сидитъ красная дѣвица; Гришка и говоритъ: «Возьми-ка, братъ, красную дѣвицу, прокляну ю. Когда въ баню мать пошла, тогда дочку прокляла. Садись на меня, я тебя женю!» Вотъ онъ подхватилъ дѣвушку, сѣлъ на Гришку да и поѣхалъ. Приѣхалъ на вольный свѣтъ, красну дѣвицу привезъ. Красная дѣвица изъ хорошаго была дома, утомлённая, проклянённая, а чортъ ее изъ воды взялъ и молодчику отдалъ. Ихъ обвинчали, къ молодому въ домъ помчали. У молодого дома нѣтъ ничего и сказалъ молодой: «А гдѣ-то мой братецъ Гришка?» «Я здѣсь». «Братецъ, гостей подчивать нечѣмъ». Гришка пошелъ, отъ богатаго мужика всего принесъ: и чашки, плошки, и шалфетки на столѣ. Пришли женки изъ богатаго дому глядѣть; одна и говоритъ: «Ахъ, невѣстка, да шалфетка-то моя!» Вотъ Гришка на брусу сидитъ и говоритъ: «А вотъ это не бѣда, что она твоя; а шалфетка-то твоя, да и дочка-то твоя. Ты въ баньку ту пошла и дочку прокляла, а сама безъ памяти домой побрела. Это твоя дочка». Она больно молодуха, обрадовалась, за молодыхъ больно хваталась. «А что ты», говоритъ молодница, — «добрый молодецъ, гдѣ ты шалфетку эту взялъ, а невѣсту гдѣ укралъ?» «Я не укралъ, а мнѣ братъ Гришка далъ». А братъ Гришка на брусу сидитъ, онъ и въ трубочку курить. «А что, тетенька, о чемъ болишь, о чемъ заботишься? Вѣдь шалфетка-то твоя, и блюдыя ти твоё, и стаканчики твоё, да и дочь-то твоя! Она изъ воды прибрела. Какъ ты въ баню-то пошла, дочь то прокляла, еще она маненька была». Вотъ она слезами залилась, за доченьку схваталась. Доченька испугалась, отъ матери убѣжала, къ мужу подбѣжала. «Охъ мужъ, мой мужъ, я не знаю, какъ быть и кого мнѣ любить: не знай мамыньку, не знай тебя». Отвѣчаетъ молодецъ: «А гдѣ Гришка, братецъ мой?» Сидитъ Гришка на брусу, онъ и трубку курить. «Я здѣсь. А вотъ

будь твоя жена! Тутъ и теща-то была, и рюмочки пила, свою дочку пропила. Будетъ, братъ, да и прощай! Живи, не тужи!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

36.

Вавило и Арина.

Мужъ былъ Вавило, жена была Арина, работать больно лѣнива. Послали ее жать, нажала снопъ и три горсти и закатилась спать. Приходитъ домой, свѣкоръ спрашиваетъ: «Много ли, Арина, нажала?» «Три кучи». Они думали — три копны. На другой день то же самое: нажала снопъ и три горсти, и закатилась спать. Спрашиваетъ свѣкоръ: «Много ли, Арина, нажала?» «Три кучи». «Съ чего бы столько?» На третій день послали и свѣкоръ пошелъ поглядѣть. Нажала Арина одинъ снопъ и двѣ горсти, и закатилась спать. Свѣкоръ пошелъ домой, взялъ ножницы и остригъ ей голову. Приходитъ Арина домой и говоритъ: «Я-то—я, да голова-то не моя: кто-то остригъ. Я-то жена Арина, а мужъ-то у меня Вавило». Послѣ того вскорѣ померъ отецъ; въ бѣдномъ состояніи сталъ Вавило жить и по міру ходить. Въ одно время пошелъ въ другое село; никто куска не подалъ, голодный весь день былъ. Пристигаетъ тѣмная ночь; пошелъ онъ домой и заплакалъ горько. «Что буду дѣлать? Самъ голоденъ и дѣти тоже. Дай хоть сѣнца изъ стога пожую!» Подошелъ къ стогу, выдернулъ клочекъ, вывалился пребогшущій пирогъ. «Ахъ, Господи, что такое? Нѣтъ, это я дѣтямъ понесу». Зашелъ съ другаго боку, захватилъ побольше клочекъ, пребогшущая куча золота вывалилась. «Что я буду дѣлать? Если я домой принесу—жена расхвастается и баринъ меня забьетъ, что я столько денегъ нашелъ». Взялъ деньжонокъ нѣсколько, пошелъ на мельницу, купилъ гречушной муки, принесъ домой и сказалъ жепѣ, чтобы блиновъ напекла. «Вотъ», говоритъ, — «гречушной мучки насбиралъ». Самъ на базаръ пошелъ, накупилъ соленыхъ судаковъ. Гдѣ ѣхать имъ къ этому стогу, разбилъ барскихъ скирдовъ три—четыре и насо-

валъ этихъ судаковъ рылами туда и оттуда. Попался ему мертвый поросенокъ, онъ засунулъ его въ мерёжку и сунулъ въ озеро. Зашелъ къ попу и просилъ его козла на колокольню посадить, чтобы онъ кричалъ и звонилъ.

Пришелъ домой. «Ну что, напекла? «Вотъ растопляю печку, укисли». «Пеки скорѣ!» Пока пекла, свѣтать стало и она пошла убираться; а онъ укралъ у ней раствору, вышелъ въ поле и давай тѣсто по дорогѣ бросать. Пришелъ домой и говорить: «Знаешь что? Только не сказывай!» «Лопни глазыньки не скажу!» «Я вѣдь кладъ нашелъ!» «Что ты?» «Право». Позавтракали. Запрегъ Вавило лошадь, взялъ пологъ и чудовку, поѣхали за деньгами. Какъ выѣхали, она увидѣла на дорогѣ тѣсто. «Хозяинъ, что это?» «Это кисельная гроза шла». Отъѣхали—увидала блинъ. «Старикъ, это блинъ! Возьми его! Что это, старикъ?» «Э, дура, это кисельная гроза была, а это блинная туча». Доѣхали до скирдовъ. «Гляди-ка, старикъ, солёны судаки!» «Эка диковина? Они завсегда такъ озорничаютъ; соленые судаки скирды разбиваютъ». Ъдутъ мимо озера. «Старуха, нѣтъ ли мерёжъ, рыбки не попало ли?» Вынулъ мерёжу, а тамъ поросенокъ. «Гляди-ко, поросенокъ-то задохнулся». «Это что это?» «Да тутъ всегда поросята попадають». «Вотъ, старикъ, мы купимъ мерёжъ, да будемъ ставить, всегда свинина будетъ». Подъѣхали къ стогу, насыпали деньги. Ъхать домой рано; остановились на лугахъ лошадь покормить. Солнце стало закататься, запрягли лошадь, поѣхали домой. Ъдутъ мимо церкви и козелъ привязанный оретъ и звонигъ. Она спрашивать: «Что это, старикъ?» «Развѣ не знаешь? Нашего барина черти дерутъ». «Ужъ топерь его не будетъ?» «Нѣту».

Не поспѣла Арина ссыпать деньги, побѣжала въ шабры и расхвасталась, что кладъ нашли. Только ей мало вѣрили. Черезъ нѣсколько время дошла вѣсть до барина. Призвалъ онъ Арину, сталъ спрашивать: «Ну что, кладъ нашли?» «Нашли». «Призвать Вавилу!» Пришелъ Вавило. «Вотъ твоя жена говоритъ, что кладъ нашли вы?» «Да спросите ее, какъ нашли, она на свою голову наорётъ». Стала она сказывать: «Когда мы за деньгами поѣхали, только выѣхали изъ польныхъ воротъ, все кисель да кисель: кисельная гроза шла; а тамъ дальше все блины да блины. Я собирала все; а потомъ до вашихъ скирдъ доѣхали.

судаки три—четыре скирды въ ло-о-скъ разбили. Я ихъ беремя цѣло набрала. До озера доѣхали, а въ мерѣжу-то поросенокъ зямнякъ, такой жирный ввалился. Тутъ всегда они попадаютъ, Насыпали деньги, еще ѣхать рано, покормили лошадь, поѣхали мимо церкви... Есть, баринъ, словечко, да боюсь сказать...» «Говори!» «Въ то время, значить, вашу милость на колокольнѣ-то черти драли». «Меня?» «Да, васъ». «Конюха! На конюшню!» Крикнулъ баринъ. Сейчасъ ей полтораstä розогъ влѣпили. Оправился мужикъ черезъ свою хитрость и зажилъ богато.

(С. Новиковъ, Самарск. губ., Ставроп. у.).

37.

Е л е в ы ш а ш к и.

Жили были два брата, одинъ богатый, другой бѣдный. Богатый братъ свиней покупалъ, свиной торговалъ, возилъ въ Москву и большіе барыши получалъ. Пришлось разъ, повезъ свинину и ни по чемъ не берутъ. Привезъ ее всю назадъ. У богатаго брата было три сына. Приѣхалъ онъ изъ Москвы, дѣти спрашиваютъ: «Что, какъ, батюшка, дѣла твѣ?» «Свинина, говоритъ, нынче, робята, ни по чемъ» (А этого торговца мясника самъ царь зналъ). Вотъ на-утро бѣдный братъ приходитъ къ богатому и спрашиваетъ его: «Что слышно въ Москвѣ?» «Ничего не слышать», сердито таково ему братъ отвѣчаетъ. «А по чемъ, братъ, свинина?» «Свинина ни по чемъ». «А что же въ Москвѣ дорого?» И сказалъ братъ ему въ смѣхъ: «Елєвы ш а ш к и (шишки) въ Москвѣ больно дороги». Бѣ д н ы й б р а т ь приходитъ домой и говоритъ хозяйкѣ своей: «Хозяйка, свинина, братъ сказывать, въ Москвѣ ни по чемъ, а елєвы шашки больно дороги. Айда, возокъ наберемъ!» (А они отъ Москвы жили въ двадцати верстахъ). Поѣхали въ лѣсъ и набрали возъ. Онъ былъ бѣдный: поѣхалъ въ Москву совсѣмъ р а з д ѣ в ш и, что я же. Приѣхалъ въ нее утромъ и такъ холодно. Стоять, весь посивѣлъ, съ шашками на базарѣ. Никто не подходитъ и не торгуетъ, потому братъ н а смѣхъ сказалъ. Вотъ идетъ базаромъ

самъ царь, посмотрѣть что на базарѣ есть, и говорить: «Мужичокъ, что это ты привезъ?» «Елевы шапки». «А по чемъ ихъ продаешь?» «Никто не торгуетъ». «На что же ты ихъ привезъ?» «Да меня братъ смутилъ». «Кто тебѣ братъ?» «Вотъ такой то», говоритъ. Былъ здѣсь съ свининой, свинину не продалъ, всю домой привезъ. Я спросилъ: почему свинина въ Москвѣ, онъ сказалъ ни по чемъ, а шапки елены дороги». Царь и говорить: «Я твоего брата хорошо знаю. Ну, погоди, шапки ты всѣ распродашь. Мотри, продавай по рублю за шапку! Въ часъ всѣ у тебя разберутъ». Приѣзжаетъ царь домой и послалъ по всѣмъ господамъ, и купцамъ, и богатымъ мужикамъ, чтобы всѣ шли къ царю въ гости и каждый бы несъ елеву шапку. Приказъ получили и думаютъ гдѣ шапки взять. Одинъ другому разказывать: «А вотъ тебѣ: на базарѣ ихъ возъ стоитъ». Побѣжали на базаръ, весь возъ расхватили. Полны сани мужикъ денегъ наклали. Приходятъ всѣ къ царю и приносятъ шапки. Шапки онъ принимаетъ и въ чехлаусъ ихъ валить (не надо никуда). Вотъ мужичокъ шашечки продалъ, пошелъ полушубочекъ купилъ, зашелъ, стаканчикъ водочки выпилъ; сѣлъ да и домой поѣхалъ. Приѣхалъ домой, встрѣчаетъ его жена и спрашиваетъ: «Что, старикъ, какъ дѣла?» «Слава Богу, хозяйка, рѣбъ за шапку взялъ. Топерь казны привезъ, дѣтямъ не прожить». А богатый братъ въ дырочку слѣшать, да и кричитъ его: «Подъ ка сюда! Что какъ твои шапки?» «Рѣбъ за шапку, говоритъ, взялъ». Тотъ побѣжалъ къ своимъ дѣтямъ, запрягли трехъ лошадей, поѣхали, набрали три воза; поѣхали въ Москву съ шапками. Стали на базарѣ, стоятъ. Прежде вся Москва знала, что онъ свининой торговалъ, и говорить ему: «Что ты дерьма то вывезъ? Что свинины не привезъ?» «Свинина, говоритъ, ни почѣмъ, очень шапки здѣсь дороги: братъ рубъ за шапку продавалъ». Идетъ самъ царь и подходитъ къ нему. «Что ты дерьма привезъ?» «Нѣту, нынче, ваше царское величество, шапки здѣсь дороги». Царь только головкой помоталъ и пошелъ домой. Послалъ царь на базаръ двоихъ казаковъ съ плетями и велѣлъ имъ высыпать приѣзжимъ тремъ мужикамъ по сотнѣ каждому, за то, чтобы дерьма въ городъ не возили. Казаки приѣхали на базаръ и начали богатаго брата лупить плетями. Такъ его отдули, чуть живаго пустили; и шапки всѣ раскидали.

Приѣхалъ домой весь избитый, какъ песъ, и такъ брата ругаетъ; а братъ и говоритъ: «А чортъ ли тебѣ велѣлъ? Ты бы г..... не торговалъ, а свинину бы продавалъ»: Съ тѣмъ и кончилось.

(Абрамъ Новопольцевъ).

38.

Кобель и жена.

Жили были мужъ съ женой; имѣли пчельникъ порядочный, и была у нихъ устроена келья. По пчельнику ходилъ на цѣпѣ превеликая собака-кобель. И повадился къ нимъ на пчельникъ лиходѣй и портилъ у нихъ пеньки. Нынче приѣдутъ — попорченный и завтра тоже. Семьи у нихъ не было, жили мужъ съ женой. И говоритъ онъ женѣ: «У насъ блудить кто-то. Пойдемъ-ка, почуемъ на пчельникѣ съ тобой». Собрались и поѣхали, лошадку въ конюшню заперли, сами легли спать. Является къ нимъ на пчельникъ человекъ молодой и подходитъ къ улью, открывать должею; хозяинъ смотритъ и говоритъ: «Хозяйка, я къ нему слѣзу». Слѣзъ хозяинъ къ плуту, который пчелъ гадить, взялъ его за воротъ и стали драться. Такъ стали крѣпко драться, что хозяинъ не сможетъ ладить; и совсѣмъ онъ его задушил. «Хозяйка, помоги!» «Кто кого осилить, къ тому и пойду». Хозяинъ говоритъ: «Э, каналья, хоть кобеля-то съ-цѣпи спусти!» Кобель шибко съ цѣпи рвется, не оторвется. Жалко ему хозяина, что его злодѣй обижаетъ. Вдругъ кобель крѣпко рванулся и цѣпь перешибъ, и прямо отбѣжалъ къ мошеннику, взялъ его за воротъ и стащилъ съ хозяина. Хватилъ его кобель за горло и удушил. Хозяинъ вытащилъ его изъ пчельника и бросилъ въ лѣсъ. Поѣхали мужъ съ женой домой. У него жена была съ чужой стороны взята. Пришла осень, у его жены отца сдѣлался престольный праздникъ, и поѣхали они къ тестю. Хозяинъ и кобеля съ собой взялъ. Приѣхали къ тестю въ гости; тестъ ему крѣпко радъ: гостей встрѣчать, лошадушку убралъ, а зятя съ дочкой къ себѣ

въ горницу забралъ и водочкой сталъ угощать. Теща про зятя пирогъ поставила, да и говорить: «Сядь да покушай, меня послушай!» Зятюшка сидитъ за столомъ винца выпивать, а еще пирожокъ не ломать. Взялъ вострый ножъ въ руки и разрѣзалъ пирожекъ пополамъ, понесъ кобелю. Самъ не закусилъ, перва кобелю пропустилъ. Теща матушка по горенкѣ погуливаетъ, косо на зятя поглядываетъ. Зять видитъ, что она на него осерѣла: ей полпирога жалко стало, что онъ собакѣ отдалъ. Теща подходитъ къ стареку. «А спроси-ка, говоритъ, старикъ, зятя свово, нашто онъ собакѣ пирогъ отнесъ; не для собаки пирогъ поставленъ и не для зятя, а для дитяти». Сталъ зять тестю говорить: «Что, батюшка тесть и матушка теща, что вы мнѣ не рады, али вамъ пирога жалко? Я у васъ половину пирога взялъ и собакѣ отдалъ. Это не собака, а другъ мой: онъ меня отъ смерти отвелъ». Тесть спрашиваетъ: «Скажи-ка мнѣ, какъ онъ тебя отъ смерти отвелъ?» «Вотъ, батюшка я тебѣ всю правду скажу, что у насъ съ хозяйкой случилось. У насъ поблудили на пчельникѣ, повадился злодѣй. Вотъ, батюшка и матушка, крѣпко мнѣ пчель жалко стало, я и говорю хозяйкѣ и вашей дочкѣ, что пойду этаго злодѣя пымаю. Слѣзъ къ злодѣю и сталъ съ нимъ крѣпко драться онъ меня осиливать. Я кричу: «Хозяйка, хозяйка! Помогни манѣнечко: смерть моя! А она, каналья, говоритъ: «Кто кого осплить, къ тому и пойду». Онъ меня чуть не задушилъ; я кричу: «Хозяйка, спусти хоть кобеля-то!» Она не помогла и кобеля не спустила. «Кобель рвался, рвался и съ цѣпи сорвался; прямо взялъ злодѣя за шиворотъ и стащилъ съ меня. Я тутъ его убилъ и со пчельника стащилъ. Вотъ за то я, батюшка, и полпирога кобелю отрѣзалъ». Тесть и говоритъ: «Это, зять, ничего».

Ночку погуляли, поутру рано вставали; хозяйинъ и говоритъ дочери (что приѣхала-то): «Ступай, дочка, истопи баню: мы съ зятемъ попаримся». Она истопила, пришла домой. «Батюшка, ступайте въ баню». Тесть зятю говоритъ: «Зять, ступай въ баню». «Нѣтъ, пойдемъ вмѣстѣ». «Вотъ тебѣ! У тебя жена есть». Тесть далъ зятю шолковъ поясъ. «На, зять, это для дочери гостинецъ. Ты дай ей память, чтобы она тебя не выдавала: обманни его въ щелокъ; дочь придетъ (жена твоя), ну за эту причину только два разъ-ударъ ее вдоль спины, а самъ домой иди». Зять собрался

въ баню и поясѣкъ взялъ. Отецъ замужней дочери говорить: «Ступай съ мужемъ въ баню-то». Она ничего не сказала, а сердце то, знаешь, болитъ. «Ступай ты, тятенька». «Я послѣ васъ, дочка, пойду». Молодица пошла въ баню, взошла, раздѣлась; добрый молодецъ взялъ въ руки шелковѣй поясѣцъ, обмакнулъ въ горячую воду и ударилъ ее вдоль спины два разъ, она и свалилась какъ разъ и топеръ въ банѣ безъ памяти лежитъ. Зять изъ бани пришелъ, а дочка изъ бани нѣтъ. Вотъ теща въ баню бѣжитъ, а дочка безъ памяти лежитъ. Тестъ съ зятемъ гуляли, водочку выпивали. Приходитъ теща изъ зеленой рощи. «Старикъ! Зять дочку убилъ, ее душу погубилъ!» Старикъ говоритъ: «Полно, баба, говорить, пустыя слова т вор и ть! Онъ ее не биялъ, онъ ей ума давалъ; они жить лучше стануть, да добра наживать, а худо то проживать».

(Абрамъ Новопольцевъ).

39.

Баринъ-кузнецъ.

Баринъ одинъ кузнецу позавидовалъ. «Живешь ты», говоритъ,— «живешь, еще когда-то урожай будетъ и денегъ дождешься, а кузнецъ молоткомъ постучить и—съ деньгами». Дай кузницу заведу». Завелъ кузницу; лакею велѣлъ мѣхъ раздувать. Стоитъ, ждетъ заказчиковъ. Ёдетъ мужикъ мимо, шины заказать хочетъ на всѣ четыре колеса (весь станъ). «Эй, мужикъ, стой! Заѣзжай сюда!» Тотъ подъѣхалъ. «Тебѣ что?» «Да вотъ, баринъ, шины надо на весь станъ». «Ладно, сейчасъ, подожди!» «А сколько будетъ стоить?» «Да полтора ста рублей надобъ взять, ну да чтобы народъ привадыть, сто всего возьму». «Ладно». Сталъ баринъ огонь разводить, лакей—въ мѣхъ дуть; взялъ желѣзо, давай его ковать, а ковать-то не умѣетъ. Все сжегъ. «Ну», говоритъ мужичокъ,— «не выйдетъ тебѣ не то что весь станокъ, а развѣ одинъ ш и н о к ъ». «Ну, ладно», говоритъ,— «шинѣкъ такъ шинѣкъ». Коваль, коваль баринъ и говоритъ: «Ну, мужичокъ, не выйдетъ и одинъ шинѣкъ, а выйдетъ

ли нѣтъ ли сошничекъ». «Ну ладно, говорить мужичокъ, хотъ сошничекъ». Постучалъ баринъ молоткомъ, еще желѣза испортилъ много и говорить: «Ну, мужичекъ, не выйдетъ и сошничекъ, а дай Богъ чтобы вышелъ кочедычекъ». «Ну хотъ кочедычекъ», говорить мужикъ. Только у барина и на кочедычекъ желѣза не хватило: все сжегъ. Поработалъ, поработалъ и говорить: «Ну, мужичекъ, не выйдетъ и кочедычекъ, а выйдетъ одинъ шикнетъ». (Когда желѣзо раскаленное въ воду опустить, такъ оно шикнетъ). «Ладно, говорить, мужикъ, сколько же вамъ?» «Да вѣдь я тебѣ, дуракъ, говорилъ что сто». «Со мной сейчасъ нѣтъ, я за деньгами пойду». И ушелъ. А баринъ и говорить лакею: «Ты, когда онъ придетъ съ деньгами то, стой да приговаривай: прибавъ, молъ, прибавъ!» «Хорошо», говорить. Вотъ мужикъ захватилъ дома плетъ, пришелъ въ кузницу и давай барина жарить, а лакей стоитъ да приговариваетъ: «Прибавъ еще! Прибавъ еще!» Отжарилъ и ушелъ. Баринъ накинулся на лакея: «Что ты, подлецъ? Я тебѣ приказывалъ, если онъ денегъ принесетъ, говорить это, а ты видишь, меня бьютъ, а орешь: «Прибавъ еще!» Приколотилъ баринъ лакея, кузницу разломалъ и не сталъ больше браться за кузнечное ремесло, да завидовать кузнецу.

(Записано въ Симбирскѣ).

40.

Спинка и брюшко.

Жилъ былъ баринъ. У него было два лакея, одинъ-то Спинка, а другой Брюшко. Вотъ у барина пропали перстень и унесли его слуги. Баринъ и говорить: «Вы, слуги, украли?» Они говорятъ: «Нѣтъ». Была на селѣ ворожейка; баринъ посылаетъ за ней, не узнать-ли, кто перстень взялъ. А она была его крестьянка. И говорить баринъ баушкѣ: «Погадай, кто укралъ перстень! Если отгадаешь, вотъ тебѣ сто рублей, а не узнаешь—сто плетей!» Баушкѣ нельзя не ворожить (баринъ вѣдь). «Пожалуйте мнѣ», говорить,— «баринъ, о т х ѡ ж у горницу: мнѣ при людяхъ ворожить

нельзя». Баринъ отвелъ ее въ особую комнату и приказалъ убить ворону и зажарить про нее. Если узнать что ворона, такъ узнать и перстень гдѣ, а не узнать, такъ сожреть. Ворону убили и зажарили, и въ особую комнату ее отправили. Ворону на столъ передъ ней поставили; баринъ стоитъ, подбивать, а она сидитъ, да поверху глядитъ и говорить: «Эхъ, говорить, залетѣла ворона въ барскіе хоромы!» Баринъ говоритъ повару: «Убери это кушанье (узнала!)». А она себя вороной называла, потому ей фамилія была Ворона. Сказала баушка барину: «Ступай, я буду гадать». А Спинка и Брюшко стоятъ у двери. Что будетъ баушка говорить? Баушка и говорить, пустыя слова творить: «Охо-хо-хо!» Ей баринъ то, знашь, посулилъ сто плетей. «Дѣлать нечего, видно надо, говорить, гадать. Что будетъ спинкѣ то и брюшку!» А дворовы-то люди у двери стояли, думаютъ, что про нихъ говорятъ. Они тихохонько дверь отворяли, ворожейку къ себѣ кричали и говорятъ: «Баушка, перстень-то вѣдь у насъ. Не сказывай барину на насъ! Мы сейчасъ его пырину отдадимъ; перстень пыринъ сглотнетъ. Ты скажи барину, что напрасно, молъ, клеплете Спинку и Брюшко, они перстень не знаютъ. Вы перстень потеряли; у васъ его пыринъ сглотнулъ,—зарѣжьте, молъ, его!» Такъ и сдѣлали. Зарѣзали пырина и перстень нашли. Баушка отгадала и перстень барину отдала. А ей хорошо гадать: они сами рассказали!

(Абрамъ Новопольцевъ).

41.

Баринъ и мужикъ.

Жилъ былъ мужикъ; имѣлъ у себя много овецъ. Зимнимъ временемъ большущая овца обьягчилась и взялъ онъ ее съ двора въ избу, съ ягненоккомъ. Приходитъ вечеръ; ѣдетъ баринъ, попросился къ нему ночевать. Подошелъ подъ окошко и спрашиваетъ: «Мужичекъ, пусти ночевать!» «А не будете ночью озоровать?» «Помилуй! Намъ бы только гдѣ темну ночью проспать». «Злѣзжай, баринъ!» Взлѣхалъ баринъ съ кучеромъ на дворъ. Кучеръ убирать лошадей, а баринъ въ домъ пошелъ. На баринѣ былъ

огромный волчій тулупъ. Взошелъ въ хату, Богу помолился, хозяевамъ поклонился; «Здорово живете, хозяинъ съ хозяйшкой!» «Добро жаловать, господинъ!» Сѣлъ баринъ на лавочку. Овца волчій тулупъ увидала и глядитъ на барина; сама глядитъ, а ногой-то топъ, и разъ, да и два, да и до трехъ. Баринъ говоритъ: «А что, мужичекъ, овца ногой топаеъ?» «Она думаетъ: ты волеъ; слышать волчій духъ. Она у меня волковъ ловить; вотъ нынѣшнюю зиму съ десятокъ пымала». Ахъ, дорого бы я за нее далъ! Не продажна ли она? Для дороги мнѣ она хороша». «Продажна, да дорога». «Эхъ, мужичекъ, да не дороже денегъ; у барина хватить». «Пожалуй, уважить можно». «А сколько она стоить?» «Пять сотъ рублей». «Помилуй, много! Возьми три сотенки». Ну, мужикъ согласился, продалъ. Баринъ ночь переночевалъ, на зорькѣ всталъ и въ путь собрался; хозяину три сотенки отдалъ и овечку взялъ, посадилъ въ санки и поѣхалъ. Ёдетъ. Идутъ встрѣчу три волка. Вотъ овца увидала волковъ, такъ и прыгаетъ на саняхъ, сама черезъ наклѣску снѣаетъ. Баринъ говоритъ кучеру: «Надо пускать: вишь она какъ раззадорилась!... Сейчасъ пымать». (А она боится). Кучеръ и говоритъ: «Постой немножечко, сударь, она раззадорится». Сверстались волки съ ними ровно. Баринъ выпустилъ овцу; овца испугалась волковъ, въ лѣсъ полетѣла, короткимъ хвостомъ завертѣла. Какъ волки за ней залились, только снѣгъ раздуваться, а кучеръ за ней собираются. Поколѣ лошадушку выпрягалъ, въ погонь за овцой скакалъ, волки овцу пымали и шкуру съ нея содрали, сами въ лѣсъ убѣжали. Кучеръ подскакалъ—овца на боку лежитъ, а ея шкура содрана лежитъ. Подъѣзжаетъ къ барину. Баринъ его спрашиваетъ: «Не видалъ ли чего?» «Ахъ, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкамъ не поддалась!» Мужичекъ три сотенки получилъ, сидитъ топерь барину сказочки рассказываетъ, а три сотенки въ карманѣ лежатъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

42.

Мужикъ и попъ.

Жилъ мужъ съ женой; мужъ старый, жена — молодѣ; она его и не любила никогда. Ёдетъ старикъ по дрова, беретъ топоръ да ружье; дрова порубливаетъ и птичку пострѣливаетъ. Сходится съ товарищами; они надъ нимъ смѣются, подсмѣиваются. «А вѣдь ты что думаешь, старикъ, вѣдь она вотъ этаго-то любитъ. Ты завтра поѣзжай-ка въ лѣсъ, она его въ гости зазоветъ и яичъ ему напечетъ». Мужъ запрѣгъ лошадку, поѣхалъ въ чисто поле гулять; заѣхалъ въ лѣсокъ дровъ порубить. Дрова онъ не рубилъ, самъ себя сгубилъ: зашурился (нарѣшно) да слѣпой поѣхалъ. Подѣхалъ ко двору и говоритъ: «Ужь ты женушка жена, жена, барыня моя, отвори-ка ворота! Я крѣпко ослѣпъ: не вижу себѣ слѣдъ». Жена выбѣжала, отворила, старика встрѣтила, лошадь выпрягла, мужа въ горницу ввела и посадила на печь. Угощала она своего друга, яички испекла. Коэкъ да коэкъ! А слѣпой-то старикъ увидалъ. Онъ слѣпой-то не слѣпой, онъ зашуривши сидитъ, съ нею рѣчи говорить: «Хо-зай-ка! Подай-ка на крѣку-то вонъ ружейцо-то». «Что ты съ нимъ, слѣпой, сдѣлаешь? Не трѣгъ, виситъ». «Дай, я хоть слѣпой-то погляжу, хоть ошупомъ-то посмотрю». Вотъ съ умомъ-то она не собралась, взяла ружье, на печку понесла, старику въ руки дала. Старикъ-отъ цопъ, цопъ въ мужика-то хлопъ, хлопъ! Друга-то и убилъ. Взялъ стволину-то, да и говоритъ: «Друга твоего убилъ и тебя сразу убью!» Молодица испугалась, старику на бѣлую грудь бросалась, со старикомъ цѣловалась. Вотъ и говоритъ старикъ ей: «Будетъ, брось, помолчи!» Взяли да и молчали, въ сарай мужика помчали. «Куды ты, мужъ, дѣнешь?» «Не твое дѣло!»

Пришла темная ночь, онъ взялъ да его и поволокъ. Приходитъ къ попову двору, къ широкимъ воротамъ. Поставилъ мужикъ мертвеца къ поповымъ воротамъ, а самъ подъ окно: «Батюшка священникъ, свѣтъ, пойдѣмъ ко мнѣ: у меня есть старый дѣдъ, исповѣдывать его надо». «Когда твой старый дѣдъ умретъ, такъ завтра скоронимъ». Полежалъ, да полежалъ отецъ духовный, попадъ и говоритъ: «У воротъ кто-то стоитъ». Попъ-то скоро со-

бирался, къ дѣдушѣ сражался. Вышелъ къ широкимъ воротамъ—стоитъ мужикъ. Попъ ворота отворилъ, а онъ ему въ ноги упалъ. Сталъ подымать, не подыметъ, на ноги не поставитъ, а онъ мертвый да убитый. Попъ-отъ испугался и назадъ убѣжалъ. Говорить попадѣ: «Бѣда! Мужикъ-то за мной приходилъ, звалъ меня съ собой, поклонился въ ноги да и умеръ. Куды намъ его дѣтъ? Надо убрать, въ солому завязать». Взяли его, въ солому завязали, а старикъ-то за уголкомъ стоитъ. Какъ попъ-то понесъ мертвеца, старикъ цопъ попа! «А, батюшка, ты такъ людей-то бьешь!» Попъ испугался, за живаго мужика хватался. «Не кричи, не кричи! Что угодно съ меня возьми!» И говоритъ старикъ: «А сколько, батяка, дашь? Я его приберу». Взялъ съ попа сто рублей и мужика въ воду убралъ, а съ деньгами въ кабачекъ гулять пошелъ и къ своей женѣ пришелъ. Она и спать да спать, онъ и пьяный напился и на печку забрался. Вотъ и сказочкѣ конецъ. Сказка вся и сказывать нельзя.

(Абрамъ Новопольцевъ).

43.

Попъ и дьяконъ.

Жилъ былъ попъ да дьяконъ. Приходъ бѣдный былъ: нѣ во что ни обуться, ни одѣться и въ голова положить нечего. Вотъ и придумали они, гдѣ бы на сапожники добиться. Дьяконъ говоритъ: «Дава-ка, попъ, я буду воровать, а ты будешь ворожить». Попъ и говоритъ: «Чего будешь воровать?» «Лошадей. Въ лѣсъ буду ихъ прятать; ты будешь деньги брать, про лошадей рассказывать». Вотъ дьяконъ пошелъ ношнымъ бытомъ, троечку спѣръ и въ оврагъ ихъ отпѣръ. «Ну, попъ, я троечку спѣръ и въ оврагъ отвелъ. Пришлю къ тебѣ мужиковъ, ты будешь гадать, по черной книгѣ читать, по сотнѣ рублей денегъ брать. Чуръ, деньги пополамъ!» Вотъ дьяконъ увидалъ мужиковъ, у которыхъ лошадь укралъ, и рассказалъ имъ все. «Идите къ попу: онъ вамъ про лошадей погадѣтъ». Мужики обрадовались, скорѣхонько къ

попу собирались. «Охъ, ты, батюшка, отецъ духовный, ты видишь свѣтъ; не знашь ли, гдѣ лошадей нашихъ слѣдъ?» «Ничего, друзья, не знаю, развѣ въ черну книгу погадаю — все узнаю. Придите на утро». Пришли они на утро, сказалъ попъ: «Ну, мужички, ваши лошади въ лѣсу; дорогу только я вамъ не скажу: дайте сотенку рублей!» «Сотенку дадимъ, только путь-дорогу разкажи, до коней насъ доведи». Мужики сотенку вынимали, а лш н о му попу въ руки давали. Сотенку попъ взялъ, про лошадей имъ разсказалъ. «Идите въ поле; лошади въ ровѣ стоятъ, аржану соломушку ѣдятъ». Мужики въ поле пошли и лошадушекъ нашли. Завтра праздникъ воскресенье, къ обѣденѣ донъ-донъ. Вотъ пришли добрые люди къ обѣденѣ, стали Богу молиться, Христу Спасу поклониться. Обѣденка отошла; дьяконъ листъ бумаги беретъ, нову проповѣдь читать. «А послушайте, міряне, что я вамъ буду читать! У насъ приходъ-отъ бѣ-ѣднй, кормиться намъ нѣ-чѣ-мъ; дьяконъ соби-рал-ся лошадей во-ро-вать, а попу-то велѣлъ во-ро-жить. Слышите ли, міряне? Не всѣ ли вы съ дырами? И спѣрь дьяконъ трой-ку ло-ша-де-ей, отвелъ въ о-врагъ, по-пу то ска-за-а-лъ; онъ въ черной книгѣ у-зна-а-лъ, а съ мужиковъ сотню рублей взя-лъ и про лошадей раз-ка-залъ»... А попъ-то и говорить: «Сказалъ, ду-р-а-акъ, ду-р-а-акъ дьяконъ, не во всѣхъ лю-ди бя-кай, знай ты да я! И обѣдня, братіе, вся-я!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

44.

Про Вятчанъ.

Жили были Вятчане, хлѣбали .... со щами и вздумали цереву скласть, Богу помолиться, русскому Спасу поклониться... Сдѣлали церкву какъ надо и стали плести колоколъ; сплели изъ лыкъ превеличающій колоколъ и втащили его на колокольню, подвѣсили какъ должно быть. Одного выбрали ловкаго позвонить. А что лышнй колоколъ значить? Языкъ привязали — дубовою палку и

говорятъ: «Вотъ это будетъ звонѣлка». Вотъ онъ залѣзъ да и ударилъ въ лышнѣй колоколъ; а у него голосъ щелыкъ-перелыкъ. Вятчанинъ и говоритъ: «Малъ колоколъ, онъ проситъ еще сто лыкъ». Сняли, да еще сто лыкъ наплели. Потащили на колокольную, онъ и не лѣзетъ. Сняли его, въ аржаную солому зарыли и огнемъ спалили. Старый сожгли, маненькій новый сплели, пепломъ помазали и съ маленькимъ колоколомъ всѣ на цереву лазаѣли. Зазвонили въ новый колоколъ. Вотъ онъ звоняетъ: «А щелыкъ-перелыкъ!» Еще не надо сто лыкъ. Вотъ Вятчане и говорятъ: «Хорошій колоколъ!»... Поѣхали въ поле, черну пашенку пахали, огромное поле засѣвали. Ну, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; озимное засѣвали, зимушку безъ работушки лежали. Весна матушка пришла, озимъ частая взошла; тепло лѣто пришло, аржаное поле въ ходъ пошло; матушка рожь уросла, время жать пришло. Ъхалъ русскій мужичокъ, нажалъ русскимъ серпомъ одинъ снопокъ, серпъ на него положилъ. (А Вятчане серпами рожь не жнутъ: шильями колютъ, по одной соломинкѣ). Вотъ они въ чистое поле пошли, во чистомъ полѣ, воржахъ русскій серпъ нашли и говорятъ: «Сто это? Цервякъ!» Сошлись и ну кричать: «А сто это, братцы, на насѣмъ поли за цервякъ проявился и рбсь насу погрызъ?» Одинъ былъ у нихъ изъ ловкихъ. «А постоитъ-ка, я возьму дубинѣ, да его сразу убью!» Взялъ дубинѣ, да его по черену то брякъ! (Думалъ, что червякъ, а нѣтъ это русскій серпъ). Онъ далеко вверхъ полетѣлъ и къ Вятчанину на шею сѣлъ, къ Ивану дурачку. Иванушка кричитъ: «Цервякъ сею грызетъ!» Вотъ одинъ изъ нихъ бѣжитъ, громкимъ голосомъ кричитъ: «А постоитъ-ка постоитъ, онъ его съѣстъ! Я тихохонько его сѣму». За черенъ схваталъ и вдругъ потащилъ, у Вятчанина шею отхватилъ. Они всѣ испугались, изъ поля убѣжали, своей ржи не жали, и говорятъ: «А бѣгите-ка въ Вятченскій городецъ, бейте въ лышнѣй колоколѣцъ! А сто это на насѣмъ поли за цервякъ проявился? Рбсь насу подѣдаетъ и людей подѣдаетъ: Ваньку съѣлъ!» Одинъ и говоритъ: «А портъ его знаетъ! Не знай онъ въ полѣ ты съ головой былъ, не знай нѣтъ. А идите къ баускѣ Догадаихѣ. Побѣжали къ баушкѣ Догадаихѣ. «А бауска Догадаиха, погадайка про Ваньку, сто онъ вецоръ съ головой былъ али безъ головы?» Баушка Догадаиха говоритъ: «А

вещоръ онъ у меня былъ, висель ѣлъ, бородой трясъ, а я головы не догадалась». «Ну вотъ сто, музыцѣй, давайте ка попа искать». Вотъ пошли двое путемъ-дорогой, попадается имъ мужичокъ; спрашиваютъ его Вятчане: «А куды музыцокъ, идёсь?» «Да вотъ, куды въ работники наняться». «А вотъ, наймись ка къ намъ въ попы». «Пожалуй». Они взяли и повели его въ свою Вятку. Эти были отъ общества ходокъ; собрали сходку и наняли его въ попы. Это было въ старинны года, тогда и работа была не дорога: за сто рублей въ годъ. Позвонили въ лишній колоколъ и сошлись всѣ къ обѣднѣ. Онъ сходилъ въ лѣсъ, набралъ березовыхъ книгъ, всталъ середь церкви и сказалъ: «Слушайте, Вятчане, буду вамъ читать!» «Цытай, бацка!» «А Вятчане дураки-и наняли мужика въ по-пы, сто рублей въ го-о-дъ! Онъ грамотѣ не умѣ-и-тъ, пошелъ въ лѣсъ, набралъ бе-ре-зо-выхъ ко-жу-у-рь! Ничего онъ не зна-а-тъ и вотъ то грамотникъ чи-та-а-тъ!.. Что, Вятчане, хорошо ли?» «Хоросо, хоросо, бацка!» Кланяются ему. «Ну, ступайте обѣдать!» И пошли всѣ обѣдать.

Идутъ дорогой и говорятъ: «Ай, бацка хороса! Опѣдню то польно скоро служытъ!» Шли, шли отъ обѣдни: «Айда-те, братцы, на кабакъ, съ радости выпьемъ! Бацка хоросъ попался!» Взошли въ кабакъ, подали цѣловальнику по гривнѣ. Онъ имъ налилъ по грошовому стакану. Вышли изъ кабаку, пошли домой обѣдать и говорятъ: «Тутъ то, прать, ты ничего не знаешь? Вѣдь цѣловальникъ испугался: мы ему отдали по гривенной, а онъ намъ далъ по grosовой».

(Абрамъ Новопольцевъ).

45.

Мордвинъ и заяцъ.

Одинъ Мордвинъ пошелъ на охоту и увидалъ зайца; увидалъ да и думаетъ: «Вотъ я этого зайца убью, продамъ, на вырученны деньги землю куплю, домъ выстрою, крестьянъ заведу, бурмистра; выйду на крыльцо и крикну: «Староста!» Только онъ это крикнулъ,

заяцъ и убѣжалъ. Не стало ни зайца, ни земли, ни дома, ни бурмистра—остался одинъ мордвинъ. «Эхъ», говорить,—«кабы зналъ, лучше бы я въ него выпалилъ!» И пошелъ Мордвинъ домой съ пустыми руками.

(Записано въ Симбирскѣ).

46.

О НѢМЦѢ.

Жилъ-былъ Нѣмецъ, по пятницамъ скоромно ѣлъ. Въ городѣ базаръ былъ въ пятницу; на базаръ говядины никто не вывезъ. Нѣмецъ посылаетъ кучера. «Кутчеръ, ступай на базаръ, купи молока и говядины!» Кучеръ пошелъ на базаръ; молока, говядины не нашелъ—приходить къ Нѣмцу, ничего не приносить. Нѣмецъ спрашиваетъ: «Кутчеръ, што принесъ говядины и молока?» «Нѣту, сударь». «А што не купилъ?» «Нынче пятница: не продають». «Какой шутъ пятница? Што за пятница?» «Пятница-съ». «Какая она?» Кучеръ былъ ловкій и шутливый. «Тамъ пятница», говорить,—«на базарѣ». «Поди полошь лошадей въ оглобли, поѣдемъ на базаръ: я ей тамъ пятницу!» Кучеръ вывелъ лошадей изъ конюшни, связалъ всѣ четыре ноги и положилъ лошадей въ оглобли. Лошади лежатъ связана въ оглобляхъ. Нѣмецъ идетъ, глядитъ. «Што ты, туракъ, тѣлашь?» «Вѣдь вы велѣли, сударь, въ оглобли положить; я положилъ, она лежитъ». «Туракъ! Я баня солошить, на верхъ кривой палека положить». Кучеръ заложилъ, сѣли и поѣхали на базаръ. И спрашиваетъ Нѣмецъ: «Кдѣ пятница?» А по базару мужикъ медвѣдя ведетъ. «Вонъ, сударь, Пятница-то идетъ!» Нѣмецъ соскочилъ съ дрожекъ, подошелъ къ Пятницѣ и хлестъ ее по уху. «Вотъ, плять, Пятница! Что не таѣшь молоко да говядины?» Вотъ медвѣдь вцѣнился его ломать; всего изломалъ, чуть живого пустилъ. Нѣмецъ кричитъ: «Кутчеръ, отыми пошалуста! Сломала всего!» Кучеръ отнялъ, поѣхали домой. Летитъ встрѣчу имъ черный жукъ и реветъ: «У-у-у!» Нѣмецъ увидалъ жука. «Это, кутчеръ, што?» «Жучка», говорить,—«той Пятницѣ-то и жука». Нѣ-

мецъ слѣзъ съ д р ѳ ж к о в ѣ, да и кланяется ей, всталъ на колѣн-ки. «Сказы баушѣ поклонъ! Не буду въ пятницу ѣсть молоко». На силу стоитъ: медвѣдь всего исковеркалъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

47.

Дошлый баринъ.

Ѣхалъ разъ дорогой съ кучеромъ п о м ѣ щ и к ѣ, а помѣщикъ то изъ дошлыхъ былъ; и увидалъ на дорогѣ змѣю, взялъ ее, велѣлъ въ котелъ воды налить, развести огонь и кинулъ змѣю въ воду. Сварилъ изъ нея первую уху, вылилъ кипятокъ на траву—вся трава словно выгорѣла. Во второй разъ сварилъ и опять вылилъ—трава поблекла; сварилъ въ третій разъ и оставилъ простыть, а кучеру наказалъ не трогать. Только кучеръ и думаетъ: «Что это баринъ заказалъ ее трогать? Дай попробую!» Хлебнулъ ложки три и испугался: слышитъ кругомъ него всѣ травы заговорили, и цвѣты, и деревья; каждая трава о своемъ л о п о ч е т ѣ. «Что за диковина?» Поѣхали лѣсомъ, только онъ это слушаетъ, а такъ маленькая травка стоитъ на опушкѣ, кланяется да и говорить: «А я отъ ки-и-лы, а я отъ ки-и-лы!» Ему смѣшно показалось, онъ и засмѣялся. Помѣщикъ спрашиваетъ: «Ты уху ѣлъ?» «Нѣтъ-съ». «Чего жъ ты смѣешься?» «Да такъ-съ». «Ну, а не помнишь ли, какъ эту траву зовутъ, воѣтъ помынь словно?» «Чернобыльникъ, сударь». Какъ сказалъ: «чернобыльникъ», такъ точно все рукой сняло: опять въ лѣсу тихо и ни деревья, ни трава не говорятъ.

(Отъ Полуэктова, въ Симбирскѣ).

48.

Баринъ, пѣтухъ и жорновы.

Жилъ-былъ старикъ со старухой; у нихъ былъ кочетокъ, золотой гребешокъ. Рылся онъ на заваленкѣ и вырылъ жорновы; кричить: «Дѣдушка, дѣдушка! Я вырылъ жорновы!» Старикъ выбѣжалъ, обрадовался, захватилъ и въ избу потащилъ. Стали молоть. Вхалъ проѣзжающій баринъ, попросился къ нимъ ночевать и увидалъ эти жорновы. «Продайте мнѣ ихъ!» Старикъ не продаетъ. Вотъ они легли спать, по утру ищутъ жернововъ, нѣту жернововъ. Кочетокъ и говоритъ: «Дѣдушка, я пойду жорновы искать». — «Ступай». И пошелъ кочетокъ искать жорновы. Идетъ путемъ-дорогой, на встрѣчу лиса. «Пѣтушокъ, пѣтушокъ, куды идешь?» «Къ барину за жерновами». «Возьми меня!» «Полѣзай въ ж..., пойдемъ!». Лиса ширеъ пѣтуху въ ж.... Пошли дальше. Попадается волкъ. «Пѣтушокъ, пѣтушокъ, куды идешь?» «Къ барину за жерновами». «Возьми меня!» «Полѣзай въ ж..., пойдемъ!». И этого туды же. Пошли дальше. Идетъ медвѣдь. «Пѣтушокъ, пѣтушокъ куды идешь?» «Къ барину, за жерновами». «Возьми меня!» «Полѣзай въ ж..., пойдемъ!» И этого туды же; троихъ спраталъ. Дошолъ до барскаго двора, вскочилъ на ворота. «Кувареку, баринъ! Подай мои жорновы!» Баринъ услыхалъ, увидалъ пѣтуха въ окошко. «Слуга, поймай его, посадь въ гусиный хлѣвъ: они его тамъ зацѣплютъ». Бросили его къ гусямъ. Онъ и говоритъ: «Лиса, полѣзай изъ ж..., души гусей!» Лиса гусятинки на лупилась и убѣжала. Онъ опять на ворота сѣлъ. «Кувареку, баринъ! Подай мои жорновы!» «Слуга», говоритъ баринъ, — «брось его къ коровамъ да къ быкамъ: они его замнутъ». Бросили его къ коровамъ. «Ну-ка, сѣрый волкъ, полѣзай-ка, учи ихъ!» Сѣрый волкъ вылѣзъ изъ ж..., всѣхъ покололъ. Пѣтухъ опять на ворота. «Кувареку, баринъ! Подай мои жорновы!» «Слуга, поймай, брось его къ конямъ!» Бросили пѣтуха къ конямъ. «Ну-ка, Мишка, поди поломай шишки!» Мишка вылѣзъ изъ ж..., всѣхъ коней поломалъ и въ лѣсъ ушелъ. Пѣтухъ-опять на ворота. «Баринъ, баринъ, подай мои жорновы!». Баринъ говоритъ слугѣ: «Поймай его опять!» Слуга поймалъ и спрашивать: «Куды его дѣвать? Онъ разорилъ насъ въ разоръ, всю скотину

перевелъ». «Брось его въ колодець!» Бросили его въ колодець, пѣтушокъ и говоритъ: «Пей, ж . . . , воду! Пей, ж . . . , воду!» Выпила всю, и колодець весь вышелъ. Самъ опять сѣлъ на ворота, кричитъ: «Баринъ, баринъ, подай мои жѣрновы!» Баринъ говоритъ: «Ахъ, ты такой сякой! Что это за пѣтухъ?! Куды его дѣтъ?» Пымалъ пѣтуха слуга и загорись у мужика овинъ. «Слуга, брось его въ огонь!» Слуга бросилъ. Пѣтухъ сидитъ на жердочкѣ да и говоритъ: «Заливай, ж . . . , огонь!» Весь овинъ ж . . . . залилъ, самъ на ворота сѣлъ, еще шибче закричалъ: «Баринъ, баринъ, кукареку! Подай мои жѣрновы!» Баринъ говоритъ: «Кучеръ, поймай да заколи его!» Кучеръ поймалъ и голову отрубилъ. Баринъ оцципалъ и зажарилъ пѣтуха, и сѣлъ, а самъ с . . . . захотѣлъ. Сидитъ, с . . . . , а пѣтухъ голову то оттоль высунулъ: «Кукареку, баринъ, отдай мои жѣрновы!» Баринъ испугался, кричитъ кучера: «Поди сюда! Пѣтухъ въ ж . . . кричитъ! Я присяду, а ты возьми саблю, сруби ему голову». Кучеръ хотѣлъ пѣтуха по головѣ, да барина по ж . . . и разсѣкъ по поламъ. «Ахъ кучеръ . . . , да и съ жерновамъ! Отдай ему!» Отдали пѣтуху жѣрновы и понесъ онъ ихъ домой. Къ дѣдушкѣ приходитъ, жѣрновы приносить. «На-ка тебѣ», говоритъ,—«дѣдушка, жѣрновы!» И опять стали молоть, и топерь мелютъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

49.

Пѣтухъ и бобокъ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой; пѣтушокъ у нихъ на заваленкѣ рылся и вырылъ бобокъ; хотѣлъ сглонуть и подавился. Подавился и растаянулъ, лежитъ, не дышитъ. Хозяюшка къ нему бѣжить, спрашиваетъ: «Что ты, пѣтухъ, лежишь, не дышишь?» «Бобкомъ», говоритъ,—«подавился». «Поди къ коровѣ, попроси масла». Пошла она къ коровѣ. «Корова, дай мнѣ масла! Кочетъ лежитъ, не дышитъ, бобкомъ подавился». Корова говоритъ: «Поди къ косцамъ, попроси сѣна». Приходитъ она къ косцамъ. «Косцы, дайте мнѣ сѣна! Сѣна—коровѣ, корова дастъ

масла, масло—кочету, кочеть лежитъ, не дышитъ, бобкомъ подавился». Косцы ей говорятъ: «Ступай къ п е ч е ъ, попроси калачей». Приходитъ хозяйшка къ печеѣ. «Печea, печea! Дай мнѣ п е р ѣ п е ч у калачей! Калачи—косцамъ; косцы дадутъ сѣна; сѣно—коровѣ, корова дастъ масла; масло—кочету, кочеть лежитъ не дышитъ, бобкомъ подавился». Печea посылаетъ ее къ дровосѣкамъ—дровъ попросить. Приходитъ хозяйшка къ дровосѣкамъ: «Дровосѣки, дайте дровъ! Дрова—печеѣ; печea дастъ калачей; калачи—косцамъ; косцы дадутъ сѣно; сѣно—коровѣ; корова дастъ масла; масло—кочету; кочеть лежитъ не дышитъ, бобкомъ подавился». Дровосѣки посылаютъ ее къ кузнецу попросить топоровъ: имъ дрова не чѣмъ рубить. Пошла хозяйшка къ кузнецу. «Кузнецъ, дай мнѣ топора! Топоръ—дровосѣкамъ; дровосѣки дадутъ дровъ; дрова—печеѣ; печea дастъ калачей; калачи—косцамъ; косцы дадутъ сѣна; сѣно—коровѣ; корова дастъ масла; масло—кочету, кочеть лежитъ, не дышитъ, бобкомъ подавился». «У меня», говоритъ кузнецъ,—«нѣтъ, а новый нечѣмъ сдѣлать: углей нѣтъ. Ступай въ лѣсъ, нарубь сосновыхъ дровъ и нажги углѣвъ». Хозяйка съѣздила въ лѣсъ и привезла дровъ, и нажгла углѣвъ. Понесла угли кузнецу. Кузнецъ далъ топоръ; пошла къ дровосѣкамъ—дровосѣки дали дровъ; дрова понесла печеѣ—печea дала калачей; калачи понесла косцамъ—косцы дали сѣна; сѣно понесла коровѣ—корова дала масла; масло понесла кочету—кочеть сглотнулъ и бобокъ проглотилъ, и громко запѣлъ: «Кукурику! На заваленѣхъ сижу, лапотки плету, кочедыкъ потерялъ, денежку нашелъ, дѣвушку купилъ, платочекъ ей подарилъ!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

50.

Курочка Татарушка.

Жили старикъ да старушка; была у нихъ курочка Татарушка. Снесла она яичко чернѣ, пестро п б а г р ѣ в с т о; положили они его въ клѣти на полку, на праменьку на соломку. Кошечка прыгнула,

хвостикомъ махнула, полочку тряхнула, яичко расчибла. Старикъ-отъ заплакалъ, старуха зарюмила; избу затопили, двери растворили, жорновы замололи. Идетъ баба по воду и говоритъ дѣдушкѣ: «Что, дѣдушка, плачешь?» «Не знашь, доченька, мово горя великаго?» «Какое у тебя горе?» «У меня была едина курочка Татарушечка, снесла одно мнѣ яичко черно, пестро и багровисто; кошечка прыгнула, хвостикомъ махнула, полочку тряхнула, яичко расчибла; я то заплакалъ, старуха зарюмила, избу затопили, двери растворили, жорновы замололи».

Начала баба съ печали ведра колоть. Приходитъ дьячекъ, спрашиваетъ: «Что ты, дѣдушка, плачешь?» «Ты не знашь мово горя великаго?» «Какое твое горе великое?» «Вотъ вѣдь была у меня едина курочка Татарушечка, снесла яичко черно, пестро и багровисто; кошечка прыгнула, хвостикомъ махнула, полочку тряхнула, яичко расчибла; я то заплакалъ, старуха зарюмила, избу затопили, двери растворили, жорновы замололи, баба шла за водой, стала ведра колоть».. Дьячекъ побѣждалъ и началъ съ печали дѣдушкиной колоколы бить. Бѣжить дьяконъ. «Что ты, дуракъ, дѣлашь, колоколы бьешь?» Дьячекъ говоритъ: «Ты не знашь нашего горя великаго: вотъ тутъ у дѣдушки была едина курочка Татарушечка, снесла она яичко черно, пестро и багровисто; кошечка прыгнула, хвостикомъ махнула, полочку тряхнула, яичко расчибла; старикъ-отъ заплакалъ, старуха-то зарюмила, избу затопили, двери растворили, жорновы замололи; баба шла за водой, стала ведра колоть, а я колоколы бью!» А дьяконъ говоритъ: «Я съ горя дѣдушкина всѣ книги изорву!»

Идетъ попъ, подходитъ къ дьячку: «Что, дьячекъ, дѣлашь?» «Ты, батюшка, не бай, не говори,—ты не знашь нашего горя великаго. У дѣдушки была едина курочка Татарушечка, снесла она яйцо черно, пестро и багровисто; кошечка прыгнула, хвостикомъ махнула, полочку тряхнула, яичко расчибла; старикъ-отъ заплакалъ, старуха зарюмила, избу затопили, двери растворили, жорновы замололи; баба шла за водой, стала ведра колоть, а колоколы бью, а отецъ дьяконъ книги рветъ!»

Началъ попъ ихъ лупить, сколько влѣзетъ, дьячка-то дубиной, дьякона-то вязиной. Попъ былъ разумной, и сказкѣ конецъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

51.

БЫКЪ, БАРАНЪ, ГУСЬ, ПѢТУХЪ И ВОЛКЪ.

Жилъ былъ старикъ со старухой, и у нихъ былъ быкъ, былъ баранъ, гусь и пѣтухъ. Пришла холодная зима, такъ крѣпко заморозило: всѣмъ имъ подъ сараемъ лежать холодно. Вотъ быкъ пошелъ къ барану. «Баранъ, баранъ, айда избу рубить!» «Да, пойду я избу рубить? Я лучше у хозяина подъ сараемъ пролежу». Пошелъ быкъ къ гусю. «Гусь, пойдемъ избу рубить!» Нѣтъ, не пойду; я лучше у хозяина на одной ногѣ подъ сараемъ простою». Пошелъ быкъ къ пѣтуху. «Пѣтухъ, пѣтухъ! Айда избу рубить!» «Нѣтъ, я лучше у хозяина на нашестѣ просижу». Звалъ, звалъ быкъ—никто нейдетъ, и пошелъ, и срубилъ избу одинъ, на волчьей тропѣ, и печку склалъ. Затопилъ, полѣживать передъ печкой, погрѣвается. На утро еще сильнѣе морозъ. Барана морозъ такъ пробралъ, побѣжалъ онъ въ лѣсъ, къ быку, побѣжалъ къ избѣ. «Бя! Бя! Быкъ! Быкъ! Пусти меня въ избу!» «Я тебя звалъ, ты хотѣлъ у хозяина на соломѣ пролежать». «Осерчаю, говоритъ баранъ, всѣ углы распыряю!» Быкъ подумалъ, подумалъ: «Безъ угловъ изба будетъ холодна... Ну, иди!» Баранъ вбѣжалъ, передъ печкой на лавочку легъ. Малость погода, гусь летитъ. «Гагакъ! Гагакъ! Быкъ, пусти меня въ избу!» «Я тебя звалъ, ты хотѣлъ у хозяина на одной ногѣ стоять—тамъ и стой!» «Моихъ весь изъ стѣнъ вытереблю!» «Ну, иди и ты». Гусь прямо на сѣдну лавочку въ чуланъ; посиживаетъ. Летитъ пѣтухъ. «Кукурику, быкъ! Пусти меня въ избу!» «Я тебя звалъ—ты хотѣлъ у хозяина на наше-стахъ просидѣть... Тамъ и сиди!» «Если не пустишь—съ на-стойки землю всю срю!» «Ну, ступай!» Пѣтухъ влетѣлъ, прямо на брусъ; сидитъ на брусѣ.

Идутъ волки, остановились и испугались. Чтò на ихней тропѣ за изба? Кто въ ней живетъ—не знай. Стали ковытѣться кому въ нее идти; досталось самому старѣющему волку. Волкъ взошелъ, всталъ у порожку. Вотъ быкъ какъ вскочилъ, свосился, да рогами то его къ стѣнѣ то и приперъ; а баранъ разбѣжится, да бацъ, да бацъ его по бокамъ-то; а гусь-то его все щипкомъ да за задъ, весь задъ ему въ кровь изорвалъ; а пѣтухъ бѣгать по

брусу да и кричить: «А вотъ какъ да кудакъ, да подайте сюда! Здѣсь у меня ножщи, здѣсь у меня и ужищи, здѣсь я его зарѣжу, здѣсь я его подвѣшу!»

Вотъ волкъ кое-какъ вырвался и—айда бѣжать къ своимъ товарищамъ. Къ нимъ подбѣжалъ, еще дальше убѣжалъ. Они кричатъ: «Братъ, братъ! Пстой, пстой!» А онъ бѣжитъ, кровью д.....: съ испугу его больно пронесло. Остановился волкъ и сталъ имъ разсказывать что съ нимъ было: «Вошелъ я въ избенку, всталъ я у порожку, вскочилъ мужичище, въ черныи чепанищѣ да меня ухватомъ-то къ стѣнѣ-ти и приперъ, а поменѣ того мужичишка, въ сѣренькомъ чепанишкѣ, да все меня обухомъ-то, да по бокамъ то! А еще поменѣ того, въ бѣленькомъ камзѣ-лишкѣ, все меня щипцами да за .... то, а еще поменѣ того, въ красненькомъ халатишкѣ, бѣгаетъ по брусу да и кричить: «А вотъ какъ да кудакъ, да подайте сюда! Здѣсь у меня ножщи, здѣсь у меня и ужищи, здѣсь я его зарѣжу, здѣсь я его подвѣшу!» Кабы они меня ему подали—онъ зарѣзалъ бы меня тамъ и повѣсилъ!»

Бросили волки эту сѣкму и не стали тутъ ходить; а тѣ жить въ избѣ остались.

(Абрамъ Новопольцевъ).

52.

Лиса и Кутафей Иванычъ.

Жила была лиса, при бесѣдѣ краса. Такая была при бесѣдѣ красота, ходила въ деревню и обгадила ворота; пошла по гуменью гулять, Кутафея Иваныча поискать. Кутафей Иванычъ идетъ, на плечахъ саблю несетъ, хочетъ лисыньку срубить, ея душу погубить. Лиса его въ гости позвала, Кутафеемъ назвала. «Ба-ба-ба! Кутафей Иванычъ! Пойдемъ ко мнѣ, мѣже, не будешь мнѣ голову рубить». «Пойдемъ, пойдемъ, Лиса! (грубо таково говорить). Ты, лисица, ты недавно, лисья красота, обгадила ворота». Охъ, куманекъ, Кутафей Иванычъ, вы полноте меня

стыдить: я честная лисица, хорошаго отца красная дѣвица. Я по лѣсу гуляла, бѣлыхъ зайчиковъ ловила, Кутафей Иваныча въ гости зывала. Пострыпать хочу, Кутафей Иванычъ! Да пожалуйте, баринъ, въ гости». «Завтра при-и-ду!»

Лиса въ лѣсъ побѣжала, нашла косаго зайца. «Песъ! Косой заяцъ! Кутафей Иванычъ завтра въ гости придетъ ко мнѣ, палачомъ тебѣ голову снесетъ! Приходите его глядѣть». «Приду лисица, красна дѣвица» (тонкимъ голоскомъ говорить). Побѣжала къ волку. «Красноглазый песъ, сѣрый волкъ! Не знаешь мово горя?» «Что у тебя, подруга, за горе?» «Кутафей Иванычъ въ гости идетъ, чѣмъ его подчивать? Поди, тащи, волкъ, овцу!» Волкъ пошелъ, овцу поймалъ, къ лисей норѣ принесъ. «На, подруга, жарь!» Лиса захватила, въ нору потащила; зажарила—побѣжала къ медвѣдю. «Мишка, толстопятый песъ, что лежишь?» «Ты что, кума? (басомъ). «Кутафей Иванычъ въ гости идетъ! Подчивать нечѣмъ. Поди теленка достань!» «Я пойду принесу; да дѣ мнѣ его поглядѣть то?» «Приходи къ моей норѣ: онъ у меня будетъ на дворѣ, а теленка не принесешь—палачомъ голову снесетъ!» Медвѣдь теленка къ лисей норѣ принесъ. На утро лиса исправила Кутафей Иванычу обѣдъ и сказала волку: «Ты, волкъ, лѣзь на березу, а ты, медвѣдь,—на сосну; а ты, косой заяцъ,—подъ корягу». Имъ мѣста развела и Кутафей Иванычу страпни припасла. Пошла на гумно за Кутафей Иванычемъ и нашла его тамъ. «Ба-ба-ба, Кутафей Иванычъ! Пойдемъ ко мнѣ въ гости». «Пойдемъ, лисица!» Пошли. Привела лиса его къ норѣ, а волкъ на березѣ сидитъ, а медвѣдь на соснѣ, и крѣпко спитъ. Сидитъ на соснѣ и видится ему во снѣ: Кутафей Иванычъ идетъ, палачомъ голову снесетъ. Кутафей Иванычъ пришелъ, лиса его угощать стала: вытащила ему овцу, положила подъ березу; вытащила теленка, положила подъ сосну и повела: «Кутафей Иванычъ, поку—шайте!» Кутафей Иванычъ зачалъ у мнѣ овцу, а лиса стала волку кричать: «Слушай, волкъ, что Кутафей Иванычъ будетъ говорить!» (А вѣдь кошка все: «мау, мау!», а волкъ думаетъ: мало, мало!) Кутафей Иванычъ овечку поѣлъ и теленка захотѣлъ. Теленка ѣстъ да муриычетъ: «Мау, мау!» А медвѣдь слушать. «Мало», думаетъ,—«принесъ». А косой заяцъ подъ корягой лежитъ и хочется ему поглядѣть, какой у него палачъ.

(А это у него хвостъ). Вотъ онъ, значить, подъ корягой лежитъ, скурѣжился, и хочется ему поглядѣть сколько онъ великъ; поворотился, прутья зашевелились, а Кутафей Иванычъ думалъ мышъ, да лапами подъ корягу тыкъ, а заяцъ изъ-подъ коряги-ти прыгъ! Кутафей Иванычъ зайца испугался, да на березу, а волеѣ-то думалъ, что онъ его идетъ ѣсть, съ березы-то прыгнулъ да убился. Кутафей Иванычъ съ березы-ти да на сосну, а медвѣдь съ нея прыгнулъ и голову сломилъ. Которы подошли, а прочи разбѣжались. Сказкѣ—конецъ; ее сказалъ молодецъ.

(Абрамъ Новополецъ).

53.

Лиса и соловей.

Жилъ былъ старикъ со старухой, у нихъ не было лошади—одинъ котъ. Вотъ у нихъ дровъ и не стало. Старуха говоритъ: «Старикъ, дровъ нѣтъ». «Какъ же быть?» «Какъ быть,—впряги кота въ рѣшето да и поѣзжай». Старикъ запрѣгъ кота въ рѣшето и поѣхалъ по дрова. Ъхалъ, ѣхалъ лѣсомъ, попадается ему заяцъ. «Дѣдушка, а дѣдушка! Куда ѣдешь?» «Въ лѣсъ». «Зачѣмъ?» «По дрова». «Посади и меня!» «Куда я тебя посажу? Лошаденки у меня маненько, тележонки тѣсненько». «Я, говорить, хотъ въ уголокъ». «Ну, садись!» Посадили, поѣхали. Ъхали, ѣхали, попадается лиса. «Дѣдушка, дѣдушка, куда ѣдешь?» «Въ лѣсъ по дрова». «Посади и меня!» «Куда я тебя посажу? У меня лошаденки маненько, тележонки тѣсненько, да еще», говорить,—«заяцъ вонъ тутъ прижался». «А хотъ», говорить,—«возлѣ него». «Ну, садись!» Опять ѣхали, ѣхали; попадается волкъ. «Дѣдушка, дѣдушка, куда ѣдешь?» «Въ лѣсъ по дрова». «Посади и меня!» «Куда я тебя дѣну? У меня лошаденки маненько, тележонки тѣсненько, да вотъ заяцъ съ лисой». «Я, хотъ», говорить,—«возлѣ кумы-то». «Ну, садись!» Поѣхали. Ъхали лѣсомъ, попадается медвѣдь. «Дѣдушка, дѣдушка, посади меня!»

«Куда я тебя посажу? Ты видишь у меня тележонка полна». «Я хоть», говорить,—«на копѣль ж....» «Ну, садись!» Поѣхали. Только волкъ съ медвѣдемъ и переговариваются: «Тамъ», говорятъ,—«въ лѣсу у насъ есть сходбище». Испугался старикъ, заприимѣтилъ яму и шепнулъ хоту въ ухо: «Ты»,—говорить, «черезъ эту яму махни, рѣшето въ яму то и упадетъ—они и вылетятъ». Ну, котъ везъ, везъ, черезъ яму махнулъ—они всѣ четверо остались въ ямѣ. День сидятъ и два сидятъ—жрать нечего. Сидѣли, сидѣли, да и говорятъ: «Давайте голосомъ тянуть; кто не дотянетъ того разорвемъ». «Ладно». Стали тянуть; тянули, тянули—заяцъ и не дотянулъ, и давай они его полыскать; разорвали, а лиса косточки подъ себя. Вотъ опять проголодались они, опять говорятъ: «Давайте голосомъ тянуть, кто не дотянетъ того разорвемъ. Тянули, тянули—волкъ и не дотянулъ. Разорвали волка. А лиса косточки все подъ себя собираетъ. Ну, малость погода, опять голодны сидятъ. Лиса грызетъ сидитъ косточки изъ подъ себя, а медвѣдь и спрашиваетъ: «Кума, а кума! Чего ты грызешь?» «Глазъ себѣ, куманекъ, выпарапнула да хрѹпаю». Медвѣдь царапъ себѣ одинъ глазъ. «Кума», говорить,—«больно!» «Ну, кумъ, больно—дѣло невольно: ѣсть хочется». Вотъ лиса сидитъ, да грызетъ косточки, а медвѣдь опять спрашиваетъ: «Кума, а кума! Чего ты хрѹпашь?» «Да вотъ, куманекъ, другой глазъ выпарапала, хрѹпаю». Медвѣдь и остальнѣй глазъ себѣ вырвалъ. Лиса опять сидитъ, косточки изъ-подъ себя таскаетъ, да грызетъ. Медвѣдь слышитъ и спрашиваетъ: «Кума, чего ты это все хрѹпашь?» «Брюшко, куманекъ, распорала, да кишечки таскаю». Медвѣдь, съ голоду, царапъ себѣ брюхо и тутъ же подохъ. Лиса и давай его ѣсть. Ъла, ѡла, только летять надъ ямой соловей, вить гнѣздо на березѣ хочетъ. Лиса и кричитъ ему: «Эй, соловей! Гнѣздо не вѣй: разорю!» (А чего разорю—въ ямѣ сидитъ, вылѣзть не можетъ) «Ты вытащи», говорить,—«меня, напой, накорми, да и а д с м ѣ ш к у насмѣши, да летать выучи!» Соловей согласился: натаскалъ въ яму дразгу, вытащилъ лису. «Ну, накорми меня, соловей!» Вотъ и ѣдетъ баба съ пирогами и съ пивомъ, на помочъ везетъ. Соловей сѣлъ на дугу и распѣваетъ. Баба увидала, хотѣла убить и лунула въ соловья палкой; въ него то не попала, а угодила въ дугу. Дуга то вылетѣла, лошадь и убѣжала: выпрыглась. Баба пошла за ло-

пшадью. Лиса пироги повытаскала, пиво пустила на дорогу, напилась, наѣлась. «Ну, теперь пойдѣмъ», говоритъ соловью, — «надсмѣшку насмѣши!» Соловей полетѣлъ на гумно, а лиса за нимъ побѣжала. На гумнѣ молотятъ три сына: двое то умныхъ, а третій дуракъ, а отецъ у нихъ лысый. Вотъ соловей-то и сѣлъ ему на лисину. Дуракъ увидалъ и говоритъ: «Батюшка, батюшка, постой, я соловья убью!» Размахнулся цѣпомъ, да полбу отца-то. Отца убилъ, а соловей улетѣлъ. Лиса видѣла—разсмѣялась. «Ну», говоритъ, — «теперь летать меня выучи!» Взялъ соловей лису подъ крыло и взвился съ ней. Высоко взлетѣлъ и спрашиваетъ: «Ладно что ли?» Она и говоритъ: «Нѣтъ, выше, выше!» Онъ взвился еще выше. «Ладно что ли?» «Еще выше!» «Ну теперь ладно?» «Ладно. Пускай!» Онъ лису-то и пустилъ. Лиса летитъ, да и говоритъ: «Дай Богъ на стогъ! Дай Богъ на стогъ!» Упала какъ разъ на пенёкъ, да и убилась.

(Абрамъ Новопольцевъ):

54.

Лиса и журавль.

Жила была лиса. Вотъ пришла осень, журынька облинялъ и нечѣмъ ему летать; пришлось зимовать. Захватила его холодная зима, и померзаетъ. Увидала его лисынька и говоритъ: «Ахъ, журынька, мерзнешь!» «Мерзну, лисынька». «Пойдемъ ко мнѣ въ нору, прокормлю я тебя всю зиму, только выучи меня весной летать». «Выучу, лисынька». Журынька отправился въ нору и жилъ всю зиму. Пришла красная весна, начали мужички въ полѣ пахать, а лисынька зоветъ журыньку по дикой степи летать. И говоритъ журынька: «Холодно, лисынька!» Весна стала теплая, ерѣпко поправился журынька. Лиса и говоритъ: «А не пора ли намъ съ тобой, журынька, полетать?» «Пора, лисынька. Ну-ка, айда-ка, садись на меня!» Сѣла лиса на журавля; тотъ высоко возвился и говоритъ: «Что, лисынька, не будетъ ли?» «Нѣту, журынька, мало; а вотъ еще то, говоритъ, до черненькой-то туч-

ки, и тутъ будемъ мы въ кучкѣ». И добрался журынька до черной тучки и сказалъ лисынькѣ: «Да будетъ?» «Ну будетъ, журынька, прощай!» Вотъ лиса на низъ полетѣла и хвостикомъ завертѣла, а онъ не правитъ. Вотъ мужичекъ тутъ бороновалъ, а ее вверху-то увидалъ, да борону-то вверхъ зубьями обращалъ. А вотъ и сказала лиса: «А дай Богъ мнѣ попасть на стогъ!» А мужикъ-то сказалъ, лису вверху увидалъ: «А дай Богъ да на борону!» Она на стогъ-то не попала, а на борону-то упала, и жистъ тутъ свою скончала, да и говоритъ: «Охъ журынька, е..... сынъ!» (А ужъ его не видать: онъ улетѣлъ.) «А не учили ты меня, злодѣй, летать, а заставилъ злою смертью помирать!» Охъ да тутъ и свернулась лиса. Мужикъ ее въ мѣшечекъ оболѣкъ и въ кабаекъ ее поволокъ.

(Абрамъ Новополецъ).

55.

Коза Тарата.

Жилъ былъ попъ, имѣлъ много у себя козъ и держалъ работника. Пришла весна, попъ и говоритъ: «Работникъ, погоняй козъ пасты, да хорошенько накорми!» Работникъ погналъ; пастъ день по горамъ, по доламъ, по темнымъ лѣсамъ. Пришло время домой гнать. Восхѣдять козы въ ворота, а попъ выходитъ на крыльцо и спрашиваетъ:

Вы козыньки, вы матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?
Вы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Подъ березкой лежали?

Отвѣчаютъ козы попу:

Мы и сыты, мы и пьяны:
Мы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,

Осинушки поглодали,
Подъ березкой полежали!

Одна коза и говорить:

Я не съта, я не пьяна:
Я по горкамъ не ходила,
Ковылочку не щипала,
Осинушки не глодала,
Подъ березкой не лежала!

Попъ прицѣлился—хлопъ работника, и убилъ. Былъ у попа одинъ сынъ; на утро сына посылаетъ. Сынъ погналъ; пасъ день по горамъ, по доламъ, по темнымъ лѣсамъ. Пришло время домой гнать. Восходятъ козы въ ворота, попъ и спрашиваетъ:

Вы козыньки, вы матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?
Вы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Подъ березкой полежали?

Козы отвѣчаютъ:

Мы и сыты, мы и пьяны:
Мы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Осинушки поглодали,
Подъ березкой полежали!

Одна коза говорить:

Я не съта, я не пьяна:
Я по горкамъ не ходила,
Ковылочку не щипала,
Осинушки не глодала,
Подъ березкой не лежала!

И сына убилъ. Была у него одна дочь; посылать онъ на третій день ее ковъ пасти. Вотъ она погнала; пасла день по горамъ, по доламъ и по темнымъ лѣсамъ. Пришло время домой гнать. Восходятъ козы въ ворота, попъ и спрашиваетъ:

Вы козыньки, вы матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?

Вы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Подъ березкой полежали?

Козы отвѣчаютъ:

Мы и сыты, мы и пьяны:
Мы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Осинушки поглодали,
Подъ березкой полежали!

А одна коза говорить:

Я не сыта, я не пьяна:
Я по горкамъ не ходила,
Ковылочку не щипала,
Осинушки не глодала,
Подъ березкой не лежала!

Попъ и дочь зашибъ. На четвертый день посылаетъ попадью. Та пасла козъ весь день по горамъ, по доламъ и по темнымъ лѣсамъ. Пришло время домой гнать. Восходить козы въ ворота, попъ спрашиваетъ:

Вы козыньки, вы матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?
Вы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Подъ березкой полежали?

Козы отвѣчаютъ:

Мы и сыты, мы и пьяны:
Мы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Осинушки поглодали,
Подъ березкой полежали!

А одна коза говорить:

Я—не сы—та, я не пья—на!
Я по гор—камъ не хо—ди—ла,
Ковы—лочку не щи—па—ла,

Осинушки не гло—да—ла,
Подъ бе—резкой не ле—жа—ла!

И попадѣ тоже было. На пятый день попъ самъ погналъ. Пасъ весь день по горамъ, по доламъ, по темнымъ лѣсамъ; зашелъ впередъ и спрашиваетъ:

Вы козыньки, вы матушки,
Вы сыты ли, вы пьяны ли?
Вы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Подъ березкой полежали?

Козы отвѣчаютъ:

Мы и сыты, мы и пьяны:
Мы по горочкамъ ходили,
Ковылочку пощипали,
Осинушки поглодали,
Подъ березкой полежали!

А одна коза все свое:

Я не сы—та, я не пья—на:
Я по горкамъ не хо—ди—ла,
Ковылочку не щи—па—ла,
Осинушки не гло—да—ла,
Подъ бе—резкой не ле—жа—ла!

Попъ козу поималъ и половину бока ободралъ. Она вырвалась и убѣжала въ поле, къ суслику въ нору. Сусликъ испугался, изъ норы убѣжалъ, ночь наружи пролежалъ. Сидитъ, плачетъ. Идетъ косою заяцъ. «Что, сусликъ, плачешь?.. «Кто-то въ норѣ есть». Подходить заяцъ къ норѣ. «Кто у суслика въ норѣ?» «Я—коза таратъ, полбока обдратъ, выскочу, косою песь, остальныи глазъ выхвачу!» Заяцъ айда драла въ лѣсъ. Идетъ волкъ. «Что, сусликъ, плачешь?» «Кто-то въ норѣ есть». Подходить волкъ къ норѣ. «Кто у суслика въ норѣ?» «Я—коза таратъ, полбока обдратъ, вотъ я выскочу, глаза тебѣ выхвачу!» Волкъ драла въ лѣсъ: испугался. Идетъ медвѣдь. «Что, сусликъ, плачешь?» «Кто-то въ норѣ есть». Подходить медвѣдь къ норѣ, спрашиваетъ: «Кто тамъ?» «Я—коза таратъ, полбока обдратъ. Вотъ я выскочу, глаза

тебѣ выхвачу!» Медвѣдь испугался, въ лѣсъ убѣгъ. Ползетъ ежъ. «Что сусликъ, плачешь?» «Да кто-то въ норѣ есть». Подползъ ежъ къ норѣ, спрашиваетъ: «Кто тамъ?» «Я—коза тарата, полбока обдрата, вотъ я выскочу, тебѣ глаза выхвачу!» А ежъ свернулся камышкомъ и туды,—кубарёмъ. Какъ разъ попалъ ей колюшками ты въ голый бокъ! Коза вылезла изъ норы и въ лѣсъ убѣжала.

(Абрамъ Новопольцевъ).

56.

Байка про тетерева.

Захотѣлъ тетеревъ домъ строить. Подумалъ, подумалъ: топора нѣтъ, кузнеца нѣтъ,—топоръ сдѣлать не кому, не кому выстроить тетереву домишко. «Что же мнѣ, думаетъ, домъ заводить? Одна то ночь никуда не идетъ!» Бултыхъ въ снѣгъ! Въ снѣгу почку ночевалъ, по утру рано вставалъ, по вольному свѣту полеталъ, громко шибко покричалъ, товарищевъ искалъ. Спустился на землю, свидѣлся съ товарищемъ. Они тутъ поиграли, носомъ изъ носу слюнку принимали, по кусточкамъ бродили, мѣстечки искали, гнѣздышки свивали, яичушки сносили и дѣтокъ выводили. Съ дѣтками они во чисто поле ходили, дѣтокъ мошками кормили, на вольный свѣтъ выводили и по вольному свѣту летали и опять зимой въ снѣгу ночевали. «А одна то ночь съ дѣтками никуда не идетъ (куда ни шла)! Чѣмъ намъ домъ заводить, лучше на березынькахъ сидѣть, въ чисто поле глядѣть, красну въ снѣгу встрѣчать, ш у л д а р ь б у л д а р ы кричать!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

57.

Блоха и муха.

Жила въ деревнѣ блоха, въ маѣ мѣсяцѣ; отправляется блоха въ іюнѣ мѣсяцѣ въ городъ; встрѣчается блохѣ муха и говоритъ: «Что, барыня блоха, гдѣ ты свою жисть провела?» «О, злодѣйка муха, въ несчастной сторонѣ, въ деревнѣ». «Что, тебѣ, барышня, не показалось жить въ деревнѣ?» «Время прошло, злодѣйка». «Какое же, барышня, время?» «Красна весна прошла. Весной утѣшеніе имѣла, а топерь больна сдѣлалась». «Отчего больна, скажи?» «Когда была красная весна, я щекотила всѣхъ сряду, а топерь пришло теплое лѣто; въ тепломъ лѣтѣ мужички усталье; одинъ легъ, да и задавилъ меня». Муха и говоритъ: «А что ты въ городѣ найдешь? Я сейчасъ изъ городу». «О, муха, ты дура! Я пойду къ барину, я лягу на мягкую постель, тутъ буду кормиться; а какъ я была въ деревнѣ—мужичекъ-отъ день-отъ пожалъ, а меня, блошеньку, на доскѣ прижалъ». Муха и говоритъ: «На што онъ тебя прижалъ?» «Онъ, мой батенька, больно усталъ, а я пойду къ барину на мягкую постелью. Ну топерь, муха, ты про свое обстоятельство скажи, для чего въ деревню идешь?» «Я въ городу-то, барышня, замерла, не ѣмши». «Нашто, поганая? Тебя видно жить-то не пускаютъ?» «Поми-луйте, у васъ въ деревнѣ остается въ домѣ и старый и малый; вотъ у старушки маленьки робятишки, а тутъ-то мнѣ и хорошо: наладеть она кашки съ молочкомъ,—вотъ, барышня, я тутъ половинница!» «Правда твоя», говоритъ блоха,—«ступай съ Богомъ!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

58.

Левъ, щука и человѣкъ.

На рѣкѣ разъ левъ со щукой разговаривалъ, а человѣкъ стоялъ пододалъ и слушалъ. Только щука увидала человѣка и ушла

въ воду. Левъ ее послѣ спрашиваетъ: «Чего ты ушла въ воду?». «Человѣка увидала». «Ну, такъ что же?» «Да онъ хитрый». «Что за человѣкъ?» — говоритъ левъ. «Поддай мнѣ, говоритъ, его я съѣмъ!» Пошелъ человѣка искать. Идетъ на встрѣчу мальчикъ. «Ты человѣкъ?» «Нѣтъ, какой я человѣкъ? Я мальчикъ. Еще когда буду человѣкомъ-то». Левъ прошелъ мимо. Попадается старикъ. «Ты человѣкъ?» «Нѣтъ, батюшка левъ, какой я теперь человѣкъ? Былъ когда-то человѣкомъ». И этого не тронулъ. «Что, говоритъ, за диковина, не найдешь человѣка нигдѣ!» Попадается солдатъ, при ружьѣ и при саблѣ. «Ты человѣкъ?» «Человѣкъ». «Ну, я тебя съѣмъ!» «А ты погоди», говоритъ солдатъ, — «отойди отъ меня, я къ тебѣ самъ въ пастъ-то икинусь. Раскрой ее!» Левъ отошелъ, раскрылъ пастъ; солдатъ намѣтился, да какъ бѣгнетъ въ нее, потомъ подбѣжалъ да саблей ухо у льва отсѣкъ. Тотъ — бѣжку. Прибѣгаетъ къ рѣкѣ; выплыла щука, спрашиваетъ: «Ну что?» «Да что», говоритъ, — «дѣйствительно хитѣрь! Сразу-то я его и не нашелъ: то говоритъ, что былъ человѣкомъ, то горилъ, что еще будетъ, а какъ нашелъ, такъ и не обрадовался. Онъ мнѣ велѣлъ отойти да пастъ раскрыть, потомъ какъ плюнуть мнѣ въ нее, и сейчасъ жжетъ, все внутри выжгло, а послѣ высунулъ языкъ, да ухо мнѣ и слизнулъ!» «То-то же, я тебѣ говорила!» сказала щука.

(Записано въ Симбирскѣ).

59.

Злѡ зломъ платится.

Однажды случилось — попалъ волкъ въ капканъ, а мужичекъ переходитъ изъ села до села съ мѣшкомъ. Сейчасъ волкъ его повстрѣчалъ, да и говоритъ: «Сохрани, пожалуйста меня!» Старикъ и говоритъ: «Отойди, волкъ, прочь отъ меня! Я тебя боюсь: ты сгубишь меня!» «Нѣту, говоритъ, не тронѹ, только сохрани отъ охотниковъ». А по чистому полю верхами охотничьи рыщутъ, капканнаго волка ищутъ. А мужикъ значить и говоритъ волку: «Да какъ я тебя сохранию?» «Да чай, есть что-нибудь у

тебя?» «Одинъ мѣшокъ только». «Ну, посади въ мѣшокъ!» Старикъ расправилъ мѣшокъ, волкъ бултыхъ въ мѣшокъ, залѣзъ, да и сидитъ въ немъ; а старикъ подлѣ лежитъ. Которы же охотники по чистому полю рыскали, сѣраго волка искали, подъѣзжаютъ къ старику. «Миръ твоему сидѣнью, дѣдъ! Не соври: тебѣ семьдесятъ лѣтъ, у тебя ужъ и зубовъ нѣтъ. Не ты ли поймалъ капеаннаго волка?» Отвѣчаетъ старикъ: «Э-и-други, дѣ мнѣ сѣраго волка поймать? Я—старъ человѣкъ». «Да не видалъ ли, дѣдушка? Онъ у насъ съ капеаномъ ушелъ». «Нѣту», говоритъ старикъ, и проводилъ ихъ обратно. Охотники поѣхали, куды имъ слѣдуетъ. Волкъ спрашиваетъ старика: «А что уѣхали мое неприятели?» «Уѣхали, сѣрый волкъ!» «Ну, выпускай топерь меня!» Мужикъ развязалъ мѣшокъ; волкъ всталъ, обернулся на всѣ на четыре стороны и сказалъ: «Нѣту никого! Я тебя, дѣдушка, съѣмъ!» Старикъ говоритъ: «Да, сѣрый волкъ, эдакъ видно добро-то добромъ платится! А добры люди такъ не дѣлаютъ: а кто кому сдѣлаетъ добро, то добро добромъ платятъ; кто сдѣлаетъ зло — то зломъ платятъ. Пойдемъ, волкъ, путемъ дорогой, и будемъ спрашивать кто намъ попадется, какихъ бы ни было, до трехъ лицъ». Волкъ согласился; идутъ путемъ дорогой. Ходитъ старая кобыла на овинахъ и не можетъ травы достать и не можетъ посѣянной озими сорвать. Говоритъ старикъ: «А скажи-ка намъ, старая кобыла, ты знать Бога забыла, добро добромъ платится, или зло зломъ?» Отвѣчаетъ старая кобыла: «Эхъ, старикъ, старикъ! Нашелъ ты нынче — добро добромъ платится! Я у хозяина двадцать лѣтъ жила, десять же ребенокъ въ принесла, и то онъ меня подъ сараемъ не держалъ — въ чистое поле согналъ». Волкъ и говоритъ старику: «Слышишь, дѣдушка, что кобыла говоритъ? Я тебя съѣмъ! Добро добромъ не платится». «Пойдемъ, волкъ, дальше, до второй встрѣчи!» Вотъ пошли, старую собаку нашли. Подходятъ къ собакѣ. Сказалъ старикъ: «Что ты, старая собака, лежишь, больно громко ск а л ѣ ш ь. Добро добромъ платится, или зло зломъ?» «Э-ихъ», говоритъ, нашелъ ты добро добромъ платится! Я хозяйскій домъ десять лѣтъ стерегла, вотъ я о с т а р ѣ л а, ходить не могу — онъ меня въ поле заморозить вывезъ». Волкъ и говоритъ старику: «Неправда твоя, старикъ! Съѣмъ я тебя!» «Ну, пойдемъ, волкъ, подальше!» Пошли. Попадается имъ на встрѣчу лисынька.

И эта лиса — при бесѣдѣ краса! Старикъ и говоритъ: «Лисынька, скажи все правду, не утай грѣха: добро добромъ платится, или зло зломъ?» Лиса говоритъ: «Нѣту, добро добромъ платится». Старикъ и говоритъ: «Вотъ я волку сдѣлалъ добро, а онъ меня хочетъ съѣсть». «А какое же добро?» спросила лиса. «Онъ попалъ въ капканъ — охотнички бы его догнали и тутъ же бы его поймали, а я его сберегъ». «Какъ же это? Куды ты его дѣлъ?» «Въ мѣшокъ вотъ въ этотъ посадилъ». «Какъ ты съ него сладилъ?» Волкъ и отвѣчаетъ лисѣ: «Онъ растопырилъ мѣшокъ, я туды и влѣзъ». «Ну-ка попытай—я погляжу; тогда и съѣшь». «Дѣдушка, расправь-ка мѣшокъ!» Дѣдушка расправилъ мѣшокъ. «Ну-ка лѣзь! Какъ ты влѣзешь?» Волкъ влѣзъ въ мѣшокъ. «Ну-ка, дѣдушка, страхни мѣшокъ-то хорошенько!» Старикъ поднялъ мѣшокъ, конецъ веревкой завязалъ. Была у старика палочка небольшая, какъ въ силу старику поднять. «Ну-ка», говоритъ,—«дѣдушка, ну-ну-ну! Палочкой-то его!» Вотъ старикъ и ну-ну-ну его, а лиса кругомъ бѣгаетъ да приговариваетъ: «А путемъ, путемъ, дѣдушка, хорошенько! Вотъ тутъ да по мордѣ!» Вотъ старикъ больно обрадовался, вдругъ развернулся — лису-то по мордѣ досталъ, волка-то добилъ, а лису-то до смерти убилъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

60.

Конекъ горбунукъ.

Жилъ былъ старикъ со старушкой. У нихъ было три сына: большой былъ Миколенька, а второй сынокъ Петинька, а третій — Иванушка дурачекъ. Занимались они хлѣбопашествомъ, посѣяли въ полѣ п а ш е н и ч к и десятинку, при большой дорогѣ. П а ш е н и ч к а очень хороша: растеть, разстиляется, колосокъ изъ нея в ы б и в а е т с я. Поводилась въ пшеницу неизвѣстная какая скотина, либо звѣрь какой, пшеничку мнетъ и колосья рветъ. Вотъ э т о т ь же старичекъ пріѣхалъ пшеничку посмотреть — пшеничка помятая и колосья п о р в а т ы е. Пріѣзжаетъ домой, рассказываетъ с в о

ѣмъ дѣтямъ: «А вотъ, ребята, пшеничка очень у насъ хороша, только кто-то ее больно мнетъ и колосья рветъ; надо ее караулить». Ну, сыновья ему говорили: «Надо, батюшка, покараулить». И стали они кониться, кому достанется прежде караулить, въ поле нужно будетъ идти, тамъ ночевать и всю темную ночь не спать. Досталась первая ночь идти сыну Миколенькѣ. Онъ беретъ вилы и топоръ, отправляется въ поле, въ дозоръ. Онъ далеко не бѣжалъ: у сусѣда подъ заборомъ пролежалъ. Бѣлая заря занялась и онъ домой собрался. Восходить на крыльцо, беретъ за кольцо: «Свѣтъ тѣ ли! (?) Отпирайте караульному двери!» «Свѣтъ тѣ ли» услышали, двери отпирали, караульнаго пущали. Спрашиваютъ его: «Не видалъ ли въ полѣ, Миколенька, кого?» (Да дѣ же Миколенька увидитъ? Онъ въ полѣ не бывалъ и пшеницу не видалъ, а у сусѣда подъ заборомъ пролежалъ). Вотъ хозяинъ старичекъ запрегъ лошадушку и поѣхалъ скоро въ поле. Смотрить—утромъ по росѣ помята пшеница. Приѣзжаетъ домой и говоритъ: «Ахъ, Миколенька, ты проспалъ! Очень пшеничка помята».—Приходитъ вторая ночь. Та же Петинька сыночекъ беретъ вилы и топоръ, отправляется въ поле, въ дозоръ. Онъ далеко не бѣжалъ: у сусѣда на сушѣлахъ пролежалъ и т. д.

По утру отецъ проѣзжаетъ въ поле—болѣе того поле помято. Приѣхалъ домой и говоритъ: «Петя, ты знать вовсе не былъ? Еще болѣ помято!» Вотъ Ванюшка дурачекъ лежитъ на печѣ, сопли на клубокъ мотать, и говоритъ: «Развѣ вотъ я, батюшка, пойду, такъ укараую». Отецъ и говоритъ: «Дѣ тебѣ, глупому, укараулить! Умные ты проспалы, ничего не видали, а тебѣ ужъ и вовсе не видать». Какъ пришелъ поздній вечеръ, Ванюшка слѣзъ съ печи, подходитъ къ столу, не умаливать никому, взялъ хлѣба каравай, отрѣзалъ кругъ каравай ломомъ и пошелъ во чистое поле. Сидитъ за кустомъ, управляетъ съ ломомъ (кружитъ его). И вдругъ на пшеницѣ осьяило: прибѣгаетъ кобылица-латыница. Вотъ онъ къ ней ближе и ближе, ползкомъ да ползкомъ. Она пшеницу мнетъ и колосья рветъ, а Ванюшка поближе ползетъ—цопъ ее за гриву! Скочилъ на нее верхомъ, садится къ головѣ спиной, а къ хвосту лицомъ; лѣвой рукой поималъ за хвостъ, а правою рукой бьетъ по крутымъ бедрамъ. Вотъ эта же кобылица по полю летала, шибко прыгала и бѣжала: хотѣлось

Ванюшку съ себя уронить и до смерти его убить. Нѣтъ, Ванюшка сидить ни въ чемъ невредимъ. Сколько ни рыскала — оставилась, Иванушкѣ покорилась. Иванушка слѣзъ, обраталъ и домой повелъ. Шла, шла кобылица за Иванушкой дурачкомъ и стала ему говорить: «Пусти, Иванушка, меня: я тебѣ подарю два коня каковыя я сама, а третьяго коня дамъ маненькаго». Ванюшка и говорить: «Обманешь!» «Нѣтъ, только меня пусти—сейчасъ они передъ тобой явятся». Онъ подумалъ, да и пустилъ. Вотъ кобылица полетѣла, хвостомъ завертѣла. Вдругъ являютсѣ два коня — любо на нихъ посмотрѣть и не можно ничѣмъ ихъ оцѣнить; третій съ ними конекъ стоитъ маненькій: самъ шесть вершковъ вышиной, а уши три аршина длинны.

Ванюшка сидѣлъ за кустомъ и управлялся съ ломтемъ, привязалъ этихъ коней къ кусту, пошелъ къ батюшкѣ домой. Пришелъ къ батюшкѣ домой, спросилъ его отецъ: «А что, Ванюшка, не видалъ ли кого?» Ванюшка запрыгалъ. «Эхъ, батюшка, я пымалъ тройку коней!» Братья смотрятъ на него и спрашиваютъ: «А дѣ Иванъ, они?» «У куста привязаны». Пошелъ Ванюшка позавтракать. Поколѣ онъ завтракалъ, братья въ поле побѣжали, коней пару украли; сѣли и поѣхали въ Китай-городъ, на ярманку продавать. Оставили ему только маненькаго коня. Ванюшка говорить отцу: «Пойдемъ, батюшка, за конями». Пошли Ваня съ своимъ батюшкой, пришли — у куста нѣтъ коней, одинъ только маненькій конекъ стоитъ. Ванюшка такъ какъ разсерчалъ, плакалъ и рыдалъ. «И кто этихъ коней укралъ?» Онъ ихъ больно ругалъ. Маненькій же конекъ горбунокъ говоритъ Ванюшкѣ: «Не ругай, Ваня! Твоѣхъ коней увели братья твоѣ родные — тебѣ грѣхъ будетъ!» Маненькій конекъ говоритъ: «Айда, садись на меня! Въ погоню мы погонимъ, на дорогѣ ихъ догонимъ!» Сѣлъ Ванюшка на конька, полетѣли по большой дорогѣ, — не поспѣетъ Ваня версты считать, и догнали ихъ на большой дорогѣ, и Ванюшка закричалъ: «Стойте, воры! Не ваши кони! Зачѣмъ вы у меня ихъ украли?» Братья тѣ были разумны, говорятъ ему: «Мы, Ванюшка, коней не украли, а такъ ихъ взяли, ведемъ ихъ въ Китай городъ продавать. Коней, братецъ, продадимъ, а денежки батюшкѣ отдадимъ». Ванюшка ругаться пересталъ и сѣли вмѣстѣ, поѣхали. Пристигла ихъ на дорогѣ темная ночь. Вотъ имъ

нужно почевать; говорятъ между себя: «Надо бы, братцы, намъ огонька поискать!» Смотрятъ на всѣ четыре стороны — отъ дороги въ сторонѣ огонекъ видѣется. Ванюшка и говоритъ: «Поѣзжай, Миколай, за огнемъ! Хоть кашницу сваримъ». Тотъ сѣлъ и поѣхалъ. Ыздилъ, Ыздилъ — назадъ пріѣхалъ, огня не нашелъ. Второй братъ поѣхалъ и этотъ не нашелъ. Ванюшка сѣлъ на конька и поѣхалъ самъ за огнемъ. Подъѣзжаетъ къ огоньку, а тутъ не огонь горитъ, а жаръ птицы перо лежитъ. Ванюшка слѣзъ съ маненькаго коня, беретъ перо и кладетъ въ пазуху. Конекъ горбунокъ говоритъ Ванѣ: «Не бери это перо: отъ этаго пера велика будетъ бѣда!» Ванюшкѣ перо б о л ѣ з н о показалось — онъ взялъ его и поѣхалъ; на то мѣсто пріѣхалъ, да хватъ — мѣсто знать! Братья опять уѣхали, к р а д у ч и. Онъ сѣлъ и полетѣлъ за ними въ погонь. Догналъ ихъ въ Китай-городѣ. Они видятъ — дѣло плохо, думаютъ себѣ: это вѣдь городъ—онъ дуракъ насъ свяжетъ и въ кутузку посадитъ». Вывели коней на базаръ; ч е л а к ѣ за ч е л а к а, Ванюшку бросали, а сами убѣжали. Ванюшка маненькаго коня отвелъ на квартиру, а этихъ вывелъ на базаръ продавать. Подходятъ къ нему покупатели, спрашиваютъ его: «Что, молодецъ, кони твоѣ?» «Моѣ». «Ты что за нихъ просишь?» «Семь коробовъ обноровъ». Они думаютъ, думаютъ: к а к ѣ х ѣ обноровъ? Если хорошихъ, такъ вѣдь много надо. Никто не могъ этихъ коней опѣнить и никто не могъ купить. Пошли, доложили К и т а й с к о м у царю, что вотъ у насъ, на конной площади вывелъ молодецъ пару коней, не можетъ что за нихъ взять, а мы не можемъ чего дать. Царь велѣлъ кучеру лошадушку заложить; кучеръ заложилъ, батюшка царь облобсѣ, на конную площадь понесся. Ванюшка стоитъ съ конями, о т п р у к и в а в а е т ѣ и к н у т и к о м ѣ похлопываетъ. Подъѣзжаетъ къ нему царь. «Что, молодецъ, кони твоѣ?» «Моѣ, сударь». «Что за нихъ просишь?» У него была худенька ш л ы ч ѣ н к а; онъ въ деньгахъ счету не знаетъ, одно сказалъ: (Поставилъ, знашь, на землю, въ ямочку худеньку свою шлыченку). «А вотъ, царское Величество, насыпьте мнѣ ее полную золота». Царь приказалъ насыпать; Ванюшка денежки бралъ, коней царю отдавалъ. Ванюшка в ѣ п и с ь м о денежки положилъ, на свою сторону къ батюшкѣ услалъ. Вотъ царь приводитъ коней, отдаетъ конюхамъ. Они и конюховъ не принимаютъ: кусаютъ и

лагають, и близко къ себѣ не подпускають. Ну эта скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается — прошло день и два. Кони воды не пивали и корму не ѣдали. Докладываютъ царю конюхи его: «Ваше царское величество, кони корму не ѣдаютъ и насъ къ себѣ не подпускають». Царь и говоритъ имъ: «Какъ же съ этимъ дѣломъ быть? Надо стараго хозяина искать и спросить чѣмъ намъ ихъ кормить». Пошли, стараго хозяина въ кабачкѣ нашли: вино попиваетъ и каблучокъ на бочокъ. Взяли его за руки подхватили, во дворецъ къ царю потащили. Вышелъ царь къ нему на лице, спрашиваетъ: «А чѣмъ же намъ, Ванюшка, будетъ вашихъ коней кормить? Они насъ не знаютъ и близко насъ не подпускають». Ванюшка всталъ и въ конюшенку пошелъ. Взошелъ — они громкимъ голосомъ заржали, потому что Ванюшку увидали. Ванюшка погладилъ ихъ и попоилъ, и корму далъ. Они такъ кормъ ѣдятъ, а ни на кого вовсе не глядятъ. Ванюшка около ихъ ходитъ тихохонько и гладитъ, и чиститъ ихъ, и такъ они скорымъ временемъ перемѣнились. Вотъ царь призываетъ своихъ старинныхъ конюховъ. «Что же вы, братцы, не умѣте какъ Ванюшкиныхъ коней кормить, не умѣете за ними ходить?» Вотъ царь Ванюшку призвалъ и все ему рассказалъ. «Будь ты, Ванюшка, у меня за всѣми конями ходить и за старыми конюхами глядѣть». Какъ приходитъ темная ночь, всѣ конюхи зажигаютъ сальные свѣчи, въ конюшенки идутъ новыя. Ванюшка огня не беретъ, свѣту не имѣетъ; взойдетъ въ конюшенку, вынетъ изъ карману жаръ птицы перо — вся конюшенка въ огонь горитъ. Коней напоить, накормить, выгладить и почистить. По утру на широкое подворье выводить, только его кони стекляниются, а у старыхъ конюховъ всѣ кони въ грязь заваляются. Вотъ выходитъ батюшка царь коней посмотрѣть; Ванюшку благодарить, а старыхъ конюховъ по шеѣ колотить: они не стараются. И такъ старые конюхи на Ваню больно сердчали и думаютъ себѣ: «Огня не беретъ, свѣту не имѣетъ. Какъ онъ ночью за конями ходитъ?» Въ ночное время Ванюшка въ конюшенку ночевать забрался, воткнулъ перышко въ стѣнку — какъ все равно огонь горитъ; а старые конюха въ дырочку глядятъ.

По утру встали, пошли къ царю, все ему рассказали: «нашъ де новый конюхъ нынче съ нами погулялъ и кой чего много намъ

разказалъ, что у него есть жаръ птицы перо, да я», говорить,—«не то что перо, хвалится и самоё достать». Тотъ же часъ посланника царь посылаетъ, на лице Ванюшку приводятъ; царь и говорить: «Ну-ка, Ванюшка, гдѣ у тебя перо?» «У меня, ваше царское величество, нѣту». «Какъ!? Конюхи мнѣ разказали — ты въ конюшенку ходишь, свѣчекъ не берешь и огня не имѣешь; съ чѣмъ же ты за конями ходишь?» Над нѣсъ саблю востру и хочеть ему голову срубить. «Если не отдашь это перо—то голову долой, а отдашь—п р е с т а в л ю старшимъ конюхомъ!» Ванюшка вынулъ перо изъ пазухи и подалъ царю въ бѣлыя руки. Царь перо взялъ, а Ванѣ стаканъ водки наливалъ и говорить: «Какъ же ты, Ваня, вотъ этимъ конюхамъ, когда водку выпивалъ, имъ слова выпустилъ, что не то что это перо, ты и самою хотѣлъ достать?» Ванюшка клялся и божился: «Я въ кабацѣ съ ними не бывалъ и водки съ ними не пивалъ, и ничего не говорилъ. Не знаю, что и за птица есть». Ванюшка былъ одинъ, а конюховъ было много. Они всѣ въ голосъ закричали: «Говорилъ, ваше царское величество!» Царь на него со страхомъ закричалъ и говорить: «За утро достань; а то съ живаго голову срублю!» Ванюшка горько заплакалъ; идетъ въ конюшенку горько плачетъ, а конекъ-горбунокъ: «Что», говорить,— «не весель, Ваня, буйну голову повѣсилъ?» «Эхъ, какая бѣда на меня, конѣчекъ! Велитъ царь достать самоё жаръ птицу!» Конь и говорить: «А вотъ то то же, Ваня! Я тебѣ говорилъ не бери это перо: отъ этого пера велика будетъ бѣда. Садись ка на меня да бери мѣшокъ. Онъ сѣлъ на конька; конекъ заллсѣ, какъ птица, увезъ Ваню во дремучій лѣсъ далече. Во дремучіемъ лѣсу была обширная поляна и среди поляны стояло одно древо и около этого древа трава была умятая и утолбена. Вотъ же этотъ конекъ сталъ Ванѣ разказывать: «Вотъ я, Ванюшка, тутъ встану, а ты вотъ тутъ сиди, всю темную ночь гляди — и нѣсколько жаровъ-птицъ на эту поляну слетятся и посадятъ всѣ на это древо, и вся поляна какъ загорится. Ты сиди, не утрашися. Вотъ онѣ на дрѣвѣ посидятъ и на землю спустятся и будутъ играть; поиграють и лягутъ спать — ты тутъ сейчасъ попъ-царапъ да и въ мѣшокъ! И какъ можно крѣпче держи, и какъ поймаешь—меня кричи». Вотъ Ванюшка выслушалъ наказъ. Пришла темная ночь, птичка по птичекъ стали лѣтать и налетѣло

ихъ множество. Вотъ онѣ на древо всѣ посѣли; какъ всѣ слетѣлись и стали играть, наигрались—легли спать. Ванюшка тихохонько ползкомъ подползъ, одну цопнулъ, да и въ мѣшокъ.—Она, этакая а сильна, его съ мѣшкомъ по полянѣ возить. Ванюшка закричалъ: «Конекъ горбунокъ! Поималъ, да не удоржѣ!» Конекъ горбунокъ передъ нимъ является: «Садись на меня!» Ванюшка сѣлъ, а конекъ полетѣлъ. Прилетѣлъ въ царство, конька въ конюшенку поставилъ; а царь темны ноченьки не спитъ, на всѣ на четыре стороны во подзорную трубу глядитъ. Ванюшка на утро идетъ и въ мѣшкѣ жаръ-птицу несетъ. Онъ отъ него гостинецъ принималъ и водочкой угощалъ, и старымъ конюхамъ сказалъ: «А что вы у меня живете какъ свиньи, только хлѣбъ ѣдите?!» И велѣлъ Ванюшкѣ быть надъ всѣми наибольшимъ. Вотъ отъ него было имъ жить жутко: онъ ихъ лупилъ, чѣмъ ни попало.

Царь нѣсколько силы своей потерялъ (невѣсту доставалъ). За тридцать земель, во десятиемъ царствѣ есть Алена Прекрасна, и такъ онъ ее желалъ за себя замужъ взять—только день и ночь о ней и думаетъ. Вотъ эти старые конюхи собрались, пошли къ царю, докладываютъ, что вашъ новый конюхъ бывъ съ нами въ трактирѣ и расхвалился: хочетъ вамъ достать Алену Прекрасну. Ну царь сейчасъ призываетъ Ваню. «Какъ, Ванюшка, ты хочешь достать мнѣ Алену Прекрасну? Если бы ты мнѣ ее досталъ, я бы тебѣ половину царства далъ. Первое мѣсто—подлѣ меня живи, а второе мѣсто—на супротивъ меня, а третье мѣсто—гдѣ тебѣ угодно. И казну дамъ не смѣтную; а если не достанешь, то съ живаго голову сыму!» Ванюшка и говоритъ: «Знать ничего не могу». Царь говоритъ, чтобы заутро было сдѣлано. Ванюшка не веселъ, буйную голову повѣсилъ. Идетъ въ конюшенку, горько плачетъ. Конекъ горбунокъ спрашиваетъ его: «Что ты, Ванюшка, не веселъ, буйну голову повѣсилъ ниже могучихъ своихъ плечъ?» Онъ такъ плачетъ, не можетъ во слезахъ промолвить. «Велѣлъ царь мнѣ Алену Прекрасну достать». «То-то вотъ, Ваня, я тебѣ говорилъ: не бери это перо: отъ этаго пера велика будетъ бѣда. Это еще не бѣда, а бѣда впереди. Ложись спи, а на утро къ царю иди и вели ему тридцать паръ сшить разныхъ башмакъ, и вели ему закупить три разъ по девять бутылокъ разныхъ хмѣльныхъ пой-

Сказки и пред. Сам. края.

ловъ. Ванюшка пошелъ, царю доложилъ. У царя черезъ часъ все поспѣло. Ванюшку приводятъ и Ванюшкинъ башмачки отдають. Башмачки бери, а бутылочки въ кошелекъ владѣ! Сѣлъ Ванюшка на коня, да и полетѣлъ. Его конекъ горбунокъ всѣ горы доли перепрыгивалъ, темные лѣса между ногъ пускалъ (а ноги то какъ у ежа). Если бы на порядочномъ конѣ-было ѣхать три года, а онъ на маненькомъ доѣхалъ въ три часа и прѣѣхалъ къ синему морю. Черезъ эстó море мосту не бываетъ, а за моремъ Е л е н а Прекрасна живетъ. И онъ дѣ она переѣзжаетъ на легкой лодкѣ въ луговую сторону гулять, онъ къ этимъ мѣстамъ подѣзжалъ, полáточку разставлялъ тонкаго бѣлаго полотна. Полаточка такъ бѣлѣтся какъ бѣлый снѣгъ. Разные башмачки какъ алые цвѣты цвѣтутъ; разные напитокчики разставилъ въ полаткѣ на полочки—духами все сине море покрыло (вонъ составы тѣ какѣ составилъ!), а конька за полаточку поставилъ. Вотъ вдругъ вѣтерокъ потянулъ на ту сторону синяго моря, какъ Алена Прекрасна вдоль синяго моря вышла погулять и видитъ—полаточка на той сторонѣ бѣлѣтся, и такъ смотреть, какъ въ ея лугахъ словно цвѣты расцвѣли. Какъ цвѣтутъ цвѣты лазоревые, а изъ нихъ духи малиновые. Закричала своимъ громкимъ голосомъ п р и б л и ж е н н а г о слугу, сѣли въ легку лодочку, да и поѣхали; на тоѣ сторону переѣхали, подходятъ ко полаточкѣ. Она думала—цвѣты цвѣтутъ, а раскрашенные башмачки висятъ; отъ бутылочекъ всякими духами опахиваетъ. Она Ванюшку не узнала, за купца его почитала, башмачки у него покупала; при покупчкѣ бутылочку съ Ваней разной водочки выпивала и такъ головушкой запатала, словечушко ему сказала: «А ты, незнамый купецъ, добрый молодецъ, угости еще меня и поѣдемъ со мной ко мнѣ на ту сторону, домой». Вотъ Ванюшка, будь недурень, бутылочку покрѣпче вынималъ, вотъ стаканчикъ - то полнѣ наливалъ, самъ по всей выпивалъ, да и сказалъ: «Охъ да да-ба съ горя выпью!» А Алентъ Прекрасной другой наливалъ. Е л е н а Прекрасна какъ второй стаканчикъ выпивала—и ручками замотала и не знать чего дѣлать. А конекъ говоритъ, за полаткою стоитъ: «А вотъ у бабѣ тѣ волосъ то дологъ, а умъ то коротокъ! М о т р и, Ванюшка, самому тебѣ разинѣ бы въ ротъ

не взѣхало!» Ванюшка скоро догадался, какъ за хмѣльную Елену сохвѣтался да и цопъ въ мѣшокъ!

Ванюшка Елену посадилъ въ мѣшокъ, сѣлъ на коня да и возвился какъ ясень сокологъ — и слѣдъ ея простылъ! Полетѣлъ добрый молодецъ; пріѣзжаетъ къ батюшкѣ къ своему царю. Царь обрадовался, къ Еленѣ на шею бросался, съ Еленой цѣловался. У насъ не пиво варить, не вино курить—сейчасъ и за свадебку. Вотъ Елена Прекрасна его къ себѣ близко не подпускала, рѣчь ему одну сказала: «Нѣтъ, царь, не должна я съ тобой вѣнчаться: я украдена. У меня нѣту подвѣчнаго платья. Съ ѣздіи, привези мнѣ его, тогда обвѣнчаюсь». (А ужъ дѣ же ему ѣхать? Онъ за ворота то боится). Отвѣчаетъ батюшка царь: «А куды же я поѣду? Дѣ его найду?» «Кто меня досталъ, тотъ и платье мое привезетъ». Сейчасъ царь призываетъ Ванюшку дурачка. Ванюшка отдыхаетъ въ конюшенкѣ съ устатку, ничего не знаетъ. Привели къ царю. «Ванюшка, сослужи мнѣ службу, а не службу—дружбу: съѣздіи, нареченной моей невѣстѣ привези платье!» «Батюшка царь, я не знаю гдѣ взять». Елена Прекрасна Ванюшкѣ все разказала: «Ступай, говоритъ, къ тому синему морю, гдѣ ты меня поймалъ, тамъ среди моря, на днѣ стоитъ сундукъ; въ сундукѣ платье лежитъ. Отопри и возьми, тогда я буду вѣнчаться». Царь съ страхомъ на него закричалъ: «Живо чтобы достать! Съ живаго голову сниму!» Ванюшка горько заплакалъ: въ конюшенку идетъ, въ три ряда слезы бѣгутъ. Конекъ горбунокъ спрашиваетъ его: «Что, Ваня, горько плачешь?» «Большая бѣда на меня!» «Какая бѣда?» «Елена Прекрасна приказала достать платье подвѣчно». «То-го, Ваня, сказалъ конекъ, я тебѣ говорилъ: не бери это перо и т. д. Ладно, ложись спи: дѣло будетъ исправно». Ваня легъ, не спитъ—изъ глазъ слезы льютъ. Конекъ горбунокъ черезъ скорое время подходитъ и говоритъ: «Будетъ, Ванюшка, спать! Пора вставать, намъ съ тобой ѣхать горе горевать!» Сѣлъ, да полетѣлъ добрый молодецъ. Гдѣ его полоточка стояла, тутъ только пчелокъ повѣвать. Подѣхали къ синему морю; сказалъ конекъ горбунокъ: «Ванюшка, зашурься! Сиди крѣпше!» Мы ринулъ конекъ въ море, на самое дно и дошли до сундука; открыли его, платье вынули, въ узелокъ завязали. Сѣлъ добрый молодецъ, да и полетѣлъ. Скоро сказка сказывается и т. д. Про-

шло дѣло три года. Приѣхали къ царю, поставилъ Ванюшка своего конька въ конюшенку—самъ пошелъ къ царю; они сидятъ съ Аленой Прекрасной, чаекъ кушаютъ, передъ чайкомъ водочки попиваютъ. Ванюшка пришелъ, цвѣтно платице принесъ; Аленѣ Прекрасной подалъ, а царь Ванюшку по головушкѣ погладилъ и не знаетъ чѣмъ его жаловать. Посылаетъ Ваню въ конюшенки новыя коней заложить: хочется съ Еленой покататься, дабы скорехонько обвѣнчаться. Алена же Прекрасна царю говоритъ: «Изъ васъ изъ двоихъ будетъ одинъ мой женихъ». Приказала царю развести посреди широкаго двора огонь и навѣсить три котла; въ первый налить смолы, а во второй—молока, а въ третій котелъ—простой воды и вскипятить всѣ три котла, да и сказала Елена Прекрасна: «Вотъ кто въ этихъ котлахъ искупается—тотъ мой женихъ будетъ!». Ванюшка горько плакалъ: купаться не желаетъ и невѣсту не беретъ, а она ему отвѣчаетъ: «Ты ѣздилъ и страдалъ—я быть може твоя буду». А батюшка царь, у него ноженьки дрожатъ и думаетъ: «Какже можно въ вару искупаться?».

Она заставила ихъ покониться кому прежде лѣзть. Досталось прежде мырять Ванюшкѣ дурачку. Ванюшка дурачекъ горько заплакалъ и говоритъ Аленѣ Прекрасной: «Я вотъ пойду схожу къ коньку горбунку, распрошусь и въ ножки поклонюсь, и отпущу его на свою сторону домой». Пришелъ Ванюшка къ коньку горбунку, горько плачетъ, во слезахъ своего конька не видитъ. «Что, Ваня, плачешь?» «Большая на меня бѣда! Сейчасъ кончится жизнь моя: заставляютъ меня въ трехъ котлахъ купаться: въ кипячей смолѣ, въ молокѣ и въ вару». «Ну, а бы только былъ живъ, а ты будешь живой. Иди, я—за тобой. Безъ опаски мырай! Я въ смолу лѣвую ногу обмакну—холоду пушу, въ молоко правую макну—лѣдѣ пушу, а въ варѣ фыркну ноздрями—полонъ снѣгу будетъ». Ванюшка подошелъ къ котламъ—Елена Прекрасна стоитъ съ царемъ, на краю. Царь дожидается, когда Ванюшка мырнетъ. Ванюшка перекрестился—бултыхъ въ смолу! Весъ, какъ головашка, оттолъ вымырнулъ, черный! Какъ въ молочко мырнулъ—побѣлѣ сталъ, а водой обмылся, сталъ добрый молодецъ ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать. Вотъ Елена Прекрасна посылаетъ царя: «Мырай за нимъ!» Онъ думаетъ себѣ:

«Ванюшка мырять и мнѣ надо». Какъ въ смолу мырнулъ и теперь тамъ сидитъ. Онъ съ Ванюшкой обвинчались, стали жить да быть, больше худа проживать, дѣтей наживать. И сказѣ весь конецъ тутъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

61.

Про Кота Безсмертнаго и Марью Еридьевну.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь и у него былъ одинъ сынъ разъединный—Иванъ Царевичъ. И выросъ онъ въ совершенные года и вздумалъ жениться. Таковыхъ ихъ королѣвновъ за него не находилось. И были у него прислуги генералы, генеральскія были отличныя дѣушки, няньки и мамки всякія были и ходатайствовали они за нимъ, и по зеленымъ садамъ разгуливались съ нимъ, и такъ было имъ охота за него замужъ которой-нибудь да выйти. Ну какъ эти дѣушки ему не нравились.

За тридцать земель, въ десятнѣмъ въ дальнемъ царствѣ была царская дочь, Марья Еридьевна, и такъ была она отъ лица отличная красавица, что не вздумать, не взгадать. Иванъ царевичъ посылаетъ къ ней письмо и проситъ ее за себя въ замужество. Она отъ него письмо принимала и обратно ему посылала, и замужъ за него была идти согласна; только что очень далеке. Пишетъ обратное письмо и прописываетъ въ письмѣ, чтобы ждалъ меня Иванъ царевичъ, я приѣду за него въ замужество и со всѣми съ няньками, съ сѣнными дѣушками, вотъ такой-то день и въ эвътомъ часу, чтобы онъ не спалъ и при край моря, на бережѣ бы стоялъ. Иванъ же царевичъ письмо ея принималъ и самъ себѣ прочиталъ; ни день, ни ночь не спалъ—на бережѣ стоялъ, Марью Еридьевну ждалъ. Всѣ эти часы, дни и минуты проходятъ, на него тоска находить; голова у него кружится и сонъ лѣзетъ въ глаза. Выходитъ онъ въ зеленый садъ, дѣ

его сѣнны дѣушки гуляли и заставилъ одну сѣнную дѣушку въ головушеѣ поискать. Стала она искать, воткнула къ нему булабочку и словно онъ уснулъ, какъ умеръ. Какъ уснулъ, и Марья Еридьевна является тотъ часъ. Стали его будить, стали трябать—онъ какъ мертвый спитъ; а его сѣнна дѣушка сонъ на него напустила, что бы онъ ее замужъ взялъ, а Марью Еридьевну бы оставилъ. Вотъ Марья Еридьевна въ музыки играла и своѣхъ сѣнныхъ дѣушекъ плясать заставляла; Ивана царевича за ноги и за руки брали, будили, торыкади и вверхъ его кидали. И какъ мертвый! Она сѣла на проходъ и была да нѣтъ! Отколь пріѣхала и назадъ туды поѣхала. Вотъ же эта сѣнна дѣушка булабочку изъ головушки вынимала, ото сна Ивана царевича разбуджала. Спрашиваетъ онъ ее: «А что не была ли Марья Еридьевна?» «Вонъ проходъ-то бѣжитъ! Была, да назадъ уѣхала и больно на тебя осерчала, а только быдто ты ее обманулъ». Онъ на это не взираетъ, самъ вдоль по бережку побѣжалъ; увидалъ ея проходъ, гаркнулъ громкимъ голосомъ. Она только махнула рукой. «А здорово да и прощай!» Сѣла, да и поѣхала. Поклонилась только, да и квитъ дѣло. Обращается Иванъ царевичъ домой плавать и думать, и такъ горюетъ, въ тоску-печаль дался. И думаетъ, какъ бы къ ней, въ ея царство идти, какъ бы ее тамъ найти. Ну найти ее очень мудрено: она далече, въ нерусской землѣ. Вотъ пошелъ же Иванъ царевичъ къ кузнецамъ-мастерамъ. «Сдѣлайте мнѣ, господа кузнецы, трое сапоги желѣзные и три шляпы желѣзные, да еще сдѣлайте три просвирки желѣзныхъ!» Вотъ Ивану царевичу кузнецы это все исправили; приходитъ Иванъ царевичъ къ отцу съ матерью, во дворецъ, на высокій крылецъ: «Батюшка съ матушкой! Благословите меня!» Они спрашиваютъ его: «А куды же ты вздумалъ, глупое дитѣ?» «Да пойду, батюшка и матушка, Марью Еридьевну искать». «Ну, Богъ тебя благословить!» Онъ Богу помолился, съ отцемъ съ матерью распротился, желѣзные сапоги обулъ, а двое за плеча привязалъ, и шляпу желѣзную надѣлъ, а прочее въ сумочку вложилъ. И пошелъ добрый молодецъ. Шелъ путемъ дорогой долго ли, мало ли, долго ли, коротко ли шелъ, сапоги желѣзные износилъ и подошожъ изломалъ, и просвиричку съѣлъ. Другіе надѣлъ еще дальше пошелъ. Дошелъ до избенки. Стоитъ избушка,

на куричьей голяшкѣ повѣртывается. Онъ сказалъ: «Избушка, избаушка! встань ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ!» Избушка встала. Онъ взошелъ въ нее—лежитъ Ягая баба, ноги изъ угла въ уголъ; носъ желѣзный въ потолокъ уперся, у ней титки черезъ груди висятъ, маненьки робятки посбывають. Онъ взошелъ, Богу помолился, Ягой бабѣ поклонился. Говорить ему Ягая баба: «Что это у насъ? Прежде русскаго духу слыхомъ не слыхано и видомъ не видано, а вотъ нынче русскій духъ въ устахъ я въ тѣя и въ глаза мечется! Ба! ба! ба! Иванъ царевичъ! Что ты, отъ дѣла лыташь, или больше себѣ дѣло пыташь?» »Эхъ, родима бабушка, я отъ дѣла не лытаю, дѣла больше себѣ пытаю». «Куда же ты идешь?» «Да вотъ Марью Еридьевну ищу». «На что тебѣ?» «Да жениться хочу». «Эге-ге, Иванъ царевичъ! Далеко тебѣ до нея! Я и сама про нее не знаю, а ступай еще столько, со сколько ты прошелъ—тамъ есть моя большая сестра; она хорошо про нее знаетъ и тебѣ разкажетъ». Добрый молодецъ съ Ягой бабой распростился и пошелъ, обувочку опять перемѣнилъ (двое сапоги износилъ). Долго ли, мало ли шелъ, до второй Ягой бабы дошелъ. (Тутъ повтореніе). «Знаю, говоритъ Ягая баба, знаю, Иванъ царевичъ, гдѣ Марья Еридьевна живетъ. Ну, мудрено ее тебѣ найти и взять! Она вышла за Кота Безсмертнаго замужъ. Ступай еще съ эстоль, сколь ты прошелъ». Разказала ему, гдѣ ее найти; въ такѣемъ то чистомъ полѣ. Вотъ Иванъ царевичъ Ягую бабу поблагодарилъ и обулся въ послѣдніе сапоги и надѣлъ послѣднюю шляпу. Пошелъ дальше. Просвирочку остальную доѣдаетъ и съѣлъ онъ всѣ три просвирочки. Силы не стягають идти. Идетъ путемъ дорогой—стоитъ лѣсина; на лѣсинѣ сидитъ ворона на гнѣздѣ, съ маленькими воронятами. Вотъ онъ подошелъ къ этой деревинѣ и говоритъ себѣ: «А вотъ влѣзу». И сказалъ: «Ворона, ворона, я тебя съѣмъ съ воропятами!» Ворона отвѣтила: «Не ѣшь, Иванъ царевичъ! Я тебѣ сама пригожусь». Онъ подумалъ: «Ахъ, да я вѣдь на чужой сторонѣ». Дай брошу! Пошелъ дальше. Идетъ—лежитъ на дорогѣ, на соломѣ сука со щенятами. Онъ всталъ щенѣнка и говоритъ: «Собака, я съ голоду умираю. Я тебя съѣмъ и со щенятами!» Та и говоритъ: «Не ѣшь, Иванъ царевичъ! Я тебѣ еще пригожусь». Иванъ царевичъ бросилъ и дальше пошелъ. Идетъ вдоль рѣчки—у бережечка плаваетъ щу-

ка со щурятами. Иванъ царевичъ на нее глядитъ. «А вотъ, говоритъ, я тебя, щука, понимаю и съѣмъ со щурятами!» Щука и говоритъ: «Не ѣшь, Иванъ царевичъ! Я тебѣ пригожусь». И эту пустилъ; пошелъ дальше. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Ушелъ добрый молодецъ при край свѣту, въ самый конецъ и завидѣлъ въ чистомъ полѣ преогромнѣющій домъ, дѣ Марья Еридьевна живетъ за Котомъ за Безсмертнымъ. Подошелъ къ дому, взомелъ въ него—Марья Еридьевна одна разъедина сидитъ пошиваетъ. Вдругъ взглянула, отворилась дверь и какъ у ней въ комнатѣ осіяло какъ огонь—Иванъ царевичъ взомелъ! Она больно обрадовалась, а больше того испугалась; бросилась ему на бѣлую грудь, обняла и въ сахарныя уста поцѣловала и горько плакала. «Ахъ ты, милый мой Иванъ царевичъ! Какъ это ты сюда зашелъ? Или тебя черной воронъ подъ крыломъ принесъ? Или тебя добрый конь во сѣдлѣ привезъ?» «Я добрый молодецъ самъ пѣшкомъ пришелъ». Вотъ они сѣли и поплакали. Марья Еридьевна и говоритъ: «Тебѣ, Иванъ царевичъ, живому не быть. Куды мнѣ тебя дѣтъ? Вотъ Коть Безсмертный сейчасъ придетъ, тебя живаго не пуститъ». Вотъ думала, думала—былъ у ней превеличающій съ одежей сундукъ; одежду она выложила и его въ сундукъ заперла, и покрыла одежей.

Является Коть Безсмертный, подымаетъ морду, ходитъ, да и нюхаетъ вездѣ. «А что это, Марья Еридьевна, у тебя больно русскимъ духомъ пахнетъ?» Марья Еридьевна ему отвѣчаетъ: «И-и-и, Коть Безсмертный, ты по вольному-то свѣту шатался, русскаго духу наimalsя». Вотъ Коть Безсмертный на ея слова не взираетъ: и нюхалъ и искалъ. Подошелъ къ сундуку: «Отпирай! Кто у тебя тутъ?» Сейчасъ Марья Еридьевна отперла;—онъ взялъ его и вытащилъ, вывелъ изъ дому въ чисто поле, изрубилъ его на мелки куски и раскидалъ по чистому полю. Отколь ни взялась собака съ своими дѣтьми; она и давай бѣгать и всѣ куски собирать, и стала ихъ приставлять. Составила его, какъ онъ былъ, сбѣгала въ горы, принесла живой и мертвой воды; sprysнула прежде мертвой водой—срослось его все тѣло, какъ было; sprysнула его живой водицей—онъ всталъ, встряхнулся, и какъ былъ, пошелъ, да и сказалъ: «Какъ я долго спалъ!» Собака и говоритъ: «Да, кабы не я, ты бы и на-вѣчно спалъ». Онъ ей и говоритъ: «Спасибо тебѣ!» А самъ

въ домъ къ Марьѣ Еридьевнѣ пошелъ. Пришелъ къ ней—Кота Везсмертнаго нѣтъ: ушелъ по вольному свѣту гулять. Увидала его Марья Еридьевна, да и обезпамятила. «Что это такое? Какъ ты живъ сталъ?» Опять сѣли и поплакали. Иванъ царевичъ говоритъ: «Ты напой его пьянаго, да спроси, дѣ у него смерть, а я по-кѣмъ ѣсть уйду въ чисто поле». Вотъ онъ ушелъ; приходитъ Коть Безсмертный домой и говоритъ: «Да-ка, Марья Еридьевна, мнѣ испить». Она подаетъ ему поила пьянаго. Онъ какъ ковшичекъ выпилъ, у него же тотъ часъ запумѣло въ головѣ, и говоритъ: «Ахъ, Марья Еридьевна, превосходное пойло! Да-ка еще!» Она—еще, посильнѣе. У него въ глазахъ индо туманъ сталъ и сѣлъ, повалился—лежить. Она и спрашиваетъ его: «Коть Безсмертный! А дѣ у тебя смерть?» Онъ и говоритъ ей: «А нашто тебѣ?» «Да я помолюсь, чтобы ты здоровъ былъ». «У кошки въ ж...ѣ». Вотъ Марья Еридьевна поставила кошку на окошко и молится. Коть лежитъ и разсмѣхнулся: «Ха, ха, ха! Нѣтъ, Марья Еридьевна, моя смерть подъ порогомъ, въ вѣнникѣ вонь». Марья Еридьевна взяла и вѣнникъ съ полу подняла, стала Богу молиться. Коть лежитъ, улыбается и говоритъ: «Моя смерть, Марья Еридьевна, въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздолѣ. Стоить бѣлая береза; подъ березой зарытъ сундукъ, въ сундукѣ—утка, а въ уткѣ—яйцо; въ яйцѣ—моя смерть. Кто его достанетъ и разобьетъ, тогда я умру». Вотъ она отобрала отъ него эти рѣчи. Прошла темная ночь; на утро Коть Безсмертный всталъ, по вольному свѣту гулять пошелъ, а Иванъ царевичъ къ ней чай кушать пришелъ. Она стала разказывать ему: вотъ, дескать, гдѣ его смерть. Иванъ царевичъ пошелъ въ чисто поле, въ широкое раздолѣе и нашелъ бѣлую березу. Сталъ рыть и копать, смерти Кота Безсмертнаго искать. Онъ сталъ землю копать, а Коть пересталъ по вольному свѣту гулять, сталъ на постели лежать. Говоритъ Марьѣ Еридьевнѣ: «Кто-то мою смерть трогаетъ: очень мнѣ тяжело!» Дорылся Иванъ царевичъ до сундучка—онъ крѣпко сталъ нездоровъ, и говоритъ: «Ахъ, да кто-то мою смерть трогаетъ!» Открылъ Иванъ царевичъ сундукъ—уточка изъ него и улетѣла. Коту Безсмертному полегче стало. Откопъ ни взялась ворона съ воронятами, уточку подхватила, къ Ивану царевичу потащила. Опять Коту Безсмертному тяжело стало. Иванъ царевичъ

уточку принималъ и головку отрубалъ, и яичко изъ нея вынималъ. Котъ Безсмертный совсѣмъ помираетъ. Вынулъ Иванъ царевичъ яичко—оно все въ кровѣ.—«Дай пойду помою!» Пошелъ на рѣчку помыть, вымылъ да и упустилъ.—Котъ Безсмертный отдохнулъ. Отколы ни взялась щука, цопнула своѣмъ широкимъ носомъ, высунула голову: «На вотъ, Иванъ царевичъ, за твою добродѣтель, что меня не тронулъ». Иванъ царевичъ яичко взялъ, къ Марѣ Еридьевнѣ въ домъ пошелъ. Котъ лежитъ и дѣ-дѣ дохнѣтъ. Яичко Иванъ царевичъ въ дому разбилъ. Котъ Безсмертный смерть себѣ получилъ.

И такъ, Марья Еридьевна обрадовалась, на шею ему бросалась; Кота Безсмертнаго бросила и уѣхали къ Ивану царевичу въ его царство. Приѣхали—не пиво варить, не вино курить—веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Стали пить, гулять, веселиться. Бѣды какъ гуляли! Прочіе пили ковшомъ, а я—рѣшетомъ; по бородѣ-то текло, да и въ ротъ не попало.

(Абрамъ Новополадѣвъ).

62.

Про царскихъ мастеровъ.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, не въ нашемъ королевствѣ, жилъ былъ великій царь, имѣлъ онъ у себя двоихъ мастеровыхъ людей: первый, скажемъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, а второй, скажемъ, былъ столарь. Вотъ работали царю вещи и на каждое утро являлись къ нему, кто сколь чего сдѣлать. Золотыхъ дѣлъ мастеръ явится: «Я вотъ столько сдѣлалъ», а столарь явится: «Я вотъ сколько». Въ и иное время сошлись они оба вмѣстѣ и немножечко были подъ шумкомъ. Пришли къ царю на вѣсти и завели межъ собой крупный разговоръ. Золотыхъ дѣлъ мастеръ говоритъ столарю: «А вѣдь меня, братъ, царь-то лучше любитъ: я золотныя вещи дѣлаю!» А столарь-то ему упретилъ и такія же слова говорилъ: «Да изъ золота дуракъ сдѣлать: золото и такъ хорошо; а ты сдѣлай-ка изъ дерева да хорошее издѣліе! Вотъ тогда не знай,

кого царь-то полюбить». Золотыхъ дѣлъ мастеръ сказалъ, что меня царь лучше любить, а столарь-то сказалъ: «Врешь! меня лучше любить!» Покричали, покричали, въ кучку собрались, да и подрались. Царь услышалъ въ коллорѣ шумъ и спросилъ: «Что это?» Тутъ ихъ взяли сторожа, взяли, подхватили и къ царю потащили. Царь сталъ ихъ спрашивать: «Что вы у меня шумите?» Они думали, думали и говорятъ: «Кого ты насъ, батюшка царь, лучше возлюбляешь?» «Ну, кто сдѣлать мнѣ лучшую вещь—того лучше и любить буду». Золотыхъ дѣлъ мастеръ вернулся въ свою слесарню и сталъ думать, чего бы получше сдѣлать. Одинъ говорить то, а другой-отъ свое (ученики-то то-есть). А вотъ изъ молодыхъ былъ робять ученикъ его; онъ молодой изъ робять, ну больно на работу тароватъ—подумалъ, да и сказалъ: «А вотъ, господинъ хозяинъ, прелестную штуку я вздумалъ: давай-ка золотого сольемъ селезня—будетъ по водѣ плавать и по царскому двору летать». Столарь пришелъ въ свою столарню, сѣлъ за столъ невеселъ, буйну голову повѣсилъ и думаетъ: а какъ превосходную штуку да получше сдѣлать царю? Призываетъ учениковъ своихъ: «Вотъ, ребята подумайте, чего бы намъ сдѣлать изъ дерева получше да въ гостинецъ царю нести?» Всѣ они думали и не вздумали, и сказали: «Чего мы—изъ дерева? Лучше сдѣламъ изъ золота: золото и такъ хорошо». Одинъ былъ мальчикъ, онъ на ученье поступилъ семнадцати лѣтъ, и тотъ же часъ сказалъ: «Вотъ, дяденька хозяинъ, давай-ка сдѣламъ крылышки, чтобы на проволокахъ могли летать, по вольному свѣту полетать». Вотъ стали перышки тесать и на проволоку надѣвать. Крылышки тесали, на проволоку надѣвали, дали въ руки хозяину. Хозяинъ раздѣлся, подвязалъ крылья, въ навидку надѣлъ солдатскую шинель—онъ и пошелъ молодецъ въ царскій дворецъ. Пришелъ во дворецъ, смѣло взшелъ къ царю на крылецъ и стоитъ дожидается. Приходитъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, приноситъ золотое издѣлье. Докладываютъ царю: «Пришли мастера къ вамъ, принесли вамъ гостинецъ». Выходитъ царь на крыльцо: «Здравствуй, дѣти!» «Здравія желаемъ, ваше царское величество!» «А что же пришли?» «Пришли». «Принесли?» «Принесли». Золотыхъ дѣлъ мастеръ говорить: «Да, ваше царское величество, а вотъ въ этотъ же пересѣкъ прикажите натаскать воды!» И какъ разъ, въ тотъ же часъ налили въ пере-

сѣкъ воды. Золотныхъ дѣлъ мастеръ побу раскрылъ, изъ поли селезня золотого вынулъ, пустилъ на воду, въ пересѣкъ. Вотъ селезень поплавалъ, да полетѣлъ и по прѣволкѣ въ пересѣкъ прилетѣлъ. И тутъ была молодая царица, ногами затопала, руками захлопала! «А не можетъ такъ быть! Онъ не можетъ изъ золота летать! Живаго селезня вызолотилъ!» Золотныхъ дѣлъ мастеръ сказалъ: «Ваше царское величество! Не прикажите казнить вѣшать—прикажите слово молвить! Можно его разобрать и опять онъ можетъ по воздуху летать». Царь сказалъ: «А спасибо тебѣ, золотныхъ дѣлъ мастеръ! Отлично хорошо! А что ты, столарь сдѣлалъ?» Столарь говоритъ: «Ваше царское величество! Прикажете на самомъ высокѣмъ этажѣ два окна открыты!» Два окна открывали, вотъ же столарь шинель сбросилъ и полетѣлъ на верхній этажъ. Влетѣлъ въ одно окошко, въ другое вылетѣлъ и спустился опять на тотъ же крылецъ, дѣ прежде стоялъ. Вотъ ихъ батюшка царь поблагодарилъ и водочкой угостилъ, и домой проводилъ, и сказалъ: «Обѣхъ васъ люблю!» Вещи ихъ отобралъ; они пошли несолоно хлебали. Слитаго селезня царица принимала, въ шкатулочку запирала, а батюшка царь крылышки бралъ, въ сундукъ запиралъ. У нашего батюшки царя былъ единый сынъ; онъ крылышки подобралъ, подвязалъ, взвился, да и полетѣлъ, и далеко улетѣлъ въ иную землю. Крылышки подъ пазухи подвѣшалъ и пошелъ городомъ гулять, и никто его не могъ узнать. Идетъ базарнымъ толкунѣмъ—на него глядятъ торговцы молодцы. «Чей такой,» спрашиваютъ его,—«удалый молодецъ?» Смотрятъ и видятъ, что онъ роду хорошаго и рѣчь умилная, хороша. «Я—дальній». Какъ одинъ именитый богатый купецъ дѣтей себѣ не имѣетъ, а большимъ капиталомъ владѣетъ: «Пожалуйте, молодецъ, сюда! Вотъ чайку мы съ тобой покушамъ, а другъ отъ дружки хорошихъ словъ послушамъ. Чей ты такой?» «Я—бродяга!» Эти онъ его слова не принимаетъ, въ работнички его нанимаетъ. Въ работнички онъ на годъ нанялся и торгуетъ хорошо. Всѣ купцы его знаютъ, за хорошаго прикащика почитаютъ. Покупатели къ нему ваятъ—онъ не поспѣетъ имъ товару отпустить. Вотъ его хозяинъ въ лавочкѣ сидитъ, любитъся, на него глядитъ. «Ахъ да молодецъ продавецъ! Поди-ка въ дѣточки ко мнѣ!» И стали они вмѣстѣ жить и богатство наживать.

Вотъ въ ѣвтемъ же городу, да у иннаго царя была доченька одна, неоцѣненной красоты, только разумомъ слаба. На базаръ она пошла, къ молодому прикащику въ лавочку зашла, да и сказала: «Прикащикъ молодой! Проводи меня домой!» Прикащикъ смотритъ и говоритъ: «Хороша барышня! Не могу тебя проводить домой, а если желаете меня видѣть у себя, такъ окно откройте». Вотъ той же ночь, во глухую полночь мальчикъ крылышки подѣлалъ и полетѣлъ, въ возъ сѣлся и полетѣлъ; къ окошечку подлетѣлъ и влетѣлъ въ него. И тутъ они пили, гуляли, въ карточки играли, волѣтки орѣшки разбивали, кожурочки въ окошечко кидали. Ну, скоро сказка сказывается да не скоро дѣло дѣлается— время прошло много. И такъ какъ эта вельможа—царская дочь, она съ нимъ забрюхатила; и прочіе такъ говорятъ, что у нашего батюшки царя дочь брюхата. Дошли рѣчи до царя. Царица-то знатъ, а царю-то не докладываютъ. Вотъ царь потребовалъ двоихъ докторовъ, главнаго да ученика. Вотъ царица, будь недурно, доктора-то задарила, а ученику-то и рюмочку не поднесла. Вотъ ее дохтуръ пощупалъ и похваталъ, царю и сказалъ: «Она молодой человѣкъ; оттого она толстѣетъ, что въ пору всходитъ». (Да какой же шутъ въ пору всходитъ, а послѣднюю половину ходитъ!) А вотъ дохтуръ съ ученикомъ шли домой, забрались въ кабакъ, выпили на пятакъ; выпивши, домой собрались, а дорогой раздрались. Дохтуръ ученика свалилъ, морду ему наколотилъ. Ученикъ на него серчалъ, къ батюшкѣ царю побѣжалъ и говоритъ: «Я, батюшка царь—до васъ. Ваша дочка не толстѣетъ, а послѣднюю половину брюхатая ходитъ. Я и преступника укажу». Батюшка царь согласился. «Дѣ же онъ?» «Лазать въ окно». Онъ сдѣлалъ клею изъ яду, изъ зелья; можетъ на колѣнки пристать и отъ шароваровъ лоскутья оторвать, и сказалъ царю: «Завтра поймаемъ!» Дочки не сказали; окошко открыли, ядомъ-зельемъ намазали. Онъ, добрый молодецъ, во глухую полночь подлетаетъ къ окну; постучалъ въ него—открыла она ему немножко. Влѣзъ въ окно, поцѣловалъ ее три разъ и туго къ сердцу прижималъ, да и говоритъ: «Здорово да и прощай! Мнѣ нынче не досугъ прокладываться: на ярманку надо сейчасъ ѣхать». И улетѣлъ. День бѣла заря началась—царь дохтурова ученика призвалъ. Ученикъ открылъ ему окошечко, показалъ два лоскуточка. «Вотъ, батюшка

царь, можете искать и еуды хотите, можете дѣвать!» Вотъ царь въ рогъ заигралъ, въ цыбалы забилъ, всѣхъ на дворъ призывалъ, шароварчики со всѣхъ скидалъ; виноватаго искалъ. Добраго молодца тотъ разъ не было у крыльца. Вотъ же наконецъ послѣ всѣхъ идетъ этотъ удалый молодецъ: у сертучка полки раздуваются, а на шароварахъ дырочки виднѣются. Его взяли подхватили, на висѣлицу потащили. Царь приказалъ свою взять дочь, рядомъ поставитъ и удавить съ нимъ вмѣстѣ. Сдѣлали петли шелковыя, лѣстницы высокія; взвели ихъ на высокую лѣсенку. Добрый молодецъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Батюшка царь! Не прикажите казнить вѣшать, прикажите слово молвить, передъ оставшимъ концемъ намъ съ вельможей проститься!» Тотъ сначала не позволилъ, ну а подкупленные склонили.

Онъ вельможу цѣловалъ, туго къ сердцу прижималъ; крылышки расправлялъ и возвился полетѣлъ. Вотъ сказалъ же батюшка царь: «Заряжайте сорокъ пушекъ, стрѣляйте въ нихъ!» А отъ него только дымъ столбомъ. Прилетѣлъ къ батюшкѣ во дворецъ и живетъ съ супругой молодецъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

63.

Про царя и про кузнеца.

Царица доржала пригулочку. Пошла въ садъ погулять, а у кузнеца кузничиха забрюхатѣла и пошла вдаль рѣчки погулять, пьяницу кузнеца поискать. А царица по саду гуляла, друга искала. Находила себѣ друга и подъ скрытное мѣсто скрывались и вѣточкой забавлялись. У царицы была служанка. Отъ царя они скрывались. И этотъ юношъ заведенъ былъ въ чревѣ и сказалъ: «Хорошо», говорить, — «дѣлаете — кроете вора по ворѣ!» А царица слышитъ, что онъ речетъ въ чревѣ, и сколько она его во чревѣ не носила, а видѣть его не желала, и думала себѣ. Высчитавши свои недѣли (они люди

учёны: знаютъ въ кое время зарожжены и въ како время родится) и сказала: «Хотя мнѣ родиться, да онъ мнѣ не годится». Желаетъ къ себѣ баушку повитуху. Тѣ дни и часы и минуты и родила она себѣ сына, речешаго во чревѣ: воръ то по ворѣ, а б.... по б...и! Просить царица баушку. «Баушка старуха, въ городѣ народу много—нѣтъ ли гдѣ родящаго мальчика? Не приходилъ ли кто къ тебѣ? Не призывалъ ли прежде меня на повои?» Сказала ей баушка: «Звали меня къ кузнецу, кузнечёнка повивать». Говорить царица: «Нѣсколько даю я тебѣ злата и серебра—отнеси моего царёнка, смѣняй его на кузнечёнка». Баушка деньги не брала и власти съ нея не сняла; царёночка взяла, къ кузнецу въ домъ понесла и сказала кузнечихѣ: «Кузнечиха, кузнечиха! Давай смѣняй на царёнка. Не сказывай кузнецу и не сказывай царю. Если не смѣняешь, то жива не будешь: съ тебя голову сымутъ, а батюшка царь во всѣхъ насъ волѣнъ: что захочетъ, то и дѣлаетъ, хочетъ казнить, хочетъ мловать. Ну если смѣняшь—на свѣтъ пустить». Кузнечиха кузнеченка баушкѣ отдала, а царёночка приняла. Стала его поить и кормить хлѣбцемъ да квасомъ. Онъ ѣлъ хлѣбъ, пилъ квасъ и выросъ заразъ. Не по днямъ росъ, а по часамъ. У кузнеца обмѣненный его сынъ не по днямъ—по часамъ растеть и выросъ онъ неоцѣненной красоты: не вздумать, не взгадать, и не можно перомъ написать. А царская баушка кузнечёнка царицѣ принесла и также кузнечёнокъ у царя растеть не по днямъ—по часамъ, въ совершенномъ разумѣ кузнецъ.

Выросъ у царя сынъ новорожденный одинъ разъединный. Запретъ онъ себя пролѣточку. Батюшка царь поѣхалъ вдоль моря погулять съ своимъ сыномъ, гдѣ бы устроить карабельную пристань, вдоль по матушкѣ по Волгѣ (sic). Тутъ росли красные лѣса, и также былъ у кузнеца единый и прошенный сынъ, одинъ какъ порохъ въ глазѣ, и такъ кузнецъ сына лелѣялъ, какъ на блюдечкѣ яичко. Запретъ кузнецъ трюногоньку лошадеку и поѣхалъ погулять. Възѣхали въ дремучій лѣсъ подлѣ синяго моря и говорить сынъ: «Эхъ, папашенька, а вотъ бы здѣсь намъ устроить карабельную пристань!» Такъ онъ тутъ вѣрѣшко смотрѣлъ и близео царя громкимъ голосомъ кричалъ, а царь съ своимъ сыномъ да ѣхалъ тутъ мимо. Царскій сынъ и говорить:

«А вотъ бы, папашенька, тутъ бы вотъ намъ кузницу съ тобой устроить! Этотъ лѣсъ вотъ повалать, да на уголья пережечь. Превосходное мѣсто!» Ну, они такъ съѣхались—кузнецъ и царь; и кузнецъ весьма радъ своему сыну, а царь болѣ того радъ. И думаетъ царь: «Что такое?» Вдругъ на память пришло: «Не-премѣнно это мой сынъ! Обмѣняли они мнѣ его». Ну, узнать ему нельзя. Думаетъ, что надъ кузнецомъ сдѣлать. Вотъ этотъ царёнокъ выросъ лѣтъ семи или девяти; съ князенецкими и съ боярскими дѣтьми какъ пойдётъ вдоль синяго моря да и скажетъ: «Робѣты, а вотъ больно лягушки кричатъ! Уймите ихъ, скажите: лягушки, перестань кричать!» Они всѣ кричатъ, зѣваютъ, а лягушекъ кричать не унимаютъ. Кузнецовъ сынъ и говоритъ: «Погоди, ребята,—я скричу!» И закричалъ: «Лягушки, перестань!» Лягушки всѣ перестали.

Въ это же время пошли они въ лѣсъ погулять и сказалъ кузнецовъ сынъ: «А вотъ, ребята, лѣсъ стоитъ прямо; а кричите: лѣсъ, наклонись!» Они кричали, кричали—ни одинъ кустъ не наклонился. Сказалъ кузнецовъ сынъ: «Лѣсъ, наклонись!» Лѣсъ весь наклонился. И пошли всѣ по домамъ и сказываютъ поговорочку про кузнецова сына своимъ отцамъ, что онъ мудрецъ и хитрецъ. Царь и говоритъ: «Это не кузнецовъ сынъ, а это непременно мой». Вотъ же этотъ батюшка царь призываетъ своего кузнеца. «Господинъ», говоритъ,—«кузнецъ, я слышалъ у тебя есть сынъ хитрецъ». Кузнецъ ничего на это не отвѣчалъ, а только промолчалъ. «На-ка тебѣ, кузнецъ, печеныхъ двадцать яицъ, чтобы вылупились двадцать цыплятъ». Онъ ихъ забралъ и въ чепанишечко, въ подолъ поклалъ. Приходитъ домой, сѣлъ съ кузнечихою своею и горько плачутъ, что имъ далъ батюшка царь двадцать печеныхъ яицъ и вывести клушекъ изъ нихъ двадцать живыхъ цыплятъ. Сидятъ, горюютъ, плачутъ. Въ этотъ часъ сына у нихъ дома не случилось. Приходитъ онъ. «Что вы, батюшка, не веселы?» «Какже, сынокъ не плакать? Вотъ далъ мнѣ царь двадцать печеныхъ яицъ и велѣлъ посадить клушку, вывести двадцать цыплятъ!» Сынъ и говоритъ: «Бей да ѣшь! Больше ничего не будетъ». Печёны яица разбивали и съ квасомъ ихъ хлебали.

Черезъ нѣкоторое время царь требуетъ кузнеца чтобы тотъ

шелъ къ царю и несъ живыхъ цыплятъ. Кузнецъ больше того заплакалъ. Сынъ говоритъ ему: «А поди-ка, тятенька, тащи-ка гусиное лутошко; скинь-ка портки да садись въ него!» Сѣлъ кузнецъ, сидитъ да посиживаетъ. Отъ царя приходитъ второй посланникъ; постучалъ къ окно: «Дома ли кузнецъ?» Сынъ отвѣчаетъ: «Дома». «Живо къ царю пусть идетъ!» Кузнецовъ сынъ говоритъ: «Не время ему; скажи царю: онъ на яйцахъ сидитъ, выводитъ цыплятъ». Тотъ не зная чего ему сказать, — ушелъ назадъ. Батюшка царь спрашиваетъ посланника своего: «Видѣлъ ли ты его?» «Видѣлъ. Онъ на яйцахъ сидитъ». «Ахъ, глупый ты человекъ! Да развѣ можетъ человекъ на яйцахъ сидѣть?» «Кузнецовъ сынъ мнѣ сказалъ: изъ печеныхъ яицъ никогда цыплята не выводятся». Царь говоритъ: «О, это сыновнины мудрости, а не кузнецовы!» Сказалъ царь со страхомъ: «Чтобы живо шелъ!» Кузнецъ оболокся и къ царю поволокся. Пришелъ. «Здравствуйте, ваше царское величество!» «А что, кузнецъ, гдѣ яйца?» «Побилъ да поѣлъ, а самъ на яйцахъ сидѣлъ». «Ну», сказалъ царь, — «это сыновнины мудрости. На тебѣ пудовку проса, пересчитай — сколько тутъ зеренъ!» Кузнецъ насыпалъ въ мѣшокъ, поднялъ и поплелся домой. Пришелъ домой и горько плачетъ. Сынъ спрашиваетъ: «Что плачешь, батюшка?» «Вотъ царь далъ пудовку проса и велѣлъ пересчитать». «Матушка, ставъ въ печь, толки просо да вари кашу. Больше ничего не будетъ». Кузнецовъ сынъ принесъ превеличающую лутошку, изрѣзалъ ее въ мелкія писѣльки и сказалъ: «На, батюшка, тащи къ царю! Скажи ему: сколько на этой лутошкѣ писулекъ, столько въ пудовкѣ просинъ». Царь долго считалъ и на палкѣ счетъ потерялъ. Что онъ не могъ пересчитать, и кузнецъ не считалъ: просо истолокъ, кашку варилъ, своего сына кормилъ. Въ третій разъ призываетъ кузнеца великій царь. Приходитъ кузнецъ. «Здравствуйте ваше царское величество!» «Здравствуй, господинъ кузнецъ! На-ка вотъ бычка, чтобъ онъ утѣлился у тебя». Кузнецъ обраталъ быка за рога и приводитъ его домой, мимо горенки новой и по дорожкѣ столбовой. Привелъ домой, сидитъ плачетъ, рыдаетъ, сына милого дожидаетъ. Сынъ приходитъ. «Что ты плачешь?» «Какъ мнѣ не плакать? Далъ царь бычка, чтобъ онъ отелился!» Сынъ и говоритъ: «Рѣжь да ѣшь, батюшка! Больше ничего не будетъ». Кузнецъ

Сказки и пред. Сам. края.

14

бычка зарѣзалъ, шкуру снялъ и подъ себя постлалъ. На утро рано кузнецовъ сынъ сказалъ: «Истопа-ка, мамынька, баню, да не жарко, да иди, батюшка, поскорѣе; ложись на полдѣй повеселѣе! Вотъ только что крячѣи да никого не кричи: скоро самъ царь придетъ, будетъ тебя спрашивать. А вотъ онъ будетъ спрашивать, а мы ему будемъ сказывать. Гдѣ кузнецъ? А мы скажемъ: Въ банѣ, на полдѣй. Чего онъ тамъ дѣлаетъ? Родить хочетъ. Скажетъ батюшка царь: Ахъ глупый кузнецовъ сынъ, да развѣ мужики родятъ? А мы ему скажемъ: Да развѣ быки телятся?».

Кузнечиха рано встала, затопила баню не жарко, кузнеца въ баню отвела, положила на полдѣй. Вотъ кузнецъ-то лежитъ да крячѣитъ и никого не кричитъ. Въ тотъ же часъ пришелъ царь батюшка въ кузнецовъ дворецъ, на высокій крылецъ; восходитъ въ высокъ терѣмъ—тутъ ни печи, ни оконъ, посиживать одинъ кузнецовъ сынъ среди избы на стулѣ, (да немножко онъ боится, чтобы его черти не вздули). «А гдѣ же кузнецъ?» «Онъ—въ банѣ, на полдѣй». «Чего дѣлать?» «Родить хочетъ...» «Ахъ, глупый, да развѣ мужики родятъ?» Отвѣчаетъ кузнецовъ сынъ: «Да развѣ быки, батюшка царь, телятся?» Больше царю разговаривать нечего. «Скажи», сказалъ царь,—«своему батюшкѣ кузнецу, чтобы на утро ко мнѣ явился; ѣхалъ бы ни путемъ, ни дорогой, ни пѣшкомъ, ни на лошади, не нагъ и не въ платьѣ, всталъ бы ни на улицѣ, ни на дворѣ и велъ бы за собой друга и недруга». Кузнецовъ сынъ и говоритъ: «Все будетъ исправно на утро». Какъ зоренька занялась, онъ отцу и говоритъ: «Бери, батюшка, вилы и топоръ, отправляйся къ царю въ доворъ ни пѣшкомъ, ни на лошади,—сядь верхомъ на козла; поди укради худой вѣтеръ, рубашенку скидай—худой вѣтеръ на себя надѣвай. Ёдъ ни путемъ, ни дорогой—поѣзжай колесницею; встань ни на дворѣ, ни на улицѣ—передними ногами черезъ подворотню, а задними ногами за воротню, да помани за собой собачку. Ко двору то подѣзжашъ, внутомъ собачку ударишь—она отбѣжитъ—будетъ недругъ; хлѣбцемъ поманишь—она тотъ же другъ. Да поймай, батюшка, голубку. Когда выйдетъ царь тебя встрѣчать, ты скажи: Я привезъ гостинчика ни вамъ и ни себѣ! Ну-ка, скажетъ, а погляжу. Изъ пазушки ее вынимай и на волю

пускай». Кузнецъ все это дѣло исправилъ; собрался и къ царю понесся. Всталъ между воротъ—докладываютъ царю, что кузнецъ пріѣхалъ. Батюшка царь вышелъ, только головою помоталъ. «Ахъ, это моего сына мудрости! Должно быть у него не кузнечёнокъ, а мой сынъ, царёнокъ». Кузнецъ и говоритъ: «А вотъ, батюшка царь, у меня есть гостинчикъ—ни тебѣ и ни себѣ!» Царь-то и не знаетъ. «Какой же?» «Подойди-ка, изволь принять!» Царь руку протянулъ. Онъ вынулъ изъ пазухи гостинчикъ и выпустилъ на волю. «Ну», сказалъ царь кузнецу,—«молодецъ твой сынъ, кузнецъ! Поѣзжай домой!» Пріѣхалъ кузнецъ домой; сынъ встрѣчаетъ его: «Что, батюшка, дѣло исправно?» «Все исправно, сынокъ». Сынъ и говоритъ: «Здорово, батюшка, да и прощай! Ты мнѣ не отецъ, я тебѣ не сынъ!» И пошелъ куды знаетъ. Послѣ царь кузнеца опять призвалъ, спрашиваетъ: «Гдѣ, кузнецъ, твой сынъ?» »Пропалъ, батюшка царь!» Вотъ царь слилъ золотую карету и послалъ по вольному свѣту. И сказалъ посланникамъ: «Кто эту карету оцѣнитъ—тотъ сынъ мой. Поймать и ко мнѣ доставить!»

Посланники поѣхали лытать, царскаго сына искать. Ъхали путемъ дорогой, чистымъ полемъ, и пасеть пастушекъ стадо. Подъѣхали. Онъ сидитъ на бесѣдѣ и ѣстъ хлѣбъ и вшей бьетъ. Посланники спрашиваютъ его: «Что ты дѣлаешь?» «Старинку убавляю, а новинки прибавляю, а съ недругами управляюсь». «А что карета стоитъ?» У пастуха былъ хлѣба кусочекъ, онъ и говоритъ: «Она этого кусочка не стоитъ». И съѣлъ. Они съѣли въ карету и поѣхали къ царю. Пріѣхали, докладываютъ, что никто кареты не оцѣнилъ, только пастухъ оцѣнилъ, сказалъ, что кусочка хлѣба не стоитъ. «А вотъ, глупые, она хлѣба не стоитъ; всего стоитъ, а его—нѣтъ!»

Тѣмъ все и кончилось.

(Абрамъ Новопольцевъ).

64.

Учитель и ученикъ.

Жили были старикъ со старухой и жили они близъ города, на Волгѣ, и у нихъ былъ одинъ сынъ. Они были въ престарѣлыхъ лѣтахъ и думаютъ себѣ какъ бы къ чему сына приучить, чтобы онъ имъ былъ кормилецъ. За Волгой, въ городѣ такой былъ мастеровой человѣкъ, училъ разнымъ языкамъ и разнымъ издѣльямъ, и по всячески можетъ онъ оборотиться. Обучалъ онъ молодыхъ людей—ребятъ, бралъ ихъ отъ отцовъ матерей на три года. Если три года онъ поучится, и потомъ если отецъ или мать придетъ, узнаетъ черезъ три года—можетъ назадъ взять, а не можетъ узнать—въ п ó л ъ ю остается учителя. Старикъ со старухой думали, да и вздумали отдать сына подъ ученье. Старуха говоритъ: «Три года не тридцать лѣтъ, чтобы его не узнать». А вотъ посадилъ въ лодочку старикъ своего сына, да и отвезъ въ городъ отдалъ подъ ученье и съ тѣмъ договоромъ, чтобы его всему обучить, бесплатно на три года и назадъ его черезъ три года взять, коли узнаетъ.

Отвезъ. Прошло трехлѣтіе, пришло время ѣхать за сыномъ. Старуха старику наказываетъ: «А вотъ же, старикъ, завтра три года минетъ; надо будетъ за сыномъ ѣхать». Ему было бы з а в т р е ѣхать, а онъ на нынѣшнюю ночь, во глухую полночь является къ нимъ (сынъ-то). Пришелъ, Богу помолился, батюшкѣ съ матушкой поклонился, да и говоритъ: «Батюшка, приѣзжай завтра за мной! Не узнаешь ты меня. Насъ у него двѣнадцать молодцевъ, какъ ясныхъ соколовъ; мы всѣ подъ одинъ голосъ, подъ одинъ волосъ и подъ одну черну бровь. А вотъ слушай, что я буду говорить. Какъ онъ на насъ, двѣнадцать молодцевъ, надѣнетъ одѣжу, на всѣхъ равну и поставитъ рядомъ—тебѣ меня не узнать; да вотъ слушай же, батюшка: онъ меня поставитъ съ праваго боку, к р а й наго—ты прямо цопъ да цопъ, скажи ему: Это сынъ мой! А вотъ ты тутъ сплосашъ да прозѣвашъ; онъ меня у тебя отниметъ, ссунетъ меня да и скажетъ: А, ребята, перебѣгисы! Второй разъ разставитъ насъ, поставитъ меня съ лѣваго боку

второго. А вотъ бери и крѣпче держи. Если онъ у тебя отниметъ, то навѣки пропаду». И съ тѣмъ полетѣлъ добрый молодецъ, куды ему слѣдуетъ. А вотъ былъ учитель-то хорошъ, а онъ получше его. Какъ вотъ на утро день бѣла заря, а старушенька всею темною ночь не спала. Поутру рано вставала, келейку топила, старику завтракъ варила, старика разбудила. «А что спишь, старикъ, на печѣ? День, бѣлая зоря на дворѣ! Вотъ у меня и завтракъ про тебя на столѣ. Встань-ка, Богу помолись, на всѣ на четыре стороны углянись, да вотъ и съ Богомъ за сыномъ. А вотъ ротъ-то не разѣвай, а разинѣ бы въ ротъ не взѣхали». Старикъ Богу помолился, сѣлъ да позавтракалъ, сѣлъ въ лодочку, за ли л с я, а на Волгѣ горючими слезами залился. Приѣхалъ старикъ въ городъ, пошелъ въ гору, въ самую п о л д н ю ю пору. Пришелъ на учебное широко подворье, смотреть, поглядываетъ. Тутъ хозяинъ выбѣгаетъ, а вотъ дѣдушку за бѣлыя руки принимаетъ, да вотъ, какъ меня, на сундукъ его сажаетъ. «Знать, дѣдушка, за сыномъ приѣхалъ?» «Да, батюшка. Поважи-ка мнѣ его!» Сейчасъ учитель вывелъ двѣнадцать молодцевъ, разставилъ ихъ всѣхъ въ ш и р и н к у, надѣлъ на нихъ одежду всю какъ на одномъ, да и говоритъ старику: «А вотъ, дѣдушка сѣдой, есть ли сто рублей съ тобой? Выбирай, который твой!» Гдѣ ему узнать? По с ы н о в н и н ы м ъ словамъ только сталъ разбирать. Подошелъ къ правому ф л а н к у, да и цопъ цопъ крайнаго! Учитель и говоритъ: «Ахъ да, говоритъ, ты плутъ! Сдѣлалъ!» Выхватилъ у него изъ рукъ и закричалъ своимъ громкимъ голосомъ: «Сбѣгитесь, ребята, въ кругъ! «Ребята толпились, кругомъ собирались, да еще врозь разбѣгались. Во второй разъ учитель сказалъ: «Становитесь какъ были, всѣ подрядъ! Ну-ка, дѣдушка, выбирай!» Старикъ походилъ и кругомъ на всѣхъ посмотрѣлъ—какъ всѣ сыновья его! Вотъ зашелъ слѣва да и цопъ его! «Вотъ мой сынъ!» Его сохвatalъ и т у г о къ сердцу прижалъ. Учитель старика обижаетъ, сына у него отнимаетъ. Ученикъ и говоритъ: «А брось да и будетъ!» Взялъ старикъ сына за ручку да и—на Волгу. Сѣли въ легкую лодочку, сѣли да за Волгу и поѣхали. Вотъ старикъ весѣма былъ больно радъ, въ лодочку сына сажалъ, въ сахарны уста цѣловалъ. С е р е д и Волги доѣхали и летятъ сѣрые гуси съ святой Руси, летятъ да и г а г а х ѣ! г а г а х ѣ! А старикъ на гусей глядитъ, съ сыномъ слова гово-

рить: «А вотъ, сынъ мой милый, скажи-ка мнѣ, а что гуси ти летятъ, чего же они промежъ себя говорятъ?» Отвѣчаетъ сынъ: «Да вѣдь я, батюшка, не знаю». «Для чего же ты, другъ, учился, три года во ученѣи пребывалъ? Какъ же ты не знаешь, что гуси говорятъ?» «Батюшка, тебѣ ихъ рѣчь не покажется». «А что они говорятъ? Насъ только здѣсь съ тобой двое». Сынъ и говоритъ: «Они вотъ что говорятъ: когда мы приѣдемъ съ тобой домой и будемъ въ горенкѣ во новѣй, а матушка будетъ мнѣ на руки поливать, а ты будешь передо мной съ полотенцемъ стоять». Старикъ эта рѣчь не поправилась и говоритъ: «Разъ ты, сыночекъ, баринъ мой, а ништо я—слуга твой?» Тихохочко подобрался, да съ Божьей помощью бултыхъ его въ Волгу—и говоритъ: «Вотъ я и буду съ полотенцемъ для тебя стоять! Да я лучше по міру буду собирать». И утопилъ сына, а самъ поѣхалъ дальше. А вотъ эта старая старуха, большое ея брюхо, тѣмну ночку не спала, дорогá гостя ждала, сына милаго своего. Тотъ же часъ и старикъ Тарасъ является какъ разъ, горькимъ сиротой. Старуха старика увидала, заплакала; старикъ-отъ зарюмилъ, избу затопили, двери растворили и у нихъ жерновы замололи. «А вотъ», сказала старуха, — «что, старикъ, ты сына знать своего не узналъ и наказъ его не исполнялъ?» Вотъ старикъ изъ лица померзѣлъ, на это промолчалъ. Сказала старуха: «А что ты, старикъ болванъ, промолчалъ, про могó сына ничего мнѣ не сказалъ? Знать ты его не узналъ?» Старикъ вздохнулъ тяжело, со слезами отвѣтилъ: «Охъ, старуха, узналъ». «Куды ты его дѣвалъ?» «Въ Волгу ссавалъ». «Нашто ты это, старикъ?» «Погоди маненько—я тебѣ разкажу» (тутъ слѣдуетъ повтореніе разказа). «Ну ужъ нечего дѣлать, старикъ; по міру будемъ ходить». И топерь по міру ходятъ.

А тотъ добрый молодецъ оборотился рыбкой да ершомъ и отправился на ту сторону, дѣ онъ былъ, пребывалъ. Подплылъ къ берегу, выкинулся на бережокъ и сталъ молоденькій паренекъ. Вдоль бережку гулять пошелъ. Какъ при Волгѣ да на бережкѣ, къ вечеру поздно келейку нашелъ, ночевать зашелъ въ нее, а тутъ живетъ старикъ со старушкой. Онъ взошелъ, Богу помолился, хозяевамъ поклонился и говоритъ: «Здорово живете, дѣдушка съ баушкой!» Ну, вотъ старики сказали: «Добро жаловать, удалый молодецъ!» «Пустите меня ночевать». «Добро жаловать! Мы доб-

рымъ людямъ рады». Вотъ посидѣли, другъ на дружку поглядѣли, легли спать и сказалъ добрый молодецъ: «А вотъ, дѣдушка съ баушкой, мнѣ у тремъ завтра нужно будетъ рано вставать, за фатѣру вамъ отдавать—отдать-то и ничего, а вотъ въ плетневыхъ вашихъ сѣняхъ и утромъ рано на зорѣ будетъ конь стоять. Можете вести на базаръ да за денежки продать». Старикъ со старухой не спятъ ночь. Какъ зоренька занялась, а старушка на дворъ собралась. Поглядѣла — въ сѣняхъ стоитъ сивенькій конекъ, не промолвить стоитъ. Старуха увидала, скоро въ келейку побѣжала, старика разбудила. «Ахъ, старый ты мужъ, сѣдая твоя борода! Погляди-ка что у насъ на дворѣ! Сивенькой конекъ. Бери-ка, да веди, продай его!» Старичекъ взялъ добраго коня и повелъ на базаръ.

А этотъ же плутецъ, учитель-молодецъ, онъ это все знаетъ, что мальчишъ и справляетъ. Онъ его ждалъ дожидался и скоро за коня хватался, и говорить: «Куды, дѣдушка, лошадку ведешь?» «На базаръ продавать». «Продай-ка мнѣ». «Купи, батюшка». «А сколько возьмешь?» «Сотенку рублей, другъ». Онъ сотенку вынималъ, а тотъ ему лошадку отдавалъ. Вотъ этотъ же учитель жеребчика беретъ и къ себѣ на дворъ ведетъ, привязываетъ ко столбу его ко верейному, ко колечушку серебряному, да и закричалъ громкимъ голосомъ: «А вотъ, ребята молодцы, подойдите-ка сюды!» Робятушки изъ училища выходили, подошли къ хозяину и говорятъ: «Что прикажешь, хозяинъ, работать?» «А вотъ стоятъ вязовныя дрова; берите по свисту (по плахѣ), да идите ко мнѣ сюды. Да ну-ка жеребчика по бокамъ! До тѣхъ поръ его бейте, только до смерти не убейте!» Для того его учитель билъ, чтобы онъ молодчикомъ былъ. Не жеребчика учитель купилъ, а своего мастера. Ну ребятамъ было его бить жалко: они ничего не знали, жеребцомъ его считали, не думали что человѣкъ. Они больно его били и такъ онъ кольцами вилсъ, отъ столба оторвался, яснымъ соколомъ возвился. Добрый молодецъ — яснымъ соколомъ, а хозяинъ за нимъ — ястребомъ. Хочетъ ястребъ сокола поимать, а соколъ можетъ по соколиному летать. Середь матушки Волги оборотился ершомъ да въ Волгу, и погуливаетъ по ней. Учитель—за нимъ щукой, плаваетъ за нимъ въ погонь, хочетъ его догнать, хочетъ поимать. Вотъ щука ершу и говорить: «Ершъ, ершъ, ершъ, поцѣлуй щуку въ рыльце!»

Отвѣчаетъ ершъ шувѣ: «Да ты щука же востра! Поймай-ка ерша да съ хвоста!» Ну, онъ ее по матушѣ Волгѣ поводилъ да не ѣдчи оголодилъ. Сколь не мучилась, ерша не понимала, и отправилась чуть жива щука домой и чуть дошла до горенки до новой. Ершъ былъ проходная рыба, былъ онъ вездѣ: и въ городѣ, и въ Казани, да еще былъ въ Кандаля на базарѣ. Его продають въ хвалѣ, а ѣдятъ въ честѣ. Вотъ этотъ ершъ и уплылъ въ инныя стороны, далече, въ незнакомое царство, подплываетъ къ царскимъ мостамъ, и тутъ же царская дочь ходитъ по зорямъ умывается. Подплылъ ершъ къ мосткамъ, развернулъ свой гребешокъ и самъ вышелъ на бережокъ—легъ на мостки, оборотился золотымъ перстенькомъ. Приходитъ царская дочь, да пожалуй что во глухую полночь, смотреть и глядить: очень въ глазахъ съяетъ. Это не угонѣкъ съяетъ, а перстенецъ сверкаетъ. Перстенецъ дѣвушка брала и домой побрела; и смотреть, куды бы его дѣвать, и думаетъ себѣ: кабы не потерять! Лучше на пальчикъ надѣтъ. Ходитъ день, гуляетъ, а на перстенецъ частѣхонько взираетъ. Онъ день—на рукѣ перстенькомъ, а ночь—на постели молодцемъ. И вотъ же такъ черезъ сколько время учитель узналъ что въ такой-то землѣ, въ такомъ-то царствѣ царская дочь нашла перстень. Приѣзжаетъ ко царю и докладываетъ. (Ну, онъ былъ славущій еретикъ, что всѣ его иностранцы знали, за колдуна почитали) Сказалъ учитель: «Ваше царское величество, я до вашей милости. Въ такое-то время изъ такого-то бѣгъ я мѣста на проходѣ, обронилъ я у васъ на мосткахъ перстень. Перстенецъ ваша дочка нашла; прошу я васъ: отдайте мнѣ его.» Призываетъ царь свою дочь, спрашиваетъ ее: «Дочь моя, дочь моя разумна, ты нашла перстенецъ; хозяинъ выискался. Отдай его!» Очень было ей отдать жалко. Не перстенецъ жалко—съ молодцемъ разстаться жалко. Прекраснѣйшая дѣвица ногами затопала, руками захлопала, да и сказала: «Этого не было да и не будетъ! Не отдамъ!» Учитель сказалъ: «Перстень не отдашь—вольный свѣтъ потеряшь!»

Время день продолжали, пришла темная ночь. Вотъ они лежать—добрый молодецъ и дѣвица, лежать на постелькѣ, да разговаривають. «Красная дѣвица, тебѣ перстнемъ не владать, а ты можешь колдуну отдать. Ну, мотри помни, не забудь:

будешь скидывать его, не давай въ руки. Ударь объ каменный полъ, я разсыплюсь на всѣ мелкія части—малѣющая крупинка подкатится къ твоему стулу—топни ногой и зажми эту крупинку». Вотъ по утру рано призвали ее къ отцу, стали отымать у нея перстень. Она въ руки имъ не давала, на полъ бросила, на мелкіе куски разбила. Учитель же оборотился ястребомъ да и ну клевать да клевать, золотого перстня крошечки собирать. Всѣ крупинки собралъ и сказалъ: «А, попался мнѣ!» И думаетъ, что съѣлъ его. А онъ помудренѣй его: онъ подъ ногой лежитъ, да вонь изъ горенки не бѣжитъ. Учитель распростился, да ушелъ. Она ножку подняла и крошечку взяла. Опять сталъ день — перстенькомъ, а ночь—добрымъ молодцемъ. Послѣ того приходитъ дочь къ батюшкѣ царю и говоритъ: «Я замужъ хочу!» Царь и говоритъ: «Дочь моя умна, дочь моя разумна, гдѣ же ты себѣ суженаго прибрѣла?» «На мосткахъ нашла!» Протягаетъ бѣлую руку и показываетъ судьбу свою: «А вотъ этотъ перстенецъ, батюшка, день-то я его на рукѣ ношу, а ночь съ молодцемъ на постели лежу». Вотъ веселымъ пиркомъ да и за свадьбу. Запрягли пару лошадей, повезли ихъ къ вѣнцу, не сказали отцу. Обвѣнчали, препоручили доброму молодцу царскую власть. Онъ сталъ царемъ исправлять, по губерніямъ газеты раздавать. Посылаетъ первый газетъ, гдѣ отецъ съ матерью живетъ: старые неимущіе старики шли бы къ царю: въ такомъ мѣстѣ новый царь безродныхъ стариковъ обуваешь и одѣваешь, поить и кормить. Вотъ его же отецъ съ матерью эти газеты принимали и для себя ихъ читали. Старикъ и говоритъ старухѣ: «Пойдемъ, старуха, туды, покажѣсь въ ногамъ сила есть!» Собрались да и пошли. Пришли къ новому царю. Приходятъ во дворецъ, встаютъ на самый конецъ. Царю доложили: «Явились странники».

Они думаютъ: онъ ихъ не узнаетъ, а онъ ихъ за отца съ матерью почитаетъ. Приказалъ ихъ позвать и гдѣ самъ живетъ, мѣсто дать. Вотъ старикъ со старухой ночку ночевали, поутру рано вставали, умылись, Богу помолились и новому царю поклонились. Вотъ мать-то стала новому царю на руки воды поливать, а дѣдушка съ полотенцемъ сталъ стоять. Не утерпѣлъ новый царь и говоритъ: «А вотъ, батюшка и матушка, правда моя случилась: вотъ матушка мнѣ стала на руки поливать, а ты сталъ, батюшка,

съ полотенцемъ стоять!» Старикъ больно обрадовался, на шею ему бросался и сказалъ: «Да развѣ это ты, сынокъ?» Онъ улыбнулся и при свиданіи съ отцемъ съ матерью разсмѣхнулся. «А ты, батюшка, думалъ, что я утонулъ? Я вѣдь не пропалъ—на хорошее мѣсто попалъ.» Стали жить да быть; худое-то проживать, а доброе наживать. Я тамъ былъ и пр.

(Абрамъ Новопольцевъ).

65.

Ванюшка и Аннушка.

Жилъ былъ старикъ со старухой. У старика старуха померла и ноги въ стѣну уперла. Ее хотятъ коронить, а она встаетъ изъ гробу, лѣзетъ на колокольню звонить. На это на нее не взирали, тотъ же часъ въ землю зарывали. Осталось у старика двое малыхъ юношевъ: сынокъ Ванюшка и дочка Аннушка. Вотъ на послѣдъ этотъ старикъ женился и прижилъ со второй женой троихъ сыновьевъ и трѣхъ дочерей. Мачиха не любила неродныхъ дѣтей. Свои дѣушки что напрудутъ зимнимъ временемъ—то весной выткуть. Дѣушки свои—весной ткать, а неродной она дочери не дастъ весной ткать—посылаетъ въ поле стадо пасти. И Ванюшка и Аннушка пасутъ въ полѣ стадо, плачутъ, рыдаютъ, свою мамыньку поминаютъ. А вотъ же неродная ея мать называетъ ее б.... «Ты, б...., можешь въ полѣ ткать!» Она возьметъ пятинку въ поле, повѣситъ на сучекъ и заплачетъ горько. У ней былъ въ стадѣ быкъ и заманила она его: «Бынеюшка, чернеюшка! Прибѣги и притеки и въ коробочку владь!» А бы не ѣка бѣжить, точѣтъ и прядетъ, и въ коробочку владетъ. Какъ вечеръ, Аннушка стадо гонитъ домой и вытканное цвѣтное платье несетъ тоже домой. Эта же неродная ея мать спрашиваетъ ее: «Гдѣ ты очень хорошо ткала, и скоро много наткала?» «Въ темномъ лѣсу, подъ березкой». Вотъ мачиха стала надъ ней подозрѣвать, сказала неродная мать своимъ роднымъ дочерямъ: «Вотъ вы, курвы, вотъ вы, б...., видите, какъ ваша неродная

сестра безъ стану точётъ, а вы на станѣ да не умѣете!» И бьетъ ихъ да колотить. Онѣ стали за сестрой на второй день подсматривать, какъ она ткётъ. Мачиха стала ее со стадомъ провожать; даетъ пряжи клубокъ да еще нитокъ мотокъ. «А вотъ на, изъ этой пряжи чтобы было выткано, а ниточками со шй то!» Она эти вещи брала, да только плакала сама. Погнала скотину въ поле, пустила въ лѣсъ, въ широко раздолье; повѣсила пряжу на сучекъ и размотала нитокъ мотокъ, сѣла подъ кустокъ—сама голосомъ завывала, полились слезы изъ глазъ. И сказала: «А бынеюшка, чернеюшка! Прибѣги и притеки, и сотки мнѣ, и спряди!» Бынеюшка бѣжитъ, лишь земля подъ нимъ дрожить; самъ точётъ и прядетъ, подъ кустокъ въ кучку кладетъ, а неродная ея мать смотреть издали: «А, вонъ она какъ прядетъ! Это вонъ кто у ней...» Пошла домой, а дочка Аннушка сама стадо гонить, а тѣло-придѣно за собой тащить. «На» говорить,—«матушка! Чтѣ вы мнѣ приказали, я все сдѣлала». Ну, мачиха принимала и въ своей сундукъ запирала и сказала старикъ: «Заколи, старикъ, чернаго этого быка, чтобы не было у насъ его». Старикъ говорить: «Да вѣдь этотъ быкъ, старуха, не нашъ: я его отдалъ Аннушкѣ и сыну Ванюшкѣ». Сказала старуха: «Жить на свѣтѣ не могу! Сейчасъ заколи!» Старикъ взялъ ножикъ и закололъ быка чернеюшку. Съ быка шкуру снялъ, а мясо въ кадушку поклавъ. Стоитъ дочка Аннушка, говорить своему батюшкѣ: «Родимый мой батюшка, отдай мнѣ послѣ чернеюшки хоть кишечки его!» «Возьми!» Вотъ Аннушка кишечки собрала, вышла на улицу, у своей горенки, подъ переднимъ уголкомъ ихъ зарыла и на послѣдъ того вырастала изъ этихъ изъ бычяныхъ кишекъ преогромная яблоня, и нѣсколько стало родиться на ней яблоковъ. И такъ какъ ея отецъ жилъ въ хорошемъ достаткѣ: дворъ его былъ при большой дорогѣ и нѣсколько заѣзжало къ нему всякихъ людей, кто пожелаетъ яблочко сорвать, никто съ яблони не можетъ достать. Кто подойдетъ къ яблонѣ, того она сучками захлыщеть. Только и подходила къ ней красна дѣвушка Аннушка. Аннушка какъ къ ней подойдетъ, яблонка на землю падетъ, она яблоко сорветъ.

Въ нѣкоторое время ѣхалъ баринъ въ молодыхъ лѣтахъ, заѣхалъ на эту фатерку отдохнуть и лошадей покормить, и захо-

тѣлось ему яблочка закусить, какъ этой Аннушки въ домѣ не случилось. Вотъ этотъ же баринъ посылаетъ старика: «Поди, дѣдушка, достань мнѣ яблока закусить». Пошелъ старикъ въ садъ гулять, хотѣлъ яблочко сорвать. Нѣтъ, никакъ невозможно. И у него было три дочери (отъ второй жены); посылать первую дочь. Нѣтъ, она не достала; посылать вторую — эту вовсе захлыстала; послали третью — и эта не достала. Приходитъ дочка Аннушка. Сказалъ отецъ: «Дочка Аннушка! Вотъ барину захотѣлось яблочка — поди достань!» Аннушка пошла и къ яблонѣ подошла. Яблонка наклонилась, стоитъ не шелѣхнется. Она яблочковъ нарвала, домой побрела. Вотъ баринъ издали на нее смотритъ и дивуется этому дѣлу. И такъ какъ баринъ былъ не женимъ и не хлѣбъ, и сталъ говорить: «Дяденька и тетенька! Это вамъ дочь родная или нѣтъ?» «Мнѣ не родная», отвѣтила мачиха, «старикъ — родная». «Отдайте ее замужъ за меня!» Вотъ мачиха — очень ее не любила и тотъ же часъ замужъ проводила. Ну, барину не пиво варить, не вино курить — тотчасъ да и за свадьбу — и тутъ же обвѣнчались. Вотъ попы ихъ обвѣнчали, гулять начинали. Пили, гуляли недѣлю безъ просыпу у Аннушкинова отца и прогулявши время, собирается баринъ домой, выходитъ изъ горенки изъ новѣй. Старуха и думаетъ: «Вотъ я ее провожу — и сама въ садъ гулять пойду». Какъ баринъ запрѣгъ парочку лошадей, сѣли да и поѣхали, и брата Ванюшку съ собой взяли. Какъ только сѣхали со двора, тотъ же часъ и яблонка на запятки къ нимъ пристала и на дворѣ у нихъ ея не стало. Пріѣзжаетъ баринъ домой и садъ развелъ огромнѣйшій, и погуливаетъ съ Аннушкой въ саду, а у него въ сосѣдяхъ Ягая баба жила. Вотъ были у ней двѣ дочери отличныхъ хорошихъ и этихъ же баринъ прежде хотѣлъ одну за себя взять. Эти дѣвушки бариню новую (его жену) не влюбили, каждый день къ ней ходили и хочется, чтобы какъ нибудь этого Ванюшку сгубить и Аннушку извести, а Ягой бабѣ — свою дочь за барина отдать. Онѣ истопили баню. Эта же Ягая баба наклала козлиного сала, да и поставила въ банѣ, въ горшечекъ: какъ баринъ съ барыней пошли, въ банькѣ помылись, и барыня перстенецъ въ банькѣ забыла. Пришла изъ баньки: «Братецъ Ванюшка, сходи-ка въ баньку: тамъ колечко я забыла. Да не лижи козлиного сала!» сказала Аннушка. Ванюшка

пошелъ въ баню, да и думаетъ стоять: «А что же сестрица мнѣ не велѣла лизать козлиного сала? Дай лизну!» Лизнулъ и сталъ козелокъ. Надѣлъ колечко на рожокъ, бѣжитъ домой попрыгивать, по козлиному покрививать: «Ба-я, сестрица Аннушка! На тебѣ колечко!» Аннушка выбѣгала, горько заплакала: «Ахъ, глупый, не велѣла я тебѣ лизать козлиного сала, ты не послушалъ!» И стала козелка кормить. Приходятъ Ягой бабы красны дѣушки къ баринѣ, къ Аннушкѣ, да и говорятъ: «Пойдемъ, Аннушка, на рѣчку купаться!» Пошли на рѣчку купаться—только скинули рубашечки, Ягая баба Аннушку поймала и посадила ее въ воду, привязала къ ней камень; и сидитъ на днѣ живая, съ камнемъ. Баринъ ждать пождать—Аннушки нѣтъ. И теперь въ водѣ.

День за день, недѣля за недѣлей, и сидитъ она въ водѣ живая; горючъ ее камень ко дну тянетъ, а лютые змѣи сердце сосутъ. Вотъ баринъ думалъ, думалъ и жениться задумалъ, и женился на Ягой бабѣ дочери. Эта молодая барыня и говоритъ: «Заколи, баринъ, козла: хочу козлиного мяса». «На што колоть, глупая? Пушай живетъ». «Нѣтъ, заколи!» Ну, баринъ вздумалъ козла заколотъ. Какъ сѣлъ на стульчикъ, сталъ точить ножичекъ, козелокъ подходитъ къ барину, да и говоритъ: «Баринъ, баринъ! Пусти меня на рѣчку сходить, свѣжей водицы испить, кишечки промыть!» Баринъ пустилъ. Приходитъ козелокъ къ рѣчкѣ, на бережекъ, припалъ да завопилъ:

Сестрица Ан-нушка-а!
А выдъ а вы-гля-ни-и!
Меня козла колоть хотять,
Точать ножи булатныи.
Кипять котлы нѣмецкіе!

Отвѣчаетъ Аннушка:

А, братецъ мой, Ванюшка!
Я рада бы выглянула:
Горючъ камень ко дну тянетъ,
Люты змѣи сердца сосутъ.

Выглянула къ нему по шейку. Козелокъ побѣжалъ домой. Баринъ пожалѣлъ и въ этотъ день его не закололъ. На другой же

день повторяетъ барыня: «Заколи этого козла!» Сталъ баринъ ножъ точить. Козелъ къ нему подходитъ и говорить: «Баринъ, баринъ, пусти меня на рѣчку» и т. д.

Побѣждалъ козелокъ на рѣчку, а баринъ взялъ веревочку да и говорить: куда козелокъ это ходитъ? Припалъ козелокъ къ берегу, завопилъ: «Сестрица Аннушка!» и т. д. Выглянула къ нему Аннушка по поясъ. Баринъ веревкой захватилъ и съ камнемъ поворотилъ. Взялъ Аннушку и привелъ въ свой выскѣ терѣмъ; а вторую свою жену съ тещей на ворѣты посадилъ изъ поганого ружья разстрѣлялъ и мясо ихъ собакамъ раскидалъ а съ Аннушкой и топеръ живутъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

66.

Подмѣненная невѣста.

Имѣли дружбу купецъ съ бариномъ, постоянно другъ у дружки въ гостяхъ бывали, и это не то что сказка, а правда, былъ это. У купца одинъ разъединный сынъ былъ, а у барина одна дочь. Вотъ и сталъ купецъ сватать у него дочь, и сосватались они. Нѣсколько денегъ взялъ приданого купецъ, одежды, разной разности всякой и у этой невѣсти была горничная дѣвушка. Онѣ съ невѣстой подѣ одинъ волосъ, подѣ одинъ волосъ, подѣ одну черную бровь. Вотъ приходитъ время за невѣстой ѣхать. На нынѣшній бы вечеръ, сказать по крестьянски, что пріѣдетъ женихъ съ запоемъ и совѣмъ къ вѣнцу, а эта же невѣста и той же ночь, недождавши запѣю, родила ребенка. Отецъ съ матерью невѣстины стали эту дѣвушку просить горничну чтобы ее въ эту же одежду нарядить и представить жениху къ вѣнцу, чтобы обвѣнчаться не нѣсколько время, покажеть эта дочь-барышня не выздоровѣетъ, а потомъ ее чтобы смѣнить. Просили ее и обѣщались, если обвѣнчатся, то наградить и отца ея и мать. Дѣвушка согласилась, убоясь господъ. (Въ то время господа были вольны). Какъ господа ее напу-

гали: если не согласишься обвиняться, продадимъ въ иную страну, далеко; дѣвушка согласилась—и тотъ же часъ является женихъ со сродниками и стали начинать дѣло, стали вести запой и нарядили ее, сдѣлали барышней. Женихъ сидитъ за столомъ, ничего не чувствуетъ, а прежняя его невѣста въ банѣ ночуетъ. Кончивши бесѣду, пріѣхали съ поѣздомъ, взяли эту дѣвушку, посадили и увезли. Привезли въ купеческій домъ, тутъ ихъ обвинчали и куды слѣдовать помчали. Обвинчавши, значить, положили ихъ на показанно мѣсто, и а л е ж у. Кончивши это дѣло, баринъ со сродниками пріѣхалъ попировать, и эту старую невѣсту съ собой привезли. И стало ихъ двѣ. Подмѣненная чуть что—все на дворъ отъ него уходитъ. Она, чтобы какъ изъ двери одна у й т и, а ее мужъ - то за ней. Она все отъ него ходитъ, уйти хочетъ все. Купеческій сынъ, онъ человѣкъ не глупый, дѣло видить не ладно. Она билась, билась—никакъ ей смѣниться нельзя. Онъ дѣло смѣтилъ, сталъ ей говорить: «Что ты, милая моя супруга, отъ меня отбѣгаешь? Или любить меня не хочешь? У насъ своего достатку много, больше батюшки твоего: пить - ѣсть есть чего и обувь, одѣть». Эта же его молодѣя супруга видить дѣло плохо: онъ ее отъ себя не отпускаетъ, смѣниться ей никакъ не возможно. Тамъ сродники шипко гуляютъ, вина выпиваютъ, ничего между себя не знаютъ; и такъ думаютъ отецъ съ матерью, что они давно смѣнились. Не стерпя своего сердца, подмѣненная его невѣста признала себя: «Я не твоя прежняя невѣста!» Мужъ и говорить: «Что такое, молодая моя супруга? Не понимаю я что ты говоришь со мной». Стала она ему открываться всею правдой. «Я, говоритъ, милый другъ, подмѣненная тебѣ!» Онъ, какъ человѣкъ умный: «Что такое?! Какъ ты подмѣнилась?» говорить. «Твоя прежняя невѣста, в а м ъ нужно дѣлать запой и ѣхать къ вѣнцу, а она родила. Они меня попросили, какъ я й х а горнична: обвинчайся на время, потомъ нарядимъ тебя въ таковую же одежду и смѣнимъ какъ наша дочь выздоровѣтъ. Вотъ никакъ то перъ не возможно смѣнить: вы меня не отпускаете». Купеческій сынъ спрашиваетъ ее: «А дѣ она?» (А она то л п и т с я въ йхой толпѣ, наряженная въ одинаково платье). «А вонъ дѣ она! Гляди! Пожалуйста отпустите меня, а ее примите». Купеческій сынъ былъ роду разумнаго: на ея

эти слова не соглашался. Говорить ему княгиня его: «Я, говорить,—«крестьянская дочь, изъ бѣднаго роду: у меня братцы-то пасутъ стадо, а батюшка съ матушкой ходятъ по міру». Вотъ купеческій сынъ всѣ слова отъ нея отобралъ, взялъ за правую руку и повелъ гдѣ они бесѣдуютъ. Баринъ съ барыней думали, что они обмѣнялись, съ законнымъ бракомъ ихъ проздравляли, въ сахарны уста ихъ цѣловали. Купеческій сынъ ихъ слова: «съ законнымъ бракомъ» не принималъ и въ уста ихъ не цѣловалъ—все по шеѣ да по шеѣ изъ горницы выгонялъ. Его родные не хорошо увидали, его унимали. «Что ты, милый сынъ нашъ, дѣлаешь? Знать ты не сдурился ли?» Сталъ разказывать онъ отцу съ матерью: «Эхъ, батюшка, матушка, гости намъ не родные, а гости чужіе; а мои гости въ деревнѣ, за Волгой: шурья ти пасутъ стадо, а тестъ съ тещей ходятъ съ сумочками. Вотъ надо за ними послать, да съ ними погулять». Они отъ него эти слова не поняли. «Это что ты намъ, сынокъ, загадалъ, и родныхъ всѣхъ со двора согналъ?» Купецъ имъ разказалъ все: «Это, батюшка, и матушка, невѣста мнѣ подмѣнена, а моя невѣста прежняя породила». «Какъ ты знаешь?» сказалъ отецъ. «Вотъ моя супруга все мнѣ разказала». Отецъ на барина больно осерчалъ и въ три шеи со двора его провожалъ, и снова свадьбу заводилъ. Купеческій же сынъ съ молодой своей женой запрягали двѣ тройки лошадей и поѣхали на родину, къ ея же къ отцу съ матерью. Приѣзжаютъ къ ея отцу матери; у ея же у матери—рѣшетчаты ворота и непокрытая изба. Они рѣшетчаты ворота отворяли, на широкій дворъ въѣзжали. Всѣ сродники на дворъ выбѣгали; отецъ съ матерью дочь свою признали, бросились ее цѣловать и миловать, и туго къ сердцу прижимать. А купеческій сынъ стоитъ отъ нихъ далече. Они его не узнали и за родню не почитали. Спрашиваютъ у дочери; та и говоритъ: «За вами ѣду гулять на свадьбу! Я вышла замужъ». Все имъ разказала: какъ ее обмѣняли и замужъ проводили. Отецъ съ матерью перекрестились и благодарили Бога, что по-искалъ Господь бѣдную дочь нашу счастьемъ. Говорить же купеческій сынъ: «Богоданный мой батюшка и богоданная моя матушка! Насъ вы благословите, а меня за роднаго примите. Я—зять вашъ». Ну, они его благословили, роднымъ назвали; по

бѣдности малость погуляли. Купеческій сынъ и говорить: «Батюшка и матушка, поѣдьте къ намъ въ гости и возьмите что вамъ нужно». Отецъ говорить: «Мнѣ нѣ въ чемъ: я совсѣмъ раздѣмши». Мать говорить: «Я—бѣса». Онъ на это не взиравъ и нагихъ всѣхъ съ собой забиралъ. Набралъ родныхъ на всѣ на три тройки полныхъ. И поѣхали въ свой городъ. Привезъ домой и всѣхъ перва родныхъ своихъ какъ должно быть нарядилъ, обулъ и одѣлъ. Тогда пиръ заводилъ. Ну, и тутъ они на радостяхъ пили, гуляли, другъ другу не знали. И все барское имѣнье, которо было придано, все осталось обмѣненной молодухѣ. Они погуляли и родныхъ домой проводили. Проводили, а сами стали жить да быть, добро наживать, а худо проживать. Отца съ матерью деньгами наградили и домой за Волгу проводили.

(Абрамъ Новопольцевъ.)

67.

Про нужду.

Вотъ какъ бѣдный мужичекъ, въ худенькой своей одеженкѣ, въ дрянненькой обувчѣннѣ и работаетъ въ морозъ, и рѣзко рубить—не нагрѣется; лице его отъ морозу разгорается. И взѣзжаетъ въ селенье баринъ, и не больше какъ двое, съ кучеромъ, и остановились. «Богъ помочь тебѣ, мужичекъ!» «А спасибо же, сударь!» «Въ какую стужу ты рубишь!» «Эхъ, сударь, нужда рубить». Баринъ этому дѣлу изумился, спрашиваетъ кучера: «А что, кучеръ, какая это Нужда? Знаешь ли ты ее?» «Я только сейчасъ, сударь, слышу». Спрашиваетъ баринъ мужичка: «Какая же это, мужичекъ, Нужда? Охота бы мнѣ ее поглядѣть гдѣ она у тебя». Мужичекъ и говорить: «На что тебѣ, сударь?» «Да охота мнѣ ее поглядѣть». И въ то же время въ чистомъ полѣ, на бугринѣ, въ зимнемъ времѣ, какъ стояла съ снѣгомъ былина. «А», сказалъ мужикъ,—«а вонъ, сударь, на бугрѣ нужда стоитъ! Вонъ она какъ отъ вѣтру шатается, и никто не догадается». Баринъ и говорить: «Нѣтъ ли

Сказки и пред. Сам. края.

15

времечка тебѣ ее намъ указать?» «Пожалуй, можно, сударь». Сѣли на тройку лошадей и поѣхали въ чисто поле нужду глядѣть. Выѣхали они на бугриную и проѣхали эту былинку, а другая-то дальше стоитъ. И указываетъ мужикъ рукой: «А вонъ, сударь, она въ сторонѣ—намъ ѣхать нельзя: снѣгъ глубокъ». «Покараулка», сказалъ баринъ,—«нашихъ тройку лошадей: я схожу, погляжу». Баринъ слѣзъ да и пошелъ, а кучеръ-то говоритъ: «Да сударь, возьмите и меня: и мнѣ охота поглядѣть». «Пойдемъ, кучеръ!» И поѣхали по снѣгу два дурака. Эту былинку пройдутъ, другую найдутъ, а еще нужду не видятъ. Вотъ мужичекъ-то былъ не промахъ, выстегнулъ ихъ тройку лошадей, сѣлъ да и полетѣлъ. Только они его и видѣли. И не знаютъ куды уѣхалъ. Вотъ ползали по снѣгу два дурака, тутъ ихъ постигла нужда. Оборотились этимъ слѣдомъ, на дорожку вышли, къ повозочкѣ подошли, а лошадушекъ слѣдъ простылъ. Думали, думали баринъ съ кучеромъ... Чтò дѣлать? Лошадей-то нѣтъ, и повозку-то бросить жалко. Говоритъ баринъ кучеру: «Впрягайся-ка, кучеръ, въ корень, а я хоть на пристѣжку». Кучеръ говоритъ: Нѣтъ, вы, баринъ, посправнѣ, немножко посильнѣ; вы—въ корень, я—въ пристѣжку». Ну, нечего дѣлать, запрегся баринъ въ корень. Вотъ и везутъ да везутъ; повезутъ да привстанутъ. Этотъ же мужичекъ припряталъ ихихъ лошадей, надѣлъ одѣжку другу и пошелъ повстрѣчу. И говоритъ мужикъ: «Что это вы, баринъ, повозку на себѣ везете?» Баринъ сердито говоритъ: «Уди! Это нужда везетъ». «Какая же это нужда?» «Ступай вонъ тамъ въ полѣ, на бугрѣ!» А самъ везетъ да везетъ.

До села доѣхалъ, лошадей нанялъ. Приѣхалъ домой на троечкѣ, на чужихъ. Нужду увидалъ: тройку лошадей потерялъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

68.

Про лѣшихъ и водяныхъ.

а. Въ одномъ лѣсу глухое озеро было. Въ озерѣ Водяной жилъ, а въ лѣсу Лѣшій, и жили они дружно, съ уговоромъ другъ друга

не трогать. Лѣшій выходилъ къ озеру съ Водянымъ разговоры разговаривать; вдругъ лихъ бѣда попутала: разъ вышелъ изъ лѣсу медвѣдь и давай изъ озера воду пить; сомъ увидалъ, да въ рыло ему и вцѣпился. Медвѣдь вытащилъ сома на берегъ, загрызъ его и самъ померъ. Съ той поры Лѣшій раздружился съ Водянымъ и перевелъ лѣсъ выше въ гору, а озеро въ степи осталось.

(Записано въ Симбирскѣ).

б. Разъ охотникъ шелъ лѣсомъ, и привели его собаки къ норѣ, а въ нору-то эту Лѣшій дѣвицу затащилъ. Вотъ онъ подошелъ къ норѣ и кричитъ (охотникъ-то): «Кто тамъ?» «Человѣкъ». «Какой человѣкъ?» «Такой же какъ ты». «Вылазай сюда!» «Нельзя», говоритъ,—«мнѣ: я вся ободраная. Кинь одѣжу—я вылѣзу». Охотникъ кинулъ въ нору свою одѣжу, дѣвка и вышла изъ норы. (Лѣшаго въ то время въ норѣ не было).

(Записано въ Симбирскѣ).

в. Лѣшій проигранныхъ крысъ цѣлое стадо гналъ и подгоняетъ къ кабаку; (а лѣшіе на крысъ и зайцовъ играютъ въ карты, все равно какъ мы на деньги); подогналъ и кричитъ цѣловальнику: «Отпирай, подай вина!» Тотъ сперва не далъ, потому поздняя ночь была; (они ночью перегоняютъ). Лѣшій взялъ, приподнял кабака за уголь, кричитъ: «Давай четверть водки!» Тотъ испугался, поставилъ ему. Лѣшій однимъ духомъ выпилъ и деньги отдалъ, кабака опять какъ надо поставилъ и погналъ крысъ дальше.

г. Нашински мужики не одна въ лѣсу Лѣшаго видали, какъ въ ночное ѣздили. Онъ мѣсячныя ночи больно любить: сидитъ, старикъ старый, на пенекѣ, лапти поковыривать, да на мѣсяцъ поглядывать. Какъ мѣсяцъ за тучку забѣжитъ, темно ему, знаешь,—онъ подниметъ голову-то, да глухо таковъ: «Свѣти, свѣ-тило», говоритъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

д. Одному мельнику сильно везло: онъ Водяному душу на срокъ продалъ и все ему съ той поры удавалось. Воду ли гдѣ остановить, поломать ли у кого на мельницѣ, все, бывало, къ нему. Онъ

по этой части знахарь былъ. Изошелъ срокъ, приходитъ къ нему Водяной за душой. «Давай душу!» И мѣшокъ кожаный принесъ. «Полѣзай!» «Да я не умѣю. Покажи мнѣ!» Водяной съ дуру и влѣзъ въ мѣшокъ. Мельникъ, не будь глупъ, гайтаномъ шейнымъ его сверху и завязалъ, да перекрестилъ. Такъ Водяной и остался въ мѣшкѣ.

(Записано отъ Г. Н. Потанина, въ Симбирскѣ).

е. Одинъ парень купался, да и нырнулъ. Какъ нырнулъ, такъ и угодилъ прямо въ дверь и очутился въ палатахъ Водянаго. Тотъ его у себя задержалъ, говорить: «Живи здѣсь!» Ну, парню уйдти не куда—онъ и сталъ у него жить. Водяной его пряниками, сластями кормилъ. И заскучалъ парень; сталъ проситься домой, на побывку. Водяной говоритъ: «Хорошо, только поцѣлуй у меня колѣнку!» (Значить, если бы онъ ее поцѣловалъ, такъ вернулся бы безпремѣнно назадъ). Парень, не будь глупъ, взялъ, начертилъ ногтемъ на рукѣ крестъ, да за мѣсто колѣнки-то къ нему и приложился. Какъ только поцѣловалъ, схватилъ его кто-то за ноги и выбросилъ изъ воды прямо къ его избѣ. Вернулся онъ домой: жена рада, всѣ въ удивленіи. Пропадалъ онъ три года, а ему за три дня показалось. Онъ все разказалъ; позвали попа. Сталъ попъ надъ нимъ псалтырь читать, отчитывать его. Только сталъ отчитывать, поднялся у избы уголъ и полетѣла у парня вся нечисть изо рта: сталъ онъ какъ ни въ чемъ не бывало. А поцѣлуй онъ колѣнку у Водянаго, быть бы ему опять подъ водой.

(Записано въ Симбирскѣ).

ж. Одинъ мельникъ съ Водянымъ знался и отлучался по ночамъ. Вотъ работникъ и подсмотри да и спроси: «Куда ходишь?» «Да въ воду спать». «Возьми меня!» «Изволь, только пальцемъ ни на чтѣ не указывай». «Ладно». Пошли въ воду; работникъ подушку захватилъ. Идутъ словно не водой, а въ погребъ какой. Работникъ смотреть, а кругомъ рыбы многое множество. Вотъ и видитъ онъ кривую шуку. Онъ возьми, да въ остальнѣй-то глазъ ей пальцемъ и тenni. «Что», говоритъ, — «тебѣ одноглазой жить?» Какъ тенуль, такъ и залила вода со всѣхъ сторонъ: на силу выплылъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

з. На рѣкѣ Свигѣ, подѣ кручей, у села Сельги есть Чортовъ омутъ. Большице сазаны въ немъ клевали, фунтовъ въ двадцать слишкѣмъ. Чтѣ у рыбака лесъ перервали, удилица переломали—пересчитать нельзя. Этотъ Чортовъ омутъ любилъ одинъ мельникъ съ ближней мельницы. Разказывали про него, что онъ съ водяными знается и льщими. Послѣ обѣда онъ всегда отдыхалъ на днѣ Чортова омута. Возьметъ рогожку да свой чапѣнъ, зайдетъ на середину омута и въ немъ потонетъ. Засыпки и набойщики сами видѣли съ лодки какъ ихъ мельникъ спитъ на днѣ, такъ какъ бы все равно дома. Выспится — наружу выльзетъ. Не любилъ онъ рыбака, которые въ этомъ омутѣ рыбу ловили и часто надъ ними подпучивалъ. Онъ знался съ водяными, и они ему помогали такія штуки отмачивать, что не приведи Богъ ихъ видѣть. Съ однимъ башмачникомъ вотъ какая притча приключилась: Передъ Спасомъ отработался онъ, снесъ товаръ въ лавку, пришелъ домой и сѣлъ обѣдать. Пришли, знакомые: «Пойдемъ», говорятъ,—«съ ночевой сазанчиковъ поудить подѣ Сельгу, въ Чортовъ омутъ, или въ друго мѣсто—на Липову Яму; а то махнемъ въ Лаишевку, водочки купимъ, время проведемъ». Тотъ согласился. Порѣшили идти въ Чортовъ омутъ. Пришли закинули лески—нѣтъ клѣву, да и полно. Дождались ночи; вдругъ слышатъ: удилица въ воду хлопъ, хлопъ! Подбѣжали: сазаны! Товарищамъ-то покрупнѣе достались, а башмачнику помельче. Вотъ онъ сидитъ надъ лесками, сидитъ да поджидаетъ лову, а ночь ясная такая! Взглянулъ на пойму, видитъ: человекъ не человекъ, чортъ не чортъ, а самъ Водяной бѣгаетъ по острову, что за рѣкой, за бѣлой лошадей, съ арканомъ. Горбоносый, старый старикъ, волосы до пятъ, всклобчены, борода пѣ поясъ, глаза такъ и искрятся, словно звѣзды: то затухнуть, то опять загорятся. Самъ такой грязный, зеленый, волосы какъ бадяга! Башмачникъ со страху обмеръ, лески изъ рукъ выпустилъ, вздохнуть боится. Лошадь у Водяного хорошая, такъ и кружится по острову, лягается, задомъ взметывается, а Водяной такъ и жаритъ за ней. Бѣгала, бѣгала лошадь-то да вдругъ махитъ въ середину омута, въ самую глубь, и Водяной — за ней. Только трескъ пошелъ. Башмачникъ какъ крикнетъ и едаровымъ матомъ и тутъ же памяти лишился. Послѣ опомнился — товарищито и разказываютъ, что онъ въ воду упалъ, изъ омута его они

вытащили, а послѣ какъ онъ на берегу-то лежалъ, имъ разные страхи мерещились (все мельникъ пугалъ: недаромъ онъ съ Водянымъ дружилъ). Сидѣли, сидѣли, вдругъ слышатъ: кто-то веслами плещетъ; глянули на воду: плыветъ обрубокъ не обрубокъ, а словно гробъ, легонько на водѣ покачивается. Плыветъ все ближе... Глядятъ: въ самомъ дѣлѣ гробъ, и крышка стоитъ замѣсто паруса. Встаетъ изъ гроба въ саванѣ мертвецъ, да прямо на нихъ и править. Они ужъ ползкомъ, на карачкахъ до стоянки-то доползли, взглянули на рѣку: крышка надъ мертвецомъ захлопнулась, а гробъ въ воду пошелъ. Съ той поры какъ Водяной попутникъ, полно въ Чортовъ омутъ ходить за сазанами.

(Сообщено М. И. Извожиковымъ).

69.

П р о б а н и.

а. Одна дѣвка безстрашная въ баню пошла. «Я», говорить, — «въ ней рубаху сошью и назадъ вернусь». Пришла въ баню, углей съ собой взяла, а то вѣдь не видать ничего. Сидитъ и раздуваетъ ихъ. А полуночное время. Начала наскоро рубаху смѣтывать, смотреть, а въ корчатъ уголья маленькіе чертенята раздуваютъ и около нея бѣгаютъ. Она шьетъ себѣ, а они ужъ кругомъ обступили и гвоздики въ подолъ вколачиваютъ. Вотъ она и начала помаленьку съ себя рубаху спускать съ сарафаномъ, спустила да въ спитой рубахѣ и выскочила изъ бани. На утро взошли въ баню, а тамъ отъ сарафана одни клочья.

б. Мужъ съ женой въ баню пошли. Только мужъ помылся да и хочетъ идти, жену кличетъ, а та не хочетъ: легла на полочкѣ, парится. Вдругъ у окна чортъ закричалъ по павлиньему. Мужъ-то выбѣжалъ и вспомнилъ вдругъ про жену; бѣжить назадъ, а ужъ его не пускаетъ нечистый-то; одну женину шкуру ему въ окошко кинулъ. «Вотъ», говорить, — «твоя рожа, а вотъ женина кожа!»

в. Одинъ безстрашный тоже въ баню пошелъ, да долго оттуда и нейдетъ. Пошли къ дверямъ звать его, а его не пускаютъ. Стали

въ дверь стучать, а ему только больнѣе отъ этого. Зовутъ его, а онъ и говорить: «Вотъ», говорить,—«мнѣ сейчасъ гробъ дѣлаютъ». И слышатъ снаружи, что въ банѣ пилать и стругаютъ, и топоромъ стучать. Онъ кричитъ: «Вотъ теперь», говорить,—«заколачиваютъ!» И слышно какъ гвозди вбиваютъ. Утромъ вошли, а онъ мертвый, въ гробу, среди бани.

(Записаны въ Симбирскѣ).

г. Стояла у насъ на Курмышѣ (въ Симбирскомъ) баня въ саду. Осталась послѣ хозяйки умершей дочь-невѣста. Все она объ матери плакала. И пронесся слухъ, что мать къ ней по ночамъ змѣемъ летаетъ. Прилетитъ это къ полуночи и надъ трубой разсыплется. Похудѣла блѣдная, иссохла, ни съ кѣмъ не говорила и все въ полдни въ баню ходила. Стала за ней ея тетка подсматривать, зачѣмъ это Душа въ баню ходитъ. Разъ досмотрѣла и услышала, что она съ матерью-покойницей говорить, и обмерла со страху. Слышитъ Душа говорить: «Не скажу, мамынька, никому! Я рада, что ты ко мнѣ ходишь». Тетка тихонько отошла отъ бани, а Душа вернулась въ горницу такая веселая, только блѣдная, ни кровинки въ лицѣ. «Ты, Дуня, не скрывай», сказала ей тетка,—«что видишься съ матерью, въ банѣ». Дѣвка-то взглянула на нее и закричала недаровымъ матомъ: «Ты, проклятая, меня извести хочешь, задушить хочешь!» «Ты не сердись, Дунюшка, я тебѣ съ матерью видѣться не запрещаю». Уговаривать ее принялась. Дѣвка вдругъ повеселѣла и все теткѣ разказала. Какъ только она теткѣ все разказала, въ самую полночь дѣвку въ постели мертвой нашли. Пошелъ слухъ, что Душу мать убила, и даже сама старуха-обмывальница говорила, что на груди у Души видѣла два пятна, словно они нарисованы, точь въ точь крылья ворона, а это значить мать-то въ видѣ змѣя прилетала и дочь за то убила, что та теткѣ проговорила. Самъ я этого змѣя видѣлъ, какъ онъ надъ Веригинымъ садомъ пролетѣлъ и надъ баней разсыпался. Послѣ смерти дочери домъ и садъ остались заброшены; окна въ домѣ заколочены, и никто не покупалъ, а мѣсто было хорошее. Всѣ чего-то боялись. Играли разъ въ саду днемъ ребятишки и разъ игравши распустили слухъ, что въ банѣ видѣли чертей, банныхъ а н ч у т о е ъ, викиморами что прозываются. Мохнаты, говорятъ, а голова-

то гола, будто у Татарчатъ; стонуть... Стонъ въ банѣ многіе сосѣди слышали, особливо бабы да дѣвки. И пошла про баню дурная молва, и ходить садомъ ночью бояться (а черезъ садъ былъ ходъ со втораго Курмышка на первый и на Большую улицу, а Кирпичной-то улицей, знашь, дальше обходить). Прошло съ годъ время; стали о банѣ забывать. Вдругъ оказія случилась: одну дѣвушку выдавали замужъ на Курмышкѣ бѣдную нищенку за солдатка; на дѣвишникѣ баню истопили, пошли дѣвки съ невѣстой мыться, размыватъ ей усы, да изъ бани-то всѣ нагишомъ и вышли въ садъ на дорогу и давай безобразничать и бѣситься: котора пляшетъ да поетъ что есть голосу по х а б щ и н у, которы другъ на дружкѣ верхомъ ѣздіють, хоркають по мереначьи... Ну, ихъ смирили, перехватили, отпояли молокомъ парнымъ съ медомъ. Недѣлю хворали, все жаловались на головную боль. Думали—дѣвки бѣлены объѣлись, смотрѣли—нигдѣ не нашли; порѣшили, что это анчутки надъ ними подыграли. Баста съ тѣхъ поръ эту баню топить; да на ярманку кто-то и вздумай ей попользоваться. Одинъ печникъ, слышь, кутила былъ (Бубловымъ прозывался), сорви голова такой—и пошелъ въ нее первый. Поддалъ, помоталъ вѣнникъ въ парѣ, хватъ—съ него дождикъ лить; взглянулъ, а онъ въ сосулькахъ! Какъ бросить вѣнникъ, да съ полка и хмыль нагишомъ домой; прибѣжалъ въ горницу въ чемъ мать родила, безъ стыда, безъ совѣсти. «Теперь вѣрю», говоритъ,—«у васъ черти въ банѣ-то живутъ!» «Это тебѣ попритчилось видно?» «Чего попритчилось? Шутъ съ ней и съ баней-то вашей!» И разказалъ. Сходили за его рубахой и штанами; принесли, а онъ всѣ въ лепетки изорваны. Такъ всѣ и ахнули. Съ той поры баню забросили, а домъ Веригинныхъ кто ни купитъ, съ годъ поживетъ—покойникъ въ семьѣ. А какъ наступитъ весна, всѣ видятъ то утромъ, то въ полдни, то вечеромъ бѣгаетъ по саду здоровенная нагая баба. Бросатся съ дубьемъ ее ловить,—она убѣжитъ въ баню. Ищутъ, ищутъ—нѣтъ! Такъ года четыре продолжалось. Купилъ домъ плотникъ, сломалъ онъ и домъ, и баню, все перебралъ, и съ того времени какъ рукой сняло.

(Слышано отъ симбирскаго мѣщанина Ивана Андреевича Извозникова. Сообщено М. И. Извозниковымъ).

70.

Про кабачную кикимору.

Въ одной дистанціи стоялъ кабакъ на юру близъ оврага, и оврагъ-то обсыпался, такъ что кабакъ чуть лѣпился на оврагѣ. Въ этомъ селѣ были большіе базары по понедѣльникамъ и пятницамъ, и шла въ кабакъ большая торговля виномъ, но ни одинъ цѣловальникъ не могъ долго усидѣть въ кабакѣ: постоянно проторговывался и разорался. То находили у нихъ недочетъ въ деньгахъ, а главное дѣло—большую усышку вина и разсыпку, такъ что въ откупной конторѣ всѣ этому дивились, и еще тому дивились, что всѣ цѣловальники разказывали, какъ ровно въ двѣнадцать часовъ кто-то у нихъ вино цѣдитъ; и когда зажигали свѣчку, то видѣли к а р б ы ш а, который бѣгъ отъ бочки и скрывался подъ поломъ, въ нору. Откупъ кому ни предлагалъ с ы м а т ь кабакъ, всѣ отказывались. Даже даромъ предлагалъ кабакъ, безъ всякаго залогу, но никто не сымалъ. Предложили одному пьяницѣ и моту, и нѣсколько разъ оштрафованному и пойманному въ приѣмъ краденныхъ вещей. Онъ былъ въ крайности, потому что промотался: не имѣлъ себѣ пристанища и ходилъ изъ кабака въ кабакъ, а былъ человекъ семейный, очень неглупый и отчаянная голова. Онъ согласился взять кабакъ, хотя и слышалъ много страшныхъ разказовъ объ немъ. Кабакъ стоялъ заброшенъ. Въ первую ночь, когда онъ поселился въ немъ, онъ приготовилъ сальную свѣчку, спичекъ, положилъ топоръ на стойку, выпилъ полштофъ вина и легъ спать. «Ну», говорить,—«теперь хоть самъ чортъ приходи—никого не боюсь!» Спустя короткое время, онъ услышалъ, что кто-то вино изъ разливной бочки цѣдитъ. Онъ быстро зажегъ свѣчку, взял топоръ, осмотрѣлся, подошелъ къ бочкѣ, осмотрѣлъ ее, видитъ, что она не повреждена: печати всѣ на ней цѣлы, а кранъ замѣтно полуотворенъ. Постукалъ онъ топоромъ въ бочку и по звуку опредѣлилъ, что будто вина меньше; сорвалъ печати, накинулъ мѣрникъ, видитъ, что трехъ слишкомъ ведеръ нѣтъ. Онъ удивился и выругался, какъ ему хотѣлось. «Чортъ что ли отлилъ! Покорись мнѣ! Вѣдь я чертей то не боюсь: до чортиковъ-то я разъ десять напивался. Не привыкать стать

миѣ вашего брата видѣть!»—Тутъ онъ услыхалъ подъ поломъ трескъ: стала поворачиваться половица, и стало изъ-подъ пола выростать страннаго вида дерево. Все растеть и растеть, распространяются сучья, вѣтви и листы, закрываютъ почти что весь кабакъ и склоняются надъ его головой! Цѣловальникъ, собравши что есть силы, взмахнулъ топоромъ рубить дерево и говорить: «Ну, такъ, братъ, вотъ какъ по нашему! Я тебѣ удружу!» Въ эту минуту топоръ его какъ будто во что вогнулся; онъ не можетъ его сдвинуть и чувствуетъ, что какая-то могучая рука удерживаетъ топоръ. Цѣловальникъ не струсилъ. «Пусти», говорить,—«меня! Я знаю, что ты чортъ. Пусти! Я все таки буду рубить!» Въ это время слышится надъ своей головой тихій и кроткій голосъ: «Послушай, любезный, меня: не руби ты дерево! Это—я». «Да кто ты?» «Я тебѣ скажу. Ты со мной уживешься, мы будемъ съ тобой друзьями, и ты будешь счастливъ». «Да кто ты? Говори скорѣй! Пусти топоръ, я хочу выпить!» «Ну, братъ, поднеси и миѣ!» «Да какъ я тебя поднесу, когда я тебя не вижу?» «Ты меня никогда и не увидишь, только когда съ тобой прощаться буду, можетъ покажусь». «Правду ли ты говоришь?» «Давай выпьемъ, а потомъ поговоримъ». «Ну, пусти же топоръ!» Цѣловальникъ почувствовалъ, что кто-то топоръ пустил; зашелъ за стойку, взялъ штофъ вина и хотѣлъ изъ него наливать,—голосъ ему и говорить: «Послушай, любезный, ты много теперь не пей. Для насъ довольно и полштофа. Вонъ возьми вонъ этотъ, у котораго дёнышко-то проверчено, въ томъ, братъ, вино-то хорошее, еще не испорчено». «Да какъ это ты узналъ? Я принималъ: всѣ полштофы были цѣлы....» «А ты ходилъ отпускать вино-то мужику—то, тебѣ нарочно дистаночный его и подмѣнилъ, чтобъ узнать напередъ, будешь ли ты здѣсь мошенничать». Цѣловальникъ взялъ этотъ полштофъ, посмотрѣлъ передъ свѣчкой на его дно и увидалъ, что дѣйствительно на днѣ проверчена дыра (чтобы можно отлить и впустить туда, а послѣ воскомъ залѣпить). «Ну, чортова образина, теперь я вѣрю, тебѣ что ты чортъ». «А ты не ругайся! Мы съ тобой будемъ друзьями. Ты угости лучше». Цѣловальникъ налилъ два стакана, взялъ свой и выпилъ, самъ sko-силъ и смотреть на другой, и видить: стаканъ поднялся самъ собой и такъ въ воздухъ и спрокинулъся, какъ будто кто его

пилъ, и такъ сухо, что капли не осталось, только кто-то крянулъ. «Ну, братъ, спасибо за угощенье!» «Спасибо-то спасибо, а ты мнѣ разкажи кто ты». «Я, братъ, тебѣ разкажу. Слушай! Я—сынъ богатыхъ родителей, сынъ купеческій и проклятый еще въ утробѣ матери, и вотъ теперь скитаюсь по свѣту около тридцати лѣтъ и не нахожу себѣ пристанища. Отецъ меня проклиналъ ни съ того ни съ сего, а мать поклялась своей утробой въ нечестивомъ дѣлѣ (они душу человѣческую сгубили: отравили своего роднаго брата, чтобы воспользоваться его богатствомъ). Такъ вотъ я кто такой! Теперь дальше слушай. Ты каждый день въ двѣнадцать часовъ дня и ночи ставь въ чело за заслонку по стакану вина и прѣсную, на меду лепешку. Этими я буду кормиться, а ты себѣ торгуй. Не бойся ни повѣренныхъ, ни дистаночныхъ, ни подсылныхъ: я тебѣ объ нихъ буду говорить; за десять верстъ ты будешь знать, кто ѣдетъ, и кого подослали, чтобы тебя поймать въ разливѣ вина; а теперь ложись и спи! Только, братъ, образцовъ не заводи и молебновъ не служи, и какъ я отсюда уйду черезъ годъ, такъ и ты выходи, а то худо будетъ тебѣ. Слышалъ?» «Слышалъ». «Такъ и поступаи!» Цѣловальникъ выпилъ еще вина и легъ. Посмотрѣлъ на дерево: оно стало меньше, все ниже и ниже, скрылось подъ поломъ, и половица опять легла на свое мѣсто, какъ ни въ чемъ не бывало. Цѣловальникъ затупилъ свѣчу и заснулъ.

На другой день былъ базаръ. Онъ по утру всталъ рано и увидалъ, что у него отерлась хорошая торговля, и онъ, полупьяный, цѣлый день хорошо торговалъ, ни въ чемъ не обсчитался; къ вечеру провѣрилъ выручку и смекнулъ, что торговля шла на удивленье, а что говорилъ ему проклятый, онъ все это исполнилъ, и съ этого дня цѣловальникъ сталъ торговать такъ хорошо, что всѣ его товарищи стали ему завидовать. Онъ никогда не попадался ни подъ какой штрафъ, не смотря на то, что постоянно продавалъ вино разсыропленное, и заблаговременно зналъ, кто изъ дистаночныхъ или повѣренныхъ придетъ къ нему его ревизовать. Удивлялись его аккуратности, его ловкости, его честности и больше всего тому, что цѣловальникъ хотя пилъ вино, но пьянъ не напивался. Прошелъ годъ. Наступила полночь. Цѣловальникъ по обыкновенію спалъ на стойкѣ и проснулся. Слышитъ вдругъ

голосъ: «Ну, прощай, братъ! Я уйду. Ты завтра же откажись отъ кабака и прекрати торговлю!» «Ну чтожь, покажись мнѣ!» «Возьми ведро воды и смотри въ него!» Цѣловальникъ взялъ ведро воды, а въ другую руку свѣчку, и сталъ на воду смотрѣть. Онъ увидалъ въ ведрѣ свое лице и съ лѣваго плеча—другое лице—красиваго человѣка, среднихъ лѣтъ, черноброваго, черноглазаго, а въ щекахъ какъ будто розовые листочки вѣяны. «Видишь ли?» «Вижу. Какой ты красавецъ!» Въ это время кто-то вздохнулъ и раздался голосъ: «Не родись ни хорошъ, ни пригожъ, а родись счастливъ». Все пропало. Въ печной трубѣ раздался страшный вопль и плачь. Цѣловальникъ все-таки не послушался и на другой день торговалъ по случаю базарнаго дня, и хотѣлъ еще зашибить копѣйку, не смотря на то, что въ теченіе года нажилъ мошенничествомъ и пріемомъ краденыхъ вещей до двухъ слишкомъ тысячъ. Въ этотъ же день дистанчнымъ былъ оштрафованъ на двѣсти пятьдесятъ рублей, сдалъ должность и навѣчно отказался отъ торговли виномъ; пересталъ пить, купилъ себѣ постоянный дворъ и сдѣлался небожнымъ человѣкомъ.

(Записано и сообщено М. И. Извоицкимъ.)

71.

Про змѣевъ.

а. Когда змѣй летаетъ, его остановить можно; только—сказать: «Тпру!» Тутъ его обо всемъ спрашивать можно, и онъ правду скажетъ; а когда отпускать надо, то слѣдуетъ рубашку отъ ворота внизъ разорвать на себѣ, а иначе не улетитъ и будетъ все говорить: «Отпусти! Отпусти!» Кто этого не знаетъ, того замаетъ змѣй.

б. Разъ надъ одной избой, гдѣ вдова жила да обѣ мужѣ горевала, змѣй разсыпался. Вошелъ, какъ былъ при жизни—съ ружьемъ, и зайца въ рукахъ принесъ. Та обрадовалась. Стали они жить; только все она сомнѣвается, мужъ ли это; заставляла его креститься. Онъ креститься крестится, да такъ скоро, что не услѣдишь. Святцы

давала читать—читаетъ; только вмѣсто «Богородица» читаетъ: «Чудородица», а вмѣсто «Иисусъ Христосъ»—«Сусъ Христосъ». Догадалась она, что не ладно, пошла къ попу. Попъ молитву ей далъ и пропалъ змѣй, не сталъ больше летать.

е. Въ селѣ Никольскомъ у бабы отъ змѣя сынъ родился, черный, съ копытами и глаза безъ вѣкъ, на выкатѣ. Мужики думали, думали, да и убили его, а послѣ въ землю зарыли.

(Записано въ Симбирскѣ отъ А. В. Чегодаева).

72.

О мертвецахъ.

а. Одного покойника по какому-то случаю на ночь въ церкви оставили. Церковь отперта была; вотъ и заберись въ нее воръ. Подошелъ онъ къ иконѣ и хотѣлъ ризу обдирать; вдругъ мертвецъ изъ гроба поднялся, взялъ вора за плечи, отвелъ отъ иконы и опять легъ. Воръ испугался. Прошло мало ли, много ли времени, онъ—опять къ иконѣ. Мертвецъ опять всталъ и еще разъ отвелъ. Такъ до трехъ разъ. Подъ конецъ воръ пошелъ къ попу и во всемъ покался.

(Слышано отъ Г. Н. Потанина).

б. У одного мужика была двухглавая собака. Вотъ разъ онъ ѣхалъ ночью мимо умета, завернулъ въ него, а хозяева знакомые были. Вошелъ въ уметъ, никого въ немъ нѣтъ. Что за диковина? А собака на дворѣ осталась. Развелъ мужикъ въ печи огонь, похаживаетъ по избѣ, дожидается хозяевъ. Только заглянулъ подъ печку, а подъ ней кто-то бѣлый лежитъ. Онъ сметилъ, что это мертвецъ. «Вѣрно», думаетъ,—«онъ всѣхъ хозяевъ поѣлъ, а теперь мой чередъ насталъ». Вышелъ изъ умета, собаку выпустилъ въ избу, а самъ на лошадь, да домой. Не успѣлъ и съ версту отъѣхать, смотритъ: собака за нимъ бѣжитъ, а за ней слѣдомъ — мертвецъ. Собака его изъ умета въ окошко выгнала, а до этого, когда мертвецъ подъ печкой проснулся и вылѣзъ, дралась съ нимъ.

Добѣжала собака до мужикова обоза и сѣла на заднюю лошадь. Мертвецъ добѣжалъ; она прыгъ съ лошади, давай опять драться, а мужикъ впередъ гонить. Подралась, опять на заднюю лошадь поспѣла. Мертвецъ догоняетъ. Она и вдругорядъ съ нимъ сцѣпилась, отогнала. Въ третій разъ сцѣпились они драться. Добѣжалъ мужикъ до перекрестка, мертвецу шабашъ: ходу нѣтъ, потому дороги крестъ на крестъ. Побѣжалъ онъ назадъ да и грозитъ «Ну», говоритъ,—«мужикъ, счастливъ твой Богъ, что у тебя такая собака, а то бы тебѣ живому не быть!»

в. За однимъ мужикомъ съ кладбища мертвецъ гнался въ полѣ. Мужикъ на силу добѣжалъ до деревни, да въ чужую избу и метнулся, а въ ней огонекъ свѣтилъ. Забѣжалъ въ чужую избу и легъ на печь; а въ избѣ, на столѣ другой мертвецъ лежалъ. Всѣ давно спали, только спустя нѣсколько времени, въ избу черезъ окно ворвался другой мертвецъ, что за мужикомъ гнался, и давай съ этимъ мертвецомъ драться. Дрались, дрались; пропѣли пѣтухи,—одинъ въ окно выпрыгнулъ, а другой на столѣ легъ. Утромъ мужикъ разказалъ что за ночь видѣлъ, какъ мертвецы дрались, и какъ покойникъ поднимался со стола, а послѣ опять легъ. Взглянули, а онъ лежитъ то не по вчерашнему: въ крови, платье изорвано, и не на спинѣ. Всѣ признались, что онъ у нихъ колдунъ былъ; взяли похоронили его; въ задъ осиновый колъ заколотили, пятаки подрѣзали, да щетиной присыпали, чтобы послѣ смерти зря не шатался, да добрыхъ людей не пугалъ. Ну, послѣ этого пересталъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

г. Жилъ былъ старикъ со старушкой, и у нихъ было три сына. Старикъ сталъ помирать и ноги въ стѣну упирать и громкимъ голосомъ кричать, сыновьевъ своихъ сзывать: «Сыновья мои умны, сыновья мои разумны, я сталъ помирать, но если я помру, то сами меня не короните, а что ни дайте, да кого нибудь наймите». И тотъ же часъ кончился. Сыновья сошлись и думаютъ: а кого бы нибудь да нанять, да кому бы нибудь скоронить отдать. И тотъ же часъ и какъ разъ является солдатъ. Сказалъ солдатъ: «Миръ вамъ, ребята! А что вы стоите да думаете?» «Вотъ стоимъ мы», сказали ребята,—«думаемъ: померъ у насъ батюшка, не приказалъ

намъ самимъ коронить, а что ни дать да нанять, скоронить его отдать». Солдатикъ и говорить имъ: «А что мнѣ дадите, скороню я его?» «А что угодно возьми, только скорони». «Тройку лошадей со упряжкой!» То сыновья думали и на томъ согласились. «Только пожалуйста скорони!» Солдатъ и говорить: «А дѣ лежитъ онъ у васъ? Скоронимъ его сейчасъ!» Приводятъ его въ комнату, дѣ отецъ мертвый лежитъ. Лежитъ стирнѣ въ превеличающемъ гробу. Походилъ солдатъ кругъ гроба и сказалъ: «Запрягайте тройку лошадей со упряжкой своей!» Вотъ ребята собрались, тройку лошадей впрягли, положили гробъ на телегу и повезли его въ кузницу. Солдатикъ сѣлъ на гробъ верхомъ, подѣзжаетъ къ кузницѣ. «Господинъ кузнецъ, разводи-ка огонекъ, навари мнѣ конецъ! А набей-ка», говорить,—«на гробъ три обруча большихъ!» Кузнецъ тотчасъ и какъ разъ развелъ огонекъ и наколотилъ три обруча толстыхъ, большихъ и заклепалъ имъ конецъ. Солдатъ былъ молодецъ, сѣлъ на гробъ верхомъ и полетѣлъ на троечкѣ въ путь-дорожку, въ большой лѣсъ. Дѣзжаетъ вплоть до лѣсу; поздно вечеромъ случилось: приходитъ глухая полночь — лошадушки его стали потѣть, а колеса стали скрипѣть. Какъ пришла глухая полночь, лошадушки его стали, а колеса къ землѣ пристали, а обручъ съ гробъ долой слѣзали; тотъ же мертвецъ показалъ свой живой образецъ. Солдатъ видитъ дѣло плохо. Стоитъ въ лѣсу, при край дороги—три бѣлыхъ березы; солдатъ спрыгнулъ съ телеги и влѣзъ на березу. Мертвецъ кричитъ громкимъ голосомъ: «А дѣ же ты, солдатъ?» «Я—здѣсь», говорить,—«сѣжу на березѣ». Подбѣгаетъ мертвецъ къ березѣ и давай грызть березу. Березу подгрызъ — она свалилась; солдатъ на вторую перепрыгнулъ. Какъ береза свалилась, подбѣгаетъ мертвецъ къ вершинѣ; думаетъ: солдатъ тутъ упалъ. На вершинѣ пошевырялъ и солдата не видалъ. Сказываетъ мертвецъ: «Да дѣ же ты, солдатъ?» «На другой березѣ». Онъ другую — сталъ и другую подгрызъ. Другая повалилась — солдатъ на третью перелѣзъ. Мертвецъ бросился ко второй вершинѣ и думаетъ, что солдатъ тутъ лежитъ, а солдатъ на третьей березѣ сидитъ. И этимъ дѣло кончилось. Глухая полночь прошла; кочета заплѣли, святъ духъ по землѣ пошелъ, а нечистый духъ скрозъ землю прошелъ, а мертвецъ во гробъ взомелъ и лежитъ какъ спать. Солдатикъ съ березки слѣ-

залъ, гробъ крышкой закрывалъ и веревкой завязалъ; тройку лошадей въ селенье назадъ обрачѣлъ, опять къ кузницѣ подъѣзжалъ. «Господинъ кузнецъ, сдѣлай-ка обручики поздорѣше! Заклепай пожалуйста покрѣпше!» Кузнецъ тотчасъ самые здоровые сдѣлалъ обручи и здорово ихъ заклепалъ, и солдатикъ оборотилъ свои тройку лошадей и опять полетѣлъ. Ну, это скоро только сказка сказывается, а это не скоро дѣло дѣлается. Ужъ это на другую ночь пришлось. Ѣдетъ солдатикъ дремучимъ лѣсомъ, и вдругъ кони его притупѣли. Прихватывать его глухая полночь, и прежде соскочилъ съ ногъ желѣзный обручекъ, потомъ крышка хлопъ долой. Солдатъ испужался, на лошадку на пристѣжную верхомъ бросался. Выходитъ мертвецъ изъ гроба и спрашивать: «Солдатъ дѣ?» «Здѣсь, сижу на лошади». Съ лѣваго бока пристѣжную лошадку мертвецъ сѣлъ. Солдатикъ на вторую перепрыгнулъ. Спрашиваетъ мертвый старикъ: «Ты, солдатъ, дѣ?» «Сижу на второй лошади». «Ахъ, протакая мать! Тебя нигдѣ не найдешь!» Кочеты зашѣли, мертвецъ брякъ въ гробъ и лежитъ, какъ мертвый спитъ. Солдатъ видитъ: дѣло плохо—ни день ни ночь не спитъ и въ лѣсъ дальше везетъ и дальше, и дальше, и опять его прихватила темная ночь. Мертвецъ встаетъ изъ гроба; солдатъ видитъ: дѣло плохо, бросается на корневую лошадь и Ѣдетъ. Мертвецъ кричитъ: «Солдатъ, ты дѣ?» «На корневой лошади!» «Ну, теперь же доберусь!» И началъ лупить съ хвоста, и лупить до гривы. Шкуру лупить, мясо жреть, а солдата къ себѣ ждетъ. А солдатъ былъ прозваньемъ Лѣха, а видитъ плохо; скидовалъ одѣжку и бросалъ ее на дорожку, а самъ бѣгомъ айдѣ да айдѣ по дорогѣ! Мертвецъ лошадку ободралъ и спрашивать: «Ты, солдатъ, дѣ?» Хватъ, только одно мѣсто знать. Солдатикъ айда да айда по дорожкѣ. Ну, этотъ мертвецъ былъ не простѣецъ—колдунъ и еретникъ, горькій пьяница: понюхалъ его слѣдочки и айда да айда! Солдатъ бѣжить прытко, лишь только пятки въ задъ утыкаются; остановится да послушаетъ, какъ мертвецъ бѣжить—вся земля дрожитъ. Солдатъ видитъ впередъ огонекъ и бѣжить да бѣжить—индо изъ глазъ слезы льютъ. Мертвецъ его догоняетъ и ерѣпко ему приграживаетъ: «Да не уйдешь, солдатъ! Съ живаго шкуру сдеру! Живаго не пушу!» Къ огоньку солдатъ подбѣгаетъ: тутъ келейка стоитъ.

Въ кельѣ огонекъ горитъ, а на мертвой лавкѣ гробъ стоитъ; во гробу второй мертвецъ лежитъ. Солдатикъ мыкъ въ дверь! Подъ порогомъ-то въ избѣ превеличающій кобель лежитъ, подъ названіемъ собака. Вдругъ кочеты запѣли, мертвецъ и говоритъ: «Ну, да помни же, вшывая губа, да не забудь, какъ по тройкѣ лошадей берутъ!» И тутъ же провалился скрозь землю, верхъ ногами прошелъ. А солдатикъ въ избенкѣ стоитъ, свѣту вольнаго ждетъ. Какъ день разсвѣтало, солдатъ вышелъ изъ келейки и не знаетъ куды идти, что дѣлать. Дѣ онъ бѣгъ — дорога травой заросла и нельзя ни пройти, ни проѣхать. И стоитъ, думаетъ: «Что я, дураекъ, сдѣлалъ? Не жилось мнѣ на вольномъ свѣту. Куды сейчасъ пойду?» Обратился опять въ эту келью и рѣшился тутъ почевать. Легъ себѣ на печку, и пришла темная ночь. Солдатъ темную ночь не спитъ, во всё глазыньки глядитъ. Какъ пришла глухая полночь, встаетъ мертвецъ, зубами скрѣхчетъ, слюнями прыщеть. «Эхъ, солдатикъ, топерь ты мнѣ попался! Мясa наѣмся и крови твоей напьюсь!» И сейчасъ солдатъ лежитъ не живой, не мертвый. «Простите», говоритъ солдатикъ, — «мои сроднички! Мнѣ сейчасъ живому не быть». И лѣзетъ мертвый чело-вѣкъ къ солдату на печь. Преогромный кобель вскочилъ и цопъ да цопъ мертвеца! Взялъ его за шиворотъ и давай драться, какъ съ собакой. До тѣхъ поръ дрались, индо оба въ кровь изорвались. А солдатъ на печи сидитъ и не живъ, не мертвый. Кочеты запѣли и мертвецъ въ гробъ убрался. И вдругъ разсвѣтало. Собака опять на прѣжне мѣсто легла, гдѣ лежала, и солдатикъ выходитъ вонъ изъ келейки, и в д р у г ъ ему показалось, гдѣ онъ бѣжалъ прежде — дорожкой, и ударился по ней бѣжать. Выбѣжалъ на чистое поле и набѣжалъ на мертвыхъ лошадей. «Слава те Богу! Закажу то-перь дѣтямъ и внучатамъ тройку лошадей не брать и мертвыхъ людей не коронить!» Отправился домой и въ своемъ домѣ сталъ жить да быть и лошадушекъ своихъ добывать.

(Абрамъ Новопольцевъ).

д. Шли путемъ дорогою два солдата, а прямо противъ нихъ — мазарки; имъ и надо идти черезъ мазарки. Пошли. Одинъ солдатъ и увидалъ свѣжу, разрыту могилу, и говоритъ своему товарищу: «Погоди маленько, вонъ у часовни постой — я схожу по-
Сказки и предъ Сам. края.

смотрю, что тамъ въ могилѣ-то есть». А товарищъ зналъ, что онъ дока, пошелъ въ часовнѣ, а тотъ — къ могилѣ. Взялъ да въ нее и легъ. А была самая полночь — двѣнадцать какъ есть часовъ. Легъ въ могилу-то и лежитъ. Вдругъ приходитъ мертвецъ и смотритъ въ могилу, да и говоритъ: «Кто тамъ? Пусти меня!» «Я — солдатъ. Не пущу!» «Пусти, пожалуйста!» «Пущу, только скажи, гдѣ ты былъ?» Мертвецъ маялся, маялся, видитъ дѣло плохо: скоро запоютъ кочетъ, и говоритъ: «На свадьбѣ». «Что ты тамъ дѣлалъ?» «Всѣхъ гостей и молодыхъ, и что ни на есть въ домѣ живыхъ уморилъ». «Ну, теперь ты мнѣ еще скажи: какъ ихъ воскресить?» «Вотъ какъ: какъ только ты меняпустишь въ могилу и я брошусь, и если ты успѣшь оторвать въ это время у меня клокъ савана, то этимъ кловомъ всѣхъ мертвыхъ окурю: они воскреснутъ». «Ладно, ложись!» Солдатъ всталъ, сталъ вытѣзать изъ могилы, а мертвецъ бросился со всего рѣзмаху въ нее. Солдатъ-то, не будь промахъ, цопъ царапъ за саванъ, да клокъ и выдралъ. Взялъ его, положилъ въ карманъ и пошелъ въ село, а могила вдругъ вся завалилась, какъ бытъ стала могилкой. Пришелъ солдатъ въ село, идетъ мимо дома и слышитъ вопъ. (Ну, знашь, у кого отецъ умеръ, у кого мать, у кого сестра — и вопять). Солдатъ спрашиваетъ: «Что это за вопъ?» Ему говорятъ: «Свадьба была, всѣ на свадьбѣ-то и умерли, всѣ теперь покойники». «Хотите», говоритъ солдатъ, — «всѣхъ воскресу?» «Да можешь ли ты это сдѣлать?» «Могу. Что дадите?» «Двѣсти рублей дадимъ, только воскреси!» «Извольте, православные, давайте деньги за руки!» Дали. Солдатъ взялъ клокъ савана, положилъ въ черепокъ, окуривъ съ молитвой покойниковъ — тѣ всѣ и воскресли; говорятъ: «Какъ мы долго спали!» «Спали бы», имъ говорятъ, — «кабы не солдатъ». Отдали солдату деньги двѣсти рублей, напоили, накормили его всѣмъ, чего душа желаетъ: и медомъ, и кашей, и блинами; а послѣ пораздумались да придрались къ солдату: «Мотри», говорятъ, — «это дѣло ты сдѣлалъ — уморилъ то ихъ! Ты помрачение имъ сдѣлалъ?» «Нѣтъ, братцы, не я!» Къ нему вплотную мужики пристали. «Нѣтъ, братъ, ты!» «Нѣтъ, не я, а вотъ пойдемте на мазареп, разройте-ка эту могилу и посмотрите цѣлъ ли у покойника саванъ. Я у него оторвалъ клокъ отъ савана да имъ всѣхъ и окуривъ: они и ожили». Разрыли могилу, глядятъ, а покойникъ внизъ

лицемъ въ могилѣ-то лежитъ и клокъ савана оторванъ. Тогда солдату мужики повѣрили и отпустили его, а то было придирку къ нему имѣли и деньги хотѣли отнять. Мертвеца вырыли, осиновый колъ ему вколотили въ задъ и зарыли во врагѣ, гдѣ падалъ валять.

(Слышано въ Ставропольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Новиковкѣ; записано и сообщено Мих. Ив. Извозчиковымъ).

е. Разъ дѣвки вмѣстѣ съ парнями устроили вечеринку сообща, пригласили родныхъ, знакомыхъ, да не всѣхъ. На вечеринкѣ-то дѣвки между собой и разсорились; однѣ-то, знашь, своихъ парней больше пригласили, что любви имъ были, а другихъ не пригласили, которы любви были другимъ, ну, и вышла промежь ихъ к а т а в а с і я. Ну, бѣсы этому и рады—и давай ихъ сердца разжигать. Гдѣ бы имъ Бога вспомнить, а на святкахъ до Бога ли? Пѣсни да плясъ на умѣ, одно веселье, х ѣ х и н ѣ к и да смѣшкѣ. Однѣ дѣвки своимъ парнямъ больше пѣсни поютъ, а другія—своимъ; а парни больше пьютъ и дѣвокъ подчиваютъ. Какъ подпили, пошло веселье, только стонъ стоитъ! Вотъ однѣ дѣвки и придумали: тихонько одѣлись, отправились на кладбище, да изъ общей могилы вынули двухъ мертвецовъ, завернули въ рогожи и на своихъ косахъ приволокли ихъ на вечеръ, да за печкой и поставили, а сами какъ ни въ чемъ не бывало раздѣлись, вошли въ горницу, будто выходили за ворота гадать. А въ это время дѣвченка сидѣла на печкѣ и видѣла ихъ всѣ проказы и испугалась, сердѣшная, мертвецовъ-то, молчить, въ уголокъ прижалась. Страшно, знашь. Дѣвки вошли въ горницу, посмѣиваются, а гости веселятся (имъ не въ догадъ, что тамъ за печкой творится). Мертвецы стали ужъ пошевеливаться и переговариваютъ между собой: «Что ты, братъ, разогрѣваешься что ли?» «Разогрѣваюсь, братъ». «И я, братъ, разогрѣваюсь». Дѣвченка на печкѣ не пикнетъ, а гости на вечеринкѣ орутъ пѣсни, пляшутъ—куды те! Дымъ коромысломъ! Въ полночь тѣ дѣвки, что мертвецовъ принесли, и говорятъ другимъ: «Спойте нашимъ молодцамъ обоимъ пѣсенку, да повеселѣе, плясовую!» Какъ запѣли дѣвки пѣсни, мертвецы сдѣлались всѣ огненны, какъ горящ и головни, языки высунули, и изъ роту у нихъ пламя и жупелъ пошелъ, а у заду-то стали помахивать собачьи хвосты. Какъ ихъ въ пѣснѣ-то стали величать, какъ они изъ запечки-то

выскачатъ, да—въ горницу, да среди гостей и давай плясать, и кривляться, и ломаться, и кувыркаться, да гостей лягать, пламенемъ да жупеломъ ихъ палить, да за бороды, да за косы ну ихъ рвать. Всѣ вдругъ испугались, куда те и хмѣль вонъ, и ноги подкосились: кто гдѣ стоялъ или сидѣлъ, такъ тутъ ничкомъ и грохнулся; а мертвецы пляшутъ, такъ что половицы вонъ изъ полу летать, столы и посуда прыгаютъ, все летитъ въ дребезги да въ черепки. Плясали, плясали до пѣтуховъ; какъ пѣтухъ пропѣлъ, такъ они сквозь землю въ тартарары, въ трое сподню и провалились, индо земля застонала, а тутъ сдѣлалась урвѣна (сама бездонная): дна не достанешь. По утру пришелъ народъ, смотреть а гости лежатъ: кто безъ головы, кто безъ руки, кто безъ ноги, кто безъ языка, кто безъ бороды, кто безъ косы—всѣ мертвы; только дѣвченку успѣли откачать, что на печкѣ сидѣла да мертвецовъ-то видѣла. Она всю эту оказію и разказала.

(Со словъ симбирской мѣщанинѣ Екатерины Григорьевны Извоицковой. Записано и сообщено М. И. Извоицковымъ).

73.

О ВѢДЬМѢ.

Въ Кіевѣ двѣ богомолки шли; пристала къ нимъ третья: голосъ словно мужичій, все словно съ дубу рветъ, ни разу въ дорогѣ не перекрестилась. Шли, шли, стали къ одному монастырю подходить. Оглянулись богомолки, а она (товарка-то) въ землю грязнуть начала: что ни ступить, то дальше уходитъ, и ушла по поясъ. Попросила она за попомъ сходить и покаялась попу въ страшныхъ грѣхахъ. «Я», говорить,—«людей портила, дѣтей вымаривала и мѣсяцъ не одинъ разъ скрадывала». Въ одномъ грѣхѣ раскаяться языкъ у ней не повернулся. Попъ прослушалъ вѣдму, отступился, не разрѣшилъ ей грѣхи. «Будь», говорить,—«ты отнынѣ и до вѣку анафема прѣклята!» Какъ сказалъ, она и пошла сквозь землю съ гуломъ, съ шумомъ. На томъ мѣстѣ голый камень оказался, проклатое мѣсто стало.

(Записано отъ П. С. Полуэктова, въ Симбирскѣ).

74.

Про пчеляковъ.

а. Если во время причастія спрятать Тѣло Христово во рту и не проглатывать, а послѣ положить его въ пенёкъ, такъ пчелы водиться будутъ. Если разломать и посмотрѣть, то увидишь въ пенёкѣ маленькій восковой алтарь, цѣлую церковь изъ воску, а на верху—кусочекъ причастія. Только не надо смотрѣть.

б. Одинъ пчелякъ богато жилъ: пчелы у него всегда ройлись, ни у кого въ округѣ столько пеньковъ не было. Пришло ему время умирать, онъ и говоритъ сыновьямъ: «Ведите начатое дѣло, только одного пенёка не трогайте!» (А у него въ деревѣ одинъ былъ сдѣланъ большущій, и онъ самъ его не трогалъ). Послѣ его смерти сыновья жили хорошо, только и надумай они посмотрѣть, что за пенёкъ; взяли да и открыли. «Что, думаютъ, тамъ?» Какъ открыли, такъ всѣ пчелы со всего пчельника свились вучей и улетѣли. Пенёкъ-то этотъ видно съ заклѣтиемъ былъ.

в. Жилъ былъ одинъ пчелякъ, и столько у него пчелъ было, на удивленіе! Тысячи три пеньковъ стояло, а лошади не водились. Жилъ въ одномъ съ нимъ селѣ мужикъ, лошеводъ, лошади отличныя у него были, а пчелы не водились. Вотъ разъ пчелякъ и спрашиваетъ у мужика: «Скажи, почему у тебя лошадямъ водъ, а у меня нѣтъ?» А тотъ говоритъ: «Скажи ты мнѣ, почему у тебя пчелы, а у меня нѣтъ пчелъ, тогда и я скажу тебѣ». Перекорялись, перекорялись, пчелякъ и говоритъ: «Изволь, я тебѣ скажу». (А извѣстное дѣло, если у кого пчелъ такая пропасть, такъ это не спроста). Вотъ привелъ его къ себѣ на пчельникъ въ избенку; взялъ положилъ меду полную тарелку и сунулъ ее въ подпечекъ. И выползла оттуда огромная лягушка, съѣла весь медъ до чиста и опять все назадъ отрыгнула. Пчеловодъ и говоритъ: «Съѣшь этотъ медъ!» Мужикъ испугался и говоритъ: «Нѣтъ, я не буду ѣсть!» Тотъ было ножъ выхватилъ, заколотъ мужика хотѣлъ. «Ну, пойдемъ, говоритъ лошеводъ,— «я теперь тебѣ скажу, отчего у меня лошадямъ водъ». Привелъ пчеляка къ своему гумну и говоритъ:

«Оттого у меня лошадямъ водѣ, что я ихъ кормлю вотъ чѣмъ: по десяти фунтовъ муки замѣшиваю, да полъ мѣры овса даю». «Такъ это я и безъ тебя знаю», говоритъ колдунъ, — «зналъ бы, такъ не сказалъ бы тебѣ о пчелахъ. Еще бы лошади не водились, если ихъ кормить!» «А ты какъ же», говоритъ мужикъ, — «думалъ, что не кормя можно?» Разсердился колдунъ да видѣть дѣлать нечего; просилъ про то, что видѣлъ никому не болтать, и ушелъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

75.

Про Ивановъ цвѣтъ.

Одинъ паренъ пошелъ Ивановъ цвѣтъ искать, на Ивана на Купалу. Скралъ гдѣ-то Евангеліе, взялъ простыню и пришелъ въ лѣсъ, на поляну. Три круга очертилъ, разостлалъ простыню, прочелъ молитвы, и ровно въ полночь расцвѣлъ папортникъ, какъ звѣздочка, и стали эти цвѣтки на простыню падать. Онъ поднялъ ихъ и завязалъ въ узелъ, а самъ читаетъ молитвы. Только откуда ни возмись медвѣди, начальство, буря поднялась... Паренъ все не выпускаетъ, читаетъ себѣ знай. Потомъ видѣть: разсвѣтало и солныце взошло, онъ всталъ и пошелъ. Шелъ, шелъ, а узелокъ въ рукѣ держать. Вдругъ слышитъ—позади кто-то ѣдетъ; оглянулся: катитъ въ красной рубахѣ, прямо на него; налетѣлъ, да какъ ударить со всего маху—онъ и выронилъ узелокъ. Смотритъ: опять ночь, какъ была, и нѣтъ у него ничего.

(Записано въ Симбирскѣ).

76.

Про церкви.

а. Шелъ разъ мужикъ ночью и видѣть: церковь стоитъ, освѣщена, и въ церкви служба идетъ. Двери растворены, онъ вошелъ

и сталъ молиться; только глядѣть, а у попа и у причта лица бакія-то не подходящія. «Нечисто что-то», думаетъ себѣ. Сталъ мужикъ къ дверямъ лѣзть, задомъ. А это были нечистые. Увидали они мужика, кинулись за нимъ изъ церкви. Глядѣть нечистые: изъ церкви назадъ ни одного слѣда нѣтъ, а только въ церковь. Поискали, поискали, да и бросили.

б. Въ былые годы, когда мать ребенка засыпала, ее вмѣстѣ съ мужемъ на ночь въ церковь ставили, епитимью накладывали. Попъ мѣломъ кругъ обводилъ, запиралъ церковь, а утромъ, на свѣту, выпускалъ. Вотъ разъ поставили двоихъ, мужа съ женой. Попъ ушелъ. Нечистые всячески старались достать ихъ: крючками закидывали; ну, не могутъ, потому что за кругомъ стоятъ. Въ одну ночь и придумали нечистые: сдѣлали на дворѣ свѣтлый день. Мужъ съ женой обрадовались, что разсвѣтало; вдругъ слышатъ: дверь отпирается, и попъ кличетъ ихъ «Что же вы нейдете? Выходите!» Они вышли изъ круга, опять стала ночь, и растащили ихъ нечистые.

(Записано въ Симбирскѣ, отъ А. В. Чегодаева).

77.

Про самоубійцу.

Шелъ разъ бурлакъ за Волгой, изъ Лыковщины (Пензенской губ.), шелъ, да и думаетъ: «Чего я здѣсь шатаюсь? Хотѣ бы лѣпшій какой пришелъ, да меня отсюда домой доставилъ!» Только сказалъ, подлетаетъ тройка лихихъ коней съ кучеромъ. Бурлакъ сѣлъ и понесся какъ вѣтеръ. Триста верстъ пролетѣлъ въ одну минуту, а кучеръ сидитъ, да только покрикиваетъ: «Ну-ка, ну-ка, попадья, распатронь-ка! Ну-ка, ну-ка, попадья, распатронь-ка меня!» Домчалъ бурлака домой; онъ разказалъ все; а у нихъ незадолго до этого попадья повѣсилась: онъ, значить, на ней ѣздилъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

78.

О фармазонскихъ деньгахъ.

Пошелъ одинъ парень доставать фармазонскія деньги и разказывалъ послѣ. «Шелъ я», говоритъ,—«три года, пришелъ къ избушѣ. Вхожу—старикъ на печи лежитъ. Я и говорю ему, зачѣмъ пришелъ. «Хорошо, говоритъ, поди возьми на три рубля водки и копѣчку сдачи принеси!» Пошелъ я, купилъ на три рубля водки, копѣчку сдачи взял; пришелъ назадъ—и водка есть, и деньги три рубля всѣ въ карманѣ. «Ну, теперь», говоритъ старикъ,—«пойдемъ въ нашу церкву, помолимся». Привелъ меня въ темную, безъ оконъ избу; среди избы чанъ стоитъ, и кругомъ салыны свѣчи горятъ; фармазоны по стѣнкамъ молятся. Вдругъ изъ стѣны и вылѣзаетъ мохнатый да сѣдой. «Чего вамъ», говоритъ,—«надо? Коли денегъ, такъ на-те, берите!» И насыпалъ фармазонскихъ денегъ цѣлую кучу. Стали фармазоны меня въ свою вѣру склонять. «Дай», говорятъ,—«мы тебѣ изъ мизинца кровь пустимъ и этой кровью патрѣтъ напишемъ. Гдѣ бы ты ни былъ, мы тебя найдемъ и если въ этотъ патрѣтъ выстрѣлимъ—ты умрешь той же минуту». Ну, я не дался; взялъ да съ тѣми тремя рублями и бѣжалъ. Зашелъ, на рубль купилъ водки; сунулъ я дорогой въ карманъ, а тамъ не прибавилось: два рубля замѣсто трехъ. И шелъ я, братцы мои, оттудова три года, насилу домой добрался».

(Записано въ Симбирскѣ).

79.

Мужикъ и чортъ.

Мужикъ у чорта денегъ просилъ; ну тотъ далъ займы. «Когда же отдашь?» «Да я тебѣ душу отдамъ». «Когдаже къ тебѣ придетъ?» «Да черезъ три года». Пришелъ чортъ черезъ три года. «Ну, давай, мужикъ, душу!» «Погоди, дай пообѣдаю». Пообѣдалъ. «Ну, какъ же будемъ душу вынимать?» «Она сама выйдетъ, погоди». Вылѣзъ изъ-за стола, потянулся, да какъ п..... «На, лови!» Чортъ

руки растопырилъ и диву дался—что это у него за душа: верругъ носу вьется, а въ руки не дается. «Ну, у меня другой», говорить,—«нѣтъ. Ступай!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

80.

Солдатъ и чортъ.

Стоялъ солдатъ на часахъ и захотѣлось ему на родинѣ побывать. «Хоть бы», говорить,—«чортъ меня туды снесъ!» А онъ и тутъ какъ тутъ. «Ты», говорить,—«меня звалъ?» «Звалъ». «Изволь, говорить,—«давай въ обмѣнъ душу!» «А какже я службу брошу, какъ съ часовъ сойду?» «Да я за тебя постою». Рѣшили такъ, что солдатъ годъ на родинѣ проживетъ, а чортъ все время прослужить на службѣ. «Ну, скидавай!» «Солдатъ все съ себя скинулъ и не успѣлъ опомниться, какъ дома очутился. А чортъ на часахъ стоитъ. Подходить генералъ и видить, что все у него по формѣ, одно нѣтъ: не крестъ на крестъ ремни на груди, и всѣ на одномъ плечѣ. «Это что?» Чортъ и такъ и сякъ, не можетъ надѣтъ. Тотъ его въ зубы, а послѣ—пѣрку. И пороли чорта каждый день. Такъ—хорошій солдатъ всѣмъ, а ремни все на одномъ плечѣ. «Что съ этимъ солдатомъ», говорить начальство,—«сдѣлалось? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало въ исправности». Пороли чорта весь годъ. Изшелъ годъ, приходитъ солдатъ смѣнять чорта. Тотъ и про душу забылъ: какъ завидѣлъ, все съ себя долой. «Ну, васъ», говорить,—«съ вашей и службой-то солдатской! Какъ это вы терпите?» И убѣжалъ.

(Записано отъ П. С. Полуэктова, въ Симбирскѣ).

81.

Кузнецъ и чортъ.

Жилъ былъ кузнецъ, молодой парень, и работать былъ гораздъ, и водочку любилъ выпивать, и деньги могъ добывать. Какъ при-

дѣтъ въ кузницу, положить на наковальню уголь, ударить молоткомъ и говорить: «Хлопъ, да чорта въ лобъ!» Каждый день все хлопъ чорта въ лобъ; весь ему разбилъ. Такъ чорту досадно, что хочется ему кузнеца поймать. Вотъ у кузнеца дѣтей не было, онъ взялъ да ему мальчишку и привелъ, и отдалъ ему въ дѣти. Росъ онъ (чертенокъ-то) не по днямъ, а по часамъ и выросъ большой. Кузнецъ его поитъ, кормитъ, какъ роднаго; а все какъ ни придетъ, все уголь на наковальню кладетъ, все хлопъ чорта въ лобъ. Вотъ этотъ чертенокъ такой сталъ мастеръ, лучше отца. Еще подѣзжаетъ сѣйчасъ къ кузницѣ дѣвиль на тройкѣ и привезъ старѣлаго самаго, чуть ползать, дьявила. Тащить его въ кузницу передѣлывать молодымъ. «Передѣлай», говоритъ,—«мнѣ этого старика молодымъ! Сколько хочешь бери!» «Нѣтъ, я не могу». Сынъ и говоритъ: «Тятенька, я могу». Сейчасъ велѣлъ отцу привезти кадуюшку воды. Кузнецъ привезъ. Сынъ ввалилъ дьявила въ горнъ, раскалилъ его какъ огненнаго, ввалилъ на наковальню и началъ молоткомъ дуть. Жарилъ, жарилъ, бултыхъ его въ кадуюшку! Лѣзетъ онъ оттолъ такой-то молодчина! Салана денегъ имъ нѣсколько далъ и увезъ молодого назадъ. Сынъ и говоритъ: «Что, тятенька, выучился старыхъ молодыми передѣлывать?» «Не мудрено, сынокъ». «Я поѣду», говоритъ сынъ,—«на базаръ. Если привезутъ опять стараго дьявила, ты его передѣлай». Ушелъ изъ кузницы и пропалъ. На тройкѣ опять дьявилъ лѣтитъ, везетъ старѣющаго дьявила. «Передѣлай, кузнецъ, его! Одного передѣлали, передѣлай и мого. Бери что хочешь!» Кузнецъ самъ дьявила тащить не можетъ, разогрѣлъ пудовку углей и говоритъ: «Тащи его въ горнъ!» Дьявилъ втащилъ и брякнулъ его въ горнъ. Дьявилъ зѣвать: его жжетъ. Кузнецъ сожегъ дьявила и кости прямо въ кадуюшку. Дожидались, дожидались, а онъ оттолъ не вылѣзаетъ. Набѣгло дьявиловъ и нѣсколько; подхватили кузнеца и потащили, да и говорятъ: «А, топерь-то ты намъ попался! Вотъ топерь не станешь говорить: хлопъ чорта въ лобъ!» Взяли и бултыхъ его въ воду. И утонулъ кузнецъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

82.

Чортъ и козелъ.

Богъ челоуѣка по своему образу и подобію создалъ, и чортъ тоже захотѣлъ сдѣлать: на писалъ и вдунулъ свой духъ. Выскочилъ козелъ рогатый—чортъ его испугался и попытился отъ козла. Съ тѣхъ поръ онъ и боится его. Вотъ почему въ конюшняхъ козла держатъ, и на коноводныхъ тоже, гдѣ бывало паръ до ста лошадей, всегда козла держали. Онъ—чортовъ двойникъ.

(Записано отъ П. О. Полуэктова, въ Симбирскѣ).

83.

Какъ чортъ ангеломъ сталъ.

У чертей старшіе есть и младшіе. Первые приказанія отдають, а вторые исполняютъ. Вотъ разъ чертенку дали приказъ пакость какую-то сдѣлать, а онъ и не исполнилъ. Ну, ему сейчасъ подъ желѣзные прутья должно воротиться. Испугался онъ и давай Бога молить: «Господи, коли ты меня отъ желѣзныхъ прутьевъ избавишь, никогда пакостничать не буду!» Богъ его и не оставилъ: спряталъ чертенка въ церкви, подъ плащаницу. Черти его и не могли найти, бросили искать. Сталъ послѣ этого чортъ ангеломъ и возрадовались и на небѣ, и на землѣ.

(Записано въ Симбирскѣ).

84.

Ангель.

Жили мужъ съ женой; жена забрюхатѣла и родила двойни, двухъ мальчиковъ. Господь призвалъ ангела. «Ангель, полетай, вынь изъ этой жѣнки душу!» Ангель прилетѣлъ къ женщинѣ, по-

летать, полетать, жалко вынуть душу: двое мальчиковъ родились, куды юноши дѣнутся? Опять къ Господу полетѣлъ. Прилетаетъ ко Господу, спрашиваетъ его Г о с п о д и: «А что, ангель Господень, вынулъ душу изъ женщины?» Отвѣчаетъ ангель: «Нѣту, Господи!» «Что ты не вынулъ?» «Пожалѣлъ, Господи: она двойни родила; чѣмъ они безъ нея будутъ кормиться?» Опять Господь посылаетъ его: «Ступай, ангель, вынь!» Опять ангель Господень полетѣлъ. Она крѣпко нездорова лежитъ; они кругъ ея ползаютъ. Ангель Господень и пожалѣлъ, и опять ко Господу полетѣлъ. Спрашиваетъ его Господи: «Что, ангель, вынулъ душеньку?» «Нѣту». «Ступай на трудну землю, коли меня не слушаешь!» Ангель сошелъ на трудну землю и сказалъ Господу: «А когда я, Господи, Господи, буду на небесахъ?» «Когда ты меня на землѣ увидишь». И сослалъ Господь ангеля на трудну землю, а за юношами смерть послалъ. Юношей у матери смерть умертвила и женщину на небеса ко Господу представила, а юноши остались на землѣ, а ангель сошелъ на землю за человѣка.

Сошелъ Господень ангель на землю и присталъ въ городской мужской монастырь и такъ вѣрно служилъ, и по пѣнію былъ удивительный. Долголи, малоли послужилъ (лѣтъ двадцать будетъ), была ему полная довѣрность, за игумена всѣмъ монастыремъ повелѣвалъ, на базары ходилъ и все, что требуется, закупалъ. Старше его не было; былъ одинъ помощникъ, и постоянно онъ съ нимъ на базаръ ходилъ. Этому дѣлу время много прошло. Такъ крѣпко Богу онъ въ монастырѣ молился, что думать нельзя! Пошли они разъ съ помощникомъ въ монастырь, что надо купить. Выходятъ изъ монастыря и восходятъ на протуваръ—идутъ два молодыхъ офицера. Ангель между нихъ проскочилъ, одного лѣвымъ локтемъ пырнулъ, а другаго—правымъ, нѣдо они оба пошатились и на него обернулись, и говорятъ между себя: «Гляди-ка, игумень пьяный!» И пошли дальше; а помощникъ и говоритъ: «Что», говорить,—«братъ, ты дѣлаешь: вѣдь это офицеры; какъ ты ихъ пыряешь?» «Да, кака бѣда! Я за нихъ-то и сейчасъ страдаю». И дальше пошли. Шли, шли и лежитъ величающій камень на дорогѣ. Игумень захватилъ его, грохъ въ Господень домъ, въ крышу, нѣдо весь домъ затрясся. Послушникъ его и думаетъ: «Что это онъ?» «Пойдемъ-ка съ тобой въ обжорный рядъ, манѣшечко

закусимъ!». Въ обжорный рядъ не пошли, а въ трактиръ зашли и сказали хозяину: «Сдѣлай намъ селянку!» Хозяинъ селянку устроилъ. Только было они сѣли трапезовать, и сидятъ въ трактирѣ два мужичка. Они годъ вмѣстѣ работали и дѣлятъ деньги по правдѣ: «Это—тебѣ рупь, это, братъ, мнѣ рупь!» Крѣпко работали, не облыгали: лишняго не берутъ при дѣлежѣ. А промежь ихъ самъ Господь сидитъ. Ангель Господень его тутъ и увидалъ, и селянку не потреблялъ. Пришелъ въ монастырь; приходитъ и подручный и сталъ жалобу про износить, кто въ монастырѣ преосвященнаго больше. «Я», говорить,—«съ нимъ на базаръ не пойду на утро». «А что?» «Нельзя: онъ озорничать». Ангель и говорить: «А чего я съозоровалъ?» Помощникъ и сказалъ ему: «А зачѣмъ ты офицеровъ растолкалъ?» «Да, каки офицеры-то, бѣда! Я вотъ, ангель Господній, да за нихъ тридцать лѣтъ страдаю: на землѣ живу. Они—отъ женщины. Меня Господь два разъ посылалъ изъ ихой матери душу вынуть; я изъ ихой мамыньки душу не вынималъ: ихъ пожалѣлъ, да черезъ нихъ тридцать лѣтъ страдаю. Они остались малые, а топерь въ ученье вышли». «А вотъ тутъ мимо дом у-то шли, ты камень-то зачѣмъ бросилъ?» «Тутъ на дому-то дьявыль сидитъ, а дьявыла расчибъ». «А что вотъ въ трактирѣ ты селянку-то заказалъ, ты деньги-то отдалъ, а селянку-то не хлебалъ?» «Тутъ нельзя мнѣ хлебать, тутъ два мужика работали годъ вмѣстѣ и дѣлятъ деньги по правдѣ, а промежь ихъ самъ Господь сидитъ, а вѣдь я ангель Господній, вотъ за этихъ мальчиковъ страдаю!»

Они этому дѣлу не вѣрятъ. Игуменъ говорить: «Начинайте обѣдню служить!» Какъ и же херуфимъ заплѣли, онъ хорошо заплѣлъ, крылышками захлопалъ и на тотъ свѣтъ полетѣлъ. Только они его и видѣли.

(Абрамъ Новопольцевъ).

85.

Богатый и бѣдный братъ.

Жили два брата родные: одинъ бѣдный, другой богатый. У богатаго дѣтей не было, а у бѣднаго множество и малъ мала меньше,

и пить-ѣсть нечего. Сдѣлался богатый иманинникъ и всѣхъ богачѣвъ созвалъ и не знаетъ чѣмъ ихъ угощать, а своего брата бѣднаго забылъ и говорить бѣднаго брата жена: «Старикъ», говорить, — «поди къ брату-то, хоть попроси на иманины-то кусочекъ». «Охъ, хозяйшка, не смѣю, у него гости». Ребятишки плачутъ неутишно: трое сутокъ не ѣвши сидятъ и говорятъ: «Татенька, поди Христа ради!» И пошелъ старикъ къ брату; взомель, Богу помолился, во первыхъ гостямъ поклонъ, во вторыхъ—брату. «Здорово, братецъ!» Братъ его увидалъ, слезно его принималъ. «Охъ, прости Христа ради! Я про тебя и забылъ. Гости, любящи, раздвиньтесь вы изъ переду: я брата впередъ посажу, онъ пообѣдать». Бѣдный и говорить: «Охъ, братъ, куды мнѣ садиться! У меня дѣти трои-сутки не ѣвши. Дай-ка мнѣ лошадь, въ деревнѣ по міру съѣздить, посбирать». «Поди, бери любую». Тотъ запрѣгъ и поѣхалъ. Отъ своего села съ версту отъѣхалъ, лошадь упала и умерла. Онъ санки на себѣ привезъ. Приходитъ къ женѣ, къ малымъ дѣтямъ и горько плачетъ: «Что ты, мужъ, плачешь?» «Охъ, хозяйка, лошадь-то у меня пала!» «Да иди къ брату и скажи, что вотъ тутъ лошадь твоя померла». Пошелъ онъ опять къ богатому брату, со слезами. Еще у богатого брата канпанія не кончилась. Приходитъ, говорить и плачетъ. «Что ты, братъ плачешь?» «Какъ мнѣ не плавать? Вотъ у меня на этомъ мѣстѣ твоя лошадь пала!» «Братецъ, умерла не твоя, а моя; поди возьми, запряги другу да и поѣдь!» Онъ запрѣгъ другу и поѣхалъ. Она до ефтова мѣста доѣхала и пала. Онъ горячѣе того заплакалъ и сани повезъ на себѣ. Санки привезъ и къ старухѣ приходитъ, горько плачетъ. Спрашиваетъ старуха: «Что плачешь?» «Охъ, старуха, и другая лошадь-то умерла!» «Ну, опять иди къ брату, что будетъ». Приходитъ къ брату; еще канпанія не кончилась. Палъ бѣдный на колѣни, еще того слезнѣй плачетъ. «Что ты, братъ, больно плачешь?» Какъ же мнѣ не плакать? Передъ Богомъ я согрѣшилъ и тебя разорилъ: вѣдь и друга-то умерла!» «Богъ мнѣ далъ, Богъ и взялъ! Поди запряги-ка третью, любую, да поѣзжай съ Богомъ!» Онъ впрѣгъ, сѣлъ да и поѣхалъ, и такъ тихонько ѣдетъ: бонтся, кабы и эта не умерла. То мѣсто проѣхалъ и поѣхалъ дальше. Догоняетъ его мальчикъ и говоритъ: «Куды ѣдешь, дѣдушка?» «Да вотъ по міру посбирать, малыхъ дѣтей повормить»,

«Возьми меня съ собой!» «Эхъ, мальчикъ, я боюсь: ужъ я двухъ уморилъ, ка-бы и эта не умерла, вѣдь чужая она». «Ну, Господь дастъ, не умереть, поѣдемъ!» Сѣли и поѣхали; пріѣхали въ другое село. Пристигла ихъ темна ночь; вечеркомъ подъѣхали къ богатѣющему дому. Мальчикъ и говоритъ: «Дѣдушка, попросись вотъ тутъ ночевать». Онъ подошелъ подъ окно и говоритъ: «Хозяиушка, пустите нищихъ ночевать!» Хозяинъ отвѣчаетъ: «Гинь отъ окна!» Старикъ пошелъ. Мальчикъ спрашиваетъ: «А что хозяинъ, дѣдушка, говоритъ?» «Гинь отъ окна!» «Поди-ка еще разъ сходи!» Подходить дѣдушка. «Хозяинушка, пусти Христа ради, ночевать!» «Гиньте вы, проклятые нищи!» Опять старикъ пошелъ. Мальчикъ его спрашиваетъ: «А что, дѣдушка, богатый мужикъ тебѣ сказалъ?» «Гиньте, говоритъ, проклятые прочь!» «А поди-ка», говоритъ, — «въ третій разъ! Топерь пустить». Тотъ подошелъ. «Христа ради, прізри отъ темной ночи!» «Взѣйте», говоритъ, — «окаянные!» Отворили имъ, они взѣхали; лошадь выпрягли, въ избу вошли, на палатен влѣзли. Сошлось семейство хозяйско и стали ужинать, а ихъ не сажаютъ. Мальчикъ и говоритъ дѣдушкѣ: «Дѣдушка, я ѣсть хочу!» «Ну, что же? Не сажаютъ вѣдь». «Проси, дѣдушка, кусочекъ на полати-то?» Дѣдушка и говоритъ: «Хозяинъ, подай милостыню, Христа ради, намъ на полати!» «Экъ, вы проголодались? поспѣте, налопа(е)тесъ!» Они замолчали. Мальчикъ лежалъ и говоритъ старику: «Дѣдушка, проси-ка: я больно ѣсть-то хочу.» Старикъ говоритъ: «Хозяинъ, подай кусокъ Христа ради:» «Отрѣжьте имъ, псамъ!» Отрѣзалъ хозяинъ кусокъ хлѣба и винулъ на полати видкомъ. «На-те, чтобъ вамъ подавиться, проклятые!» Дѣдушка взялъ кусочекъ и мальчику подаль. Мальчикъ говоритъ: «Ѣшь, дѣдушка я не хочу!» Дѣдушка поѣлъ и сытъ сталъ. Хозяѣвы поужинали и спать легли; ворота замкомъ заперли. Дѣдушка уснулъ; мальчикъ разбудилъ его: «Дѣдушка, впригай-ка, да айда-ка!» «Какъ мы поѣдемъ? Встанемъ—они насъ изобьютъ!» «А вотъ, дѣдушка, мы уѣдемъ, они и не услышатъ». «Да ворота-ти, сыночекъ, заперты». «А небось, дѣдушка, ворота-ти отпрутятся». Дѣдушка пошелъ, запрегъ и говоритъ мальчику: «Поѣдемъ!» Вотъ отперлись они, со двора съѣхали, а хозяинъ не слышитъ. Чуть поспѣли со двора съѣхать, и весь домъ провалился скрозъ землю, и все строенье, и весь скоть, и сдѣлалось огромное провалще. Старикъ и го-

ворить: «Ахъ, мальчикъ, я варезки-то забылъ въ печуркѣ!» «Бери», говоритъ, — «печь-то стоитъ». Онъ побѣжалъ: кругомъ яма, а печь стоитъ. Онъ варезки взялъ и печь туды пошла. Приходитъ дѣдушка къ мальчику и сказываетъ: «Ну, домъ провалился скрозь землю; чуть мы поспѣли уѣхать съ тобой! Одна печь осталась». Мальчикъ и говоритъ: «А то-то вотъ, дѣдушка, кабы не варюжки твои, и печь-то-бы тамъ была!» Ъхали-ѣхали путемъ дорогой; дѣдушка обернулся: нѣтъ мальчика. Посмотрѣлъ: у своей околицы стоитъ и хлѣба возъ везетъ. Пріѣхалъ домой и хлѣбъ привезъ, и дѣтей накормилъ, а лошадку брату отдалъ. Съ нимъ это самъ Господь былъ.

(Абрамъ Новополицевъ).

86.

Марко Богатый.

Жилъ былъ Марко Богатый, имѣлъ у себя имѣнья нѣсколько. Сыновьевъ у него не было, одна была дочь, и столько было казны, что счету не зналъ. Казной хотѣлъ онъ отъ своѣо двора на двадцать пять верстъ на вершокъ усѣпать. Вотъ у него заводы разные были. Легъ онъ разъ уснуть и видится ему во сновидѣніи, что «жди, Марко Богатый, вотъ въ такомъ-то часу придетъ къ тебѣ въ гости самъ Господь и Миколай угодникъ». Онъ наутро всталъ и думаетъ сидѣть, и разказываетъ своей женѣ и дочери. Усталъ на двадцать пять верстъ отъ своѣо двора разными сукнами дорогу, гдѣ Богу пройти. Вотъ подходятъ двое нищихъ, старички. Лапти у нихъ въ грязѣ, одежѣнка худенька и шлѣпъ, шлѣпъ по красному сукну въ ворота, гдѣ Марко Богатый сидитъ въ стулѣ, дожидатся Бога. Подходятъ, кланяются Марку Богатому: «Миръ твоему сидѣнью, Марко Богатый! Пусти насъ ночевать!» Марко на нихъ осерчалъ, повсѣчески ихъ обругалъ. «Эхъ», говоритъ, — «несетъ васъ лукавый съ грязными-то ногами, въ лаптищахъ-то. Я», говоритъ, — «жду Бога, а вы тутъ грязните. Ступайте въ задні ворота, въ задней избѣ ночуйте!» Пошли они въ задню избу и легли. Пришла глухая полуночь; лежатъ они на печкѣ и съ ними одна скотница, жен-

щина. Вдругъ къ окошку является, говорить гласомъ человѣческимъ. Молитву сотворили, они аминь отдали. «Здѣсь», говоритъ, — «Господи почиваль?» «Здѣсь», говорятъ. На што тебѣ?» «А вотъ, Господи, въ такомъ-то селеньи родила женщина мальчика. Какимъ его счастьемъ, Господи, надѣлишь?» «Марки богатаго», говоритъ, — «имѣнемъ. Выростетъ и будетъ владѣть». Нищіе ушли середь ночи. Женщина на утро встаетъ и Маркѣ Богатому докладываетъ. «Марко Богатый, не жди Бога: Богъ нынче ночеваль въ въ задней избѣ». «Какъ это такъ?» «А два-то старичка приходили; одинъ-то самъ Господь, а другой Миколай угодникъ». «Гдѣ они?» «Ушли не знай куды». «Почему ты знаешь, что Богъ?» «Въ глухую, говоритъ, — «полуночь является подъ окошко, человѣческимъ гласомъ молитву сотворилъ; они аминь ему отдали. «Господи», спрашиваетъ, — «здѣсь почиваль?» «Здѣсь. На што тебѣ?» «А вотъ, Господи, въ такомъ-то селеньи родила женщина мальчика, какимъ его счастьемъ, Господи, надѣлишь?» «Марки Богатаго», говоритъ, — «имѣнемъ; выростетъ и будетъ имъ владѣть».

Марко Богатый тотъ же часъ запрѣгъ пару лошадей и туды прямо, въ то селенье. Приѣхалъ, доискался этой женщины. Жили они бѣдно, и у нихъ робятишекъ много; онъ и сталъ говорить: «Хозяинъ съ хозяйкой, продайте вотъ этого мальчика!» Они не продаютъ. Онъ сталъ уговаривать: «Что же вамъ не продать? Вы знаете у меня имѣнья сколько; своихъ дѣтей нѣту. Я стану кормить и поить его вмѣсто дѣтища, а у васъ еще много останется. Я и васъ чѣмъ угодно надѣлю». Они согласились и продали; продали и Маркѣ отдали. Дѣло было зимой; Марко Богатый положилъ его въ свою повозку и поѣхалъ. Доѣхалъ до лѣсу и говоритъ: «Кучеръ, отнеси мальчика этого въ лѣсъ, брось его въ снѣгъ. Вотъ ему и Марки Богатаго имѣнье!» Кучеръ отнесъ и бросилъ его въ снѣгъ. Тоѣ же минутой дохнулъ теплый воздухъ, кругъ его снѣгъ растаялъ, и онъ лежитъ, ничего не думаетъ: тепло ему. А Марко домой уѣхалъ.

Этой же дорогой два товарища купца ѣдутъ, Маркѣ Богатому долгъ денегъ везутъ и товару вновь забрать и слышать, — въ лѣсу младенецъ плачетъ. Они остановились и слушаютъ. Побѣжали туды. «Знать кака-нибудь дѣвка бросила!» Прибѣжали — веруъ его трава выросла, и цвѣтки цвѣтутъ, а снѣгу по колѣнки. Удивляются

этому дѣлу. «Это», говорятъ,—«младенецъ святой». Захватили его и—въ повозку къ себѣ. Ъдутъ дорогой, да и разговорились между себя. Ихъ два товарища: одинъ больно именитый богатый, а другой—то бѣдный. У богатого тоже дѣтей нѣтъ, а у бѣднаго дѣти есть. Богатый и проситъ бѣднаго: «Отдай мнѣ его!» Тотъ не отдаетъ, не поступаетъ. «А пушай онъ будетъ у насъ вмѣстѣ ный!» И говорятъ между себя: «Его надобно покрѣпче одѣть и не вносить къ Маркѣ Богатому; а если внесемъ въ домъ къ нему, у него сыновей нѣту, онъ у насъ его отыметъ». Приѣхали къ Маркѣ Богатому, остановились ночевать. Онъ ихъ встрѣтилъ, сготовилъ для нихъ самоваръ; стали чай пить. Изъ-за чаю по переѣнкамъ и тотъ, и другой они выбѣгали: боялись, какъ бы онъ у нихъ въ повозкѣ, въ зимнее время, не замерзъ. Марко Богатый сталъ ихъ выпрашивать: «А что, друзья, вы часто на дворъ ходите? Али у васъ въ повозкѣ клажа какая дорогая есть? Вы чать меня знаете, не первый разъ приѣхали: у насъ на дворѣ всегда караульщики. Будь у васъ въ повозкѣ и нѣсколько денегъ—никто не возьметъ. Скажите, что у васъ тамъ лежитъ». Имъ сказать не хочется. Онъ ихъ донялъ. Ну, они думали, думали и сказали: «Въ такомъ-то мѣстѣ мы нашли мальчика; снѣгъ по колѣни лежитъ, а кругъ его трава растетъ, и цвѣты цвѣтутъ. Мы его взяли, онъ въ повозкѣ лежитъ».

Марко Богатый догадался, спросилъ ихъ: «Гдѣ вы его взяли?» «Тамъ-то», говорятъ. Марко Богатый и думаетъ себѣ: «Ахъ, самый это оны!» «Ну, господа купцы, отдайте мнѣ его! У меня дѣтей нѣту, мнѣ мальчика нужно». Они не отдаютъ. Онъ имъ говорить сталъ: «Если не отдадите, я у васъ деньги отберу, а товару вамъ не накладу; а отдадите—я на васъ долгъ весь прошу и товару по возу накладу». Они взяли, да и отдали. Онъ его взялъ и сталъ кормить. Кормилъ, а лихо на него думалъ. Выростилъ его большаго и все думаетъ, какъ бы его извести. Мальчикъ на все былъ ловкій и старательный; старается, вездѣ досматриваетъ, въ родѣ прикащика. Призываетъ Марко Богатый своего названнаго сына. «Сынъ мой названный, знать ты у меня хозяинъ будешь. Ступай, я тебя пошлю за тридевять земель, въ десятое царство. Тамъ есть Идоллице; ступай и спроси его, сколько у меня казны: я не могу сосчитать». (Ну, а туды ужъ кто ни пойдетъ, оттоль назадъ не при-

детъ: онъ кажняго тамъ съѣсть). Собрался онъ и пошелъ пѣшкомъ. Шелъ много ли, мало ли, долго ли, коротко ли, дошелъ до моря, и на морѣ перевозчикъ перевозить людей безъ денегъ. Подходить онъ къ нему. «Господинъ перевозчикъ, перевези на ту сторону!» «А куды ты идешь?» «Въ такое-то мѣсто, къ Идѣлицу». «Ахъ, братъ любезный, я такихъ-то людей давно ищу! Помани-ка ему обо мнѣ». Я», говоритъ,—«перевожу черезъ море тридцать лѣтъ, безъ денегъ, у меня на рукахъ и мяса нѣтъ, однѣ кости; по костямъ кровь ключемъ бѣжитъ. Спроси-ка кто меня смѣнить?» «Ладно, спрошу». Переѣхалъ и пошелъ. Идетъ путемъ, большой дорогой — стоитъ столбъ: насыпана золотая казна отъ земли и до неба. Подошелъ и посмотрѣлъ на него; казна и говоритъ человѣческимъ глаголомъ: «А куды тебя, добрый молодецъ, Богъ несетъ?» «Въ такое-то мѣсто, къ Идѣлицу; узнать хочетъ Марко Богатый, сколько у него денегъ». «Помани-ка Идѣлицу обо мнѣ, кому я достанусь?» «Ладно», говоритъ. Шелъ, шелъ, дошелъ до дому, до Идѣлица. Идѣлица дома не случилось: улетѣлъ по вольному свѣту летать, жия въ бѣдѣ людей глотать. Жилъ онъ съ одной съ матерью. Ну, взмогъ онъ въ горницу, Богу помолился и баушкѣ поклонился. Баушка увидала его. «А что это прежде у насъ русскаго духа слыхѣмъ не слыхано и видѣмъ не видано, а нынче русскій духъ въ устахъ явится, въ глазахъ мечется? А что, добрый молодецъ, отъ дѣла ли лыташь, али дѣло пыташь?» «Я отъ дѣла, баушка, не лытаю, а себѣ больше дѣла пытаю». «Куды ты идешь?» «Къ Идѣлицу». «Что тебѣ онъ нуженъ?» «Да спросить его прислалъ меня Марко Богатый, сколько у него казны». Мать Идѣлица отвѣчаетъ: «Охъ, другъ, онъ тебя съѣстъ! Тебя Марко Богатый для этого и прислалъ. Развѣ я спрошу, тебя жалѣя, а то онъ тебя съѣстъ!» Онъ упалъ на колѣнки и въ ноги поклонился ей. «Родима баушка, не заставь злой смертью помереть! Я присланъ сюды по неволѣ». «Ну, другъ, я, говоритъ, не заставляю тебя горе мыкать: я сама спрошу». «Да еще, баушка, потрудишься спроси: переѣзжалъ я черезъ такое-то море; перевозчикъ перевозить тридцать лѣтъ... Кто его смѣнить». «Я спрошу». «Да еще, баушка, спроси: шелъ я путемъ—дорогой — стоитъ столбъ казны, отъ земли и до неба. Кому она достанется?» «Не знаю только, добрый молодецъ, куды мнѣ тебя дѣть, чтобъ онъ тебя не нашелъ». Заваляла его подъ перину. Является Идѣ-

лице и нюхаетъ вездѣ. Прилетѣлъ голодный, не сглотивъ никого, и спрашиваетъ: «Мамынька, кто-нибудь у тебя есть: русскимъ духомъ пахнетъ». «Ты по вольному свѣту леталъ и тамъ русскаго духу нямался! Чай ты испить хочешь, сыночекъ?» «Пожалуй-ка», говоритъ,—«мамынька!» Она подала ему пьяныхъ к а п л е й, и такъ ему показалось! Сталъ онъ хмѣльный и говоритъ: «Мамынька, да нѣтъ ли еще?» Она еще стаканчикъ ему подала и порядочно его в з ѣ л о.

Стала мать спрашивать: «А что, сыночекъ, я тебя спрошу»... «Что, мамынька?» «Черезъ такó-то море перевозить перевозчикъ тридцать лѣтъ, кто его смѣнитъ?» «А на чтó тебѣ, мамынька?» «Да такъ, хочется узнать». «Его смѣнитъ Марко богатый». «Да еще, сыночекъ, скажи мнѣ: у Марки богатаго сколько казны?» «Да что тебѣ, мамынька, нужно?» «Да узнать хочется». «Я и то не могу ее считать. Онъ можетъ казной отъ своего жительства на всѣ на четыре стороны, на двадцать-пять верстъ золотомъ усыпать». «Да еще вотъ, сыночекъ, скажи: на такой-то путинѣ есть казны столбъ отъ земли и до неба. Эта казна кому достанется?» Онъ улыбнулся, «Ну, матушка, эта казна достанется... У Марки Богатаго есть», говоритъ,—«пріемышъ; она ему достанется». Взялъ да и опять полетѣлъ куды знатъ. Она перину отвалила, мальчика разбудила. «Что, слышалъ чтó Идóлище сказывалъ?» «Слышалъ, баушка». «Ну, ступай домой!» И пошелъ онъ домой. Доходитъ до столба; столбъ и спрашиваетъ: «Спросилъ ли мальчикъ обо мнѣ?» «Спрашивалъ». «Кому я достанусь?» «Пріемышу Марки Богатаго». Вдругъ столбъ тррр! и разсыпался въ кучу. «Вотъ», говоритъ,—«я казна твоя топерь!» Онъ казну не бралъ, только руками ее помѣшалъ, и топерь она лежитъ въ кучкѣ, д о в р е м я. Пошелъ дальше; подходитъ къ морю. Перовозчикъ я в л я е т с я къ нему: «Что, добрый молодецъ, спрашивалъ Идóлище: кто меня смѣнитъ?» «Спрашивалъ». «Кто же?» «Марко Богатый». Приходитъ къ Маркѣ Богатому. Марко Богатый индо обезпаметѣлъ, что идетъ онъ живъ; спрашиваетъ: «Что, сходилъ?» «Сходилъ, тятенька». «Что, нашелъ Идóлище? Спросилъ сколько казны у меня?» «Спросилъ». «Много ли?» Да на всѣ на четыре стóроны, на двадцать-пять верстъ можете усыпать на вершокъ». «Ну, это вѣрно». Переночевали одну ночь и поѣхали въ иную землю за товаромъ. Накупили чтó слѣдуетъ. О н ѣ нагрузилъ

товаръ по Волгѣ и пріемыша съ товаромъ проводилъ. Написалъ письмо, запечаталъ и говорить: «На хозяйкѣ моей и дочкѣ письмо (поклонъ-то, исъ)!» Онъ завернулъ въ платочекъ, положилъ въ пазуху и поѣхалъ по Волгѣ. Причалились они къ берегу и стали обѣдъ варить. Съ рабочими людьми онъ вышелъ вдоль Волги, по бережку поразгуляться. Пасетъ старичекъ стадо и кричить его: «Подъ-ка молодецъ, ко мнѣ!» Онъ подошелъ. «Ну-ка, вынь что у тебя въ пазухи-ти!» «Да, тятенька на родину письмо написалъ». «Да-ка мнѣ я почитаю!» «Да какъ можно? А запечатать-то кто?» «Я опять запечатаю». Онъ вынулъ изъ пазухи и далъ. Старикъ взялъ его и на мелкие части изорвалъ и другое ему написалъ; завернулъ въ платочекъ и отдалъ. «Ступай съ Богомъ!»

Приплылъ онъ въ свое жительство, товаръ изъ расшвы выгрузилъ и покладъ на мѣсто. Вынимаетъ письмо изъ пазухи. «Извольте, мамынька, вотъ вамъ тятенька письмо прислалъ». Р а с п е ч а т о в а л а и стала читать. Въ письмѣ написано Маркѣ Богатаго рукой, чтобы не дожидаячи м е н я, этого пріемыша съ дочерью обвѣнчать. Мать призвала дочъ и говорить: «Вотъ отецъ письмо прислалъ!» Она грамотѣ знала, прочитала. «Ну», говорить,— «если тятенька приказалъ, такъ нужно это дѣло сдѣлать». Сейчасъ не пиво варить, не вино курить: пиво наварѣно, вино накурѣно— за свадьбу. Повезли въ церковь и обвѣнчали; положили ихъ на ложу. Марко Богатый какъ разъ тутъ. «Жена, гдѣ пріемышъ?» «Да мы ихъ сейчасъ на подклѣтихъ положили!» «Что такое это?» говорить. «Я обвѣнчала на дочери его». Онъ, не с т е р п я с в о е г о с е р д ц а, прямо ей въ глаза плюнулъ. «Что ты, дура, дѣлаешь?» Она вынула письмо, подала ему. Онъ поглядѣлъ: рука-то его. А въ прежнемъ-то письмѣ, которое старикъ изорвалъ, написалъ, чтобы проводить пріемыша на сальный заводъ ночнымъ бытомъ и налить котлы горячаго сала и котлы всѣ раскрыть, а его ночью послать за рабочими посмотриѣть. Онъ на сальномъ заводѣ не бывалъ, какъ пойдетъ, такъ, думаетъ, и утонетъ: не знаетъ гдѣ пройти. А это дѣло все пастухъ (Миколай угодникъ) сдѣлалъ.

Съ ложа ихъ подняли и начали гулять. Зять тестю и говорить: «Ну, батюшка», говорить,— «у тебя казны много, а мнѣ Богъ далъ еще болѣ!» Марко Богатый з а х а н и с т ы й былъ. «А гдѣ же», говорить,— «она?» Запрягли три пары, да и поѣхали. Довъзжаютъ до

е ф т а г о моря, гдѣ перевозчикъ перевозить. Перовозчикъ ихъ поса-
дилъ и за казной перевезъ. Они казну насыпали и поѣхали на-
задъ; подѣзжаютъ къ перовозчику, перовозчикъ ихъ дожидается.
Перевезъ ихъ на свою стѣрону; зять казну выгрузилъ, а Марко
Богатый остался, перовозчика смѣнилъ—и топерь перевозить тамъ.
И смерть его тутъ постигла, а вмѣнѣе все досталось его зятю и
сталъ онъ имъ владать, жить да быть, да добро наживать, а худо-то
проживать.

(Абрамъ Новопольцевъ).

87.

Р а б о т н и к ъ .

Жилъ мужъ съ женой, были люди бѣдные, погорѣлые, и нечѣмъ
имъ кормиться. Дѣтей у нихъ не было. Мужъ женѣ и говоритъ
разъ: «Ну хозяйка, оставайся, а я пойду въ работники». «Ступай
съ Богомъ!» Пошелъ мужикъ куды глаза глядятъ. Долго ли, мало ли
шелъ, встрѣчается ему человѣкъ: Куда идешь, удалый молодецъ?»
«Да вотъ въ работники наняться». «А на сколько в р е м я?» «На
годъ». «А что возьмешь съ меня? Да паску на Свѣтло Хри-
стово Воскресенье отдайте мнѣ за работу!» «Мало». «Ну, два про-
живу, только отдайте». «Нѣтъ, мало». «Ну, дѣдушка, три года
проживу, только в п о л н ѣ отдай!» И согласились на трехъ лѣ-
тахъ за паску жить. Служилъ работникъ вѣрно: куды ни пошли,
всѣ дѣла справлять; прослужилъ три года. Пришла Паска; хо-
зяинъ паску на столъ поставилъ и говоритъ работнику: «Ну, ра-
ботникъ, сядемъ, поѣдимъ, да рассчитамся!» «Ну, нѣтъ, я не со-
гласенъ съ тобой паску ѣсть!» Свернулъ ее въ столѣшникъ и въ
пазуху положилъ. И сказалъ ему хозяинъ: «Ну, другъ, когда отъ меня
пойдешь домой и п р и с т ѣ т ѣ тебя тѣмная ночь, тутъ ты не ночуй,
гдѣ мужъ старъ, жена молодá; а ночуешь, да чего увидишь—доржи;
а не удоржишь—оторви; домой приди, возьми въ руки, подыми да
не упусти». На дорогу работнику хозяинъ пирожокъ далъ; тотъ и
его въ сумку положилъ и пошелъ путемъ дорогой. Шелъ, шелъ, и
захотѣлось ему разговѣться. Разостлалъ и сѣлъ на землю; только

хотѣлъ укусить, и является Миколай угодникъ и говоритъ: «Ангель тебѣ за трапезой, добрый молодецъ! Покорми-ка меня». «Кто ты такой?» «Я—Миколай угодникъ». «О», говоритъ,—«ты за деньги», говоритъ,—«все Бога-то молишь, кто тебѣ свѣчку купить. Я тебѣ не дамъ». Миколаю угоднику не далъ и самъ пищи не принялъ; въ пазуху положилъ и пошелъ путемъ дорогой. Шелъ и усталъ, и поѣсть захотѣлъ. «Да-ка разверну, да разговѣюсь». Развернулъ и разостлалъ, и перекстился. Не успѣлъ укусить, является къ нему старичекъ и говоритъ: «Ангель тебѣ за трапезой, добрый молодецъ!» «Да спасетъ тебя Господь!» сказалъ добрый молодецъ. «Гдѣ ты былъ, другъ?» «А вотъ, дѣдушка, жилъ у ховянина, въ работникахъ работалъ, три года за паску; вотъ домой иду, хозяйкѣ ташу». «Дава-ка сядемъ, да поѣдимъ». «Ты кто, дѣдушка?» «Я—самъ Господь». «Эхъ, Господи, я тебѣ паской разговѣться не дамъ: ты не по правдѣ дѣлаешь. Немножко которыхъ больно богатыхъ, а которыхъ бѣдныхъ...» Завернулъ, въ пазуху положилъ и опять пошелъ. Шелъ и крѣпко поѣсть захотѣлъ. «Ну, надо разговѣться». Не успѣлъ куска отломить, является къ нему старушка и говоритъ: «Ангель тебѣ за трапезой, добрый молодецъ!» «Добро жаловать, баушка, ко мнѣ разговѣться». «Гдѣ ты, другъ, былъ?» «Въ такомъ-то», — «говоритъ, мѣстѣ, три года за паску въ работникахъ работалъ; паску получилъ, а самъ не разговлялся». «А что ты долго не разговлялся?» «Да вотъ что: сѣлъ я разъ разговляться, подходитъ ко мнѣ святой отецъ Никѡла и садится со мной разговляться. Я ему, баушка, вѣдь не далъ». «А на што ты ему не далъ?» «Онъ за копѣечну свѣчку вѣдь работаетъ, а кто ему свѣчку не купить, онъ за того не молится. Второй разъ я, баушка, сѣлъ—опять приходитъ старичекъ, просить паски, разговѣться; Я спросилъ: ты, дѣдушка, кто? Ну дѣдушка сказалъ мнѣ хорошс: я, говоритъ,—Господь. Ну, я Бога прогнѣвалъ, не хорошо передъ Богомъ сказалъ: Ты, Господи, говорю,—насъ всѣхъ не равняешь: которыхъ больно дѣлаешь бѣдныхъ, которыхъ богатыхъ. Взялъ я положилъ паску въ пазуху и ушелъ. А ты, баушка, кто?» «Я, другъ, смерть твоя». «Ну, давай баушка разговѣмся! Ты—смерть, человекъ справедливый: ты не берешь ни злата, ни серебра, не оставляешь ни царей, ни сильныхъ могучихъ боватырей всѣхъ моришь. Вотъ они съ ней сѣли, да и разговѣлись. Смерть и го-

ворить: «Хощь я и смерть твоя, да иди куды путь лежитъ». Онъ и пошелъ. Пристигла его тѣмная ночь близко села ночевать; постучалъ подъ окно. «Хозяюшки, дома ли?» Отвѣчаетъ женка: «Дома». «Пустите, Христа ради, ночевать!» «Добро жаловать, батюшка». «Взошелъ, Богу помолился и хозяину съ хозяйкой поклонился. Сѣли да поужинали. Вспомнилъ добрый молодецъ что ему хозяинъ-то наказывалъ. «Ахъ, думаетъ, не велѣлъ мнѣ хозяинъ ночевать гдѣ мужъ старъ, жена молода». Полежалъ на печкѣ съ вечера, взялъ да тихонько (у нихъ стѣна-то была на прогаръ) вышелъ и подъ стѣнку легъ. Является къ женкѣ молодецъ и говоритъ: «А гдѣ твой мужъ? Давай его убьемъ! Его-то я убью, а тебя замужъ возьму». Женка говоритъ: «Да вѣдь нельзя, милый: у меня н о ч л е щ и к ъ, а старъ-то мужъ спать на печкѣ». «То-то и хорошо убить. Скажи, что н о ч л е щ и к ъ убилъ». Взялъ да и убилъ старика и самъ на прогаръ побѣжалъ; а н о ч л е щ и к ъ его поймавъ, да у него отъ шароваръ доскуточекъ оторвалъ, и легъ спать. Молода жена вытаращила глаза, бѣжить по широкой улицѣ и кричить: «Батюшки, караулъ! Ночлещикъ мужа убилъ!» Ударили во сполдохъ, сошлось народу страсть. Сталъ день—бѣлая заря, а н о ч л е щ и к ъ спитъ подъ стѣной. Старика мужа жена лиходѣиха была: н о ч л е щ и к а увидала, всѣмъ мірянамъ разказала: «Вотъ кто убилъ!» (А онъ и въ избѣ-то не былъ). Ночлещика взяли, ноженъки въ желѣзы сковали и подъ судъ его отдали. Приѣзжаютъ изъ его села люди и смотрятъ на него, и хочется имъ его взять, и говорятъ: «Что у васъ?» «Сей человекъ у такой-то женки мужа убилъ!» Отвѣчаютъ проѣзжающіе люди: «Это нашъ человекъ; онъ былъ нашъ, да не сейчасъ: давно ушелъ». Сѣли да и поѣхали. А н о ч л е щ и к ъ судьямъ и говоритъ: «А вы послушайте, стары старички, пожилые мужички, я ли его убилъ. Я вамъ найду кто!» Старики говорятъ: «Мы тебя отпускаемъ, подавай виновника». «Идите въ конецъ и нарядите ко мнѣ стараго и малаго, молодаго и бывалаго, кто въ чемъ лежитъ, проклажается, и ничего себѣ не чаетъ». Старики распорядились, взяли послали, каждаго изъ дому брали, все виновника искали. Идетъ же добрый молодецъ въ новомъ чапанѣ; онъ всѣмъ хорошъ, да клина-то нѣтъ. Говоритъ н о ч л е щ и к ъ: «Вотъ, старики, къ вамъ виновникъ идетъ!» Вынимаетъ отъ его ч а п а н ѹ клинъ. Тѣ взяли и приложили. Тутъ виновникъ сознался,

съ ночлещикомъ распрощался. «Иди, ночлещикъ, куды идешь, а я убилъ человѣка, да и буду страдать». Добрый молодецъ ушелъ куды ему надо. Приходить домой, подходитъ къ своему дому, просится ночевать у своей законной жены. Его жена не узнала, ночевать не пускала, охъ, дѣдушкой его называла». «Я бы и рада тебя пустила, да боюсь: дома одна». «Охъ другъ свѣтъ, я тебя не трону; прізри отъ темной ночи меня!» «Да поди же, добро жаловать! Ночуй». Взошелъ онъ, Богу помолился, хозяйшкѣ поклонился, а сумочку съ пирошкомъ въ сѣняхъ оставилъ. Повечерало. Сѣли да поужинали; она на лавочкѣ сидитъ и въ окошечко смотритъ. Онъ легъ на печку и на нее поглядываетъ. Вдругъ колѣсочка застучала, пріѣхали къ ней два добрые молодца, ясные соколѣ. Прихожій молодецъ лежитъ на печи, посматриваетъ. Убрали добрыхъ коней и взошли въ избу, и чайку покушали и водочки выпили. Сѣли три лица и поужинали, и говорятъ: «А кто на печкѣ такой?» «Это прохожій человѣкъ». А не хочетъ ли онъ поѣсть?» «Я его покормила». «Да позови-ка его. Хоть водочки испьётъ, покрѣпче уснетъ». «А подь-ка, дѣдушка, къ намъ сюда! Выпей-ка стаканчикъ водочки на сонъ грядущій». Онъ стаканъ водки выпилъ, въ подлавкѣ топорикъ увидалъ и опять на печку легъ. Легъ да лежить. Молодица со столика убрала и постели постлала. Одинъ-то легъ къ стѣнѣ, а другой-отъ съ краешку. Легли и уснули. Прохожій молодецъ съ печки слѣзъ, взялъ топоръ и сказалъ: «Это дружба я ея, да-ка я имъ головы порублю!» Поднялъ да и подумалъ: «Ахъ, мнѣ что хозяинъ-то сказалъ: придешь ты домой, въ руки возьмешь, подымешь, да не упусти... Да-ка топорикъ, думаетъ, на мѣсто положу». Положилъ топорикъ подъ лавку, легъ на печку и сейчасъ спать.

Хозяйка встала рано по утру, затопила нову горенку, молодчиковъ разбудила и угостила чаемъ, водкой; съ печки ночлещика позвала: «Поди-ка, прохожій, съ нами хлѣба-соли покушай и насъ послушай». Онъ слѣзъ, умылся, Богу помолился и имъ поклонился и стаканъ водки выпилъ. Вотъ онъ и говоритъ: (Добрые молодцы въ путь отправились; остались они съ женой двое). «А что, женка, въ какѣмъ ты видѣ живешь, съ кѣмъ ты вѣкъ продолжаешь?» «Какъ видишь, такъ и вѣкъ продолжаю». «А дѣ у тебя законный мужъ?» «Ушелъ онъ на годъ

въ работники, и топерь его нѣтъ». «А сколько тому вѣрмю лѣтъ, какъ его нѣтъ?» «Да я и не знаю». «А это чѣѣ та кѣ?» «А вотъ кто: я съ мужемъ жила десять лѣтъ, ни одного дѣтища не родила; онъ ушелъ въ работники на одинъ годъ, оставилъ меня беременной, я послѣ него родила двойни». «Добрый молодецъ слушаетъ. Вотъ они вѣзрасли у меня двое; имъ по двадцати лѣтъ». «А куды они поѣхали?» «Да три версты на базаръ краснымъ товаромъ торговать». «Какъ вы живете?» «Слава Богу». «Ну, а скоро ли ребятки будутъ?» «Да не больше какъ черезъ часъ». Не успѣли словъ разговорить, они являются. Сѣли за столъ, и говоритъ имъ прихожій человекъ: «Не родня ли я вамъ?» Отвѣчаетъ ему жена: «Нѣтъ, ты не мужъ мой, а дѣдушка мнѣ». «По лѣтамъ тридцать лѣтъ въ работахъ поживи-ка, такъ будешь старъ. Я мужъ твой!» Вотъ они ему обрадовались, крѣпко цѣловались. «Ты», говоритъ, — «нашъ тятенька!» Сѣли да погуляли, другъ дружку проздравили, его съ приходомъ, а тятенька ихъ—съ торговлей. «Подите-ка: у меня въ сѣнкахъ есть сумочка, а въ сумочкѣ пирожокъ». Они пошли да принесли, положили на столъ, разрѣзали, а въ немъ пять тысячъ рублей! Стали тутъ они жить да поживать, добра-то себѣ наживать, а худо-то проживать.

(Абрамъ Новопольцевъ).

88.

Кузнецъ и Миколой угодинокъ.

Хорошъ больно былъ для міру кузнецъ: въ кузницѣ работалъ, за работу ни съ кого не бралъ, кто что дастъ только. И узнали его бѣдны люди и чужестранные стали ѣздить. Миколой угодинокъ пришелъ и сповѣдываетъ его: «Что», говоритъ, — «кузнецъ, какъ ты работаешь, за какую работу что берешь?» «Кто чего дастъ». Какая это твоя работа! Пойдемъ со мной: я лѣварь. Пойдемъ народъ лѣчать; денегъ больше добьемся». Пошли. Шли они путемъ дорогой и взяли на дорогу кошель съ хлѣбомъ (по кусочку) и вздумали въ лѣсу сѣсть отдохнуть, закусятъ. Миколой угодинокъ

свой хлѣбъ не съѣлъ, въ кошель назадъ положилъ, а кузнецъ весь съѣлъ и хлѣбъ Миколая угодника вмѣстѣ съ нимъ, и кошель бросилъ, да легъ уснуть. Миколай угодникъ подходитъ къ нему, разбудилъ и спрашиваетъ: «Гдѣ», говоритъ, — «кошель?» «Не знаю». «Гдѣ хлѣбъ?» «Мотри заяцъ съѣлъ». «Ну, кузнецъ, пойдѣмъ къ морю: за моремъ царь; у него дочь хворать; мы ее вылѣчимъ». Дошли они до моря — лодокъ нѣтъ. Ай да по водѣ какъ по землѣ. Середь моря зашли, и Миколай угодникъ говоритъ: «Кузнецъ, ты съѣлъ мою долю». «Нѣтъ». Сталъ кузнецъ по колѣна въ водѣ. «Не ты?» «Нѣтъ». «Ну, подемъ въ городъ!» Пришли въ лавку и сказались, что лѣкаря, нѣтъ ли больныхъ гдѣ. Дали дознаніе, что у царя три года дочь хвораетъ, никто не могъ вылѣчить. Царь разыскалъ пришлыхъ людей, въ домъ взялъ. «Можете вылечить дочь — денегъ сколько угодно берите!» Миколай угодникъ и кузнецъ сказали: «Можемъ, за утро здорова будетъ, за одну ночь. Отведи намъ особу комнату на ночь и изъ трехъ колодцевъ принеси по ведру воды». Отвелъ имъ царь комнату, принесъ воды, и они двое съ дѣвкой хворой остались. Миколай угодникъ разрѣзалъ ее на четверо, куски разложилъ, водой перемылъ и сложилъ; водой sprysнулъ — здорова стала. Кузнецъ на него все глядѣлъ, учился. Потомъ, утромъ встали; пришелъ отецъ съ матерью. «Живы ли?» «Живы». «Ну, слава Богу!» Взялъ царь ихъ въ домъ и угостилъ, и открылъ имъ сундукъ съ мѣдью, потомъ другой — съ золотомъ; открылъ третій — съ бумажками (все казалось мало). «Что», спрашиваетъ Миколая угодника, — «доволенъ деньгами?» «Доволенъ», говоритъ, — «доволенъ». «И я доволенъ». Зашли они въ лавочку, купили шесть кренделѣвъ и вышли къ Волгѣ; сѣли на берегу отдохнуть. Миколай угодникъ говоритъ кузнецу: «Отдохнемъ и закупимъ кренделѣвъ». Кузнецъ три кренделя съѣлъ; Миколай угодникъ одинъ съѣлъ, а два оставилъ. Пошелъ разгуляться; пришелъ, разбудилъ и спрашиваетъ кузнеца: «Гдѣ кренделя?» «Мотри въ воду укатились; ногой видно ссунулъ». (А онъ ихъ съѣлъ) «Ну пойдѣмъ; вотъ въ этомъ городу у купца дочь хворать, еще вылѣчимъ, еще больше денегъ дадутъ». Пришли въ городъ, объявили о себѣ; купецъ ихъ разыскалъ и взялъ на домъ дочь лечить. «Что, лѣкаря, вылѣчите мою дочь?» «Вылѣчимъ». Отведите намъ особу комнату на ночь и изъ трехъ колодцевъ принесите по ведру воды».

Онъ принесъ имъ что надо. Пошли они на ночь въ комнату; Миколай угодникъ и говоритъ: «Видѣлъ какъ я дѣлалъ?» «Видѣлъ». «Ну дѣлай какъ я». Кузнецъ разрѣзалъ дочь, а сложить не можетъ, до солнечнаго восхода не могъ. Миколай угодникъ видитъ: дѣло кузнецово плохо,—взялъ сложилъ куски, водой sprysнулъ, и она сдѣлалась дѣвка здрава. Приходитъ отецъ. «Живы ли?» «Живы». «Ну, слава Богу!» Взошли въ домъ, онъ ихъ угостилъ и далъ имъ денегъ еще больше. Миколай угодникъ за деньги не бралъ сѣ, а бралъ кузнецъ и наклалъ фунтовъ десять бумажекъ. «Довольны?» «Довольны, хозяинъ». Пошли они городомъ и зашли въ лавку, купили по куску калача и пошли въ свое село, къ Волгѣ. Миколай угодникъ говоритъ: «Давай, товарищъ, отдохнемъ: я что-то усталъ». Сѣли отдохнуть, по куску сѣли. «Давай, кузнецъ, деньги дѣлить. Я отъ тебя уйду, а ты домой ступай!» Кузнецъ началъ раскладывать на двѣ кучи и трахнули жеребій. Тому куча и другому куча. Миколай угодникъ пошелъ поразгуляться, а кузнецъ изъ его кучи перекралъ деньги. Приходитъ Миколай угодникъ. «Что», говорить,—«раздѣлилъ?» «Раздѣлилъ». «По ровну? «По ровну». «Ты у меня мотри не укралъ ли?» «Нѣтъ». «Бери себѣ всѣ деньги, только скажи мнѣ: ты сѣлъ кусочекъ, или заяцъ?» «Я не ѣлъ твой кусокъ». Сталъ кузнецъ по колѣна въ землѣ. «Скажи, не ты ли? Деньги мнѣ не надо». «Нѣтъ». Сталъ топерь кузнецъ въ землѣ по шейку. «Когда ты не правду говоришь, такъ провалился ты въ преисподню отъ меня! Ты неправду говоришь!» Кузнецъ на этомъ мѣстѣ и провалился, и деньги за нимъ пошли.

(Записано отъ Василья Авдѣева, с. Новиковка, Самарск. губ., Ставропольск. у.).

89.

Миколай угодникъ и охотники.

Жили два шабрана охотника и ходили они за охотой. Идутъ дремучимъ лѣсомъ, глухою тропочкой; повстрѣчался имъ старичекъ, святитель отецъ Никѣла. Они его не узнали и за человѣка

сочитали. И говоритъ онъ имъ: «Не ходите этой тропочкой, охотнички!» «А что, дѣдушка?» «Тутъ, други, черезъ эту тропочку лежитъ превеликая змѣя и нельзя ни пройти, ни проѣхать». «Спасибо тебѣ, дѣдушка, что насъ отъ смерти отвелъ». Дѣдушка и ушелъ. Постояли охотники и подумали, и говорятъ: «А что намъ, какая вещь змѣя! Съ нами орудія много. Дерьма-то не убить, змѣю?» И пошли. Дошли и видятъ: превеличающій бугоръ казны на тропочкѣ, и разсмѣхнулись другъ съ дружкой: «Вонъ онъ что, старый дуракъ, намъ сказалъ! Кабы мы не пошли, онъ бы казну-то взялъ, а теперь ее намъ не прожить». Сидятъ и думаютъ, что дѣлать. Одинъ и говоритъ: «Ступай-ка домой за лошадыю: мы ее на себѣ-то не донесемъ». Одинъ караулить остался, а другой за лошадыю пошелъ. Который караулить остался и говоритъ тому, который домой-то пошелъ: «Ты зайди, братъ, къ хозяйкѣ къ моей, хлѣбца кусочекъ привези!». Товарищъ пошелъ домой, приходитъ къ своей женѣ и говоритъ: «Тутъ-то, жена, что намъ Богъ-то далъ!» «Чего далъ?» «Превеличающую кучу казны: намъ не прожить, да и дѣтямъ-то будетъ и внучатамъ! Ну ка затопи-ка избу, замѣси прѣсную лепешку на едѹ и на зельѣ! Я ему скажу, что его жена ему прислала». Завернула жена лепешечку на едѹ и на зельѣ, и спекла сейчасъ. Онъ запретъ лошадь и поѣхалъ. А товарищъ ружье зарядилъ и думаетъ: «Вотъ какъ онъ пріѣдетъ, я его хлопъ — всѣ деньги-ти моѣ, а дома скажу, что не видалъ его». Подъѣзжаетъ къ нему товарищъ; онъ прицѣлился да и хлопъ его, и убилъ. Самъ подбѣжалъ къ телѣгѣ, — прямо въ сумку; лепешечки поѣлъ и самъ умеръ. И казна тутъ осталась: съѣла змѣя обѣхъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

90.

Перегорѣлая заря.

Пахалъ мужикъ пашню, а въ это время на небѣ заря перегорала (вечеръ былъ). Вотъ попадаетъ ему на встрѣчу старичекъ. «Скажи, мужичекъ, къ чему это заря перегораетъ?» «Да къ ненастью,

старинушка». Старичекъ (а это самъ Николай угодникъ былъ) перевелъ мужика черезъ оглоблю, оборотилъ его конемъ и началъ на немъ землю пахать. На другой день опять мужику попадаетъ и спрашиваетъ: «Ну, къ чему заря на небѣ перегорааетъ? Къ ненастью?» (А день свѣтлый стоитъ, да теплый). Тотъ и повинился, что не знаетъ. «Ну, то-то, никогда не говори къ чему».

(Записано въ Симбирскѣ).

91.

Илья Пророкъ и Миколай угодникъ.

Жилъ одинокій парень. Поѣхалъ онъ пахать, пшеницу сѣять. Разсѣялъ и пашетъ, за собой борону возить. Упирается концемъ въ большую дорогу — по ней идетъ Илья Пророкъ и Миколай угодникъ. Парень пашетъ и пѣсни поетъ. Илья Пророкъ и говоритъ: «Что это, Миколай, какой парень веселый?» Миколай отвѣчаетъ: «Видно лошади у него слава Богу ходятъ; нужды не имѣетъ, вотъ и поетъ». Подходятъ старики: «Богъ помочъ тебѣ, добрый молодецъ!» «Подите», говоритъ, — «добро пожаловать, старички любезные, ко мнѣ!» Илья и говоритъ: «Что ты больно веселъ?» «Что мнѣ не веселиться? Лошадки ходятъ, ничего. Мнѣ больше ничего не надо, только бы батюшка Миколай угодникъ пшенички зародилъ». Пошли старики, Илья и говоритъ: «Миколай!..» «Что, Илья?» «Что это парень сказалъ? Рази ты родишь пшеницу? Вѣдь не ты, а я премудрость эту творю». «Какъ же», говоритъ Миколай, — «его судить? Онъ человекъ простой: онъ нашего дѣла не знаетъ». «Ну, хорошо», говоритъ, — «я ему пшеницу урожѣ, по колѣна будетъ, а послѣ градомъ побью». Миколай, отобравши рѣчи отъ Ильи, приходитъ къ парню въ домъ. «Я къ тебѣ». «А что?» «Пришелъ научить». «Добро жаловать, скажи что знаешь?» «Ты эту пшеницу продай». «Дѣдушка, я не знаю что за нее и просить. Хороша больно пшеница: въ колѣно уродилась». «Да проси, сто рублей дадутъ за десятину». «Онъ продать ее попыкнулся; сладилъ богатый ее за сто цѣлковыхъ. Прошла недѣля, взмыло тучу большую, прошла гроза

и громъ, и побило эту пшеницу градомъ. Приходитъ Миколай къ Ильѣ пророку, а тотъ и говоритъ: «Я что тебѣ, Миколай, сказалъ, то и сдѣлалъ: градомъ побилъ». «Да вѣдь она не того парня: онъ ее продалъ. Ты праваго разорилъ». «Ну, ладно, у меня отъ этой градобойной пшеницы онъ двадцать сотъ нажнѣтъ съ десятины».

Приходитъ Миколай угодникъ къ парню и говоритъ: «Купи назадъ пшеницу-то у мужика». Парень пошелъ. «Вѣдь она больно побита». «Ничего, купи; скажи, что на кормъ скосить годится». Купилъ парень пшеницу за десять рублей десятину. Пшеница пошла и пошла, выжалъ онъ ее, двадцать сотъ нажалъ. Приходитъ Миколай угодникъ и Илья пророкъ. Илья и говоритъ: «Вотъ у кого я градомъ убилъ, тому и зародилъ: онъ ее и выжалъ со всѣмъ». «Ну, онъ выжалъ, да опять тотъ-же, что сѣялъ: онъ назадъ купилъ». «Ахъ», говоритъ Илья, — «ну я ему умолю не дамъ въ ней». Приходитъ Миколай къ парню. «Я опять къ тебѣ. Молотитъ будешь, сади на овинъ да не по многу, по пяти сноповъ: въ углы по снопу поставь, пятымъ окошко затени». Весь годъ онъ ее молотилъ и всю обмолотилъ; со снопа по пудовкѣ сходило. Миколай угодникъ приходитъ къ Ильѣ пророку. Илья пророкъ говоритъ: «Вотъ, Миколай, какъ я сказалъ, чтобы по пяти пудовъ съ овина сходило, такъ и сдѣлалъ». «Да онъ вѣдь немного и садилъ: всего по пяти сноповъ. Такого умолоту сроду и не было: по пудовѣ со снопа». «Ну, я ему примолу не дамъ, когда на мельницу повезетъ». Миколай приходитъ къ парню: «Ты», говоритъ, — «на мельницу вези всего три пудовки». Онъ повезъ, смололъ, а осталось только двѣ. Миколай угодникъ и говоритъ парню: «Ну что, пудовку Илья великій у тебя укралъ?» «Да, нѣтъ», говоритъ, — «пудовки». «Ты вотъ что сдѣлай: придетъ воскресенье, испеки ты изъ этой пшеничной муки два пирога: первый пирогъ съ молитвой посади и второй—тоже. Ступай къ обѣднѣ, одинъ пирогъ положи на голову, а второй подъ правую пазуху». Пошелъ парень къ обѣднѣ, такъ и сдѣлалъ. Встрѣтился ему на дорогѣ человѣкъ, не старъ и не молодъ, и спрашиваетъ: «Куда ты, добрый молодецъ, пирожки несешь?» Онъ отвѣчаетъ: «На головѣ — батюшѣ Ильѣ великому, а подъ правой пазухой Миколаю угоднику». Входитъ на паперь и въ церкву. Илья пророкъ увидалъ. «Вонъ», говоритъ,—

«Миколой, мнѣ несетъ пирогъ на головѣ, а тебѣ подъ правой па-
зухой!» «Эхъ, Илья великій, ты вѣдь чиномъ-то посвыше меня—
онъ тебѣ и пирогъ выше несетъ, а я—по ниже и пирогъ по ниже.
А ты еще у него пудовку на мельницѣ уничтожилъ, оби-
дѣлъ его!» «Эхъ», говоритъ,— «Миколой угодникъ, тогда горько было!
Онъ такъ сдѣлалъ самъ; а теперь», говоритъ,— «онъ будетъ весь
годъ двѣ пудовки брать и убывать не будетъ».

(Абрамъ Новопольцевъ).

92.

Микола Милостливый.

Вотъ Микола живетъ на землѣ и творить добрыя дѣла и чу-
деса великія. Господу каждый день и докладываютъ у обѣдни на
небесахъ о дѣлахъ Миколы, а Михайла Архангелъ и Егорій на-
ходятся при Господѣ и слышатъ, что Миколѣ-то больше почету и
на землѣ и на небѣ, хотя ихъ Богъ тоже почитаетъ какъ и Ми-
колу. И слышатъ: ему на землѣ два престола, а у нихъ по одному.
Вотъ Михайла Архангелъ и говоритъ Егору-то храброму: «Да
что же Микола-то какія дѣла такія особенныя творить? Дава-ка
попросимся у Бога, чтобъ отпустилъ; съѣздимъ да посмотримъ, а
я придумаю такую задачу, что его перешибу. «Нѣтъ, братъ, не пе-
решибешь! Нѣтъ, вѣдь Микола-то, братъ ай ай мудѣрь».

Какъ они говорили, Богъ и услышалъ, позвалъ Михайлу и
Егора храбраго и говоритъ имъ: «Съѣздите», говоритъ,— «къ Миколѣ
Милостливому и другимъ святителямъ, и доложите мнѣ о ихъ дѣ-
лахъ». Вотъ они взяли лошадей, жеребцовъ; Михаила-то—бѣлаго,
а Егоръ-то—черной масти, и поѣхали на землю. Приѣхали къ Ми-
колѣ. Въ избушкѣ онъ ихъ не встрѣчатъ; вѣхали на дворъ—
тоже его нѣтъ... Привязали коней къ столбамъ, вошли въ избу,
помолились Богу, смотрятъ—и въ избѣ его нѣтъ. Михайла и го-
воритъ: «Куды это дѣвался?» «Мотри, говоритъ Егоръ, чать до-
бро какъ творить: онъ вѣдь безустанный». Сѣли за столъ—поѣсть
захотѣли. Михайла говоритъ: «Пора бы пообѣдать: съ дороги-то

я больно проморился!» «И я, братъ, хочу». Только сказали— Микола-то и входитъ; помолился Богу и говоритъ: «Здравствуйте», говоритъ,—«ангелы Божьи!» «Да какъ ты», спрашивать Михайло,— «насъ узналъ?» А Микола-то отвѣчать: «Чай», говоритъ,—«духъ-то Божій вы отъ меня не скроете! Садитесь, милости прошу». «Да ты вотъ что, Микола: что насъ усаживать-то? Ты насъ покорми: мы проголодались». «Да чѣмъ я васъ покормлю? Вотъ три просви- рочки есть». «Да этого маленько; гдѣ намъ сытымъ быть?» «Богъ милостивъ, будемъ сыты. Погодите, схожу и принесу. Садитесь!» Сѣли они за столъ, а Микола вышелъ за просвирами. Какъ онъ вышелъ, Михайло Егору-то и говоритъ: «А я, братъ, придумалъ задачу. Ужъ онъ ее не разгадать!» «Нѣтъ, братъ, разгадѣть», «Нѣтъ, не разгадѣть!» «Ну, посмотримъ». Микола взошелъ, положи- лъ три просвиры, и стали закусывать. Михайло и спрашивать Миколу: «Гдѣ ты, Миколушка, пропадалъ это? Мы тебя дома вотъ не застали». «Да у мужичка лошадь утонула въ грязѣ, такъ я ему помогать лошаденку-то вытащить, да возъ съ дровами наложитъ». «То-то на тебѣ и рубаха-то грязновата». Въ это время вотъ Михайло-то и говоритъ Миколѣ: «А что, Микола, разга- дашь ли каку тебѣ задачу загану? Ужъ ты, братъ, скоро не разгѣнешь!» «Можетъ статься». «Нѣтъ, однако попробуй!» «От- чего не попробовать?» «Ну, слушай: сдѣлай ты бѣднаго мужика богатымъ, а богатаго бѣднымъ вотъ въ этомъ селѣ, что у васъ- то тутъ есть. Сможешь ли?» «Попытаю». «Ну, братъ, прощай! Спа- сибо за хлѣбъ за соль». «Прощайте, ангелы Божьи; только я васъ провожу со двора-то». Вышли они на крыльцо, посмотрѣли на своихъ лошадей, не разберутъ чьи это лошади. Михайло смотритъ на своего бѣлаго коня, а голова-то у него вороная, а сѣдло-то его; Егоръ смотритъ на своего воронаго коня, а рыло-то у него бѣло, а сѣдло-то, смотритъ, его. «Что за притча, братцы? Микола, а Микола! Мотри, ты это подшутилъ? Какъ это такъ? Ты, братъ, насъ безъ лошадей оставил!» «Какъ безъ лошадей? Вотъ разби- райтесь, чья лошадь-то». «Сзади, да по сѣдлу-то наши, да головы- то не ихъ. Мы вѣдь, братъ, теперь не разберемъ своихъ-то лоша- дей! Нѣтъ, ужъ ты, Микола, насъ отъ этого ослобони». «Да вы сами вѣдь, ангелы Божьи, можете это сдѣлать-то?» «Нѣтъ, братъ, ужъ отъ этой оказіи насъ избавь. Мы знаемъ, что ты святитель великій,

Сказки и пред. Сам. края.

18

только намъ чудесъ у тебя творить не подобаетъ. Когда это ты успѣлъ?» «Да вотъ, какъ пошелъ за просвирами-то, вамъ подать— подошелъ къ лошадямъ-то, отрубилъ имъ головы, одну на другую и переставилъ». «Ишь ты, братъ, какъ того... подшутилъ!» Взялъ Микола при нихъ топоръ, снова отрубилъ лошадямъ головы, переставилъ какъ слѣдуетъ, sprysнулъ съ молитвой богоявленской водицей—головы опять срослись, и лошади ожили. «Ну, братъ, спасибо тебѣ! Прощай, братъ! Мы къ тебѣ, Микола послѣ заѣдемъ. Про задачу-то не забудь!» «Ладно». И поѣхали.

Егоръ-то и говоритъ Михайлѣ: «А что, Михайло, Микола-то намъ удружилъ ловко!» «Ловко-то ловко, а задачу мою не разгадать». «Нѣтъ, братъ, разгадать: онъ, братъ, вѣдь дока! Онъ вѣдь старинный чудотворецъ». «Ну, нѣтъ, братъ, не разгадать». Вотъ они поѣхали по святителямъ, а Микола вошелъ въ избу, помолился Богу и пошелъ тутъ къ одному бѣдному мужичку. Пришелъ къ нему и говоритъ: «Богъ помочи!» «Да какъ отъ Бога мнѣ помощь, Миколушка? Ч а т ь ты самъ знаешь—отъ голоду помираю». «Богъ милостивъ! Богъ невидимо подаетъ. Я тебѣ пришелъ, посовѣтовать, слышишь. Ты поле-то засѣялъ?» «Засѣялъ». «И сосѣдъ-то твой, богачъ-то, засѣялъ. Смотри: какъ у тебя озими-то хороши будутъ, а у него подопрѣютъ, онъ будетъ у тебя покупать озимъ-то, такъ ты смотри не плошай: продавай по подходящей тебѣ цѣнѣ. Больно-то не ломайся въ цѣнѣ-то, какъ онъ будетъ надбавлять: помни Бога!» «Вѣрно ли ты говоришь?» «Вѣдь ты чай меня знаешь? К о л ѣ я тебѣ вралъ?» «Ладно послушаюсь». Какъ пришла весна-то, у бѣднаго мужика хоть глядѣть и плохіе всходы, да часты и ровны; у богатаго диво чтò за всходы! Такъ и щетинятся, такъ и зеленѣютъ! У бѣднаго мужика идутъ чуть-чуть, да ровненько, а у богатаго такъ и кустятся. Вдругъ пошли дожди, такъ и зѣлили. Идутъ день, два, недѣлю и вдругъ перестали. У богатаго не устояли: отъ силы полегли; а у бѣднаго въ ростъ пошли, всѣмъ на диво. У бѣднаго урожай большой получился; у богатаго—нѣтъ ничего. Вотъ Микола снова пришелъ къ этому бѣдному. «Богъ помочь тебѣ, дружище! Что, какъ поживашь?» «Нынѣ, слава тебѣ Господи, вздохнулъ». «Что такъ вздохнулъ хорошо?» «Эхъ, кабы Богъ милостью своей не оставилъ! Урожай-то какой! Кабы только убрать нынѣшній годъ, горевать не буду и

Богу жаловаться на нужду». Вѣдь я тебѣ всегда говорилъ: Богъ милостивъ». «Такъ-то такъ, а нужда, Микола, не свой братъ. При нуждѣ, братъ, по неволѣ волкомъ запоешь». «Не тужи: Богъ милостивъ! Только вотъ что, голова, я тебѣ скажу: какъ богатый-то къ тебѣ придетъ хлѣбъ покупать, ты, братъ, въ цѣнѣ-то не стой; подходящу цѣну съ него бери, а на эти деньги-то прикупи себѣ землицы-то, да посѣй, братъ, яровое. Еще при нынѣшнемъ лѣтѣ поспѣетъ; а можетъ онъ тебѣ по знакомству свою-то землю и даромъ подъ яровое отдастъ. Да онъ и знаетъ, что ты человѣкъ-то бѣдный да семейный. У тебя вѣдь семеро по лавкамъ сидятъ». «Спасибо тебѣ, Микола, за совѣтъ, только послушай ты меня: не поздно-ли ярово-то сѣять?» «Съ Божью помощью валай! Что Богъ дастъ. Прощай, братъ!» «Прощай, Миколушка, дай Богъ тебѣ добраго здоровья!»

Лишь Микола ушелъ, богатый-то къ бѣдному и приходитъ. «Продай мнѣ, дружище, хлѣбъ-то на корню!» «Изволь. Что дашь?» «Въ цѣнѣ тебя не обижу, и за пашню уплачу». Далъ онъ ему сто рублей за десятину. Бѣдный согласился. Какъ получилъ сто рублей-то, и говоритъ богатому: «Послушай, добрый человѣкъ, уступи мнѣ землицы-то, на которой ржаное-то пропало». «Что-жъ возьми!» «Что ты возьмешь за все?» «Возьми даромъ». «Спасибо тебѣ, родимый!» Вотъ бѣдный-то, взявши эту землю-то, вспахалъ да и засѣялъ яровымъ. У богатаго урожай на купленной землѣ, и у бѣднаго урожай; только у богатаго большой урожай, а у бѣднаго на такой же десятинѣ глядѣть урожай меньше. У богатаго всѣмъ хлѣбъ вышелъ: и соломой, и колосомъ, а у бѣднаго больше колосомъ да наливомъ, и стоитъ хлѣбъ, къ землѣ не клонится. Егорій съ Михайлой и идутъ мимо полей-то, и смотрятъ. Вотъ Егорій и говоритъ: «Смотри, Михайло, и у бѣднаго урожай, и у богатаго-то». «А что?» «А все гляди меньше ростомъ-то». «А хлѣбомъ-то какъ?» «И хлѣбомъ, братъ, меньше будетъ». «Да отчего ты думаешь?» «Опоздалъ, братъ, сѣвомъ-то, да дожди не во время шли». Передъ наливомъ, братъ, въ растъ, въ самый растъ». «Такъ-то такъ, знаю я—въ растъ, да молочко-то немного поприсохло у яроваго». «Да ты смотри какó зерно». «Нужды нѣтъ, да все-таки хлѣба-то мало, да и поля-то меньше у него чѣмъ у богатаго». «Смотри, братъ, а вѣдь тутъ что-нибудь Микола чудитъ!»

«Знамо ужь Микола, а все-таки ничего противъ этого не подѣлать».

Н а с т у п и л а осень. Стали хлѣбъ убирать богатый и бѣдный. Бѣдный гдѣ возьметъ снопы, тамъ богатый—на своей землѣ пять, шесть сноповъ. Тамъ гдѣ бѣдный возьметъ десятокъ, тотъ—второе больше. У богатаго такъ гумно отъ хлѣба и валится, а у бѣднаго стоятъ только большія копны, не больше трехъ. Только бѣдный насилу свой хлѣбъ перевозилъ, не въ моготу даже его лошаденеѣ. Вотъ богатый и бѣдный стали строить овины; построили и думаютъ, что на другой день нужно хлѣбъ сушить. Бѣдный только лишь помолился Богу и хотѣлъ ложиться спать и задумалъ, какъ ему такой хлѣбъ сушить и сколько сноповъ класть на овинъ, слышитъ кто-то говорить: «Господи Іисусе Христе! Сыне Божій, помилуй насъ!» Б ы д т о Миколинъ голосъ: «Аминь. Кто тамъ?» «Я—Микола». «Что ты, батюшка, такъ поздно меня навѣстилъ?» «Да вотъ ты молился, меня на совѣтъ призывалъ—я и пришелъ подать совѣтъ, какъ снопы-то сушить». «Ахъ, спасибо тебѣ, отецъ ты мой родной! Ужъ и самъ я объ этомъ думалъ, думалъ—ума не приложу, какъ мнѣ дѣло сдѣлать-то». «Ты вотъ что: ты согни-то на овинъ не клади: они овинъ-то свалятъ и сгорятъ, а ты помолися Богу, въ чело—снопы, да по бовамъ по снопу, да взадъ снопы, крестъ на крестъ. Они у тебя весь овинъ-то и покроютъ». «Вотъ, родимый, ты меня на путь-то наставилъ. Спасибо тебѣ, а я все мекалъ, мекалъ, какъ я сто сноповъ-то положу! Никакъ, знашь, не уложу, да и силы-то у меня не хватитъ на нихъ; а по четыре-то просушишь. Знамо теперь просушу. Дай тебѣ Богъ милости за добрый совѣтъ!» «Ну, прощай, братъ!» «Прощай ты, кормилецъ мой! Дай Богъ тебѣ добраго здоровья!»

Мужикъ сейчасъ-же о т п р а в и л с я на овинъ, помолился Богу и сталъ ставить крестомъ снопы, съ молитвой. Поставилъ четыре снопа и смотритъ диво: овинъ-то весь и покроютъ; курицъ негдѣ вкунуть, чуть парокъ только идетъ! А богатый ставитъ на такой-же овинъ сто сноповъ, а дымъ такъ сквозь снопы и валить. Посмотритъ на бѣднаго и жалѣетъ кабы онъ хлѣбъ-то у себя не испортилъ, и думатъ: «Не торопится ли онъ хлѣбъ-то сушить? Не черезъ мѣру ли навалилъ сноповъ-то?» Вотъ пришло время—и богатый и бѣдный высушили, обмолотили хлѣбъ. Бѣдный-то дѣл у

да е т с я, смотритъ на хлѣбъ, не на радуется, благодаритъ Господа Бога: груди такія, что и не скавать, а клалъ, помнитъ, на овинъ по четыре снопа. Убралъ хлѣбъ—въ амбаръ некуда дѣвать. Продавъ остатки и разбогатѣлъ на диво; а годъ-то былъ не урожайный и голодный. А богатый собралъ и много хлѣба, да продать нельзя, только свою семью прокормить, да лошадей, да на сѣмена. Бѣдный и богатый засѣяли поля; наступилъ годъ-то неурожайный—гдѣ у нихъ хлѣба-то подопрѣли, гдѣ вымокли, гдѣ морозомъ сгубило; бѣдный-то остался съ хлѣбомъ и съ деньгами, а богатый-то чуть только себя прокормить, да денегъ-же не осталось у него ничего: все израсходовалъ на покупку хлѣба-то.

Михайло съ Егоромъ, побывавши у святителей, посмотрѣли, какъ они живутъ, какіе дѣла творять, на возвратномъ пути заѣхали къ Миколѣ. Въ этотъ разъ дома застали. Пришли къ нему въ избу, помолились Богу; посадилъ онъ ихъ за столъ и сталъ угощать чѣмъ Богъ послалъ. За столомъ Михайло и говоритъ Миколѣ: «А что, Микола, мою задачу чай ты не рѣшилъ?» «Не знай какъ, посмотримъ». «Да вѣдь я проѣзжалъ полями-то, видѣлъ: у бѣднаго-то былъ урожай, да все не такой, что у богатаго-то». «Такъ-то у такъ, а ты былъ ли у него на гумнѣ-то?» «Да что мнѣ быть-то?» «Какъ что? Ты видѣлъ по сколькои они сушили?» «Нѣтъ». «То-то нѣтъ, голова. А ты вотъ что возьми въ разумъ-то: богатый по сотнѣ на овинѣ сушилъ, а бѣдный-то по четыре снопа!» «Ой ли!» «Видитъ Богъ! Я тебѣ говорю». «Не можетъ быть!» «Вѣришь-ли Богу? Ты смотри-ка, какъ бѣдный-то живетъ». «Какъ?» «И деньги есть, и хлѣбъ есть, и почетъ есть, а тотъ корни жуетъ». «Ишь ты! Вѣрно-ли?» «Поди, посмотри!» Егоръ и говоритъ: «Я те говорилъ, Михайло, не перешибить тебѣ Миколу: онъ братъ, всяку задачу обдѣлать!» «Вѣрю, вѣрю! Правда твоя, Микола». «Ну ужъ вотъ что, Микола: въ этотъ разъ ты меня перешибъ, такъ рѣши другую задачу. Сдѣлай милость, ужъ утѣшь въ послѣдній разъ меня! Какъ, братъ, насытить жаднаго до денегъ?» «Посмотрю». «Такъ мы вотъ что: мы тебя снова навѣстимъ по этому случаю». «Милости прошу».

Михайло и Егоръ уѣхали, а Микола собрался въ путь; взялъ съ собой сумочку да подождетъ и пошелъ дорогой на то село, въ которомъ жилъ попъ съ попадѣей, и оба они были жадны. Всего

у нихъ было вдоволь, а имъ все казалось мало. Попадья-то была еще жаднѣе попа, и говоритъ: «Что у тебя доходовъ мало?» «Да бабы мало родятъ, а то бы за родины, за крестины все бы былъ доходъ и ктому-жъ молебновъ мало». А попадья-то добавляетъ: «Да вотъ, и мрутъ мало, Господи! Хоть бы ты послалъ каку египетску страсть! А ты все-таки чѣмъ-нибудь займись. Что толку ты ничего не дѣлашь». И начала, и начала причитать. Такъ доѣла попа, что попъ собрался и пошелъ къ Миколѣ посоветоваться (зналъ, что онъ ему въ этомъ поможетъ, какъ свою супружницу убогаторить). Вотъ попъ идетъ, а на встрѣчу ему — Микола милостивый. Попъ Миколу-то не узналъ и спрашиваетъ: «Куды ты, старче, идешь?» «Да въ городъ», говоритъ, — «иду къ богатому купцу, сына лечить. Ужъ нѣсколько лѣтъ онъ хвораетъ». «Разъ и ты это сможешь?» «Съ Божьей помощью, знамо, смогу. Хочешь и тебя этому научу, какъ людей лечить? Купецъ наградить ужъ что твоей душенькѣ хочется». «Возьми, братъ, меня съ собой!» «Пойдемъ».

Пошли они по дорогѣ; шли, шли, а все города не видно. Порядкомъ устали: попъ ужъ на силу ноги тащить. Наступать вечеръ — попъ и говоритъ Миколѣ: «Давай, старче, отдохнемъ. Я ужъ усталъ, да и закусить пора». «Давай», говоритъ, — «отче, отдохнемъ». «Да какъ ты узналъ, что я попъ?» «Да по лику-то видно и по одѣяню, что ты отецъ». «Вѣрно твое слово». Дошли они до ручейка, сѣли на травку и думаютъ чего бы имъ поѣсть. Микола и говоритъ: «Вотъ у меня есть двѣ просвирочки. Давай, прежде отдохнемъ, а какъ встанемъ, и поѣдимъ, да въ дорогу отправимся». «Нѣтъ, братъ, лучше поѣдимъ». «Нѣтъ, братъ, передъ дорогой-то лучше поѣсть: на животъ крѣпче будетъ». «И то ладно». Оба легли. Микола легъ и заснулъ, а попъ притворился, что спитъ, увидалъ, что Микола заснулъ, всталъ да тихонько обѣ просвирки-то и сѣлъ, потомъ легъ и притворился, что спитъ. Проснулся Микола, полѣзъ въ сумочку, смотритъ, а просвирокъ-то нѣтъ. «Куды это дѣвались просвирки?» «Не знаю, говоритъ попъ. — «Да были ли онѣ у тебя?» «Коли не быть! Были. Бываетъ же эдака жадность у людей, что обѣ сѣли, и свою, и чужую! Пойдемъ, братъ, въ путь дорогу. Дѣлать нечего! Богъ милостивъ; не умремъ — живы будемъ». «Пойдемъ, старче». А самъ попъ покрикиваетъ, схватываетъ за

животъ себя. «Пусто», говорить,—«на животѣ-то. Не знай ужь, какъ я дотащусь до города-то». «Айда! Богъ милостивъ!» Пошли. Кое какъ дошли до города; пришли къ купцу, попросились переночевать, какъ будто странники прохожіе, богомольцы какіе-нибудь. А купецъ съ купчихой всѣхъ странниковъ у себя приючали, и поили, и кормили, просили ихъ помолиться о здравіи сына. И по па съ Миколой пригласили, и угостили какъ странниковъ. Микола и говорить купцу съ купчихой: «Я вамъ отъ Бога милость принесъ!» «Какую, дорогой ты нашъ?» «Да вотъ я пришелъ вашего сына вылѣчить». «Ой ли, родимый? Гдѣ тебѣ вылѣчить? Онъ двѣнадцать лѣтъ недвижимо лежитъ». «Эхъ, милость Божья велика! У Бога и мертвые воскресаютъ. Давайте-ка я полѣчу». Купецъ и купчиха задумались, взглянули другъ на друга. «Что жь, родимый, полѣчи; а ужъ мы казны не пожалѣмъ». «Мнѣ не надо казны, а чѣмъ наградите, я и тѣмъ буду доволенъ. Натопите-ка баню, да припасите три корыта, да воды холодной да теплой; да его и перевезите туда». «Да какъ мы его перевеземъ? до него и дотронуться нельзя: онъ весь у насъ а х о в ы й теперь». «Нич его перевезите». Послушались Миколы, сдѣлали по его. Онъ взялъ съ собою по па и ножикъ и отправился въ баню. Затворился съ попомъ въ банѣ-то, помолился Богу и говорить попу: «Ну, смотри, отче: какъ я буду его лѣчить; такъ и ты дѣлай, если сумѣешь» «Ладно», говорить попъ. Микола взялъ ножикъ и давай купеческаго сына рѣзать всего на крестъ: и голову на крестъ, и грудь на крестъ, и брюхо на крестъ. Разрѣзалъ всего на куски, промылъ въ теплой водѣ, потомъ въ холодной, взялъ, сложилъ его въ третье корыто, какъ слѣдуетъ быть человѣку; спрыснулъ богоявленской водицей—все тѣло-то и срослось, а мертвый еще: не дышитъ. Потомъ взялъ да на него и дунулъ; значить, Божій духъ въ него пустилъ. Купеческій сынъ проснулся, ужъ такой молодецъ, такой красавецъ, такой писанный глазокъ, что и не сказать! И говорить: «Эхъ, какъ я долго спалъ!» «Поди, попъ, сходи за отцомъ, за матерью, проси ихъ сюда». Тѣ пришли: такъ оба и обмерли. Видать чудо: сынъ ихъ здоровъ! Какъ опомнились, и давай его цѣловать и отъ радости плакать; а Микола съ попомъ пошли опять въ застольную къ купцу. Отецъ съ матерью сына взяли, пригласили Миколу и по па, и давай ихъ

угощать. Попъ такъ все и жреть, какъ помеломъ со стола мететь, а Микола ѣсть мало. Его угощаютъ, а Микола говорить: «Куды мнѣ, старику?» «А вы, кормильцы, ѣшьте до сыта!» Вотъ попъ набилъ брюхо и говоритъ: «Нѣтъ ужъ ослобоните!» Встали изъ-за стола, помолились Богу и стали съ хозяевами прощаться. Купецъ съ купчихой сейчасъ же принесли страшенную чашку золота и насыпали полную сумку Миколѣ; поблагодарили его съ попомъ, а Микола и попъ купца и купчиху — за угощеніе, и пошли опять въ путь, домой.

Попъ дорогой-то и говоритъ Миколѣ: «Чать ты со мной, братъ, казной-то подѣлишься?» «Знамо дѣло, подѣлюсь». «Да давай, братъ, здѣсь раздѣлимся». «Вотъ дойдемъ до того ручейка, гдѣ отдыхали, тамъ и раздѣлимъ». «А здѣсь что?» «Да все ужъ лучше намѣстѣ; и отдохнемъ». «Раздѣлимъ казну-то, да и разойдемся по разнымъ дорогамъ». «Ладно. Айда только поскорѣе!» «Айда, айда!» Дошли; сѣли на лужокъ. Микола высыпалъ золото и давай его дѣлить на три кучи и приговаривать: «Это—лѣкарю, это—помощнику, это—исцѣлителю, это—лѣкарю, это—помощнику, это—исцѣлителю»... и т. д. Раздѣлил на три кучки, а попъ все слушалъ. «Ну», говоритъ, — «отче, выбирай котору тебѣ». «Да вѣдь ты сказалъ, что раздѣлишь по ровну? Да какъ по ровну, когда ты раздѣлил на три?» «Да я раздѣлил по правдѣ». «Да какой», говоритъ попъ, — «правдѣ-то?» «Да вотъ смотри: это—лѣкарю, это — помощнику, а это—исцѣлителю». «Да кто-же исцѣлитель-то?» «Ты вотъ и разсуди. Коли разсудишь и куча твоя!» «Да я, знашь, молитву Богу-то читалъ, Духа-то призывалъ». «Ну, такъ и бери: значить она твоя». Попъ обрадовался, что получилъ много денегъ; а жаль ему стало и третьей кучи, и говоритъ Миколѣ: «Послушай, старичекъ, куда тебѣ деньги? У меня жена, родные есть — всѣмъ надо помочь»... «А коли тебѣ нужны и эти деньги, возьми и ихъ»... Попъ обрадовался; едва дышитъ и говоритъ Миколѣ: «Прощай, старче, спасибо тебѣ!» Микола ему и говоритъ: «Ну, такъ видѣлъ, какъ я лѣчилъ?» «Видѣлъ». «Сможешь ты эдакъ лечить?» «Знамо, теперь смогу. Прощай, братъ! Мнѣ некогда». «Прощай, и мнѣ ужъ пора до дому». Разстались.

Микола пошелъ домой и попъ пошелъ домой. Приносить казну несмѣтную, высыпать передъ попадѣй на столъ. Попадѣя обрадо-

валась и спрашивать его: «Какъ это ты нашелъ?» «Богъ, говоритъ, послалъ. Довольно что ли тебѣ, попадаья?» «Довольно-то довольно, а все бы еще не мѣшало». «А ты, дура, и этимъ будь довольна!» «Самъ ты дуракъ, старый чортъ! Какъ захворашь самъ-то, кто будетъ за тобой ходить? А за деньги-то всякій!» «Тебѣ и этого мало?» «Знамо, мало». «Ну, я буду людей лечить». «Какъ людей лечить?» «Ужъ это мое дѣло». Попадаья ушла на кухню, а тут-тошный крестьянинъ пришелъ въ кухню-то и говоритъ: «Матушка, нѣтъ ли у тебя какого снадобья, чѣмъ бы сына полечить?» «Да что онъ у тебя?» «Вотъ ужъ три недѣли головы не подымаетъ, умирать, сердечный, совсѣмъ умирать». «Погоди, вотъ я батюшкѣ скажу. Отецъ, отецъ, поди-ка сюда!» Попъ услышалъ, что попадаья его кричитъ, пришелъ на кухню и спрашиваетъ: «Ты что, мать, орѣшь?» «Да вотъ у этого мужика-то сынъ умирать, такъ ты полѣчи его». «Хорошо. Поди истопи баню, я сейчасъ къ тебѣ приду». Мужикъ ушелъ топить баню; попъ взялъ ножикъ и отправился къ мужику сына лѣчить. Взялъ его въ баню, положилъ въ корыто и давай рѣзать на куски, живаго-то; а тотъ орѣтъ не даровымъ матомъ!

Изрѣзалъ всего, вымылъ въ теплой водѣ, потомъ въ холодной, сложилъ куски-то, взбрызнулъ богоявленской водой—хватъ тѣло-то не сростается! Попъ такъ и обмеръ, руки индо затряслись. Схватилъ всю бутылку съ водой и давай его поливать, а тѣло не сростается. Бился, бился, а тѣло изрѣзано лежитъ. И давай попъ кричать: «Батюшки, помогите!». Прибѣжали и видятъ: крестьянскій сынъ весь изрѣзанный лежитъ. Спрашиваютъ попа: «Что ты, злодѣй, надѣлалъ?» «Грѣхъ», говоритъ,—«меня попуталъ». Взяли попа и по начальству отправили. И стали его судить и такъ засудили, что не тоѣмо что золота у попа не осталось—ни кола и ни двора. Голѣ сталъ всякаго нищаго. Тогда и судить его бросили. Попъ съ попадаей остались рады и довольны тѣмъ, что живы остались.

Михайло Архангелъ объ этомъ узналъ. «Ну», говоритъ,—«Микола, ты перешибъ меня! Задачу обдѣлалъ какъ слѣдовать! Нѣтъ, тебѣ Микола, подобать два престола-то». Михайло съ Егоромъ поѣхали въ небеса, къ Господу Богу. Явились передъ лице Божье, Богъ и спрашивать Михайлу и Егора-то: «Ну, что Микола

подѣлывать?» «Много Господи! Великій и мудрый онъ у тебя чудотворецъ!» «Вотъ то-то, ангелы Божьи! И вы себѣ этотъ почетъ заслужите».

(Сообщено М. И. Извозниковымъ).

93.

Илья пророкъ и стрѣлецъ.

Жилъ былъ стрѣлецъ и пошелъ разъ на озеро, а Илья пророкъ навелъ на озеро громовую тучу, гремитъ. Укрылся стрѣлецъ отъ грозы въ кусты и видитъ, что человѣчья голова изъ воды то покажется, то спрячется; какъ только молонья сверкнетъ—она и подъ воду. Громъ ударить въ это мѣсто, а убить не убьетъ (въ водѣ-то). «Что это», думаетъ,—«за человѣкъ?» Дай-ка я выстрѣлю». Выпалилъ, и всплылъ на воду мертвецъ. Стрѣлецъ испугался, что человѣка убилъ, и драла. Отбѣжалъ много ли мало ли, на встрѣчу старикъ, самъ Илья, идетъ. «Ты на озерѣ», спрашиваетъ,—«былъ?» «Былъ». «Ты человѣка убилъ?» «Нѣтъ». «Нѣтъ, скажи, ты убилъ?» «Нѣтъ». Не сознается, знаешь. «Да ты», говоритъ Илья,—«не бойся. Это ты чорта убилъ, мнѣ помогъ: я въ него метился, метился, не могъ до хитрить с я громовой стрѣлой убить. На ка вотъ возьми мое ружье, а свое мнѣ дай. Изъ него, какъ завидишь такъ и бей!» Взялъ стрѣлецъ ружье и сталъ изъ него бить чего только ни завидитъ. Барина зависть и взяла. «Продай да продай ружье!» «Нѣтъ, ни за какія деньги!» «Ну, давай на споръ если меня убьешь (а баринъ колдунъ былъ)—тогда твое, а не убьешь—мое». Вотъ и сѣлъ баринъ на колокольню, гдѣ колокола висятъ. «Стрѣлай!» Тотъ выпалилъ, плечо барину р а с ч и б ѣ. «Ну», говоритъ,—«ты не убилъ меня! Давай ружье!» Тотъ не дастъ. «Я», говоритъ,—«въ тебя попалъ». «Ну», говоритъ баринъ,—«теперь въ крестъ выстрѣли, спибешь ли?» А надъ крестомъ два голубя такъ и вьются. Вотъ стрѣлецъ приложился, бацнулъ и крестъ расшибъ весь и голубей обоихъ убилъ. Тутъ Илья его за эти дѣла слѣпымъ сдѣлалъ, а баринъ послѣ того ружье у стрѣльца себѣ взялъ и самъ сталъ изъ него бить.

(Записано въ Симбирскѣ).

94.

Про Егорія Храбраго.

Ѕхаль разъ мужикъ лѣсомъ. Дѣло днемъ было, лѣтомъ; только вдругъ видить: на овцу волкъ кинулся. Овца испугалась, кинулась подъ телѣгу; волкъ испугался, убѣжалъ. Мужикъ взялъ овцу и повезъ съ собой; проѣхаль сажень пять отъ того мѣста, стало ни зги не видно—темная ночь. Онъ диву дался. Ѕхаль, ѣхаль и самъ не знаетъ куда, вдругъ видить огонекъ. «А», думаетъ,—«это видно гуртовщики; хоть у нихъ спрошу куда ѣхать». Подѣзжаетъ и видить—костеръ разложенъ, а кругомъ волки сидятъ и съ ними самъ Егорій Храбрый; а одинъ волкъ сидитъ въ сторонѣ, да зубами щелкаетъ. Говоритъ мужикъ, что молъ такъ и такъ, запутался, не знаю гдѣ дорогу найти. Егорій ему и говоритъ: «Зачѣмъ», говоритъ,—«у волка овцу отнял?» «Да она», говоритъ мужикъ,—«ко мнѣ бросилась; мнѣ ее жаль стало». «А чѣмъ же волки-то кормятся будутъ? Вотъ эти, видишь, сытые лежатъ, а этотъ голодный, зубами щелкаетъ. Я ихъ кормлю; всѣ довольны, только одинъ жалуется. Брось ему овцу, тогда укажу дорогу. Вѣдь эта овца была волку обречена, такъ чего ты ее отнял?» Мужикъ взялъ и бросилъ волгамъ овцу. Какъ только бросилъ, сталъ опять ясный день и дорогу домой нашель.

(Записано въ Симбирскѣ).

95.

Какъ купцовъ сыгъ у Господа въ гостяхъ былъ.

Жилъ былъ именитый купецъ, и у него былъ одинъ развѣдинный сынъ. Купецъ померъ, осталась одна купчиха и такъ она нищихъ братію не любила—никогда въ комнату къ себѣ не пускала. А сынъ былъ эдакій добродушный и нищую братію принималъ; приметъ и напоить, накормить. И сдѣлала эта купчиха поминки, и созвала нѣсколько разныхъ лицъ—купцовъ и дворянъ,

а сынъ ея превеличающій сдѣлалъ столъ и созвалъ и ищущу братію, и подчивать нищу братію напаче всѣхъ гостей. Во время, старичекъ нищій восходитъ къ купчихѣ въ комнату и просить у ней милостыню. Она милостинку ему не подала, изъ горницы прогнала, да и сказала: «Вонъ ступай, тамъ сынъ у меня есть дуракъ: онъ всѣхъ васъ больно принимать, а я на васъ и глядѣть не хочу!» Онъ пошелъ въ заднюю комнату, Богу помолился, нищимъ братіямъ всѣмъ поклонился и у него, около рыла сопли, глядѣть нехорошо. Купеческій сынъ принялъ нищаго, сосчиталъ его за брата и сказалъ: «Хозяйка, утри у братца: у него рыло не хорошо». Она платенце сняла, утерла его какъ должно быть; посадилъ онъ его за столъ и сталъ подчивать. И нѣсколько было тутъ постороннихъ нищихъ.—Всѣ пообѣдали, встали, Богу помолились, за хлѣбъ за соль хозяина поблагодарили и пошли кто куды знаетъ. Старичка хозяинъ оставилъ: «Погоди, братецъ,» говоритъ,—«ты опослѣ всѣхъ пришелъ». Пищи онъ ему добавилъ и накормилъ, наполнилъ его какъ слѣдуетъ, и проводилъ. Нищій ему и говоритъ: «Ко мнѣ, братецъ, въ гости приходи». «Гдѣ я тебя найду?» «Я за тобой посла пришлю». Купеческій сынъ сказалъ: «Приду».

Приходитъ время Свѣтло Христова Воскресенье; зазвонили къ заутрени. Купеческій сынъ всталъ, умылся и пошелъ къ заутрени. Говоритъ хозяйкѣ своей: «Да ка мнѣ ячекъ похристосоваться съ попомъ и съ дьякономъ и съ дьячкомъ, да еще одно дай, какой нищій попадется». Она ему четыре ячка дала. Онъ пошелъ, заутреню простоялъ и сталъ весь народъ подходить къ кресту, стали съ священникомъ христосоваться, и онъ также подошелъ и похристосовался: и съ попомъ, и съ дьякономъ, и съ дьячкомъ. Вдругъ обернулся назадъ—стоитъ нищій. Онъ его немножечко призналъ: онъ будто у него на поминкахъ былъ; подошелъ къ нему и говоритъ: «Христосъ Воскресе, дѣдушка!» «Вовстину воскресъ, другъ». И вынимаетъ купеческій сынъ, и даетъ ему ячко. Пришелъ домой и говоритъ хозяйкѣ: «А вѣдь старичокъ-то, что въ гости меня звалъ, у заутрени былъ».

Можетъ быть, черезъ мало время онъ пошелъ къ обѣднѣ, въ воскресный день; шелъ прежде всѣхъ и—у святыхъ церковныхъ воротъ стоитъ осѣдланный конь, только не промолвить. Смирно

не стоитъ, копытомъ землю бьетъ. Вотъ онъ какъ шелъ въ церковь да и посмотрѣлъ на него. «Что жь это такое?» думаетъ себѣ.—«Кто же верхомъ прїѣхалъ?» Послѣ всѣхъ выходитъ отъ обѣдни и народу нѣтъ никого, а лошадка все стоитъ. Раздумалось ему: «это не за мной ли кто прїѣхалъ?» Подходить къ коню близѣхочко — конь стоитъ смиреннѣхонько. Онъ взялъ его и повелъ. Привелъ къ себѣ на дворъ, пообѣдалъ въ воскресный день, да и говоритъ хозяйкѣ своей: «Это непременно посланникъ за мной. Я пойду, да пойду у матушки благословенья попрошу». Пришелъ къ ней въ комнату, Богу помолился и матушкѣ поклонился; и говоритъ: «Матушка, благослови меня!» Она не хорошими словами отвѣчала: «Куда собрался?» Онъ ей сказалъ: «А вотъ въ такое время братъ у меня въ гостяхъ бывалъ, меня въ гости звалъ». Она на него серчала, нашла эдакую щепочку, плюнула и во слѣдъ ему кинула. «На вотъ, песъ, тебѣ благословенье мое!» Онъ перекрестился, поднялъ и поцѣловалъ, и въ пазуху положилъ. Сѣлъ на добра коня, да и поѣхалъ.

Долго ли мало ли ѣхалъ, былъ у него кусочекъ хлѣбца и захотѣлось ему закусить. Онъ взялъ сунулъ руку въ пазуху: у него тамъ мѣдный образокъ лежитъ. Онъ перекрестился и взбѣжалъ на Господа. «Ахъ, Господи! Премудрости твои!» Сѣлъ и поѣхалъ. Немножечко проѣхалъ, видитъ селенье и околица, и у околицы братъ его стоитъ, дожидается его, здорѣвается и низко кланяется. Онъ слѣзъ съ лошадки, въ поле ее пустилъ; а братъ взялъ повелъ его въ особую свою комнату. Въ этой комнатѣ разные цвѣты цвѣтутъ и пташечки сидятъ райски, пѣсенки поютъ херувимски. И сталъ братъ его подчивать и на столъ наставилъ чего онъ съ роду не видалъ. И пьетъ, ѣстъ—ничего не убываетъ. Онъ сидитъ и думаетъ: «Господи! Куды это я зашелъ?» Вотъ этотъ же братъ наставилъ ему на столъ всего множество и сказалъ: «Ты, братецъ, кушай, а я схожу въ одно мѣстечко». И говоритъ ему: «Во всѣ въ окошечки-то гляди, а вотъ въ эту перегородочку не гляди». Онъ во всѣ глядѣлъ и во всѣхъ хорошо. «Что же», говоритъ,—«мнѣ братъ не велѣлъ тутъ поглядѣть? Дай погляжу». А тутъ взглянулъ—еще всѣхъ лучше! И увидалъ: сидитъ женщина и подобное лице какъ хозяйка его. И сѣлъ опять за столъ на свое мѣсто. Братъ подошелъ къ нему и гово-

рить: «Что, братецъ, плохо ѣшь? Ничего не убываетъ». «Сытѣхонекъ я, братецъ». «Во всѣ ли окошечки глядѣлъ?» «Наглядѣлся, братецъ». «А вѣдь вотъ въ это я тебя не велѣлъ!» «Такъ, поохотился, братецъ. Виновать, поглядѣлъ». «Ну, да горя нѣту. Чтѣ тамъ ты видѣлъ?» «Женщина сидитъ». «Узналъ ты ее?» «Да дѣ узнать? Только лице на хозяйку на мою похоже». «Ну пойдѣмъ, братецъ, мое заведеніе поглядимъ». И ведетъ его въ родъ какъ по мостику. Крикъ вездѣ, шумъ, плачутъ, котлы съ смолой кипятъ.... Этотъ же братъ идетъ впередъ, а купеческій сынъ—за нимъ. И вдругъ обернулся купеческій сынъ: превеличающій котелъ кипитъ съ смолой, и вымырнуло изъ котла его матери лицо. Онъ остановился и хотѣлъ дожидаться, не вымырнетъ ли еще. А братъ ушелъ. Оглянулся—онъ далеко отъ него. «Ты что,» говоритъ,—«тамъ остался?» «Сейчасъ иду, братецъ». И такъ тихо идетъ (больно испугался). Спрашиваетъ братъ купческаго сына: «Али увидалъ чтѣ, братецъ?» Онъ не сказывать: не смѣетъ. «Ты что не сказывашь?» «Да матушка вымырнула въ котлѣ - то...» «Что же ты ее не вытащилъ?» «Я боюсь, не смѣю». Старичекъ и говоритъ: «Пойдѣмъ. Гдѣ ты ее видѣлъ?» Подошли къ эхтому котлу. Она и вымырнула. Этотъ же старичекъ: «Лови», говоритъ,—«ее!» Купеческій сынъ пымалъ ее за власы и совсѣмъ было вытащилъ,—волосы въ рукахъ остались, и опять она—въ смолу.

И пошли они назадъ. Старичекъ и говоритъ: «Пойдѣмъ, побѣдай, да съ Богомъ и домой ступай!» Взошли опять въ эфту комнату; на столѣ опять всего много. Онъ и думаетъ себѣ: «Господи, куды я зашелъ? Старичекъ напоилъ его, накормилъ, да и говоритъ ему: «Ну, братецъ, айда провожу». Онъ помолился Богу и пошелъ изъ комнаты вонъ, а волосы въ пазуху положилъ. Вышелъ онъ изъ двери, сталъ прощаться. Вотъ дѣдушка и говоритъ: «А вотъ, другъ, когда ты умрешь—вонъ это мѣсто твое будетъ (келейка-то), а въ котору я комнату тебѣ глядѣть не велѣлъ—это твоей хозяйки будетъ мѣсто. Прощай, братъ!» Онъ смотритъ: стоитъ въ своемъ селеньи, у церкви. Вздрнулъ на церкву: «Ахъ, Господи, гдѣ я былъ?» Ему показалось за одинъ день. Приходить домой; сперва къ хозяйкѣ своей пошелъ. Хозяйка его встрѣчала и такъ рада была, здоровалась съ нимъ и кланялась ему, и говоритъ: «Ай, ай, ты долго!» «А мнѣ вѣдь не долго показалось».

«Три года вотъ ужъ прошло, какъ ты ушелъ». «Я вѣдь, хозяйка, на тѣмъ свѣту былъ. Матушка здорова ли?» «Третій годъ лежитъ на мертвой постелѣ, только день и ночь тебя поминаетъ. Иди скорѣ! Не знай, живую-то застанешь ли».

Взошелъ въ ея комнату, Богу помолился; она лежитъ на кровати, въ безобразіи. «Здорово, матушка!» Она взглянула; узнала его, горько заплакала и говоритъ: «Отколѣ ты, сыночекъ, упалъ? Я больно объ тебѣ скучилась». «Знать ты, матушка, больно недодурва?» «Умирать, сыночекъ, хочу». «Вотъ я принесъ штучку. Не знай тебѣ казать, не знай нѣтъ». «Покажи; я хотъ погляжу». Встала, сѣла. Онъ вынулъ изъ пазухи волосы, да и кажетъ. «Погляди-ка, матушка, я что тебѣ покажу! Я вѣдь на тѣмъ свѣту былъ, тебѣ видѣлъ. Ты въ смолѣ кипишь». Потатицъ тебя—вотъ волосъ-то и оборвались». Повязана она была платочкомъ; вдругъ скинула его,хватила, а у ней голова-то гѣла!

Испугалась, тутъ же и померла.

(Абрамъ Новопольцевъ).

96.

О праведномъ судіѣ.

Жилъ въ одномъ селѣ праведный судія. Разъ къ одной вдовѣ заѣхалъ проѣзжій человекъ. Приѣхалъ онъ на жеребцѣ, вошелъ въ избу и спрашиваетъ: «Что у тебя кобыла-то жереба?» «Нѣтъ, батюшка». «Ну, а у меня жеребецъ-то жеребый» говоритъ. Легъ спать. На утро баба встаетъ и видитъ: по двору жеребеноекъ бѣгаетъ. Она обрадовалась и говоритъ: «Вотъ у меня кобыла-то ожеребилась!» «Какъ у тебя? Вѣдь ты вчера говорила, что у тебя кобыла не жереба? Это моего жеребца жеребеноекъ». «Нѣтъ, мой». Дальше да больше, пошелъ споръ, пошли къ праведному судіѣ. Тотъ велѣлъ выѣхать на перекрестокъ: бабѣ—на кобылѣ, а проѣзжему человеку—на жеребцѣ. Выѣхали, стали судиться. Судья и говоритъ: «За кѣмъ жеребеноекъ побѣжитъ, та лошадь и ожеребилась». Пустили жеребенка, онъ и побѣжалъ за жеребцомъ. Баба ушла домой. Проѣзжій и говоритъ судіѣ: «Спасибо, молъ, за то, что по

правдѣ разсудилъ». Тотъ его къ себѣ позвалъ. Посидѣли, потолковали. Проѣзжій и говоритъ: «Пойдемъ теперь ко мнѣ!» «Пойдемъ». Вышли изъ воротъ; праведный судія и спрашиваетъ: «Что это дома-то воютъ будто?» Проѣзжій ему и отвѣчаетъ (а это самъ Господь былъ): «Это по твоему тѣлу воютъ домашніе, а душа твоя—со мной». Вотъ, праведныхъ-то судей, выходитъ, Богъ-то къ себѣ беретъ: ему нужны.

(Сообщено въ Симбирскѣ П. П. Розановымъ).

97.

Пустынникъ и дьяволъ.

Трудился труженикъ въ пустынѣ тридцать лѣтъ. Вотъ дьяволъ слѣдилъ его со мустѣтъ какъ бы нибудь. Нѣтъ, ни такъ, ни сякъ онъ его не уловить. И выдумалъ этотъ дьяволъ въ родѣ скуки подкинуть къ нему двоихъ юн о ш е в ѣ: мальчика и дѣвочку. Ночнымъ бытомъ и въ саму глухую полночь всталъ старецъ Богу помолиться, за грѣхи за свои потрудиться, и слушаетъ ночнымъ бытомъ: дѣтскіихъ два голоса плачутъ у двери его. Ограждаясь крестомъ, онъ думаетъ: «Боже милостливый! Что такое? Два голоса юннѣхъ!» Сотворилъ онъ молитву и вышелъ изъ двери. И лежатъ два юн о ш е в а: мальчикъ и дѣвочка. Онъ испугался: не знаетъ чего съ ними дѣлать. Подумалъ: «Куда мнѣ ихъ дѣвать?» Взялъ ихъ и внесъ къ себѣ въ хижинку; сталъ ихъ поить, кормить. Ну, они, какъ роду нечистаго духа—растутъ не по днямъ по часамъ, и выросли м а т е р и н ѣ к и, и больно ужъ большіе: лѣтъ пятнадцать и больше. Дѣвочка ужъ стала разумѣть. Старецъ—Богу молиться, а она съ нимъ—играть. И стала къ х у д ы м ѣ дѣла м ѣ его пр и т ѣ с н я т ь. «Меня», говоритъ,—«скука обуяла!» Онъ, дьяволъ, силенъ. Старца с о м у т и л а она на худыя дѣла. Старецъ ей говоритъ: «Худы дѣла дѣлать будемъ, куды брата дѣнемъ твоего?» «Давай»,—«говоритъ, его убьемъ». А дьяволъ, который ихъ подкинулъ, караулитъ это дѣло, стоитъ у двери. Дѣвушка—шутѣвка и говоритъ: «Бери топоръ. Я его сваяю, а ты голову от-

руби». Она его свалила, не то что свалила, а онъ самъ легъ; старецъ взялъ топоръ и отрубилъ ему голову. «А куда же мы его дѣнемъ?» «Открывай половицу въ подполь!» Сейчасъ старецъ открылъ половицу, беретъ его въ берема и суетъ въ подполь. Тотъ же часъ дьяволъ отбилъ дверь и вбѣгъ въ келью. Дѣвушка, назвавши его батюшкой, бросилась ему на шею и горько плачетъ. «Эхъ», говорить,—«родимый батюшка, какому ты озорнику насъ оставилъ! Меня замучалъ къ худымъ дѣламъ, а брату-то вонъ голову отрубилъ». Тотъ же часъ являются нѣсколько бѣсовъ, запрыгали, ногами затопали, руками захлопали и взяли, потащили труженика и сказали: «Наша душа, наша душа!» Этотъ же дьяволъ... и является тутъ старшій сатана и по головкѣ его гладилъ (дьявола-то), что сомустилъ душу святую. Говорить дьяволъ старцу: «Погляди-ка мнѣ черезъ лѣвое-то плечо! Я сколько лѣтъ-то ходилъ, да сколько лаптей-то проносилъ, да все-таки тебя уловилъ!» А старецъ, не боясь его словъ, говорить: «Нечистый духъ, погляди-ка мнѣ черезъ правое-то плечо!» Тотъ поглядѣлъ:—его душеньку несутъ, «святые Боже, святые крѣпкій» поютъ.

Тутъ дьяволъ устранился, скрозь землю провалился.

(Абрамъ Новопольцевъ).

98.

Бавило-скоморохъ.

Было у отца три сына и вздумалъ онъ Богу потрудиться. «Дѣти», говорить,—«на двадцать верстъ отъ села выстройте пустыню, возите туда пищу, я буду трудиться». Они выстроили ему пустыню и возить ему каждый день провiантъ. Онъ напьется, наѣстся, выйдетъ на заваденку, спитъ. Идетъ къ нему Миколай угодникъ. «Миръ твоему кормному борову лежать!» Старикъ отвѣчать: «Я пустынникъ, я Богу молюсь». «Нѣтъ, ты въ трудъ не попадешь: напьешься, наѣшься да спать ляжешь. Ступай, въ такомъ-то городу есть Бавило-скоморохъ; если его трудъ перенесешь, будешь въ царствiи небесномъ». «Какимъ онъ трудомъ трудится, дѣдушка?» «Не знаю, гово-

Сказки и пред. Сам. края.

19

рять,—только что слышно про него: колоколъ далеко звонить». Пошелъ онъ въ этотъ городъ, разыскалъ Вавило-скомороха; подошелъ подъ окошко. У него двѣ женки, родныя сестры. «Здѣсь Вавило-скоморохъ?» «Здѣсь». Взошелъ въ избу. «Гдѣ», говорить,—«онъ?» «На игрищахъ пграть». «На какихъ?» «Да у губернатора былъ онъ, тамъ скачетъ да пляшетъ». «Скоро ли онъ придетъ?» «Придетъ, какъ первыя вѣтви сплывутъ, либо привезутъ». Первыя вѣтви сплывли, Вавило пришелъ и спрашиваетъ жѣнокъ своихъ, родныхъ сестеръ: «Чей это старичекъ?» «Тружельникъ отъ Бога». «Ты гдѣ былъ?» «Въ лѣсу. Мы дѣти пустыню выстроили; пришелъ ко мнѣ старичекъ, разказалъ какъ ты трудишься, сюда послалъ». «Эхъ», говорить Вавило-скоморохъ,—«какой мой трудъ? Я только скачу да пляшу». «Я», говорить,—«хочу тебя попросить», говорить старикъ,—«какую ты пищу ѣшь?» «Моя пища: сухая крома да пустая вода. Вотъ жѣнки, родныя сестры меня поятъ, кормятъ и на ложе кладутъ». «Я», говорить,—«хочу, Вавило-скоморохъ, твой трудъ перенести». «Не доведется этого тебѣ: тяжѣль. Ты старикъ жирный, а я тощѣй». Вотъ утромъ за Вавилой прѣзжаетъ рано человекъ. «Дома Вавило?» «Дома». «Пожалуйте на нянины къ такому-то». «Ступай съ Богомъ! Приду пѣшкомъ, только умоюсь, Богу помолюсь». Вѣтъ сѣли они съ нимъ позавтракали; женки дали кусокъ хлѣба и ему, и прихожателю. «Ну», говорить,—«другъ, пойдемъ на менѣны!» «Пойдемъ. Скажи, Вавило, какой твой трудъ?» «Мой трудъ, только мои сапоги надѣть». Надѣлъ старикъ его сапоги, а у него тамъ вершковыя гвозди. Старикъ остался у Вавилы въ дому и полныя сапоги крови. Вотъ Вавило и послалъ за нимъ лошадь; повалили кормнаго борова, привезли на менѣны. Гдѣ посадили на стулъ, тутъ и сидѣлъ старикъ до первыхъ вѣтвей. Вавило-скоморохъ убирался до двора. «Пойдемъ, братъ тружельникъ, въ мою хату ночевать» (а Вавило-скоморохъ только скачетъ да пляшетъ, а ничего не ѣстъ). Старикъ проголодался, а съ мѣста сойти не можетъ. Пошелъ онъ съ нимъ въ хату; дошли до полпути, старикъ не можетъ идти. Вавило попросилъ человека довести старика до двора. Прѣехали они въ домъ къ Вавилѣ-скомороху. «Ну что», говорить,—«дѣдушка, мой трудъ хорошъ?» «Хорошъ». «А твой какъ?» «Мой», говорить,—«плохой: у меня полныя сапоги крови. Да еще попытаю я тебя, переночую ночь; какой твой

еще трудъ», говоритъ,—«есть». Сѣли за столъ, поужинали: сухую крому дали, да теплой воды. «Ну, жинки, разуйте насъ обѣхъ!» Онѣ разули. Вавило-скоморохъ говоритъ своимъ жипкамъ: «Я спать хочу, положите меня на л о ж у; за мной еще прїѣдутъ». Ложа была у Вавилы-скомороха въ сѣняхъ, на вольномъ воздухѣ. Взяли жинки его за руки, за ноги, раскачали и бросили на кровать. Старикъ—за столомъ, и глядитъ. «И мнѣ надо этакій трудъ нести, а пятки-то больно». Вотъ они взяли, положили Вавилу, волосѣнной одежей покрыли. Старикъ и говоритъ: «Положите, жѣнки, и меня такъ!» Вотъ онѣ его взяли за руки, за ноги и бросили, и впились въ него вершковы гвозди. Лежалъ онъ ночь, и налило крови много множество, а Вавило лежитъ ничего. За Вавилой прїѣхали до свѣту. Онъ говоритъ сестрамъ: «Снимите постояльца съ моей ложы! Онъ лежалъ въ родѣ камня ночь-то». Жинки взяли его и привели въ избу. «Что, дѣдушка, пойдешь со мной?» «Нѣту», говоритъ. «Что такъ?» «Ну, Вавило-скоморохъ, великъ твой трудъ! Тебѣ Господь велѣлъ снести и песи, а я не снесу: изъ меня вышло крови столько, что чую—не дойти десять верстъ до двора, къ дѣтямъ». Старикъ ушелъ и говоритъ: «Прощай!» «Прощай! Коли хочешь, иди со мной».

Вавило былъ у солдата въ гостяхъ; приходитъ къ нему святой ангелъ и говоритъ: «Вавило-скоморохъ», говоритъ, — за твоей «душей пришли». «Кто?» «Святы ангелы». «Я не знаю, каки святы ангелы? Я скачу все и пляшу. Каки ангелы?» «Ступай», говоритъ,— «твой жѣнки с о т в о р и л и тебѣ гробъ, п какъ придешь, дома и померешь». Пришелъ онъ домой, гробъ впереди л е ж и т ъ. Сестры испугались, плачутъ. «Вавило-скоморохъ, ложись», говорятъ,— «въ гробъ!» Голубъ къ нему прилетѣлъ съ святымъ ангеломъ. «Ты», говоритъ,— «голубь?» «Голубь». «Какой», говоритъ,— «ты голубь?» «Твой святой ангелъ. Тебя Богъ наградилъ, Вавило-скоморохъ; ты будешь, Вавило-скоморохъ, голубинный богъ!» Тутъ онъ и п о к о н ч и л с я.

(Записано отъ Василія Авдѣева, с. Новиковка, Самарск. г., Ставроп. у.).

99.

Рахъ разбойникъ.

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ купецъ; у него жена была красавица, только не было у нихъ дѣтей. Вотъ одинъ разъ стоитъ она передъ зеркаломъ и любитъ себя, да думаетъ: «Что если бы у меня родился сынъ, да такой же красавецъ, какъ и я?» Сзади ей и отвѣчаетъ голосъ: «Родится у тебя сынъ, только съ однимъ условіемъ, если ты мнѣ его отдашь, когда ему будетъ семнадцать лѣтъ!» Купчиха и думаетъ: «Какже это? Кто можетъ у меня сына отнять? Дай согласусь, а потомъ не дамъ». И говоритъ: «Я согласна, только бы родился». Голосъ отвѣчаетъ ей: «Ты напиши мнѣ расписку своею кровью, тогда твое желанье исполнится». Она написала и съ того времени забеременѣла. Родила себѣ сына ужъ такого красавца, что ни вздумать, ни взгадать, ни перомъ написать, только въ сказкѣ сказать. И сталъ онъ расти не по днямъ, а по часамъ, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ. Отецъ и мать не могли на него наглядѣться и не отдавали ни въ какое ученье; только сидѣли, да глядя на него, плакали. Когда ему исполнилось шестнадцать лѣтъ, онъ и сталъ думать: «Что это отецъ съ матерью все глядятъ на меня да плачутъ, не отдають меня ни въ какое ученье?» Сталъ онъ доспрашивать у нянекъ и мамокъ. Няньки и мамки ему и говорятъ: «Вотъ почему вашъ батюшка съ матушкой плачутъ: когда еще вы были въ брюхѣ, то они кому-то васъ отдали, и вамъ съ ними жить только до семнадцати лѣтъ». Пошелъ онъ къ отцу и матери, да и говоритъ: «Любезные мои родители, такъ какъ вы меня отдали, то дѣлать ужъ нечего, слезами ничего не подѣлаешь, а благословите вы меня и отпустите въ путь-дорогу; можетъ, мнѣ и удастся какъ-нибудь взять у печистаго рукописанье. Тогда я къ вамъ ворочусь». И стали они много плакать и горевать, но дѣлать было нечего: благословили и проводили сына въ путь-дорогу. И пошелъ онъ. Идетъ близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; приходитъ онъ въ темный лѣсъ. Въ лѣсу стоитъ келейка. Подошелъ онъ къ келейкѣ, сотворилъ молитву: «Святые старцы, пустите въ келейку

помолиться, отъ дьявола оборониться!» «Нѣтъ, младый въ ю н о ш ѣ», отвѣчаетъ ему старецъ»,—я не могу тебя научить, иди къ другому. Дальше есть еще келейка; того спроси, можетъ, онъ тебя научить: онъ старше меня». Поблагодарилъ старца младый вьюношъ и пошелъ дальше. Во второй келейкѣ ему то же отвѣтили, велѣли идти въ третью. Приходитъ онъ къ старцу, сотворилъ молитву: «Святые старцы, пустите въ келейку помолиться, отъ дьявола оборониться!» «Войди, младый вьюношъ, я тебя научу». Онъ вошелъ. «Вотъ иди ты», говоритъ старецъ,—«по этой тропѣ, и придеши ты къ дому; старый домъ, мохомъ заросъ и хрящемъ занесенъ; тутъ ты увидишь калитку. Ты войди въ нее и спроси Раха разбойника». Поблагодарилъ старца младый вьюношъ и пошелъ по тропѣ. Пришелъ къ дому, постучалъ въ калитку. Къ нему вышла жена Раха разбойника и спрашиваетъ: «Зачѣмъ тебѣ мужа моего нужно?» Онъ отвѣчалъ: «Меня прислалъ къ нему святой старецъ. Когда я еще былъ въ брюхѣ, мать отдала меня нечистому и дала ему рукописание своею кровью, а я у н и х ѣ одинъ единый. Рахъ разбойникъ—кумъ сатанѣ, не можетъ ли онъ взять рукописание и отдать его мнѣ?» «Охъ, младый вьюношъ, мужъ мой такпхъ просьбъ не любитъ, но ужъ очень мнѣ жаль тебя: больно ты молодъ! Попробую, похлопочу, можетъ что и сдѣлаю». Взяла его и повела въ отдаленный покой, спрятала, чтобы мужъ не видалъ. Вотъ приходитъ Рахъ разбойникъ и говоритъ: «Что это, жена, у тебя русскимъ духомъ пахнетъ?» «И, полно пожалуйста», отвѣчаетъ жена,—«самъ ты вездѣ ходишь, всего нанюхаешься, да и говоришь, что пахнетъ. Ты знаешь, что у меня никого не бываетъ». Пообѣдали они, и Рахъ разбойникъ сталъ такой веселый да ласковый. Жена улучила минуту и говоритъ: «А у меня къ тебѣ просьба есть; если ты меня любишь, то исполнишь. Я для тебя все дѣлала: и дѣтей вымаривала, и людей развращала и съ пути истиннаго сбивала; такъ и ты для меня долженъ сдѣлать удовольствіе. У одного купца родился одинъ сынъ, и того чортъ хочетъ взять; а такъ какъ тебѣ сатана кумъ, то ты можешь взять рукописание и отдать его младому вьюношѣ». «Ну, мой другъ», говоритъ Рахъ разбойникъ,—«могу исполнить твою просьбу, пойду къ куму». Пошелъ. Приходитъ къ сатанѣ и говоритъ: «Ну, кумъ, теперь ты долженъ исполнить мою просьбу! Я для тебя все дѣлалъ: и грабилъ, и души

губилъ, дѣлалъ всякія злодѣйства, ни въ чемъ тебѣ не отказывалъ; теперь ты не откажи въ чемъ я тебя попрошу». «Все что ни спросишь, я все для тебя сдѣлаю», сказалъ сатана. Рахъ разбойникъ передалъ ему въ чемъ дѣло. Вотъ сатана и велѣлъ созвать всѣхъ чертей и началъ спрашивать: у кого изъ нихъ рукописание. Всѣ говорятъ, что ни у кого изъ нихъ нѣтъ; никто не сознается, что отнялъ у купца сына. Вотъ и идетъ маленький чертенокъ, сугорбился и плачетъ: «Одна единая душа попалась ко мнѣ, и ту хотятъ отнять! У кого двѣ, три—не отнимаютъ. Ни за что не отдамъ! Что хотите дѣлайте!» Ужъ какъ его ни мучили, ни жгли: и въ смолѣ-то варили, и раскаленнымъ желѣзомъ палили, не отдаетъ да и только рукописание. Думалъ, думалъ сатана, что ему дѣлать съ чертенкомъ, и придумалъ: «Положите его на кумову постель! Авось отдастъ». Какъ услыхалъ чертенокъ, что его хотятъ класть на Рахову постель, взмолился сатанѣ: «Все отдамъ, только не кладите на Рахову постель!» Взялъ Рахъ разбойникъ рукописание и отдалъ сыну купца; тотъ поблагодарилъ и пошелъ къ отцу съ матерью. Вотъ и сталъ думать Рахъ разбойникъ: «Видно, я великій грѣшникъ: какъ ни мучили чертенка, чтобъ онъ отдалъ рукописание, онъ не соглашался; а какъ сказали, что положить на мою постель, такъ сейчасъ отдалъ. Видно, страшна моя постель, видно, я грѣшнѣе всѣхъ передъ Господомъ!»

И бросилъ Рахъ разбойникъ всѣ свои богатства и жену; пошелъ къ старцу, чтобы научилъ онъ его какъ душу спасти. И говоритъ ему старецъ: «Поди ты къ сатанѣ и попроси его, чтобъ онъ велѣлъ всѣмъ чертенятамъ принести на поле дровъ, и чтобы сложили они изъ нихъ костеръ, и когда костеръ будетъ готовъ, то приходи ко мнѣ, я скажу тогда что дѣлать». Пошелъ Рахъ разбойникъ къ куму. Тотъ съ радостью велѣлъ натаскать дровъ. Въ одну минуту костеръ былъ готовъ. Пришелъ Рахъ разбойникъ опять къ старцу и говоритъ: «Святой старецъ, твое приказаніе я исполнилъ». Тогда старецъ пошелъ съ Рахомъ на поле, поставилъ разбойника въ самую середину костра и оградилъ крестнымъ знаменіемъ, а самъ дрова зажегъ. Вотъ черти увидали, что Рахъ разбойникъ горитъ, и сбѣжались всѣ, кто съ вочергой, кто съ лопатой, кто съ топоромъ, кто съ чѣмъ. Всѣ кричатъ: «Кумъ горитъ!» Старались его вытащить, никакъ не могли. Услыхалъ шумъ сата-

на. Жаль ему кума, и прыгнулъ онъ съ своего сѣдалища. да поздно: Рахъ разбойникъ сгорѣлъ.

И приходитъ его душа къ старцу и говоритъ: «Святой старецъ, отъ костра остались три головешки, что съ ними прикажешь дѣлать?» «Вотъ на тебѣ ведёрки, иди ты за водой и поливай эти головешки до тѣхъ поръ, пока не распустятся на нихъ кусты и не расцвѣтутъ цвѣточки». И сталъ поливать головешки Рахъ разбойникъ, и поливалъ до тѣхъ поръ, пока не выбилъ тропы по колѣна. Разъ идетъ онъ съ ведерками, на тропѣ стоятъ человѣкъ; и спрашиваетъ его Рахъ разбойникъ: «Что ты за человѣкъ есть?» Тотъ и отвѣчаетъ ему: «Я затѣмъ сюда пришелъ, чтобы вашему городу сдѣлать очищеніе». «Какое же очищеніе?» «А вотъ какое съ одного конца пожечь, а съ другаго порубить!» «Какое же это очищеніе? Это погубленіе!» Взялъ Рахъ разбойникъ, поставилъ ведёрки, ударилъ человѣка коромысломъ и убилъ его. Испугался Рахъ разбойникъ и сталъ горько плакать: «Господи, сколько лѣтъ я трудился, молился, чтобы ты простилъ мои грѣхи, а теперь что я сдѣлалъ? Убилъ человѣка!» Взялъ ведёрки и пошелъ поливать головешки. Приходитъ и видитъ, что на головешкахъ распустились кусточки и расцвѣли цвѣточки и некуда ему вылить воду. Пошелъ онъ къ старцу. «Святой старецъ, мнѣ не куда вылить воду: на головешкахъ распустились кусточки и расцвѣли цвѣты!» «Ну, значить, ты умолилъ Бога», отвѣчалъ старецъ. «Нѣтъ, святой старецъ, я еще сдѣлалъ великій грѣхъ: я убилъ человѣка. Онъ мнѣ попался на встрѣчу и говоритъ, что пришелъ сдѣлать нашему городу очищеніе: съ одного конца зажечь, а съ другаго порубить. Я ему и говорю: какое же это очищеніе—это погубленіе. Взялъ коромысло, ударилъ его и убилъ». Старецъ и говоритъ ему: «Нѣтъ, Рахъ разбойникъ, ты не человѣка убилъ, а свой самый страшный грѣхъ, и теперь ты прощенъ отъ Господа Бога!» И успокоилась въ рай душа Раха разбойника.

(Записано въ Симбирскѣ, отъ Елены Степановны Смирновой).

б. Жила была баба, вошла въ лѣта и никто ее не сталъ любить. Вотъ она и говоритъ разъ: «Ахъ, хоть бы непріятный подлюбил!» Онъ тутъ и случился. Пошли они въ баню, сотворили

грѣхъ, потомъ онъ отдалился. Спустя годъ она обрѣхатѣла и родила. Ее увезли въ баню, а тотъ опять въ баню пришелъ и говоритъ: «Вотъ, милая моя, теперь распишемся мы съ тобой». «Кѣимъ же случаемъ?» «Вотъ какъ: вѣдь младенецъ половина твой, половина мой, кому кормить его вѣчно, кому на двадцать лѣтъ взять?» Мать согласилась взять его къ себѣ на двадцать лѣтъ, а тотъ навѣчно. Росписалась она; онъ ушелъ. Сынъ растеть; и стало ему, и сче ча в р е м я, двадцать лѣтъ, осталось до двадцати годовъ всего двѣ недѣли. Стала мать плакать. «Что ты, матушка, плачешь?» Она и говоритъ: «Я тебя вотъ какъ прижила». «Ну когда такъ, такъ благослови меня, матушка; куда знаю, туды и пойду». Пошелъ онъ въ темные лѣса и въ лѣсу нашель келью. Въ этой кельѣ живетъ Рахъ разбойникъ съ двумя сестрами своими. Раха разбойника въ домѣ не случилось: онъ былъ въ отхождѣ. Меньшая сестра его въ этого молодца влюбилась и спрятала. Приходитъ Рахъ въ свою келью съ самимъ сатаной. Самъ сатана говоритъ: «Что это у васъ русскимъ духомъ пахнетъ?» Меньшая сестра отвѣчаетъ: «Вы вездѣ шатались, русскаго духу напюхались, и здѣсь вамъ все имъ пахнетъ». Сатана время полудня, отлучается обѣдать; Раху сестра и говоритъ: «Братецъ, у насъ есть человѣкъ; пришелъ изъ Расеи. Попроси своего кума, чтобъ онъ его не трогалъ, пускай бы у насъ жилъ». Сатана приходитъ послѣ обѣда, Рахъ и говоритъ: «Куманѣкъ, послужи службу, а не службу—такъ удружи дружбу!» А сатана говоритъ: «Въ чемъ же?» «Да вотъ изъ Расеи человѣкъ пришелъ; не трогай его, пусть у насъ живетъ». «Нѣтъ, о д н а к о», говоритъ,—«его надо на кумову баню сводить!» Взяли его, повели (а у сатаны баня—желѣзна борона и вѣникъ изъ проволокъ). Вотъ его положили на эту баню, пороли, пороли—насилу вырвался. Взялъ сатана у молодца расписку. «Вотъ», говоритъ,—«ты нашего поклѣи!» («За это его и мучили»).—«Послѣ того сатана отпустилъ его къ Раху. Рахъ и говоритъ: «Куманѣкъ, покажи, какая у тебя кумова баня!» «Ты со мной, куманекъ, не будешь знаться». «Какже», говоритъ—это? Мы дружбы вѣкъ пò вѣкъ не бросимъ». «Ну, айда, покажу!» Пошли лѣсомъ, горою, а по ней богородская травка растеть. Сатана и говоритъ: «Вотъ, эта самая трава проклятая для насъ больно вередна!» Показалъ кумову баню;

Рахъ и удивился: «Что это», говорить,—«страсть какая!» Сатана остался т а м а, а Рахъ домой пошелъ; натеребилъ богородской травки цѣлу вязанку и взялъ весь свой домъ по горсти кругомъ этой травой обкчалъ. Она къ нему сатану на сто сажень не допускаетъ. Рахъ спокаялся Богу въ своихъ грѣхахъ: «Господи, не Христу бы», говорить,—«такъ маяться, а мнѣ, разбойнику! Я много душъ истребилъ и всяки разны разности дѣлалъ!» Господь услыхалъ ихъ гласъ и внесъ ихъ въ свѣтъ на небо.

(Записано отъ Максима Кузьмина, с. Новиковки, Самарск. губ., Ставро. у.).

в. Шабѣръ съ товарищемъ дружно жилъ. Товарищъ былъ богатый, а онъ бѣдный. Бѣдный то и выдумалъ: «Давай покумимся и дѣтей окстимъ!» Богатый его позвалъ въ лѣсъ погулять. «Айда, въ лѣсъ; а я пока ты въ лѣсъ пойдешь, въ кабацкѣ полштофа возьму. Мы тамъ выпьемъ и разгуляемся!» Чортъ ему и повстрѣчался въ лѣсу, кумъ еще въ кабацкѣ. Сѣли они подъ осинку; вина очутился у нихъ полштофъ и кабацкій стаканъ. Они выпили это вино. «Кумъ, я тебѣ чего скажу! Ты бѣдный?» (Это чортъ-то говорить). «Бѣдный». «Сдѣлай съ матерью грѣхъ: у тебя въ конюшнѣ за этотъ случай бочка денегъ будетъ». Онъ пошелъ и сдѣлалъ. Приходить опять въ лѣсъ. «Кумъ», говорить,—«сдѣлай съ родной сестрой грѣхъ: у тебя другая бочка денегъ будетъ». Тотъ опять пошелъ, сдѣлалъ; приходитъ: у чорта опять полштофъ готовъ. «Кумъ, сдѣлай съ кумой грѣхъ: третья бочка въ конюшнѣ будетъ». Тотъ и съ кумой сдѣлалъ. Пришелъ въ лѣсъ опять. «Ну, что,—сдѣлалъ?» «Сдѣлалъ». «Ну, теперь живи: деньги есть!»

Пришелъ онъ домой. «Мама», говорить,—«деньги есть у насъ?» «Есть, сынокъ; до гроба не прожить намъ ихъ!» Настоящій кумъ къ нему съ виномъ изъ лѣсу идетъ. Онъ у ж а с т ѣ л с я; вышелъ въ конюшню, поглядѣлъ: нѣтъ ни бочекъ, ни денегъ: все пропало. Приходитъ къ матери. «Мама, благослови меня; куды глаза глядятъ, туда и пойду», говорить. «Ну, Богъ съ тобой, ступай куды хочешь!»

Шелъ онъ путемъ дорогой, зашелъ къ пустынноку. Пустынникъ ему говорить: «Что ты, братецъ милый, отъ дѣла лѣтаешь, или дѣла пытаешь?» «Не отъ дѣла летаю и не дѣла пытаю, а хочу

въ своихъ грѣхахъ раскаялся. Обманулъ меня чортъ, и а м ѣ с т о кума». «Ну, другъ мой, иди по этой тропочкѣ, тамъ у меня братъ трудится; я—тридцать, а тотъ—шестьдесятъ лѣтъ. Тотъ може Богу угоденъ, а я тебѣ ничего не скажу при этомъ случаѣ», говоритъ. Пришелъ къ другому пустыннику, тотъ и говоритъ: «Ну, другъ, переночуй у меня ночь». Переночевалъ онъ, и приходитъ Рахъ разбойникъ. «Ступай», говоритъ, — «и а с л ѣ д щ и е ѣ (ночлещикъ), сходи, выуди рыбку на завтракъ!» Онъ пошелъ, сидѣлъ сидѣлъ, одну рыбку всего выудилъ. Вышелъ изъ хаты пустынникъ и говоритъ: «Что ты долго больно?» «Да всего одну рыбку поймалъ». «Ну», говоритъ, — «значить только Богъ намъ п далъ».

И вздумалъ Рахъ разбойникъ ихъ осквернить: они въ котелъ рыбку пúтили, а онъ—свѣжнны. Сѣли завтракать. «Давай», говоритъ Рахъ, — «хлѣба!» «У меня вѣтъ; коли Господь дастъ, такъ поѣмъ; а не дастъ и вѣтъ». Рахъ разбойникъ обернулся и нашелъ на лавкѣ краюшку и разрѣзалъ ее на три ровны части. Вотъ пустынникъ и говоритъ: «Ты», говоритъ, — «чего хлебашь?» «Свѣжину». «А ты?» «Щербу». «Задѣнь-ка въ моемъ краю ложку!» говоритъ пустынникъ. Рахъ задѣлъ. Хватъ, онъ щербу хлебать, а н а с л ѣ д щ и е ѣ хлебать и то и се, не разберешь. «Я», говоритъ, Рахъ, — «грѣшникъ: души губилъ». А н а с л ѣ д щ и е ѣ говоритъ: «А я вотъ какой: съ матерью грѣхъ сдѣлалъ, съ родной сестрой, да съ кумой». Не успѣлъ Рахъ разбойникъ изъ-за стола вылѣзти, какъ тутъ же захворалъ и померъ онъ въ пустынѣ, на солнечномъ всходѣ. За попомъ далеко ѣхать: взяли схоронили Раха. «Ступай теперь, и а с л ѣ д щ и е ѣ», говоритъ пустынникъ, — «отъ трехъ плахъ отруби три комля березовыхъ дровъ печку истопить и ступай ты въ такія мѣста, гдѣ бы тебя никто не зналъ и не вѣдалъ и отплавивай ихъ. Если отъ нихъ отрости пойдутъ, приди ко мнѣ». Прошелъ годъ, сидѣлъ онъ, отплакивалъ одно полѣно. Пошли отрости. Приходитъ къ пустыннику. «Отплакалъ?» «Отплакалъ». «Ну, другое отплакивай!» Онъ другой годъ плакалъ надъ г о р ѣ л ы ш е м ѣ; приходятъ и говоритъ: «Два отплакалъ». «Ну, ступай. За третій Богу отк а й с я, отплачь!» Сидѣлъ онъ полтора года надъ третьимъ, не могъ отплакать, и отростей полѣно не дало. Приходитъ къ пустыннику и говоритъ: «Не отплакалъ». «Ну, Богъ тебя простилъ въ грѣхѣ м а т е р н е м ѣ, въ сѣ с т р е н е м ѣ,

а въ грѣхѣхъ съ подотстовой (?) кумой не прощать. Провзались», говоритъ,—«окаянная душа, въ тѣхъ тѣхъ, въ тѣхъ тѣхъ!» Онъ послѣ того передъ нимъ окаменѣлъ.

(Записано отъ Василья Андѣева, с. Новиковка, Самарск. г. Ставроп. у.).

1. Разбойникъ разбойничалъ много лѣтъ и вздумалъ Богу покаяться. Ходилъ, ходилъ, искалъ, искалъ—нѣтъ такого человѣка, кто бы ему разказалъ, какъ покаяться во грѣхахъ. И думаетъ себѣ: «Дай къ священнику пойду». Приходить къ священнику и говоритъ: «Вотъ, батюшка, я пришелъ къ тебѣ во грѣхахъ покаяться, что нѣсколько людей погубилъ. Ты меня исповѣдай и научи, какъ Богу молиться:» Священникъ говоритъ: «Нѣтъ, другъ, я не могу на тебя эпитимію положить, какъ Богу молиться. Поди къ такому то священнику». Разбойникъ вынулъ ножикъ и зарѣзалъ священника; самъ ушелъ другаго искать. Пришелъ къ другому. Священникъ на него смотритъ, видо страшно на него глядѣтъ: онъ при всей полной амуниці, и всякія у него шашки и простолѣты. Разбойникъ и говоритъ: «Вотъ», баетъ,—«пришелъ тебѣ покаяться. Исповѣдывай и причасти меня: я вотъ столько душъ погубилъ; вчера священника убилъ. Наложилъ на меня эпитимію великое!» «Не могу, другъ: я больно грѣшенъ, еще не дошелъ до этого; а вотъ ступай къ этому священнику: онъ постарше насъ». Взялъ разбойникъ саблю и этому голсу срубилъ. Приходить къ третьему и крѣпко со слезами его просить: «Батюшка, отецъ духовный, я пришелъ къ тебѣ въ грѣхахъ покаяться. Много я людей убилъ! Исповѣдывай и причасти меня, эпитимію наложи!» (А самъ ходитъ не пѣвши, не ѣвши). Вотъ священникъ говоритъ: «Нѣтъ я не могу, другъ. Вотъ ступай въ такомъ то темномъ лѣсу есть старецъ, онъ тебя научитъ». Разбойникъ вынулъ простолѣтъ и этого убилъ, и пошелъ въ темный лѣсъ. Дошелъ до хижинъ. Приходить къ тружельнику въ келейку, палъ на колѣнки, горько заплакалъ: «Дѣдушка, наложи на меня петимію: нѣсколько я душъ погубилъ, вотъ трехъ священниковъ убилъ!» Говоритъ старецъ: «Охъ, другъ, велико надо на тебя эпитимію положить! Не знай сдѣлаешь ли. Вотъ ступай на поляну, тутъ есть стадо черныхъ овецъ, и паси ты ихъ, а когда онѣ будутъ всѣ бѣлы, тогда тебя Господь

во грѣхахъ прѣститъ». Онъ такъ пасъ, что и много время, и приходитъ къ старцу. «Нѣту, дѣдушка, на силу хожу; ни одной бѣлой». Старецъ говоритъ ему: «Еще маненько попаси!» Онъ пасъ тридцать лѣтъ: ужъ чуть можетъ ногу таскать, и вздумалъ себѣ: «Дай схожу въ лѣсъ, пошатаюсь! Пушай овцы тутъ ходять; чай никуды не уйдуть». Взшелъ въ великій оврагъ, и пошелъ по врагу, вышелъ на большу дорогу. На большой дорогѣ извозники лошадей кормятъ (превеличающій обозъ въ ярманку ѣдетъ, везутъ табакъ). Вотъ онъ всѣхъ извозниковъ порубилъ и телѣги пожегъ; взялъ лопату и пепелъ по вѣтру развѣялъ; пошелъ да и говоритъ: «А иди-ка, не ушли ли овцы тѣ?» Пришелъ: овцы всѣ до одной бѣлыя. Горько разбойникъ заплакалъ. «Ахъ, Господи, малость не попасъ, всѣ бы бѣлыя были, и Господь меня во грѣхахъ бы пустилъ; а я больше еще того нагрѣшилъ!» Пошелъ къ старцу; идетъ горько плачетъ. Спрашиваетъ старецъ: «Ты что, другъ, плачешь?» «Какъ не плакать? Я пасъ тридцать лѣтъ, всѣ овцы были черны: напала на меня грусть, пошелъ я въ лѣсъ разгуляться, дошелъ до большаго врагу и пошелъ по врагу; вышелъ на большу дорогу. На дорогѣ обозники лошадей кормятъ, ѣдутъ въ городъ на ярманку, табакъ везутъ. Я обозниковъ всѣхъ порубилъ и табакъ сжигалъ, весь сожегъ, и пепелъ по вѣтру развѣялъ. Прихожу къ овцамъ—овцы всѣ бѣлы»... «А вотъ тебя Господь во грѣхахъ простилъ! Оттого и овцы побѣлѣли, что ты табакъ много сожегъ. Если бы они его въ ярманку привезли, табакъ бы распродали и нѣсколько бы людей осквернили». Тутъ же разбойникъ и умеръ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

д. Одинъ разбойникъ много душъ губилъ. Стоитъ разъ въ лѣсу, возлѣ мерваго тѣла (только что убилъ человѣка), вдругъ ему кто-то и говоритъ: «Брось это! Не хорошее дѣло людей убивать!» Обернулся, смотритъ: пустынный-старичекъ стоитъ. «Да я», говоритъ разбойникъ, — «ничего больше не умѣю дѣлать». «Великій грѣхъ! Спасай свою душу пока время!» говоритъ старичекъ. «Да чѣмъ же я ее спасу?» «На вотъ тебѣ два замочка!» Взялъ и продѣлъ ему по замочку въ уши, а ключи себѣ взялъ. «Походи на горы, бѣлыхъ овецъ тамъ найдешь: паси ихъ. Когда замочки изъ ушей у тебя выпадутъ, тогда, значитъ, ты душу спасъ». Разбойникъ все такъ и

сдѣлалъ: пошелъ на горы, нашелъ тамъ овецъ и сталъ ихъ пасти. О худомъ онъ вовсе забылъ и много лѣтъ пасъ, а замки все въ ухахъ. Вотъ разъ видитъ онъ, что ѣдетъ большой дорогой кулакъ купецъ, и думаетъ себѣ разбойникъ: «А что сколько этотъ купецъ изъ мужиковъ денегъ выжалъ? Всѣ на него жалуются... Рады бы всѣ деревни были, кабы его не было... Хорошо его убить!» Какъ подумалъ, такъ и сдѣлалъ: купца зарѣзалъ, а деньги, которыя съ нимъ были, по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ рѣдалъ. И испугался разбойникъ, что опять старый грѣхъ совершилъ: человѣка убилъ. Глянулъ себѣ подъ ноги, а замочки изъ ушей выпали, на землѣ около него лежатъ. И подошелъ къ нему старичекъ и сказалъ: «Ты не человѣка убилъ, а свой грѣхъ!»

(Записано отъ Исаи Деметрѣевъ, Иванова, с. Новиковка, Самарск. г. Ставро. у.).

100.

Разбойничья голова.

Пустынникъ молился Богу, трудился, и у него сынъ былъ на возрастѣ и съ нимъ трудился. Пришелъ къ этому пустыннику разбойникъ, нѣсколько казны принесъ и развалилъ ее середь полу. Старикъ вышелъ съ сыномъ на дворъ и говоритъ сыну: «Сынокъ, давай разбойника этого удавимъ! Деньги наши будутъ». «Эхъ», говоритъ, — «батюшка, мы тридцать лѣтъ съ тобой трудимся, да это дѣло дѣлать будемъ! Ты перва жени меня». Ну, отецъ женилъ сына, взяли къ себѣ бабу въ домъ; а разбойникъ съ деньгами у нихъ живетъ. Сынъ съ хозяйкой пошли къ своимъ побывать, за ними и катится вслѣдъ разбойничья голова, нагнала и говоритъ: «Молодецъ, айда, куда я тебя поведу!» «Нѣтъ погоди, къ своимъ схожу». «Ты сколько у своихъ пробудешь?» «Три дня». Прошли три дня, идутъ назадъ—голова опять на встрѣчу катится; повстрѣчалась и остановилась. «Ну, пойдемъ теперича со мной!» «Ну пойдемъ!» Простился съ своей хозяйкой; она домой пошла, а онъ за головой пошелъ. Катилась голова лѣсомъ, глухой дорожкой,

докатилась до кельи; взошла въ келью и парень за нею. Въ кельѣ три окна прорублены; голова и говоритъ парню: «Сиди въ кельѣ, я по саду погуляю; только въ эти два окошка не гляди, а въ одно гляди!» Онъ сидитъ и думать: «Почему въ тѣ голова глядѣть не велѣла? Дай погляжу!» Поглядѣлъ на востокъ солнца и увидалъ все царствіе небесно; во второе поглядѣлъ и увидалъ адъ кромѣшный: пискъ, визгъ и отецъ въ котлѣ кипитъ, такъ и мырѣть. Пожалѣвши отца, уцѣпилъ его за бороду, борода въ рукахъ осталась. Прикатилась голова въ келью и говоритъ: «Ну, что, я вѣдь не велѣла глядѣть въ окошки». «Поглядѣлъ», бантъ. «Ну, видѣлъ?» «Все видѣлъ. Укажи мнѣ какъ до отца дойти; я долго здѣсь засидѣлся». «Да», говоритъ голова, — «долго: три года сидишь». «Какъ три года?» «Да такъ, три года время прошло. Вотъ тебѣ дорога, ступай къ отцу!» Онъ приходитъ къ отцу въ келью; отецъ еще живъ, старенькій сталъ, а борода облыняла (нѣтъ). «Эхъ, батюшка, ты видно согрѣшилъ?» «А что?» «Да видно похитилъ разбойника?» «Грѣшенъ», говоритъ, — «положилъ». «Ну, батюшка, уготовлено тебѣ мѣсто».

(Абрамъ Новопольцевъ).

101.

Купецъ и Жидовинъ.

Жилъ былъ нѣкоторый именитый купецъ, и былъ у него одинъ раздѣнный сынъ. Купецъ самъ померъ, и остался этотъ сынъ младый. Имѣнья ему много досталось. Сталъ сынъ возрастать, сталъ торговать, хлѣба покупать. Накупилъ хлѣба множество, погналъ хлѣбъ въ ину землю, поднялась сильная буря, и посуду у него разломилло, и хлѣбъ весь у него потонулъ. Что же дѣлать? Богъ далъ, Богъ и взялъ. Взялъ еще больше казны и опять поѣхалъ, еще больше того накупилъ и опять въ расшину нагрузилъ. Поплылъ въ иную землю; поднялась опять величаящая буря и все потопила. Обратился онъ опять назадъ; прїѣзжаетъ къ матери. Та встрѣчаетъ и горько плачетъ: «Что, сынокъ, знать,

опять на тебя несчастье?» «Да, маменька, весь хлѣбъ потонулъ». «Ну, дѣлать нечего сынокъ: Богъ далъ, Богъ и взялъ. Опять дастъ». Денегъ у нихъ не стало ничего; купецкій сынъ ходитъ невеселый; хочется поторговать, а нечѣмъ. Думалъ, думалъ, пошелъ къ прочимъ именитымъ купцамъ занять денегъ. Купцы денегъ даютъ, только поручительства спрашиваютъ. Онъ человѣкъ молодой, никто за него не поручается. И въ ѳѣтемъ городѣ былъ богатый Жидовинъ и такой милостивый. Купецкій сынъ пришелъ и проситъ у него денегъ взаймы. Жидъ спрашиваетъ его: «А сколько тебѣ нужно?» «Тридцать сребренниковъ». «Ну», говоритъ жидовинъ, — «я тебѣ дамъ. Приведи мнѣ поручителя». Купецкій сынъ и говоритъ: «Я тебѣ принесу въ поручители Спасителя, русскаго Бога (то есть, икону)». Жидокъ говоритъ: «У же тащи поди! Я вашему Богу повѣрю». Купецкій сынъ пошелъ, Спасителявъ образъ принесъ ему. Жидовинъ его къ мѣсту спряталъ и далъ денегъ. Онъ пошелъ, больше того хлѣба накупилъ; нагрузилъ расшиву и поѣхалъ. Приѣхалъ въ иную землю, а тотъ же годъ былъ въ н н о й землѣ неурожай. Хлѣбъ онъ свой пригналъ, весь его распродалъ, барыша нѣсколько взялъ; всѣ убытки назадъ воротилъ; сѣлъ въ легкую лодку одинъ разъединный, казны насыпалъ трехведѣрный боченокъ и поплылъ. Поднялась превеликая буря, повесла его съ деньгами по Волгѣ и унесла не знай куды. Онъ видитъ дѣло плохо: лодка тонетъ; взялъ перекрестился и съ родными распротился. Беретъ въ руки боченокъ съ деньгами и пустилъ его въ воду, и говоритъ: «Спаситель міра, переправь мои деньги богатому Жидовину!» И понесло боченокъ Богъ знаетъ куды, а купецкаго сына занесло въ тростникъ, какъ въ темный лѣсъ, и вынесло на бережокъ, Богъ знаетъ гдѣ. Лодку онъ бросилъ, самъ домой пѣшкомъ пошелъ. Денегъ нѣтъ ни гроша, пдетъ по міру сбвзреть. Приходитъ домой, къ матери. Мать его встрѣчаетъ, горько плачетъ, что его три года не было. Онъ ей сказывать про свое похождение, что съ нимъ было. «Что же дѣлать?» говоритъ мать, — «это Божье насланіе! Иди къ богатому Ж и д о в и н ѣ, проси, можетъ быть онъ подождетъ». Онъ приходитъ къ нему, палъ на колѣни. Слезно плачетъ, чтобы онъ на немъ деньги подождалъ. Все ему разказалъ, куда онъ деньги дѣлъ; а богатый жидовинъ ему сказываетъ: «Нѣту», говоритъ, — «я деньги твои получилъ: русскій

Богъ мнѣ твой принесъ». «Какъ онъ тебѣ принесъ?» «Помежь я на море, на мостки, гдѣ пристань у меня, смотрю: у мостокъ боченокъ, на боченкѣ подписъ, что деньги такого-то вотъ купецкаго сына, что онъ опустилъ ихъ въ море и сказалъ: «Спаситель міра, возьми деньги на свои руки и представь богатому Жидовинѣ». Я деньги изъ боченка получилъ и денегъ было множество». Жидовинъ только отсчиталъ свои тридцать сребреницъ (а всѣхъ денегъ было девяносто сребрениковъ), остальные купецкому сыну отдалъ, и говоритъ: «Праведный вашъ русскій Богъ, Спаситель!» Жидъ былъ некрещенный и говоритъ купецкому сыну: «Веди меня къ священнику, крести меня: я въ вашу вѣру пойду!» Онъ повелъ его и окрестилъ. Какъ окрестился Жидовинъ, такъ и сталъ помирать. И померъ жидокъ, имѣнье все купецкому сыну отказалъ. Купецкій сынъ сталъ въ жидковомъ дому жить и такъ разбогатѣлъ, что лучше всѣхъ купцовъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

102.

Злая сноха.

Жилъ купецъ. У него сынъ былъ да дочь; дочь не отдана и сынъ холостой. Онъ помиралъ и имъ наказывалъ: «Ну, сынокъ да дочка, другъ дружки слушайтесь!» Оставилъ онъ имъ двѣ лавки съ краснымъ товаромъ; въ одной лавкѣ сидѣлъ братъ, въ другой—сестра. Вотъ братъ, спросясь сестры, пошелъ въ лавочку и нанялъ приказчика въ ея лавку (у нихъ убираться дома не кому было). Пришла нищенка милостинку просить, онъ ей не подаль и глядитъ на нее. «Кто, говорить, ты такая?» «Нищенская дочь». Она перекрестилась, онъ и увидѣлъ хорошій больно перстень. «Ты дѣвушка?» «Дѣвушка». «Я хочу на тебѣ обрѣчься». «Вы», говорить,—«купецъ, а я бѣдный человѣкъ». «Это ничего, что ты бѣдный человѣкъ: я тебя обряжу; у меня одежда есть», говорить. Она ему перстень подала, а онъ ей въ двадцать-пять рублей платочекъ. Вечеромъ приходитъ къ сестрѣ и говорить: «Видѣлъ я,

сестра, дѣвицу, больно понравилась: увидалъ на ней перстень больно хорошъ! «Хочу обручиться». «Ну, братецъ, когда хочешь жениться, такъ ты мнѣ верхній этажъ оправь: вмѣстѣ съ женой твоей и жить не буду». Онъ оправилъ ей домъ, верхній двуетажъ и сталъ жениться. Обвѣнчался, зажилъ, а на верхнемъ двуетажѣ онъ все съ сестрой совѣтовался; напьется съ ней на верху чайку, потомъ къ женѣ сойдетъ. Потомъ время прошло, жена забрюхатѣла и родила, и взялъ онъ въ кумовья шабра, а въ кумы родную сестру, и стала жена на него сѣтовать, что онъ съ ней живетъ.

Пришелъ вечеръ, плачетъ она не дурумъ: не зашелъ онъ къ ней, а прямо къ сестрѣ, чайку испилъ, посовѣтовался, потомъ къ женѣ сошелъ. «Вотъ, мужъ, ты бавишь, что съ сестрой не живешь, а она на мнѣ платье разорвала, приходила, разбила». На другой день пошелъ въ лавку торговать; вечеромъ дождь идетъ, а жена по мертвому плачетъ. Зашелъ къ сестрѣ, она ему говоритъ: «Что-то жена плачетъ, да келовко». Онъ сошелъ. «Вотъ», говорить жена,—«ты и не вѣришь, а она пришла да младенца и зарѣзала!» «Гдѣ онъ лежитъ?» «Подъ порогомъ». «Ну, дѣлать нечего». Навали плотниковъ, сдѣлали гробокъ и схоронили. На третій день пришелъ въ лавку и приходитъ вечеръ. «Ну», говорить,—«мужъ, если хочешь меня живой видѣть, такъ со мной живи, а не хочешь, такъ я удавлюсь. Рѣши сестру—буду съ тобой жить».

Былъ у нихъ работникъ; вотъ онъ и велитъ работнику закладывать лошадь, ѣхать съ сестрой въ городъ. «Проѣдемъ», говорить,—«дѣсомъ, дубъ посмотримъ для гробовъ, надо разрѣзать». (А у самаго на мысляхъ сгубить ее около дуба). Приѣхали къ дубу; онъ смѣрлялъ два раза. Слѣзла сестра, смѣрляла во сколько обхватовъ. «Работникъ, давай топоръ!» Сестра обняла дубъ да и обмерла; а онъ ей по локти руки обрубилъ. Сѣли на сани и уѣхали, а она у дуба осталась; налилъ изъ ея рукъ цѣлый колодезь крови. Опомнилась она черезъ малое время и пошла куда глаза глядятъ. Подошла она къ морю и стала просить Бога, чтобъ онъ ей лодочку далъ. Вотъ Господи создалъ ей лодочку. Посередѣ моря—садъ царскій и дворецъ: царь тутъ живетъ самъ. Переѣхала она въ садъ на этой лодкѣ (ее Господь перенесъ), и ходитъ солдатъ-караульщикъ по саду, яблоки караулить. Ходила она по саду и

не нашла она лучше одной яблони. «Господи», говорить,— «кабыэтотъ яблочекъ отпалъ, я бы наклонилась да съѣла. Вѣтромъ отшибло его. Она его закусилла и въ пазуху положила; ходить безрукая по саду. Солдаты проснулись, видятъ: яблока нѣтъ; приходятъ къ царю и говорятъ: «У меня съ этой яблони яблоко украли». «Я съ тебя», говорить царь, — «голову снму! Строже караулы!» Вышелъ солдатъ караулить и самъ себѣ думаетъ: «Найти бы мнѣ такого вора, я бы его прямо къ царю». Ходилъ солдатъ, ходилъ и легъ въ шалашикъ спать. Дѣвушка подошла къ нему и говорить: «Солдаты, спишь?» «Сплю». «Веди меня, вора, къ царю: я украла». Солдаты радъ, ведетъ къ царю. «Ваше величество, вотъ я вора привезъ!» Поглядѣлъ царь на дѣву, она ему показала сь только безъ рукъ жалко. Съ солдата царь голову снялъ. «Къ чему», говорить,— «ты яблоко не укараулил? Воръ самъ къ тебѣ пришелъ». А у этого царя сынъ былъ на войсковой. Приѣхалъ сынъ съ войсковой. «Здравствуй», говорить,— «тятенька!» «Сыночекъ, мы вора нашли, не вздумать, не взгадать, ни перомъ описать, только рукъ у дѣвки нѣтъ». Няньки и мамки за ней ходятъ. «Дайте», говорить,— «тятенька, я ее погляжу». Посмотрѣлъ — показала сь. «Я», говорить.— «на ней обвиняюсь!» Отъ лица ея, какъ отъ солнышка сіяетъ. Царь говорить: «Какая-нибудь бродяга, а ты возьмешь! Неужто не найдется другой?» Сынъ два дни не говорилъ съ отцемъ и матерью: жениться хочетъ. Отецъ съ матерью одумались и говорятъ: «Благословляемъ, Богъ съ тобой!» Онъ жилъ съ ней много ли, мало ли, и потребовали сына въ тотъ городъ, гдѣ она жила, и царская семья съѣзжалась въ самый этотъ домъ, гдѣ братъ ея живетъ. Безъ него жена родила сына, на затылкѣ—звѣзда и на спинѣ—звѣзда; въ царской семьѣ рожденъ отъ сына отрогъ. «Если, папаша», говорить,— «моя жена родить, такъ напишите въ городъ чего родить.» Она родила, и отецъ ему написалъ. Письмо его попало брату со снохой и братъ прочелъ. «Надо думать, сестра пишетъ безрука. Напишемъ, жена, къ царю, что засмолить ее въ бочку и пустить по морю». И послалъ; а царскій сынъ не знатъ. Получилъ царь и говорить женѣ сына: «Вотъ что—тебя велатъ въ бочку засмолить». «Чѣмъ», говорить,— «меня засмаливать, пустите меня на волю и привяжите сына за плечи». Вышла она въ садъ и закушенное яблоко ребенку отдала; подошла къ морю и опять

стала просить: «Господи, кабы создалъ лодочку, я бы переѣхала!» Переѣхала, идетъ по бережку. Одежа на ней хороша; повстрѣчалъ ее Рахъ разбойникъ и ребенокъ ей рѣчь читъ: «Отдай, мама, ему хорошу-то одѣжу, а дурную возьми, а то онъ насъ убьетъ». Она и говоритъ: «На», говоритъ, — «тебѣ хорошу одѣжу, а плохую дай!» Она надѣла его плохую одѣжу, а онъ — хорошу. Отворотилъ у него Богъ глаза и не видалъ онъ куда они пошли.

Идутъ лѣсомъ и подходятъ къ дубу, гдѣ руки отрубили, и тутъ бѣлѣдчикъ съ водой. Легли они отдохнуть; ребенокъ играть, она уснула. Подходить къ нимъ въ сновидѣніи Николай угодникъ. «Мальчикъ, приставь матери лѣву руку, помочи водой — она пристанетъ!» Онъ помочилъ водой, приставилъ, она и пристала; а правую она сама приставила. Обрадовалась, пошла въ городъ и приходитъ къ лавкѣ братниной, милостыню просить. Братъ не узналъ, далъ три монеты, а на мальчика шапку надѣлъ «Господицъ, пустите ночевать!» «У меня», говоритъ, — «вонъ хорошій домъ есть, только у меня царская фамилія, да комната есть особая пускай». Подходить къ дому; братнина жена гонитъ ее: «Куда ты? У насъ царь». Братъ кричитъ женѣ: «Пусти нищенку, я ей подалъ». Пустили на квартирѣ и дали ей особу комнату. Приѣзжаетъ сынъ царевъ съ войскою и сталъ съ ея братомъ чайничать по дружески и жена тоже. Мальчикъ въ комнатѣ баловалъ, да и уронилъ яблочко; оно и покатилося по полу. «Что это?» говоритъ царскій сынъ, — «яблоко будто не изъ твоихъ садовъ?» Мальчикъ вбѣжалъ и убѣгъ назадъ съ яблокомъ. Во вторые выкатилъ, вышелъ, снялъ шапку, и царевъ сынъ увидалъ двѣ звѣзды, взялъ его на колѣнки. «Ты чьего роду?» «Я», говоритъ, царской сынъ!» У брата съ женой чашки изъ рукъ выпали. Царева сына жена вышла и говоритъ мужу: «Ты меня безъ рукъ бралъ?» «Безъ рукъ». «У меня сейчасъ руки стали». «А гдѣ ты ихъ взяла?» «Гдѣ! Братъ отрубилъ». «Гдѣ отрубилъ?» «У дуба». «Какъ ты сюда угодила?» «Я угодила такъ: вы писали, чтобъ меня въ бочку засмолить съ сыномъ». «Я отъ отца письмо не получалъ и самъ тебѣ обратно не посылалъ». Онъ взялъ вынулъ саблю и съ снохи голову снялъ, а брата съ собой взялъ, въ свое царство.

(Записано отъ Василья Авдѣева).

103.

Старикъ и царская дочь.

Шелъ улицей парень съ своей молодой хозяйкой; на встрѣчу имъ старикъ: «Гдѣ, добрый молодецъ, ты такую красавицу взялъ?» «Господь далъ, дѣдушка». «Можетъ ли быть? Дай-ка я помолюсь, дастъ ли?» «Дастъ и тебѣ». Старикъ годъ круглый Богу молился и просилъ Бога, и задумалъ у царя дочь сватать. Предъ является къ царю и подходитъ къ царскимъ вратамъ, и просится въ палаты. Часовые доложили; царь велѣлъ старику взойти. Палъ старикъ передъ царемъ на колѣнки. «Ты что, старичекъ?» «До васъ, царское величество!» «Что ты?» «Да вотъ, слышавъ про вашу дочку, сватать пришелъ. Отдадите ли нѣтъ?» «У меня не одна, а три дочери; я ихъ замужъ не посылаю и волю съ нихъ не сымаю. Ступай къ нимъ, въ отхожія комнаты!» Старикъ приходитъ. Царевна, большая сестра, говоритъ: «Что ты къ намъ взомель?» «Да вотъ сватать васъ пришелъ, пойдете ли нѣтъ?» «Подумаю», говоритъ;—«вы немножко выйдите, въ прихожую». Ну, онъ вышелъ, постоялъ. Опять его требуютъ. «Ну что, царевна?» «Да, я намѣрена за тебя идти». «Какъ же?» говоритъ. «Только ты отсрочки дай съ добромъ собраться». «А сколько?» «На три года». «Это долго, царевна. Я до той поры умру. Нѣтъ, по нашему такъ: либо нынче, либо завтра свадьбу». Нѣтъ, отсрочку надо, хоть два года». «Нѣтъ». «Ну хоть на годъ!» (Подается царевна) «Нѣтъ, на три недѣли у насъ, крестьянъ, дается». Ну, согласилась царевна. «Я за тебя, старинушка, просто не пойду: найди мнѣ магнитъ-камень, принеси, тогда пойду». Старикъ отвѣчаетъ: «Я не то что принести, а съ роду родовъ не видалъ». «Ну, а безъ него за тебя не пойду». «Ну, прощайте на время» говоритъ старикъ и вышелъ изъ дворца. Вышелъ въ чистое поле, стоитъ и поворачивается на всѣ четыре стороны. «Ахъ», говоритъ,—«Господи даетъ мнѣ царевну, а гдѣ я магнитъ-камень найду?» Думалъ, думалъ и увидѣлъ въ одной сторонѣ темный лѣсъ и пошелъ въ него. Шелъ далеко и въ лѣсу келейка стоитъ. Онъ взомель въ нее и сидитъ себѣ и думаетъ: «Гдѣ я магнитъ-камень найду?» А въ избѣнкѣ никого нѣтъ, толь-

ко рукомойникъ висить и отвѣчаетъ человѣческимъ голосомъ: «Эхъ, старикъ, выпусти меня: я тебѣ магнитъ-камень принесу!» «Ты кто таковъ?» «Я—чортъ». «Гдѣ же ты сидишь?» «Въ рукомойникѣ. Выпусти!» Онъ его выпустилъ. Чортъ разлетался съ гуся большого и улетѣлъ; принесъ ему магнитъ-камень и летаетъ большой. «Какъ же ты теперь большой, а въ рукомойникѣ сидѣлъ? Вѣдь не пролѣзешь теперь въ него?» «Да, дѣдушка, я вѣдь маленькимъ и какинъ хошь сдѣлаюсь». Сдѣлался воробьемъ. «Ну, теперь хоша ты и пролѣзешь, а какъ же ты въ дудочку-то пролѣзешь?» «Да я мушкой сдѣлаюсь, старинушка». «Ну-ка!» Сдѣлался чортъ мушкой и полѣзъ туда. Влѣзъ; старикъ его тамъ опять и зааминилъ, взялъ магнитъ и пошелъ къ царевнѣ. Принесъ и говорить: «Вотъ, царевна!» «Ну, собирайся вѣнчаться!» «Нѣтъ», говорить,—«царевна, у насъ вотъ случай какой вышелъ: парень Господу молился, и ему онъ жену красавицу далъ; а я молился годъ круглый, да мнѣ куды жениться? Мнѣ семьдесятъ лѣтъ. Я только Господа и с п о в ѣ д а л ъ. Прощай!»

(Абрамъ Новопольцевъ).

104.

Правда на морѣ не тонетъ.

Жили три брата, раздѣлились. Большой братъ померъ, послѣ его остался на возрастѣ сынъ. Сидѣли они въ лавочкѣ; сталъ онъ глупостями заниматься: по дѣвкамъ похаживать. Дядя на корабляхъ въ море торговать ѣздили; сноха и говорить имъ: «Возьмите племянника, что онъ безъ дѣла шатается». Тѣ взяли и выѣхали въ море. Только ѣхали, ѣхали и заспорили. Племянникъ говорить, что правда и на морѣ не тонетъ, и въ огнѣ не горитъ, а дядя говорить, что кривдой жить лучше. Видятъ: по берегу попъ идетъ (а это чортъ имъ переодѣлся); спросили попа: «Чѣмъ лучше жить:

правдой или кривдой?» Тотъ и говоритъ: «Правдой хорошо, а кривдой вдвое лучше того». «Вотъ видишь», говорятъ дядя; а племянникъ все свое говоритъ: «Нѣтъ, правда на морѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ!» Они взяли да и столонули его въ море, а сами поѣхали.

Приѣхали въ царство, выпалили изъ пушки, а племянникъ все за ними плыль (за брусъ уцѣпился); вышелъ на берегъ вмѣстѣ съ ними и говоритъ: «Что, неправду я говорилъ, что правдой лучше жить, что она на морѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ?» Царь дозволилъ имъ торговать на условіи, чтобы они читали псалтырь надъ его умершей дочерью, въ церкви, по ночамъ. А она была проклятая, и каждую ночь отецъ ей по человѣку посылалъ. Вотъ стали братья метать жеребій: выпало племяннику идти. Онъ пошелъ. По дорогѣ попадаетъ ему старичекъ. «Ты», говоритъ, — вотъ что: возьми, я тебѣ дамъ двѣнадцать шариковъ; войдешь въ церковь, очерти вокругъ себя три раза кругъ, стань въ него, а когда она изъ-подъ плиты подымется, бросай ей по шарiku». Онъ такъ и сдѣлалъ. Пришелъ, очертилъ круги, сталъ. Поднялась покойница изъ гроба и закричала: «Ахъ, батюшка, посылалъ ты мнѣ все старыхъ да скверныхъ, а теперь прислалъ молодого, хорошаго! Вотъ я его сейчасъ съѣмъ!» Только что стала подходить, съѣсть хотѣла — онъ и кинулъ ей первый шарикъ. Она имъ занялась, катала, катала; онъ другой кинулъ. Подошла полуночь, кочетья вскриковали — опять она подъ плиту провалилась, а онъ сталъ читать. Пришли царскіе слуги провѣдать живъ ли; слышатъ — онъ читаетъ. На другой вечеръ досталось большому дядѣ. «Племянничекъ, сходи», говоритъ, — «я тебѣ корабль отдамъ!» «Я и такъ, дяденька, схожу». Пришелъ въ церковь, очертилъ круги, сталъ. Поднялась покойница изъ гроба и закричала: «Вотъ я тебя сейчасъ съѣмъ!». Только стала подходить, онъ ей шарикъ и кинулъ. Она занялась, катала, катала — онъ еще кинулъ. Подошла полночь, кочетья вскриковали, она подъ плиту опять провалилась, а онъ сталъ читать. Пришли царскіе слуги провѣдать, глядятъ: онъ читаетъ, здоровый и ничѣмъ невредимый.

Пришлось на третью ночь меньшому дядѣ; онъ и говоритъ: «Племянничекъ, ночуй за меня! Я тебѣ корабль отдамъ». «Мнѣ ничего не надо, дяденька, я и такъ схожу». Пошелъ и встрѣтилъ

опять старика. «Ну», говоритъ старикъ, — «теперь шарики брось, и какъ только она выйдетъ да кинется къ тебѣ, лови ее за руку, да въ кругъ». Пошелъ онъ и причастился; вошелъ въ церковь, сталъ читать. Поднялась покойница изъ подъ плиты и кричитъ: «А», говоритъ, — «негодный, я тебя съѣмъ!» Только она вышла, да подбѣжала къ нему, онъ ее хватъ за руку и давай отчитывать. Утромъ приходятъ смотреть: они оба молятся. Царь обрадовался и говоритъ племяннику: «Ну кто умѣлъ мою дочь отчитать, умѣй и за мужъ взять!» И повѣнчали ихъ. Дядя поѣхали домой. «Дяденьки, говоритъ, предоставьте мою мать сюда!» Тѣ привезли ее.

Было у него отъ царя и царство, и войско, и все. Безъ отца скучно ему стало, а гдѣ его сыскать? Сталъ онъ подыскивать себѣ старичка. Нашелъ одного и говоритъ: «Будь мнѣ замѣсто отца!» Сѣлъ, да давай при немъ ножомъ по столу стучать. Тотъ молчитъ. «Нѣтъ», говоритъ царскій сынъ, — «я вижу ты мнѣ не можешь быть отцемъ; мнѣ другого надо». Нашелъ другого старичка и говоритъ ему: «Будь мнѣ замѣсто роднаго отца, чтобы я тебя почитать могъ!» Взялъ какъ то при немъ ножъ и давай по столу постукивать. Тотъ увидалъ да и говоритъ: «Развѣ ты не знаешь, что ножомъ по столу стучать великій грѣхъ? Брось!» Тотъ бросилъ, да и говоритъ: «Вотъ это мнѣ настоящий отецъ».

Пошелъ разъ онъ съ женой по саду разгуляться, видитъ — на встрѣчу знакомый старичекъ идетъ, тотъ самый что ему шарики давалъ. «Здравствуй, говоритъ, ну давай теперь жену пополамъ съ тобой дѣлить!» «Какъ пополамъ?» «Да такъ», говоритъ, — «вѣдь я тебѣ помогалъ ее доставать. Возьми за одну руку, а я за другую, раздѣлимъ надвое». Тотъ заплакалъ: жаль ему съ женой разставаться было, да дѣлать нечего. Взялъ онъ ее за одну руку, а старикъ за другую и разорвали царевну на двѣ части. Старикъ взялъ перемышль у ней все, а въ ней всякій гадъ былъ; сложилъ и дунулъ разъ. Стала царевна совсѣмъ мертвая. Дунулъ въ другой разъ — она и встала, какъ есть живая. «Ну, вотъ теперь», говоритъ старикъ, — «ты можешь на ней жениться, сынъ мой: теперь она въ настоящемъ видѣ, а до этого въ ней гаду много было и всякой нечисти». Послѣ этого зажилъ онъ съ женой опять и сталъ по прежнему царствовать, а старичекъ тутъ же изъ виду пропалъ. Ста-

ричекъ этотъ былъ самъ Господь; онъ его и спасалъ отъ дьявольской силы. И я тамъ былъ, медъ пиво пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Записано въ Симбирскѣ).

105.

Дорогой подожокъ.

Жилъ былъ старикъ со старухой; у нихъ былъ раздѣдинный сынъ, и была у него собака страшная, большая, и каждый разъ онъ ее съ собой бралъ и такой казны домой натаскалъ, что и дѣвать нѣкуда. Отецъ съ матерью его ругаютъ, на разбой не пускаютъ, а онъ ихъ не слушаетъ, все ходитъ. Вотъ пришлось такое время, на канунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья; люди пошли ко всепошной, а онъ добрый молодецъ — на разбой, и взялъ собачку да подожокъ и вострый ножъ; взялъ коровой бѣлаго хлѣба, полштофчикъ винца, да часть человѣчьяго варенаго мяса и пошелъ на большую дорогу. Вотъ онъ перву встрѣчу не пропускалъ хоть за деньги, хоть безъ денегъ, и убивалъ. Одинъ добрый молодецъ работалъ на чужой сторонѣ, недолго работалъ: годъ цѣлый прохворалъ и идетъ, чуть ноги тащить. Встрѣчаетъ его разбойникъ «Стои! Я тебя зарѣжу!» «Что ты меня зарѣжешь? У меня нѣтъ ни копейки». «Ну, да ты первая встрѣча: безъ денегъ убью! Давай-ка вотъ сядемъ да разговѣмся». Разстилаетъ полотенце, вынимаетъ ковригу бѣлаго хлѣба, полуштофъ водки и жареную часть человѣчьяго мяса; сѣлъ да на тарелочку порѣзываетъ. «Садись-ка, поѣдимъ!» Дѣлать нечего, молодецъ сѣлъ. Вотъ разбойникъ наливаетъ стаканъ водки, наливаетъ и самъ выпиваетъ, и молодцу подаетъ. Выпили по стаканчику, да по другому наливали и пирожка закусили. Молодецъ и говоритъ: «Все-то мнѣ равно умирать; налей-ка третій». Вотъ онъ третій-то выпилъ, да и говоритъ: «Вѣдь у меня денегъ нѣтъ ни гроша». Вынимаетъ разбойникъ вострый ножъ и начинаетъ рѣзать часть жаренаго мяса; рѣжетъ да поѣды в а т ь, а добрый молодецъ хмѣльный сталъ, себѣ думаетъ: «Страшенъ сонъ да милосливъ Богъ!»

Разбойникъ взялъ ножъ и воткнулъ въ кусокъ мяса, понесъ себѣ въ ротъ; добрый молодецъ въ руку то его тыкъ, онъ тутъ и хныкъ, и свалился какъ осиновый снопъ. Собака хвостомъ завертѣла и домой полетѣла; прибѣжала и лежитъ, а добрый молодецъ взялъ его подошокъ и за ней бѣжить. Приходить въ селенье. Старикъ со старухой на краю живутъ въ окошечко у нихъ огонекъ свѣтитъ. Онъ молитву сотворилъ, сказалъ: «Пустите, Христа ради, ночевать!» Вотъ старикъ съ старухой обрадовались и ночевать пустили. Пришелъ молодецъ, помолился и имъ поклонился, а подошокъ подъ лавочку положилъ. Старуха старику и говоритъ: «Старикъ, посмотри-ка — вѣдь нашего сына подошокъ!» Старикъ подошелъ да посмотрѣлъ. «Охъ да, старуха, самый онъ!» А молодецъ на печкѣ лежитъ, крѣпко уснулъ. Старуха говоритъ: «А слава ти Господи, не порази ли его Господь?» Вотъ старикъ говоритъ: «А надо, старуха, его разбудить да и спросить гдѣ онъ былъ, куды идетъ». Вотъ они его ото сна разбудили, спрашиваютъ: «Не видалъ ли кого?». «Видѣлъ я добраго молодца и такъ страсти отъ него на и м ѣ л с я, а таки все въ руки не дался». «А дѣ ты этотъ подошокъ, сынокъ, взялъ?» «А вотъ я мужика убилъ, все равно что бѣрдннскаго быка, и взялъ по дорогѣ». Старикъ говоритъ: «Это распутный нашъ сынъ. Какъ тебѣ Господь помогъ?» Разказалъ имъ молодецъ: «Да вотъ такъ невчѣяннo попалъ, выпилъ стаканъ водки и его поималъ и прикончилъ». Старикъ со старухой больно обрадовались, молиться Богу собирались. Затешили свѣчу воскуривую, молятся Богу со слезами и говсрятъ: «А вотъ спасибо, добрый молодецъ, что его сгубилъ; не хочешь ли, молодецъ, золоту его казну взять, а намъ старикамъ ее некуда». Открыли конничекъ — полнѣхонекъ казны. Поглядѣлъ, поглядѣлъ молодецъ, плюнулъ да прочь пошелъ, подошокъ взялъ да ушелъ домой. Подошокъ-отъ былъ хорошъ: въ немъ было нѣсколько казны, въ середокѣ была дырочка (полну разбойникъ ее золота насовалъ, а сверху то дырочку пробочкой заткнулъ). Вотъ добрый молодецъ подошокъ изломалъ и казну себѣ взялъ и сталъ жить да быть, и сталъ богѣть и топерь такой богатый и! и! и!

(Абрамъ Новопольцевъ).

106.

Дѣвка и разбойники.

Жилъ былъ мужикъ съ женой и дочерью; нужды не имѣлъ: казны были бочки золота. Слѣдили разбойники нѣсколько лѣтъ, какъ бы у него казну выгрузить.

Выѣхалъ разъ мужикъ на базаръ и увидѣлъ своѣго брата изъ другой деревни. «Здорово, братъ Антонъ!» «Здравствуй, братъ Яковъ!» «Что же ты, братъ Антонъ, ко мнѣ въ праздникъ не заѣдешь?» «Ахъ, братецъ, на кого я домъ брошу?» «У тебѣ дочь на возрастѣ, можетъ посидѣть, подругъ скричать». «Хорошо, подумаю». «Пріѣзжай!» «Моремъ пріѣду». Разошлись. Антонъ пріѣхалъ домой, сказалъ женѣ: «Яковъ насъ къ празднику зоветъ». А разбойникъ подъ окномъ все слышалъ. «Что же, съѣздимъ, посмотримъ». Пришелъ Покровъ, стали собираться, а разбойники все выглядывали. Дочь ихъ проводила, а сама подругъ вскричала. Въ это время разбойникъ вошелъ въ избу и на печкѣ шабровъ мальчишка лежалъ. Онъ увидалъ и испугался, а разбойникъ его испугался, что закричитъ. «Не бойся, мальчикъ, на вотъ тебѣ пряникъ, не говори, что я былъ въ избѣ! Я залѣзу въ подполье; если чего онѣ уронять, лаять не вели!» Разбойникъ залѣзъ и закрылъ самъ себя, какъ и было. Дѣвка убрала скотину, приходитъ въ домъ. Собрались подруги, вздули огонь, свѣчу зажгли и стали дѣло дѣлать: котора шьетъ, котора вязетъ. Одна шила и стала баловать: махнула рукой, у ней наперстокъ съ пальца подъ полъ и упалъ. «Подруженька, слазай!» «Да, полѣзу я за чужимъ наперсткомъ!» Довелось хозяйкѣ лѣзть. Зажгла она свѣчку, открываетъ подполье, а мальчикъ и говоритъ: «Не лаяй въ подполье: залѣзла казарка (красная козявка) въ казенку!» Она не поняла и полѣзла, и нашла наперстокъ. Оборотилась назадъ со свѣчкой и увидала человѣка съ ножомъ. «Ахъ, дѣвушки, тащите меня! Мнѣ въ бокъ вступило!» Вытащили ее. «Давайте уживать!» Стала собирать, а сама стонетъ. Поужинали, стала постель стлать на полу и подругъ укладываетъ. Погадѣли, легли. Слышитъ дѣвка, что всѣ уснули; тихимъ манеромъ поднялась и ушла въ чуланъ, вынула воды изъ печи, обмылась и на-

радилась какъ на смерть; вынула себѣ пашку и копье и встала за печь. Черезъ нѣсколько время слышитъ разбойникъ, что тихо, сталъ приподымать затворъ и вылѣзъ оттуда. Вздулъ разбойникъ огня, зажегъ свѣчку (отъ ней синій огонь), обвелъ ей кругомъ дѣвокъ, вынулъ бумажку изъ кармана, развернулъ ее. Въ ней были короткія булавки; онъ каждой дѣвкѣ давай ихъ въ пятки втыкать по самую головку. Видитъ, что крѣпко спать—пошелъ на крыльцо, товарищей кричатъ. Товарищи не слышать. Подошелъ къ воротамъ, отперъ за в а л ъ (поперѣчну жердь), полѣзъ на по- вѣтъ ихъ кричать; а дѣвка за нимъ слѣдила. Кричать ему шибко нельзя было, онъ свисталъ. Все не слышать. Перелѣзъ назадъ, спустился. Дѣвка заперла ворота, взошла въ домъ и разбудила дѣвокъ, потолкала ихъ въ окно, домой, отворила настежъ среднее окно, поставила передъ нимъ стулъ и сѣла на него. Въ правую руку взяла пашку, а въ лѣвую копье, и ждетъ. Я в л я ю т с я три тройки, прямо къ воротамъ. Самый же этотъ разбойникъ т о р к ѣ въ ворота — заперты. Товарищи надъ нимъ засмѣялись, что хвастался; поворотили было мимо окна, видятъ — отворено. «Стой! Это обманъ!» Разбойникъ одинъ махнулъ прямо въ окно. Дѣвка развернулася, ударила пашкой; т у л о в о н ѣ землю упало, голова—въ избу. За нимъ—другой. И этого поперекъ пересѣкла. Третій махнулъ, она не поспѣла пашкой ударить, копьемъ ударила, и глазъ на копьѣ вытащила. «Нѣтъ, братцы, здѣсь нечего дѣлать! Она всѣхъ насъ порубить. Поѣдемъ къ отцу къ матери и усватаемъ ее за этого криваго!» Поворотили и поѣхали въ то село, гдѣ ея родители гуляли. Разыскали, взяли водки и давай обоимъ до пьяна пить, и давай въ пьяномъ видѣ сватать. Отецъ съ матерью согласились отдать за криваго к у п ц а. Усватали. Утромъ оттуда они (отецъ и мать)—на базаръ; накупили всего что надо, приѣхали домой и говорятъ: «Ну, дочка, мы тебя за криваго купца просватали». Дочь узнала за кого и думаетъ: «Ну, должно за грѣхъ такая мнѣ судьба, что двѣ души погубила». Дождались уговорнаго дня свадьбы; вечеромъ разбойники въ шабры приѣхали. Мужикъ сготовился къ свадьбѣ; дѣвишникъ велѣли дѣлать. Ведутъ свадьбу какъ надо. Утромъ у х р е с ѣ я н и н а отстоловали, дождались благословенья, посадили неvěсту и повезли къ вѣнцу. Ихъ обвѣнчали. Приѣхали т у д а и дѣло дѣлаютъ порядкомъ. Посадили

молодыхъ за столъ и налили имъ супу съ человѣчьими руками и ногами; заставляютъ молодую ѣсть. «И тебѣ», говорятъ, — «это же будетъ!» Когда овца попала въ волчьи зубы, ѣсть некогда ей; она и не пробовала ничего. Повели на подклѣтъ и наказываютъ кривому разбойнику: «Смотри, Гришка, не гады! Это у насъ будетъ на мѣсто поросенка!» Положили ихъ; она стала просить: «Милый, ты мнѣ законъ теперь, кто бы ты ни былъ все равно! Пусти меня отъ себя: я умру не отъ законскихъ рукъ, а отъ разбойничьихъ». Кривому жалъ стало такую красоту; сталъ, не въ большое окно досталъ съ двора веревку и привязалъ ее поперекъ, и пустилъ въ лѣсъ. Она развязалась и побѣжала глухими дорогами. Лѣсъ былъ ей знакомъ; выбѣжала она на большую поляну; на ней стояла огромная липа съ дупломъ. Она на липу вскарабкалась и спустилась въ дупло. Пришли разбойники съ ножами на подклѣтъ. «Офонька, гдѣ твоя жена?» Тотъ вскочилъ. «Сейчасъ здѣсь была! Я заснулъ!» «Давайте», кричатъ, — «лошадей! Спускайте собакъ! Мы по слѣду ее догонимъ!» Осѣдлали коней и собакъ спустили. Тѣ къ липѣ привели прямо. Собаки стали лаять, а разбойники давай копыями пробивать дупло. Иныя копыя доставали до тѣла, но она охмыстывала копыѣ платкомъ и липа затягала его и знаку не давала. Избили всю липу, ничего не нашли. «Нѣтъ тутъ! Дальше убѣжала! А тутъ видно звѣрь какой проскочилъ». Поѣхали отъ липы, собаку впередъ пустили. Напали они на медвѣжій слѣдъ и повели вдоль лѣсу. Въ это время дѣвка выѣзла изъ дупла и выбѣгла на большу дорогу. По дорогѣ ѣхалъ бондарь съ бочатами. Она стала его просить: «Дяденька, посади меня въ боченокъ, пока разбойники далеко ѣдутъ, чтобъ ихъ мои глаза не видали!» Бондарь выставилъ дно и посадилъ ее въ бочку; потомъ всталъ, вилъ дно, надѣлъ обручи и привязалъ веревкой. Выѣзжаютъ изъ лѣсу разбойники. «Эй, дѣдъ, стой!» Онъ сталъ ихъ просить. «Что мнѣ, братцы, стоять?» «Не проходила ли тутъ дѣвка?» «Никого, братцы, не видалъ». «Врешь, старый хрѣнь! Въ бочкахъ нѣтъ ли?» Кривой не пьяный былъ, подѣхалъ, цапнулъ за этотъ самый боченокъ, гдѣ жена, и покатилъ ее подъ горею, будто нѣтъ ничего. Развалили весь возъ, не нашли. «Собирай, старый хрѣнь! Твое счастье, что никого нѣтъ!» Сталъ онъ собирать, покатилъ ее, она

и говорить ему: «Какъ изъ лѣсу выйдешь, мнѣ скажи!» Старикъ увязалъ возъ и поѣхалъ. Какъ выѣхалъ изъ лѣсу, такъ и ей сказалъ. «Ну, выпусти меня топеря». Старикъ выпустилъ, и повела она задней дорогой, къ своему дому. Въ которомъ боченгѣ сидѣла, тотъ насыпала полонъ золота. «Вотъ тебѣ, старикъ, за труды!» А сама обмыла свои раны и нарядилась въ другú одежду. Разбойники въ это время были у нихъ и спрашивали отца съ матерью про дочь и ругались надъ ними по разбойнически. Услыхавъ голоса, дѣвка побѣжала къ старостѣ и собрала народу съ оружіемъ; привела къ своему дому, окружили, а она со старостой и людьми—въ избу. Вошла и здоровается со всѣми. «Здравствуйте, гости! Вяжите всѣхъ, только криваго не троньте: это мужъ мой и меня отъ смерти спасъ». Тутъ пошелъ шумъ да крикъ, и одинадцать человѣкъ разбойниковъ связали и отправили въ тюрьму. Кривой остался въ дому, и она стала его просить: «Брось разбой! Денегъ у насъ много, будетъ чѣмъ жить и намъ и внукамъ!» Онъ ей отвѣтилъ, что у него отца и мать убили; а его съ собой взяли. «Вотъ я пять годовъ у нихъ былъ, по несчастному случаю. Попроси у отца пять лошадей въ разнопряжку, мы съѣздимъ за награбленнымъ добромъ и станемъ на него жить». Поѣхали вдвоемъ, забрали все, нѣсколько лошадей и коровъ захватили, а остальныхъ выпустили, и зажгли домъ. И теперь живутъ.

(С. Новикова, Самарск. губ., Ставропольск. у.).

107.

РАЗБОЙНИЦА.

Жилъ былъ старичекъ со старушкой. Жили они порядочно; былъ у нихъ разединный одинъ сынъ, и задумали они его женить. Отыскали невѣсту верстъ за пять отъ села, въ другомъ селеньи, у богатаго мужика. Совершили свадьбу; собралъ жениховъ отецъ х р а б р ы й поѣздъ, и з о б р а лъ дружку и подружье и сваху съ подсватемъ, избралъ меньшихъ и большихъ б о а р ы.

Вотъ сѣли на коней да и поѣхали. Приѣхали къ невѣстинуму отцу; сѣли, погуляли, водочки выпивали и дочку съ собой забрали. Приѣзжаютъ къ женихову отцу, къ его къ новому крыльцу. Отецъ съ матерью ихъ благословили и на ложу проводили. Молодая княгиня на ложѣ не утерпѣла, больно на дворъ захотѣла. «Охъ, обручѣнный ты мой мужъ, пусти меня до вѣтру!» Отвѣчаетъ ей обручѣнный мужъ: «Пойдемъ оба!» «Я при васъ», говорить, — «не смѣю сѣсть до вѣтру, какъ на первомъ случаѣ я къ вамъ не привыкла». Онъ ее пустилъ. Она вышла за дверку, да и ушла. Ушла далеко, въ зелену рощу. Невѣстины сродники собрались гулять; приѣзжаютъ къ сватушкѣ погулять, а сватушка къ нимъ идетъ невѣсту искать. Молодая, стало быть, бѣжала; оттого бѣжала, зимой ржи не жала. Искали, искали день да ночь, цѣльныя сутки прочь. Они свадьбу не гуляли, а все молодицу про-искали. А гдѣ ее искать, когда ушла въ лѣсъ гулять? Вотъ идетъ она лѣсомъ, скинула женску одѣжу, надѣла мужскую и подговорила себѣ двѣнадцать молодцевъ-разбойничковъ; сама ходила, у купцовъ деньги отнимала. Скоро-сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Прошло дѣла семь лѣтъ; вздумала она къ своему мужу побывать. Была она всоружена всякимъ орудіемъ, что было на нее страшно посмотриѣть. Пишетъ она своерушное письмо, и отколь она ушла, и дѣла ея мужъ живетъ; пишетъ въ то село передать старостѣ церковному письмо, а староста бы—дѣдушкѣ-старичку, изъ чьего дома она ушла. Пишетъ въ письмѣ строгимъ видомъ, чтобы приготовилъ дѣдушка въ полнѣ обѣдъ: варилъ бы три ведра пива, да купилъ бы ведерко винца, потому—самъ разбойникъ въ гости идетъ, за собой шайку ведетъ. Дѣдушка испугался. «Что такое у насъ? Сроду не было! Знать намъ живымъ не бытъ!» Сталъ хлопотать, собралъ обѣдъ. На утро разбойничекъ брякъ да брякъ; съ страхомъ идетъ, за собой команду ведетъ. «Здравствуй, дѣдушка! Изготовилъ ли намъ, дѣдушка, обѣдъ?» Дѣдушка испугался и словами смѣшался: не зная, чего имъ сказать и отвѣтъ какой отдать. Налилъ бутылъ водки, подалъ закуски, пивомъ угостилъ и словами улегстѣлъ. Разбойникъ спрашиваетъ: «А гдѣ у тебя сыновъ?» «На гумно, другъ, пошелъ». «Позови-ка его!» Дѣдушка вскричалъ своего сына: «Иди-ка домой посерѣя!» Тотъ пришелъ; разбойникъ и

говорить: «А поди-ка, хозяинъ, топи про насъ баню!» Молодецъ побѣжалъ, баню истопилъ. Провожаетъ разбойникъ свою команду въ баню. Его товарищи въ банькѣ вымывались и опять на квартиру собирались; пили, гуляли. Атаманъ товарищей деньгами надѣлялъ, и кто гдѣ былъ, всѣхъ домой проводилъ; а самъ говорить: «Пойдемъ-ка, хозяинъ, въ баню!» Молодой парень испугался, со слезами въ баню собирался. Виситъ на крюку у хозяина шелковая плетъ; говоритъ разбойникъ: «Возьми-ка, хозяинъ, съ крюку шелковую плетъ: пригодится въ банѣ кого-нибудь погрѣть!» Хозяинъ за плеточку хватался; отецъ съ матерью стоять, плачутъ. Пришли въ баню, разбойникъ и говоритъ: «Ну, хозяинъ, раздѣвайся-ка!» Тотъ раздѣлся. «Бери-ка шелковую плетъ, нельзя ли, говоритъ, меня погрѣть?» Сталъ разбойникъ спрашивать: «А дѣ у тебя жена?» Хозяинъ говоритъ: «Была жена, да и тоѣ корова сожрала, а кабы не клокъ сѣна, и самого то бы съѣла. Она у меня убѣжала давно и топерь нѣтъ». «А возьми-ка», говоритъ разбойникъ, — «плетъ!» Разбойникъ всталъ передъ нимъ на колѣни и говоритъ: «Прости, хозяинъ; бей меня плетью! Дуй меня сколько тебѣ нужно: за побоями я не гонюсь. Вину мою прощай и въ милость прими!» Мужскую одѣжу разбойница свинула, надѣла женску и стала какъ женщина. «Прости, милый другъ, я буду вѣчно твоя!» Молодецъ обрадовался и на шею ей бросался. Была у нихъ тутъ графынь водочки; графынь водочки выпивали и пѣсенку запѣвали. Вотъ пошли рядочкомъ къ отцу съ матерью. Молодица приходитъ, свѣкру со свекровью дѣлаетъ поклонъ. «Батюшка съ матушкой, простите меня! Впредь не убѣгу, и полно да и будетъ дурить, буду вѣчно жить!» Бросила дурить и зажила.

(Абрамъ Новопольцевъ).

108.

Про постоялые дворы.

а. Ъхали извозчики, заѣхали на фатеру къ хозяину. Хозяинна въ домѣ не случилось, была одна хозяйшка. Хозяинъ ѣздилъ на

мельницу хлѣбъ молоть. Приѣхалъ; надо ему подѣхать къ амбару; путь застанѡвленъ возами. Онъ дорогу себѣ очистилъ: возъ на возъ поклажалъ и подѣхалъ. Ссыпалъ муку, выходитъ извозчиковъ товарищъ. Дивился онъ этому дѣлу, что хозяинъ диво творить: четвертные воза возъ на возъ поклажалъ. Приходить къ товарищамъ и рассказываетъ имъ про диво, что у нихъ на дворѣ было. Вышли всѣ товарищи на дворъ и на это дивное дѣло глядѣли, а хозяинъ коней убираетъ. Убравши коней, восходитъ въ горницу. «Старушка, собери-ка поѣсть!» Старуха собрала, налила ведерную чашку щей и подала превеличающій каравай. Каравай онъ весь изрѣзалъ и весь въ тюрьму измѣялъ. Мало ему стало, наклажалъ ведерную чашку каши и всю ее прикончилъ, и чашку убралъ. Извозчики на полаткахъ лежатъ, на хозяина быстро глядятъ. Одинъ сталъ его выспрашивать: «А вотъ, дѣдушка, знать ты былъ человѣкъ, знать была въ тебѣ сила?» Отвѣчалъ ему дѣдушка: «Да, былъ я прежде человѣкъ: всѣхъ бы я васъ шестерыхъ съ двора не спустилъ и въ мелки части изрубилъ, а топерь не могу». И рассказалъ имъ про свое похождение: «А вотъ ѣхали вы этой большой дорогой, мимо большого мосту? Я подъ этимъ мостомъ разбойникомъ сидѣлъ, да напалъ на одного на дьякона, да на дурью родню, на жеребичью; вотъ заставилъ онъ меня тюрьму ѣсть! Хотѣлъ я у него деньги отнять, ударилъ его одинъ разъ, а я говорить мнѣ отецъ дьяконъ: «А что, дѣдушка, шута, или въ правду?» Другой-то разъ замахнулся, да не успѣлъ. Вылѣзаетъ дьяконъ изъ саней и ставитъ меня на колѣни. «Разинь», говоритъ,—«дѣдушка, ротъ!» Я разинулъ; онъ у меня зубы всѣ клещами и повыдергалъ. Зубы выдергалъ и въ карманъ вложилъ. «Прощай», говоритъ,—«да опять такъ не дѣлай!» Съ тѣмъ и домой поѣхалъ».

(Абрамъ Новопольцевъ).

6. Въѣхалъ мужикъ на постоянный дворъ, на шестеромъ, спросилъ поѣсть, потомъ поужиналъ; съѣлъ много: одинъ за четверыхъ; сталъ разсчитываться. Разсчитался; всталъ въ извѣстную пору ѣхать. У старика хозяина трое сыновей, и стали они совѣщаться между себя: «Выпустимъ», говорятъ,—«его изъ деревни, да уководимъ!» Отпустили его верстъ на пять, нагоняютъ. Подѣхали. «Стой!» «Чего стоять-то? Я разсчитался съ вами». «Стой,

говорять тебѣ!» Одинъ сошелъ да цопъ его по спинѣ дубиной. «Да вы шутите, говорить, что ли?» Слѣзъ да всѣхъ тронхъ дубиной и уложилъ, а старику (онъ съ ними же былъ) и говорить: «А тебя и бить не стоитъ. Никогда, говорить, на одного не нападай, смотри!» Выволокъ его въ лѣсъ, подвелъ къ дереву, собралъ всѣ волосы въ пучокъ, да къ нагнутой березѣ и привязалъ; потомъ взялъ ножичекъ, подрѣзалъ около волосъ всю кожу и выпустилъ вѣтку изъ рукъ. Старику все съ головы-то и сняло на прочь. Послѣ, долго спустя, проѣзжающіе увидали этого старика: сидеть вовсе безъ волосъ. «Что», спрашиваютъ,—«это?» Онъ и покачался въ грѣхѣ. «Проучили», говорить.

(Онъ же).

в. Въѣхала на постоянный дворъ барыня съ своимъ кучеромъ, а кучеръ здоровый такой; а хозяинъ-то съ сыновьями разбойничалъ. Ворота за ними заперли, и слышитъ барыня, что они промежъ себя переговариваются. Говоритъ барыня кучеру: «Я», говорить,—«въ повозкѣ лучше лягу». «Нѣтъ», тотъ ей говорить, «не бойтесь! Въ повозкѣ я лягу, а вы ложитесь въ избѣ». Легъ онъ въ повозку; разбойники это видѣли. А онъ въ нее наложилъ одной одѣжи, а самъ подъ повозку залѣзъ, ждетъ. Подошелъ ночью одинъ разбойникъ съ ножомъ и ну въ одѣжу тыкать, а кучеръ выскочилъ изъ подъ повозки да какъ свиснулъ его шишкой отъ безмѣна, у того и духъ вонъ. Снялъ съ разбойника чѣресъ (поясъ), всѣ деньги оттуда вынулъ, а самого за полѣнницу дровъ засунулъ и спать легъ. Утромъ хозяинъ ходитъ, да посвистываетъ: «Жучка, жучка!» «Что, хозяинъ, собачку что ли потерялъ?» «Да! Да собака-то не дорога, а ошейникъ дорогъ». И сталъ послѣ того кучеръ и съ деньгами, да и разбойника-то убилъ. Весной его только за полѣнницей нашли. Поутру встала барыня и уѣхала цѣлѣхонька; а убили бы его, и ей бы живой не быть.

(Онъ же).

з. Одинъ проѣзжающій въѣхалъ на постоянный дворъ, а хозяинъ-то его съ сыновьями разбоемъ занимался. Увидали они, что проѣзжающій легъ на печь и говорить: «Вставай! Чего лежать-то? Твой послѣдній часъ пришелъ! Твори молитву!» А сами ножъ сидятъ точать. Тотъ испугался, началъ было молитву творить, вдругъ

слышитъ голосъ и стукъ въ стѣвень. «Эй», говорить,—«товарищъ, выѣзжай! Обозъ ужъ тронулся. Пора!» Разбойники испугались, стали просить, чтобы онъ молчалъ. «Мы пошутили», говорить,—«съ тобой: попугать хотѣли». Тотъ вышелъ, заложилъ лошадей, выѣхалъ за ворота, всю станцію проѣхалъ — нѣтъ никого ни впереди, ни позади. А это, выходитъ, онъ Миколѣ молился всегда, и его угодинокъ спасъ, а то бы пропалъ парень.

(Записано въ Симбирскѣ).

д. Разъ одинъ торговецъ остановился въ деревнѣ, въ крайней избенкѣ перепочевать, и слышитъ вечеромъ на дворѣ разговоры (сосѣди говорятъ хозяину): «Какой ты счастливецъ! Какого молодца-то залучилъ!» А вотъ-то онъ и отвѣчаетъ имъ: «Ахъ вы, сукины дѣти, да остановись онъ у васъ, я бы оцѣномъ и лошадей то изъ подъ навѣса перетаскалъ, а теперь суньтесь-ка ко мнѣ! Онъ у меня остановился — я ничего не возьму, и вамъ тронуть не дамъ!» Торговецъ, слыша эти рѣчи, поставилъ вору полуштофъ, а тотъ и говорить ему: «Не бойся, все въ сохранности будетъ: своихъ гостей мы не трогаемъ и другимъ въ обиду не даемъ».

(Тамъ же).

е. Одно село все было воровское; подо всѣмъ селомъ крытые ходы были прорыты. Въ одномъ концѣ коня украдутъ, смотришь — они въ другомъ. Вотъ разъ въ одной избѣ проѣзжаю семью и стали хозяева рѣзать. Всѣхъ старшихъ перерѣзали, одна дѣвочка осталась. Прибѣжала она къ попу (къ кому же больше?) и говорить: «Батюшка, у насъ всѣхъ зарѣзали!» «Гдѣ?» говорить. «Да, вонъ въ той избѣ, гдѣ огонекъ-то свѣтится». Попъ пошелъ, подошелъ къ окошку, постучалъ и говорить: «Эй, Ѳедоръ, что ѣ-то вы свиней то колете, а поросятъ распускаете? На те вотъ!»

(П. С. Полуэктовъ).

ж. Ѣздилъ нѣсколько лѣтъ краснорядецъ къ попу деревенскому, имѣлъ превеличающую дружбу съ нимъ. И прочіе разношники къ нему ѣздили. Многихъ онъ убивалъ. Самый этотъ пріятель разъ къ нему пріѣхалъ. Попъ былъ весьма ему радъ. Пріѣхавши чаемъ его угощалъ; чаекъ попивали и послѣ того водочки выпивали. У этого же попа прездоровущая старая дѣвка, его сестра, занима-

лась большѣмъ разбойствомъ. Вотъ они и вздумали ихъ похитить, и начали подпавать водочкой. Помаленьку стали выпивать да выпивать и гораздо напились пьяненьки. Вотъ какъ пришла темная ночь, самая глухая полуночь — старой дѣвкѣ ночь не спится. Разнощикъ крѣпко легъ уснулъ, а работникъ легъ спать на дворѣ, на возу, и потомъ влѣзъ на сушило, захватилъ берема сѣна, а въ немъ — мертвый мужикъ. Такъ испугался — изъ рукъ сѣно бросалъ и съ сушилъ долой слѣзалъ. Связалъ вязанку соломы и обрядилъ въ свою одѣжу, да на свое мѣсто, на возъ и положилъ, и шапочку надѣлъ. У пона среди двора стояла кадка; онъ подъ нее залѣзъ и сидитъ.

Старая дѣвка огонь вдувала, съ саблей на дворъ выбѣгала, работника убивала (чучелу то! Цопъ его! Шапка-то и слетѣла. Думала—работникъ, а инъ чучела лежитъ.) Чучелѣ голову отрубила и въ подвалъ съ одежей его бросила; а попъ разнощика убилъ и въ подполѣ скоронилъ. Тотъ же часъ подходитъ дьячекъ. У пона огонекъ свѣтится: моютъ полъ, убираютъ кровь. «Батюшка, пора къ заутрени звонятъ!» «Немножечко подожди». Какъ совсѣмъ убрались, подходитъ дьячекъ второй разъ спрашиваетъ пона: «Пора, батюшка!» «Звони, свѣтъ!» Позвонивши къ заутрени, сошелся народъ. На отходѣ заутрени стали всѣ прикладываться къ кресту. — Работникъ изъ подъ кадки вылѣзъ, собрался къ заутрени. Отошла — онъ и говоритъ: «Старички, погодите немножечко, человекъ десятокъ». Подходить къ кресту, приложился къ нему. «Батюшка, благословите меня, да не какъ могó хозяина». У пона крестъ боцъ на полъ! Испугался значитъ. «Что такое?» спросили старики. Работникъ разказалъ. «Пойдемте-ка, что тамъ есть». Старики пошли, во дворѣ у пона мертвыхъ мужиковъ много нашли. Сослали пона въ Сибирь.

(Абрамъ Новопольцевъ).

з. У насъ былъ съ ѣзстари постоянный дворъ; къ намъ взѣзжало много разнаго народа, и я чуть-чуть помню одного краснорядца. Онъ къ намъ постоянно взѣзжалъ, высокій такой, здоровенный мужчина, темнорусый, добрый такой: мнѣ все пряниковъ да орѣховъ давалъ. Дивный это былъ человекъ: набожный, бранихъ словъ не употреблялъ никогда, хмѣльнаго въ ротъ не бралъ, къ бабамъ

не ласкался, а каждую бабу все звалъ и величалъ по имени и по отчеству: старуху — бабушкой, молодую — молодухой, а дѣву — красной дѣвицей. Дурной компаніи избѣгалъ, въ праздничный день, до обѣдни не торговалъ. Возилъ онъ свой товаръ на шести лошадахъ и одинъ одинѣшенекъ; при немъ работника даже не было. Деньги никогда въ шкатулку не клалъ, а возилъ серебро и мѣдъ въ мѣшкахъ и ставилъ ихъ подъ образницу, на полъ, и не боялся, чтобы кто у него ихъ укралъ, или бы кто въ дорогѣ его обидѣлъ.

Вотъ съ нимъ были какія оказіи. Разъ, говорятъ, его вздумали ограбить и убить два шигонскихъ молодыхъ парня; а всѣ Шигоны славились прежде разбоями, тоже какъ и Тереньга. Бывало, кто живъ и здоровъ пройдетъ этими селами, то ужъ служить въ ближнемъ селѣ молебень. Ёдетъ онъ изъ Шигонъ въ глубокую осень, ужъ земля примерзла, и дорога жѣстка, что твое желѣзо, и гладко накатана (столбовая); въ одномъ мѣстѣ ему изъ оврага нужно подниматься на в з л о б о к ѣ, близъ лѣску. Ну, э т и два молодца съ дубинами и вышли къ нему на встрѣчу. «Стой!» говорятъ. А онъ имъ и говоритъ: «Полно, ребята, дурить-то! Лошадей рѣзи на горѣ останавливаютъ? Чай вы видите, какъ имъ натужно». А тѣ ужъ и дубины подняли; только подняли, а онъ имъ и говоритъ: «Ну, такъ вотъ какъ. Эй, Ванька. Гришка, подите-ка ко мнѣ!» Какъ они со всѣхъ ногъ бросятся къ нему. «Что», говорятъ, — «прикажете?» Называютъ его по имени и отчеству. «Вотъ что, ребята: вонъ видите яму-то?» «Видимъ». «А вонъ видите песокъ-то?» «Видимъ». «Такъ подите, да какъ можно поскорѣе перетаскайте песокъ-то въ яму!» Тѣ какъ бросятся къ песку и давай его руками нагребать въ подошлы, да таскать въ яму. Руки не жалѣютъ, такъ стараются; а онъ за лошадьми пошелъ.

Проѣхалъ эдакъ верстъ десять, и повстрѣчался съ нимъ сторонній мужикъ; ёдетъ на кляченкѣ на встрѣчу ему. Поздоровались. «Куды тебя, дядя, Богъ несетъ?» «Въ Сызрань», говоритъ. «Послушай, любезный! Сыми ты съ моей души грѣхъ; вотъ тебѣ синенькая. Ты по дорогѣ будешь съ бугра спускаться; тамъ въ изволокѣ-то увидишь двухъ парней. Они подолами песокъ таскаютъ, да яму засыпаютъ. Чай сердѣшны и пальцы-то себѣ въ кровь изодрали! Такъ ты ихъ пожалѣй, подойди ты къ каждому съ молит-

вой — не бойся, не тронуть — и кнутомъ что есть духу каждаго и царапни. Спасибо тебѣ за это скажутъ».

Мужикъ согласился, поѣхалъ дальше и видитъ двухъ молодыхъ парней; песокъ сгребаютъ (при мѣсяцѣ-то видно какъ работаютъ) и не потъ, а кровь съ нихъ льётъ: такъ изъ себя индо выходятъ, а руки всѣ въ кровящѣ (о песокъ-то изодрали). Мужичекъ подошелъ къ нимъ; они какъ будто его и не видятъ, все песокъ сгребаютъ. Вотъ онъ прочиталъ И с у с о в у молитву, поднялъ кнутовище, да хлопъ-сть одного! У того изъ подола песокъ выпался, а самъ — отъ какъ ёкнетъ, да бросится бѣжать; обернулся да кричитъ: «Дай Богъ тебѣ добраго здоровья! Спасибо тебѣ, дядинька! Душу пустил! Дай Богъ тебѣ добраго здоровья!» Мужичекъ видитъ — дѣло ладно, х о з н у лъ и другаго парня; и этотъ айда встелелъ хивать отъ него, и тоже кланяется да благодарить.

Мужичекъ поѣхалъ своей дорогой; а они прибѣжали домой, всѣ въ кровящѣ (съ пальцевъ кожа-то содрана до костей), да съ того времени заказали другъ и недругу грабить людей. Сами объ этомъ послѣ про краснорядца разказывали, ну да и онъ о себѣ разказывалъ то же.

На него на Елаурской дорогѣ напалъ разбойникъ настоящій; онъ подозвалъ его къ себѣ, подвелъ къ березѣ, велѣлъ скинуть шапку, собралъ на головѣ кистью волосы, привязалъ къ березѣ, ножомъ вокругъ головы кожу по волосамъ обрѣзалъ и пустил березу... К и ч к а-то съ волосами на березѣ осталась, а разбойникъ — на землѣ, на вѣкъ лысый. Вотъ какъ онъ его обрилъ! Да, вотъ какъ въ старину с о б и н к и были!

(Со словъ симбирскаго мѣщанина Горина. Записалъ и сообщилъ М. И. Извоииковъ).

109.

О Х у д о я р ъ.

Худояровъ городокъ — въ шести верстахъ отъ Кроткова, на сѣверѣ Сенгилеевскаго уѣзда (въ тридцати верстахъ отъ Сengi-

лея). Тамъ находили предметы земледѣльческіе, панцыри, п р ѣ с л а (кольца), стрѣлы, копыя и слѣды каменныхъ построекъ (въ лѣсу) на Лыковой горѣ; затѣмъ на тридцать верстъ лѣсомъ вымощена камнемъ дорога до Сенгилея, къ Волгѣ. Преданіе слѣдующее: Жилъ тутъ ханъ Худояръ, одинъ изъ дальнихъ родственниковъ Ивана Грознаго, который за убійство своей жены былъ сосланъ на берегъ Волги, гдѣ и построилъ два городка: близъ деревни Караниной и села Кроткова. Въ послѣднемъ онъ жилъ со всею своею челядью и защищался отъ набѣговъ Буртасовъ, а кто говоритъ—Нагайцевъ, или Балмыковъ. Одинъ солдатъ въ Сенгилей разказывалъ, что у него былъ дѣдушка, любитель до кладовъ; а у дѣдушки былъ товарищъ, такой же любитель. Они съ нимъ часто рылись въ этомъ городкѣ, но ничего никогда не находили. Разъ дѣдъ его пошелъ за грибами на Лыкову гору; набралъ груздей, спустился съ горы, дошелъ до родничка, сѣлъ отдыхать. Это было передъ вечеромъ. Видитъ, что его товарищъ Яковъ идетъ съ сухими лутошками. «Куды, братъ, идешь?» «Домой». «Возьми меня!» «Вотъ садись на задню-то лошадь». (А Яковъ на парѣ, въ разнопряжку ѣхалъ, съ двумя возами). «Погоняй лошаденку!» Усѣлся онъ; между ними разговоръ завязался. «Кумъ, поѣдемъ ко мнѣ горохъ ѣсть! Василиса нынче варила. Ужъ такой, что твоя сметана!» «Поѣдемъ». Приѣхали къ Якову, распрягли лошадей. Яковъ въ избу пошелъ и дѣдушка за нимъ. Вошелъ въ сѣни, двери то въ избу не найдеть. Кричитъ, кричитъ—никто голосу не отдаетъ; а лукошечко съ груздями на шеѣ виситъ. Вотъ онъ его на землю поставилъ и сталъ шарить дверь. Бился, бился—не найдеть! Началъ молитвы читать, а двери все нѣтъ. Только немного погода онъ увидалъ вдали свѣтъ чуть пробивается... И слышитъ, будто въ кузницѣ кузнецы куютъ. Взялъ онъ лукошко и пошелъ на свѣтъ; дошелъ до желѣзной двери, отворилъ ее—видитъ длинный-предлинный подземный ходъ; а справа и слѣва стоятъ кузнички, очаги и наковальни. Всѣ кузнецы высокіе, въ бѣлыхъ, какъ кипень, одѣжахъ, и у каждого очага по три кузнеца: одинъ дуетъ мѣхами, другой раскаливаетъ желѣзо, а третій куетъ. Вотъ онъ подошелъ къ первымъ и видитъ: куютъ все лошадиныя подковы. «Богъ помочъ вамъ, добры люди!» Они молчатъ. Онъ—къ другимъ. Тутъ шины куютъ. «Богъ

помочь!» Молчать. Подошелъ къ третьимъ — тѣ куютъ гвозди. «Богъ помочи!» Молчать, только на него смотреть. Пошелъ дальше и видитъ: кузнецы куютъ у каждаго горна все разныя вещи. Онъ ужъ ни съ кѣмъ ни слова, и далеко прошелъ по этому ходу; сталъ уставать. Вдругъ явился къ нему изъ другаго побочнаго хода какъ будто приващикъ какой, или ихъ распорядитель, одѣтый весь въ кожану одѣжу съ ногъ до головы, красивѣе тѣхъ: смуглолицый, ловкій и бравый молодой парень, и говоритъ: «Какъ ты, дѣдушка, сюда попалъ? Что тебѣ надо? Денегъ что ли? Пойдемъ, я тебѣ покажу ихъ и дамъ». «Нѣтъ, родимый, ты меня выпроводи отсюда: я запутался». «Вотъ я прежде тебѣ покажу, а потомъ выведу на дорогу. Пойдемъ!» И пошелъ его водить по разнымъ ходамъ, между кузнецами, то въ тотъ переулочекъ, то въ другой. Такъ заводилъ, что замаялъ: могутъ не стало. «Богъ съ тобой, съ твоими и деньгами. Выпусти!» «Вотъ сейчасъ. Не много осталось». Подвелъ его къ подвалу, повернулъ страшной величины ключъ въ желѣзной двери, отворилъ. Старикъ видитъ: лѣстница желѣзная, чудной работы, подвалъ весь фонарями освѣщенъ и полонъ золота, серебра, мѣди, желѣза, стали и чугуна! И все какъ жаръ горитъ! «Видишь, старикъ; какъ я богатъ. Хочешь золота или серебра, бери сколько хочется!» «Да куды мнѣ, родимый? Только отпусти! Мнѣ и взять то нѣ во что». «Да вотъ въ голицу-то насыпай!» «Да какъ я донесу?» «Отъ онучь-о веревки отвязи, да и перевязи рукавицу-то». Старикъ соблазнился на золото, насыпалъ одну рукавицу, а другую прикащикъ насыпалъ. «Довольно что ли тебѣ?» «Спасибо, батюшка! Дай тебѣ Богъ здоровья на много лѣтъ!» «Не надо, не надо! Не благодари, старикъ! Ты только съ Яковомъ хлѣба намъ привези. Видѣлъ сколько у меня работниковъ? Такъ ихъ всѣхъ накормить надо. Да смотри, привези печенаго: намъ мукой-то не надо». «Да когда же тебѣ?» «Да вотъ какъ первый урожай будетъ». «Постараюсь, батюшка..» Вывелъ его изъ подвала, повелъ по коридорамъ и наконецъ подвелъ къ какой-то земляной трещинѣ. «Видишь свѣтъ?» «Вижу». «Иди на него!» Старикъ пошелъ на свѣтъ, чувствуетъ, что вышелъ на воздухъ. Осмотрѣлся, увидалъ, что стоитъ снова у ручья, гдѣ отдыхать садился. Взглянулъ подъ ноги; видитъ, что у ногъ стоятъ его связанные голицы;

пощупалъ ихъ, чувствуетъ, что деньги; развязалъ одну, запустилъ руку (темно было: чуть заря), слышитъ: золото. Онъ вытряхнулъ изъ лукошка грибы и замѣтилъ, что на нихъ червь набросился; высыпалъ въ лукошко золото, прикрылъ травкой и пошелъ по дорогѣ къ Кроткову. Сильно проголодался, улицами не шелъ, а зашелъ съ задняго двора, прямо къ себѣ въ амбарушку. Въ это время разсвѣло. Онъ бережно деньги заперъ въ коробъ, вошелъ въ избу; его и спрашиваютъ: «Гдѣ ты столько времени пропадалъ?» «Да чего; въ лѣсу запутался, и Богъ знаетъ, что со мной было». А жена и говоритъ (онъ былъ на второй женатъ, и она его не любила): «Всѣ тебя, все село три дни искало; думали, что ты безъ вѣсти пропалъ. Эко дѣло какое съ тобой случилось!» Поговорили, поговорили, дали ему поѣсть. Онъ опять въ амбарушку пошелъ, гдѣ золото; легъ и заснулъ. И видитъ во снѣ: явился къ нему этотъ прикащикъ и говоритъ: «Никому объ этомъ не говори, что ты былъ у меня, и я тебя награди́лъ. Если ты откроешь—худо тебѣ будетъ». Старикъ молчалъ объ этомъ. Жена замѣтила, гдѣ онъ деньги прячетъ, украла ихъ да съ любовникомъ и промотала. Старикъ догадался, посмотрѣлъ: золота нѣтъ! Объявилъ подозрѣнiе на жену и любовника. Стали доспрашивать гдѣ онъ золотые взялъ, онъ и открылся. Только объ этомъ сказалъ, пришелъ домой—съ нимъ ударъ сдѣлался: мѣсяцъ безъ языка и безъ памяти лежалъ, чуть духъ переводилъ; потомъ полегче стало, и онъ всю жизнь въ постели пролежалъ, не могъ двинуть ни руками, ни ногами, да кое-какъ языкомъ ворочалъ.

(Сообщилъ М. И. Извозниковъ).

110.

Про Стеньку Разина.

а. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, именно въ томъ, въ которомъ мы живемъ; не далеко было дѣло отъ Чечни, близъ рѣчки Дону, въ тридцати-пяти верстахъ отъ Азовскаго моря, жилъ въ одномъ селѣ крестьянинъ, по прозванью Ооминъ, а по

имени Василий Михайловъ. Не старше онъ былъ тридцати-восьми годовъ, родился у него сынъ, назвали его Михайлъ. Воспиталъ онъ его до шести лѣтъ. Въ одно время въ прекрасное онъ поѣхалъ на работу, взялъ и сына съ собой. Напала на нихъ небольшая шайка разбойниковъ, мать съ отцомъ убили, а Михайлу съ собой взяли. Привозятъ они его въ свой домъ, отдають его атаману. Атаманъ у нихъ былъ старикъ, девяноста-пяти лѣтъ. Принялъ онъ этого Михайлу на мѣсто своего дитя, сталъ его воспитывать и научать своему ремеслу, въ три страны велѣлъ ему ходить, а въ четвертую не велѣлъ. Прошло три мѣсяца, атаманъ Романъ вздумалъ Михайлѣ имя переимѣнить, собралъ шайку, чтобы окрестить его, и назвали его Степаномъ. «Ну, топерь ты, мой сынъ Степанъ, слушай меня! Вотъ тѣ пашку и ружье, занимайся охотой, дикой птицею двуногой и съ руками и съ буйной головой!» Степанъ вышелъ со двора и вздумалъ объ родной сторонѣ: «Гдѣ-то мамынька моя и родимый тятенька? Въ полѣ на межѣ свою голову скоронили, и я-то, Михайло, остался у разбойниковъ въ рукахъ». Самъ заплакалъ и пошелъ въ ту сторону, куды атаманъ велѣлъ. Вышелъ на большую поляну, вдругъ увидѣлъ себѣ добычу, лѣтъ семнадцати дѣвицу. Онъ подошелъ къ ней, сказалъ: «Здравствуй, красная дѣвица! Что ты время такъ ведешь? Сколько я шелъ и думалъ, такой добычи мнѣ не попадалось. Ты — первая встрѣча!» Дѣвка взглянула, испугалась такого вѣюноши: увидѣла у него въ рукахъ востру саблю, за плечемъ — ружье. Стенька снялъ шапку, перекрестился, вынулъ пашку изъ ножны и сказалъ: «Дай Богъ помочь мнѣ и булатному ножу!» Возвилась могучая рука съ вострою шашкой кверху; Снялъ Стенька голову съ красной дѣвушки, положилъ ее въ платокъ и понесъ къ атаману. «Здравствуй, тятенька! Ходилъ я на охоту, убилъ птичку небольшую. Извольте посмотреть». Атаманъ выходя, взглянулъ на платокъ: на немъ окровелѣнная голова, красовитое лице. «Вотъ, Стеня, люблю за то!» Поцѣловалъ его въ голову. «Я тебя награждаю своимъ вострымъ булатомъ; съ нимъ я ѣздилъ семьдесятъ-пять лѣтъ, а топерь ко мнѣ кончина приходитъ». Атаманъ скорѣ крѣпко заболѣлъ; собралась въ домъ его вся шайка. Онъ своимъ подданнымъ и говоритъ: «Ну, братцы вы мои, выбирайте кого знате, а я вамъ не слуга». Вдругъ вышелъ изъ лѣсу

невысокій старичекъ, лѣвымъ глазомъ онъ кривой, правымъ часто подмигивать. Вглянули на него разбойники и въ голосъ закричали: «Подойди, старичекъ, сюда!» Онъ подошелъ, смѣется и говорить: «Ну, чего вамъ отъ меня нужно?» «Ну, старичекъ, разсуди намъ дѣла: насъ вотъ двѣнадцать человѣкъ; кто изъ насъ будетъ атаманомъ?» И онъ имъ отвѣтилъ: «Вы не выберете изъ себя. Я—самъ главный атаманъ изъ такой-то шайки; мои подданные ѣздили на разбой, плохо сдѣлали, у п л о ш а л и: перевязали, въ казamatъ посадили. Мнѣ старику владать топерь такимъ домомъ нѣчего, я и пришелъ къ вамъ». Всѣ разбойники вскричали: «Какъ? Мы тебя, старичекъ, не знаемъ». «Что вы, братцы, неужто вы Василья Савельича не знате?» «А вотъ-вотъ! Вотъ намъ и атаманъ! Пуцай нами владаетъ!» У нихъ есаулъ былъ изъ Татаръ, повернулся и пошелъ. Пришелъ къ старому атаману и говорить: «Мы нашли себѣ атамана, Василья Савельича». Атаманъ говорить едва, едва, только намекаетъ: «Пошли, молъ, его сюда». Василій Савельичъ пришелъ къ старику, взялъ его за правую руку и сказалъ: «Прощай!» Тотъ промолвилъ одно слово: «Прими моего сына, Степана по прозванью! Вотъ еще скажу тебѣ: въ три стороны своихъ посылай, а въ эту вотъ сторону ни п о б о г у не шагай!» Послѣ того умеръ атаманъ. Коронили его, всѣ запѣли вѣчну память. Сталъ Василій своими подданными командовать и Степана научать. «Ну, теперича я тебѣ, Стеньюшка, отецъ и мать. Слушай меня, что я тебѣ приказываю. Твой отецъ мнѣ тебя на руки сдалъ; въ эту сторону не велѣлъ ходить». Прошло три года съ новымъ отцемъ; Стенька научился на охоту ходить; когда птицу, когда двѣ принесетъ. В о з л ю б и л ѣ его атаманъ и такъ его лелѣетъ, п а ч е сына своего. Въ одно прекрасное время взял Стенька пашку и ружье, вышелъ за ворота и думаетъ: «Куда сегодня идти мнѣ? Да что жъ мнѣ отецъ приказывать въ эту сторону не ходить?» Подумалъ и поглядѣлъ на востру пашку въ рукахъ. «Тутъ дорога опасна; моя булатная пашка притупѣла». Стенька воротился назадъ, взялъ бросилъ пашку. «Вотъ ты мнѣ не слуга! Я выберу нову!» Выбралъ первую, саму востру пашку, перекрестился и пошелъ по новой дорогѣ. Шелъ онъ немного чащей и вышелъ на большую поляну. Вдругъ видитъ передъ собою о г р о м н у ю ч ѹ д у. «Нѣтъ, это не такъ», думаетъ;—я здѣсь топерь долженъ погибнуть». Иску-

гался, стоит на одномъ мѣстѣ, не зная что дѣлать. «Куды же мнѣ дѣться и какъ отъ это й чудищ и скрыться?» Чудища подняла голову и увидала юношу;дохнула на него и стала двигаться къ нему. Стенька заплакалъ и думаетъ: «Пропалъ! Говорилъ мнѣ атаманъ: не ходи по этой дорогѣ! Я его словъ не послушалъ». Сталь подходить ближе, вынулъ вострый м а ч ѣ, положилъ его на правую бедуру. «Неужто», думаетъ, — «Богъ мнѣ не поможетъ срубить Волкодира? Я не буду такъ трусить, и Богъ поможетъ!» Волкодиръ его тянетъ и хочетъ проглон ѣ т ь сразу. Сталь Стенька шашкой своей влад а т ь, всѣ челюсти ему разрѣзатъ. Когда челюсти ему до ушей разрѣзаль, и нижняя часть отстала, захватить Волкодира силы не стало, р а з в е р н у л с я Степанъ своею шашкой и давай голову рубить, сколько силы его хватало (потому что онъ былъ не богатырь). Отрубилъ голову, сталъ брюхо разрѣзатъ; разрѣзаль брюхо, нашель въ кулакъ камень и дивуется надъ этимъ камнемъ. Повернулся и пошелъ. И д я он ѣ д о р о г о й, думаетъ себѣ: «Что это за вещь такая, и какой это камень?» Взялъ, нечаянно лизнулъ и узналъ все, чтѣ есть на свѣтѣ, ахнулъ передъ собой. «Вотъ», думаетъ, — «этотъ камень мнѣ дорогъ!» Пришелъ домой къ отцу. «Здравствуй, тятенька, я ходилъ на охоту, и такая была удачна: погубилъ своего непріятеля, который намъ ходу не давалъ». Отецъ ему и говорить: «Врешь, Степанъ! Твой прежній отецъ тутъ семьдесятъ-пять лѣтъ жилъ съ своими подданными, и то этого не могъ сдѣлать, а ты девяти годовъ могъ такого противника погубить?» Степанъ побожился и повлялся. «Правду, тятенька, говорю! Хошь сейчасъ поѣдемъ, поглядимъ!» Подъ тотъ часъ съѣхалась вся шайка. «Ну-ка, братцы», сказалъ Василій Савельичъ, — «осѣдлайте лошадей! Стенька говорить, что онъ нашего непріятеля срубилъ». Всѣ въ голосъ закричали: «Мы жрать хотимъ!» Атаманъ и говорить: «Да ѣдъ недалеко: скоро вернемся. Если правду говорить, мы пирушку сдѣламъ!» Осѣдлали лошадей. Сѣлъ Степанъ на коня, самъ впередъ поѣхаль, за нѣмъ атаманъ, Василій Савельичъ. Доѣхали до долины, увидѣли Волкодира съ отрубленною головой; закричали всѣ: «ура!» и Степану честь-хвала. Воротились домой; атаманъ и говорить: «Ну, вотъ топеръ, братцы, мы гуляемъ!» Сдѣлали пиръ, трое сутокъ гуляли и все Степана восхваляли. «То-

перь поживемъ!» говоритъ атаманъ. «Намъ топерь воля на всѣ четыре стороны! Кутнемъ-ка еще, братцы!»

Сталъ Василій шайку набирать и задумалъ по лѣсу разъ погулять. Сѣлъ на добраго коня и поѣхалъ впередъ, по новой дорогѣ. Выѣхалъ онъ на Азовское море, и увидѣлъ онъ небольшой корабликъ. «Вотъ, братцы,» говоритъ, — «мы этимъ никогда не занимались; а хороша была бы намъ добыча: и хлѣба, и одѣжи, и казны вдоволь!» Одни разбойники и говорятъ: «Эхъ, Василій Савельичъ это что за добыча? Мой дѣдъ и отецъ въ Саранскихъ лѣсахъ жилъ, — такъ вотъ тамъ добыча!» «А что?» «Что? Тамъ скотъ дешевъ, и народъ ремесленъ, и всякихъ заводовъ много.» «Да нѣтъ, надо испытать», говоритъ Василій. — «Намъ ужъ туды некуда лѣзть, потому я старъ, а вотъ сядемъ-ка въ легку лодку, да поѣдемъ въ догони». На берегу Азовскаго моря стояла небольшая косоуха. Сѣли въ нее всѣ двѣнадцать человѣкъ, взяли весла и грянули догонять корабликъ. А на немъ былъ капитанъ очень хитрый. Подогналъ атаманъ къ кораблю, а капитанъ на бортъ вышелъ, подернулъ свои портки — ихъ на сорокъ сажень отбросило. Атаманъ вскричалъ громко: «Ай да, грянемъ веселѣе!»

Напустились они въ другой разъ; капитанъ ихъ вплоть подиустилъ, шибко дернулъ за штаны ихъ угнало за полторы версты. «Нѣтъ, братцы», говоритъ атаманъ, — «я ка къ этимъ дѣломъ не занимался, и вамъ не совѣтую». Взялъ плюнулъ въ лодку и пошелъ до коней. Съ такой досады они сѣли на коней и поѣхалидомой. Съ эфтова время заболѣлъ атаманъ, сталъ подданнымъ говорить: «Кто моимъ дѣломъ управлять будетъ? Я совѣтую, братцы, Степана въ атаманство посадить». Тутъ всѣ стали на это роптать: «Мы сколько лѣтъ живемъ, а этого не видимъ. Недавно онъ пришелъ и атаманомъ хочетъ быть!» Степанъ вышелъ къ товарищамъ и говоритъ: «Если я атаманомъ не буду, такъ не хочу съ вами служить! Ну, кто чего знать и какія искусства кто покажетъ?» закричалъ Степанъ. «Ну-ка, кто изъ васъ такой ловкій? Преклони весь лѣсъ къ землѣ!» Всѣ выпялили на Степана глаза и ни слова не сказали. «Никто изъ васъ не выбиратся?» крикнулъ Степанъ. «Нѣтъ, никто не можетъ». Вынулъ и поднѣлъ Степанъ пашку вверхъ и скомандовалъ: «Лѣсъ, преклонись къ земли!» Глядятъ разбойники, а лѣсъ на землѣ лежитъ. Закричали всѣ: «Быть Степану атаманомъ!» Степанъ

отвѣтилъ имъ: «Ну, братцы, служить со мной такъ служить! Покажите, какъ вы охотитесь, какъ бьетесь? Мы такъ жить не будемъ, а пойдемъ въ привольныя стороны». Раздѣлилъ Степанъ свое войско на двѣ части, скомандовалъ другъ на дружку, въ шашки. Они такъ бились и рубились, что никто другъ друга не ранилъ и не убилъ. «Ну, братцы, я въ надеждѣ; могу идти съ вами. Теперь мы здѣсь не заживемъ: въ привольныя стороны пойдемъ! Забирайте все свое имущество и выйдемъ мы на Азовско море и отправимся въ Саропскій (?) лѣсъ». Собрались разбойники, сѣли на коней и поѣхали на Азовское море. На берегу нѣтъ ни лодки, ни распѣвы; ни виду про нихъ, ни слуху. «Ну, что же, братцы, будемъ дѣлать?» говоритъ Степанъ. «На чемъ черезъ море поѣдемъ? Давай сюды мою большую кошму!» Степанъ разостлалъ ее на море; сдѣлался вдругъ большой корабль. Посадилъ на него шайку и лошадей поставилъ, громко вскричалъ: «Грянемъ, братцы, веселѣ!» Только его и видѣли. Приѣхалъ онъ къ Саропскому лѣсу и говорить: «Ну, братцы, вы тутъ постоитъ, я съѣзжу, поразгуляюсь». Они на берегу себѣ таборъ сдѣлали, а Степанъ сѣлъ на коня и поѣхалъ по лѣсу. Разыскалъ онъ себѣ прекрасное мѣсто для дома (стѣна), вернулся на берегъ — изъ семидесяти-пяти челоуѣкъ убѣжало у него двадцать. «Куды же они дѣлись?» спрашивается. «Гулять ушли». (А они сами начальниками захотѣли быть). «Ну, да мнѣ и этихъ будетъ», сказалъ Степанъ. — «Теперь, братцы, пойдемъ примемся за работу!» Сѣли на коней и отправились на разысванное мѣсто, и выстроили себѣ домъ. Стенька выѣхалъ на охоту и увидѣлъ первую встрѣчу: красна дѣвица, отъ роду семнадцать лѣтъ, зовутъ Афросиньей, а отца Егоромъ, изъ богатаго дома. Размыслился Степанъ: хотѣлъ дѣвицу погубить. «Да что я ее напрасно погублю, лучше съ собой возьму, пусть мнѣ женой она будетъ». Взялъ ее съ собой; пожилъ нѣсколько время, написалъ письмо, послалъ къ ея отцу, матери. «Дочери своей больше не ищите». И сколько родители ни старались, чтобы выручить изъ Степановыхъ рукъ свою дочь: деревни четыре собрали народу и вѣсь лѣсъ окружили. Подошли къ Степанову дому, и разбойники всѣ дома были. Увидалъ одинъ толпу народу: кто съ дубиной, кто съ топоромъ, кто съ косой и ружьемъ; взбѣгъ къ Степану и говорить: «Ну, атаманъ, видно, батюшка, мы пропа-

демъ!» «Что такое? Еще не родился на свѣтъ тотъ кто меня погубитъ. Гдѣ народъ?» «Нашъ домъ они окружили, атаманъ!» Приубрался Степанъ въ оружію, вышелъ на крыльцо и громко вскричалъ: «Ну-ка, подданные, садитесь скорѣе верхомъ! Не видите что у насъ?» Сѣли верхомъ, Степанъ впередъ поѣхалъ, и народъ разступился. Сѣли и поѣхали. Вернулся Степанъ назадъ къ тойпѣ народа и говоритъ громкимъ голосомъ имъ: «Ну, что вы хотѣли меня пымать? Развѣ я звѣрь какой? Не волкъ и не медвѣдь, развѣ вы не видите?» Толпа остолебенѣла: ровно болваны стоятъ. Взялъ Степанъ въ руку плетъ и погналъ ихъ отъ дома, какъ овецъ. Старикъ и бросилъ о своей дочери стараться. Степанъ остался съ Афросиньей жить. Прожилъ онъ годъ, и забрюхатѣла она; родился у нихъ сынъ. Далъ Стенька ему имя Аеанасій.

Послѣ этаго прожилъ онъ три года и вздумалъ выѣхать на берегъ Волги разгуляться. Было у него подданныхъ съ нимъ восемь человѣкъ. Увидѣлъ онъ что баржа небольшая бѣжитъ. «Хоша насъ, братцы, мало, а силы попробуемъ!» Кидаетъ съ себя епанчу, разстилаетъ на воду. «Садитесь!» Сѣли на епанчу. Громко вскричалъ: «Ну-ка, братцы, грянемъ!» Догнали баржу, лоцмановъ въ воду покидали, капитана подвѣсили на дерево и обобрали все имущество. «Вотъ намъ, братцы, добыча! Мы, такъ я думаю, поселимся на Волгѣ». «Какъ, атаманъ? Топерь есаулъ у насъ старій; кого выбрать? Онъ въ отставку хочетъ». «А развѣ нѣкого? А вонъ у меня есть Абсалѣмъ; будетъ всѣми дѣлами моими управлять!» Уѣхалъ Стенька домой и говоритъ молодой женѣ: «Ну, Афросинья, послѣдніе дни съ тобой живемъ! Я тебя къ отцу отправлю; только я тебя не обижу. Есть у меня семь коней; навьючу на нихъ серебра и мѣди, а золота-то понюхать и самимъ нечего». Дѣвка была его словамъ рада, ждать не дождался.

Собралась вся шайка, семьдесятъ-пять человѣкъ (во время разѣзда пристали); вышелъ Стенька на крыльцо. «Ну-ка, братцы, много ли насъ?» «Семьдесятъ пять человѣкъ». «Ну вотъ, осталось пятьдесятъ, а теперъ опять прибавка. Ай-да, кто хочетъ, на Волгу! Кто охотники — впередъ!» Всѣ вскричали, кромѣ есаула: «Всѣ желаемъ тебѣ служить! Пойдемъ!» «Я желаю подальше выбрать мѣсто. Слыхали про Жегулинскія горы? А только вотъ что: есаула надо выбрать». «Кого желаешь, атаманъ, того и

сажай въ есаулы!» Онъ еще разъ подтверждаетъ: «Вотъ я желалъ бы Абсаламку!» «Ну, и мы желаемъ его!» вскрикнули всѣ. «Онъ человѣкъ хорошій и проворный и всѣ искусства знаетъ. Выходи, Абсаламка, впередъ! Командовай!» Вышелъ Абсаламка впередъ, крикнулъ: «Ну, ребята, слушайте какъ атамана, такъ и меня! Мы скоро въ походъ пойдемъ по деревнямъ; гдѣ что попадется, все тащить, зря не бросать!» «Это», отвѣчаетъ шайка,— «наше дѣло: мы не проглядимъ что въ сло виситъ!» Степанъ вскричалъ громкимъ голосомъ: «Осѣдлайте такихъ-то лошадей и насыпьте полны мѣшки серебра и мѣди, привяжите покрѣпче, да вотъ такихъ-то четыре коровы! Сегодня я отправляю жену на село. Ну, есауль, выведи на дорогу, смотри, чтобы худаго ничего не было!» Вывели семь лошадей съ мѣшками и четыре головы коровъ и привязали другъ за дружку; на переднюю лошадь самой посадили. Есауль вывелъ на дорогу и указалъ ей домъ. На другой день Степанъ приказалъ ѣхать въ Жегулинскія горы. Осѣдлали коней и пошли упорствомъ на Старо-Черкасскую губернію; открыли огонь, сдѣлали битву такую, что побили непріятелей въ триста тысячъ и забрали городъ. Возвратились оттуда упорствомъ на Саратовскую губернію. Кроволитіе тутъ у нихъ было такое, что побили сто-восемьдесятъ тысячъ (!) человѣкъ, забрали Саратовъ городъ. Изъ Саратова выступили въ Жегулинскія горы, прискакали удобное мѣсто, покопали себѣ землянки, устроили все въ порядокъ. Стенька сталъ выѣзжать на Волгу разбивать суда и вздумалъ разъ съѣздить въ Саратовъ городъ. Приѣхалъ туда и увидѣлъ у одного богатѣющаго купца прекрасную дочь, подъ названіемъ Марья Федоровна, и такъ ему захотѣлось ее къ себѣ забрать въ супружество. Дожидался онъ, когда она на разгѣлку или на балконъ выйдетъ. Черезъ нѣсколько времени выходятъ на балконъ и выносятъ большой самоваръ; купецъ съ купчихой садятся чай кушать, и дочь ихъ выходитъ. Стенька напустилъ воды, раскинулъ кошму и подѣхалъ къ балкону; взялъ купеченскую дочь изъ-за стола, посадилъ на кошму и съ собой увезъ въ Жегулинскія горы. Купецъ: «Ахъ, доржи, лови!» Не тутъ-то было. Сталъ Стенька выходить на берегъ и не сталъ никому давать проходу: ни одной баржѣ, ни расшивѣ. Стали доносить

государю, царю Ивану Васильевичу: «Царь Иванъ Васильичъ! Стенька Разинъ не даетъ проходу ни пѣшему, ни конному и по Волгѣ разбиваетъ баржи, и купеченски и даже казенны». Отписывать царь Иванъ Васильичъ Стенькѣ: «Степанъ, ты разбивай хоть купеченски, а мон не трогъ, а то я на тебя пойду упорствомъ!» Степанъ отвѣчаетъ царю: «Вы на своихъ баржахъ дѣлайте знаки, а если желаете идти на меня упорствомъ, милости прошу въ Жегулински горы. Если вы хотите мнѣ дань платить, то платите мнѣ за каждый проѣздъ и кладите знаки, а не хотите, я тогда упорствомъ пойду до Москвы!» Подумалъ царь Иванъ Васильичъ надъ Стенькиными словами: «Чѣмъ хочетъ взять? Семьдесятъ-пять человѣкъ и до Москвы хочетъ дойти!» И вздумалъ то, что онъ въ Старо-Черкасской губерніи триста тысячъ побилъ, подъ Саратовомъ сто-восемьдесятъ тысячъ.» Ну, у меня столько силы нѣтъ, значить, я въ его рукахъ». Собралъ дань и отослалъ Стенькѣ. «Положите, Степанъ, сколько за лѣто возьмете, за прокатъ—я заплачу». Сейчасъ взялъ, на казенныхъ баржахъ сдѣлалъ знаки, и съ того времени Стенька сталъ казенныя баржи пропускать, а купеческая рѣдная проходила безъ того, чтобъ онъ на ней не побывалъ. Въ одно въ прекрасное время вздумалъ Стенька покататься по Волгѣ. Ѣхалъ Волгой вверхъ, доѣхалъ до Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, до села Волгаръ. Вздумалось ему тутъ закусить. Подворотили, вышли на берегъ, идутъ селомъ. Попадается имъ встрѣчу дѣвка двадцати-семи лѣтъ; поздоровался съ ней: «Здравствуйте, красна дѣвица!» «А вы что за люди?» «Мы купцы. Не слыхали чего про Стеньку Разина?» Вдругъ дѣвица испугалась, что такой разбойникъ селомъ идетъ. «Зачѣмъ вы сюда идете? Чего вамъ надо?» «Мы вотъ ѣсть захотѣли, не знамъ куды зайти». Сквозъ зубовъ дѣвка сказала: «Милости просимъ къ намъ! Я накормлю». «А гдѣ твой домъ?» «А вотъ на берегу Волги угольная хата». Повела дѣвка въ свой домъ, посадила за столъ, напоила и накормила. Степанъ и говоритъ: «Нельзя ли, голубушка, съ тобой познакомиться?» «Отчего же, можно». И съ этого время сталъ Стенька къ ней частенько ѣздить. Стала дѣвка богата, такъ что первая на селѣ, и вздумала какъ бы его изловить. Разъ онъ пріѣхалъ къ ней и говоритъ: «Ну-ка, сходи, принеси четверть водки!» Та по-

бѣгла, сказала старшинѣ, что пріѣхали къ ней разбойники. Старшина взбулгачился, нарядилъ народу, и окружили домъ. Она принесла водки; они стали пить. Тутъ гамѣть: «Давай его сюда! Иди къ нему! Чего глядѣть-то? Тащи его!» Но никто ничего сдѣлать не могъ. Попилъ Стенька, погулялъ и опять отправился на свое мѣсто. Народъ только поглядѣлъ на него.

Прожилъ Стенька въ Жегуляхъ семь лѣтъ, и з о б р а л ь себѣ удобное мѣсто напротивъ Бирючей косы. Мѣста эти не были за-
 браны, онъ и думаетъ самъ себѣ: «Если идти упорствомъ, то намъ кабы осилить, а помощи никакой нѣтъ». Вдругъ рано утромъ приходитъ неизвѣстный человѣкъ съ письмомъ отъ Аѳанасья Степанова: «Степанъ Степанъчъ, прошу васъ испытать силы. Я ужъ сталъ восемнадцати лѣтъ, я забралъ городъ Ленбургу». И думаетъ Степанъ: «Неужли это сынъ ко мнѣ пишетъ?» Отвѣчаетъ: «Кто есть ты такой за Аѳанасій Степанъчъ?» Самъ поѣхалъ къ Бирючей косѣ и дѣлаетъ упорство на непріятеля (Турка) и усилствомъ сбили ихъ съ позиціи на Бирючую косу; забрали ихъ въ плѣнъ живьемъ. Утромъ, на солнечномъ восходѣ, приходитъ человѣкъ, приносить письмо: «Любезный мой па-
 п а ш а, я буду къ вамъ въ гости, въ городъ Астрахань, а не из-
 вѣстно когда». Такеъ онъ этому письму обрадовался! Взошли они на Теплый островъ, построили себѣ огромный домъ. Между тѣмъ пока онъ строилъ, сынъ пріѣхалъ въ Астрахань, гуляетъ по городу, не признастъ никого, никому шапки не скидѣтъ: ни господамъ, ни чиновникамъ, ни простонародью. Стали люди замѣ-
 чать, что онъ не изъ простыхъ: либо изъ чиновниковъ, либо изъ раскольниковъ. Донесли губернатору. Губернаторъ сказалъ: «Когда пойдетъ, доложите мнѣ». Вдругъ вышелъ самый этотъ разбойникъ. Губернатору слуги доложили, что онъ идетъ. Губернаторъ вышелъ изъ воротъ и пошелъ на встрѣчу. Тотъ ему ника-
 кого не отдастъ почтенія. «Что ты есть за человѣкъ?» «А нашто тебѣ?» отвѣчаетъ Аѳанасій. Закричалъ губернаторъ: «Доржи его и посадить въ темницу!» Послѣ того Стенька пріѣхалъ въ Астрахань-городъ и узналъ, что сынъ его въ тюрьмѣ, а кто посадилъ не извѣстно. Долго онъ жилъ въ городѣ и все разузнавалъ. Въ одинъ праздникъ ему одинъ человѣкъ и сказалъ, что сына его губернаторъ посадилъ. Когда ударили къ обѣднѣ, сталъ народъ

Сказки и пред. Сам. крад.

22

сѣзжаться, идетъ губернаторъ. Стенька стоялъ на пѣрсти, взялъ губернатора за руку и повелъ на колокольню. Взвелъ его на нее и вскричалъ: «Вотъ! Не ѣшь сладеую конфѣту, а попробуй луговицу съ хрѣномъ!» Взялъ его въ бедра и говоритъ: «Ну-ка, какъ кошка вывѣртывается? Встанешь ли ты на ноги какъ она?» И спустилъ его въ окно за добродѣтель сыну своему. Вышелъ Стенька изъ церкви и пошелъ прямо въ тюрьму и сына выпустилъ; подвелъ его къ губернатору и спрашивать: «Узналъ ли ты своего непріятеля? Вотъ онъ тебя въ тюрьму посадилъ, а самъ летать захотѣлъ съ колокольни, а садиться-то не умѣетъ!» Попрощались сынъ съ отцемъ. «Ну, сынъ, далеко ли пойдешь?» «Я топерь отправлюсь въ Пѣрму». «Да какъ ты ее заберешь?» «А какъ вы Бирючью косу забрали, такъ и я заберу». И пошелъ Аѳанасій въ свою шайку. (У него немного было: сто-семьдесятъ пять человѣкъ). Пріѣхалъ въ шайку, проздравилъ себя, что «былъ де я такимъ-то губернаторомъ посаженъ въ тюрьму и былъ въ ней семь дней, покуда отецъ меня не выпустилъ, а самъ губернаторъ вздумалъ полетать, а садиться не умѣлъ». «Теперь, братцы, въ Пѣрму упорствомъ поидемъ!» Собрались и сдѣлали войну—Боже упаси! Забралъ Аѳанасій Пѣрму и шестьсотъ человѣкъ въ плѣнъ. Когда Стенька узналъ объ этомъ, былъ очень радъ и пошелъ упорствомъ въ Самарскую губернію и забралъ небольшую рѣчку Уралъ. Поселились тутъ всѣ подданные Стеньки а онъ ихъ награждалъ землею и лугами, и лѣсомъ, и рѣкой Ураломъ. «Если кто говоритъ,—«будетъ у васъ отбирать, то сдѣлайте упорство!» Больше онъ въ войну не пошелъ, и задумалъ Стенька отпустить свою Марью съ малымъ дитѣмъ; поѣхалъ въ Жегулинскія горы домой. Пріѣхалъ, видитъ, что Марья лежитъ на кровати мертвая. «Ну, Богъ съ ней! Ладно, что не захватилъ». Такъ и оставилъ.

Послѣ того стало ему скучно. «Дай поѣду на Каспійское море!» Расправилъ свою толстую кошму, сѣлъ на нее и поѣхалъ къ Каспійскому морю. Ыхалъ не больше трехъ часовъ, пріѣхалъ къ столичному городу въ Персію; видитъ: гуляетъ на балконе прекрасная королева Елена; вздумалъ: «Какъ я уцѣлюсь къ городу проѣду? Дорога тѣсная». Напустилъ воды, подѣхалъ и взялъ ее съ балкона, посадилъ на кошму и увезъ на Теплый

островъ. Приѣзжаетъ въ домъ, встрѣчаютъ его служащіе. «Ну, братцы, проздравляйте меня съ побѣдою! Чего желалось, то я получилъ! Теперь мы за й м е м с я пойначе работать. Надо хлѣба на зиму приготовить и всего. Съѣздите-ка въ городъ Астрахань!» Поѣхали двѣнадцать человѣкъ, тринадцатый есаулъ, Абсалямъ. Приѣзжаютъ; высмотрѣли богатющаго купца магазинъ. Вотъ есаулъ и говоритъ: «Не поживимся ли малость?» Подрѣзали жестяную крышу и одинъ изъ ловкихъ влѣзъ туда и давай оттуда все переть. «Что, будетъ? Кажись все я повыкидалъ». «Да вотъ пошарь-ка, нѣтъ ли еще? На одну подводу не хватать». Сталъ разбойникъ шарить и нашелъ: виситъ что-то. «На крюку что-то виситъ; я вамъ не выкинулъ!» А это была кунья шуба съ бобровымъ воротникомъ. Выкинулъ ее оттуда и сказалъ Абсалямъ: «Вотъ такъ шуба! Какъ бы ее отъ атамана скрыть, чтобы мы отъ нея поживились?» Положили на возъ и отправились домой. Часу въ первомъ ночи остановились лошадей кормить на большой полянѣ, въ лѣсу, не доѣзжая пяти верстъ до Волги. Передъ самою зарей вдругъ есаулъ сдѣлалъ тревогу. «Что вы, братцы, спите? Мы то, у х а ч ѣ — воры, а у насъ украли!» Поскакали разбойники въ погоню, во всѣ стороны. Въ это время есаулъ взялъ, шубу украсть. Разбойники вернулись и спрашиваютъ: «Амного ли повражи было?» «Да вотъ», говоритъ есаулъ, — «шубу украли, а она мнѣ всего дороже». «Ну, дѣлать нечего», говорятъ разбойники, — «видно намъ ею не владать!» Есаулъ помалкивать. Приѣзжаютъ къ атаману, говорятъ: «Г о с п о д и н ѣ атаманъ, поздравляй съ добычей! Все ѣздили благополучно, только вотъ случилась бѣда: съ возу кто-то шубу украсть съ бобровымъ воротникомъ и обложену разнымъ прозументомъ!» «Плохо», сказалъ Стенька, — «а вотъ бы и надо ее сейчасъ! Какъ украли? Расскажите!» «Да вотъ мы съ устатку на такой-то полянѣ отдохнуть легли», началъ одинъ разбойникъ. Стенька сказалъ: «Иди на то мѣсто и поищите невдалекѣ кругомъ, не будетъ ли она тутъ». Сѣли двое на лошадей и поѣхали на поляну; давай шубу искать. Не доѣзжая до одного небольшого кустика, видятъ: шуба лежитъ вверхъ воротникомъ. «Эй, Митька, я шубу нашелъ!» Несетъ шубу на рукѣ, прямо къ атаману. Атаманъ взялъ и говоритъ: «Да, стали отъ меня воровать! Не ладно, робята. Я на него надѣялся, на есаула, ну, а теперь онъ изъ вѣры вышелъ». А Абсалямъ за дверьми стоялъ

да слушалъ. Приходитъ въ комнату и говоритъ: «Атаманъ, шубу мнѣ отдай!» «Какъ такъ? Ты ее украсть хотѣлъ?» «Нѣтъ, я тебѣ ее не подарю!» говоритъ есаулъ. Сдѣлалась у нихъ большая ссора. Степанъ говоритъ: «Не быть тебѣ есауломъ!» «Не буду я», отвѣчаетъ Абсалимъ, — «есауломъ, а буду атаманомъ!» Всталъ Степанъ со стула, разсердился, закричалъ на него: «Пошелъ вонъ отсюда!» Есаулъ повернулся, загнулъ свое рыло и вышелъ. «Дай-ка», думаетъ, — «я осѣдлаю своего коня и поѣду куда знаю». И уѣхалъ въ Сызрань; прожилъ въ немъ три лѣта, набралъ небольшую шайку въ девять человѣкъ, сталъ воровать и разбойничать. Узналъ про это Стенька. «Да-ка я съѣзжу, разузнаю, какъ живетъ Абсалимъ!» Взялъ трехъ съ собою и поѣхалъ. Приѣхали въ Сызрань, нарядились купцами и спрашиваютъ: гдѣ разбойникъ Абсалимъ. Всѣ знали и указали въ какой лѣсъ ѣхать. Стенька подошелъ къ его дому. Абсалимъ какъ увидѣлъ, испугался и говоритъ: «Здравствуй, братъ Степанъ, я очень боленъ». «Здорово, Абсалимъ, вижу я, какая твоя болѣзнь. Я не за болѣзнью, твоей пришелъ, а за шубу расплатиться». «Я топерь весь въ твоихъ рукахъ», сказалъ Абсалимъ съ покорной головой. Со стономъ говоритъ Абсалимъ: «Прости, братъ Степанъ, я такой же атаманъ!» «Не за тѣмъ я къ тебѣ пришелъ, чтобы простить, а за тѣмъ ты отъ меня ушелъ?» Вынулъ Стенька вострую свою пашку и отсѣкъ Абсалиму голову; сѣлъ на добраго коня и отправился назадъ. Приѣхалъ домой и сказалъ: «Ну, ребята, поминайте Абсалимку за покой его души! вотъ вамъ жертва!» И отдалъ имъ мячъ. «Я сегодня брата л с я съ нѣмъ, снесъ ему голову своей вострой пашкой, ну, да будетъ про это толковать! Мы новаго заведемъ. Какъ бы въ Астрахань скорѣе попасть? Что-то мнѣ скучно. Другаго есаула нѣтъ, это не бѣда: мы одни исправимъ дѣла!» Осѣдлали новыхъ коней; Стенька яснымъ соколомъ полетѣлъ. Проѣзжаетъ онъ базаромъ, самъ съ улыбкой говоритъ: «Я и вновь здѣсь явился; гдѣ же мой губернаторъ лежитъ? Я приѣхалъ къ нему поздороваться, сказать: есаула пусть онъ встрѣчать къ себѣ въ домъ за его добродѣтель, чтобы мого сына въ тюрьму не сажалъ(?). Мы послѣ этого разговоромъ займемся. Ну-ка, ребята, подглядите, гдѣ намъ добыча лучше будетъ! Заберемъ мы къ богатому купцу; онъ живетъ на самомъ краю, въ полукаменномъ дому. Намъ стѣны ка-

менны ни почемъ: дочь красавица у него; мы добра и имѣнья набрали, мы красавицу увезли». Привозилъ Стенька домой. «Вотъ тебѣ, любезная моя — сестра моя! (Это княжна-то). Я долго не видалъ сестру, когда бунтовство было; я расстался съ ней и сѣлъ на легку лодку, за тобой поѣхалъ; я время въ этомъ проводилъ, въ Персидское царство ѣздилъ, всѣхъ знакомыхъ я узналъ, купечество разорялъ!» Вздумалъ Стенька съѣздить въ путь-дорогу, въ Казанскую губерню; мимо Болгаръ проѣзжалъ, про прежнюю вспоминалъ. «Дай зайду къ ней!» Вышелъ Стенька изъ лодки и завѣртывать въ домъ, въ которомъ было веселье и гулянье. Онъ заставилъ стару дѣвку баню истопить. Истопила она баню и побѣжала на село и сказала старшинѣ: «Стенька парится въ банѣ!» На тотъ случай идетъ старый старичекъ. «Что у васъ за сходка?» спрашиваетъ старикъ. «Вотъ мы хотимъ Стеньку изловить!» «Гдѣ вамъ, братцы, его пымать? Тотъ еще на свѣтѣ не рожденъ. Рѣзи мнѣ старыя кости потревожить и показать вамъ Стеньку?» Снялъ старикъ свою шапку, три разъ перекрестился, подошелъ къ банѣ и тихимъ голосомъ говорить: «Степанъ!» Громко Стенька отвѣчалъ: «Эхъ ты, старый хрѣнь! Не далъ ты мнѣ помыться!» Ну, дѣлать нечего, сталъ онъ собираться. Вышли они изъ бани; Степанъ на всѣ стороны поглядѣлъ, перекрестился и пошелъ. Старикъ тихимъ голосомъ сказалъ: «Старшина, давай подводу!» Пюсадилъ его на телегу, самъ сѣлъ впереди. Привезъ дѣ города, спросилъ полицейскихъ.. «На тѣ вотъ вамъ разбойника Стеньку Разина въ казamatъ!» Весь народъ сидивался, что не простой старичекъ. Онъ спросилъ исправника: «Ну, какъ его сажать?» Исправникъ говорить: «Надо въ желѣзо его сковаты!» Взяли, въ желѣзо его сковали; Стенька тряхнулъ ногой и желѣзы прочь полетѣли. Старикъ и говорить: «Не поможетъ вамъ желѣзо, лучше мнѣ его связаты!» Взялъ моченое лыко, ноги руки ему связалъ, посадилъ его въ острогъ. Трое сутокъ онъ въ немъ сидѣлъ, на четвертыя является губернаторъ: извѣстенъ былъ такой разбойникъ всей ампѣрин. Распаленный губернаторъ закричалъ на него громко: «Можетъ ли сидѣть такой разбойникъ связанъ мочалами? Заковать его въ желѣзы!» И сказалъ Степанъ: «Ну, топерь, братцы, прощай!» Нарисовалъ середь полу легку лодку и сказалъ: «Садись, ребята, со

мною!» Полилась изъ острогу вода, отворилась дверь, и уѣхалъ Стенька въ луга; увезъ съ собой новыхъ двѣнадцать человѣкъ, вернулся домой къ молодой своей женѣ и къ названой сестрѣ (Астраханѣ). И задумалъ Стенька переправиться въ отдаленную дорогу, на Валхйнско-черно море, на зеленый Сиверскій островъ; и думать Стенька про свою молодую жену, княгиню: «Кудажъ я ее возьму съ собой? Неужли мнѣ, удалцу, тамъ жены не будетъ?» Разостлалъ Стенька платокъ, посадилъ двухъ дѣвокъ съ собой; подѣ служащихъ—большой коверъ, и сказалъ: «Грянемъ, ребята! Недалеко: мы сегодня въ Астрахань, а на утро будемъ въ Рыбинскомъ!» Плыли они путину, молодѣ его жена и сказала: «Куда ты меня завезешь?» «А не хощь ты со мной ѣхать, полетай съ платка долой!» Словомъ ее огоршилъ—княгиня полетѣла вплоть до дна. Ѣхавши губерніями народъ видѣлъ его на платѣ, съ дѣвицей. Дѣвица сидитъ, возмолѣется: «Прощайте, нянюшки, мамушки и родимый мой отецъ!» Онъ услышалъ эти слова, подворотилъ къ лѣвой сторонѣ. «Охъ, и городъ мой родной (Синбирской), ужъ я въ немъ и рѣдко былъ, а все знаю!» Видитъ: сынъ на встрѣчу идетъ, вздорѣвается съ нимъ и называетъ отцемъ. «Ахъ, сыночекъ Ванюшка, не знаешь ли про своего братца?» «Нѣту, татенька, не знаю; я въ несчастіи нахожусь: архерей меня въ тюрьму посадилъ.» «Ну, какая честь будетъ ему, хвала?» сказалъ Стенька сыну. Обнялись, поцѣловались. «Не плачь, сыночекъ, я съ нимъ рассчитаюсь. Я еще не такихъ видалъ: Астраханской губерніи губернатора съ колокольні видалъ, и этому не миновать!» Утромъ рано онъ всталъ, самъ къ заутрени пошелъ; прохоя всеѣ церковъ, передъ царскими дверьми всталъ. Выходитъ архерей изъ алтаря, беретъ его Степанъ за руку: «Ну, пойдемъ со мной за сына рассчитаться!» Ввелъ его на вышній этажъ и крикнулъ: «Сейчасъ получаетъ вашъ архерей за моего сына расчетъ!» Взялъ его и выбросилъ изъ окна. Народъ взбунтовался. «Держи, лови!» Но никто не видалъ, какъ Стенька весь народъ прошелъ. Взялъ онъ сына своего куды путь лежалъ, доѣхалъ до Рыбинска: городъ славный, а стоять нельзя. «Оставайся, сыночекъ, здѣсь, а я поѣду куда вздумалъ, по свѣту похожу, разузнаю, гдѣ что есть».

Приѣхалъ къ морю и сказалъ: «Слава Богу!» Стенькѣ отъ роду было девяносто-семь лѣтъ. Переправился онъ черезъ море на зеленый Сиверскій островъ, написалъ онъ письмо старшему своему сыну: «Я прощаюсь съ вольнымъ свѣтомъ, и конецъ мнѣ скоро будетъ». Построилъ себѣ домъ близъ большой дороги; и мѣлъ проживанья три года и кончилъ Стенька жизнь свою на Сиверскомъ зеленомъ островѣ, но дѣти его не знаютъ, гдѣ отецъ. Прележалъ тридцать лѣтъ; стѣны ходила по землѣ, но народъ она пугала и просила, чтобы надъ ея тѣломъ сказали вѣчну память.

Проѣзжалъ одинъ изъ прикащиковъ съ краснымъ товаромъ; поднялась грѣзна, туча и ударилъ сильный дождь; онъ отъ дождя и заѣхалъ въ домъ Стеньки Разина. Стѣна подошла и шепотомъ говоритъ: «Иди, возьми въ такой-то комнатѣ золота мѣшокъ и подъ такимъ то звономъ, подъ заборомъ лежитъ Стенька Разинъ; скажи надъ нѣмъ вѣчну память, а прежде сведи коней со двора!» (А то землетрясеніе будетъ). Неустрашимый разнощикъ разыскалъ золота мѣшокъ, навалилъ его на горбъ, повезъ со двора и думаетъ: «Ладно ли такъ будетъ?» Воротился назадъ, разыскалъ трупъ Стеньки Разина, въ попыхахъ скоро сказалъ три разъ вѣчную память; самъ бѣгомъ со двора побѣгъ, палъ на лошадь, тронулъ коня возжей, но едва отъѣхалъ — потряслась земля, и провалился трупъ Стеньки и закрылся землей. О Стенькѣ разсказу конецъ, а будемъ говорить о старшемъ сынѣ Аеонькѣ.

Услыхалъ Аеонька о смерти отца, и вздумалъ онъ съѣздить на Валхйнско-Черно море, на зеленый Сиверскій островъ. Подъѣхалъ къ морю—тихо было; сѣлъ въ небольшую лодку и отправился самъ на островъ. Вдругъ буря поднялась, раскачала лодку его. Тутъ-то Аеонька страху напался! Чуть не захлебнулась его лодка. Дошелъ до отцовскаго дома—стоятъ однѣ голыя стѣны. Посмотрѣлъ на эти стѣны, самъ заплакалъ и пошелъ; тихо, во слезахъ, слово сказалъ: «Смерть отца я не засталъ! Ну, прощай, отецъ! Теперь я до смерти не увижу тебя!» Отправился на море; поглядѣлъ—лодки нѣтъ. Вотъ бѣда и горе! Кто-то лодку утналъ. Ъдутъ два перевозчика, онъ и крикнулъ: «Братцы, посадите меня!» Тѣ подъѣхали и говорятъ: «Что дашь за перевозъ? Мы отвеземъ». «Сколько возьмете?» «Ну, садись!» Онъ сѣлъ въ лодку

и думаетъ: «Денегъ у меня ни гроша, чѣмъ я расплачусь съ ними?» Одинъ у него въ карманѣ кистень. Вынулъ онъ его тихонько; перевозчики сидятъ впереди, веслами гребутъ и другъ на друга глядятъ. Заглядѣлся одинъ перевозчикъ, взялъ Аеонька цопъ его въ ухо кистенемъ! Этого убилъ до смерти, а другаго изъ лодки вышибъ, самъ сѣлъ въ весла и поѣхалъ куды надо. Приѣзжаетъ на свѣ сторону, идетъ путемъ дорогой, попадѣтся ему артель среднихъ мужиковъ; идутъ съ золотыхъ принсковъ. Аеонька говоритъ: «Здравствуйте, робята! Куда ходили?» «Идемъ съ работы.» «А мнѣ такихъ людей надо! Я иду третій день не жрамши, хоть на кусокъ хлѣба добыюсь себѣ!» Мужики другъ на дружку взглянули и говорятъ: «Неужто мы живые одному въ руки дадимся? Это вздоръ!» «Ну, какъ же, мужики, денегъ много у васъ?» «Да есть у кажняго по сотняжѣ», смѣются между собою. «Ну, что же, давайте мнѣ на дорогу!» говоритъ Аеонька. «Эхъ ты, дуракъ! Мы сами глядимъ гдѣ бы взять.» «Да вѣдь съ вами нечего такъ говорить: вы не знаете, кто я!» Вынулъ изъ кармана кистень и говоритъ: «Ну-ка, я примусь за прежнюю работу!» Тутъ Аеонька развернулъ руку и далъ одному кистенемъ плюху, а трое съ испугу упали. «Я съ вами вотъ какъ обойдусь!» Поколотилъ всю артель, деньги отобралъ. «Будетъ мнѣ на дорогу!» Идетъ и посмѣивается, самъ себѣ говоритъ: «Я топеръ гдѣ ни взойду, голодомъ не умру.» Пришелъ въ свой домъ: запустѣлъ, никого нѣтъ... И такъ досада его взяла, что изъ терпѣнья онъ вышелъ. «Гдѣ мои подданные товарищи, которые со мной были?» Воздохнулъ онъ тяжело и сквозь слезы сказалъ: «Прощай, моя изба! Больше я въ тебя не приду!» Забралъ все добро, сѣлъ на добраго коня. Проѣхалъ не больше пяти верстъ; стоитъ въ лѣсу огромный домъ. Онъ взѣхалъ въ него, выбѣгать къ нему на встрѣчу его есаулъ и говоритъ: «Здравствуй, братъ Аеанасій! Какъ твое здоровье? Гдѣ ты столько время былъ?» «Неужто ты, братъ, не знаешь гдѣ я былъ? Я отца хоронилъ.» «Ну, милости просимъ въ нашъ домъ! Мы свой выстроили.» «А много ли васъ здѣсь?» «Да не много: двадцать-пять человѣкъ», сказалъ есаулъ. «Такъ что же? И меня въ артель принимайте!» «А милости просимъ!» Но такъ его досада беретъ, что онъ изъ атамановъ въ подданные идетъ, говоритъ есаулу: «Ну, что, атаманъ, здѣсь слу-

жить неловко: добычи мало! Поѣдемте въ привольныя стороны, гдѣ отецъ работалъ.» «И я думаю туда же отправиться.»

Въ одно прекрасное время съѣхалась вся шайка; начали говорить: «Кто на Волгу хочетъ въ городъ Симбирской?» Одинъ изъ работниковъ говорить: «Да вѣдь не знай какъ мы попадемъ въ Симбирской: тамъ завѣдывать Ванька» (братъ Афоньки). А Аеонька говорить: «Вотъ мнѣ и хочется узнать. Забирайте ограбленное добро!» Забрали, лошадей осѣдлали, сѣли поѣхали. Приѣхали на берегъ Волги въ небольшое село, по прозванью, Майну, разыскали тутъ удобство (небольшую рывину), прежній готовый домъ, остановились на время жить. Разузнали всѣ дѣла, какъ живетъ Ванька, командовать своими войсками и гордится, управляетъ всей Волгой; занимаетъ должность отца старика: судя разбиваетъ, лопмановъ въ воду кидаетъ. «Ну, это онъ незаконно», сказалъ Аеонька. «Пусть бы онъ деньги и добро бралъ, а лопмановъ въ воду кидать не зачѣмъ. Попробую силу его!» Написалъ Аеонька письмо: «Ожидай меня въ гости!» Ванька отвѣчалъ: «Милости прошу, незнакомый человѣкъ!» Собрались двадцать-пять человѣкъ, разостлалъ Аеонька епанчу, сѣли вмѣсто лодки и поплыли въ Симбирскъ. Ванька встрѣтилъ гостя и говорить: «Какіе вы люди?» «Мы—дѣти Стенки Разинова, первый сынъ Аеанасій». Онъ этому дѣлу не вѣритъ, хочетъ по шеѣ изъ дому прогнать. «Врешь! У меня не такой братъ!» Произшелъ шумъ и драка; открыли огонь, и Аеонька упорствомъ пошелъ, прогналъ Ваньку изъ Симбирска въ Рязанскую губернію. Остался Аеонька въ Симбирскомъ свою жизнь продолжать и научился, какъ баржи разбивать. Вотъ плохая тутъ удача: народъ хитрый нынче сталъ. Однажды погнался за маненькой баржей. Лопманъ былъ не промахъ: самъ рулемъ править, рукой по головѣ гладить. На головѣ волоса были длинны: какъ назадъ ихъ закинетъ, и Аеоньку съ Волги на берегъ кинетъ. «Эхъ», говорить—Аеонька, это, братцы, не такъ. Тутъ не поживѣшься! Поѣдемъ дальше за ними!» На путинѣ баржа пріотдохнуть и встала. Аеонька—слѣдомъ. «Вотъ гдѣ намъ владать имъ, этимъ лопманомъ!» шепнулъ Аеонька. «Айда, братцы, за работу!» Взошли на баржу: лопманъ стоитъ въ своей хатѣ. Отворилъ Аеонька дверь и крикнулъ: «Эй ты, сонный тетеря, не отворяшь

намъ двери!» Съ испугу лопманъ вскочилъ, выбѣгъ на верхній бортъ, ножемъ горло перехватилъ. Разбили они эту баржу; златомъ и серебромъ лодку нагрузили и отправились домой.

Получаетъ Аеонька письмо не извѣстно откуда; сталъ его читать: письмо—отъ роднаго брата. «Эхъ, братецъ, не зналъ я, что ты былъ у меня въ гостяхъ и войну у п о р н у ю сдѣлалъ. Я теперь третій мѣсяцъ въ несчастьи: въ тюрьмѣ сижу». Аеонькѣ жалъ стало: онъ и поѣхалъ въ Рязанскую губерню, розыскалъ брата въ тюрьмѣ. Увидѣлъ весь народъ, что самый тотъ разбойникъ въ такомъ-то году архерея съ колокольні бросилъ (лицемъ схожъ былъ). «Давай, держи, лови!» Шумъ поднялся и гвалтъ, а Аеонька подошелъ тихо къ замку, выпустилъ своего брата и отправился въ свое мѣсто. «Бросимъ это все дѣло!» сказалъ Иванъ брату.—«Будетъ, братъ, погрѣшили, пора на покаяніе!» «Нѣтъ», сказалъ Аеонька,—«я до смерти свои дѣла не брошу!»

Отправился на свѣдѣ мѣсто, на разбойное дѣло. Недолго ему царить досталось: нагрянуло войско; пымали Афоньку въ темномъ лѣсу, посадили его въ тюрьму. Рѣшилъ его судъ сквозь тысячнаго строя три разъ провести. Забили Аеоньку до смерти, а Иванъ пустился во моленье и покаялся въ девяносто-семи людскихъ душахъ.

б. Не Стеньку подѣ Синбирскомъ разбили, а его есаула, татарина. Стенька былъ въ это время въ Дербентѣ. А разбили есаула его потому, что онъ, татарска лопатка, вздумалъ озоровать и подустѣлъ выстрѣлить пулей въ соборный крестъ. Стенька видитъ: дѣло плохо (онъ вѣдунъ былъ), помчался изъ Дербента, да ужъ дѣло опоздано было. А взялъ Синбирскъ сынъ его, Аеонька. На выѣздѣ изъ города къ рѣкѣ тамъ и стѣна стоитъ, на стѣнѣ написано: «Взялъ Синбирскъ Аеонька». Все одно какъ на Каспійскомъ морѣ есть столбъ, гдѣ прописано какъ его Петръ Первый высѣлъ плетми за то, чтобъ оно не смѣло его впередъ топить.

(Записано въ с. Новиковкѣ, Самарск. губ., Ставропольск. уѣзд.).

в. Симбирскъ Стенька потому не взялъ, что противъ Бога пошелъ. По стѣнамъ крестный ходъ шелъ, а онъ стоитъ да смѣетъ

ся: «Ишь чѣмъ», говорить,—«испугать хотять!» Взялъ и выстрѣлилъ въ святой крестъ. Какъ выстрѣлилъ, такъ весь своей кровью облился, а заговорѣнный былъ да не отъ этаго. Испугался и побѣжалъ.

г. Подъ Василѣмъ напали стрѣльцы на удалыхъ молодцевъ Стеньки Разина. При шайкѣ былъ самъ атаманъ съ есауломъ. Вотъ начали они биться, и не берутъ разбойниковъ ни желѣзо, ни пули, потому что они всѣ заговорѣны. Изъ шайки всѣ живы, никто не раненъ, а стрѣльцы такъ и валятся. Одинъ сержантъ и догадайся: зарядилъ пицаль крестомъ (съ шеи снялъ), да въ есаула и выпалилъ. Тотъ какъ снопъ свалился. Стенька видитъ, что дѣлать нечего, крикнулъ ребятамъ: «Вода!» (спасайся, значитъ). Подбѣжали къ Волгѣ, сѣли на кошмѣ и уплыли, а есаулово тѣло тутъ на берегу въ лѣсу бросили и три мѣсяца его земля не брала, ни звѣрь не трогалъ, ни птица. Вотъ разъ кто-то изъ прихожихъ мужиковъ подошелъ да и говоритъ: «Собака!» говорить,—«собачья и смерть!» Какъ только эти слова сказалъ, мертвый есаулъ вскочилъ на ноги и убѣжалъ Богъ вѣсть куда.

(Записано отъ П. С. Полуэктова).

д. Стенька начальству разъ самъ дался, руки протянулъ, и заковали его въ желѣзы. Послѣ положили и зачали пытать: и иглоками кололи, и кошками били—ничего не беретъ. Стенька знай только себѣ хохочетъ. Вотъ и выискался одинъ знающій человекъ и говоритъ: «Да вы чего бьете-то? Вѣдь вы не Стеньку бьете, и не онъ у васъ въ кандалахъ, а чурбанъ! Онъ вамъ глаза отвелъ да и хохочетъ». Сказалъ этотъ человекъ такое слово—глядитъ начальство, а и въ самомъ дѣлѣ не Стенька лежитъ, а чурбанъ. Ну, послѣ Стенька ужъ не могъ вырваться; положили его при томъ человекѣ, стали бить—пробрали. А то бы онъ вовсе глаза отвелъ.

(Слышалъ отъ А. В. Чегодаева, въ Симбирскѣ).

е) Стенька прежде былъ умолѣнный, а теперь его двѣнадцать разъ въ годъ проклиняютъ. Онъ однѣхъ церквей двѣнадцать штукъ настроилъ, а потомъ, значить, своихъ сталъ обижать—за это его и проклинали.

(Записано въ Симбирскѣ).

ж. За Волгой, на Синнихъ горахъ, при самой дорогѣ, трубка Стенькина лежитъ. Кто тоѣ трубку покурить, станетъ заговорѣнный, и клады всѣ ему дадутся и все; будетъ словно самъ Стенька. Только такого смѣлаго человѣка не выискивается до сей поры.

(Такъ же).

111.

Про разбойниковъ.

а. Ахметъ.

Въ Астраханской губерніи, Вирючинскаго уѣзда, при озерѣ Черномъ, былъ аулъ Насалать. Жилъ въ немъ одинъ Калмыкъ, у него сынъ былъ Ахметъ. Отецъ имѣлъ богатство: триста лошадей дойныхъ: заводъ кумысный былъ. Когда Ахметъ былъ малъ, отецъ его къ работѣ принуждалъ. Не хотѣхъ заниматься Ахметъ; отецъ началъ бить его, принуждать. Разъ Ахметъ скрылся и ушелъ на Вирючью косу. Жилъ на ней три года; собралась шайка и начали разбойничать. Мало по малу стали шхуны уби-
ра-ть, рыболововъ убивать. Ахметъ научился всякимъ хитростямъ. «Ахметка у насъ Хитрый!» Такъ всѣ и знали. Вся шайка сказала, что надо намъ атамана. «Да кого же?» Думали, гадали. «Выберемъ Ахмета: онъ всѣхъ хитрѣе». Взяли, сдѣлали его атаманомъ. Сталъ онъ распоряжаться, люди стали прибывать: набралось до сорока-пяти человѣкъ. Въ то время случилось въ Ставропольской губерніи бунтовство: прошелъ ей мимоходомъ Стенька Разинъ съ своимъ войскомъ. Заслышалъ Ахметъ про это дѣло, погнался за Стенькой; не застигъ на дорогѣ, допустилъ его до города Астрахани. Въ Астрахани городокъ былъ плохъ: весь разбитъ Стенькой, и не могъ Ахметъ справиться. Расхрабрился Ахметъ и такъ горячо со Стенькой поступилъ, хотѣлъ показать ему путь дорогу назадъ; ну, не тутъ-то было! Стенька самъ былъ хитѣрь: онъ пымалъ Ахмета въ руки и отпустилъ въ ж... двадцать-пять плетей, и сказалъ ему: «Еще ты,

братъ, не атаманъ! Куды тебѣ на меня лѣзть? Такъ, упорствомъ хотѣлъ взять, воротись-ка назадъ». Ахметъ съ досады воротился назадъ и пошелъ селами, сталъ зорить крестьянъ. Заслышалъ про это Стенька, послалъ своихъ войсковъ за Ахметкой въ погоню. Ну, счастье было такое: на берегу стояла лодка. Ахметка бросилъ своево коня, сѣлъ въ лодку и пустился внизъ по Волгѣ. Дѣлать было имъ ничего, на водѣ никакъ не пымать. Наимался Ахметка страсти.

Пошелъ разъ на разбой, попадаться ему первая встрѣча, сорокапяти годовъ женщина брюхата. Онъ взялъ ее за ноги и подвизалъ къ осинѣ; разрѣзалъ брюхо и смотритъ, какъ въ животѣ ребенокъ лежитъ. Не пронялось этимъ дураку, и не видалъ, что позади народъ стоитъ. Окружили Ахметку. Онъ бабу бросилъ и пустился самъ бѣжать. Скрылся однимъ счастьемъ: попался ему медвѣжьей берлогѣ; онъ залѣзъ въ него, пролежалъ трое сутокъ. Такъ голодомъ показалось невкусно: своихъ товарищевъ забылъ. Вылѣзъ оттуда и думаетъ: «Неужто я живъ остался?» Пришелъ домой—изба стоитъ холодная. «Эхъ, гдѣ-то мои товарищи? Всѣ меня бросили, ну да я и одинъ стану охотничать: гдѣ гусь, гдѣ утка съ ногами и руками, съ человѣчьей головой». Вдругъ является къ нему средній мужичекъ. «Здоровъ ли, Ахметъ?» «Экой, мужикъ, ты дуракъ! Какъ здоровье! Ты мого горя не знаешь: я четвертый день не жрамши!» «А гдѣ твоя шайка?» «Не знаю». «Они на Бирючью косу ушли, и я къ нимъ пробираюсь: не возьмутъ ли». «Доведи меня до нихъ, хоть бы кусокъ хлѣба дали». Мужикъ повернулся и сказалъ: «Ступай за мной!» Шли полтора дня; никакихъ селъ не видали; вошли на Бирючью косу. Стояла на ней рыболовля; подошли къ рыболовамъ и съ милостью кусокъ просили. Когда рыболовы узнали, что это Ахметка, закричали въ голосъ: «Бей его, сукиннова сына!» Прогнали, чуть домой доплелся. Ну, разбойники увидали, приняли къ себѣ. «Гдѣ ты, Ахметъ, былъ?» «Ну, я въ руки мужицки попалъ, еле живъ остался. Дайте поѣсть!» Собрали ему обѣдъ. Онъ наѣлся, напился и вздумалъ отдохнуть. Видитъ во снѣ, что торчитъ на волѣ его голова; вскочилъ, испугался и думаетъ: «Неужто это меня пымать?» Вдругъ къ вечеру шумъ и гвалтъ, окружило ихній домъ множество народу; переловили всю шайку и отправили

въ острогъ. Нашли спрятаннаго Ахмету, отрубили ему голову и надѣли на колъ.

(С. Новикова, Самарск. г., Ставроп. у.).

6. БЫКОВЪ.

Въ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, въ селѣ Кожавка, жилъ былъ мужикъ Быковъ. Имѣлъ себѣ состояніе, домъ богатѣющій, жилъ себѣ въ одиночествѣ, только съ женой. Звали его Михайло Павловъ. Прожилъ одиннадцать лѣтъ съ женой Мареей Сергѣевной, имѣлъ сына Петра. Воспитали до семнадцати лѣтъ—и онъ бросилъ отца, пошелъ въ городъ Спасскъ, нанялся къ купцу въ работники и жилъ честно. Три мѣсяца ничего никто за нимъ не замѣчалъ. Пришелъ къ нему товарищъ Романъ. «Послушай, Петруха, пойдѣмъ со мной!» «Куды?» «Я вещь нашель». Романъ повелъ его на истокъ; на истоѣ небольшой мостъ; подъ мостомъ—сундукъ со всѣми вещами: рубашки, холсты и двѣ тысячи рублей. Петруха, не зная ничего, испугался и говоритъ: «Надо объявить.» Романъ не совѣтовалъ: «На насъ», говоритъ,—«хватить!» Забрали деньги, сундукъ разбили, и послѣ того Петруха Быковъ началъ пьянствовать и пошаливать. Бросилъ онъ ходить по работникамъ, началъ лошадей воровать, по клѣткамъ лазать, а потомъ отправился въ лѣсъ. Не имѣлъ себѣ товарищей. Началъ разбойничать; убивать людей, грабить на дорогахъ, разбивать возки разнощиковъ и разбойничалъ онъ въ Кожавскомъ лѣсу тридцать-одинъ годъ. Своихъ не трогалъ. Въ одно время вздумалось ему, что «я сколько людей убилъ, а не знаю какъ робенокъ въ чревѣ лежитъ!» Пошелъ на дорогу; попадается на первой встрѣчѣ родная сестра брюхата. «Ты, сестра, перва встрѣча! Не спущу тебѣ!» Взялъ, подвѣсилъ ее, разрѣзалъ ей брюхо, не поспѣлъ взглянуть, и выпалъ робенокъ. Только ахнулъ, что не видалъ какъ, а бабу сгубилъ. Пошелъ дальше; идутъ двое шерстобитовъ по лугамъ. Онъ сказалъ имъ: «Куда идете?» «Шерсть бить». «Подходи!» Подошли они къ стогу. «Скидайте рубахи и портки! Привязывайте лучки къ стогу! Начинайте бить!» И до тѣхъ поръ около стогу мучалъ, что силъ ихнихъ не хватаетъ. Весь стогъ безъ малаго избили. Видитъ Быковъ, что съ нихъ не только потъ, а и кровь выступаетъ,

крикнулъ: «Довольно, спасибо вамъ! На тѣ пять рублей за работу!» Сталъ такъ Быковъ шалить, что однѣ бабы въ полѣ боялись работать: пугаетъ, хлѣбъ убираетъ, скидаетъ одѣжу, на огнѣ жжетъ. Вознегодовали всѣ околныя деревни, какъ бы его изловить? Собралось нѣсколько деревень въ городъ Спасскъ, объявили исправнику, что надо поймать Быкова. Тотъ приказалъ поймать. Сдѣлали облаву, разослали лазутчиковъ подглядывать за нимъ. Пошли по Кожавскому лѣсу кругомъ; но онъ смѣтилъ и ушелъ въ околный лѣсъ. Нельзя его было тутъ поймать. Одинъ изъ Измерскихъ Татаръ видѣлъ его въ околномъ лѣсу; пріѣхалъ къ исправнику: такъ и такъ. Потревожили всею облаву въ тотъ лѣсъ. А онъ спалъ подъ вишневымъ кустомъ. Шли, гайкали, дошли до куста. Быковъ услышалъ, что народъ кругомъ, вскопчилъ и хотѣлъ убѣжать, но не тутъ-то было. Хотѣлъ сдѣлать упорство на народъ, пробиться, да нельзя: много очень народу. Ударилъ свой ножъ въ землю по самый черенъ, и тутъ его забрали; представили въ Спасскій городъ, посадили въ острогъ. Вздумалъ Быковъ убѣжать; разломалъ печку, выбралъ полъ и прогнѣвъ въ корридоръ; подошелъ къ стѣнѣ оградной, посмотрѣлъ на нее, а часовой увидалъ челоуѣка, закричалъ дурнымъ голосомъ—выскочилъ караулъ, сдѣлали тревогу. Видать: печь разломана. Всю ночь онъ былъ подъ карауломъ; на другой день рѣшеніе вышло отослать его въ Казань. Повезли съ двумя казаками, сабли на голо! Черезъ нѣсколько время вышло рѣшеніе прогнать скрозъ строя пятистельнаго полка. Съ трехъ разъ палачъ убилъ его, а солдаты только строемъ стояли, караулили. Мертваго все-таки провезли, и стоимъ ли ¹⁾ отобрали его шкелѣтъ и поставили въ приводный упокой, въ звѣрѣвище. Въ одинъ праздникъ пришла губернаторская дочь посмотреть звѣрей, отворила дверь въ покой, а въ ней сидитъ Быковъ съ шашкой. Она наступила ногой на доску, подъ котору была подведена пружина, онъ вдругъ и вскопчилъ со стула. Перепугалась дѣвица и тутъ же кончилась. Отмѣнили послѣ того эту доску, чтобы Быковъ не соскакивалъ.

(С. Новикова).

¹⁾ То-есть, анатомировали Д. С.

6. Суворовъ.

Разбойничалъ Суворовъ лѣтъ 80 назадъ, въ Саранскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи, въ селѣ Новосельскомъ. Шайка была человекъ двѣнадцать. Былъ заговоренный. Бывало, на пути ему, гдѣ онъ ѣдетъ, наворачаютъ корней, боронѣ; какъ Суворовъ поѣдетъ, такъ корни и бороны сами прочь съ дороги летятъ. Кумъ его выдалъ. Разказалъ Суворовъ куму, что его можно взять черезъ лѣво долота и бороду топора. Тотъ застигъ его съ мужиками, въ лѣсу, у костра и крикнулъ: «Кумъ!» «Что?» говорить. «Отдавайся», говорить, въ руки! «Въ самомъ дѣлѣ?» «Вѣрно», говорить. «Ладно». Тутъ, значить, въ грудь самую мужикъ Суворову выпалилъ... Такъ тотъ съ версту бѣжалъ, потомъ упалъ, померъ.

(Записано въ Самбирскѣ).

7. Алексѣй Ехмачинскій.

За Волгой, лѣтъ шестьдесятъ назадъ или больше, разбойничалъ Алексѣй Ехмачинскій. Онъ былъ дворовый человекъ и повиненъ былъ всего въ двухъ душахъ: старика да старуху пови-силъ; а то все грабилъ, обозы останавливалъ. Шайки у него не было. Написать это къ господину какому-нибудь: «Приготовь тамъ-то деньги!» И приготавливали. Всѣ его боялись, даромъ что одинъ. Разъ ѣхала со своей барыней Агафьей Ивановной лѣсомъ, а онъ изъ кустовъ и выходитъ съ саблей; а барыня добрая была. Увидалъ ее разбойникъ—не тронулъ. «Агфью Ивановну», говорить,—«не трону, потому она ни въ чемъ не отказывала мнѣ и на меня зубовъ не точила». (Другіе-то помѣщики все хотѣли изловить Алексѣя). «Попадись мнѣ кто другой», говорить, а бы показалъ—а вы проѣзжайте съ Богомъ!» Такъ и пропустилъ. Подъ конецъ сталъ сильно и мужиковъ обижать. Алексѣй-то разъ и похвастайся гдѣ-то, да на пчельникѣ, у старика: «Меня», говорить,—«никто не поймаетъ и жизни не рѣшитъ, а если и рѣшить, такъ Алексѣй двойнѣшнѣй, да и то только моею же саблей, коли разъ ударить». Пчелякъ и разкази своимъ односельчанамъ. Тѣ и говорить: «Надо такого человека сыскать!» Нашелся Алексѣй же и

двойнишний. Стали они его въ кабаѣ уговаривать: «Поди, убей Ехмачинскаго!» «Да за что», говоритъ, — «я его убью? Что онъ мнѣ сдѣлалъ?» «Мы», говорятъ, — «тебя ото всѣхъ податей освободимъ, на себя возьмемъ, только убей!» «Ну, ладно», говоритъ. Согласился. Вотъ разъ заходитъ опять къ пчеляку разбойникъ; сидитъ тотъ, медомъ его угощаетъ. Посидѣли; слѣдомъ и двойнишний въ землянку входитъ. Разбойникъ и спрашиваетъ: «Дѣдушка, это кто?» «Да это», говоритъ, — «мой племянникъ Алѣша; лыки дралъ, да слѣпни одолеваютъ, вотъ и зашелъ». «А, Алексѣемъ же зовутъ! Ну, садись, Алексѣй, давай пить». Пчелякъ тоже въ заговорѣ былъ: разбойнику-то морѣнаго меду подноситъ, а Алексѣю двойнишнему — простаго. Розобрало разбойника. «Давай, Алеша, побратаемся. Ты съ себя крестъ мнѣ отдай, а я — съ себя!» Снялъ съ себя золотой крестъ и отдалъ, а съ мужика небольшой мѣдный снялъ, себѣ надѣлъ на шею. Стали еще пить. Двойнишний-то притворился, что пьянъ будто: свалился. Разбойникъ и въ заправду охмѣлѣлъ, тоже легъ, да и заснулъ. Какъ только онъ заснулъ, Алексѣй двойнишний взялъ его саблю, да голову ему и снесъ. Денегъ сколько у разбойника нашли! Цѣлыя, словно подушки на груди, набиты. Послѣ, Алексѣя двойнишняго же по судамъ затаскали; насилу отдѣлался. Говорили, что будто онъ человѣка убилъ.

(Записано въ Симбирскѣ).

е) Шарюкъ.

Шарюкъ былъ Татаринъ; родился онъ въ Алатырскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи, въ селѣ Ломаты, и разбойничалъ верстъ на семьдесятъ кругомъ, избѣгая нападать на сосѣднія села. Онъ боялся Мордвы и условился не трогать ихъ. Въ двадцати верстахъ отъ Ломатъ былъ большой лѣсъ (Николаевскій боръ), продолженіе огромныхъ Сурскихъ лѣсовъ. Шарюкъ обладалъ необыкновенною силой и умѣлъ выскользнуть изъ рукъ; онъ бѣгалъ нѣсколько разъ изъ острога и каторги. Это его прославило. Окрестное населеніе боялось его какъ огня. Въ Ломатахъ у него была своя изба. Въ базарный день онъ ходилъ по селу, и никто не смѣлъ его тронуть. Шарюкъ заходилъ въ окрестные кабаки и спрашивалъ при всѣхъ вина. Посѣтителі разступались и пропускали его къ

стойкѣ. Расплачивался онъ щедро: давалъ втрое и больше чѣмъ слѣдовало; до рубля небралъ сдачи. Выходя изъ кабака, онъ дѣлалъ пять-шесть выстрѣловъ изъ револьвера. (Это было всего лѣтъ пятнадцать назадъ). У него было ихъ два и одинъ двѣнадцатизарядный. Шайка Шарюка состояла изъ тридцати человѣкъ; все больше Татары, но были и Русскіе. Не любилъ Шарюкъ богатыхъ, чѣмъ либо тѣснившихъ народъ; поповъ тоже не любилъ. Священникъ села Дубенокъ (верстъ двѣнадцать отъ Ломатъ) не изъ трусливыхъ, а все-таки побаивался Шарюка и держалъ при себѣ всегда заряженный пистолетъ и два ружья. Когда прослышалъ про Шарюка, такъ даже сына на охоту не пускалъ. Кромѣ того, онъ далъ таковой приказъ караульщику: «Если въ поповомъ дому выстрѣлятъ, бѣги на выстрѣлъ, или бей въ набатъ». Въ церкви онъ приставилъ четырехъ караульныхъ. Въ Прозинѣ тоже сильно побаивались Шарюка; говорили, что онъ дорогой почту ограбилъ, да верстъ за шестьдесятъ отъ того мѣста пона обобралъ. Переходы дѣлалъ Шарюкъ необыкновенно быстрые. Везъ разъ мужикъ бочку съ дегтемъ; встрѣтилъ его Шарюкъ съ своею шайкой и заставилъ вылить деготь на дорогу. Время было жаркое. «Ну-ка, поваляйся!» скомандовалъ Шарюкъ. Мужикъ, боясь ослушаться, началъ кататься въ пыли и въ дегтю. Послѣ этого Шарюкъ далъ ему за бочку вдвое.

Полиція не могла поспѣть за Шарюкомъ, и въ народѣ говорили даже, что губернаторъ послалъ на Шарюка войско. Татарамъ изъ шайки Шарюка, попадавшимся въ воровствѣ, Мордва начала грозить и разъ жестоко наказала одного вора за кражу пшеницы изъ амбара: ему пудовою гирей расплющили пальцы обѣмъ стѣну, и вдругъ Шарюкъ затихъ. Никто не знаетъ, куда онъ дѣлся, куда исчезъ. Молва о немъ и прежде затихала иногда, но не на такое долгое время. Обыкновенно послѣ нѣкотораго перерыва, онъ начиналъ еще смѣлѣе разбойничать. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ Шарюкъ опять появится. Говорили будто его убили сами Ломатскіе Татары, потому что многіе изъ его шайки грабили въ не показанныхъ мѣстахъ. Вдобавокъ прошла молва, что изъ окрестныхъ селъ, въ рабочую пору, выгонять народъ ловить Шарюка, и исправникъ грозился Ломатскимъ Татарамъ, что если они не поймутъ разбойника, то село у нихъ сроятъ, а ихъ расселятъ по

окрыжымъ селамъ. Мордва говорила, что просто запалить Ломаты съ четырехъ концевъ, и шабашъ. Все это сильно вооружило Татаръ противъ Шарюка; они его поймали, убили и похоронили подъ корнемъ дерева въ лѣсу.

(Записано въ Симбирскѣ).

ж) Разъ изъ Рыбинска на пробѣгѣ (*) шло бурлаковъ человекъ семьдесятъ, и съ ними офицеръ съ деньщикомъ сѣлъ. Вотъ плывутъ мимо Жегулей и остановились у берега. Офицеръ взялъ ружье: «Пойду», говоритъ, — «утокъ поищу!» Только сошелъ, вдругъ изъ-за кустовъ и выходятъ пятеро разбойниковъ. «Стой!» кричатъ. У бурлаковъ и душа въ пятки ушла отъ страха, а офицеръ и говорить: «Какъ стой! Да смѣете ли», говоритъ, — «вы это говорить? Вотъ я васъ!» Прицѣлился въ передняго изъ ружья, а тотъ тоже цѣлится. Офицеръ выпалилъ — тотъ и свалился; остальные — ну, бѣжать. Офицеръ-то кричитъ: «Вяжите его!» Бурлаки сбѣжали съ судна, смотрятъ, а онъ разбойнику мелкой дробью всю рожу изгадилъ и ружье-то у разбойника безъ замка (съ мѣшалкой пугать-то выходилъ). Не будь офицера, по рублю бы отдали ему, мошеннику; ну, а тутъ, какъ связали — въ Самару представили.

(Записано въ Симбирскѣ).

з) Ахѣнщиковъ (дѣдъ разкащика, П. С. Полуэктова) жилъ въ лѣсу, около Василья, лѣтъ около ста назадъ; сѣялъ пшеницу и этимъ кормился. Овецъ еще держалъ; и жила съ нимъ одна дочь, такая рослая да здоровая. Она до тридцати лѣтъ въ мужичьемъ платьѣ ходила. Время разбойничье было, кругомъ лѣса, по неволѣ за мужика и на работу шла и вездѣ. Въ тридцать лѣтъ она замужъ вышла и плакалась, что робенокъ къ вѣнцу ведутъ. Вотъ разъ вышелъ дѣдъ въ поле, а ходилъ онъ всегда безъ шапки. Всѣ его въ округѣ знали и прозвали Кóлышкóмъ; такъ Кóлышкóмъ и кликали. Попадаются встрѣчу разбойники. «Кто идетъ? Стой!». А дѣло

(*) Судно на одинъ рейсъ. Рублей за 10—12 покупался дощаникъ, и на немъ сплывали до какого-либо мѣста, а тамъ продавали, послѣ чего бурлаки дѣлили деньги поровну между собою.

утромъ было, на зарѣ. «Ахъ, да это ты, Колышекъ, намъ пѣрва встрѣча! Развѣ не знаешь, что первой встрѣчѣ, кто бы ни былъ, голову долой?» «Какъ, батюшка, не знать? Что же дѣлать-то, рубите! Вотъ она!» Ну, вотъ они возьмутъ (не разъ это съ нимъ было) долгій шестъ, смѣряютъ въ его ростъ, лишнюю-то вершинку отрубать и искрошати шестъ на мелки части, а его пустять. «Ну, ступай, да вдругорадь не попадайся, а то убьемъ!» А почему они его не били? Больно онъ добръ былъ и не корыстенъ. Бывало, придуть, овцу у него зарѣжутъ и уйдуть—онъ и не взыскиваетъ. Денегъ давали ему—не бралъ. «Нѣтъ, куды мнѣ? Не надо». Разъ и говорятъ разбойники: «Эй, Колышекъ, поди-ка—мы лодку на Сурѣ въ пескѣ оставили, съ мѣдными деньгами.. Поди возьми!» «Куды мнѣ, батюшка? Не надо!» Такъ и не взялъ, а послѣ цѣлую лодку водой вымыло, и кому-то вся казна досталась.

(П. С. Полуэктовъ).

ж. Костычевъ.

На правомъ берегу Волги, верстахъ въ семи отъ гор. Сенгилея, виднѣется покрытая липовымъ лѣсомъ Шиловская шишка. На этой горѣ, лѣтъ тому за восемьдесятъ или за сто, жилъ разбойникъ Костычевъ съ своею шайкой. Онъ слѣдилъ отсюда за появленіемъ въ этомъ плесѣ парусныхъ судовъ и нападалъ на нихъ съ луговой стороны, съ своею вооруженною шайкой, на лодкѣ, съ крикомъ: «С а р ы н ь, н а к и ч е у!» Бурлаки на суднѣ падали ницъ, а хозяинъ судна и водоливъ, или прикащикъ, подавали ему чалку. Онъ съ шайкой входилъ на судно, прибиралъ деньги; его и шайку угощали виномъ, и онъ отпускалъ судно въ путь. На караваны судовъ никогда не нападалъ. Грабилъ также проѣзжающихъ по Тушининской дорогѣ. Долгое время разбойничалъ Костычевъ, наконецъ былъ пойманъ сенгилеевскимъ городничимъ Касаторскимъ, у своей любовницы, въ Бектишинскомъ лѣсу (теперь его нѣтъ), у жены полѣсовщика. Городничій сдѣлалъ изъ крестьянъ сосѣднихъ съ городомъ деревень облаву на Костычева и подкупилъ его любовницу, которая и выдала его, сообщивъ городничему

о томъ, когда Костычевъ будетъ одинъ, безъ шайки, у нея почевать. Костычевъ, окруженный со всѣхъ сторонъ народомъ, и убивъ свою любовницу, долго не сдавался; но видя, что его шайка не является къ нему, сдался городничему съ тѣмъ, чтобы тотъ не вызалъ его и прежде всего далъ бы ему два стакана хорошаго вина. Касторскій самъ поднесъ въ окошко Костычеву вина; онъ его выпилъ и вышелъ изъ караулки къ городничему, оба сѣли въ тарантасъ и поѣхали въ городъ, а за ними—народъ съ дубьемъ. Весь Сентилей отъ мала до велика встрѣтилъ ихъ. Касторскій съ Костычевымъ слѣзли съ тарантаса и шли оба пьяные подъ руку вплоть до полиціи. Костычевъ былъ въ шелковой красной рубахѣ и бархатныхъ шароварахъ, въ сапогахъ съ напускомъ; на головѣ его была надѣта кучерская лѣтная шапка съ павлиньимъ перомъ, воткнутымъ въ серебряную бляху. Былъ онъ, по разказамъ, средняго роста, коренастый, русый, съ кариими глазами, чистымъ и круглымъ лицомъ, съ небольшою бородкой и густыми короткими усами. Улыбка была у него пріятная, ласковая, глаза веселые.

Грабилъ онъ только богатыхъ, а бѣдныхъ самъ награждалъ деньгами; часто вытаскивалъ мужикамъ на дорогѣ увязнувшихъ съ возами лошадей. И бѣдняки говорили, что они Костычева только знаютъ по наслышѣ, какъ добраго разбойника; а богачи увѣряли, что онъ похабникъ и страшный озорникъ, въ доказательство чего приводили примѣръ, что онъ велѣлъ разнагиваться дочери какого-то богатаго попа, зимой, встать на карачки; сѣлъ на нее верхомъ, какъ на лошадь, и будто ѣхалъ на ней до Щиловки. Пойманный Костычевъ въ Симбирскѣ былъ прогнанъ сквозь шпицрутены на смерть. Награбленные его богатства достались его роднымъ, которые жили въ Тушнѣ, и по наслѣдству перешли будто бы къ одному скупому купцу N—у. Между тѣмъ N—ъ подъ пьяную руку, при кутежѣ, самъ своей любимой прислугѣ разказываетъ, что онъ укралъ себѣ денегъ у одного купчика, когда еще былъ бурлакомъ, и ему было лѣтъ восемнадцать отъ роду. «Согнали», говоритъ,—«мы въ Рыбинскъ съ товарищами судно съ хлѣбомъ изъ Самары, купили въ Рыбинскѣ дощаникъ и поплыли внизъ. Прежде вѣдь пароходовъ не было. Къ намъ напросился въ попутчики одинъ молодой купчикъ, любитель выпить. Мы съ товарищами его подпоили, сами легонько выпили. Какъ онъ у насъ легонько заснулъ, мы его съ

дощаника то высадили на берегъ, на островъ, со всѣмъ багажемъ, а деньги то выгрузили у него; сѣли въ дощаникъ—вѣтеръ попутный, верховой—и пошелъ внизъ по матушкѣ по Волгѣ! Такъ и скрылись. Думали что будетъ розыскъ 'намъ, да Богъ миловалъ. На первый годъ купилъ я пшена и выгодно продалъ; на другой годъ завелъ посудинку для хлѣба, началъ съ того времени богатѣть да богатѣть. Нынче вотъ, слава те Господи, капитадецъ въ триста тысячъ имѣю, а торгую всегда на сто. Про Костычева капиталъ въ Сенгилей говорятъ напрасно, съ брѣху. Капиталъ я нажилъ горбомъ своимъ, опричь краденаго у купчика, и то мнѣ досталось на долю какихъ-нибудь рублей пятьсотъ».

(Сообщилъ М. И. Извозниковъ).

3. Серебряковъ.

Въ селѣ Порѣзкомъ (Симбирской губерніи) Серебряковъ-разбойникъ жилъ; у него шайка была. Разъ они управителя убили: ужъ очень онъ крестьянъ одолѣвалъ загономъ скотины и притѣснялъ всячески. Жилъ управитель на краю села, съ женой и дочерью. Вотъ какъ-то среди дня присылаютъ къ нему разбойники мужика и наказываютъ съ нимъ: «Жди, молъ, насъ, въ такую то ночь, въ гости». Управитель мужику пригрозилъ, а самъ на всякій случай строгій караулъ около дома поставилъ. Въ назначенный день, ночью (и лунная ночь-то была) восемь человѣкъ нагрянуло, кто съ чѣмъ: одинъ съ саблей, другой съ кинжаломъ; и кистени были. Управитель изъ окна завидѣлъ ихъ, кинулся за саблей, да въ торопяхъ, забылъ ее изъ ноженъ вынуть, и выбѣжалъ; а они у крыльца затоמוшили. Выдернулъ, зачалъ саблей махать—палецъ одному отсѣкъ. Ну, а тѣ не робѣютъ, въ двери лѣзутъ. Онъ опять въ комнаты кинулся. Тѣмъ временемъ одинъ разбойникъ юркнулъ въ сѣни слѣдомъ, за дверь и спрятался. Какъ только управитель вышелъ, онъ ему на плечи сзади и сѣлъ. Возня началась. Другіе подоспѣли, давай бить, выволокли на луговину (а ночь такая свѣтлая, что урони иголку, и ту видно). Народъ сбѣжался смотрѣть, а шагъ ступить боится. Караульныхъ и слѣдъ простылъ; а разбойники расправляются да кричатъ: «Не ворохобьтесь, с . . . . дѣти! Не ваше дѣло!» «Мы—люди подневольные», гово-

рать мужики, — «въ отвѣтъ будемъ». «Неужто же онъ вамъ не надобно управитель-то? Коли хотите—подавайте явки, а сюда ни шагу!»

Такъ на лугу и закололи, а на крыльцѣ все больше кистенями молотили. Вошли въ домъ зажгли бумаги какія были, хотѣли на огнѣ хозяйку пожарить, чтобы показала гдѣ деньги, только атаманъ не допустилъ, потому она на сносяхъ была. Ушли. Послѣ, слышно, ловить ихъ стали. Въ шайкѣ той атаманомъ Серебряковъ былъ. Его больше Безрукимъ звали, потому ручной кисти у него не хватало, и онъ кистень къ мослѣ ремнемъ прикручивалъ. На свѣгѣ у него станъ былъ. Въ то время (съ полсотни лѣтъ назадъ) по рѣкѣ вустья большіе росли, и говорятъ, будто двѣ женщины къ разбойникамъ пищу доставляли. Разъ на папихъ мужики ночевать легли подѣ телегами, только видятъ—двое верховыхъ ѣдутъ по полю къ нимъ. Одинъ сошелъ, оперся на саблю и говоритъ: «Вы зачѣмъ, с..... дѣти, нашихъ изловили?» Мужики имъ говорятъ, что они люди подневольные. «Смотрите», говоритъ, — «какъ начнемъ вотъ васъ косить, такъ узнаете!» А когда управителя рѣзали, такъ пожаромъ стращали, говорили, что въ одномъ мѣстѣ зажгутъ, въ десяти загорится (потому у нихъ фитили). Послѣ, сказываютъ, изловили Безрукаго. Ткачъ одинъ взялъ его. Спѣшились они на ножахъ биться. Безрукій ударилъ ткача, да угодилъ въ подолъ рубахи, а ткачъ оцарапалъ Безрукому бокъ. Взялъ атаманъ, бросилъ орудіе на землю и сдался. «Не въ томъ платѣ меня застали», говоритъ. Потомъ его бичевкой удавило на ешефѣтѣ начальство. Ткачъ-то, что его взялъ, зналъ: «Бей», говоритъ, — «меня!»

(Записано въ Симбирскѣ).

112.

П р о к л а д ы.

а. Портной одинъ на краю города, у рѣки Камы жилъ; вода подѣ самыя стѣны подходила. Были у него работники. Вотъ разъ

идеть онъ по базару и попадаетъ ему Чувашенинъ. «Слушай», говорить,—«у тебя, портной, въ домѣ кладъ есть». Тотъ смѣется. «Гдѣ это?» «Да въ хлѣвѣ, какъ войдешь такъ направо, въ углу, въ рѣкѣ.» «Врешь ты», говорить,—«все, старый хрычъ! Какой у меня кладъ?» «Нѣтъ, не вру. Отрой его—богатъ будешь!» «Ну», говорить,—«тебя! Вотъ выдумалъ!» И пошелъ домой. «Ну, коли не хочешь, какъ хочешь. Послѣ каяться будешь, станешь меня искать». И пропалъ изъ виду. Дома портной и раздумался: «А что не попытать? Дай, порою». Пошелъ искать этого Чувашенина; нашелъ. Тотъ согласился. «Только съ условіемъ», говорить,—«съ рабочими подѣлись; не подѣлишься—не дастся, и если въ мысль тебѣ придетъ не дѣлиться, кладъ уйдетъ когда копать будешь». «Хорошо». «Достань икону, три свѣчки и заступъ, а работника одного рыть заставь». Вотъ пришелъ портной домой, одного работника оставилъ на ночь дома. Праздникъ былъ, всѣ гулять ушли, онъ ему и говорить: «Останься, ты мнѣ понадобится; не ходи нынче гулять. Будемъ кладъ рыть». «Ладно». Пришелъ ночью Чувашенинъ, пошли въ хлѣвъ, икону поставили, свѣчи зажгли. Работникъ съ хозяиномъ роютъ яму въ углу, а Чувашенинъ молитвы читаетъ заговорныя, чтобы кладъ остано- вить. Только портной роетъ и думаетъ: «Что это я, неужто своимъ добромъ съ работникомъ буду дѣлиться? Чай на моемъ дворѣ-го, а не на его?» Какъ подумалъ про это, поднялся шумъ, икону за дверь выкинуло, свѣчки потухли, и загудѣлъ кладъ, въ землю пошелъ. Стало темно, и давай этого портнаго по землѣ возить; возить да возить (печистая сила). Чувашенинъ говорить работнику: «Кинься на него! Упади!» Тотъ упалъ на хозяина: ихъ двоихъ стало изъ угла въ уголъ таскать. На силу знѣхарь остановилъ заговорною молитвой. Кладъ ушелъ, а Чувашенинъ послѣ и говорить портному: «Вотъ не хотѣлъ подѣлиться, онъ и не дался тебѣ; а теперь въ этомъ домѣ тебѣ не житье: нечистая сила тебѣ въ немъ не дастъ — все разтащитъ». Портной видитъ, что плохо дѣло, взялъ да отъ рѣки и переселился выше, въ другое мѣсто и опять, какъ былъ бѣдный, такимъ же и остался. Не умѣлъ взять.

(Записано отъ Н. Г. Потанина,
въ Симбирскѣ).

б. Старикъ одинъ въ подпольѣ кладъ зарывалъ, а сноха и видѣла. Вотъ онъ зарываетъ и говоритъ: «Чьи руки зароятъ, тѣ руки и отроютъ». На другой день старикъ и померъ. Сноха стащила его мертваго въ подполь и давай его руками кладъ отрывать, да приговаривать: «Чьими руками зароется, тѣми и отроется! Чьими руками зароется, тѣми и отроется!» Ей кладъ то и дался.

в. Недалеко отъ Чердаклѣвъ (Самарск. губ., Ставропольск. у.) есть дубъ; подъ нимъ лежитъ кладъ. Вотъ разъ мужики пошли его рыть, ружье на всякій случай взяли. Пришли; видятъ—около дуба (съ полуночи) ходятъ черныя кошки кругомъ. Стали они смотрѣть, глазъ отвести не могутъ. Закружилась у нихъ голова, и попадали мужики наземь. Очнулись, хотѣли рыть, а кошки опять хороваются пошли, то влѣво, то вправо. Такъ и бросили: страшно стало. Говорятъ, что на этомъ дубѣ повѣсился тотъ, кто кладъ зарылъ.

(А. В. Чегодаевъ, въ Симбирскѣ).

г. Въ селѣ Новиковкѣ, по лѣсамъ, разбойники сильно прежде ш а л и л и. У мужиковъ, промышлявшихъ разбоемъ, не одно мертвое тѣло—случалось—на гумнѣ, въ соломѣ лежало. Бывало въ кабакѣ перекоряться начнутъ и припомнятъ другъ дружкѣ: «У тебя, вора, на гумнѣ-то что?» «Что?» «Поди з а в а л ь н ы я три валяютъ!» (а завальными мертвыя тѣла они звали, потому что въ солому заваливали). Вотъ одного такого разбойника поймали; повинился онъ, что людей грабилъ, багромъ телеги изъ-подъ яру въ воду ставилъ, убивалъ. Посадили его въ острогъ. Онъ, для того чтобъ у Бога замолить, чтобы выпустили его, написалъ къ любовницѣ письмо. Въ письмѣ пишетъ, что надо рыть подъ дубомъ; тамъ есть ходъ (лѣстница) и въ подвалѣ золото. «Часть этого золота», говорить,—«возьми и отдай на ризу Божьей Матери въ церковь». Письмо долго ходило по рукамъ, но клада не нашли.

д. Возлѣ села Красная Рѣка (Самарск. губ. Ставропольск. у.) есть кладъ, недалеко отъ лѣса, въ пещерѣ. Въ ней стоятъ лодки и кадушка съ деньгами. Дверь въ пещеру открывается на канунъ перваго дня

Пасхи. Тотъ можетъ добыть этотъ кладъ, кто помѣтено не выругается. Кладъ и до сихъ поръ не тронуть.

е. Одинъ дворовый человѣкъ (истопникомъ онъ у господъ былъ) нанялся въ Симбирскѣ Москвитиновъ садъ чистить, съ другими рабочими. Работали подъ горой, а ѣсть наверхъ ходили, къ амбарамъ; тамъ и изба была. Вотъ разъ онъ приходитъ; вдругъ изъ подъ амбара козленокъ къ нему и кинулся. Онъ его взялъ, да на плечо къ себѣ и положилъ; гладить, держать за заднія ноги и приговариваетъ: «Бяшка, бяшка!» А козленокъ-то ему въ отвѣтъ и передразниваетъ: «Бяшка, бяшка!» Работникъ испугался, схватилъ козленка за заднія ноги, да объ землю и ударилъ. Смотритъ—а козленокъ опять подъ амбаръ. Отъ страха работникъ тутъ же на мѣстѣ упалъ; хворалъ послѣ этого и вскорѣ умеръ. А это ему видно кладъ давался.

ж. Недалеко отъ Тагая (Симбирск. губ.) мужикъ разъ лошадь искалъ. Шелъ, шелъ, доходить до крутой горы. Видитъ: въ ней дверь; онъ вошелъ. Въ первой комнатѣ все лодки съ золотомъ; пошелъ дальше (а комнатъ много), въ послѣдней комнатѣ столъ накрытъ, а за нимъ сидитъ нѣмая дѣвица. На столѣ—вино и закуска. Вотъ онъ подошелъ, взялъ золотую чарку, налилъ вина и выпилъ; кубокъ—за пазуху и во всѣ мѣста золота изъ лодокъ насыпалъ. Выходитъ, а надъ дверями серебряныя наборныя уздечки висятъ. Онъ взялъ одну; какъ только вышелъ, попалъ на него конный народъ, въ родѣ казаковъ, избили его и отняли деньги. Уцѣлѣлъ одинъ кубокъ да нѣсколько золотыхъ. Принесъ онъ кубокъ къ тагайскому пону и разказалъ все. На кубкѣ былъ вензель Петровъ и на деньгахъ то же. Послѣ все это у судейскихъ пропало.

з. Въ Саратовской губерніи, въ Кузнецкомъ уѣздѣ, возлѣ с. Елюзани кладъ есть: въ озеро, на цѣпяхъ бочки съ золотомъ опущены. Тутъ прежде разбойники жили и оставили все награбленное добро въ озерѣ, а для того чтобы никто не узналъ, куда они дѣли золото, сносили его въ воду, по ключу; по немъ и отъ озера шли и къ озеру. Озеро почти все теперь иломъ занесло, и кладъ никому еще не дался.

и. На Волгѣ Воробѣва гора (?) есть; въ ней пещера Стенькина; а въ пещерѣ золота конца краю нѣтъ: все награбленное въ нее складывалъ. У входа въ пещеру старикъ сидитъ, подаетъ кружку соплей и говоритъ: «Выпей, тогда кладъ дастся!» Охотниковъ не выскивается.

і. Разъ человѣкъ десять пошли кладъ рыть, въ лѣсъ. Съ ними и связись одинъ шутникъ. Дорогой онъ поотсталъ, а тѣ впередъ цѣликомъ ипшеницей идутъ, тропу проложили. Онъ сзади шелъ, да колосья черезъ тропу-то и связалъ. Вотъ они пришли къ мѣсту, стали рыть, а онъ въ сторонѣ притаился да стонетъ. Тѣ и стали переговариваться: «Ты это?» «Нѣтъ». «Кто-то стонетъ будто...» Онъ какъ зареветъ — они и давай Богъ ноги! Побѣжали тропой то, какъ до з а в я з и добѣгутъ — грохъ объ землю! Задніе набѣгутъ, да черезъ переднихъ-то грохъ! Обезпамятѣли со страху: на силу домой пришли. А тотъ хохочетъ сидитъ. Уже послѣ они его, какъ узнали, ругали, ругали...

(Записано въ Симбирскѣ).

к. Симбирскій богачъ Твердышовъ, говорятъ старожилы, зашилъ собственноручно въ подушку всѣ свои бумажки и просилъ своего прикащика положить эту подушку въ гробъ ему, подъ голову. Послѣ смерти Твердышова, родственники умершаго засадили прикащика въ острогъ, за скрытіе денегъ. Къ прикащику во снѣ явился Святитель Николай Чудотворецъ и посовѣтовалъ ему объявить родственникамъ Твердышова, что деньги покойнымъ зашиты въ мертвую подушку и лежатъ съ нимъ въ гробу. Съ разрѣшенія губернатора, въ присутствіи начальства и кладбищенскаго священника, могила Твердышова была разрыта, открыта гробовая доска, но деньги взять было нельзя, потому что вокругъ головы мертвеца обвилась страшная змѣя и бросалась на всѣхъ, кто только близко подходилъ. Говорятъ, что священникъ будто бы проклялъ Твердышова, и онъ провалился въ бездонную пропасть.

л. Одинъ Татаринъ зарылъ кладъ навѣчно, съ такимъ приговоромъ, у себя на дворѣ: «Какъ стрѣла высокъ улетитъ, такъ пусть кладъ въ землю уйдетъ!» Такъ словно это его на этомъ мѣстѣ по головѣ ударилъ: онъ часъ безъ памяти лежалъ, а его согнуло въ турій рогъ съ того времени.

м. Одинъ богатый братъ, желая разъ ночью подсмѣяться надъ своимъ бѣднымъ братомъ, башмачникомъ, подвѣля на улицѣ дохлую собаку и бросилъ ему въ окно, да сказалъ: «На те, проклятый! Одолѣлъ ты меня, попрошайка!» А вышло, что дохлая-то собака въ избѣ бѣдняка разсыпалась золотомъ. Бѣдный братъ проснулся отъ звона; слышалъ братнину ругань, всталъ и, увидавъ груды золота, поблагодарилъ брата за помощь. Съ того времени онъ разбогатѣлъ, а богатый братъ обѣднѣлъ, промотался весь.

н. Двѣ хлѣбницы рыли по нѣслуху, недалеко отъ Конной слободы ¹⁾, на валу. Когда эти хлѣбницы ужъ вырыли кинжалъ и пистолетъ, вдругъ услышали, что по горѣ, отъ храма Іоанна Предтечи пошелъ сильный гулъ. Было это около полудня, лѣтомъ. Взглянули они по направленію гула и увидали тройку лихихъ коней, которая скакала во весь духъ съ горы и быстро, съ трескомъ и шумомъ выѣхала изъ Конной слободы на большую московскую дорогу. Тройкой правилъ красивый кучеръ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ черную бархатную безрукавку, въ бархатныхъ штанахъ, въ поярковой шляпѣ съ красными лентами. Съ нимъ рядомъ на козлахъ сидѣлъ красавецъ-казачекъ, а въ самой колясѣ — важный баринъ. Выѣхала тройка на дорогу, остановилась; баринъ слѣзъ съ коляски, казачекъ спрыгнулъ съ козелъ и пошелъ вдоль дороги въ присядку плясать; баринъ заложилъ руки назадъ, склонилъ голову и пошелъ впереди лошадей, а кучеръ шагомъ поѣхалъ за нимъ. Казачекъ такъ лихо, такъ чудно плясалъ, что хлѣбницы на него засмотрѣлись, да еще думали въ это время и о томъ, какъ бы о себѣ не дать барину подозрѣнія къ тому, что онъ роютъ деньги, и чтобъ онъ изъ любопытства ихъ не спросилъ. Лишь тройка поровнялась съ ними, они увидали, что изъ рѣки Свіаги вылѣзъ страшнаго роста солдатъ, подошелъ къ казачку, схватилъ его на руки и понесъ въ омутъ, подъ водяную мельницу. Баринъ слѣлъ на лошадей; кучеръ ударилъ по всѣмъ по тремъ возжамъ, гаркнулъ на нихъ и съ посвистомъ молодецкимъ тройка полетѣла вдоль дороги столбовой, только пыль взвилась за нею столбомъ!

¹⁾ Въ г. Симбирскѣ.

Солдаты дошелъ съ казачкомъ до омута, бросился туда и пропалъ. Это видѣніе такъ испугало кладонскательницъ, что онѣ перестали рыть кладъ и почувствовали, что сердца у нихъ замираютъ, руки и ноги дрожатъ; онѣ отправились домой, однако яму завалили снова и разсудили такъ, что это имъ кладъ давался, да не сумѣли они его взять, подойти къ нему съ молитвой и дотронуться.

Послѣ этого нашли они одного начѣтчика-чернобнижника, который по черной книгѣ имъ прочиталъ, чтобъ онѣ отправились этотъ кладъ рыть на Пасху, между заутреней и обѣдней, и взяли съ собой по яичку, и кто бы съ ними на валу ни встрѣтился, тотчасъ же похристосовались. Онѣ испекли себѣ по три яичка, окрасили ихъ и положили въ подоткнутые передники, чтобъ имъ скорѣе можно было похристосоваться. Пришли на валъ, начали рыть кладъ, и спустя короткое время, заступомъ стали задѣвать за чугунную доску. И пошелъ отъ Баратаевки гулъ, зыкъ, ревъ такой, что земля подъ нимъ задрожала!.. Услыхали они страшный крикъ, и видать—по валу идетъ къ нимъ медвѣдь не медвѣдь, человекъ не человекъ, а сами не могутъ понять что за чудовище. По одежѣ будто солдаты! Глазищи—какъ плоски; такъ и прядаютъ, какъ свѣчи; ротъ до ушей, носъ кривой, какъ чекъушка, ручищи—что твои грабли; рыло все на сторону скошено... Идетъ это чудовище, кривляется на разные манеры и реветъ такъ, что земля стонетъ и гудитъ. Вотъ онѣ встали рядомъ, оперлись на заступы, припасли яички и думаютъ: «Только подойдетъ этотъ кладъ, мы ту же секунду съ нимъ и похристосуемся». Чудовище медленно подошло, да какъ топнетъ, да рывкнетъ: «Вотъ я васъ, шкуры барабанныя! Такъ тутъ-то вы ребяташекъ зарывате!» Поднялъ надъ ними престрашный кулачище; онѣ испугались, бросились отъ него бѣжать что есть духу, а чудовище все топало да кричало: «Вотъ я васъ, шкуры эдакія!» Бѣжали онѣ до паперти храма Іоанна Предтечи; тутъ безъ памяти и упали. Ихъ добрые люди отпрыскали водой и привели въ чувство, думая, что съ усердными христианами случился обморокъ въ храмѣ. Когда тѣ опомнились, пришли домой, чернобнижникъ сказалъ имъ, что онѣ ужъ больше не найдутъ этого клада, что онъ ушелъ въ землю, и что узналъ онъ объ этомъ по гулу, который раздавался по большой дорогѣ.

(Эти четыре разказа записаны и сообщены М. И. Извозниковымъ).

113.

Мельникъ-знахарь.

Въ селѣ Новиковѣ мельникъ жилъ, Петромъ Васильичемъ звали. Такой дока былъ, страсть! Былъ онъ отданъ господами въ ученье къ одному барину, а баринъ въ Жегулевскихъ горахъ жилъ, на Волгѣ. Не русскіе у него все тамъ были мастера; у нихъ Петръ всѣ дѣла и перенялъ. Послѣ, какъ пять лѣтъ проучился, сталъ онъ у своего барина дѣла дѣлать: четыре водяныя мельницы держалъ, подрядную рожь на нихъ молоть; когда подряда нѣтъ, мирщину молоть. Баринъ любилъ мельника и напрасно не обижалъ, и на прикащиковъ-идоловъ не мѣнялъ. И Петръ Васильичъ ихъ не любилъ: бывало, если не въ духѣ, такъ на мельницу къ нему прикащикъ и не ходи. Разъ желѣзнымъ ломомъ чуть одного не убилъ, да увернулся. Лѣтъ съ десятокъ онъ мельницами завѣдывалъ, потомъ и померъ. Мало такихъ мастеровъ было. Лучше его муки во всей округѣ не было. А почему такъ? У него было четыре моргулютки, да въ Жегуляхъ спрыгъ-траву досталъ. Досталъ онъ себѣ въ работники моргулютокъ потому, что безъ нихъ ни одну мельницу не удержишь, да и времена были барскія, страшныя, а мельницъ-то четыре.

Разъ одинъ прикащикъ взялъ да и нажаловался барину, что онъ мошенничаетъ, муку продаетъ; а баринъ-то самъ пріѣхалъ не могъ и приказалъ прикащику распорядиться на счетъ мельника. Онъ, плутскій сынъ, пріѣхалъ въ село, взялъ дворовыхъ, вошелъ къ Петру-то Васильичу въ домъ и заковалъ его въ желѣзы. «Это за что?» спрашиваетъ мельникъ... «Развѣ я душегубъ?» «Баринъ», говоритъ,—«приказалъ въ солдаты тебя везти, а желѣзы для того, чтобы ты не убѣжалъ.» «Такъ нешто ты думаешь они меня удержатъ, коли я не захочу? Они у тебя», говоритъ,—«пересохли!» Какъ махнетъ ногами-то, они и улетѣли вверхъ. «Вотъ тебѣ», говоритъ,—«и желѣзы! Для тебя они желѣзы, а для меня тлѣны. А хочешь, если по дружески, такъ не куй меня и вези. Я не сбѣгу. Прямо некованого вези, а то ты меня и не увидишь, коли закуешь». Прикащикъ-то и смѣякъ. Мужики пришли къ Петру Васильичу прощаться. Сидитъ Петруха веселый. «Слышали мы», го-

ворать мужики, — «про твое несчастье». «Нѣтъ», говоритъ, — «братцы, у меня несчастья». «Въ городъ, слышно, тебя въ солдаты везутъ?» «Нѣтъ», говоритъ, — «не въ солдаты, а городского калача поѣсть да водки городской попить; потомъ я опять здѣсь буду у барина мельницы дѣлать и вамъ работёшки дамъ». Мужики молчатъ, да на него глядятъ. Полна изба народу. «Идолъ-то вотъ», говоритъ, — «не велѣлъ меня изъ избы выпускать: боится, что сбѣгу, да я своихъ меньшихъ братьевъ пошлю!» «Ступайте» говоритъ, — «эй, вы! Столените лёжень со свай-то! Тамъ не сладать: онъ крѣпко положенъ на шипы-то» . . . Мужики смотрятъ, диву даются съ кѣмъ это онъ. А Петруха опять: «Ну, ребята, идите, пособи́те идолу-то спустить нижнія-то мельницы! Верхнюю-то перекувыркнуло, да какъ ловко! Пущай трудно было: земля то больно мѣрзла, а другую то завтра; третью когда я на половинѣ дороги буду, а четвертую какъ въ городъ приѣду». Мужики постояли, потомъ простились и по домамъ пошли. «Не прощайтесь: свидимся скоро!» говоритъ. Идутъ; а прикащикъ на встрѣчу верхомъ ѣдетъ. «Братцы», говоритъ, — «помогите! У меня верхнюю мельницу прорвало . . . Опустимъ вершники у низовыхъ-то! Поскорѣй!» Подошли къ мельницѣ—ее совсѣмъ переверотило. На зарѣ, какъ мельника увезли, другую прорвало, къ обѣду—третью, а на третій день—четвертую. Прикащикъ х л ѣ б а л и ш и л с я. «Погибъ!» говоритъ. Какъ двѣ-то сломало, къ барину послалъ. Баринъ когда приѣхалъ, ни одной мельницы ужъ не было. Горячій былъ баринъ. «Гдѣ Петрай?» «Его», ему докладываютъ, — «въ солдаты увезли». Онъ какъ ногами затопаетъ . . . «Кто распорядился?» Да на прикащика-то съ кулаками, а не ударилъ, потому тотъ тоже изъ благородныхъ. Такъ онъ кулаки-то всѣ объ столъ оббилъ. «Живо тройку!» И поѣхалъ въ городъ за Петромъ, мельникомъ. Приходитъ на его фатеру. «Что ты», говоритъ, — «Петрай, меня покинуть хочешь?» «Нѣтъ, баринъ, это видно вы хотите, а я нѣтъ. Ужъ видно Божья воля на то! Ужъ видно царю надо послужить; вамъ довольно послужилъ». «Нѣтъ, Петрай, поѣдемъ со мной». «Нѣтъ ужъ, баринъ, я по вашему желанью, видно здѣсь останусь. Трудно въ лодчѣнкѣ, баринъ, отчаливать отъ берегу: страшна середина; а когда переѣдешь рѣку, то все равно: земля-то что тамъ, что здѣсь, и трава то такъ же растеть». «Будетъ ломаться, Петрай, поѣдемъ!» «Нѣтъ, баринъ, оттолкнулся

въ лодкѣ, безъ веселъ, такъ водой унесетъ, не догонишь. Иду охотой служить! Простимся!» Баринъ и такъ и сякъ; не ѣдетъ. На хитрости баринъ пустился: подговорилъ молодецъ съ нимъ гулять, денегъ на это далъ. Они его наполни да и опохмѣляли все время покуда пріѣмъ-то шла, а какъ кончилась, баринъ и говоритъ: «Будетъ, поѣмъ городскаго-то вина! Поѣдемъ работать!» «Нѣтъ, баринъ, я въ солдаты иду!» «А коли», говоритъ, — «гордыбачить будешь, такъ я тебя въ полицію выпоротъ велю!» Ну, онъ розогъ-то испугался и поѣхалъ. Въ одинъ мѣсяцъ Петръ Васильчъ ему три мельницы справилъ, а одна до весны осталась. Спрыгъ-трава ему да моргулютки помогали.

Досталъ онъ спрыгъ траву въ Жегулевскихъ горахъ, на самой на вершинѣ. Тамъ озера есть, и въ этихъ озѣрахъ нѣтъ ни одного червячка, и отъ вѣтра озѣра никогда не колышутся. Вода въ нихъ словно стекло, и сквозь нее все видно, что есть на днѣ. Только такое озеро не скоро найдешь; иные его ищутъ по мѣсяцу, да не находятъ. Спрыгъ трава тамъ и растетъ. Цвѣтетъ спрыгъ трава на Ивана Купала, въ полночь. Въ эту ночь все дно озера видно: жемчугъ, словно жаръ горитъ, индо въ небѣ отъ него зарево стоитъ. Серебро, золото и каралы на днѣ—все есть. Каралы и черные и красные, и всѣ вѣчужены. Идти за спрыгъ травой, надо молитву особую знать, а то въ клочки разорвутъ; и идти надо не оглядываясь, а то отъ черныхъ не сдобровать. Доставать спрыгъ-траву больно мудрено, и при этомъ страхъ большой. Разказывалъ Петръ Васильчъ про себя, какъ доставалъ, такъ: «На канунъ Купалина дня, вымылся я», говоритъ, — «въ банѣ, какъ можно чище, надѣлъ чистую рубаху и штаны, и ничего не ѣлъ, а молился Богу. Заснули всѣ въ деревнѣ, я и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ озеро. Пришелъ туда раньше полуночи, всталъ и стою, дожидаясь, слушаю что будетъ. Вотъ слышу шумъ по лѣсу страшный, какіе-то звѣри дерутся; въ другомъ мѣстѣ стучъ, чего-то дѣлаютъ, потомъ словно земля вся начинаетъ кончаться. Стою я дрожкой дрожу, а самъ все молитву творю. Волосы дыбомъ у меня, и я ни живъ, ни мертвъ. Вотъ слышу страшный шумъ и трескъ по лѣсу; потомъ вдругъ набѣжалъ вихоръ страшный и все освѣтилось. Пришла полночь, папоротникъ расцвѣлъ. Я схватилъ нѣсколько цвѣтовъ съ правой стороны,

завернулъ ихъ въ бѣленькій платочекъ, повернулся на правую сторону и пошелъ. Откуда ни возьмись два жандарма, на меня саблями такъ и машутъ. «Брось», кричатъ,—«а то голову долой!» И за руки хотятъ схватить, а не хватаютъ. А траву-то я завернулъ, да—подъ правую мышку. Долго они приставали, приказывали бросить и пропали. Потомъ начальники явились, съ свѣтлыми шапками, съ саблями тоже, и начали опять приставать: «Брось», говорятъ,—«а то голову долой сейчасъ несемъ!» Долго стращали, послѣ тоже бросили. А я все иду. Вижу вдругъ около меня война началась; такая пошла, что рѣзня бѣда! Изъ пушекъ такъ и палатъ, раненые валятся и кричатъ мнѣ: «Изъ-за тебя проливаемъ кровь! Брось!» Потомъ и это пропало. Вижу—зажгли нашу деревню. Горитъ она передо мной, и вотъ вижу свой домъ, какъ онъ горитъ, и семья моя горитъ тамъ, а черные-то все кричатъ: «Не пускай! Не пускай его-то родню! Пускай горятъ тамъ! Онъ не бросать!» И вотъ запылала передо мной вся деревня. Вѣтеръ такъ и воетъ, бревна подкидываетъ еверху и уноситъ далеко, а я иду среди самаго пожара. Всѣ мнѣ кричатъ и умоляютъ бросить эту траву. «Мы», говоритъ,—«черезъ нее погибаемъ!» Вдругъ около меня проваливается земля, и я остаюсь на одной кочкѣ, а то все водой заливаютъ. Какъ шагнешь, такъ и въ водѣ, а остановиться нельзя, не то какъ разъ разорвутъ. Буря на водѣ страшная: волны эти такъ и хлещутъ выше избы, а потомъ свѣгъ пошелъ съ бурей, кочка качается... Вдругъ пропало все, и появилась высокая каменная стѣна, и въ ней воткнуты копыя, прямо передъ глазами, того гляди выколютъ. Потомъ и это пропало; показалось, будто солнце падаетъ на землю, и земля горитъ страшнымъ пламенемъ; народъ тоже горитъ и стонетъ, кричитъ и проситъ бросить прыгъ-траву. «А то», говоритъ,—«измаялись наши душеньки». Наконецъ все сгорѣло, ничего не видать, только одно пламя, да я на кочкѣ стою и все иду. Огонь этотъ всего дольше продолжался; потомъ явилась цѣлая толпа монаховъ, встала передо мной, и проситъ кинуть цѣтокъ папоротника; такъ вотъ и увѣщаютъ не губить свою душу въ такомъ грѣхѣ. Какъ только я дошелъ до своихъ воротъ и взялся за скобу, все пропало, а какъ вошелъ на дворъ, такъ опять ко мнѣ пристали. «Не отстанемъ», говорятъ,—«если не бросишь!» Представили мнѣ адъ, гдѣ мучаются

грѣшники, и гдѣ я себѣ мѣсто приготовилъ. Ужасъ какъ тамъ маются, а мнѣ всѣхъ хуже. Они и говорятъ: «Если бросишь, то вотъ тебѣ мѣсто въ рай и такая хорошая жизнь, что сказать нельзя». Смотрю я: лѣсъ зеленый, птички на разные голоса поютъ, заслушаешься. Я было ужъ бросить хотѣлъ, да пѣтухи спѣли, они и провалились. Очутился я въ избѣ весь вымоченный: роса въ ту ночь была сильная, а я за кусты задѣвалъ, шелъ».

Съ разрывъ-травой больно хорошо ходить: въ ночь и полночь ничего не случится, вездѣ ходи. Идетъ, бывало, Петръ Васильичъ на мельницу, а ключи у прикащиковъ; подойдетъ съ этой травой: и замокъ самъ отпирается. Моргулютокъ-то этихъ спрыгъ-трава служить заставляетъ хорошо. Если что сломать на мельницѣ надо, они сейчасъ ломаютъ. Мельникъ этотъ и лѣкаремъ былъ: бѣсовъ выгонялъ, и бралъ за это мало. Верстъ за триста привозили къ нему. Когда къ нему бѣсноватаго, бывало, везли, такъ бѣсъ-то за пятнадцать верстъ чуялъ Петра Васильича и кричалъ, «Зачѣмъ вы меня везете къ этому подлецу?» Ругательски его ругалъ; а какъ, бывало, выйдетъ Петръ Васильичъ, онъ и присмирѣетъ, и Петръ-то Васильичъ нахмурится, да такой сердитый сдѣлается—бѣда. Возьметъ его за руку и скажетъ: «Смирно! Тихо! Пойдемъ ко мнѣ въ гости: у меня есть твои товарищи». Введетъ бѣсноватаго къ себѣ въ избу, положитъ на конникъ, и лежитъ бѣсноватый у него нѣсколько сутокъ, глядя по болѣзни. Петръ Васильичъ въ это время не пилъ и не ѣлъ, все сердитый ходилъ. Начнетъ бѣса изъ больного выгонять, а тотъ кричитъ: «Куда я пойду?» А онъ сказывать куда идти, гдѣ поселиться и что сдѣлать. Мѣста, куда онъ чернаго посылаетъ, больному не извѣстны: въ другую совсѣмъ сторону. Въ это время Петръ Васильичъ всѣхъ изъ избы выгонялъ. Когда бѣсъ выходилъ, больной потѣлъ, а Петръ Васильичъ его еще теплѣе одѣвалъ, пока бѣсъ изъ него не выйдетъ. Послѣ того больной долго спалъ. Когда просыпался, Петръ Васильичъ ему чаю пить давалъ, потомъ ѣсть. Послѣ этого больному становилось легче; онъ нѣкоторое время оставался у Петра Васильича, а потомъ уѣзжалъ домой. Бралъ Петръ Васильичъ всегда половину того, что ему давали, а много никогда не бралъ. При прощаньи наказывалъ беречь себя, не ходить раздѣвши и безъ молитвы не выходить за ворота, быть

осторожнымъ въ пищѣ, не показаннаго не ѣсть. «А ежели ты не убережешься и опять захворашь, такъ опять приѣзжай, только не той дорогой, какъ въ первый разъ, а другой». Домой тоже долженъ больной ѣхать другой дорогой, а не той, которой приѣхалъ, не то бѣсъ можетъ воротиться и опять вселиться въ него. Какъ больнаго, бывало, проводить, послѣ того дн и четыре пьянствуетъ.

Вѣкъ свой Петръ Васильичъ не спокойно прожилъ: съ моргулютками тяжело ладить. Они знали свое дѣло и сильно его донимали, особливо пьянаго, да когда съ бабенками захороводится. Они ему и спать не давали. Давай да давай имъ работы! Въ самую полночь всего сильнѣе донимали, будили его и приставали всячески. Посылалъ онъ ихъ песокъ считать, пеньки въ лѣсахъ (самое трудное для бѣса: иной пенекъ вѣдь съ молитвой рубленъ; дойдемъ до него бѣсъ и со счету собьется, опять начнетъ считать), воду въ морѣ перемѣривать или вѣтряную мельницу строить (у ней вѣдь крылья на крестъ). Станутъ у мельницы вершину власть—у нихъ все и разлетится. «Хорошо», говаривалъ Петръ Васильичъ,—«съ моргулютками жить, только надо быть хитрымъ и шустрымъ, а то какъ разъ головы не снесешь». Долго бы онъ еще прожилъ, кабы не вѣдьма Матрѣшка: сгубила его бѣднягу ни за что, безъ соли съѣла, плутская дочь, да и самой Богъ передъ-то не далъ: въ Сибирь пошла. Солдатка она была и такая красавица, что страсть, а Петръ Васильичъ и приволокнись за ней. Она поддалась, да у пьянаго-то и унесла спрыгъ-траву. Тутъ его моргулютки и донимали. Черезъ четыре года Петръ Васильичъ весь высохъ, какъ лучина сталъ. Такъ и померъ бѣдняга: больно ужъ они ему по ночамъ спать не давали.

(Сообщено Исаемъ Дементьевичемъ Ивановымъ,
с. Новиковка, Сам. губ., Ставро. у.)

114.

О Петрѣ Первомъ.

а. Какъ только время свободное ему отъ черной работы, такъ онъ все по кабакамъ ходилъ да у мастеровъ вывѣдывалъ о ихъ

мастерствѣ: все научиться хотѣлось всему. Приходитъ разъ въ кабакъ и встрѣтилъ тамъ оборваннаго пьянчужку; взялъ водки, а его не подчуять. «Ты, видно, ничего не умѣешь?» спрашиваетъ. «Что больно обтрепанъ?» «Нѣтъ», говорить, — «умѣю вотъ такое-то ремесло». «А какъ вотъ эту вещь дѣлать?» «Такъ вотъ», говорить. «Врешь!» «Нѣтъ, ты врешь!» Поднялся споръ, и пьянчуга доказалъ Петру, что онъ вретъ. Петръ остался этимъ очень доволенъ, потому что о мастерствѣ все, что надо, разузналъ; и наполнилъ мастерового въ лоскъ.

б. Былъ Петръ Великій, занимался разными издѣльями и ѣздилъ въ лѣсъ съ борзой собакой звѣрьѣ ловить; и пристигла его тѣмная ночь. Онъ ночнымъ временемъ и далѣ, и дальше, да и запутался. Напалъ на него лютый медвѣдь и растерзалъ его охотную собаку. И такъ было Петру Великому охотную свою собаку жаль, что легче бы самъ жизни рѣшился. «Ахъ, остался я ни при чемъ!» И скружился въ темномъ лѣсѣ: ночь, и двѣ, и три ночеваль.

И въ то же время новобранный солдатикъ, прослужа недолго время, изъ полку убѣжалъ и на Петра Великаго напалъ. Смотритъ Петръ Великій на форму солдатскую и видитъ по формѣ какого полка. «Ахъ», думаетъ, — «солдатъ-то мой». Солдатъ идетъ пѣшкомъ, Петръ Великій ѣдетъ на конѣ да и кричитъ: «А подь-ка, землячокъ, сюды!» Землячокъ подошелъ, и говоритъ Петръ Великій: «Здравствуй, землякъ!» «Здравствуй!» «Ты чей, откуда?» «А что тебѣ за надобность?» «Ты не бѣжалъ ли? Я вѣдь тоже бродяга». Солдатикъ признался, что бѣжавшій. Остановился Петръ, покалякалъ съ нимъ. «Кто у васъ ротный? Кто полковникомъ?» Солдатъ сказалъ это. Петръ вынулъ бумажку съ карандашемъ, это все записалъ и сталъ спрашивать. «Съ какого ты году?» «Съ такого-то». «Отчего ты бѣжалъ?» «Да вина-то небольшая: потерялъ всего только одну пуговицу, да замучилъ меня полковникъ мѣлой и каженъ день бьетъ. Оттого я и бѣжалъ». «Ну, а какъ, землякъ, у васъ въ полку пѣщая? Говядины по сколько варятъ?» «А такъ варятъ, только славу дѣлаютъ».

Петръ Великій назвался землякомъ, Петрушей. Его солдатъ и спрашиваетъ: «А у васъ въ полку какъ?» «У насъ варятъ по фунту на каждаго солдата». «Нѣтъ у насъ этого, Петруша, нѣтъ ничего».

«А варятъ ли крутую кашу?» «Варятъ да никогда, а такую только варятъ, что крупинка за крупинкой, и на ложку не поймаешь». «Пойдемъ, землячокъ, куды нибудь...» Долго ли мало ли ѣхали, вечеръ ихъ пристигать. Они подъѣхали къ величающему дубу, и говоритъ Петръ Великій: «А вотъ, землякъ, похрани моего то коня, а я влѣзу на дубъ погляжу нѣтъ ли гдѣ огонька». Петръ Великій полѣзъ на дубъ, а солдатъ смотритъ: у него у сѣдла чумоданчикъ; открылъ его, посмотрѣлъ: графинчикъ тамъ водочки. Вотъ солдатикъ вынулъ да изъ горлышка-то и потягалъ, и похваливать себя: «Ахъ да водочка какая хороша!» А Петръ Великій разсмотрѣлъ: въ незнакомой сторонѣ свѣтится огонекъ. Онъ слѣзъ съ дубу, подходитъ къ своему коню, открылъ чумоданчикъ, вынулъ графинчикъ да и смотритъ. «Ахъ, землячокъ, знать ты чумоданчикъ открывалъ и водочки выпивалъ?» «Виновать, землякъ, потянулъ». «На-ка, потяни еще!» А воръ солдатъ да и гораздо потянулъ. Петръ Великій сѣлъ на своего коня и поѣхалъ прямо въ ту сторону, гдѣ видѣется огонекъ. Онъ сѣлъ и поѣхалъ, а солдатъ за нимъ въ приприжку, хмѣльный. Подъѣхали къ огоньку—преогромнѣющій дворъ; но покаместъ ѣхали, ужъ это время разсвѣтало. Приѣхали ко двору, что на дворъ ворваться никакъ не возможно. Вотъ они думали, думали какъ бы влѣзть. Солдатикъ вздумалъ да и говоритъ: «Слѣзъ-ка ты съ коня». Петръ Великій слѣзъ съ коня, солдатъ вскочилъ на коня и перепрыгнулъ черезъ ворота и отперъ ихъ. Въѣхали они на дворъ и смотрятъ: гдѣ лежитъ рука человѣческа, гдѣ голова... Петръ Великій немножечко обрѣлъ. «Ахъ, землячокъ, да не ладно! Кабы намъ здѣсь живымъ быть? Должно быть здѣсь нехорошіе люди». «Ну-ка, я еще потяну». Онъ водочки еще потянулъ, вошелъ къ сѣнной двери, въ комнату—и навѣшаны пристрашныя орудія: разныя сабли, разныя ружья, и въ ефтой горницѣ—одна старая старуха. Вотъ солдатикъ, какъ выпивши, смѣлый, съ грубостью на нее закричалъ: «А, старая вѣдьма! Да-ка намъ поѣсть!» Старуха видитъ, что онъ шибко на нее поступаетъ, сейчасъ собрала имъ поѣсть; кое-чего собрала и на столъ подала. «Водки дай!» Старуха по стакану водки подала. Солдатикъ приурѣзалъ, а Петръ Великій испугался: стаканъ въ руки не беретъ и водочку не пьетъ. «А что же ты, землякъ, не пьешь? Что обрѣлъ?

Двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать! Я на то вѣдь ужъ пошелъ. Выпьемъ! Живы въ руки еще не дадимся... Баушка! Живо! Дай намъ овса!» Та амбаръ отперла и овса насыпала. Они продолжали время близъ до вечера. Солдатики, что было у ней въ печкѣ жарено и варено, все поѣли и спрашивать: «А дѣжь, баушка, намъ отдохнуть?» Показала старуха на сушила, «Тамъ и спите», говорить.

Вдругъ брякъ, стукъ, и скачутъ съ колоколами, съ побрякушками, и гайкаютъ, свищутъ—ѣдутъ разбойники. Старуха въ бѣгла, ворота отперла, на дворъ ихъ пустила. Они лошадей выпрягли, корму задали и восходятъ въ домъ. «Ну-ка давай, хозяйка, поѣсть!» «Да нечего». «Что такое?» «Да у меня два есть солдата—они все поѣли; чуть и меня то не прибили». Атаманъ и говорить: «Дѣ же они?» «А вотъ на сушилахъ». «Ну, ладно. Пущай лежать до время». Старуха избу затопила, ужинъ заварила, и потомъ, какъ поужинали, легли все спать. Ложившись спать и говорятъ: «Надо ихъ, солдатъ-то, убрать». «Поспѣмъ еще. Пущай лежать!» Какъ завечерѣло, вечеромъ Петръ Великій и говорить: «Какъ же землякъ?» «Ну, что же?» «Давай кониться, кому до полуночи спать ложиться, кому караулить, а то насъ они похитятъ». «Ну, давай!» Стали кониться; досталось Петрушѣ караулить. Вотъ Петруша немножечко посидѣлъ, в дремалъ да и повалился, легъ спать; а солдатъ не спитъ, на ногахъ стоитъ и самъ себѣ и говорить.—«Эка сонъ у ля! А еще караулить взялся!» Разбойникъ самъ ночнымъ бытомъ всталъ. «Ну-ка, ребята, идите двое! Угломоните ихъ тамъ!» Одинъ изъ разбойниковъ и говорить: «А чего двоимъ-то дѣлать? Я одинъ, еще мнѣ и то мало двоихъ-то». Надѣлъ орудіе и побѣжалъ. Влѣзъ на лѣстницу—Петръ Великій спитъ, а солдатъ во все глазыньки глядитъ. Только какъ разбойникъ голову показалъ, солдатъ размахнулся шашкой, да и голову долой. Снесъ съ него голову; атаманъ ждать пождать: разбойника нѣтъ. Послалъ другаго. Онъ и другаго-то такъ; а Петруша крѣпко спитъ. Солдатъ работаетъ: какъ который ни покажетъ голову, съ кажняго долой. И всехъ до одного порубилъ. Атаманъ думаетъ: «Иуды ребята дѣлись? Идти-ка самому!» Подошелъ къ лѣсенкѣ—ихъ куча лежитъ. «А, такъ вонъ какъ!» Взбѣ-

жалъ на лѣстницу, какъ голову показаль—и съ этого голова слетѣла. Кончились всѣ. Ну, и стало свѣтать.

Петръ Великій спитъ, ничего не чувствуетъ. Легъ на часокъ и всю ночь проспалъ. Солдатъ на свѣту будить Петра. «Что это ты, землякъ, за сонуля? Отверой-ка мнѣ чемоданъ-то, да-ка я водочки потяну: измучился!..» Петръ Великій всталъ, водочки ему подаль и посмотрѣлъ съ лѣстницы на низъ. Индо испугался. «Кто это, землякъ, набилъ?» «А, сонуля! Ты словно изъ дворянъ: всеё ночь проспалъ, ничего не видалъ!» Съ сушійловъ слѣзли: вбѣжали къ старухѣ въ горницу, и говорятъ солдатъ, поднимъ на нее саблю вѣстру: «Старая вѣдьма! Айда, показывай намъ, гдѣ у васъ деньги лежать!» Старуха испужалась, подвалы отпирала; злата-серебра тамъ множество. Петръ Великій сказалъ солдату «Ну-ка, землякъ, насыпай себѣ казны!» Вотъ землякъ зачалъ насыпать и золото и серебро, и говорить: «А ты что же, Петруша, ненасыпашъ?» «Мнѣ, землякъ, не надъ». Взялъ немного, а солдатъ кругомъ себя деньгами обсыпалъ. Петръ и спросилъ у старухи: «А дѣже вотъ въ такое-то мѣсто дорога?» Она вывела ихъ на дорогу. «Вотъ здѣсь», говоритъ. Солдатъ вышелъ на дорогу и снесъ со старухи голову. Поѣхали по дорогѣ. Ъхали долго ли, мало ли, выѣхали на свой трахтъ, къ городу. Видитъ Петръ Великій что близко. «Ну, землякъ, топерь прощай! Приходи ко мнѣ въ гости». «А дѣ же мнѣ тебя найдти? Вѣдь меня тамъ поймають». «Иди, никто не тронетъ. Спроси только, гдѣ Петруша живетъ—всякій доведетъ». И полетѣлъ Петръ Великій. Солдатъ остался. Петръ Великій въѣхалъ въ свой городъ; нѣсколько тутъ было заставъ, караульныхъ солдатъ. Вотъ онъ приказалъ, чтобы каждаго солдата таковому солдату прохожему честь отдавалъ, какъ ему. Бѣжавшій солдатикъ пошелъ; подходитъ къ первой заставѣ, караульные его встрѣчаютъ, честь, воздають какъ царю. Онъ жертвуетъ имъ горсть золота и думаетъ себѣ: «Вонъ что, паршивый, сдѣлалъ! Какъ честь-то мнѣ воздають! Знають, что у меня деньги есть» .. И пошелъ дальше. Покамѣстъ до царскаго дворца шелъ, которы деньги были, всѣ рѣздалъ. Подходить къ дворцу и спрашивать сторожевъ: «Дѣ бы мнѣ найти Петрушу?» (Ну, а Петръ Первый всѣмъ ужъ рассказалъ). Всѣ сторожа во дворецъ его принимали, Петру Великому доложили Петръ. Великій надѣлъ на себя

царскую одежду и вышелъ на крыльцо. Солдатъ подошелъ ко крыльцу, видитъ что царь; немножечко все знать какъ честь отдать—честь отдалъ. Царь сталъ его спрашивать, «Чей ты, откуда?» Солдатъ думаетъ: «Ахъ, да вотъ дѣ попалъ! Вотъ такъ», говорить,—«Петруша! Куды меня довелъ!» Видитъ дѣло плохо: Петръ Великій его допрашивать. Солдатъ сознался (нечего дѣлать-то): «Бѣжавшій я», говорить. Петръ Великій со страхомъ сказалъ: «Взять его на три сутки на обвѣхту, а послѣ трехъ сутокъ отправить его въ Сибирь на поселенье, на вѣчно!» Солдатъ идетъ и головкой только поматывать. Посадили его; солдатъ говоритъ себѣ: «Ахъ да, Петруша! Чего теперь дѣлать?» Просидѣлъ трой сутки на обвѣхтѣ. Петръ Великій надѣлъ на себя ту одежду, въ которой съ нимъ былъ, и приходитъ «Здравствуй, землякъ!» «Здравствуй, братъ Петруша! Хорошо ты дѣлаешь? Тебѣ бы не быть живому, да и мнѣ тоже. Чай знаешь, сколько я изъ-за тебя душъ погубилъ? До чего меня ты довелъ?» «А что?» «Да вотъ я на обвѣхтѣ сижу; только фунтъ хлѣба да фунтъ воды мнѣ, да еще мало того: навѣчно въ Сибирь, въ каторгу». «Кто это сказалъ?» «Петръ Великій самъ сказалъ мнѣ». «Погоди, землякъ, я схожу къ нему и попрошу, не отправятъ ли тебя въ старый полкъ». «Эхъ да, братъ любезный, постарайся ипомни и мою добродѣтель». Петръ Великій тѣмъ же часомъ отправился куды ему слѣдуетъ, приказалъ караульнымъ съ обвѣхты его взять и привести опять во дворецъ. Повели его къ царю и прямо на крыльцо. Петръ Великій вышелъ, взялъ его за руку и повелъ въ свое зало, посадилъ въ стулъ, самъ въ другую перегородочку пошелъ, царскую одѣжу скинулъ и надѣлъ охотничью, и вышелъ. «Здравствуй, землякъ!» У того и языкъ не ворочается; сидитъ самъ не свой: испугался больно. Промолвилъ тихохонько такъ: «Здравствуй, землякъ!» «Не робѣ, землякъ! Останешься безъ послѣдствій. Что тебѣ царь сказалъ?» «Ничего не сказалъ». «Вотъ я его переспрошу пойду». Певернулся въ другія двери, надѣлъ царскую одѣжду, подошелъ къ солдату. «Здравствуй, землякъ!» «Здравій желаю»... «Ну, а что, ты Петрушу узнаешь ли?» «Да кабы пришелъ, когда бы не узналъ». «А что онъ на меня не помѣхиваетъ ли?» «Есть немножко».

Тутъ Петръ Великій по головкѣ его погладилъ, да и сказалъ:

«Благодарю тебя, землякъ, что ты спасъ меня!» Написалъ свое рѣшное ему письмо и отправилъ его въ свой полкъ, на казенный счетъ, заступить на то мѣсто полковникомъ, а того полковника—на его мѣсто, рядовымъ.

(Абрамъ Новопольцевъ).

115.

Про Пугача.

Въ Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда, въ селѣ Старомъ Урайкинѣ побывалъ Пугачъ и съ помѣщиками обращался круто: кого повѣсить, котораго заборомъ придавить (приподыметъ заборъ, голову помѣщицью сунетъ подъ него, да и опуститъ заборъ на шею). Была въ Урайкинѣ помѣщица Петрова, до крестьянъ очень добрая (весь доходъ съ имѣнья съ ними дѣлила); когда Пугачъ появился, крестьяне пожалѣли ее, одѣли барыню въ крестьянское платье и таскали съ собой на работы, чтобы загорѣла и узнать ее нельзя было, а то бы и ей казни не миновать отъ Пугача.

(О. Старое Урайкино).

116.

О фармазонахъ.

а) Около Василѣ (давно это было) двое фармазоновъ въ лодкѣ плавали,—такъ, бывало, что дѣлаютъ! Возьмутъ, вынутъ со дна камень, кинутъ на берегъ, онъ въ голаго мужика оборотится; кинутъ другой, тотъ—въ бабу, и давай другъ съ дружкой плясать. Одному и понравилось это. «Поучите!» говорить. «Изволь! Поди къ намъ!» Стали его учить; онъ понимать началъ. Только вотъ одинъ и говорить ему: «Поймай лягушку!» Онъ поймалъ и стало эту лягушку раздувать, больше да больше, съ быка. «Полѣ-

вай ей въ ротъ!» Онъ и испугался. «Нѣтъ», говорить,—«не полѣзу!» «Полѣзай, а то пропадешь!» «Нѣтъ, не полѣзу!» Бросили они его безъ памяти; кое-какъ дѣ до дому добрался, а они все норовятъ въ воду его затащить. Повезли молодца за двѣнадцать верстъ къ знахарю лѣчить; цѣлый день ѣхали, умаялись: ровно тягу какую везли. А его, гдѣ только на дорогѣ ручей, болотце ли, о н и и тащатъ. Приѣхали къ знахарю. Среди двора у него лужа; о н и въ лужу норовятъ тащить. Ну, тутъ знахарь наступилъ ему на полу и говорить: «Бросьте! Здѣсь не ваше царство, а мое!» Они и бросили.

(П. С. Полуэктовъ).

б) Въ Симбирскѣ Ивашевъ фармазонъ былъ. У него черная книга была, черная магія. Вотъ разъ лакей его и увидалъ ее на столѣ. Барина не было (забылъ запереть); лакей взялъ и раскрылъ ее. Только раскрылъ, вдругъ слышитъ: музыка играетъ полковая. Подбѣжалъ къ окну — никого нѣтъ. Раскрылъ въ другомъ мѣстѣ: вдругъ на него большущая черная собака кинулась; онъ испугался да бѣжу. Баринъ вернулся и сильно его побранилъ.

(Онъ же).

117.

Какъ церковь ушла.

Старые люди сказываютъ, что изъ Василія Сурскаго церковь ушла за Волгу, съ попомъ и семью прихожанами, и стала тамъ въ урѣмѣ, въ такомъ мѣстѣ, которое каждый годъ водой заливаютъ Рѣдкимъ удавалось ее видѣть, а звонъ слышали. Разъ одинъ мѣщанинъ (жена у него была, дѣти) переплылъ за Волгу и забрался въ болота, незнакомыя, глухія мѣста. Глядь — церковь стоитъ! «Что», думаетъ, — «за чудо? Не слышно, чтобы тутъ церковь была, и зачѣмъ она въ такой глуши и болотѣ?» Подошелъ; вышелъ попъ и люди съ нимъ. Приглашаютъ его здѣсь остаться. Онъ и не прочь бы: понравилось, да свалилъ на жену. «Коли», говорить, отпустить, приду». Пошелъ домой, а дорогой, на де-

ревняхъ зарубки рубилъ. Пришелъ и разказываетъ женѣ. «Что жъ ты», говоритъ, — «не пошелъ? Мы бы какъ-нибудь обошлись, а тебѣ можетъ денегъ бы дали за это. Ступай!» Онъ пошелъ. Искалъ, искалъ, плуталъ, плуталъ, такъ и не нашелъ, ровно и церкви никакой не было на томъ мѣстѣ. Какъ въ той церкви хоть одинъ изъ семерыхъ умираетъ, другой на его мѣсто сейчасъ.

(Онъ же).

118.

Бой казачки съ богатыремъ.

Проявился разъ въ Москвѣ богатырь; никто на бою съ нимъ сладить не могъ; только одна казачка въ лавочкѣ, на торгу сидѣла (сердце у ней разгорѣлось) и говоритъ: «Я съ нимъ драться пойду!» Стали ее уговаривать: «Куда тебѣ?» То, другое, нѣтъ — пойду да пойду. Говоритъ казачка богатырю: «Хочешь со мной дѣла раз у биться?» «Пожалуй», говоритъ. Богатырь выпилъ въ кабаѣ 18 шкаликовъ, а казачка—всего 7. Вышли. Закладъ былъ положенъ за богатыря двѣсти рублей, а казачка сама за себя положила: за нее никто не клалъ. Стали конатъ ся кому первому бить. Выпало бить богатырю-бойцу. Вотъ онъ развернулся да какъ ударить — казачка посинѣла индо вся и упала; потомъ опаматовалась, пошла выпила 18 шкаликовъ, сняла съ себя всю одѣжу. Осталась только въ одной рубашкѣ, въ коротенькихъ рукавчикахъ и говоритъ: «Ну, теперь стой! Я ударю». Тотъ говоритъ: «Да я тебя съ ногъ сшибъ, чего же биться-то?» «Еслибъ», говоритъ, — «ты меня убилъ, тогда такъ, а я еще жива». Ну, присудили съизнова имъ стать. Вотъ казачка развернулась, да какъ ударить въ самый хрипъ (спина) московскаго богатыря — такъ индо сердце на кулакѣ такъ и вынесла! «Вотъ какъ», говоритъ, — «по нашему-то бьютъ!» Богатырь и не дрогнулъ. Всѣ диву дались откуда у казачки сила такая; а у ней мужъ былъ. «Не стану», говоритъ, — «я съ такой жить. Какая ты баба? Ты меня убьешь, пожалуй!» Казачка и говоритъ: «Нѣтъ, я противъ тебя,

моего закона, ничего не сдѣлаю, все отъ тебя перенесу». И зажили опять, а то было мужъ бросить ее хотѣлъ.

(Симбирскъ).

119.

Ковыль-трава.

Одинъ мужикъ торговца убилъ, въ степи, подъ ракитой. Никого свидѣтелей не было. Тотъ передъ смертью и говорить: «Ковыль-трава, засвидѣтельствуй хоть ты меня!» Вотъ прошло много лѣтъ; идетъ разъ мужикъ съ женой своей по степи, поравнялся съ ракитой да и разсмѣялся. «Что ты», спрашиваетъ жена, — «смѣешься?» «Да такъ». Стала приставать: скажи да скажи. Онъ и разказалъ, что на этомъ мѣстѣ торговца убилъ, и какъ тотъ ковыль-траву въ свидѣтели призывалъ. Прошло еще сколько-то лѣтъ. Жили они богато, только жена гулять стала; а онъ ее сталъ бить да бранить. Вотъ разъ жена разсердилась да и говоритъ: «Ты что это? Али и меня, какъ тогда торговца убилъ, убить хочешь?» Пошла да и показала на него въ судъ и разказала про ковыль-траву.

(Полувѣтовъ).

120.

Про охотника.

Одинъ стрѣлецъ ходилъ съ ружьемъ и много настрѣливалъ, а другой мужикъ изъ того же села ходить, ходить, а приносить самую малость. Вотъ онъ встрѣтилъ перваго стрѣльца и спрашиваетъ: «Что это ты всегда съ дичью, а я нѣтъ? Научи меня!» «Изволь», говоритъ, — «штука простая: когда причащаться будешь, такъ не глотай его, а принеси домой за щекой». Тотъ пошелъ къ причастью и принесть. «Ну, теперь что?» «А вотъ», говоритъ, — «что!» Взялъ буравъ, просверлилъ дыру, положилъ въ нее кусочекъ причастья и сказалъ: «Возьми ружье и выстрѣли въ это мѣсто!»

Стрѣлецъ взялъ ружье, приложился; только что хотѣлъ выпалить и видитъ: стоитъ передъ нимъ сама Мать Пресвятая Богородица и говоритъ: «Сынъ мой, что ты дѣлаешь? Неужли же ты въ меня стрѣлять будешь?» У того и руки и ноги затряслись, и ружье изъ рукъ выпало. Пошелъ онъ послѣ того въ монастырь грѣхъ свой замаливать.

(Симбирскъ).

121.

Про Никитушку Ломова.

На Волгѣ, въ тридцатыхъ годахъ, ходилъ снлать-бурлакъ, Никитушка Ломовъ; родился онъ въ Пензенской губерніи. Хозяева судовъ дорожили его страшной силой: работалъ онъ за четверыхъ и получалъ паёкъ тоже за четверыхъ. Про силу его на Волгѣ рассказываютъ чудеса; памятенъ онъ и на Каспійскомъ морѣ. Плылъ онъ разъ по этому морю и ночью выпало ему быть вахтеннымъ на хозяйскомъ суднѣ. Кругомъ пошаливали Т р у х м е н ц ы и частенько грабили Русскихъ: надо было держать ухо востро. Товарищи уснули; ходитъ Ломовъ по палубѣ и посматриваетъ; вдругъ видитъ лодку съ Трухменцами, человекъ съ двадцать. Онъ подпустилъ ихъ вплотъ; Трухменцы полѣзли изъ лодки на бортъ, а Ломовъ тѣмъ временемъ, не будя товарищей, распорядился по своему: взялъ шесть, въ руку толщиной, и ждетъ. Какъ только показалось съ десятокъ трухменскихъ головъ, онъ размахнулся вдоль борта и смель ихъ въ воду. Другіе полѣзли—то же. Тѣ, что въ лодкѣ остались, пошли на утѣкъ, но и ихъ Ломовъ въ покоѣ не оставилъ: взялъ небольшой запасной якорь съ кормы да въ лодку и кинулъ. Якорь былъ пудовъ пятнадцать; лодка съ Трухменцами потонула. Утромъ на суднѣ проснулись, онъ имъ все и рассказаль. «Что же ты насъ не разбудилъ?» «Да чего»,—говоритъ, будить-то? Я самъ съ ними управился».

Въ другой разъ взѣхалъ онъ гдѣ-то на постоянный дворъ, а послѣ него обозчики нагрянули. Ему пора выѣзжать съ двора, а тѣ возовъ передъ воротами наставили — ходу нѣтъ. «Пустите,

братцы», говоритъ Ломовъ;—«я раньше васъ пріѣхалъ, мнѣ пора. Впрягите лошадей и отодвиньте воза!» «Станемъ мы», говорятъ возчики,—«для тебя лошадей впрягать! Подождешь!» Никитушка Ломовъ видитъ, что словами ничего не подѣлаешь; подошелъ къ воротамъ, взялъ подворотню и давай ей возы раскидывать во всѣ стороны. Раскидалъ и выѣхалъ.

Съ однимъ купцомъ на Волгѣ онъ хорошую штуку сыгралъ. Идетъ какъ-то берегомъ, подходитъ къ городу (уѣздному). Стоитъ городъ на высокой горѣ, а внизу пристань. Вотъ идетъ онъ и видитъ: мужики около чего-то возятся. «Чего вы, братцы, дѣлаете?» «Да вотъ такой-то купецъ нанялъ насъ якорь вытащить». «За много ли нанялись?» «Да всего за три рубля». «Дайте-ка, я вамъ помогу!» Подошелъ, раза три качнулъ (а якорь не меньше какъ въ двадцать пять пудовъ) и выворотилъ якорь съ землей вмѣстѣ. Мужики подивились такой силѣ. Бѣжить съ горы купецъ, началъ на Ломова и на мужиковъ кричать. «Ты зачѣмъ», говоритъ,—«имъ помогалъ? Я тебя радилъ?» Вынулъ вмѣсто трехъ рублей одинъ рубль и отдалъ мужикамъ. Тѣ чуть не плачутъ. «Будетъ», говоритъ,—«съ васъ!» Самъ ушелъ домой. Ломовъ и говоритъ: «Не печальтесь! Я съ нимъ сыграю штуку; только послѣ какъ деньги получите водки мнѣ штофъ поставьте». Взялъ якорь на плечо и поперъ его въ гору. На встрѣчу баба съ ведрами попалась (дѣло было къ вечеру), увидала она Ломова, думала, что самъ нечистый идетъ, вскрикнула и упала за мертво. Ломовъ взомелъ на гору, подошелъ къ купцову дому и повѣсилъ якорь на ворота. Вернулся къ мужикамъ и говоритъ: «Ну, братцы, теперь онъ и тремя рублями не отдѣлается; снимать-то вы же будете! Смотрите, дешево не берите!» Мужики его поблагодарили и послѣ большія деньги взяли съ купца.

На Волгѣ, бывало, Ломовъ шутки съ бурлаками шутилъ. «Ну, братцы, кто меня перегонитъ? Идетъ на полштофъ?» «Идетъ». «Я побѣгу бечевою, подъ каждую руку по девятипудовому кулю возьму, а вы бѣгите порожніе!» Ударятся бѣжать и всегда Ломовъ выигрывалъ.

(Симбирскъ).

122.

Пряничная гора.

За Волгой, недалеко отъ границы Симбирской и Самарской губерній, возлѣ слободы Часовни тянутся небольшія горы и въ одномъ мѣстѣ перерываются овражкомъ. Въ старыя годы, сказывають, на этомъ мѣстѣ Пряничная гора была. Шелъ одинъ великанъ и захотѣлъ ее скусить; взялъ въ ротъ (а у него зубъ-то со щербинкой былъ), откусилъ, а щербинкой-то борозду и провелъ; такъ она и по сіе время осталась.

(Тамъ же).

123.

Волга и Кама.

Кама съ Волгой спорила: не хотѣла въ нее течь. Сначала хотѣла ея воду отбить; до половины рѣки отбила, а дальше не смогла. Поднялась Кама на хитрости; уговорила ее съ коршуномъ: «Ты, коршунъ, крикни, когда я на той сторонѣ буду, чтобы я слышала; а я подъ Волгу подроюсь и выйду въ другомъ мѣстѣ». «Ладно». Вотъ Кама и начала рыться подъ Волгу. Рылась, рылась, а тѣмъ временемъ коршуна беркутъ запримѣтилъ и погнался за нимъ. Тотъ испугался и закричалъ, какъ разъ надъ серединой Волги. Кама думала, что ужъ она на томъ берегу, выскочила изъ-подъ земли и прямо въ Волгу попала.

(Тамъ же).

124.

Марина-Русалка.

Лѣтъ со сто тому назадъ, въ Симбирскѣ, жилъ подъ горой, у Спаса, Иванъ Курчавый, съ отцемъ и съ матерью. Церковь Спаса старинная была и вся расписана по стѣнамъ разными житіями.

На одномъ образѣ написана была царица-красавица: румяная да такая полная, и ѣдетъ она на лебедахъ; одной рукой править, а въ другой держать ключи. Иванъ Курчавый часто говаривалъ въ хороводѣ: «Мнѣ невѣсту нужно эдаку, какъ писана царица на лебедахъ». А онъ былъ красавецъ, писанный глазокъ! Голова вся была курчава, а эти волосы, какъ кольца золотыя вились. Бѣлый, румяный, полный, кровь съ молокомъ; одно слово молодецъ! А ужъ бандуристъ былъ какой—заслушаешься! Плясовую заиграетъ—не удержишься! Весь, бывало, хороводъ распотѣшитъ. А бывало дѣвушки да молодыя вдовушки сберутся весной въ хороводъ въ бѣлыхъ кисейныхъ рукавахъ да въ стан дуплевыхъ или штофныхъ сарафанахъ, какъ лаздревъ и маковъ цвѣтъ, любо посмотрѣть!

Недалеко отъ Курчаваго жила молодая вдова Марина. Годъ, почитай, она жила съ мужемъ и, поговаривали, извела его. Суровая была, а красивая: сдобная, чернобровая, черноглазая; лице, что твой фарфоръ, а румянецъ во всю щеку такъ и игралъ, и игралъ; взглядъ былъ пронзительный. Она въ хороводъ не ходила, а рѣдко, въ праздникъ, послѣ обѣда, выдетъ за ворота, сядетъ на заваленку, да издали на хороводъ и любитъ, да все и смотреть, и смотреть на Ивана Курчаваго, и те перича если замѣтитъ, что котора дѣвушка ему приглянется, такъ вся и покраснѣетъ, до ушей разгорится, а глазами такъ на него взмахнетъ—кажись готова съѣсть. Такой-то у ней былъ взглядъ: насквозь человека пронзить. Иванъ Курчавый, бывало, даже поблѣднѣетъ. Диковинное дѣло, какіе глаза бываютъ! Отъ инаго глазу захворать даже можно. У меня баушка хорошо отъ глазу лѣчила: почерпнетъ съ молитвой ковшичекъ чистой воды, положить туда изъ горнушки холодныхъ углей, прочитатъ раза три «Богородицу», да нечаянно и sprysnetъ водой, чтобы у тебя отъ испугу мурашки по тѣлу-то забѣгали—ну, и легче отъ этого. И глазъ глазу рознь бываетъ: отъ сильнаго глаза холодные угли, какъ горячіе, шипятъ. У насъ была золовка Овдѣтъя, такъ та теленка сглазила: на другой же день околѣла. И глазищи у ней были сѣры, ехидны эдакіе. Ну, вотъ видишь ли ты, должно быть, Марина этого Ивана Курчаваго любила и ревновала ко всякой дѣвкѣ и бабѣ, а говорятъ, лютущій былъ Курчавый до бабъ, и поговаривали, что онъ къ ней, Маринѣ, по

ночамъ похаживаетъ и съ ней любитъся. Это отцу съ матерью стало извѣстно, и задумали они сына женить, и нашли они ему невѣсту хорошаго роду и племени, и богатыхъ родителейъ, дѣвицу красивую, степенную. Только что узнала Марина—и начала колдовать, и чего только не дѣлала, по разсказамъ, такъ индо ушеньки вянутъ. Вынимала она у невѣсты и слѣдъ, и на кладбищѣ его хоронила, и на соль-то наговаривала съ причитаніемъ: «боли у раба Божія Ивана сердце обо мнѣ такъ жарко отъ печали, какъ соль эта будетъ горѣть въ печи», раскалилъ печку до красна, да туда набѣгашь и бросить горсть этой соли; а то, слышь, сниметъ съ себя и ошнѣ рубашку, обмакнетъ въ пиво или вино, выжметъ, да помоями-то этими и напоить его. Это все не дѣйствовало. Она взяла да изъ восковой свѣчи вынула свѣтильню, отрѣзала ленту коленкору и написала на коленкорѣ: «Гори сердце у раба Божія Ивана обо мнѣ, какъ эта свѣча горитъ передъ тобою, Пресвятая Богородица!» Да эту свѣчку-то у Спаса запрестольной Божьей Матери и поставила. Такъ эдакимъ родомъ она Ивана Курчаваго къ себѣ приворожила, что сталъ онъ Марину во снѣ видѣть и только ей грезить. Ну, родителямъ не хотѣлось ее въ невѣстки себѣ взять; боялись Марины, али хотѣли взять за него дѣвицу. Вѣрно что дѣвицу, потому ее всякій мужъ по своему характеру можетъ передѣлать, а вдову не перевернешь, все равно, что упряму лошадь; а у Марины знали, что у ней характеръ крутой былъ, и она старше была лѣтами Ивана Курчаваго и что что красавица—все-таки вдова, а не дѣвка. Поди ты, что эта Марина съ Иваномъ Курчавымъ надѣлала! Бѣды! На другой день рукобитья пріѣхалъ онъ домой отъ невѣсты, отпрѣгъ лошадь, поставилъ въ конюшню и вошелъ къ себѣ въ избу. Отецъ съ матерью посмотрѣли на своего Ивана и съ дѣву дались: блѣдный, помученный весь, а глазами такъ страшно ворочаетъ, словно что потерялъ да ищетъ. Спросили его: «Что съ тобой, Ванюшка?» А онъ какъ бросится съ хохотомъ изъ избы въ сѣни за дверь и давай руками-то все шарить. Ужъ шарилъ, шарилъ, побѣждалъ въ конюшню тоже за дверь, и тамъ давай шарить. Отецъ съ матерью перепугались: видятъ—дѣло худо, ихъ Иванъ сбѣсилъ; а онъ съ конюшни бросился на сѣноваль. Они тамъ его и заперли, вскричали сосѣдей, чтобъ имъ помогли его связать, кабы онъ чего съ собой и съ ними не подѣ-

Сказки и пред. Сам. края.

25

языка, вся блѣдная и простоволосая, а груди на себѣ руками такъ и теребитъ, рубашку въ лоскутки изорветъ... Билась, билась, да въ день свадьбы Ивана Курчаваго въ Волгу и бросилась. Какъ сумасшедшая выбѣжала на берегъ нагишомъ, косы распущены—и поплыла на середину, да тамъ на дно и опустилась. Искали и неводомъ и снастями—не могли найти. Послѣ пошли слухи, что Марина оборотилась русалкой, да по вечерамъ и выходитъ на берегъ. Сидеть на о гр ѹ до к ѣ, или на конецъ плотъ и все моетъ голову, да расчесываетъ свои косы, а сама смотреть на избу, гдѣ живетъ Иванъ Курчавый съ молодой женой; потомъ вдругъ застонетъ да заохаетъ жалобно, прежалобно и бросится въ воду со всего маху. Многіе ее видѣли, даже слышали какъ она горько плачетъ и поетъ заунывно, тихо—индо за сердце беретъ:

Ахъ ты, Ванюшка,
Ты мой батюшка!
Ты меня разлюбилъ,
Ты меня погубилъ!
Ненаглядный ты мой!
Дорогой ты мой!

Стали про Марину-Русалку поговаривать въ городѣ. И Иванъ Курчавый слышалъ, что Марина отъ любви къ нему утопилась въ Волгѣ, стала русалкой и живетъ въ страшномъ омутѣ, гдѣ и въ бурю и въ тихую погоду вода какъ въ котлѣ кипитъ, бѣлый валъ ходитъ. Ну, будто бы Марина-Русалка съ какимъ-то сѣдымъ старикомъ въ этомъ валу и появляются и лодки опрокидываютъ. Рыбаки поговаривали, что видѣли иногда Марину-Русалку на пескахъ, противъ Симбирска. Плыветъ кажется лебедь, тихо; выйдетъ на песокъ, взмахнетъ, да ударить крыльями и превратится въ красавицу бабу и развалится на песокъ, какъ мертвая. Вечеркомъ многихъ пугала.

А Ивану Курчавому что-то не жилось съ молодой женой, хоть и красавица была; да видно душѣ не мила: началъ все тосковать и повадился, въ полночь, одинъ одинешекъ на буд а р е ѣ ѣздить къ омуту, съ гусями, да играть разны пѣсенки. Самъ то заплачетъ, то засвищетъ, то какъ лѣшій захохочетъ, то затынетъ за-

унывную пѣсню, да такимъ зычнымъ голосомъ, что она по всей Волгѣ такъ и разольется:

Изсушила меня молодца
Зла тоска жестокая!
Совершила меня молодца
Моя милая, сердѣшная,
Моя милая, что задумевная!
Ты возьми, возьми, моя милая,
Меня въ Волгу матушку глубокую,
Обойми меня рукою бѣлою,
Прижми къ груди ты близѣхонько,
Поцѣлуй меня милѣхонько!...

Ну, слышь, Марина-Русалка вынырнетъ изъ воды, бросится въ лодку къ Ивану Курчавому и давай съ нимъ миловаться да обниматься и хохотать, да такъ страшно! Ъздилъ, ѡздилъ Иванъ Курчавый въ полночь на омутъ, да такъ и слѣдъ его простылъ: ни его, ни бандуры не нашли, только весла, да лодка уберега. Осталась его молодая жена; стала по мужѣ плакать да тосковать и разъ, слышь, онъ ночью къ ней приходилъ и сказалъ: «Не тужи обо мнѣ, женушка! Мнѣ съ Мариной жить на днѣ Волги матушки весело: меня полюбилъ Водяной Волнобѣтъ; угощать меня разными яствами и питіями, и живетъ онъ во дворцѣ изумрудномъ и все просить ему играть на бандурѣ. Заиграю—онъ распляшется, со всѣми женами русалками, а какъ перестану—остановится. Обѣщался наградить меня на этомъ свѣтѣ: отпустить виѣстѣ съ Мариною, моей полюбовницей. Никому только ты объ этомъ ни—ни, не сказывай!» Послѣ этого видѣнія вдова Ивана Курчаваго вдругъ сдѣлалась при смерти больна, да роднымъ и рассказала, что она своего мужа ночью видѣла. Какъ рассказала, у ней языкъ отнялся и тутъ же духъ вонъ.

(Записано со словъ симбирской мѣщани Екатерины Григорьевны Извощиковой и сообщено М. И. Извощиковымъ).

ЦѢНА 2 р. 50 к.

Складъ изданія въ помѣщеніи Императорскаго Русскаго Геогра-
фическаго Общества: С.-Петербургъ, у Чернышева моста, домъ
6-й гимназіи.

ГН 51

Е 3